

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

Археология евразийских степей

№ 2 2021



АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
№ 2 2021

Главный редактор:

чл.-корр. АН РТ, доктор исторических наук *А.Г. Ситдиков*

Редакционный совет:

Г. Атанасов, д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **А. Авербух**, д-р, (Париж, Франция); **Х.А. Афонсо Марреро**, проф. (Гранада, Испания); **Б.В. Базаров**, д.и.н., проф., академик РАН (Улан-Удэ); **Н. Бороффка**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Н.Б. Виноградов**, д.и.н., проф. (Челябинск); **А.Р. Канторович**, д.и.н., проф., (Москва); **В. Кожокару**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Н.Н. Крадин**, член-корр. РАН, д.и.н. (Владивосток); **В.В. Напольских**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Казань); **А. Самзун**, д-р (Париж Франция); **В. Франсуа**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Р.Р. Хайрутдинов**, к.и.н. (Казань); **Е.Н. Черных**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **М.В. Шуньков**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Ю. Янхунен**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Ответственные редакторы номера:

канд. ист. наук *С.В. Кузьминых*, канд. ист. наук *А.А. Чижевский*

Редакционная коллегия номера:

Васкул И.О., к.и.н. (Сыктывкар); **Дегтярева А.Д.**, к.и.н. (Тюмень); **Кирюшин Ю.Ф.**, д.и.н. (Барнаул); **Ковтун И.В.**, д.и.н. (Кемерово); **Корякова Л.Н.**, д.и.н. (Екатеринбург); **Кузьминых С.В.**, к.и.н. (Москва); **Моргунова Н.Л.**, д.и.н. (Оренбург); **Очир-Горяева М.А.**, д.и.н. (Берлин, Германия); **Смирнов Н.Ю.**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **Усачук А.Н.**, к.и.н. (Донецк); **Черных Е.М.**, к.и.н. (Ижевск); **Чижевский А.А.**, к.и.н. (Казань).

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77– 79080
от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором

Адрес редакции:

420012, г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Адрес издателя, учредителя:

420111, г. Казань, ул. Баумана, 20

Телефон: (843)236-55-42

E-mail: archeostepps@gmail.com

https://www.evrazstep.ru

Индекс ПП754, электронный каталог печатных
изданий «Почта России»

Выход 6 раз в год

Учредитель: Академия наук Республики Татарстан

© Академия наук Республики Татарстан, 2021

© Журнал «Археология Евразийских степей», 2021

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

ARKHEOLOGIIA EVRAZIISKIKH STEPPEI
ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES
No 2 2021

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **Airat G. Sitdikov**

Executive editors:

Georgy Atanasov, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **José Andrés Afonso Marrero**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Aline Averbouh**, Dr. (Paris, France); **Boris V. Bazarov** Doctor of Historical Sciences, Prof., Academic of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude); **Nikolaus Boroffka**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Evgenii N. Chernykh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Victor Cojocar**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **Véronique François**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Juha Janhunen**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland); **Anatolii R. Kantorovich**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Nikolay N. Kradin** Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok); **Ramil R. Khayrutdinov**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Vladimir V. Napolskikh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Kazan); **Anaick Samzun** Dr. (Paris, France); **Michael V. Shunkov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Nikolay B. Vinogradov**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk).

Executive Editors:

Candidate of Historical Sciences **Kuzminykh Sergei V.**,
Candidate of Historical Sciences **Chizhevsky Andrei A.**

Editorial board:

Vaskul Igor.O., Candidate of Historical Sciences, (Syktyvkar); **Degtyareva Anna D.**, Candidate of Historical Sciences (Tyumen); **Kiryushin Yuri F.** Doctor of Historical Sciences (Novosibirsk); **Kovtun Igor V.** Doctor of Historical Sciences (Kemerevo); **Koryakova Ludmila N.**, Doctor of Historical Sciences (Yekaterinburg); **Kuzminykh Sergei V.**, Candidate of Historical Sciences, (Moscow); **Morgunova Nina L.**, Doctor of Historical Sciences (Orenburg); **Ochir-Goryaeva Maria A.**, Doctor of Historical Sciences, (Berlin, Germany); **Smirnov Nikolai Yu.**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Usachuk Anatolii N.**, Candidate of Historical Sciences, (Donetsk); **Chernykh Elizaveta M.**, Candidate of Historical Sciences (Izhevsk); **Chizhevsky Andrei A.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan).

Executive Secretary: Antonina S. Bepalova

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)236-55-42
E-mail: archeostepps@gmail.com
<https://www.evrazstep.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Эпоха бронзы

Чечушков И.В. (<i>Екатеринбург, Россия</i>) К статистической методике изучения культурных слоев поселений эпохи бронзы (работа над ошибками)	6
Котов В.Г., Савельев Н.С. (<i>Уфа, Россия</i>) Укрепленное поселение Селек эпохи бронзы в Башкирском Зауралье (итоги исследований 2003 года)	17
Лыганов А.В. (<i>Казань, Россия</i>) Культурно-хронологические комплексы Курманакской IV стоянки в нижнем течении реки Меша	29

Ранний железный век

Чижевский А.А. (<i>Казань, Россия</i>), Гисматуллин М.Р. (<i>Ульяновск, Россия</i>), Храмченкова Р.Х. (<i>Казань, Россия</i>) Кинжал из Больших Тархан с деталями оформления перекрестия в виде рельефной "запятой"	47
Черных Е.М. (<i>Ижевск, Россия</i>) Пряслица Зуевключевского I городища в Нижнем Прикамье	62
Оруджов Э.И. (<i>Казань, Россия</i>) Материальная культура Белоглазовского городища (VII - III вв. до н.э.), бассейн р. Вятки	82
Смирнов Н.Ю. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>) Вещь в культуре: к интерпретации одной старой находки	92
Новиков А.В. (<i>Кострома, Россия</i>) Одоевское городище. К вопросу о культурной специфике Поветлужья в раннем железном веке	108
Николаев С.Ю. (<i>Уфа, Россия</i>) Мечи и кинжалы с кольцевидным навершием: случайные находки с территории Южного Приуралья	170
Перескоков М.Л., Якимова Д.А. (<i>Пермь, Россия</i>) Опыт статистического и пространственного анализа керамики Гляденовского кострища (по материалам раскопок 2015–2018 года): первые результаты	175
Овсянников В.В. (<i>Уфа, Россия</i>) Биктимировский II могильник	191
Иванов В.А. (<i>Уфа, Россия</i>) Сравнительно-типологическая характеристика керамики культур эпохи раннего железа Прикамья и Предуралья (к проблеме их генетической преемственности)	207
Красноперов А.А. (<i>Ижевск, Россия</i>) К вопросу о ранней дате пьяноборских памятников. Ч. 4-1: бронзовые наконечники стрел	221
Проценко А.С. (<i>Уфа, Россия</i>), Сатаев Р.М. (<i>Москва, Россия</i>) Новые материалы с селища Зинино-1	250
Зубов С.Э. (<i>Самара, Россия</i>), Сатгаров Р.Р. (<i>Казань, Россия</i>), Тагиров Ф.М. (<i>Уфа, Россия</i>) Кипчаковский I курганно-грунтовой могильник	261
Столярова Е.К. (<i>Москва, Россия</i>) Бусы некрополя у пос. Заозерное в Северо-Западном Крыму: морфолого-технологический анализ и хронология (по материалам раскопок 1979–1985 гг.)	301
Хайруллина О.Ф. (<i>Ижевск, Россия</i>) Предметы кольчужного плетения в женском уборе населения Среднего Прикамья III–V вв.	314
Волкова Е.В., Газимзянов И.Р., Кирыгин К.В., Калянов В.А. (<i>Казань, Россия</i>) Палеоантропологическое и палеопатологическое исследование населения Нижнего Прикамья рубежа эпох по материалам Ижевского могильника.	325

Эпоха средневековья

Тулуш Д.К. (<i>Казань, Россия</i>) Городская культура кочевников степной зоны Евразии в эпоху ранних тюрков: к постановке проблемы исследования	338
Зоря Р.С., Ситдилов А.Г. (<i>Казань, Россия</i>) Н.Ф. Калинин: изучение и сохранение историко-археологического наследия Болгарского городища	346
Список сокращений	361
Правила для авторов	363

CONTENTS

Bronze Age

- Chechushkov I.V.** (*Yekaterinburg, Russian Federation*) Statistical Methods In Studying Of Cultural Layers Of The Late Bronze Age Settlements (Including The Author's Corrections) 6
- Kotov V.G., Saveliev N.S.** (*Ufa, Russian Federation*) Selek Fortified Settlement Of The Bronze Age In The Bashkir Trans-Urals (Study Results Of 2003) 17
- Lyganov A.V.** (*Kazan, Russian Federation*) Cultural And Chronological Complexes Of Kurmanakovo IV Site In The Lower Reaches Of The Mesha River 29

Early Iron Age

- Chizhevsky A.A.** (*Kazan, Russian Federation*), **Gismatullin M.R.** (*Ulyanovsk, Russian Federation*), **Khramchenkova R.Kh.** (*Kazan, Russian Federation*) Dagger From Bolshie Tarkhany With Crossguard Details In The Form Of A Relief "Comma" 47
- Chernykh E.M.** (*Izhevsk, Russian Federation*) Spinning Wheel From Zuevoklyuchevskoe I Hillfort In The Lower Kama Region 62
- Orudzhov E.I.** (*Kazan, Russian Federation*) Material Culture Of The Beloglazovo Hillfort (7th-3rd Centuries BC), Vyatka River Basin 82
- Smirnov N.Yu.** (*Saint Petersburg, Russian Federation*) Artefact In Culture: New Evaluation Of An Old Find 92
- Novikov A.V.** (*Kostroma, Russian Federation*) Odoevskoye Hillfort. The Issue Of The Cultural Specific Of The Vetluga Region In The Early Iron Age 108
- Nikolaev S.Yu.** (*Ufa, Russian Federation*) Swords And Daggers With Ring Pommels: Accidental Finds From The Territory Of The Southern Cis-Urals 170
- Pereskokov M.L., Yakimova D.A.** (*Perm, Russian Federation*) Experience Of Statistical And Spatial Analysis Of Ceramics From Glyadenovo Bone Bed (Based On Materials Of 2017–2018 Excavations): First Results 175
- Ovsyannikov V.V.** (*Ufa, Russian Federation*) Biktimirovo Ii Burial Ground 191
- Ivanov V.A.** (*Ufa, Russian Federation*) Comparative-Typological Characteristics Of The Ceramics Of The Early Iron Age Cultures In The Kama Region And The Cis-Urals (The Issue Of Their Genetic Continuity) 207
- Krasnopeorov A.A.** (*Izhevsk, Russian Federation*) The Issue Of The Early Dating Of Piany Bor Sites. Part 4-1: Bronze Arrowheads 221
- Protsenko A.S.** (*Ufa, Russian Federation*), **Sataev R.M.** (*Moscow, Russian Federation*) New Materials From Zinino-1 Ancient Village 250
- Zubov S.E.** (*Samara, Russian Federation*), **Sattarov R.R.** (*Kazan, Russian Federation*), **Tagirov F.M.** (*Ufa, Russian Federation*) Kipchakovo I Barrow And Subsoil Burial Ground 261
- Stolyarova E.K.** (*Moscow, Russian Federation*) Beads From A Necropolis Near Zaozerno Village In North-Western Crimea: Morphology, Manufacturing Technology And Dating (Based On The Finds From The Excavations Of 1979–1985) 301
- Khairullina O.F.** (*Izhevsk, Russian Federation*) Fragments Of Chain Mail Armor In Women's Attire Of The Population Of The Middle Kama Region In The 3rd-5th Centuries AD 314
- Volkova E.V., Gazimzyanov I.R., Kiryagin K.V., Kalyanov V.A.** (*Kazan Russian Federation*) Paleoanthropological And Paleopathological Study Of The Lower Kama Basin Population Of Turn Of The Eras According To The Materials Of Izhevsk Burial Ground 325

Middle Ages

- Tulush D.K.** (*Kazan, Russian Federation*) Urban Culture Of Nomads Of The Steppe Zone Of Eurasia In The Period Of The Early Turks: Study Problem Statement 338
- Zorya R.S., Sitdikov A. G.** (*Kazan, Russian Federation*) N.F. Kalinin: Studying And Preserving The Historical And Archaeological Heritage Of Bolgar Fortified Settlement 346
- List of Abbreviations** 348
- Instructions for Authors** 363

Эпоха бронзы

УДК 903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.2.6.16>**К СТАТИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ СЛОЕВ ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ (РАБОТА НАД ОШИБКАМИ)**

© 2021 г. И.В. Чечушков

В статье предлагается подход к изучению культурного слоя с точки зрения разведочного анализа данных – одного из разделов математической статистики. Культурный слой объекта археологии, зачастую невозможно или нерационально изучить полностью, т. е. подвергнуть полным раскопкам. Поэтому, описываются основные разновидности выборок: случайная выборка, систематизированная случайная выборка и стратифицированная случайная выборка, необходимые для получения неискаженного представления о генеральной совокупности – культурном слое. Также приводятся основные принципы формирования случайных выборок. На примере культурных слоев поселений позднего бронзового века Южного Зауралья описываются статистические методы расчета доверительных интервалов средних и пропорций. Они применяются для изучения насыщенности культурного слоя материальными остатками и их разнообразии для характеристики всей недоступной для изучения генеральной совокупности. В заключение приводится способ расчета необходимой для вскрытия площади для характеристики ранее не изученных объектов. Делается вывод, что в сочетании со статистическим подходом, вскрытие малых площадей может гарантировать изучение культурного слоя при сохранении объекта культурного наследия.

Ключевые слова: археология, разведочный анализ данных в археологии, культурный слой, бронзовый век, поселенческая археология.

STATISTICAL METHODS IN STUDYING OF CULTURAL LAYERS OF THE LATE BRONZE AGE SETTLEMENTS (INCLUDING THE AUTHOR'S CORRECTIONS)**I.V. Chechushkov**

The paper provides an alternative approach to study of the cultural layers of archaeological sites from the perspective of exploratory data analysis – one of the branches of mathematical statistics. It is often impossible or irrational to perform a complete study of the cultural layer of an archeological site, i. e. to subject it to complete excavations. Therefore, the main types of samples are described: random sampling, systematized random sampling and stratified random sampling, which are required to obtain an undistorted view of the general population – the cultural layer. The basic principles of the formation of random samples are also outlined in the paper. Statistical methods for calculating the confidence intervals of the averages and proportions are described on the example of the cultural layers of the Late Bronze Age settlements of the Southern Trans-Urals. They are used to study the saturation of the cultural layer with material remains and their diversity in order to characterize the entire general population inaccessible for studying. In conclusion, a method is provided for calculating the area required to be excavated in order to characterize the previously unexplored sites. It is concluded that, in combination with a statistical approach, the excavation of small areas can guarantee studying of the cultural layer while preserving the cultural heritage site.

Keywords: archaeology, exploratory data analysis in archaeology; cultural layer; Bronze Age; settlement archaeology

1. Введение

Насыщенность материальными остатками и их разнообразие – это ключевые характеристики культурного слоя объекта археологии, наиболее значимые при сравнительном анализе. Так, насыщенность культурного слоя поселенческого памятника является ключом к установлению относительной длительности его существования или относительной

численности населения. При всех прочих равных, общее количество артефактов или экофактов будет больше для долговременных густонаселенных поселений в сравнении с кратковременными стоянками меньших по численности коллективов (Drennan et al., 2015). Разнообразие категорий находок указывает на основы системы жизнеобеспечения, основные виды деятельности и соци-

альную организацию. Например, культурные слои специализированных поселков могут характеризоваться меньшим разнообразием, но большим количеством инвентаря конкретных типов, в то время как места жительства основной части населения будут обладать большим количеством категорий и схожими процентными значениями основных категорий (Черных и др., 2002). Таким образом, сравнение характеристик культурных слоев двух или более объектов археологии позволяет объяснить их природу и реконструировать историческую динамику.

Следует оговориться, что общая методика раскопок поселений требует вскрытия больших площадей, поскольку предполагается, что именно такой подход позволяет изучить быт, культуру и другие стороны жизни древнего общества (Авдусин, 1980, с. 107–108). По современным отечественным стандартам вскрытая площадь должна обеспечивать возможность получения полной характеристики памятника, но при этом оставлять возможности для будущих исследований. При этом жилищные впадины и жилые площадки должны исследоваться в границах общего раскопа, охватывающего прилегающее к объекту пространство (Положение..., 2018, с. 19–20). При всей обоснованности данного подхода с точки зрения стремления к получению максимального объема информации о конкретных объектах он имеет свои ограничения, если цель исследования заключается в изучении общей картины прошлого и выявлении закономерностей развития человеческого общества. Это связано с тем, что концентрация на больших площадях и требование полного вскрытия отдельных объектов концентрирует ресурсы и внимание исследователей, ограничивая таким образом формирование представительных выборок для статистического анализа.

Альтернативой принятому методу раскопок большими площадями является подход с точки зрения математической статистики в ее варианте разведочного анализа данных. Его преимущество заключается в возможности выдвигать вероятностные гипотезы для характеристики насыщенности и разнообразия для объекта целиком и сравнивать памятники между собой. Метод предполагает формирование случайных выборок, объективно характеризующих культурный слой (Drennan et al, 2015). Случайная выборка – это такая выборка, где каждому элементу в совокупности дается равный шанс попасть в неё

(Федоров-Давыдов, 1987, с. 15). С точки зрения математической статистики именно случайная выборка лишена искажений, предвзятости выбора (Drennan 2009, с. 85). Закономерности, наблюдаемые в выборке, переносятся на генеральную совокупность (Ковалевская, 1965, с. 287).

Целью данной работы является описание методики формирования и анализа случайной выборки для характеристики насыщенности и разнообразия материалов в культурных слоях поселений бронзового века. Сравнение поселенческих памятников друг с другом по единым основаниям направлено на характеристику образа жизни населения определенной территории в выбранный период времени, а также на сравнение различных памятников и территорий. В качестве примера использованы ранее опубликованные данные по поселению Каменный Амбар (Чечушков и др., 2018), а также выборка неукрепленных поселений позднего бронзового века Южного Зауралья (Алаева, 2017).

2. Методы

Изучение объекта археологии методами разведочного анализа данных предполагает формирование случайной пространственной выборки путем наложения на изучаемую территорию сети равновеликих участков. Затем из такой сетки случайным образом выбираются участки для проведения исследований. Одной из разновидностей является систематизированная случайная выборка. При такой выборке сеть участков разбивается на сектора равной площади, а затем в пределах каждого из них случайным образом определяется часть для изучения (Drennan, 2009, с. 241–243). Такая стратегия позволяет охарактеризовать достаточно большую территорию, при этом получая наименее искаженную картин. Разумеется, всегда есть шанс, что выбранный случайным образом участок будет наименее репрезентативен с точки зрения определения среднего значения для сектора, однако в теории это компенсируется значениями других секторов. В реальной жизни всегда остается место неудаче. Еще одной разновидностью является стратифицированная случайная выборка, в которой элементы генеральной выборки делятся на группы (Пыслару, 2018, с. 196).

Полученные таким методом данные затем могут быть обобщены статистическими методами для характеристики всей площади изучаемого объекта археологии. Числовыми параметрами служат: 1) количественные

характеристики (среднее и среднее квадратическое отклонение) и 2) пропорции различных категорий материала.

2.1. Метод определения насыщенности культурного слоя

Насыщенность культурного слоя материалами может быть выражена в виде среднего количества находок на единицу площади («шт/м²»). Первым шагом анализа рассчитывается среднее значение насыщенности по всем выбранным участкам. При условии, что выборка сформирована случайным образом, именно рассчитанное среднее значение будет наиболее близко к истинной характеристике культурного слоя. Далее для оценки степени вариативности выборки следует по формуле (1) рассчитать среднее квадратическое отклонение: чем меньше его значение, тем меньше разница между изученными единицами площади. Однако основная функция среднее квадратического отклонения заключается в том, чтобы на его основе по формуле (2) рассчитать стандартную ошибку среднего – меру, характеризующую интервал нахождения среднего значения изучаемой генеральной совокупности – культурного слоя объекта археологии (Drennan, 2009, с. 29–31, 104–106).

Для расчета среднее квадратического отклонения для малых выборок используется формула:

$$\sigma = \sqrt{\frac{\sum(x-\bar{x})^2}{n-1}} \quad (1),$$

где:

σ – среднее квадратическое отклонение выборки,

x – измеренное значение,

\bar{x} – среднее значение выборки,

n – размер выборки (количество изученных раскопов участков).

Для расчета стандартной ошибки (или квадратической ошибки среднего по (Ковалевская, 1965, с. 293)) используется формула:

$$SE = \frac{\sigma}{\sqrt{n}} \times t \quad (2),$$

где:

SE – стандартная ошибка

σ – среднее квадратическое отклонение выборки,

n – размер выборки (количество изученных раскопов участков),

t – значение из таблицы Стьюдента для желаемого уровня доверия при степени свободы $n - 1$.

Стандартная ошибка среднего при выбранном доверительном интервале (как правило, это 80%, 95% и 99%) позволяет охарактеризовать генеральную совокупность, из которой сделана случайная выборка. Полученное значение выражается в виде $\bar{X} \pm SE$, где \bar{X} – среднее арифметическое, а SE – доверительный интервал при желаемом уровне значимости.

2.2. Метод определения разнообразия материального комплекса

Разнообразие материального комплекса может быть охарактеризовано через сопоставление пропорций различных типов артефактов с расчетом стандартных ошибок выявленных пропорций. Как и в первом случае, метод служит для установления интервалов, в которых лежат истинные значения пропорций в генеральной совокупности (при условии, что получена случайная выборка). Для расчета доверительного интервала пропорций используются формулы среднее квадратического отклонения пропорции (3) и стандартной ошибки пропорции (4) (Федоров-Давыдов, 1987, с. 48–51; Drennan, 2009, с. 139–142):

$$\sigma = \sqrt{pq} \quad (3),$$

где:

σ – среднее квадратическое отклонение пропорции,

p – пропорция, выраженная в десятичной форме,

$$q = 1 - p;$$

$$SE = \frac{\sigma}{\sqrt{n}} \times t \quad (4),$$

где:

SE – стандартная ошибка пропорции,

σ – среднее квадратическое отклонение пропорции,

n – общий размер выборки, из которой происходит пропорция,

t – значение из таблицы Стьюдента для желаемого уровня доверия при 120 степенях свободы.

Стандартная ошибка для пропорции позволяет оценить истинное значение доли того или иного типа в генеральной совокупности, а также демонстрирует, достаточно ли велика выборка для такой оценки. Чем меньше изучаемая выборка, тем больше будут пересекаться интервалы ошибок пропорций, сигнализируя, что ее размер может быть слишком мал для суждений о популяции (Ковалевская, 1965, с. 287).

3. Материалы и анализ

3.1. Сравнительный анализ насыщенности культурного слоя

Описываемая статистическая методика была использована при изучении культурного слоя поселения Каменный Амбар в Каргалинском районе Челябинской области. Поселение относится к категории городищ, где основная жилая часть обнесена насыпной стеной и окружным рвом. Площадка памятника в пределах стены составляет 16000–18000 м². Эта территория изучалась комплексной археологической экспедицией с применением методов геофизики, геохимии, а также раскопов большими площадями. Для наиболее полной характеристики внутренней структуры и стратиграфии памятника раскопы были заложены в четырех разных частях памятника, восемью участками, часть из которых была смежной, с учетом рельефа руинизированных сооружений и выявленных магнитных аномалий. В процессе вскрытия культурного слоя велся просев грунта с регистрацией всего культурного материала. Изученная раскопками площадь составила 1888 м², или 10,4% от общей площади памятника (Корякова и др., 2011; Krause and Koryakova, 2013)¹. Полученная коллекция находок может быть определена как систематизированная случайная выборка размером около 10%, характеризующая всю генеральную совокупность артефактов и экофактов в культурном слое поселения.

С целью выявления и изучения культурного слоя за пределами окружной стены автором было проведено разведочное исследование прилегающей территории (рис. 1). Площадь для изучения была определена исходя из гипотезы, что культурный слой простирается на 100 м от видимых границ городища. Поэтому от воображаемого прямоугольника границ памятника была разбита сетка, отступающая на 100 м в три стороны, покрывая общую площадь в 52000 м² (четвертая сторона обрывается в реку Карагайлы-Аят, поэтому из работы была исключена). Комплексная полевая методика включала бурение с регистрацией стратиграфии, находок и отбором почвенных образцов на химический анализ, зачистку стенок оврагов для описания почвенной ситуации, а также шурфовку методом систематизированной случайной выборки (Чечушков и др., 2018а, 2018б). Всего было выполнено 130 бурений, сделано 10 зачисток и заложено 17 разведочных шурфов, грунт которых просеивался в ходе разбора. Общая вскрытая площадь составила 35 м², к которой добавле-

ны материалы из пяти шурфов других исследователей, т. е. общая площадь составляет 40 м². В относительном выражении раскопками была изучена лишь незначительная доля в 0,07% от общей площади в пределах сетки. При этом места закладки шурфов во многом концентрировались вокруг магнитных аномалий, снижая степень случайности выборки. С учетом того, что выявленная в результате исследования общая площадь культурного слоя составляет около 20100 м², выборка составила 0,2%².

Полученные выборки могут быть определены как систематизированные случайные и сравнены для характеристики культурных слоев внутри и снаружи обводной стены поселения. Далее описывается методика и некоторые результаты такого сравнения.

Для расчета среднего значения насыщенности и его доверительных интервалов для культурного слоя внутри окружной стены применен подход стратифицированной выборки. Другими словами, поскольку отчетные материалы и публикации не приводят данных о количестве материалов индивидуально для каждого квадратного метра площади, расчет производится как среднее значение для всех раскопов. Размер стратифицированной выборки определяется количеством раскопов и равен восьми ($n = 8$), что соответствует семи степеням свободы по таблице Стьюдента. Чем меньше степеней свободы, тем больше значение t (количество стандартных ошибок под кривой нормального распределения) и тем шире доверительный интервал. Соответственно, хотя стратифицированная выборка и меньше по размеру, чем возможная оригинальная (ее размер равняется числу вскрытых квадратных метров, $n = 1888$), даже она дает возможности оценки. Произведя расчет описываемым методом, получаем, что общая насыщенность находками внутри стен поселения составляет $8,2 \pm 3,9$ артефакта на 1 м² (95% доверительный интервал, далее – ДИ; $n = 8$; $\sigma = 4,7$). Небольшое значение среднеквадратического отклонения ($\sigma = 4,7$) говорит о несущественной вариативности насыщенности находками и достаточно равномерном их распределении по площади.

Для расчета среднего значения плотности материала в культурном слое за пределами стен поселения также используется стратифицированная выборка, размер которой $n = 22$. Это связано с тем, что некоторые из шурфов были площадью 2 м² или 4 м², а находки фиксировались для всей площади шурфа. В

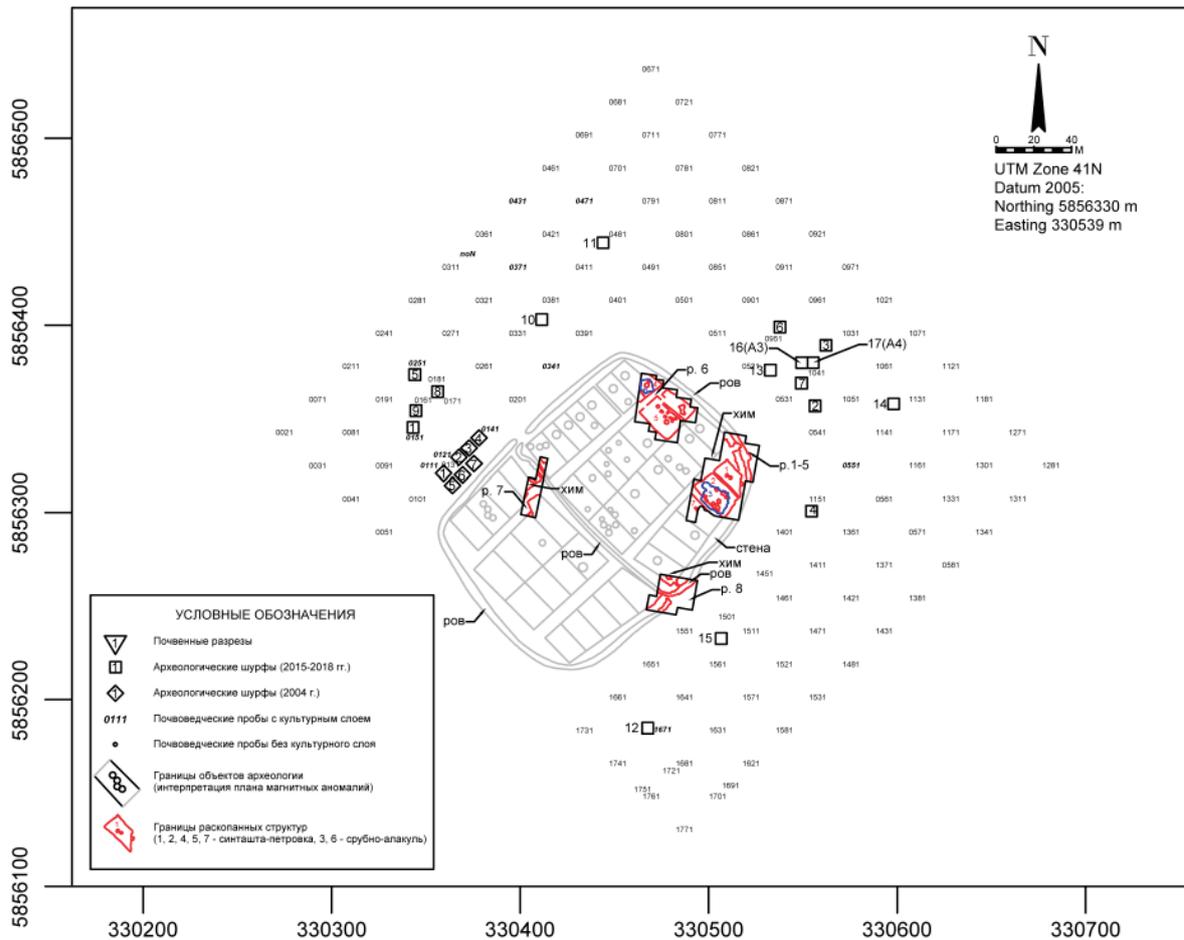


Рис 1. Поселение Каменный Амбар: структура памятника по данным магнитометрии, места расположения раскопок и зона археологической разведки в прилегающей округе
Fig 1. The settlement of Kamennyi Ambar: the site's structure in accordance with the magnetometry, the location of excavated areas and the survey zone outside the border

соответствии с данными шурфовки, средняя насыщенность слоя составляет $12,4 \pm 5,4$ артефактов на 1 м^2 (95% ДИ; $n = 22$; $\sigma = 10,4$). Большое значение среднеквадратического отклонения, близкое среднему ($\sigma = 10,4$), указывает на существенную вариативность выборки, значения которой варьируют от 1,5 до 42 единиц на 1 м^2 . Это может быть интерпретировано как чрезвычайно неоднородная насыщенность культурного слоя с областями большой концентрации и почти свободными от материала.

Сравнение показывает схожие средние значения насыщенности культурного слоя внутри и за пределами стены городища при чуть более высоком показателе снаружи ($8,2:12,4$). Однако статистический подход позволяет проверить это заключение. Так, доверительные интервалы ошибок средних при 95% пересекаются, указывая что истинная ситуация может быть обратной наблюдаемой: насыщенность материалом внутри выше, чем снаружи. Таким образом, требуется дополнительная проверка для уточнения

как средних, так и их стандартных ошибок. Для материалов из раскопок внутри стен это возможно сделать путем дальнейшей работы с полевыми описями и увеличением размера выборки путем определения плотности материалов на каждом участке. Для уточнения значений насыщенности снаружи требуется увеличение выборки шурфов при большем их распределении по площади.

Учитывая тот факт, что керамика составляет основу коллекции в каждом случае (95% внутри и 87% снаружи), далее следует сравнить насыщенность именно этой категорией. Средняя насыщенность керамикой в пределах жилищ составляет $7,8 \pm 3,8$ шт/м² (при 95% ДИ), а за пределами стен она составляет $11 \pm 4,1$ шт/м². Статистически средние значения плотности керамики достаточно близки, и двухсторонний *t*-тест не опровергает нулевую гипотезу о равенстве средних ($t = 0,9$, $p = 0,35$).

Однако важно то, что керамический материал имеет очевидную тенденцию к неоднородной фрагментации, поэтому подсчет

количества найденных фрагментов неинформативен с точки зрения определения насыщенности: один и тот же сосуд может быть представлен разным количеством фрагментов в зависимости от условий тафономизации. Гораздо более информативен подсчет веса на единицу площади, поскольку это дает более точную картину насыщенности даже с учетом разной толщины стенок сосудов (последнее может быть скорректировано расчетом среднего веса фрагмента и стандартной ошибки).

Так, анализ показал, что средний вес фрагментов из шурфов составляет $2,6 \pm 0,3$ г (10% усеченное среднее при 95% ДИ, $n = 603$). В то же время случайная выборка ($n = 50$) фрагментов в пределах стен продемонстрировала значение $25,1 \pm 7,5$ г (10% усеченное среднее при 95% ДИ). Наблюдаемая разница сильна и значительна ($t = 5,97$, $p < 0,005$). Данное сравнение показывает, что, несмотря на схожие количественные показатели, качественно две выборки существенно отличаются друг от друга: фрагментированность керамики снаружи значительно выше, чем внутри. Однако это сравнение не может считаться достоверным, т. к. выборка керамики из раскопов внутри стены была преднамеренно искажена исследователями. Дело в том, что фрагменты размером менее 2×2 см попадали в так называемую категорию «выброс», были подсчитаны и в соответствии с п. 4.33 действующего «Положения...» оставлены на месте полевых работ. Другими словами, информация о весе и размере фрагментов была утрачена. Поэтому среднее значение веса, рассчитанное для целей настоящей работы, также является искаженным. Единственным доступным способом сравнения является внесение аналогичного искажения в выборку керамики снаружи, удалив все фрагменты размером менее 2×2 см ($n = 294$). В результате усеченное среднее составит $5,4 \pm 0,5$ г, что по-прежнему существенно ниже среднего веса фрагментов из жилищ. Однако учитывая, что в категории «выброс» попало 52% всех найденных фрагментов (6932/13297), уверенности в адекватности сравнения быть не может. Единственное доступное заключение в том, что в выборке внутри стен значительное число фрагментов в среднем крупнее, чем снаружи.

Помня о существующем искажении, все же можно произвести умножение средней плотности керамики на её средний вес. Это позволяет сравнить две области через показатель среднего веса фрагментов на 1 м^2 . В результате в жилищах поселения средний вес

составляет $195,7 \pm 28,5$ г/м², а за пределами стен средний вес преднамеренно искаженной выборки (без «выброса») составляет $59 \pm 2,2$ г/м². Несмотря на указанное искажение выборки, расчёты демонстрируют качественные различия между двумя сравниваемыми совокупностями. В целом меньший средний вес керамических материалов в культурном слое за стенами означает их меньшее количество – керамические материалы, оставленные в древности, получили схожие количественные значения в процессе тафономизации, но их общая масса изначально была ниже.

Схожую проблему сравнения культурных слоев по степени насыщенности керамическим материалом поставила И.П. Алаева (2017). Автор провела сравнение культурных слоев 16 неукрепленных поселений позднего бронзового века Южного Урала с целью изучения проблемы долговременности существования поселений и одновременности их функционирования. Исследование выявило существенную разницу в насыщенности слоя между степной и лесостепной группами памятников: поселения степной зоны ($n = 12$) имели насыщенность в 2–5 фрагментов керамики на 1 м^2 , а лесостепные ($n = 4$) – 15–17 фрагментов на 1 м^2 . Произведя простой подсчет, автор заключает, что поселения первой группы были менее долговременными по сравнению с синхронными поселениями второй группы, что может объясняться различной емкостью двух экологических ниш.

Возможной проблемой данного анализа является искаженность выборок. Так, методики раскопок и сбора материала могут существенно отличаться от памятника к памятнику, внося искажения по неизвестным основаниям. Как было показано выше, степень раздробленности керамики может быть различной, поэтому количественные показатели не всегда являются адекватными единицами сравнения. Тем не менее статистически возможно провести проверку полученных результатов. Предположим, что внесенные искажения существенно повлияли на выборку керамики в каждом из памятников. Значит, не будет наблюдаться никакой закономерности между общей раскопанной площадью и общим количеством собранной авторами раскопок керамики. Для проверки этой гипотезы сначала рассмотрим всю выборку с помощью гистограммы «ствол и листья». Она демонстрирует приближенное к нормальному распределению со шлейфом справа и далеким выбросом (30000), который может быть устранен из анализа (рис. 2).

Minimum: 540
 Lower Hinge: 1950
 Median: 2996,5
 Upper Hinge: 7351
 Maximum: 30000

0 0011
 0 2222333
 0
 0 6
 0 89
 1 0
 1
 1
 1
 1
 2
 2
 2
 2
 2
 3 0

Рис. 2. Диаграмма «ствол и листья» для степени насыщенности керамическим материалом культурных слоев 16 неукрепленных поселений позднего бронзового века Южного Урала (данные по: [Алаева, 2017]).

Fig 2. The stem and leaf plot showing the distribution ceramic densities in Late Bronze Age archaeological sites in the Southern Urals (after [Alaeva, 2017])

Для анализа регрессии раскопанная площадь может быть принята как независимая переменная, а общее количество керамики – как зависимая. Регрессия показала сильную положительную связь между переменными ($r = 0,77$, $p = 0,0008$), которая объясняет 59% вариаций ($r^2 = 0,59$). Другими словами, даже с искажением по неизвестным основаниям закономерность в насыщенности керамикой культурных слоев все же есть, поскольку 59% вариативности объяснено выявленной корреляцией. Для дальнейшего сравнения двух природных зон требуется увеличение лесостепной выборки поселений, поскольку ее размер слишком мал для статистических методов. Увеличение выборки может быть осуществлено описанным выше случайным методом без раскопок больших площадей.

3.2. Сравнительный анализ разнообразия материального комплекса

Примером изучения разнообразия артефактов может служить анализ категорий находок из шести жилищ поселения Каменный Амбар и культурного слоя за стеной. Для целей анализа все находки на основании типологического и трасологического анализов могут быть объединены в восемь основных групп: 1) косторезные инструменты; 2) инструменты керамического производства; 3) украшения; 4) домашняя утварь; 5) орудия кожевенного производства; 6) орудия металлопроизводства и свидетельства металлургического производства; 7) орудия текстильного производства; 8) оружие, колесничный комплекс и символы статуса. Фрагменты керамических сосудов из выборки исключаются как наиболее многочисленная категория. Затем производится подсчет количества предметов в каждой группе для каждого жилища и стандартный подсчет долей каждой из категорий.

Далее производится расчет стандартной ошибки для каждой пропорции, позволяю-

щей оценить степень гомогенности каждой из выборок. Наиболее гомогенная будет иметь малое количество категорий и большую пропорцию одной из них, а наиболее гетерогенная – большее количество категорий и близкие значения долей. Кроме того, доверительные интервалы позволяют сформировать вероятностное представление о том, каким могло быть истинное соотношение категорий артефактов в древности. Так, пересекающиеся интервалы будут свидетельствовать, что нельзя быть уверенным в том, что археологизированная выборка адекватно отражает прошлую реальность.

Анализ выборки артефактов Каменного Амбара (рис. 2А) демонстрирует следующее. Во-первых, четыре выборки из шести имеют достаточный размер для демонстрации разницы между некоторыми категориями артефактов (постройки 1, 2, 4 и 5). С другой стороны, для построек 3 и 6 выборки слишком малы для обоснованных заключений. Во-вторых, анализ показывает, что между жилищами также существует разница в композиции артефактов, что, возможно, свидетельствует о производственной специализации между семьями или разнице в степени богатства. Так, постройка 1 выделяется существенно большей пропорцией инструментов керамического производства в сравнении с другими помещениями, а доверительные интервалы этой категории в постройке 1 не пересекаются с аналогичными в других. В-третьих, во всех случаях в выборках превалируют свидетельства металлургического производства, включая культурный слой снаружи.

Последнее обстоятельство наводит на заключение, что свидетельства металлургического производства искажают картину за счет избыточности в ней шлака. Исключение этой категории из анализа (рис. 2В) позволяет масштабировать результирующий график (ведь остальные пропорции не поменялись относительно друг друга) и заключить, что постройка 1 выделяется наибольшей гомогенностью артефактного комплекса. Это наблюдение может свидетельствовать о характере использования данной постройки, которая, например, могла быть хозяйственной, а не жилой.

4. Обсуждение результатов

Проведенный анализ демонстрирует преимущества статистического подхода, позволяющего формулировать гипотезы об изучаемой совокупности на основании выборочных данных. Кроме того, он показывает ограни-

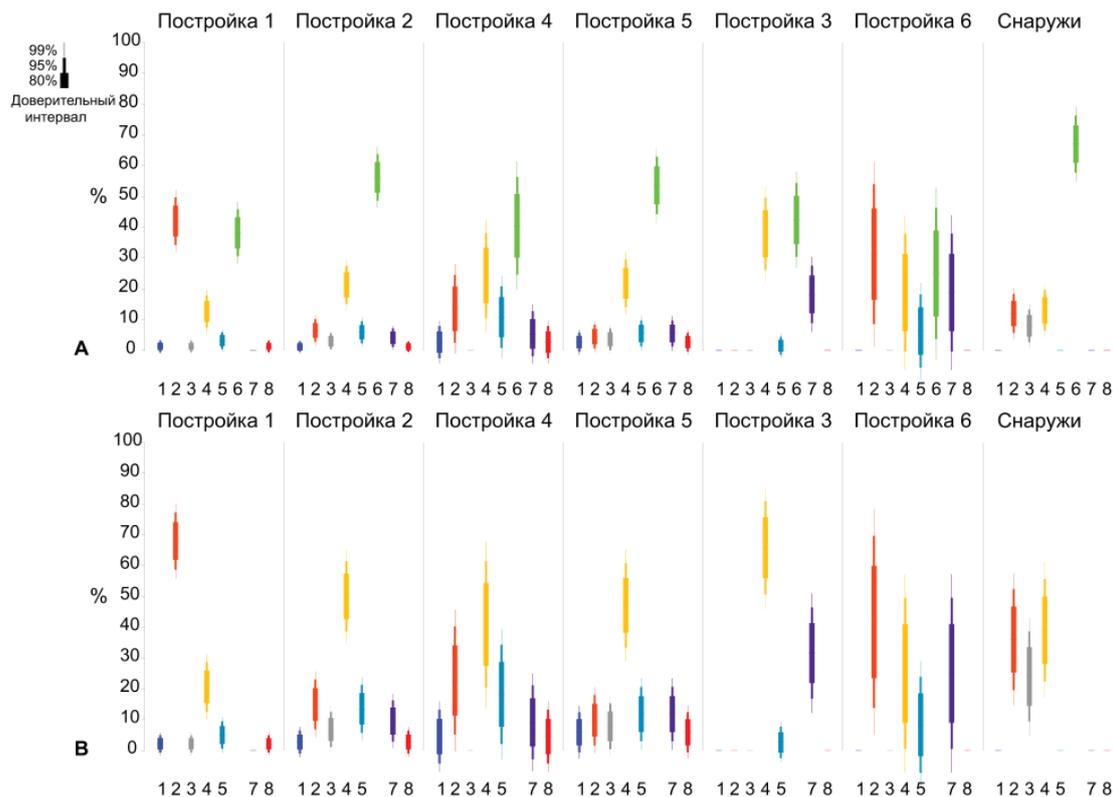


Рис 3. Пропорции типов артефактов в культурном слое поселения Каменный Амбар: А – все типы; В – пропорции без учета артефактов металлопроизводства. 1) косторезные инструменты; 2) инструменты керамического производства; 3) украшения; 4) домашняя утварь; 5) орудия кожевенного производства; 6) орудия металлопроизводства и свидетельства металлургического производства; 7) орудия текстильного производства; 8) оружие, колесничный комплекс и символы статуса.

Fig 3. Proportions of artifacts of principal categories in the cultural layer of Kamennyi Ambar: A – all types; B – proportions excluding artifacts associated with metal production. 1 – bone-working tools; 2 – ceramic production tools; 3 – decoration; 4 – household items; 5 – leather-working tools; 6 – metallurgy production; 7 – textile production tools; 8 – weapons, chariot complex and status items.

чения традиционного подхода и некоторые ошибки, связанные с ориентацией исследователей на принятые в отечественной археологии нормы. Так, например, выборка шурфов в округе Каменного Амбара не может быть признана строго случайной, поскольку при их закладке автор в том числе ориентировался на карту магнитных аномалий и стремился уточнить их природу шурфовкой. Это привело к внесению в выборку искажений по известным основаниям.

При дальнейшем исследовании культурного слоя за стенами Каменного Амбара, как и в любых других случаях, следует исходить из правил формирования случайной систематизированной выборки, одним из вариантов которой может быть работа в сетке. Эффективность такого подхода продемонстрирована при исследовании системы расселения в долине р. Зингейки (Sharapov, 2020).

Кроме того, регистрация находок по шурфам, а не по квадратным метрам привела к искусственному сокращению размера выборки с 40 до 22. В этой связи имеет смысл

отказаться от вскрытия шурфов площадью больше чем 1 м². При характеристике культурных слоев других поселений в будущем необходимое количество шурфов площадью 1 м² может быть определено математически исходя из данных шурфовки в округе Каменного Амбара. Для определения насыщенности культурного слоя может быть использована следующая формула (Drennan, 2009, с. 126–127):

$$n = \left(\frac{\sigma t}{ER} \right)^2 \quad (5),$$

где:

n – размер выборки;

σ – среднее квадратическое отклонение выборки из культурного слоя в округе Каменного Амбара, равное 10,4;

t – количество стандартных ошибок по таблице Стьюдента для желаемого уровня доверия и бесконечного количества степеней свободы;

ER – желаемый доверительный интервал в измеряемых единицах (например, 5,4 единицы для 95% ДИ на Каменном Амбаре).

Решая задачу определения размера выборки по формуле (5), приходим к заключению, что для желаемого уровня точности в $\pm 5,4$ единицы при ДИ в 95% ($t = 1,96$), необходимо вскрыть 14 или 15 шурфов. Учитывая, что действующее Положение позволяет вскрывать до 20 м² на одном объекте культурного наследия в пределах действия одного Открытого листа, точность определения может быть повышена до $\pm 4,5$ единиц при 95% ДИ. Также важно отметить, что стандарты классической статистики части определяют минимально-необходимый размер выборки в 5% от размера популяции. Для культурного слоя площадью 20100 м² у стены Каменного Амбара это значение составит 1005 м², что входит в противоречие с действующим законодательством, регулирующим археологические разведки. Тем не менее стандарт 5% не является обязательным для разведочного анализа данных, примененного в настоящей работе (Drennan, 2009, с. 127).

5. Заключение

На примере анализа материалов памятников позднего бронзового века были продемонстрированы методы определения насыщенности культурного слоя методом случайной выборки без вскрытия значительных площадей. На поселении Каменный Амбар это позволило заключить, что культурный слой за пределами стен городища насыщен значительно меньше, а материал фрагментирован сильнее, чем внутри. Это поставило вопрос о природе обнаруженного культурного слоя и его социально-исторической интерпретации.

Примечания:

¹ С учетом раскопа 1992 года общая вскрытая площадь составляет около 2320 м², но отсутствие просева и индивидуальной фиксации не позволяет использовать его данные для статистического анализа.

² В статье 2018 г. (Чечушков и др., 2018), на с. 154 вкралась опечатка – «49 м²» следует читать как «39 м²», и тоже самое на рис. 5С. Также, опечатка на с. 156: «8,8 ± 3,9» следует читать «8,2 ± 3,9» и тоже на рис. 5С. На с. 157 следует читать: «двухсторонний t-тест не опровергает нулевую гипотезу ($t = 0,01, p = 0,99$)».

ЛИТЕРАТУРА

- Авдусин Д.А. Полевая археология СССР. М., 1980. 335 с.
- Алаева И.П. Проблема продолжительности существования поселений бронзового века Южного Зауралья // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Сборник научных трудов [Электронный ресурс] / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. С. 51-52.
- Бикмулина Л.Р., Якимов А.С., Куприянова Е.В., Чечушков И.В., Баженов А.И. Геохимические особенности «зольника» поселения бронзового века Стрелецкое-1 лесостепного Зауралья. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 4(39). С. 154-163.
- Ковалевская (Деопик) В.Б. Применение статистических методов к изучению массового археологического материала // Археология и естественные науки / Под ред. Б. А. Колчина. М.: Наука, 1965. С. 286–301.
- Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В., Шарипова С.В., Пантелева С.Е., Берсенева Н.А., Фornsъе Й., Кайзер Э., Молчанов И.В., Чечушков И.В. Археологические исследования укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 4(48). С. 64–74.

В другой работе (Чечушков и др. 2018) было высказано предположение, что данный культурный слой был сформирован в процессе обживания прилегающей территории мобильными группами населения. Также была проверена гипотеза о том, что разная степень насыщенности культурных слоев неукрепленных поселений в степном и лесостепном Зауралье может быть связана с разным временем их существования. Несмотря на то, что степень искажения выборок остается неизвестной, выявленная закономерность не опровергает версию И.П. Алаевой о меньшем времени функционирования степных памятников.

Кроме того, была продемонстрирована методика анализа пропорций различных категорий инвентаря. Показано, что, несмотря на различные значения в выборках, истинные доли могли отличаться от выявленных в ходе раскопок.

Описанная здесь статистическая методика изучения поселенческих памятников хорошо согласуется с современной ориентацией на минимизацию ущерба от раскопок и все более широкого применения междисциплинарного подхода. Так, задача картографирования, изучения внутренней структуры и характеристики хозяйственной деятельности археологии успешно решается неразрушающими или малоинвазивными методами геостатистики (Чечушков, 2015), геофизики (Носкевич, Федорова, 2010; Федорова, Носкевич, 2012 и др.) и геохимии (Бикмулина, 2017; Krause and Koryakova, 2013).

Носкевич В.В., Федорова Н.В., Муравьев Л.А. Картирование археологических памятников с помощью магнитометрии // Уральский геофизический вестник. 2010. № 2(17). С. 47–52.

Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации (Утверждено постановлением Отделения историко-филологических наук Российской академии наук от 20 июня 2018 г. № 32 // https://www.archaeolog.ru/media/OPI/Polozhenie_2018_2.pdf (дата обращения: 17.03.2021).

Пыслару И. Роль выборки для статистической обработки археологических материалов // Фундаментальные и прикладные исследования: от теории к практике. Материалы II Международной научно-практической конференции, приуроченной ко Дню Российской науки. Воронеж: ООО "АМиСта", 2018. С. 194–201.

Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии: Учебное пособие для вузов по спец. «История». М.: Высшая школа, 1987. 216 с.

Федорова Н.В., Носкевич В.В. Реконструкция планировки укрепленных поселений эпохи бронзы на Южном Урале (Ольгино и Коноплянка) по результатам детальной магнитной съемки // Уральский геофизический вестник. 2012. № 1(19). С. 52–59.

Черных Е.Н., Лебедева Е.Ю., Журбин И.В., Лопес-Саец Х. А., Лопес-Гарсия П., Мартинес-Наваррете М.И.Н. Каргалы.: Горный - поселение эпохи поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия: Производственно-бытовые и сакральные сооружения: Относительная и абсолютная хронология / Каргалы. Т. II / Ред. и сост. Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2002. 184 с.

Чечушков И.В. Методы геостатистики в изучении поселенческих памятников бронзового века // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всероссийской научной конференции (г. Челябинск, 28 сентября – 2 октября 2015 г.) / Ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Челябинский государственный краеведческий музей, 2015. С. 90–96.

Чечушков И.В., Якимов А.С., Бачура О.П., Ын Я.Ч., Гончарова Е.Н. Общественное устройство синташтинско-петровских коллективов позднего бронзового века и причины генезиса социальной элиты (на примере поселения Каменный Амбар в степном Зауралье) // *Stratum plus*. 2018a. № 2. С. 149–166.

Чечушков И.В., Якимов А.С., Гончарова Е.Н., Молчанова В.В. Определения химических характеристик, границ распространения и общей площади культурного слоя на поселении эпохи бронзы Каменный Амбар в Южном Зауралье // Археология и естественные науки в изучении культурного слоя объектов археологического наследия. Материалы междисциплинарной научной конференции. Москва, 14–15 ноября 2018 г. / Под ред. Д.С. Коробова, А.В. Борисова, С.Н. Удальцова. М.: КМК, 2018b. С. 197–204.

Drennan R.D. *Statistics for archaeologists. A commonsense approach. Interdisciplinary contributions to archaeology*: Springer, 2009. *Interdisciplinary contributions to archaeology*. 237 p.

Drennan R.D., Berrey C.A., Peterson C E. *Regional settlement demography in archaeology*. Clinton Corners, New York: Eliot Werner Publications, Incorporated, 2015.

Krause R., Koryakova L.N. *Multidisciplinary Investigations of the Bronze Age Settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*. Habelt, 2013.

Sharapov D.V. Recent methodological approaches to regional settlement pattern survey in the Eurasian steppes // *Archaeological Research in Asia*. 2020. Vol. 21. P. 100–173

Информация об авторе:

Чечушков Игорь Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия); chivpost@gmail.com

REFERENCES

Avdusin, D. A. 1980. *Polevaia arkheologiya SSSR (Field Archaeology of USSR)*. Moscow: "Vysshaya shkola" Publ. (in Russian).

Alaeva, I. P. 2017. In Derevyanko, A. P., Tishkin, A. A. (eds.). *V (XXI) Vserossiyskiy arkheologicheskiy s"ezd. Sbornik nauchnykh trudov [Elektronnyy resurs] (V (XXI) All-Russian Archaeological Congress [Electronic Resource])*. Barnaul: Altai State University, 51–52 (in Russian).

Bikmullina, L. R., Yakimov, A. S., Kupriyanova, E. B., Checheshkov, I. V., Bazhenov, A. I. 2017. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 39 (4), 154–163 (in Russian).

Kovalevskaya (Deopik), V. B. 1965. In Kolchin, B. A. (ed.). *Arkheologiya i estestvennye nauki (Archaeology and Natural Sciences)*. Moscow: "Nauka" Publ., 286–301 (in Russian).

Koryakova, L. N., Krause, R., Epimakhov, A. V., Sharapova, S. V., Panteleeva, S. E., Berseneva, N. A., Fornas'e, I., Kaizer, E., Molchanov, I. V., Chechushkov, I. V. 2011. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 48 (4), 64–74 (in Russian).

Noskevich, B. V., Fedorova, N. V., Murav'eva, L. A. 2010. In *Ural'skii geofizicheskii vestnik (Ural Geophysical Bulletin)* 17(2), 47–52 (in Russian).

Polozhenie o poriadke provedeniia arkhelogicheskikh polevykh rabot i sostavleniia nauchnoi otchetnoi dokumentatsii (Utverzhdeno postanovleniem Otdeleniia istoriko-filologicheskikh nauk Rossiiskoi akademii nauk ot 20 iunია 2018 g. № 32) (Regulations of archaeological fieldworks and scientific reporting (approved through Decision no. 32 of the History and Philology Department of the Russian Academy of Sciences on 20 June 2018)). Available at: https://www.archaeolog.ru/media/OPI/Polozhenie_2018_2.pdf (accessed 17.03.2021) (in Russian).

Pyslaru, I. 2018. In *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniia: ot teorii k praktike (Fundamental and Applied Studies: from Theory to Practice)*. Voronezh: "AMiSta" Ltd., 194–201 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1987. *Statisticheskie metody v arkhologii: Uchebnoe posobie dlia vuzov po spets. «Istoriia» (Statistical Methods in Archaeology: Study Guide for Universities with Specialization in History)*. Moscow: "Vysshiaia shkola" Publ. (in Russian).

Fedorova, N. V., Noskevich, V. V. 2012. In *Ural'skiy geofizicheskii vestnik (Ural Geophysical Journal) 1(10)*, 52–59 (in Russian).

Chernykh, E. N., Lebedeva, E. Yu., Zhurbin, I. V., López- García, P., López-Sáez, J. A., Martínez-Navarrete, M. N. 2002. *Kargaly: Gorny – poselenie epokhi pozdnei bronzy. Topografiia, litografiia, stratigrafiia. Proizvodstvenno-bytovye i sakral'nye sooruzheniia. Otnositel'naia i absolutnaia khronologiia (Kargaly: Gorny — the Late Bronze Age Settlement .Topography, lithology, stratigraphy. Household, manufacturing and sacral structures. Relative and absolute chronology)*. Series: Kargaly 2. Moscow: Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ. (in Russian).

Chechushkov, I. V. 2015. In Tairov, A. D. (ed.). *Etnicheskie vzaimodeistviia na Iuzhnom Urale: materialy VI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (g. Cheliabinsk, 28 sentiabria – 2 oktiabria 2015 g.) (Ethnic Interactions in the Southern Urals: Materials of the 6th All-Russian Scientific Conference (Chelyabinsk, September 28th - October 2nd, 2015))*. Cheliabinsk: Cheliabinsk Museum of Local Lore, 90–96 (in Russian).

Chechushkov, I. V., Yakimov, A. S., Bachura, O. P., Yn, Ya. Ch., Goncharova, E. N. 2018a. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology (2)*, 149–166 (in Russian).

Chechushkov, I. V., Yakimov, A. S., Goncharova, E. N., Molchanova, V. V. 2018. In Korobov, D. S., Borisov, A. V., Udaltsov, S. N. (eds.). *Arkheologiia i estestvennye nauki v izuchenii kul'turnogo sloya ob"ektov arkhelogicheskogo naslediya (Archaeology and natural Sciences in the study of the cultural layer of archaeological heritage)*. Moscow: "KMK Scientific Press" Publ., 197–204 (in Russian).

Drennan R. D. 2009. *Statistics for archaeologists. A commonsense approach. Interdisciplinary contributions to archaeology*: Springer, 2009. Interdisciplinary contributions to archaeology. Drennan, R. D., Berrey, C. A., Peterson, C. E. 2015. *Regional settlement demography in archaeology. Clinton Corners, New York: Eliot Werner Publications, Incorporated*.

Krause, R., Koryakova, L. N. 2013. *Multidisciplinary Investigations of the Bronze Age Settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*. Habelt.

Sharapov, D. V. 2020. In *Archaeological Research in Asia*. 21, 100–173.

About the Author:

Chechushkov Igor V. Candidate of Historical Sciences. Institute of History and Archaeology, Ural branch of the Russian Academy of Sciences. S. Kovalevskoy, Str., 16, Yekaterinburg, 620990, Russian Federation; chivpost@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.02.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2021 г.

УКРЕПЛЕННОЕ ПОСЕЛЕНИЕ СЕЛЕК ЭПОХИ БРОНЗЫ В БАШКИРСКОМ ЗАУРАЛЬЕ (ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ 2003 ГОДА)

© 2021 г. В.Г. Котов, Н.С. Савельев

Представлены данные об укреплённом поселении Селек, выявленном в 2003 г. в Башкирском Зауралье (восточные предгорья хребта Ирэндык, левый берег р. Ургаза – правого притока р. Урал; по современному административному делению – Баймакский район Республики Башкортостан). По своим архитектурным особенностям памятник относится к т.н. «аркаимскому типу» и датируется разными периодами эпохи бронзы (синташтинская, алакульская и саргаринская культуры). Состоит из двух площадок – круговой и прямоугольной, выделенных валами высотой до 1 метра и шириной 5–7 метров. Для круглоплановой части предполагается наличие радиально расположенных жилищ (т.н. «жилые стены»), для прямоугольной части прослежена линейная планировка внутреннего пространства. На основании анализа данных, полученных в разведочном шурфе, предварительно сделан вывод о одновременности круглоплановой и прямоугольной частей поселения. Показано, что ареал укреплённых поселений данного типа (т.н. «Страна городов») должен быть значительно расширен к западу и его западная граница должна быть проведена по краю горной зоны Южного Урала. На основе сравнительного ландшафтного анализа выявлена закономерность приуроченности памятников эпохи бронзы в данном районе к узкой сильно увлажнённой полосе вдоль восточного склона хребта Ирэндык, чем они принципиально отличаются от более поздних памятников эпохи раннего железа, локализованных в горных долинах.

Ключевые слова: археология, эпоха бронзы, синташтинская культура, алакульская культура.

SELEK FORTIFIED SETTLEMENT OF THE BRONZE AGE IN THE BASHKIR TRANS-URALS (STUDY RESULTS OF 2003)

V.G. Kotov, N.S. Saveliev

The paper features the information on Selek fortified settlement discovered in 2003 in the Bashkir Trans-Urals (the eastern foothills of the Irendyk ridge, on the left bank of the Urgaz river, the right tributary of the Ural River; in the Baimaksky District of the Republic of Bashkortostan according to the contemporary administrative division). According to its architectural attributes, the monument belongs to the so-called “Arkaim type” and dates from different periods of the Bronze Age (Sintashta, Alakul and Sargary cultures). It consists of two squares – circular and rectangular, marked with ramparts up to 1 meter high and 5-7 meters wide. Regarding the circular part, it is assumed that there were radially located dwellings (the so-called “residential walls”), and concerning the rectangular part, a linear layout of the internal space has been traced. Based on an analysis of the information obtained in the exploration shaft, a preliminary conclusion was made about the difference in timing between the circular and rectangular parts of the settlement. It has been shown that the area of fortified settlements of this type (the so-called “Country of towns”) should be significantly expanded to the west, and its western border should be drawn along the edge of the mountainous area of the Southern Urals. On the basis of a comparative landscape analysis, a justification of the attribution of the Bronze Age sites in this area to a narrow and highly humid strip along the eastern slope of the Irendyk ridge was identified, in terms of which they fundamentally differ from the later sites of the Early Iron Age located in mountain valleys.

Keywords: archaeology, Bronze Age, Sintashta culture, Alakul culture, Sargary culture, fortified settlements, monuments of the “Arkaim type”

Последние десятилетия XX века для уральской археологии были ознаменованы открытием большой группы памятников эпохи бронзы, за которой закрепилось название «Страна городов». Одним из самых известных из этих укреплённых поселений является Аркаим, отличающийся хорошей сохранностью и значительной площадью проведенных исследований. Сейчас выявлено более 20 памятников «аркаимского типа», все они отличаются

сложной круглоплановой или прямоугольной планировкой, очень плотным расположением крупных жилищ (в том числе и по радиальному принципу), наличием остатков стен и окружающих их рвов. В основном они расположены в степной зоне Челябинской области, северо-восточном Оренбуржье и примыкающей части Казахстана (Генинг и др., 1992; Зданович, Батанина, 1995; Макурова, Петров, 2017).

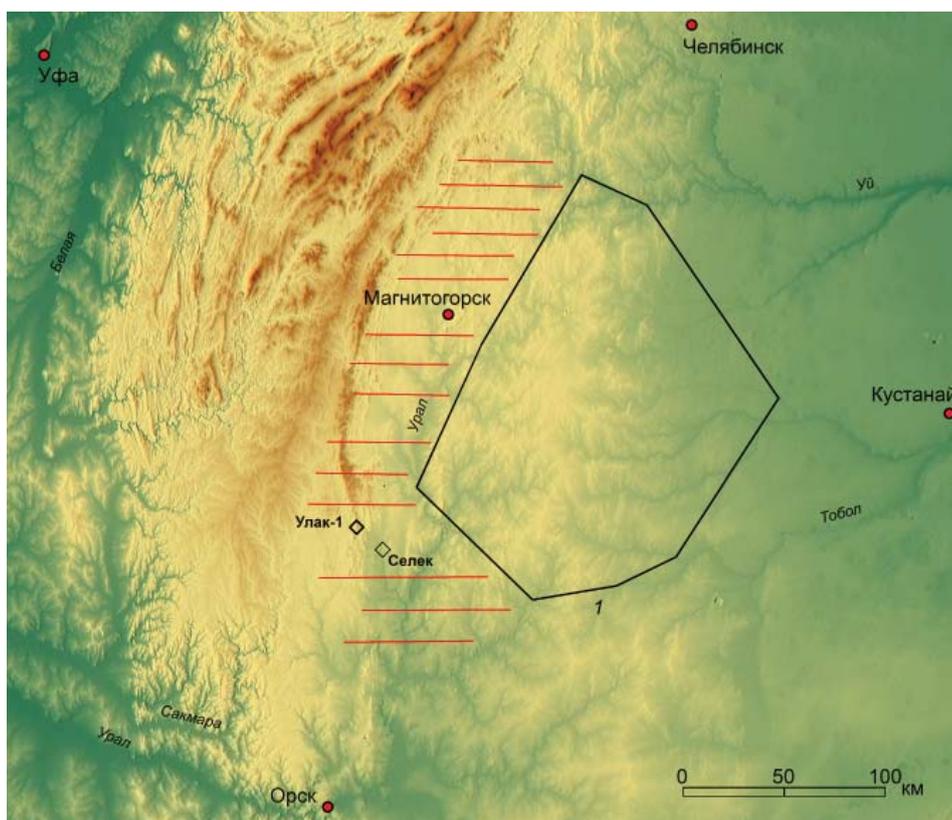


Рис. 1. Ареал укрепленных поселений эпохи бронзы Южного Зауралья (по: Макурова, Петров, 2017; с дополнениями авторов) и расположение выявленных памятников полосы предгорий. Красная штриховка – потенциальная территория расширения ареала данного типа памятников.

Fig. 1. The area of fortified settlements of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals (after: Makurova, Petrov, 2017; with additions by the authors) and the location of the identified monuments of a foothill strip. Red shading indicates a potential territory for expanding the range of this type of monuments.

В 1996 году было выявлено первое укрепленное круглоплановое поселение в горно-степной зоне Башкирского Зауралья – Улак-1, что позволило предварительно говорить о необходимости расширения ареала «Страны городов» как минимум на 30-50 км к западу и доведения ее до края горной области Южного Урала (Савельев, Яминов, 2004, с. 214). Второе подобное поселение – Селек – было открыто в 2003 году, и именно введению в научный оборот имеющихся по нему данных и посвящена настоящая статья.

Оба поселения расположены в относительной близости друг от друга и оба выявлены Ирендыкской комплексной археолого-этнографической экспедицией (ИКАЭЭ), проводившей в конце 1990-х – начале 2000-х гг. работы в Баймакском районе Башкортостана в связи с планами создания музея-заповедника «Ирендык». Итогом работ экспедиции стало выявление в горно-степной зоне хребта Ирендык – самого восточного хребта Уральской горной страны, где ранее было известно всего несколько памятников, нескольких сотен археологических объектов самой разной хронологической и типологической

принадлежности (Акбулатов и др., 2004). К сожалению, эта огромная исследовательская работа была резко прекращена в 2004 году. В связи с этим материалы экспедиции оказались не изданы и не проанализированы, все это время члены экспедиции публиковали только данные, относящиеся непосредственно к своим направлениям научных исследований. В то же время, информация, накопленная за 1996-2004 гг. имеет принципиальную научную важность и, будем надеяться, постепенно она будет опубликована.

Поселение было открыто весной 2003 года разведочной группой ИКАЭЭ (В.Г. Котов, И.М. Акбулатов) во время пешего обследования левобережья р. Ургазы к востоку от д. Баишево (Котов, 2004). Памятник находится в местности, которое у местных жителей, по менгиру рядом с ним, называется *Хынташ* (*Сынташ*) или, по плотной поросли кустов чилиги на самом памятнике, – *Селек* (баш. – «чилига»). Расположен в 4,0 км к юго-востоку от окраины д. Баишево, в 2,3 км к северо-западу от устья р. Сагылузьяк и в 1,7 км к юго-востоку от устья р. Карасаз (рис. 2), на низком левом берегу р. Ургазы. Памятник находится

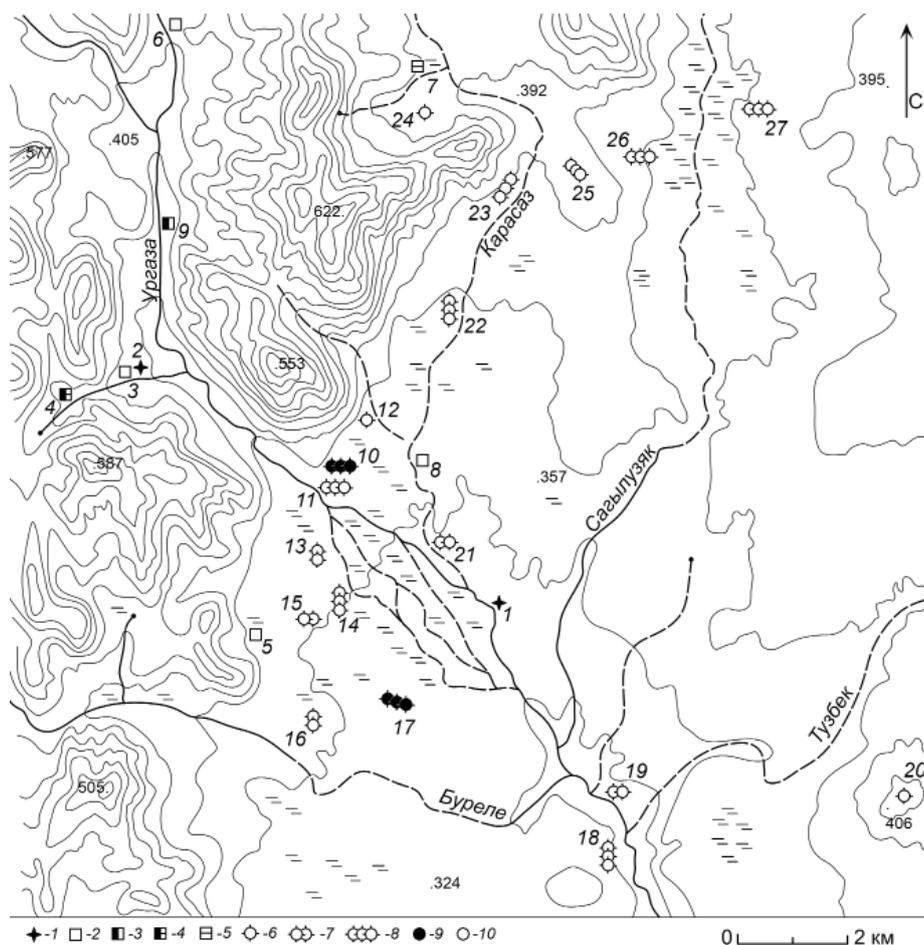


Рис. 2. Памятники эпохи бронзы горно-степной зоны и восточных предгорий хребта Ирендык: 1 – Селек; 2 – Улак-1; 3 – Улак-2; 4 – Улак-6; 5 – Баишево-26; 6 – Юмаш-Тай-6; 7 – Сарыташ-1; 8 – Долина-3; 9 – Бахтигареево-1; 10 – Баишево-13; 11 – Баишево-4; 12 – Баишево-19; 13 – Баишево-15; 14 – Баишево-24; 15 – Баишево-23; 16 – Баишево-16; 17 – Кок-Тубе-2; 18 – Тузбек-1; 19 – «Баишевские курганы»; 20 – Баишево-1 (Сосновские); 21 – Усть-Карасаз-2; 22 – Баишево-20; 23 – Карасаз-3; 24 – Кынгыртау-2; 25 – Карышкино-5; 26 – Карышкино-3; 27 – Карышкино-4. (1 – укрепленные поселения; 2–5 – поселения: 2 – поздняя бронза; 3 – средняя и поздняя бронза; 4 – средняя, поздняя и финальная бронза; 5 – поздняя и финальная бронза; 6–10 – курганы и курганные могильники: 6 – одиночные курганы; 7 – курганные могильники (2 кургана); 8 – курганные могильники (3 и более курганов); 9 – эпоха средней бронзы; 10 – эпоха поздней бронзы и не исследовавшиеся). Карта составлена на основе сводов различных лет (Археологическая..., 1976; Свод..., 2004), а также отчетов ИКАЭЭ 2003–2004 гг.)

Fig. 2. Sites of the Bronze Age of the mountain-steppe area and the eastern foothills of the Irendyk ridge: 1 – Selek; 2 – Ulak-1; 3 – Ulak-2; 4 – Ulak-6; 5 – Baishevo-26; 6 – Yumash-Tau-6; 7 – Sarytash-1; 8 – Valley-3; 9 – Bakhtigareev-1; 10 – Baishevo-13; 11 – Baishevo-4; 12 – Baishevo-19; 13 – Baishevo-15; 14 – Baishevo-24; 15 – Baishevo-23; 16 – Baishevo-16; 17 – Kok-Tube-2; 18 – Tuzbek-1; 19 – “Baishevo barrows”; 20 – Baishevo-1 (Sosnovskie); 21 – Ust-Karasaz-2; 22 – Baishevo-20; 23 – Karasaz-3; 24 – Kyngyrtau-2; 25 – Karyshkino-5; 26 – Karyshkino-3; 27 – Karyshkino-4. (1 – fortified settlements; 2–5 – settlements: 2 – Late Bronze; 3 – Middle and Late Bronze; 4 – Middle, Late and Final Bronze; 5 – Late and Final Bronze; 6–10 – barrows and barrow burial grounds: 6 – single barrows; 7 – barrow burial grounds (2 barrows); 8 – barrow burial grounds (3 or more barrows); 9 – Middle Bronze Age; 10 – Late Bronze Age and unstudied) (the map was compiled on the basis of cadastres of different years (Archeological..., 1976; Cadastre..., 2004), and ICAEE reports of 2003–2004)

у юго-восточного края «пойменного острова» р. Ургаза, сформировавшегося в месте выхода реки из горной долины хребта Ирендык на низкую плоскую равнину (рис. 2, 3). Состоит из нескольких действующих русел реки, старых замытых проток, болотистых участков, влажных лугов и разделяющих их пойменных грив. Протяженность пойменного острова 5,5 км, ширина до 3,3 км. На сложность его строения дополнительно влияют впадающий

на этом участке в р. Ургаза ряд мелких притоков, осуществляющих водосбор по восточному подножью хребта Ирендык. Многие из них в настоящее время сильно нарушены или уничтожены антропогенным воздействием, но следы водотоков и окружающих их влажных низин хорошо видны на спектрональном снимке, сделанном в 1989 г. космическим аппаратом «Ресурс-Ф1» (рис. 3). Важно, что как минимум половина из выявленных на

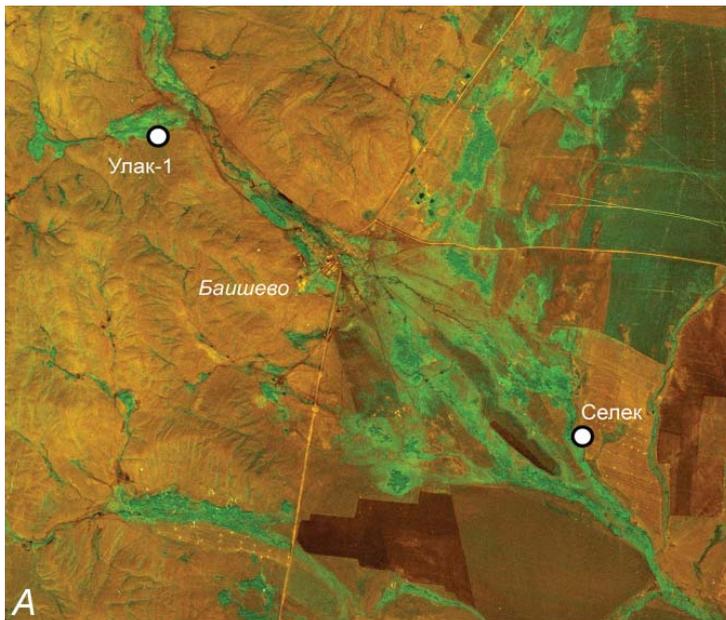
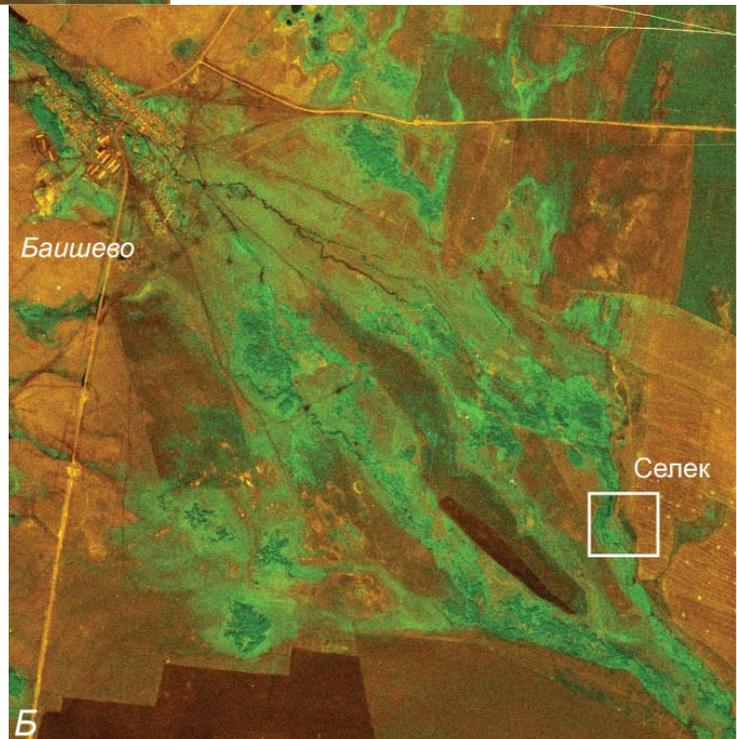


Рис. 3. Горно-степная зона и восточные предгорья хребта Ирэндък. А – общая топографическая приуроченность поселений Улак-1 и Селек. Б – приуроченность поселения Селек к пойменному массиву р. Ургаза. Основа: спектрозональный космоснимок КФА-1000 (1989 г.)

Fig. 3. Mountain-steppe area and the eastern foothills of the Irendyk ridge. A – general topographic affiliation of Ulak-1 and Selek settlements.

B - Selek settlement is confined to the floodplain mass of the Urgaza river. Basis: spectrozonal satellite image KFA-1000 (1989)



участке Баишево – Мансурово – Карышкино (представляет собой равносторонний треугольник с длиной сторон по 12 км) памятников эпохи бронзы сконцентрирована именно вокруг этого пойменного массива (рис. 2). Остальные же примерно поровну распределены по внутригорным долинам и узкой сильно увлажненной полосе восточных предгорий хребта Ирэндък.

Высота пологой надпойменной террасы в месте расположения укрепленного поселения не превышает 1,5–2 м от уреза воды, у западного края укреплений терраса плавно переходит во влажный пойменный луг. Ширина поймы, отделяющей современное русло р. Ургаза от края террасы, к которой приуро-

чен памятник, составляет 50–100 м. Восточнее и северо-восточнее поселения, вглубь террасы, вся территория на момент выявления и ранее распаивалась; археологическая разведка здесь не проводилась.

Поселение было найдено по единичным фрагментам керамики, встречающейся на поверхности грунтовой дороги, проходящей на данном участке практически вдоль края пашни и связывающей летние фермы с д. Баишево. Детальный осмотр поверхности позволил зафиксировать здесь крупный археологический объект, являющийся т.н. «укрепленным поселением» сложной формы и менгир, расположенный у восточного края обвалованной площадки (рис. 4). Выше



Рис. 4. Менгир Хынташ. На заднем плане – пойменный массив р. Ургаза, заросли кустов за менгиром – площадка укрепленного поселения Селек. Весна 2003 г.

Fig. 4. Menhir Khyntash. On the background – the floodplain mass of the Urgaza river, bushes behind the menhir – the site of Selek fortified settlement. Spring of 2003.

упоминалось, что у местного населения он имеет наименование «Хынташ».

Вся площадка памятника покрыта густыми непроходимыми зарослями степного кустарника – чилиги (*карагана кустарниковая*), поэтому контуры валов удалось зафиксировать только с помощью теодолитного хода¹. Репером для съемки послужила вершина менгира. Валы имеют форму огромной буквы «Б», повернутой к реке (рис. 5). Вал, высотой около 1 м и шириной 5–7 м, от края террасы тянется на протяжении 50 м и под прямым углом поворачивает на северо-запад. Длина этого прямого участка вала составляет 95 м. Он переходит в замкнутый кольцевой вал диаметром 70 м. Четко проследить какие-либо конструкции внутри кольцевого вала не удалось. Можно лишь достаточно уверенно говорить об относительно ровной центральной площадке и большом количестве понижений, примыкающих к внутреннему краю вала и разделенных узкими, выделяющимися в рельефе перемычками. Снаружи кольцевого вала в некоторых местах фиксируются расплывшиеся выступы. Возможно, что подобных выступов больше, но детальному обследованию топографии памятника мешают плотные заросли кустарника. Внутри разомкнутого Г-образного вала на участке, не покрытом кустарником, т.е. практически

на краю террасы р. Ургаза, плавно переходящей во влажную луговину, четко читаются 4 жилищных впадины. Они расположены в ряд, перпендикулярно осевой линии укрепленного поселения. Самой крупной является жилищная впадина около южной оконечности вала. Ее длина 18 м, ширина 13 м, глубина 0,7 м. Три других впадины примерно одинаковые, их размеры 9–10×7–8×0,5 м. В августе 2003 г., силами большого количества рабочих экспедиции от кустарника за 2 дня работы был расчищен участок площадки поселения размером около 10×40 м. На этом участке и был заложен разведочный шурф.

Шурф был заложен в 7 метрах к северо-западу от западины № 1 и в 7 метрах к востоку от западины № 2, на ровной площадке. Размер шурфа 2×2 м, ориентирован сторонами по сторонам света. Отложения снимались горизонтальными срезами по 10 см саперными лопатками и совками с переборкой и просеиванием грунта на сите с размером ячеек 1 см.

Горизонт 1. Дерн. Находок нет.

Горизонт 2. Гумус с корнями растений. Находок нет.

Горизонт 3. Гумус с корнями растений, отдельными яшмовыми галечками и обломками диабазовых галек. Обнаружены обломки костей животных плохой сохранности и 6 фрагментов керамики, в том числе каннели-

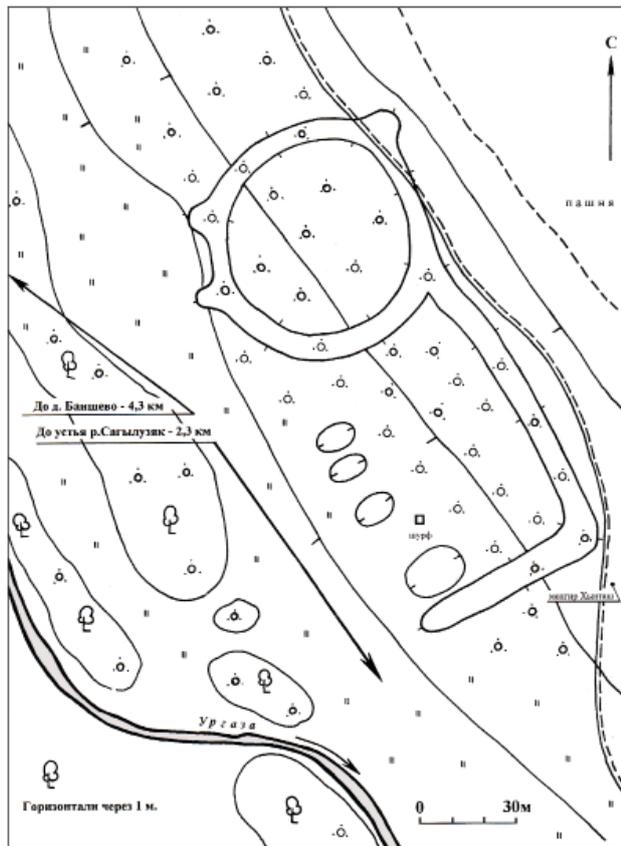


Рис. 5. Укрепленное поселение Селек.
Ситуационный план (2003 г.)
Fig. 5. Selek fortified settlement.
Location plan (2003)

рованные венчик и верхняя часть тулова двух разных сосудов (рис. 6: 2, 3), а также шейка с резным геометрическим орнаментом (рис. 6: 1). Четыре фрагмента имеют в тесте большую или значительную примесь талька, две неорнаментированные стенки сильно отличаются, в тесте у них примесь мелкого песка и органики.

Горизонт 4. Отложения те же. Обнаружены отдельные угольки, обломки костей животных, а также 5 фрагментов керамики. Среди них 3 небольшие неорнаментированные стенки, плоское днище с выделенной закраиной (рис. 6: 5), а также шейка сосуда с формованным валиком треугольного сечения и орнаментом в виде пояса наклонных резных линий по валику (рис. 6: 4).

Горизонт 5. Отложения те же, присутствует много расколотых диабазовых галек. Встречаются отдельные угольки. Обнаружены колотые кости животных и 4 фрагмента стенок лепных сосудов, из них три с многорядным гребенчатым орнаментом (рис. 6: 6–8), одна стенка без орнамента. На самом крупном фрагменте, относящемся к верхней части тулова, орнамент состоит из горизонтального бордюра глубоких треугольного сечения каннелюр, угольковых вдавлений торцом шпателя над ними и крупных, вероятно – треугольных, фигур, под ними (рис. 6: 6). Во всех случаях тесто содержит большую

примесь мелкоотделенного талька и, за исключением последнего фрагмента, примесь шамота. В основании горизонта в северо-западном углу шурфа зафиксировано пятно серовато-желтой слабогумусированной супеси (продукт разрушения скального основания), граница которого проходит с юго-запада на северо-восток. По краю идут отдельные камни и скопления камней. В восточной стенке зафиксирован фрагмент челюсти крупного травоядного животного.

Горизонт 6. Большая часть поверхности шурфа занимает пятно серовато-желтой слабогумусированной супеси. В юго-восточном углу заполнение более плотное из сероватого гумуса. Обнаружены кости животных и 3 фрагмента стенок лепных сосудов. Две из них без орнамента, а одна с небольшим сохранившимся участком орнамента, нанесенного гребенчатым штампом. Примести в глиняном тесте разнообразны – тальк+шамот, шамот, песок+шамот.

Горизонт 7. В основании горизонта во всей центральной части шурфа прослеживается гумусированный слой. По краям его фиксируются пятна более интенсивного по окраске гумуса. Между стенками шурфа и гумусом узкой полосой расположена желтоватая супесь. Вдоль восточной стенки тянется гребень скального выхода. В гумусном заполнении обнаружены колотые кости животных, в том числе и обожженные.

Горизонт 8. Гумусированный слой относится к верхней части горизонта. В нем встречаются отдельные мелкие косточки и угольки. Ниже фиксируются серовато-желтая супесь без каких-либо находок. В восточной части шурфа с юго-запада на северо-восток тянется скальный выход сланцевых пород. С западной стороны вдоль него идет полоса угловой щебенкой и продуктов ее растворения белесого цвета. На светлом фоне супеси, являющейся продуктом разрушения скального основания, хорошо фиксируются темные пятна гумуса – сурчины.

Шурф был доведен до глубины 0,8 м, отложения описаны по разрезу северной стенки. Стратиграфия следующая:

1. Дерн. Мощность до 0,10 м.
2. Гумус. Мощность до 0,40 м.
3. Серовато-желтая гумусированная супесь. Мощность до 0,30 м.

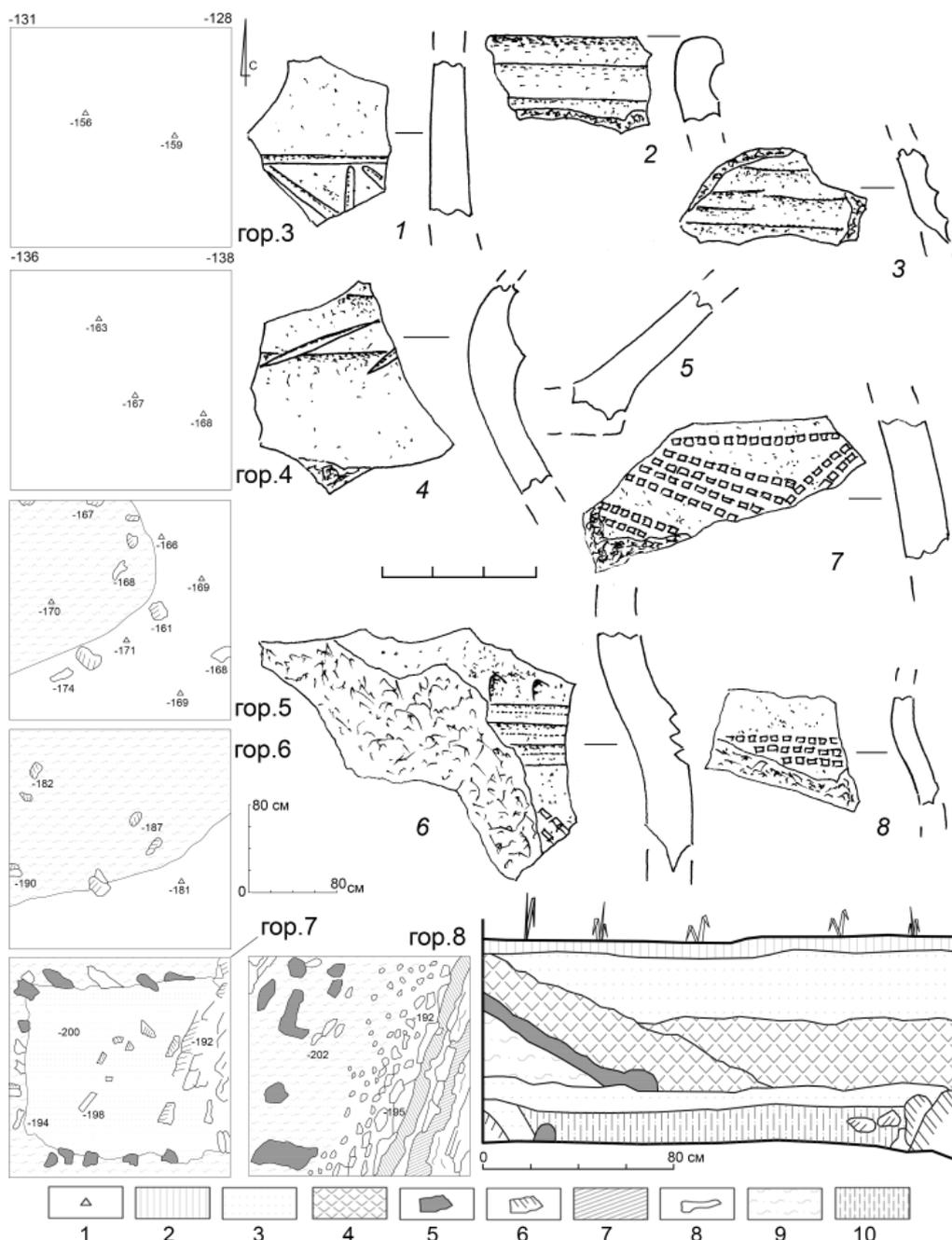


Рис. 6. Укрепленное поселение Селек. Шурф 1 (2003). Планы горизонтов и стратиграфия (1 – керамика; 2 – дерн; 3 – гумус темный; 6, 7 – скальный выход и связанные с ним камни; 4 – гумус белесый; 5 – однородный темный гумус (норы); 8 – кости; 9, 10 – слабо гумусированный светло-серый рухляк – разрушившееся скальное основание). *Керамика:* 1–3 – горизонт 3; 4, 5 – горизонт 4; 6–8 – горизонт 5 (2, 3 – синташтинская культура; 4, 5 – саргаринская культура; 1, 6–8 – синташтинская или алакульская культура)

Fig. 6. Selek fortified settlement. Shaft 1 (2003). Horizon plans and stratigraphy (1 – ceramics; 2 – turf; 3 – dark humus; 6, 7 – rocky outcropping and associated stones; 4 – white humus; 5 – homogeneous dark humus (burrows); 8 – bones; 9, 10 – weakly humified light gray plaster stone – a collapsed rock base). *Ceramics:* 1–3 – horizon 3; 4, 5 – horizon 4; 6–8 – horizon 5 (2, 3 – Sintashta culture; 4, 5 – Sargary culture; 1, 6–8 – Sintashta or Alakul culture)

4. Материк – светло-серая супесь.

Заложенный шурф показал значительную мощность культурных отложений, их насыщенность культурными остатками и позволил установить культурную принадлежность памятника. Всего из шурфа происходит 18 фрагментов керамики. Относительно небольшое количество находок с раскопа площадью 4 м² может быть объяснено только значитель-

ной (по 7 метров) удаленностью шурфа от ближайших жилищных впадин.

Культурная принадлежность керамики определяется как синташтинская (рис. 6: 2, 3), алакульская (рис. 6: 1, 6–8), среди которой может быть и синташтинская, но четкая атрибуция невозможна из-за сильной фрагментированности, а также саргаринская (рис. 6: 4, 5).

Ближайшим памятником с синташтинской керамикой является расположенное в 8 км к северо-западу укрепленное поселение Улак-1. Если по результатам раскопок 1996 г. было сделано только допущение о наличии среди находок из шурфов нескольких фрагментов, которые могут быть отнесены к синташтинской культуре (Савельев, Яминов, 2004, с. 211), то более поздние работы полностью подтвердили это наблюдение (Бахшиев, Насретдинов, 2016, с. 67, рис. 2). Дело в том, что работы 1996 г. проводились в центральной части поселения, нарушенной более поздней, срубно-алакульской, застройкой (Савельев, Яминов, 2004, с. 213), а в 2015 г. целенаправленно исследовалась одна из радиально расположенных жилищных впадин (Бахшиев, Насретдинов, 2016, с. 66, рис. 11), четко прослеживавшаяся как визуально, так и с помощью геофизических методов (Журбин, 2004, рис. 20в; 34). И синташтинская керамика приурочена именно к остаткам данного жилища. Важно также, что ряд фрагментов с Улака-1 практически идентичен синташтинской керамике укрепленного поселения Селек (Бахшиев, Насретдинов, 2016, рис. 2: 1–5, 7, 8). Раскопки, проводившиеся в 2003 г. авторами с внешней стороны вала (и не более чем в 10–15 м к северо-востоку от раскопа 2015 года) показали наличие освоенности и на этой площадке (в виде наземных построек), но среди достаточно многочисленных находок срубно-алакульской керамики синташтинская отсутствовала полностью (Савельев, Яминов, 2004; Котов, 2004).

Также в ближайшей округе известны два некрополя, которые могут быть синхронизированы с синташтинскими находками на укрепленных поселениях Селек и Улак-1 – это курганные могильники Кок-Тубе-2 и Баишево-4. В первом, расположенном в 2,8 км западнее Селека, на противоположном берегу описанного выше пойменного массива, был исследован один курган с полностью разграбленным большим и очень глубоким квадратным погребением в центре, а боковое детское погребение содержало свинцовые браслеты (неопубликованные раскопки Г.Т. Обыденновой, 1996 г.). В исследованных курганах могильника Баишево-4 (4,6 км к северо-западу от поселения Селек) представлено большое количество синкретической синташтинско-абашевской глиняной посуды, отличающейся значительной примесью дробленой раковины в тесте (Обыденнов, Обыденнова, 1996, с. 19–29, рис. 33; 36).

Нахождение более поздней, срубной, алакульской и срубно-алакульской керамики на укрепленном поселении Селек является вполне закономерным – она присутствует практически на всех поселениях эпохи бронзы как ближайшей округи (рис. 2), так и всего региона. В достаточном количестве она есть и на укрепленном поселении Улак-1 (Савельев, Яминов, 2004, рис. 2; 3; Бахшиев, Насретдинов, 2016, рис. 3; 4), где выделяется даже абсолютно инородный планировочный элемент – линия жилищных впадин, проходящая через центр замкнутой кольцевой структуры памятника. Также срубная и срубно-алакульская керамика составляет основную часть находок на его очень большом поселении-спутнике – открытом поселении Улак-2 (Савельев, 1996, с. 16–23; Свод..., 2004, с. 51, № 154). Картина, аналогичная Улаку-1, с более поздней линейной планировкой жилищ в центре круглопланового поселка, зафиксирована на поселении Берсуат (Макурова, Петров, 2017, с. 47), а само использование площадок укрепленных поселений в более позднее, срубно-алакульское, время зафиксировано в качестве устойчивой закономерности. Это прослежено на поселениях Журумбай, Куйсак, Исинея, Родники, Каменный Амбар, Кизильское, Андреевское и др. (Савельев, 1996, с. 21, 22, 25, 31, 33, 36, 45). На поселении Аркаим значительный комплекс керамики также является срубно-алакульским (Петров, Куприянова, 2016, с. 47, рис. 27).

Саргаринская керамика эпохи финальной бронзы также присутствует на ряде близлежащих поселений эпохи бронзы, в том числе на поселении Сарыташ-1 (рис. 2: 7), где срубно-алакульский слой перекрыт саргаринским (Савельев, 1996, с. 34–38; Свод..., 2004, с. 57, № 177). Из стационарно исследованных памятников с насыщенным саргаринским слоем, перекрывающим более ранние слои эпохи бронзы, ближайшими к поселению Селек являются поселения Сукраково-2 в 40 км к югу (Свод..., 2004, с. 124–125, № 417), Лаимберды-1 в 40 км к западу (Свод..., 2004, с. 34, № 89) и Тавлыкаевское поселение в 40 км к северо-западу. На последнем, материалы с которого являются единственными относительно полно опубликованными, среди саргаринского комплекса встречается орнаментация валика наклонными резными линиями (Морозов, 1983, с. 31, рис. 10: 5–8), что полностью аналогично находкам с Селека (рис. 6: 4).

Несмотря на предельно малую вскрытую площадь на публикуемом памятнике, значи-

тельную важность предоставляют полученные стратиграфические и планиграфические данные. Во-первых, устойчивое залегание саргаринской керамики (горизонт 4) ниже синташтинской (горизонт 3) может свидетельствовать только о механической переотложенности как минимум верхней части культурного слоя. Во-вторых, фиксируемая в северной стенке и планиграфически на горизонтах 5 и 6 светлая супесчаная линза без находок может являться только и исключительно переотложенным балластом (материком), который перекрывает нижележащую часть культурного слоя. В-третьих, подквадратная форма гумусного пятна, прослеженная на горизонте 7, и ее оконтуренность сурчинами позволяют достаточно уверенно считать, что оно является следами искусственного углубления, позже (на уровне горизонтов 5-6) перекрытого материковой супесью. В-четвертых, судя по отсутствию керамики на горизонтах 7-8 (при наличии обломков костей животных и угольков) можно предварительно говорить о том, что на раннем этапе существования данного памятника территория, где был заложен шурф, являлась достаточно удаленной периферией освоенного пространства.

Какой-либо детальный анализ формы самого укрепленного поселения на данном этапе работы невозможен, можно сделать только некоторые заключения. По своей топографической приуроченности памятник находится в совершенно идентичной ситуации со всеми прочими укрепленными поселениями «аркаимского» круга – на низком берегу небольшой степной реки, практически на границе с поймой. Судя по имеющимся (пока самым общим) представлениям о форме, поселение Селек может быть названо двухчастным, где сочетаются круглоплановость и прямоугольная форма. Непосредственно такие сочетания среди известных памятников данного круга неизвестны, но есть наложения круглых (овальных) друг на друга (Исиной) и прямоугольных друг на друга (Степное, Устье I, Андреевское) (Макурова, Петров, 2017). Одночастная круглоплановая основа поселения имеет многочисленные аналогии и ближайшей, возможно, является поселение Сарым-Саклы (Макурова, Петров, 2017, план на с. 28). Линейная структура расположения западин в южной части поселения Селек является закономерностью для всех известных прямоугольных укрепленных поселений. Все дальнейшие уточнения могут быть сделаны только после выполнения детальной съем-

ки площадки памятника, ее интерпретации и проведения рекогносцировочных раскопок в разных частях поселения.

В 12 м к югу от юго-восточного угла вала укрепленного поселения Селек был обнаружен одиночный менгир, представляющий собой крупный камень яйцевидной формы из диабазы (рис. 4). Диаметр менгира 0,5 м, возвышается над уровнем современной поверхности на 0,55 м. Учитывая, что нигде более вокруг такие камни не встречаются, достаточно уверенно можно предполагать, что данный менгир составляет с укрепленным поселением единый комплекс. Возможно, что он также должен быть синхронизирован с поселением, так как для Южного Зауралья связка «менгир на краю поселения эпохи бронзы» является широко распространенной (Полякова, 2003; 2006), а для ряда случаев их датировка однозначно подтверждена раскопками (Петров, Куприянова, 2016, с. 135–138). Ближайшими к укрепленному поселению Селек памятниками с менгирами являются поселения Баишево–26 – 4,6 км к западу-северо-западу, Улак–2 – 8,4 км к северо-западу и Сарыташ–1 – 11,5 км к северу (рис. 2) (Савельев, 1996; Котов, Савельев, 2001, с. 88, рис. 1; Свод..., 2004, с. 57, № 177).

Также необходимо отметить, что в горно-степной зоне хребта Ирэндык достаточно часто встречаются и менгиры эпохи позднего средневековья и этнографического времени, но все они, как правило, сделаны из плитняка и имеют совершенно иную топографическую приуроченность (на перевалах, на краю возвышенностей, на склонах гор, как правило – с очень хорошим обзором) (Савельев, 2012, с. 144–145, рис. 35, табл. 3).

Открытие еще одного укрепленного поселения в предгорной полосе Башкирского Зауралья позволяет уверенно говорить о необходимости расширения территории т.н. «Страны городов» вплоть до восточного склона Южного Урала (как минимум – до горного массива Ирэндык-Крыкты), как об этом говорилось уже после открытия поселения Улак-1 (Савельев, Яминов, 2004, с. 214). Фактически речь идет о полосе по правобережью верхнего течения р. Урал протяженностью порядка 250 км (от широты р. Уй на севере до устья р. Ургаза на юге) и шириной до 40–70 км, т.е. площадь этой территории составляет не менее 7000–10000 км². Учитывая близость природных условий на всей этой территории, а также отсутствие принципиальных физико-географических различий с уже установленным

ареалом укрепленных поселений (рис. 1), Башкирское Зауралье должно рассматриваться как потенциально высоко перспективная зона для поиска данного типа памятников. Как минимум, для этой территории уверенно можно говорить о не-единичности укрепленных поселений эпохи бронзы.

В заключение можно отметить еще одну важную закономерность – максимальную приуроченность памятников эпохи бронзы в окрестностях д. Баишево к узкой сильно увлажненной полосе, вытянувшейся непосредственно вдоль восточного подножья хребта Ирендык. Вероятно, это свойственно для всей протяженности горного массива Ирендык-Крыкты, однако прочие территории до сих пор обследованы крайне недостаточно. Также на данном локальном участке наглядно видны сильные различия в распо-

ложении памятников эпохи бронзы и кочевнических древностей середины I тыс. до н.э. Для эпохи бронзы характерно расположение могильников именно в предгорной полосе, а поселений – уже в горно-степной зоне, в основном в первых долинах. Памятники же ранних кочевников в предгорьях представлены минимально, а внутри горно-степной зоны они присутствуют практически во всех долинах, удобных для проживания (Савельев, 2006а, рис. 2; 2006б). Это связано с совершенно разными системами жизнеобеспечения населения этих двух исторических эпох. Если же говорить про скотоводов эпохи бронзы, то на рассматриваемом локальном уровне мы видим четкую приуроченность как поселений, так и могильников к малым водотокам, широким пойменным пространствам и предельно выровненному рельефу.

Примечание:

¹ Попытки дешифрирования аэрофотоснимков 1950–60-х гг. результатов не дали – заросли кустов чилиги существовали на этом месте и в то время, что не позволяет увидеть никаких рельефных особенностей участка. Надеемся, что применение современных методов дистанционной съемки (типа лидаров) приведет к положительному результату, что, несомненно, скорректирует существующий план и позволит увидеть микро топографию внутренней части памятника и закономерности расположения объектов (в первую очередь – жилищных впадин).

ЛИТЕРАТУРА

Акбулатов И.М., Ахтарянова Д.И., Котов В.Г., Минеева И.М., Савельев Н.С. Исследования Ирендыкской экспедиции на юге Башкирского Зауралья // АО 2003 года / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 2004. С. 296–301.

Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 262 с.

Бахшиев И.И., Насретдинов Р.Р. Некоторые итоги исследований 2015–2016 гг. на поселении Улак–1 в Башкирском Зауралье // Историко-культурные процессы на Южном Урале в эпоху поздней бронзы: современные проблемы изучения и сохранения культурного наследия. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Н.Г. Рутто. (г. Уфа, 20 мая 2016 г.) / Отв. ред. И.И. Бахшиев. Уфа: Диалог, 2016. С. 64–87.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1992. 408 с.

Журбин И.В. Геофизика в археологии: методы, технология и результаты применения. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. 152 с.

Зданович Г.Б., Батанина И.М. «Страна городов» – укрепленные поселения эпохи бронзы XVIII–XVII вв. до н.э. на Южном Урале // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия / Науч. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: Каменный пояс, 1995. С. 54–62.

Котов В.Г. Научный отчет о разведочном обследовании в Баймакском, Бурзянском, Мелеузовском и Кугарчинском районах Республики Башкортостан в 2003 г. Уфа, 2004 / Научный архив ИА РАН.

Котов В.Г., Савельев Н.С. Новый палеолитический памятник в Башкирском Зауралье // УАВ. Вып. 3 / Отв. ред. В.К. Федоров. Уфа: НМ РБ, 2001. С. 88–93.

Макурова М.Р., Петров Ф.Н. Аркаим – «Страна городов». Путеводитель по «бронзовому кольцу России». Челябинск: Абрис, 2017. 55 с.

Морозов Ю.А. Тавлыкаевское поселение срубной культуры // Поселения и жилища древних племен Южного Урала / Под ред. А.Х. Пшеничникова и В.А. Иванова. Уфа: БФАН СССР, 1983. С. 19–40.

Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т. Памятники бронзового века Южного Урала. Уфа: Восточный университет, 1996. 102 с.

Петров Ф.Н., Куприянова Е.В. Поселения эпохи бронзы в Аркаимской долине: по результатам разведочных исследований 1997–2015 гг. М.: Московский областной общественный фонд «Наследие», 2016. 148 с.

Полякова Е.Л. Космос древних (по материалам мегалитических памятников Южного Зауралья) // Человек в пространстве древних культур. Материалы Всероссийской конференции (20–25 августа 2003 г., Аркаим). Челябинск: Музей-заповедник «Аркаим», 2003. С. 77–78.

Полякова Е.Л. История изучения мегалитических памятников Южного Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2006. С. 61–65.

Савельев Н.С. Научный отчет об археологической разведке в Баймакском районе Республики Башкортостан в 1996 г. (Байшевский микрорайон). Уфа, 1997 / Научный архив ИА РАН.

Савельев Н.С. Курган эпохи ранних кочевников Кушалыкуак-1 в восточных предгорьях хребта Иренидык // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006а. С. 92–104.

Савельев Н.С. Иредыкско-крыкитинская группа кочевников Южного Урала: критерии выделения и поисковые признаки памятников // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2006б. С. 80–83.

Савельев Н.С. Малые культовые объекты Южного Урала: от археологии к этнографической современности // Документы и материалы по истории башкирского народа (с древнейших времен до середины XVI в.) / Ред. Ф.Г. Хисамитдинова, А.В. Псянчин, В.В. Овсянников. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 128–166; 282–293; 311–319.

Савельев Н.С., Яминов А.Ф. Улак-1 – новое укрепленное поселение эпохи бронзы в Башкирском Зауралье. // Народы Южного Урала и их соседи в древности и в средневековье. Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию крупного археолога-историка и общественного деятеля, член-корреспондента АН РБ, профессора Н.А. Мажитова / Отв. ред. М.М. Кульшарипов. Уфа: БашГУ, 2004. С. 204–218.

Свод археологических памятников Республики Башкортостан, выявленных в 1987–2000 годах / Авт.-сост. Н.С. Савельев. Уфа: Информреклама, 2004. 184 с.

Информация об авторах:

Котов Вячеслав Георгиевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Орден Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа, Россия), kslav1@yandex.ru

Савельев Никита Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Орден Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа, Россия), sns_1971@mail.ru

REFERENCES

Akbulatov, I. M., Akhtarianova, D. I., Kotov, V. G., Mineeva, I. M., Savelev, N. S. 2004. In Sedov, V. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2003 goda (Archaeological Discoveries of 2003)*. Moscow: "Nauka" Publ., 296–301 (in Russian).

Bader, O. N. (ed.). 1976. *Arheologicheskaya karta Bashkirii (Archaeological Map of Bashkortostan)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Bakhshiev, I. I., Nasretdinov, R. R. 2016. In Bakhshiev, I. I. (ed.). *Istoriko-kul'turnye protsessy na Yuzhnom Urale v epokhu pozdney bronzy: sovremennye problemy izucheniya i sokhraneniya kul'turnogo naslediya. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashhennoy 70-letiyu so dnya rozhdeniya N.G. Rutto (g. Ufa, 20 maya 2016 g.) (Historical and Cultural Processes in the Southern Urals during the Late Bronze Age: Contemporary Issues of Studying and Preservation of Cultural Heritage. Proceedings of the All-Russian Research and Practical Conference Dedicated to the 70th Anniversary of N.G. Rutto (Ufa, May 20, 2016))*. Ufa: "Dialog" Publ., 64–87 (in Russian).

Gening, V. F., Zdanovich, G. B., Gening, V. V. 1992. *Sintashta. Arkheologicheskie pamiatniki ariiskikh plemen Uralo-Kazakhstanskikh stepei. Ch. 1. (Archaeological Sites of Aryan Tribes in the Urals/Kazakhstan Steppes. Part 1)*. Cheliabinsk: South Ural Book Publ. (in Russian).

Zhurbin, I. B. 2004. *Geofizika v arkheologii: metody, tekhnologiya i rezul'taty primeneniia (Geophysics in Archaeology: Methods, Technology and Application Results)*. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Zdanovich, G. B., Batanina, I. M. 1995. In Zdanovich, G. B. (ed.). *Arkaim. Issledovaniia, poiski, otkrytiia (Arkaim. Studies, Searches and Discoveries)*. Cheliabinsk: "Kamennyi poias" Publ., 54–62 (in Russian).

Kotov, V. G. 2004. *Nauchnyi otchet o razvedochnom obsledovanii v Baimakovskom, Burzianskom, Meleuzovskom i Kugarchinskom raionakh Respubliki Bashkortostan v 2003 g. (Scientific Report on an Exploratory Survey in Baymaksy, Burzyansky, Meleuzovsky and Kugarchinsky Districts of the Republic of Bashkortostan in 2003.)*. Scientific archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences

Kotov, V. G., Savel'ev, N. S. 2001. In Fedorov, V. K. (ed.) *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 3. Ufa: National Museum of the Bashkir Republic, 88–93 (in Russian).

Makurova, M. P., Petrov, F. B. 2017. *Arkaim – Strana gorodov (Arkaim – Country of Towns)*. Chelyabinsk: "Arbis" Publ. (in Russian).

Morozov, Yu. A. 1983. In Pshenichnyuk, A. Kh., Ivanov, V. A. (eds.). *Poseleniia i zhilishcha drevnikh plemen Iuzhnogo Urala (Settlements and Dwellings of the Ancient Tribes of the Southern Ural)*. Ufa: Bashkirian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 19–40 (in Russian).

Obydenov, M. F., Obydenova, G. T. 1996. *Pamiatniki bronzovogo veka Iuzhnogo Urala (Bronze Age Monuments in the Southern Urals)*. Ufa: “Vostochnyi universitet” Publ. (in Russian).

Petrov, F. N., Kupriyanova, E. V. 2016. *Poseleniya epokhi bronzy v Arkaimskoy doline: po rezul'tatam razvedochnykh issledovaniy 1997–2015 gg (Settlements of the Bronze Age in the Arkaim Valley: Based on the Results of Reconnaissance Studies in 1997–2015)*. Moscow: “Nasledie” Publ. (in Russian).

Polyakova, E. L. 2003. In *Chelovek v prostranstve drevnikh kultur. Materialy Vserossiiskoi konferentsii (20–25 avgusta 2003 g., Arkaim) (Man in the Space of Ancient Cultures. Proceedings of the All-Russian Conference (August 20–25, 2003, Arkaim))*. Chelyabinsk: Arkaim Museum-Reserve, 77–78. (in Russian).

Polyakova, E. L. 2006. In Tairov, A. D. (ed.). *Etnicheskie vzaimodeistviia na Iuzhnom Urale (Ethnic Interactions in Southern Ural) III*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 61–65 (in Russian).

Savelyev, N. S. 1997. *Nauchnyi otchet ob arkhеologicheskoi razvedke v Baimakskom raione Respubliki Bashkortostan v 1996 g. (Baishevskii mikrpraion) (Scientific Report on Archaeological Exploration in the Baimaksky District of the Republic of Bashkortostan in 1996. (Baishevsky Microdistrict))*. Scientific archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences

Savelyev, N. S. 2006a. In Obydenova, G. T., Savelyev, N. S. (eds.). *Iuzhnyi Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremia (Southern Ural and Adjacent Territories in Scythian and Sarmatian Time)*. Ufa: “Gilem” Publ., 92–104 (in Russian).

Savelev, N. S. 2006b. In Tairov, A. D. (ed.). *Etnicheskie vzaimodeistviia na Iuzhnom Urale (Ethnic Interactions in Southern Ural) III*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 80–83 (in Russian).

Savelev, N. S. 2012. In Khisametdinova, F. G., Psianchin, A. V., Ovsianikov, V. V. (eds.). *Dokumenty i materialy po istorii bashkirskogo naroda (s drevneishikh vremen do serediny XVI v.) (Documents and Materials on the History of the Baskir People (Since Ancient Times to the Mid-16th Century))*. Ufa: Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center, Institute of History, Language, and Literature, 128–166; 282–293; 311–319 (in Russian).

Savelev, N. S., Yaminov, A. F. 2004. In Kulsharipov, M. M. (ed.). *Narody Yuzhnogo Urala i ikh sosedi v drevnosti i v srednevekov'e. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashhennoy 70-letiyu krupnogo arkhеologa-istorika i obshhestvennogo deyatelya, chlen-korrespondenta AN RB, professora N.A. Mazhitova (Peoples of the South Urals and their Neighbors in Antiquity and the Middle Ages)*. Ufa: Bashkir State University, 204–218 (in Russian).

Savelev, N. S. (comp.). 2004. *Svod arkhеologicheskikh pamiatnikov Respubliki Bashkortostan, vyavlennykh v 1987–2000 godakh (Summary of the Republic of Bashkortostan Archaeological Sites Discovered in 1987–2000)*. Ufa: “Informreklama” Publ. (in Russian).

About the Authors:

Kotov Vyacheslav G. Candidate of Historical Sciences. Institute for History, Language and Literature, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences. Oktyabrya Av., 71, Ufa, 450054, the Republic of Bashkortostan, Russian Federation; kslavl@yandex.ru

Savelev Nikita S. Candidate of Historical Sciences. Institute for History, Language and Literature, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences. Oktyabrya Av., 71, Ufa, 450054, the Republic of Bashkortostan, Russian Federation; sns_1971@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2021 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ КУРМАНАКОВСКОЙ IV СТОЯНКИ В НИЖНЕМ ТЕЧЕНИИ РЕКИ МЕША

© 2021 г.А.В. Лыганов

В статье рассматриваются керамические, кремневые и металлические изделия полученные в результате исследования жилищной впадины на Курманаковской IV стоянке. По керамике удалось выявить четыре культурно-хронологических горизонта на памятнике. Первый горизонт представлен керамикой и кремневыми изделиями средневожского варианта волосовской КИО. Второй хронологический комплекс представлен гибридной керамикой покровского этапа срубной КИО и финала волосовской культуры. К третьему этапу относятся самые многочисленные находки керамики и кремневых изделий раннего (атабаевского) этапа маклашеевской культуры и культуры текстильной керамики времени ее становления в Приказанском Поволжье. К этому периоду относится сооружение землянки на территории стоянки. Керамика маклашеевской культуры позднего (маклашеевского) этапа и гибридная керамика с признаками гончарных традиций носителей маклашеевской культуры и культуры текстильной керамики финала позднего бронзового века выявлена в верхних горизонтах заполнения жилища. К финалу позднего бронзового века относится и AMS ^{14}C дата, полученная из обугленного бревна в переходе между землянками – 2 σ (96%) 1274–1055 кал.л. до н.э. (UOC-13395, INTCAL20).

Ключевые слова: археология, р. Меша, энеолит, волосовская культура, поздний бронзовый век, керамика, изготовленная в «срубных» традициях, поздняковская культура, атабаевский этап маклашеевской культуры, культура текстильной керамики, маклашеевская культура, AMS ^{14}C даты.

CULTURAL AND CHRONOLOGICAL COMPLEXES OF KURMANAKOVO IV SITE IN THE LOWER REACHES OF THE MESHA RIVER

A.V. Lyganov

The paper addresses the ceramic, flint and metal items obtained as a result of the study of a residential hollow at the Kurmanakovo IV site. The ceramics made it possible to identify four cultural and chronological horizons at the site. The first horizon is represented by ceramics and flint items of the Middle Volga variant of the Volosovo Cultural and Historical Area. The second chronological complex is represented by hybrid ceramics of the Pokrovka stage of the Srubnaia Cultural and Historical Area and the final period of the Volosovo culture. The third stage includes the most numerous discovered ceramic and flint items of the early (Atabaev) stage of the Maklasheevka culture and the culture of textile ceramics of the period of its formation in the Kazan Volga Region. The construction of a dugout in the territory of the site is related to this period. Ceramics of the Maklasheevka culture of the late (Maklasheevka) stage and hybrid ceramics with signs of pottery traditions of the carriers of the Maklasheevka culture and the culture of textile ceramics of the final stage of the Late Bronze Age were revealed in the upper horizons of a dwelling's filling material. The AMS ^{14}C date obtained using a charred log in the passage between dugouts also belongs to the final stage of the Late Bronze Age – 2 σ (96%) 1274–1055 cal. years BC. (UOC-13395, INTCAL20).

Keywords: archaeology, Mesha river, Eneolithic, Volosovo culture, Late Bronze Age, ceramics made according to “Srubna” traditions, Pozdnyakovo culture, Atabaev stage of the Maklasheevka culture, the culture of textile ceramics, Maklasheevka culture, AMS ^{14}C dates.

Курманаковская IV стоянка расположена в нижнем течении р. Мешы правого притока р. Камы в 1 км севернее деревни Курманаково Лаишевского района РТ. Стоянка находится на останце дюнного возвышения в пойме правобережья реки. Разрушенная часть дюны вплотную примыкает с юга к надпойменной террасе высотой около 6–7 метров, сложенной суглинками. Поверхность стоянки значитель-

но разрушена береговой абразией Куйбышевского водохранилища, значительно подтопившего пойму р. Мешы, а также выемкой песка для создания спуска к реке и для производственных нужд. Вплотную к территории стоянки примыкает заболоченная древняя протока (рис. 1, 2).

В 2014 и 2017 гг. на разрушающейся части стоянки проведены раскопки на площади

около 102 м². В результате вскрыты две полуразрушенные постройки глубиной 70–100 см от древней поверхности. Предварительные итоги работ опубликованы (Лыганов, 2019а, 2019б). В данной статье более подробно рассматриваются вопросы хронологии существования комплексов стоянки с опорой на керамический, кремневый и металлический инвентарь, а также результат радиоуглеродного датирования обугленного бревна из перехода между жилищами.

Курманаковская IV стоянка входит в достаточно хорошо археологически изученный микрорайон нижнего течения р. Меши (рис. 1Б). Здесь известны как поселения, ставшие реперными, так и могильники и случайные находки атабаевского времени маклашеевской культуры (Атабаевская I стоянка, Рождественский I могильник, Ташкирменские и Епанчинские находки). При этом в этом регионе практически на каждом из памятников известны и находки текстильной керамики и маклашеевского этапа маклашеевской культуры. В ближайшей округе Курманаковской IV стоянки разведочными работами исследованы Курманаковская VI стоянка и Дятловская стоянка с материалом культуры текстильной керамики. Таким образом, широкое освоение этой территории произошло во второй половине II тыс. до н. э. Не является исключением и Курманаковская IV стоянка, жилище и основной комплекс предметов которой относится к этому времени.

Стратиграфия раскопов Курманаковской IV стоянки вне жилищной западины следующая (рис. 3). В верхней части идет слой дерна мощностью до 5–7 см. Далее идет слой светло-желто-серого слоистого песка (аллювиальных отложений) мощностью от 12–15 см вне территории жилищной западины и до 30 см в самой низкой точке западины. Находок в нем не выявлено. По происхождению этот слой, вероятно, образовался в процессе высоких половодий р. Меши и перекрыл культурные напластования первобытной стоянки. Судя по находкам гончарной сероглиняной керамики XVIII–XIX вв. в верхней части нижележащего культурного слоя стоянки, эти половодья происходили в Новое время. Аналогичные наблюдения были сделаны на Пестречинской IV стоянке, расположенной в среднем течении р. Меши (Галимова, Лыганов, 2019, с. 41–42).

Далее идет слой серой гумусированной супеси (погребенной почвы), который является культурным слоем стоянки. Здесь выявлены

находки от эпохи энеолита до финала позднего бронзового века, а в верхней части – керамика Нового времени (табл. 1). Мощность этого слоя также значительно разнится на разных участках раскопа. Вне территории жилищной западины мощность слоя достигает 45 см, в самой западине над землянкой мощность этого слоя 20–25 см. Здесь выявлено большое количество мелких, окатанных фрагментов керамики и отходов кремневого производства, с трудом поддающихся культурной интерпретации. Над жилищной западиной этот слой сформировался уже после покидания этой территории людьми в финале бронзы, когда происходило постепенное заполнение оплывающим грунтом ямы котлована. Отсюда и такая смесь находок различного времени.

Помимо этого, на участках, не затронутых котлованом жилища, ниже слоя серой гумусированной супеси в профилях прослежен слой светло-серой гумусированной супеси мощностью 5–20 см. Границы с вышележащим слоем очень нечеткие (рис. 3: 2). Здесь сосредоточены фрагменты керамики эпохи энеолита и керамики, изготовленной в т. н. «срубных» традициях. Судя по стратиграфическим наблюдениям, именно в этом слое в древности был вырыт котлован жилища.

Заполнение жилища-землянки состоит из нескольких прослоек. В верхней части заполнения землянки зафиксирована прослойка из серой супеси с включением пятен желтого песка. Граница ее с выше- и нижележащими слоями очень нечеткая и фиксируется только в профилях и бровках раскопов. Мощность прослойки неодинакова на разных участках. Ближе к центру землянки ее мощность составляет 5–8 см, возле краев землянки, но не у самой стенки, мощность прослойки достигает 25 см. Прослойка насыщена большим количеством фрагментов колотого кварцита разных размеров. Светло-серая супесь с включением пятен желтого песка образовалась, вероятно, после того, как сгорела первоначальная конструкция землянки, а котлован, возможно, после отсыпки песком использовался уже вторично носителями маклашеевской культуры. На это указывают находки финала бронзового века преимущественно в этом слое и на этой глубине, а также большого количества кварцитовых обломков (рис. 4: 4). Использование кварцитовых орудий, наряду с кремнем, характерно именно для маклашеевской культуры (Галимова, 2014).

Основным заполнением котлована землянки является слой темно-серой супеси с вклю-

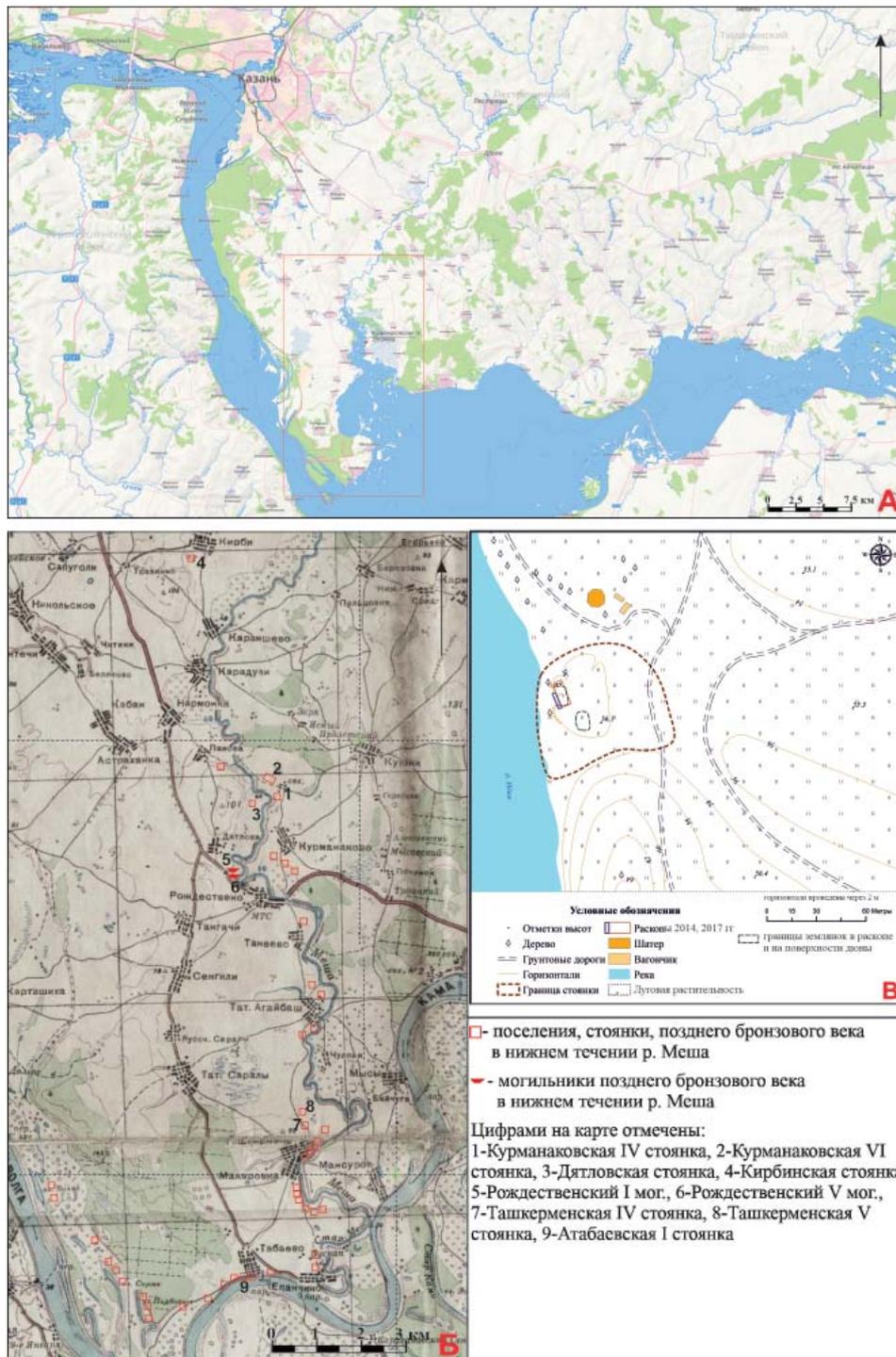


Рис. 1. А – Нижнее течение р. Меша и расположение Курманаковской IV стоянки; Б – Нижнее течение р. Меша до затопления Куйбышевским водохранилищем и памятники эпохи бронзы (топооснова – Карта РККА 1936-1947 гг. с масштабом 1:2.5М - 1:100К. Источник: <http://retromap.ru/>); В – План Курманаковской IV стоянки с нанесенными раскопами 2014 и 2017 гг.

Fig. 1. А – Lower course of the Mesha river and location of Kurmanakovo IV site; Б – Lower course of the Mesha river before flooding by the Kuibyshev reservoir and sites of the Bronze Age (topographic base - Map of the Red Army 1936–1947 at a scale of 1: 2.5М – 1: 100К. Source: <http://retromap.ru/>); В – Plan of Kurmanakovo IV site the marked excavations of 2014 and 2017.

чением большого количества углей. Наибольшая мощность этого слоя до 1 м прослежена у выявленных краев землянки. Наименьшая мощность слоя в 30 см в центральной части котлована. Этот слой выявлен также в заполнении материковых ям дна землянки. В

нижней части заполнения землянки и в ямах не зафиксирована самая ранняя керамика эпохи энеолита, а также маклашеевская керамика финала бронзового века (табл. 1).

Два жилища были зафиксированы на глубине –100 см от 0 в виде одного объемно-



Рис. 2. А – Фото дюнного останца, на котором расположена Курманаковская IV стоянка. Вид с юга; Б – Фото разрушенной жилищной западины. Вид с юго-востока; В – Вид на пойму р. Меша с территории Курманаковской IV стоянки; Г – Заболоченная протока р. Меша, проходящая вдоль Курманаковской IV стоянки.

Fig. 2. А – Photo of a dune outlier where Kurmanakovo IV site is located. View from the south; Б – Photo of a destroyed residual hollow. View from the south-east; В – View of the floodplain of the Mesha river from the territory of Kurmanakovo IV site; Г – Swampy course of the Mesha river passing along Kurmanakovo IV site.

го пятна размерами $6,5 \times 16$ м, занимающего фактически всю поверхность двух раскопов (рис. 5). На глубине 140–180 см сооружения разделились – между ними был зафиксирован переход, в котором лежала обугленная конструкция из трех бревен: два бревна внизу и сверху еще одно бревно. Сооружение 1 на

этой глубине стало значительно меньше – его размеры составили 11×8 м. Единственной полностью сохранившейся восточной стенкой длиной 11 м землянка ориентирована по направлению север – юг с незначительными отклонениями на северо-восток – юго-запад. Западная часть землянки, а также участки

Таблица 1.

Распределение керамики по глубинам на Курманаковской IV стоянке

Table 1.

Distribution of ceramics by depth at Kurmanakovo IV site

Пласт	Энеолит	В «срубных традициях»	КТК	Атабаевский этап	Маклашеевский этап	Поздняя-ковская	Нового времени	Неопределенно	Всего	Кремень и кварцит отходы
1 пласт аллювий										
2 пласт культурный слой		34	4	11		2		130	181	57
3 пласт культурный слой	21	60	53	28	8	3	7	228	404	70
4 пласт заполнение землянки		19	63	92	7	3		239	423	114
5 пласт заполнение землянки	5	31	58	30	55	8		289	483	71
6 пласт заполнение землянки	1	8	20	28	12	3		242	315	52
7 пласт заполнение землянки		2	5	16		5		130	158	29
В хозяйственных и столбовых ямах в полу землянки		1	11	46				44	90	21
Всего / % от определенной керамики	27 / 3,8%	155 / 20%	214 / 28%	251 / 33%	82 / 11%	24 / 3,3%	7 / 0,9%	1302	2054	414

прилегающих к ней северной и южной стенок полностью разрушены водохранилищем, так что нельзя сказать о ее действительной площади. Глубина котлована уровня выявления у южной стенки достигает 1 м. Дно плоское с уклоном с юга на север 25–30 см.

Сооружение № 2 размерами 2×5 м соединено с сооружением № 1 тамбуром-переходом длиной около 2 м и глубиной около 20 см от уровня фиксации. В раскопе зафиксирована только часть его южной и западной стенок. Судя по близости к обрыву, сооружение № 2 также значительно разрушено Куйбышевским водохранилищем. Глубина его от уровня выявления около 70 см.

Вдоль краев землянок при выборке на всех пластах в большом количестве фиксировались углистые полосы от сгоревших бревен. Столбовые ямы были зафиксированы вдоль южного края и восточного края сооружения № 1. Вдоль восточного края столбовые ямы идут в два ряда, расстояние между которыми около 2 м. Таким образом, можно говорить

о каркасно-столбовой конструкции жилища № 1. Также вдоль южного края котлована жилища № 1 были выявлены не менее 10 хозяйственных ям различного размера (рис. 5). В центральной части сооружения № 1 был зафиксирован маломощный провал от наземного очага.

Вероятно, условно выделенные землянки (сооружения): № 1 и № 2 являются разделенными помещениями в одном жилище. Такой вывод получен из того, что эти два разделенных помещения находятся в одном видимом на поверхности котловане, зафиксированы первоначально в виде единого пятна, перегородка между жилищами № 1 и № 2 невысока – ниже южной и восточной стенок жилища № 1 и составляет 40–50 см от уровня материка. Наиболее близки курманаковским жилищам по конфигурации постройки атабаевского этапа маклашеевской культуры на Ошутьяльском III поселении и жилища на Гулькином бугре (Соловьев, 2000, рис. 64; Збруева, 1960).



Рис. 3. Профили раскопов Курманаковской IV стоянки. А – Зачистка берегового обнажения. Вид с юго-запада; Б – Культурный слой вне жилищной западины на уч. а/5. Вид с севера; В – Профиль бровки, проходящей через землянку 1 на уч. 3Б–3Г. Вид с юга; Г – Профиль северной стенки раскопа, проходящей через землянку 2 на уч. 3Б–3Г. Вид с юга. Д – Разрез землянки 1 на уч. А1–А5.

Fig. 3. Profile of excavations at Kurmanakovo IV site. А – Cleaning of a coastal outcrop. View from the south-west; В – Cultural layer outside the residential hollow in section а/5. View from the north; В – Profile of an edge passing through dugout 1 at section 3Б–3Г. View from the south; Г – Profile of the northern wall of the excavation, passing through dugout 2 in section 3Б–3Г. View from the south. Д – Section of the dugout 1 in section А1–А5.

Керамический материал. Несмотря на четко выраженные напластования в стенках и бровках раскопов, керамика в культурном слое стоянки и в заполнении землянки залегает в перемешанном виде (табл. 1). Всего найдено свыше 2 тыс. фрагментов керамики, относящихся к различным культурно-хронологическим горизонтам.

Первый культурно-хронологический горизонт (конец III тыс. до н. э.) соответствует

финалу энеолита и представлен на стоянке 27 фрагментами пористой легкой керамики с гребенчатым орнаментом (4% от всей определенной керамики) (рис. 6). К этому же горизонту можно отнести днище плоскодонного сосуда относительно толстостенного с орнаментацией гребенчатым штампом (рис. 6: 9). Энеолитическая керамика залегала преимущественно на уч. А/5 в основании культурного слоя вне территории жилищной западины.



Рис. 4. А – углистые полосы вдоль стенки землянки 1; Б – Контуры землянки 1 и 2 соединённые между собой переходом; В – конструкция из бревен в переходе между землянками; Г – скопление колотого кварцита в верхней части заполнения землянки 1; Д – землянки 1 и 2 после выборки.

Fig. 4. А – carbonaceous strips along the wall of the dugout 1; Б – Contours of dugouts 1 and 2 connected by a transition; В – construction of logs in the transition between dugouts; Г – accumulation of crushed quartzite in the upper part of the filling of dugout 1; Д – dugouts 1 and 2 after sampling.

Этот керамический комплекс находит свои аналогии в древностях средневожского варианта волосовской культурно-исторической общности, в частности на близко расположенных к Курманаковской IV стоянке поселенческих памятниках Приказанского Поволжья: Сумская, Масловская IV, Матюшинские IV, V стоянки (Археологическая..., 1981, табл. III). Данная керамика схожа по орнаментации из рядов гребенки с широко поставленными

зубцами, на некоторых фрагментах находятся валики (Археологическая..., 1981, табл. III). По находке фрагмента керамики с валиком на Курманаковской IV стоянке (рис. 6: 2) весь этот комплекс можно отнести к финалу волосовской культуры Волго-Камья (Соловьев, 2000, с. 36–39).

Второй горизонт (первая половина II тыс. до н. э.) соответствует времени проникновения в Предкамье культурного влияния сруб-

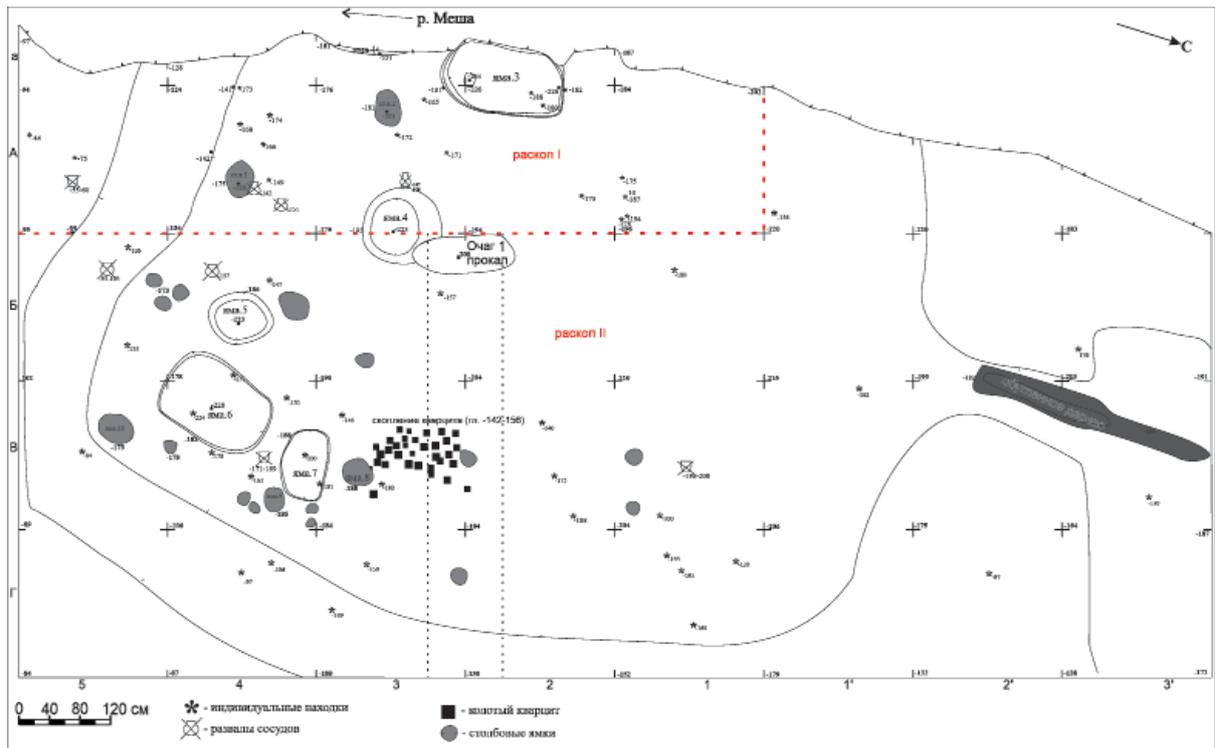


Рис. 5. План раскопов на Курманаковской IV стоянке на уровне материка.

Fig. 5. Plan of excavations at Kurmanakovo IV site at continent level.

ной КИО, что отразилось в появлении на территории стоянки носителей керамики, изготовленной в т. н. «срубных» традициях (155 фрагментов, или 20% от всей определенной керамики) (рис. 7: 1–13). Со срубной керамикой ее сближает баночная форма, небрежно заглаженная поверхность, иногда с расчесами, неровные вдавления овальной и подтреугольной формы. Подобная керамика широ-

ко отмечена в наиболее ранних покровских памятниках Среднего Поволжья и характерна в целом для всего времени существования срубной КИО (Кузьмина, 2017, рис. 62–65). Однако такая керамика, имеющая схожесть со срубной, впервые отмечена в Предкамье. Существуют и значимые отличия в посуде с Курманаковской IV стоянки. Это значительная примесь в тесте сосуда песка, органики и



Рис. 6. Керамика волосовской культуры с территории стоянки.

Fig. 6. Ceramics of the Volosovo culture from the site.

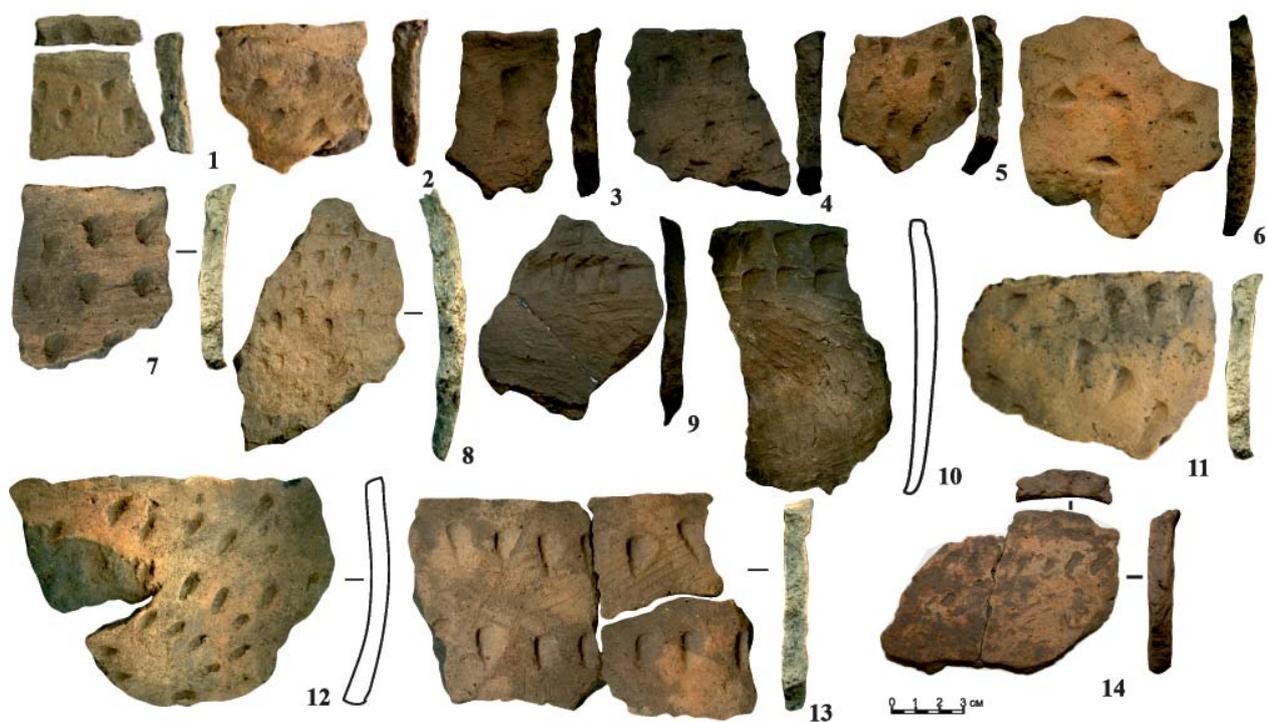


Рис. 7. Керамика, изготовленная в «срубных» традициях.
Fig. 7. Ceramics made according to “Srubnaya” traditions.

известковой крошки, плохой костровой обжиг и отсутствие в орнаменте гребенчатых оттисков. Кроме этого, на подавляющее большинство срезов венчиков с Курманаковской IV стоянки нанесены овальные и округлые вдавления, придающие венчику «гофрированный» вид. Большинство венчиков имеет выступ

наружу. Такая орнаментация среза с выступом наружу характерна для средневожского варианта волоховской КИО, гаринской культуры Прикамья (Никитин В.В., 2017, рис. 156–164; Шипилов, 2021, рис. 21–23). Известен венчик с подобным оформлением среза и с Пестречинской IV стоянки (рис. 7: 14). Все



Рис. 8. Керамика близкая по орнаментальным традициям поздняковской культуре.
Fig. 8. Ceramics similar to the Pozdnyakovo culture in terms of ornamental traditions.

это заставляет предполагать симбиоз культурных традиций покровского этапа (культуры) срубной КИО и поздних волосовских памятников в Приказанском Поволжье.

Судя по некоторым наблюдениям на территории стоянки, эти керамические комплексы по времени предшествуют появлению здесь атабаевской и текстильной керамики и сооружению землянки. Так, развалы керамики в «срубных» традициях зафиксированы на уч. А/5 и Г/5 в основании культурного слоя вне территории жилищного котлована.

Помимо керамики, изготовленной в «срубной» традиции, на раскопе зафиксирована немногочисленная поздняя керамика с характерными рядами шнуровых отпечатков по тулову или вдавлениями (24 фрагмента или 3,3% от всей определенной керамики) (рис. 8). Аналогичная керамика известна в том числе в балымско-карташихинских древностях Казанского Поволжья и поздняя керамика на Верхней Волге (Калинин, Халиков, 1954, рис. 4; Халиков, 1980, табл. 26: 25; Бадер, Попова, 1987, рис. 70; Азаров, 2013, рис. 7). Стоит отметить восстановленную стенку сосуда с Курманаковской IV стоянки, где помимо четырех рядов отдельных линий, сделанных отрисками шнура, расположены два ряда небольших подтреугольных вда-

лений, в большей степени характерных для андроновидных культур Приуралья (рис. 8: 8). Керамика, украшенная шнуром, встречается в погребениях луговской культуры (XVII–XV вв. до н. э.). Исследователи связывают появление посуды, украшенной шнуром, с влиянием поздняяковской культуры на луговскую культуру (Чижевский и др., 2011). Таким образом, керамика, украшенная шнуром, моложе керамики, изготовленной в «срубных» традициях.

Поселения, на которых совместно залегают т. н. «срубоидная» и поздняя керамика, выявлены западнее – в Марийском Поволжье и в бассейне р. Оки. Речь идет, прежде всего, о широко раскопанных Шокшинском и Акозинском поселениях (Ставицкий, 2008, с. 188–189, рис. 256–258, 268–269, 272; Халиков, 1960, с. 167–173, табл. LXVII, LXVIII). Керамика, изготовленная в срубных традициях, как и поздняя керамика, встречается на всех пластах раскопов на Курманаковской IV стоянке (табл. 1). Временные рамки существования подобных типов керамики достаточно спорны ввиду слабой разработанности хронологии и периодизации поздняяковской культуры и единичных памятников со «срубоидной» керамикой. Нижней датой весьма условно можно принять XVIII в. до н. э. как время проникно-

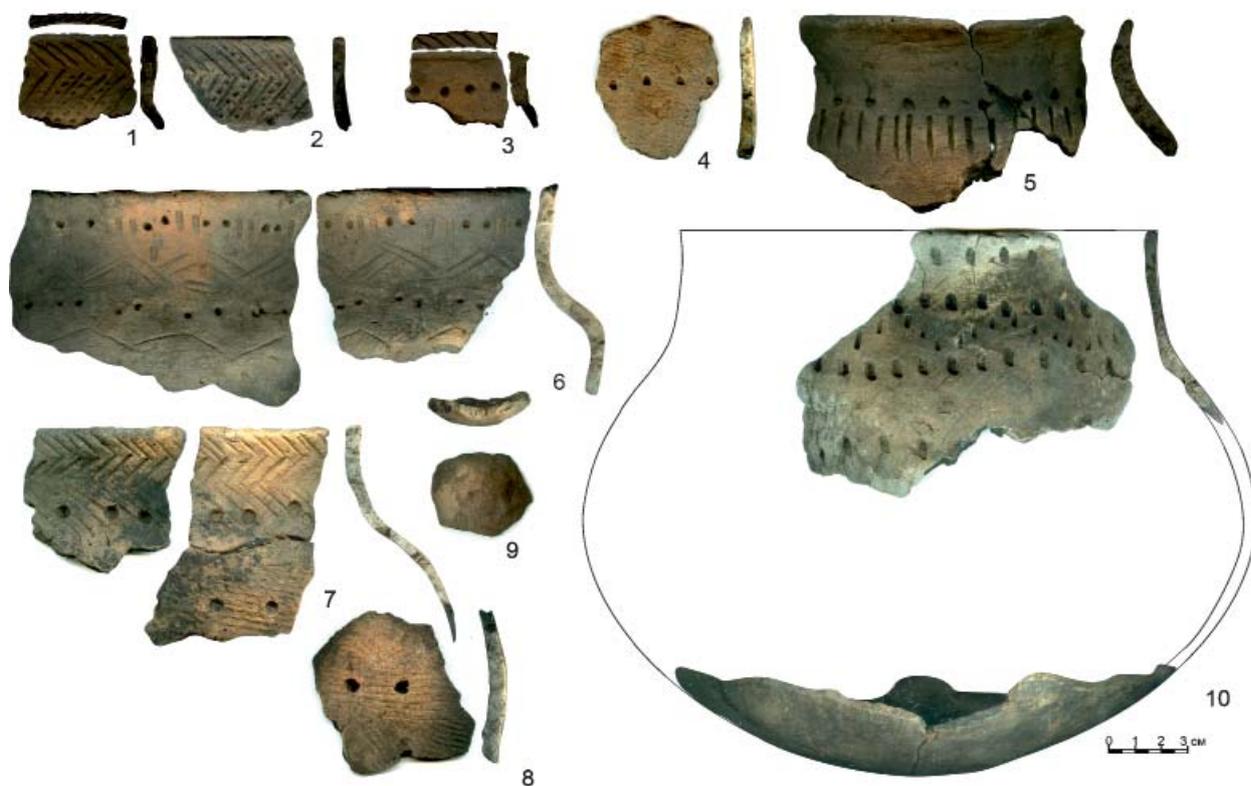


Рис. 9. Керамика культуры текстильной керамики, залегающая на полу землянки 1 и в заполнении хозяйственных ям.

Fig. 9. Ceramics of the textile ceramics culture lying on the floor of dugout 1 and in the filling material of utility pits.



Рис. 10. Керамика атабаевского этапа маклашеевской культуры, залегающая в нижней части заполнения землянок 1-2

Fig. 10. Ceramics of the Atabaev stage of the Maklasheevka culture lying in the lower part of the filling material of dugouts 1-2

влияния в Предкамье срубной культуры на ее развитом этапе. Верхней датой можно принять XV/XIV в. до н. э., когда в Предкамье появились носители атабаевских и текстильных традиций, а на Курманаковской IV стоянке была сооружена землянка. Таким образом, второй хронологический горизонт Курманаковской IV стоянки может быть определен достаточно широко в рамках всей первой половины II тыс. до н. э. Вероятно, более ранней является керамика, изготовленная в «срубных» традициях, на которой фиксируются черты срубной КИО и некоторые позднеэнеолитические признаки. Более поздней выглядит керамика с отпечатками шнура, на которой можно отметить ряд андроновидных мотивов в орнаментации (рис. 8: 8).

К третьему горизонту (XIV–XIII вв. до н. э.) на территории стоянки относится постройка жилища-землянки носителями культурных традиций атабаевского этапа маклашеевской культуры и носителями культуры текстильной керамики (далее – КТК) (рис. 9–11). Существование этих культурных традиций было прослежено на материалах ряда поселений Марийского Поволжья (Патрушев, 2017). При этом в Приказанском Поволжье не прослеживаются гибридных форм керамики этого

периода. Керамика этих двух культур самая многочисленная на раскопах – свыше 60% от всей определенной керамики. Керамика атабаевского этапа составляет 251 фрагмент, или 33% от всей определенной керамики, а керамика КТК – 214 фрагментов, или 28% от всей определенной керамики. Эти керамические комплексы встречаются на всех пластах раскопов и во всех материковых хозяйственных и столбовых ямах (табл. 1). На дне землянки зафиксированы развалы сосудов КТК (рис. 9: 6, 7, 10). Судя по форме и орнаментации, эти развалы относятся ко времени становления КТК в Приказанском Поволжье – среди орнаментации присутствуют элементы, характерные для поздняяковской культуры, но при этом уже появляются текстильные отпечатки (рис. 9: 6).

Атабаевская керамика разнообразна и, судя по орнаментации и по оформлению валика/воротничка на венчике, может быть отнесена к нескольким этапам.

На более ранней керамике присутствуют орнаментальные мотивы, характерные для андроновидных культур Прикамья (заштрихованные треугольники, иногда с бахромой, ряды прочерченных горизонтальных линий и др.) (рис. 10: 7, 9, 12, 13; 11: 6). Валик



Рис. 11. Керамика атабаевского этапа маклашеевской культуры, залегающая в нижней части заполнения землянок 1-2.

Fig. 11. Ceramics of the Atabaev stage of the Maklasheevka culture lying in the lower part of the filling material of dugouts 1-2.

подтреугольный приотстренный или округлый. Некоторые фрагменты имеют орнамент, характерный для южных и западных культур этого времени. Так, один из фрагментов из хозяйственной ямы в сооружении 1 (рис. 8: 7) находит аналогии в сосуде из могильника Дикариха, который относится к КТК, но при этом наиболее ранний и имеет также аналогии в поздняковской культуре (Никитин А.Л., 1973, рис. 8: 34, 37, 43). В придонной части жилища выявлен развал сосуда, на котором при атабаевском орнаменте, в виде вдавленный по верхней части венчика, присутствует нарезной валик с «усами», расположенный по плечу (рис. 10: 14). Такие валики с «усами» характерны для керамики ивановской (хвалынской) культуры степного Поволжья (Колев, 2008, табл. 3; Малов, 2013, рис. 4). Также нестандартен ряд атабаевской керамики с выпуклинами-жемчужинами под уплощенным орнаментированным валиком (рис. 10: 5, 11). Эта орнаментация характерна для древностей аким-сергеевского типа. Близость керамических комплексов аким-сергеевского и атабаевского этапа маклашеевской культуры неоднократно отмечалась исследователями (Ставицкий, 2008, с. 201; Чижевский и др., 2019, с. 100). Подобная гибридная керамика с различными орнаментальными чертами отражает процесс взаимодействия культур леса

и степи в рамках третьего периода развития Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции (Кузьминых, Дегтярева, 2006, с. 251–254).

На более поздней атабаевской керамике отмечается тенденция к исчезновению орнаментальных зон ниже ямочных или каплевидных вдавлений на шейке сосуда. Валик уплощается и становится схож с маклашеевскими воротничками финала бронзы (рис. 11: 1–5, 7, 8).

Таким образом, на территории стоянки мы имеем дело с наиболее ранним взаимодействием носителей КТК и раннемаклашеевской (атабаевской) культур. Судя по находкам ранних текстильных комплексов на дне сооружения 1 и залеганию ранней атабаевской и текстильной керамики в хозяйственных ямах, время постройки сооружения можно определить в пределах XIV в. до н. э. (или даже рубежом XV–XIV вв. до н. э.), учитывая известные даты валиковых и текстильных комплексов (Колев, 2008, с. 225; Лавенто, Патрушев, 2015; Чижевский и др., 2019, с. 108).

Самыми поздними по времени (XII–X вв. до н. э.) могут считаться не столь многочисленные находки (82 фрагмента, или 11% от всей определенной керамики) фрагментов керамики маклашеевской культуры и КТК финала позднего бронзового века. Эта



Рис. 12. Керамика маклашеевского этапа маклашеевской культуры и культуры текстильной керамики гибридного облика, залегающая в верхней части заполнения землянок 1-2.

Fig. 12. Ceramics of the Maklasheevka stage of the Maklasheevka culture and the textile ceramics culture of hybrid appearance, lying in the upper part of the filling material of dugouts 1-2.

керамика представлена как классической маклашеевской с примесью в тесте раковины со сгруппированными ямками, идущими ниже воротничка (рис. 12: 11), так и гибридной керамикой с примесью песка в тесте, с текстильными отпечатками по тулову сосуда, с ямками, идущими по венчику и по тулову сосудов (рис. 12: 1–5, 8–10, 12). Симбиоз гончарных традиций отражает процесс дальнейшего смешения носителей культур текстильной керамики и маклашеевской. В основном маклашеевская и текстильная керамика финала бронзы залегают в верхней части заполнения котлована землянки (табл. 1). Ее не зафиксировано в нижней части землянки и в материковых сооружениях. Судя по стратиграфическим наблюдениям, носители маклашеевской культуры продолжали использовать котлован жилища более раннего периода. Хорошо сохранившиеся бревна дуба, лежащие в переходе между землянками, относятся к этому времени (рис. 4: 2, 3; 5). К этому же периоду относятся находки большого количества прокаленного колотого кварцита, расположенные в верхней части заполнения землянки 1 (рис. 4: 4). Выраженные кварцитовые орудия, однако, зафиксированы не были.

Получена AMS ^{14}C дата из обугленного бревна дуба, лежащего в переходе между землянками (рис. 4). Некалиброванные значе-

ния 2966 ± 29 ^{14}C л. н. Калиброванные значения 1σ (68%) 1224–1125; 2σ (96%) 1274–1055 кал. л. до н. э. (UOC-13395, INTCAL20). Это время соответствует проживанию на территории стоянки носителей маклашеевской культуры. В дальнейшем, судя по отсутствию находок раннего железного века, жизнь на поселении прекращается. Вероятно, наблюдаемое пожарище в виде обугленных бревен, в непотревоженном виде и в хорошей сохранности, маркирует процесс, когда люди покидают это место.

Помимо керамических сосудов на стоянке были выявлены обломки от двух глиняных напярслиц (рис. 13: 17, 19). Одно из напярслиц орнаментировано ногтевыми вдавлениями, второе – небрежно сделано и неорнаментировано. Аналогии таким напярслицам прослеживаются в поздняяковской культуре, атабаевском этапе маклашеевской культуры (Бадер, Попова, 1987, рис. 70; Халиков, 1980, табл. 31).

Кремневый материал стоянки также находит аналогии в культурах энеолита – позднего бронзового века. К энеолиту можно отнести разнообразные отходы из одноцветного слоистого серого, реже двухцветного черно-белого кремня хорошего качества, который является маркером энеолита (Лыганов и др., 2018, с. 250–251) (рис. 13: 11). К

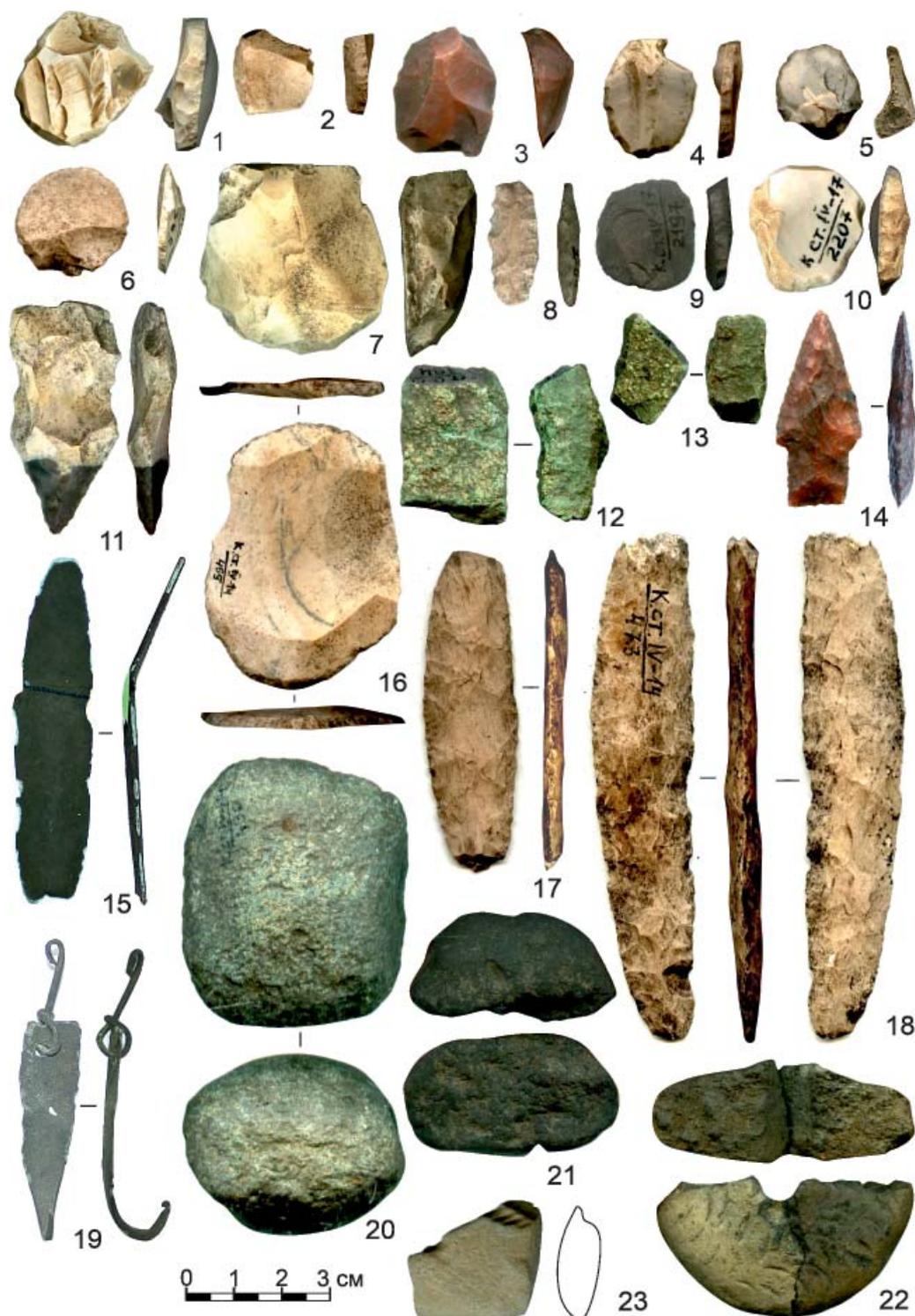


Рис. 13. 1–7, 9, 10 – кремневые скребки с лезвием по периметру, 8, 14 – Кремневые наконечники стрел. 11 – кремневое сверло-долотце. 12, 13 – куски медистого песчаника, 15 – медный нож, 16 – скребок на отщепе с двумя лезвиями, 17–18 – ножи-бифасы, 19 – медный рыболовный крючок, 20 – каменный отбойник, 21–22 – глиняные напярслица, 23 – фрагмент каменной литейной формы?

Fig. 13. 1–7, 9, 10 – Flint scrapers with a perimeter blade, 8, 14 – Flint arrowheads. 11 – flint drill bit. 12, 13 – pieces of cuprous sandstone, 15 – copper knife, 16 – scraper on a flake with two blades, 17–18 – biface knives, 19 – copper fish hook, 20 – hammer stone, 21–22 – clay spinning wheel cover, 23 – fragment of a stone casting mold?

энеолиту также следует отнести и небольшой кремневый наконечник стрелы листовидной формы. Аналогии таким наконечникам прослеживаются в древностях средневожжского варианта волосовской КИО (Никитин, 2017, 317: 2; 340, 351: 4).

Одной из наиболее ярких находок может считаться кремневый наконечник стрелы с вытянуто-треугольным пером и широким черешком подпрямоугольной формы (рис. 13: 14). Подобные наконечники стрел характерны для ряда культур первой фазы позднего

бронзового века – прежде всего, некрополей сейминско-турбинского транскультурного феномена с влиянием в культуре покровских обычаев металлообработки. Это, в первую очередь, могильники Решное и Юринский (Усть-Ветлужский) (Черных, Кузьминых, 1989, рис. 104: 8–11; Шалахов, 2014, рис. 1: 10–11). Вероятно, данный наконечник стрелы можно связать с носителями культуры с керамикой, изготовленной в «срубных» традициях. Как было отмечено выше, на данной керамике прослеживаются покровские гончарные нормы (баночная форма сосудов, расчески, разнообразные вдавления).

Среди другой категории кремневого инвентаря интересны находки ножей-бифасов (рис. 13: 17, 18). Такие типы орудий присутствуют на поздняяковских памятниках (Бадер, Попова, 1987, рис. 67: 23, 24). На стоянке выявлено большое количество своеобразных мелких скребков с ретушью по всему периметру или по нескольким граням (рис. 13: 1–10). Подобные орудия зафиксированы на поселениях поздняяковской культуры и КТК (Азаров, 2013, рис. 5: 4–10) атабаевского этапа маклашеевской культуры (Халиков, 1980, табл. 36: 9–16). Хотя известны подобные скребки в Среднем Поволжье уже начиная с эпохи энеолита (Никитин 2017, рис. 340, 402–404; 424, 432, 438).

Металлические изделия. На Курманаконской IV стоянке найдено два металлических изделия – сломанный сработанный

ке фиксируется стержневидный предмет с отходящими от него ребрами жесткости на пластинке (?). Точных аналогий таким готовым металлическим изделиям неизвестно.

Таким образом, Курманаконская IV стоянка представляет собой памятник с напластованиями от финала энеолита до финала бронзового века. Первоначальными поселенцами на этой территории были носители культуры средневожского варианта волосовской КИО. Судя по наличию валиковой керамики, это происходит в самом финале существования культуры. В дальнейшем здесь поселяются носители культуры керамики, изготовленной в т. н. «срубных» традициях. Керамика этого типа впервые выявлена в Предкамье, в Приказанском Поволжье. Пока данный тип керамики вызывает больше вопросов, чем ответов. Непонятно, как происходило проникновение срубных культурных традиций в Предкамье. Срезы венчиков, отсутствие гребенчатых отпечатков, нехарактерное для срубной керамики, заставляют задуматься о еще каком-то компоненте в происхождении данных комплексов. Вероятно, это симбиоз срубных и позднееолитических традиций населения, которое проживало в первой четверти II тыс. до н. э. на этой территории.

Далее здесь проживало население, оставившее керамику, украшенную веревочными отпечатками и вдавлениями. Данный комплекс можно связать с поздняяковской

Таблица. 2.

Химический состав медных предметов по результатам спектрального анализа

Table. 2.

Chemical composition of copper items based on spectral analysis results

сн.946		Ag	As	Cu	Fe	Mn	P	Sn	Sb	Zn	
1	нож	0,097	0,016	99,77	0,0012	0,014	0,05	0,0076	0,0019	0,003	Cu
2	рыболов. крючок	0,024	0,088	99,09	0,73	0,005	0,04	0,0006	0,0023	0,004	Cu (Fe)

Определение соотношений химических элементов проведено к. ф-м. н. Храменковой Р.Х.

нож и рыболовный крючок с блесной (рис. 13: 15, 19), находящие прямые аналогии в древностях маклашеевской культуры (XIV–X вв. до н. э.). (Халиков, 1980, табл. 48, 53; Чижевский и др., 2019, рис. 12). Результаты проведенного спектрального анализа выявили, что это чистая медь, вероятно, добытая из приуральских медистых песчаников (табл. 2).

Помимо готовых металлических изделий на стоянке выявлены куски медистого песчаника и, вероятно, обломок от каменной литейной формы (рис. 13: 12, 13, 23). На облом-

культуры. По находкам поздняяковской керамики в могильниках совместно с керамикой луговской культуры датировать такие находки на Курманаконской IV стоянке можно в пределах XVII–XV вв. до н. э.

Дальнейшая история Курманаконской IV стоянки связана с маклашеевской культурой и КТК позднего бронзового века. В самом начале взаимодействия этих культур был вырыт котлован землянки, и жилище просуществовало здесь до финала бронзового века. На материалах Курманаконской IV стоянки

было прослежено, как менялись культурные традиции маклашеевской культуры и КТК. На раннем атабаевском этапе маклашеевской культуры керамика этих двух культурных традиций изготавливалась по собственным канонам, смеси гончарных норм не проис-

ходило. В финале позднего бронзового века сосуществование носителей КТК и маклашеевской культуры на стоянке продолжается. При этом отмечено появление гибридной керамики с разнообразным смешением традиций гончарства двух культур.

ЛИТЕРАТУРА

- Азаров Е.С.* Поселение и грунтовый могильник эпохи бронзы Кораблино // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 182–195.
- Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1981. 211 с.
- Бадер О.Н., Попова Т.Б.* Поздняковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 131–135.
- Галимова М.Ш.* Кремневый и кварцитовый инвентарь населения Волго-Камья в предананьинское и ананьинское время // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология Евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 187–191.
- Галимова М.Ш., Лыганов А.В.* Глава 1. Пестречинская IV и II стоянки на р. Меша: стратиграфия, планиграфия, результаты раскопок // Пестречинские стоянки эпохи раннего металла и раннего железа в Нижнем Прикамье и их природное окружение / Археология Евразийских степей. 2019. №4. С. 35–91.
- Збруева А.В.* Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. III. / МИА. № 80. / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. С. 10–95.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. // Труды Казанского филиала Академии наук СССР. Серия исторических наук. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 126 с.
- Колес Ю.И.* Ивановская культура позднего бронзового века: характеристика культуры и проблемы исследования // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Д.А. Стащенко. Самара: СОИКМ, СамГУ, 2008. С. 208–240.
- Кузьмина О.В.* I Шигонское поселение // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 6 / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: Книжное Издательство, 2017. С. 279–390.
- Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д.* Поздний бронзовый век // Археология: Учебник / Под ред. В.Л. Янина. М.: МГУ, 2006. С. 219–270.
- Лавенто М.Т., Патрушев В.С.* Развитие и хронология текстильной керамики в Среднем и Верхнем Поволжье: критический взгляд на условно принятые ¹⁴C-даты, АМС-датирование и типологическую хронологию // Поволжская археология. 2015. №2 (12). С. 160–188.
- Лыганов А.В.* Археологические исследования Курманаковской IV стоянки // АО 2017 года / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2019а. С. 339–340.
- Лыганов А.В.* Курманаковская IV стоянка финала энеолита и позднего бронзового века в нижнем течении реки Меша (предварительные результаты исследований) // Поволжская археология. 2019б. №3 (29). С. 34–50. DOI: 10.24852/ра2019.3.29.34.50
- Лыганов А.В., Хамзин Р.Н., Галимова М.Ш.* Материалы эпохи раннего металла Исаковского городища на реке Свияга // Поволжская археология. 2018. №3. С. 242–257.
- Малов Н.М.* Хронология и периодизация позднего бронзового века Нижнего Поволжья: хвалынская культура валиковой керамики // Проблемы периодизации и хронологии в археологии раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической научной конференции / Отв. ред. Е.А. Черленок. СПб.: Скифия-принт, 2013. С. 102–117.
- Никитин В.В.* На грани эпохи камня и металла. Средневожский вариант волосовской культурно-исторической общности / Материалы и исследования по археологии Поволжья и Урала. Вып. 10. Йошкар-Ола: МарГУ, 2017. 765 с.
- Никитин А.Л.* Могильник Дикариха на Плещеевом озере (раскопки 1961 и 1964 гг.) // СА. 1973. №2. С. 158–177.
- Патрушев В.С.* «Текстильная» керамика Марийского Поволжья (по материалам раскопок поселений эпохи бронзы) // Поволжская археология. 2017. №1(19). С. 92–113.
- Соловьев Б.С.* Бронзовый век Марийского Поволжья / Труды МАЭ. Т. VI. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2000. 264 с.
- Ставицкий В.В.* Бронзовый век // Археология Мордовского края: Каменный век, эпоха бронзы / ред. В.В. Ставицкий, В.Н. Шитов. Саранск: МордНИИ, 2008. С. 134–209.
- Халиков А.Х.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы / Труды МАЭ. Т. I. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. 264 с.
- Халиков А.Х.* Приказанская культура / САИ. Вып. В1–24. М.: Наука, 1980. 129 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М: Наука, 1989. 320 с.

Чижевский А.А., Губин А.С., Лыганов А.В. Коминтерновский курган № 2 // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Материалы международной научной конференции V Халиковские чтения / Археология Евразийских степей. Вып. 11 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт истории АН РТ, 2011. С. 261–271.

Чижевский А.А., Лыганов А.В., Кузьминых С.В. Ранний (атабаевский) этап маклашеевской культуры // Археология Евразийских степей. 2019. №2. С. 99–123.

Шалахов Е.Г. Кремневый комплекс Усть-Ветлужского могильника сейминско-турбинского типа // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XX. / Отв. ред. А.А. Тишкин, В.П. Семибратов. Барнаул: Алт. ун-т, 2014. С. 194–198.

Шипилов А.В. Энеолит Икско-Бельского междуречья (по материалам поселенческих памятников). Казань, 2021. 358 с. (в печати).

Информация об авторе:

Лыганов Антон Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия): liganov.anton@yandex.ru

REFERENCES

Azarov, E. S. 2013. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 230. 182–195 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. (ed.). 1981. *Arkheologicheskaiia karta Tatarskoi ASSR. Predkam'e (Archaeological Map of the Tatar ASSR. Cis-Kama River area)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Bader, O. N., Popova, T. B. 1987. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (eds.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age in the Forest Zone of the USSR)*. Series: Archaeology of the USSR 8. Moscow: "Nauka" Publ., 131–135 (in Russian).

Galimova, M. Sh. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 187–191 (in Russian).

Galimova, M. Sh., Lyganov, A. V. 2019. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 35–91. (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1960. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 80. Moscow: "Nauka" Publ., 10–95 (in Russian).

Kalinin, N. F., Khalikov, A. Kh. 1954. *Trudy Kazanskogo filiala Akademii nauk SSSR. Serii istoricheskikh nauk (Proceedings of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences. Historical Sciences Series)*. Kazan: "Tatknigoizdat" Publ. (in Russian).

Kolev, Yu. I. 2008. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Aktual'nye problemy arkheologii Urala i Povolzh'ia (Topical Issues in the Urals and Volga Regions Archaeology)*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, Samara State University, 208–240 (in Russian).

Kuz'mina, O. V. 2017. In Turetskii, M. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues of Archaeology of the Volga Region)* 6. Samara: "Knizhnoe Izdatel'stvo" Publ., 279–390 (in Russian).

Kuz'minykh, S. V., Degtiareva, A. D. 2006. In Yanin, V. L. (ed.). *Arkheologiia: uchebnik (Archaeology: a tutorial)*. Moscow: Moscow State University Publ., 219–270 (in Russian).

Lavento, M. T., Patrushev, V. S. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiia (Volga River Region Archaeology)* 12 (2), 160–188 (in Russian).

Lyganov, A. V., Khamzin, R. N., Galimova, M. Sh. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiia (Volga River Region Archaeology)* 25 (3), 242–257 (in Russian).

Lyganov, A. V. 2019a. In Lopatin, V. N. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2017 (Archaeological Discoveries of 2017)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 339–340 (in Russian).

Lyganov, A. V. 2019b. In *Povolzhskaya arkheologiia (Volga River Region Archaeology)* 29 (3), 34–50. DOI: 10.24852/pa2019.3.29.34.50 (in Russian).

Malov, N. M. 2013. In Cherlenok, E. A. (ed.). *Problemy periodizatsii i khronologii v arkheologii epokhi rannego metalla Vostochnoy Evropy: Materialy tematicheskoy nauchnoy konferentsii (Issues of Periodization and Chronology in the Archaeology of the Early Metal Period of Eastern Europe: Proceedings of the Thematic Scientific Conference)*. Saint Petersburg: "Skifiya-print" Publ., 102–117 (in Russian).

Nikitin, V. V. 2017. *Na grani epokhi kamnya i metalla. Srednevolzhskiy variant volosovskoy kul'turno-istoricheskoy obshhnosti (Between the Stone and Metal Periods. Middle Volga Variation of the Volosovo Cultural and Historical Community)*. Series: Arkheologiia Povolzh'ia i Urala. Materialy i issledovaniia (Volga and the Urals Archaeology. Materials and Studies) 10. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

Nikitin, A. L. 1973. In *Sovetskaya arkheologiia (Soviet archeology)*. (2). 158–177 (in Russian).

Patrushev, V. S. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 19 (1), 92–113 (in Russian).

Solov'ev, B. S. 2000. *Bronzovyi vek Mariiskogo Povolzh'ia (Bronze Age of Mari Volga Area)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition VI. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).

Stavitskii, V. V. 2008. In Stavitskii, V. V., Shitov, V. N. (eds.). *Arkheologiya Mordovskogo kraia: Kamennyi vek, epokha bronzy (Archaeology of the Mordva Land: Stone Age and Bronze Period)*. Saransk: Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, 134–209 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1960. *Materialy k izucheniiu istorii naseleniia Srednego Povolzh'ia i Nizhnego Prikam'ia v epokhu neolita i bronzy (Materials for the Study of the History of Population of the Middle Volga and Lower Kama Regions in the Neolithic and Bronze Age)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) I. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1980. *Prikazanskaia kul'tura (The Prikazanskaya Culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) 1-24. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Chernykh, E. N., Kuzminykh, S. V. 1989. *Drevniaia metallurgii Severnoi Evrazii (seiminsko-turbinskii fenomen) (Ancient Metallurgy of Northern Eurasia (Seyma-Turbino Phenomenon))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Gubin, A. S., Lyganov, A. V. 2011. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Uralo-Povolzh'e v drevnosti i srednevekov'e. V Khalikovskie chteniia (Ural and Volga Area in Antiquity and Middle Ages: 5th Khalikov Readings)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 11. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 224–230 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Lyganov, A. V., Kuzminykh, S. V. 2019. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 99–123 (in Russian).

Shalakhov, E. G. 2014. In Tishkin, A. A., Semibratov, V. P. (eds.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediiia Altaiskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 20. Barnaul: Altai State University Publ., 194–198 (in Russian).

Shipilov, A. V. (in print). *Eneolit Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia (po materialam poselencheskikh pamiatnikov) (Eneolithic of the Ik-Belaya Interfluve (Based on Materials from Populated Settlements))*. Kazan (in Russian).

About the Author:

Lyganov Anton V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; liganov.anton@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2021 г.

Ранний железный век

УДК 902/904; 902.63; 543.062

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.2.47.61>**КИНЖАЛ ИЗ БОЛЬШИХ ТАРХАН С ДЕТАЛЯМИ ОФОРМЛЕНИЯ ПЕРЕКРЕСТИЯ В ВИДЕ РЕЛЬЕФНОЙ «ЗАПЯТОЙ»**

© 2021 г. А.А. Чижевский, М.Р. Гисматуллин, Р.Х. Храмченкова

Бронзовый кинжал и наконечник стрелы, найденные в окрестностях с. Большие Тарханы Республики Татарстан, представляют собой редкие типы вооружения на территории ананьинской культурно-исторической области. Прямых аналогий кинжалу не известно, однако, изделия с деталями или элементами орнамента в виде запятой имеются в коллекциях алды-бельской, раннесакской и тасмолинской культур. Наконечник стрелы с удлинённым ассиметрично-ромбовидным пером и слабо выступающей втулкой, сопровождавший кинжал, относится к так называемому типу Ендже, распространённому, в основном, в степной и лесостепной зонах Евразии. Наложение хроноинтервалов кинжала и наконечника стрелы позволяют датировать комплекс из с. Большие Тарханы в рамках этапа I-2 раннего периода АКИО (середина VIII – первая половина VII в. до н.э.). Судя по данным спектрального анализа, кинжал был изготовлен из металла редкой группы оловянно-мышьяковой бронзы с высоким содержанием серебра, висмута и никеля. Близкими аналогами по элементному соотношению были четыре предмета из могильников Релка и Старший Ахмыловский, а также из Муновского II городища. Сходный макро-состав металла имеет группа оловянно-мышьяковых бронз с примесью никеля раннетагарского времени Хакассии.

Ключевые слова: археология, Волго-Камье, ранний железный век, ананьинская культурно-историческая область, постмаклашевская культура, кинжал, наконечник стрелы, эмиссионный спектральный анализ.

DAGGER FROM BOLSHIE TARKHANY WITH CROSSGUARD DETAILS IN THE FORM OF A RELIEF “COMMA”

А.А. Chizhevsky, M.R. Gismatullin, R.Kh. Khramchenkova

A bronze dagger and arrowhead discovered in the vicinity of Bolshie Tarkhany village of the Republic of Tatarstan are rare types of weapons for the territory of the Ananyino Cultural and Historical Region. No direct counterparts to the dagger are known, however, items with details or ornamentation elements in the form of a comma are available in the collections of the Aldy-Bel, Early Saka and Tasmola cultures. The arrowhead with an elongated asymmetric rhomboid feather and a slightly protruding bushing, accompanying the dagger, belongs to the so-called Yenzhe type, which is mainly widespread in the steppe and forest-steppe areas of Eurasia. Overlapping of the chronological intervals of the dagger and arrowhead makes it possible to date the complex from Bolshie Tarkhany within the framework of stage I-2 of the Early Ananyino Cultural and Historical Region period (mid-8th – first half of the 7th century BC). According to spectral analysis results, the dagger was made of a rare group of tin-arsenic bronze metal with a high content of silver, bismuth and nickel. Four items from Relka and Starshiy Akhmylovsky burial grounds, as well as from Munovsky II settlement, are its close counterparts in terms of the elemental ratio. The tin-arsenic bronze group with a nickel admixture from the early Tagar period of Khakassia has a similar macro-composition of the metal.

Keywords: archaeology, Volga-Kama region, Early Iron Age, Ananyino Cultural and Historical Region, Post-Maklashevka culture, dagger, arrowhead, emission spectral analysis.

В 2018 г. в окрестностях с. Большие Тарханы Тетюшского района Республики Татарстан (рис. 1) был найден комплекс предметов вооружения раннего железного века. К сожалению, обстоятельства находки этих изделий остались неизвестными, однако характерный набор предметов позволяет высказать предположение о том, что они происходят из разрушенного погребения постмаклашевской

культуры АКИО, на территории которой эти вещи были найдены.

В состав комплекса находок входили кинжал и наконечник стрелы.

1. Бронзовый двулезвийный кинжал (рис. 2: 2; 3: 2; 5: 1) длиной 20,9 см с шестиугольным в сечении клинком (длина 12,3 см, ширина у гарды 2 см). Рукоять плоская, длина ее вместе с перекрестием 8,6 см, ширина

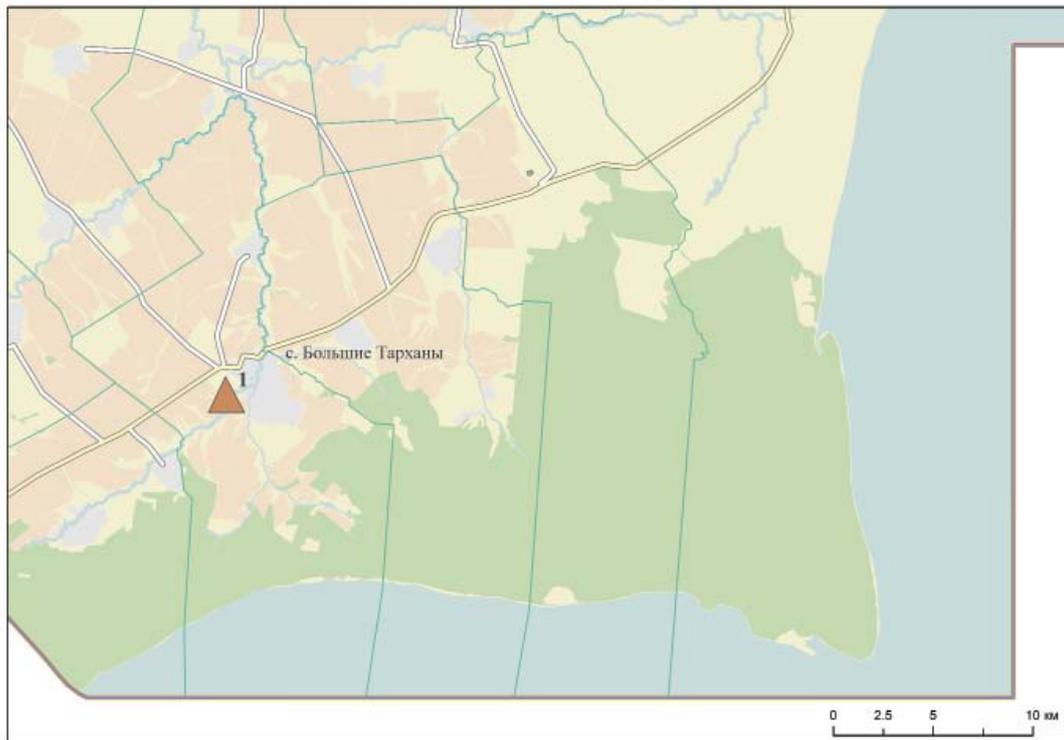


Рис. 1. Место находки предметов вооружения у с. Большие Тарханы.

Fig. 1. The location where weapons were discovered near Bolshie Tarkhany village

1,9–2,2 см, навершие грибовидное. Вес кинжала 291 грамм.

Рукоятка отделена от клинка гардой, разделенной на две части. Окончания гарды опущены вниз и оформлены в виде рельефных запятых, острой частью обращенных вверх.

2. Наконечник стрелы бронзовый втульчатый с удлиненным асимметрично-ромбовидным пером и слабо выступающей втулкой (рис. 2: 1; 3: 1) относится к типу С-10 (по Кузьминых, 1983, с. 105). Длина наконечника 4,8 см, наибольшая ширина пера 1,3 см, диаметр втулки 0,7 см, вес 7,87 граммов.

Атрибуция формы перекрестия кинжала. Элемент орнамента в виде запятой обычно интерпретируется как редуцированное

для анализа был только кинжал. Для выявления особенностей сплава было проведено изучение химического состава, в качестве исследовательской технологии применялся эмиссионный спектральный анализ (ЭСА). Стандартная методика определения концентраций элементов ЭСА описана в опубликованной нами ранее работе (Чижевский и др., 2020, с. 186). Результаты анализа приведены в таблице 1.

Кинжал изготовлен из специфичной оловянно-мышьяковой бронзы с большим содержанием олова 12,43% и мышьяка 5,12%. В качестве характерной особенности сплава можно отметить высокие концентрации висмута (0,21%) и никеля (0,13%) при

Таблица 1.

	Cu	Sn	Ag	As	Au	Bi	Co	Fe	Mn	Ni	P	Pb	Sb	Zn
кинжал	81,58	12,43	0,18	5,12	0,009	0,21	0,0007	0,002	0,027	0,13	-	0,21	0,075	0,002

изображение волны, капли, крыла или головы хищной птицы, именно в таком качестве его рассматривала О.А. Вишневская, которая отождествляла подобные предметы, выполненные в металле, с контурными изображениями головы хищной птицы или грифона (Вишневская, 1973, с. 104, 113).

Результаты спектрального анализа

Из двух предметов, составляющих больше-тарханский комплекс вооружения, доступным

низких показателях железа (0,002%), кобальта (0,0007%) и цинка (0,002%). Концентрация сурьмы меньше значимых единиц и также достаточно низкая – 0,075%.

Исследования С.В. Кузьминых по ананьинской цветной металлургии показали, что литейщики АКЮ работали с тремя металлургическими группами: сурьяно-мышьяковистыми сплавами, оловянистой бронзой и «чистой» медью (Кузьминых, 1983,



Рис. 2. Комплекс предметов вооружения из местонахождения у с. Большие Тарханы. 1 – наконечник стрелы; 2 – кинжал. 1, 2 – бронза. Фотография.

Fig. 2. A set of armament items from a site near Bolshie Tarkhany village. 1 – arrowhead; 2 – dagger. 1, 2 – bronze. Photograph.

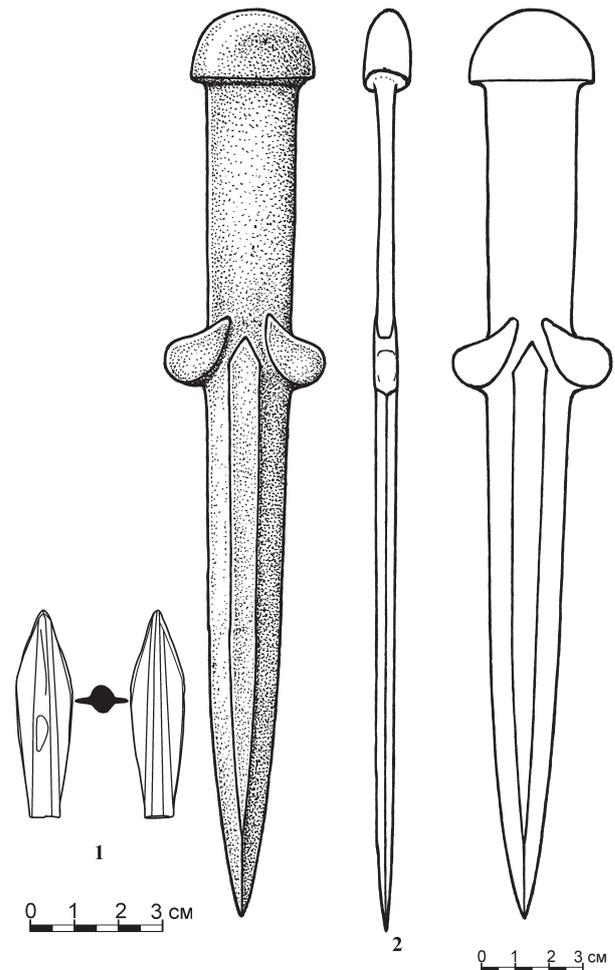


Рис. 3. Комплекс предметов вооружения из местонахождения у с. Большие Тарханы. 1 – наконечник стрелы; 2 – кинжал. 1, 2 – бронза. Художник Р.Р. Садыков.

Fig. 3. A set of armament items from a site near Bolshie Tarkhany village. 1 – arrowhead; 2 – dagger. 1, 2 – bronze. Artist R. R. Sadykov.

с. 167–180). Тем не менее по химическому составу сплав кинжала из Больших Тархан нельзя отнести ни к одной из групп металлов, описанных Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, так как он относится к оловянно-мышьяковым сплавам (Черных, 1970; Кузьминых, 1983).

Таким образом, большая часть сплавов изделий из цветного металла в исследованных коллекциях АКИО существенно отличается от большетарханской находки.

В то же время выделяется ряд предметов из Ананьинского могильника, которые содержат такие же высокие концентрации мышьяка в оловянно-мышьяковом сплаве. В их число входят подвеска поясная (№ 15164), наконечник стрелы (№ 15814, погр. 3, 1891 г.) и бляхи (№ 15873, 1891 г., № 15874, 1891 г., № 15876, 1891 г., № 15918, 1930 г.) (Кузьминых, Орловская, 2017, с. 129–132). Однако содержание

никеля в металле этих изделий на один-два порядка ниже.

Наиболее близкие к большетарханскому кинжалу концентрации примесей наблюдаются и у двух предметов, изготовленных из оловянной бронзы, – это бляха (№ 15806) из могильника Рёлка и обломок гривны (№ 15961) из Муновского II городища (Кузьминых, Орловская, 2017, с. 139). Также можно указать на кельты из погр. 652 (№ 14580) и 816 (№ 14778) Старшего Ахмыловского могильника (Кузьминых, Орловская, 2017, с. 85; с. 87). Несмотря на то, что мышьяка в кельтах меньше 1%, пропорции Ag, Pb, Bi, Sb, Fe, Ni и Au аналогичны соотношению концентраций в металле большетарханского кинжала. Необходимо отметить, что именно элементное соотношение является показателем близких сырьевых источников и рецептов, поскольку

ку различия в показаниях мышьяка могут быть связаны с тремя факторами: межметодным расхождением, обусловленным систематической погрешностью анализа, конкретным отобраным сырьем или более высокой температурой плавки, при которой летучий мышьяк мог выгореть.

Для большей наглядности характер соотношений элементов-примесей в металле сравниваемых находок показан на рис. 4. Здесь необходимо обратить внимание на то, что практически все примеси в оловянно-мышьяковой бронзе первых пяти образцов, включая кинжал из Больших Тархан, имеют один порядок значений (группа темных столбцов). В то время как концентрация железа, никеля, свинца и сурьмы в предметах из Ананьинского могильника (группа светлых столбцов) отличаются на один-два порядка в большую или меньшую сторону.

При сравнении большетарханского кинжала с бронзовыми предметами АКЦИО обращают на себя внимание кинжалы с деталями оформления гарды или рукояти в виде запятой, так как близость формы может подразумевать близость металла, из которого они изготовлены.

Таковых изделий известно два экземпляра: из погр. С Ананьинского и погр. 1/1893 Котловского могильников.

Судя по данным спектрального анализа, сплав большетарханской находки существенно отличается от кинжала из погр. С Ананьинского могильника (№ 15260) (рис. 5: 3; 6: 16). Несмотря на то, что концентрация олова в обоих предметах выше 10%, разница в содержании этого металла составляет почти 6%. По другим элементам также наблюдаются существенные различия (Кузьминых, Орловская, 2017, с. 134).

Кинжал из погр. 1/1893 Котловского могильника (№ 14762) (рис. 5: 2; 7: 1) изготовлен из оловянной бронзы. В отличие от сплава большетарханского изделия в нем мало мышьяка, висмута и никеля и на два порядка больше железа (Кузьминых, Орловская, 2017, с. 127).

Отличается находка из Больших Тархан и от химического состава предметов из комплекса вооружения ананьинского времени, найденных в Танаевском лесу. Прежде всего, это касается висмута и золота, значения концентраций которых в нем существенно выше, а содержание железа на порядок меньше, чем в танаевских образцах (Чижевский, 2020, и др., табл. 1).

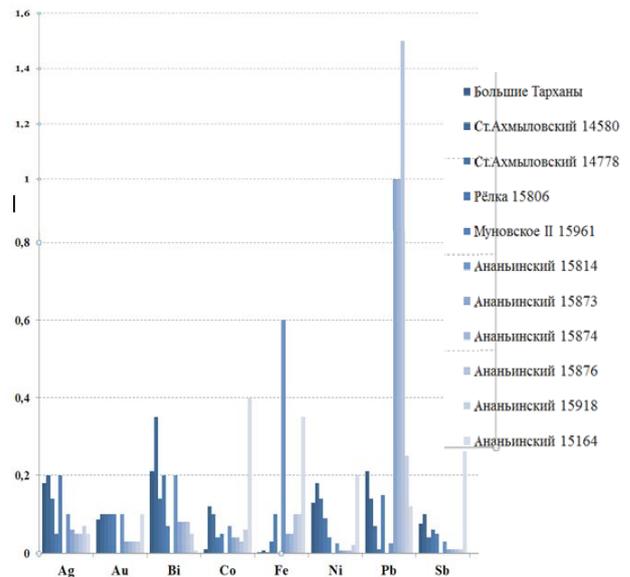


Рис. 4. Соотношение элементов-примесей в металле кинжала из Больших Тархан и предметов из памятников ананьинской культурно-исторической области.

Fig. 4. The ratio of impurities in the metal of the dagger from Bolshie Tarkhany and items from the monuments of the Ananyino Cultural and Historical Region.

По составу основных элементных соотношений большетарханский кинжал отличен и от чекана АКЦИО из фондов Ульяновского областного краеведческого музея, в сплаве которого концентрация мышьяка значительно меньше (Чижевский и др., 2019).

Явное несходство кинжала из Больших Тархан с основной массой ананьинских кинжалов заставляет предположить его импортное происхождение или же заимствование формы данного изделия местными металлургами из инокультурных источников. Опираясь на данные спектрального анализа, попытаемся определить вероятное происхождение сплава большетарханского кинжала и наиболее близкие к нему металлургические группы синхронных культур Северной Евразии. Наиболее полные данные спектрального анализа изделий из цветного металла первой фазы раннего железного века у нас имеются по памятникам лесостепной Скифии, Северному Кавказу, Казахстану, Зауралью, Южной Сибири.

В представительной коллекции цветного металла VII–IV вв. до н. э. из района Днепропетровского лесостепного левобережья бассейнов рек Сулы и Воркслы присутствуют единичные экземпляры, изготовленные из оловянно-мышьяковой бронзы (Барцева, 1981). Однако концентрация никеля в них на порядок меньше.

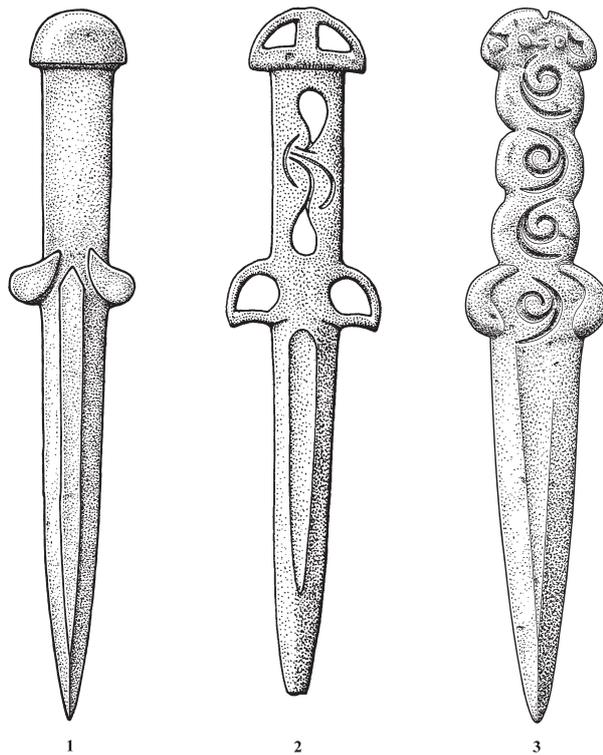


Рис. 5. Кинжалы ананьинской культурно-исторической области с деталями оформления гарды или рукояти в виде запятой. Художник Р.Р. Садыков.

Fig. 5. Daggers from the Ananyino Cultural and Historical Region with design details of the guard or handle in the form of a comma. Artist R. R. Sadykov.

Материалы Северного Кавказа рассмотрены на примере кобанских могильников и святилищ предскифского и скифского времени (Барцева, 1985; 1988). Следует отметить, что концентрация висмута и золота здесь существенно ниже, чем у кинжала из Больших Тархан, и ни один из кавказских кинжалов или наконечников копий не имеет схожих концентраций и элементных соотношений.

Анализ большой серии данных по химическому составу изделий из цветных металлов Нарганского курганного могильника, располагавшегося в предгорных областях Северного Кавказа, позволяет утверждать, что среди находок из этого памятника нет изделий, изготовленных из оловянно-мышьяковой бронзы – местные мастера использовали оловянные и свинцово-оловянные бронзы (Барцева, 1985а).

В качестве сравнительного материала большой интерес представляют находки, происходящие с территории Казахстана, как возможный вариант импорта бронзовых изделий или сырья, поскольку для многих памятников этого региона характерны находки из оловянно-мышьякового сплава (Кузнецова, 1980). Несмотря на то, что среди изделий из цветного металла, относящихся к савроматской культуре Западного Казахстана (Дегтярева, Кузьминых, 2018), имеются предметы из Sn-As-бронзы (могильник Бесоба), аналогов сплава по концентрациям элементов не наблюдается, а содержание никеля в этих находках не превышает 0,062%. Несхожесть в соотно-

шении основных металлов и микропримесей наблюдается и на ряде других савроматских памятников Западного Казахстана, исследованных Э.Ф. Кузнецовой и Ж.К. Курманкуловым (Кузнецова, Курманкулов, 1993).

Отличие казахских сплавов показывает и обширный материал, приведенный в работе Э.Ф. Кузнецовой, посвященной составу металлов наконечников стрел Казахстана сакско-савроматского времени (Кузнецова, 1980). Подавляющее большинство изученных образцов с высоким показателем никеля в десятки доли процента, что характерно для рассматриваемой в настоящей работе находки, происходят из Северо-Западного Казахстана. Однако они отлиты из мышьяковой и сурьмяно-мышьяковой бронзы либо из практически чистой меди с суммарной примесью менее 0,2%, а не из оловянно-мышьякового сплава.

Низкие концентрации Ni характерны для бронзовых изделий из могильника переходного времени Измайловка с территории Восточного Казахстана (Дегтярева, Кузнецова, 2015), а также для металлических изделий тасмолинских памятников Центрального Казахстана (Бейсенов, Хаврин, 2015).

В представительной коллекции цветного металла из Среднего Приишимья (Северный Казахстан), изученной Т.Б. Барцевой (1987), имеется значительное количество предметов, изготовленных из оловянно-мышьяковой бронзы, однако концентрация никеля в сплавах здесь также не превышает сотые доли процента.

Оловянно-мышьяковые сплавы применяли и носители археологических культур раннего железного века Зауралья и Западной Сибири. Согласно гистограммам, представленным С.В. Кузьминых и А.Д. Дегтяревой, коллекции культурно-исторической области крестовой керамики (городище Инберень VI), предкулайской (Усть-Барсуковское поселение), белоярской, кулайской и большереченской культур имеют высокий процент предметов, изготовленных из оловянно-мышьяковой бронзы (Кузьминых, Дегтярева, 2015, рис. 1). К сожалению, в публикации не приведены числовые характеристики концентраций элементов, что делает невозможным корректное сравнение.

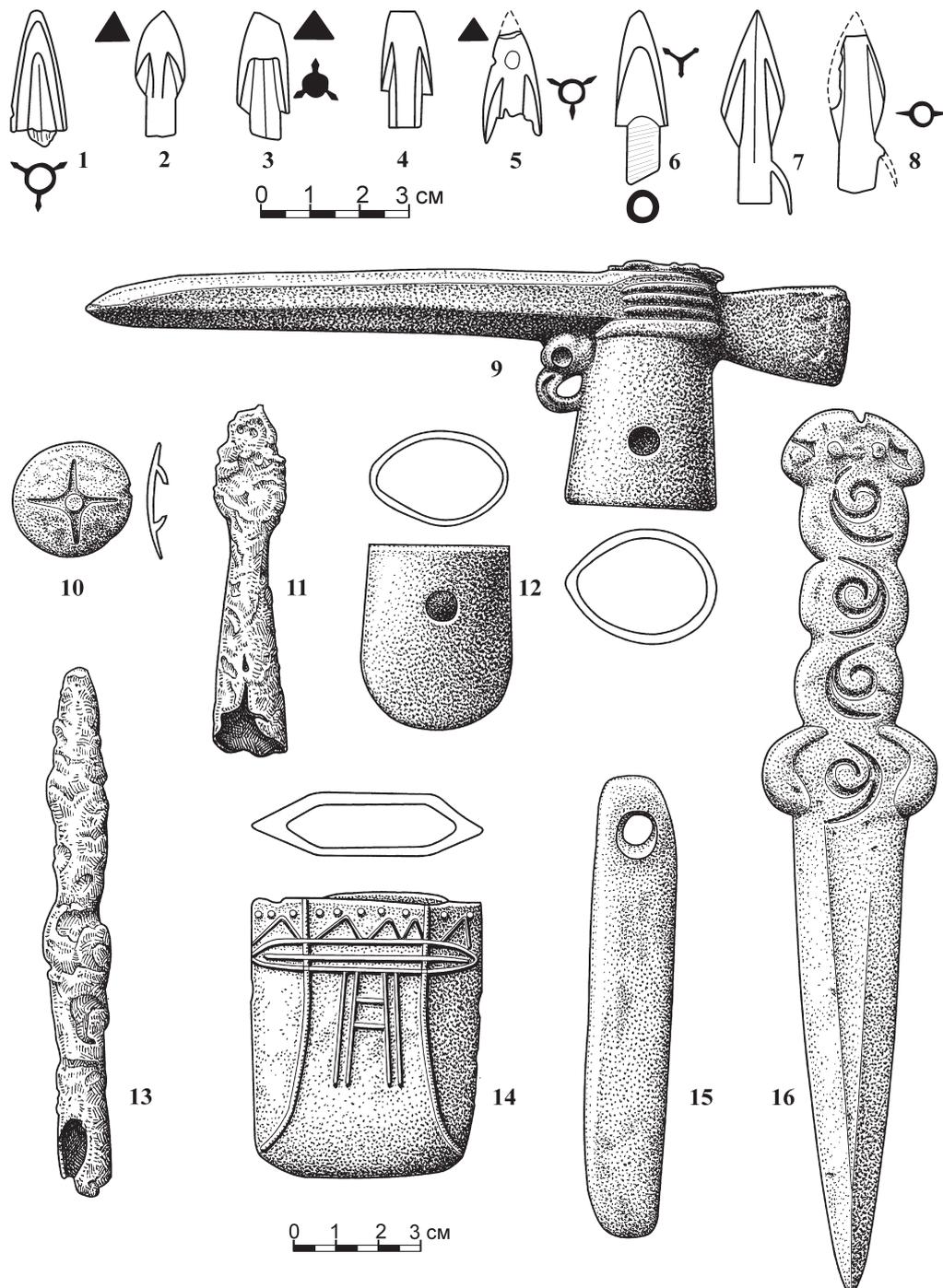


Рис. 6. Вещевой комплекс погр. с Ананьинского могильника. 1–8 наконечники стрел; 9 – чекан; 10 – бляха; 11, 13 – наконечники копья; 12 – вток; 14 – кельт; 15 – оселок; 16 – кинжал. 1–10, 12, 14, 16 – бронза; 11, 13 – железо; 15 – камень. Художник Р.Р. Садыков.

Fig. 6. Item complex from burial C of Ananyino burial ground. 1–8 arrowheads; 9 – chisel; 10 – badge; 11, 13 – spearheads; 12 – counter-weight; 14 – socketed axe; 15 – touchstone; 16 – dagger. 1–10, 12, 14, 16 – bronze; 11, 13 – iron; 15 – stone. Artist R. R. Sadykov.

С территории Зауралья для сравнения использовались также материалы позднеирменского городища Чича-1 (Боургарит, Реихе, 2009). Бронзовые предметы из коллекции этого памятника изготовлены из сплавов, концентрация мышьяка в которых намного меньше и элементные соотношения существенно отличаются от бронзы большетарханского кинжала.

Иной состав имеет погребальный инвентарь из могильника скифского времени Аг-Даг I (Тыва, Южная Сибирь), основными лигирующими примесями в котором выступает широкий полиметаллический комплекс: олово, свинец, цинк, кадмий, мышьяк (Митько и др., 2015).

По макро- и микропримесям бронза украшений пазыркской культуры Горного Алтая

существенно отличается от большетарханского кинжала, поскольку небольшие значимые концентрации определены только для олова и мышьяка (Князев, 2003, с. 136).

С.В. Хавриным был исследован комплекс находок скифского времени с территории Алтая (Хаврин, 2007; 2008) с близким оловянно-мышьяковым составом бронзы, однако скудная информация по микрокомпонентам усложняет применение сравнительного анализа. По-видимому, это связано с чувствительностью метода. Можно отметить отдельные изделия из могильников Вакулиха-I (псалий) и Кондратьевка-21 (распределитель ремня) со сходным соотношением Cu-Sn-As и выделенным никелем.

Большой интерес представляют раннетаргарские находки из могильников Федоров улус, Хыстаглар и Большая Ерба Ширинского района Хакасии (Хаврин, 2000), оловянно-мышьяковая бронза которых содержит значимые концентрации никеля в 0,2–3%, поскольку металл большетарханского кинжала выделяется присутствием именно этого элемента в количестве 0,13%.

Рассмотрим некоторые аспекты исходных руд, из которых был изготовлен изучаемый кинжал. Наличие существенных концентраций нескольких металлов, в частности мышьяка, серебра, висмута, никеля и свинца, свидетельствует о сырье, происходящем из полиметаллических гидротермальных арсенидных медных руд. Базовая сырьевая матрица могла состоять из медно-порфириновых форм – энаргита Cu_3AsS_4 .

Поскольку железо и цинк в составе сплава выражены лишь десятитысячными долями процента (0,002%), можно утверждать, что в исходной руде отсутствовал минерал станнин Cu_2FeSnS_4 . Наиболее вероятным источником олова в нашем случае можно считать касситерит – SnO_2 , характерный для олово-гейзерного типа месторождений. Косвенным доказательством этого выступает высокая концентрация Вi в 0,21%. Такие содержания висмута отмечены только в ряде находок группы ВК Ананьинского могильника (Кузьминых, 1983). Согласно данным Е.Н. Черных, эта группа представляет собой изделия из сурьяно-мышьяковой бронзы, однако в нашем случае в равной степени, как и у С.В. Кузьминых, у большей части находок сурьмы в сплавах изделий меньше 0,1%.

Аналогии и хронология. Судя по показаниям находчика, кинжал и наконечник стрелы были найдены совместно и представляют собой

единый комплекс вещей, который был размещен одновременно. Исходя из данного факта установление времени совершения этого действия возможно при определении хронологических диапазонов бытования кинжала и наконечника стрелы.

Прямые аналогии кинжалу из Больших Тархан нам неизвестны, поэтому обратимся к кинжалам, в оформлении рукояти и перекрестия которых использовались детали или элементы орнамента в виде запятой.

Таковых известно немного, это, прежде всего, кинжал из кургана 1 могильника Нурманбет IV, затем кинжал из могильника Аймырлыг в Туве, а также два кинжала с Алтая (Вишневская, 1992, табл. 52: 77; Грязнов, 1992, табл. 61: 1, 2; Мандельштам, 1992, табл. 74: 16).

Кинжал с фигурной рукоятью и перекрестием, на краях которого отмечены волнообразные выступы, образующие каплевидные впадины, из кургана 1 могильника Нурманбет IV отнесен М.К. Кадырбаевым к первому этапу (VII–VI вв. до н. э.) тасмолинской культуры. Однако, судя по набору черешковых наконечников стрел, он датируется в пределах VII вв. до н. э. (Кадырбаев, 1966, рис. 66: 11, 15, 17, 18; Медведская, 1972, с. 89; Вишневская, 1992, с. 131, 134).

Кинжалы с Алтая представлены случайными находками: 1. из г. Змеиногорска, с фигурной рукоятью и гардой с закругленными окончаниями, на которую нанесен орнамент в виде волны; 2. с территории Алтая с грибовидным навершием, плоской гардой, с опущенными, закругленными окончаниями и без орнамента. Оба изделия датированы в широких пределах VIII–VI вв. до н. э. (Грязнов, 1992, с. 165).

Кинжал из могильника Аймырлыг с перекрестием, с загнутыми вверх округлыми окончаниями и орнаментом в виде волны причислен А.М. Мандельштамом к раннему этапу уюкской культуры VIII–VII вв. до н. э. (Мандельштам, 1992, с. 184). В настоящее время ранние памятники этой культуры отнесены к алды-бельской археологической культуре.

Как уже упоминалось, в могильниках АКИО также известны два кинжала, в декоре которых присутствует орнамент в виде запятой.

Бронзовый двулезвийный кинжал типа К-4 (рис. 5: 3; 6: 16) из погр. С Ананьинского могильника (Пономарев, 1892, с. 424; Tallgren, 1919, рис. 18; Збруева, 1952, табл. XXI: 1; Кузьминых, 1983, табл. LIII: 2). Навер-

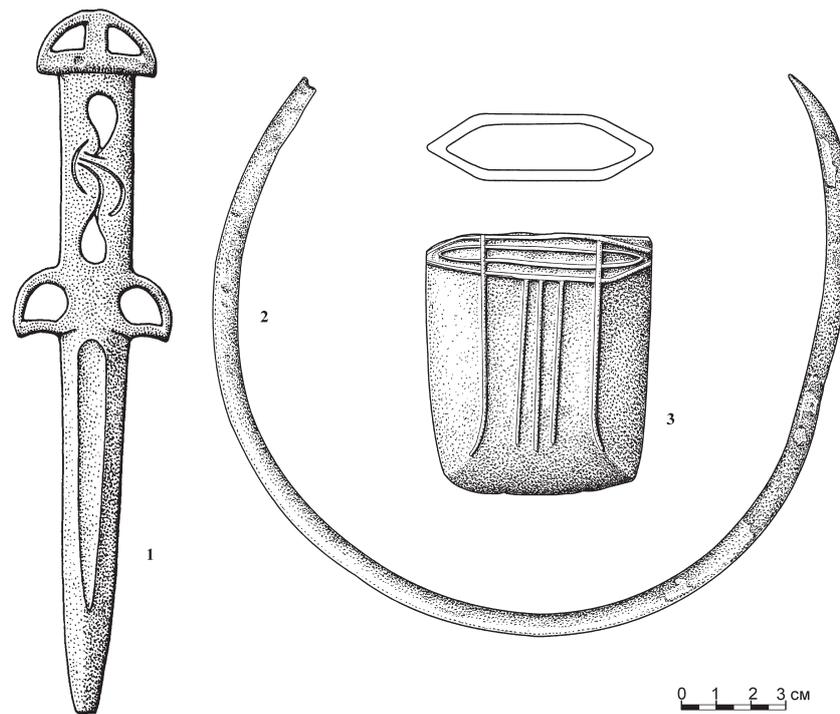


Рис. 7. Вещевой комплекс погр. 1/1893 Котловского могильника. 1 – кинжал; 2 – гривна; 3 – кельт. 1–3 – бронза. Художник Р.Р. Садыков.

Fig. 7. Item complex from burial 1/1893 of Kotlovka burial ground. 1 – dagger; 2 – torc; 3 – socketed axe. 1–3 – bronze. Artist R. R. Sadykov.

шие грибовидное, рукоять фигурная с тремя выступами на боковых поверхностях, перекрестие также выполнено в виде двух выступов полуовальной формы с утолщениями по краям в виде запятой.

Кроме кинжала, погр. С сопровождал богатый вещевой комплекс, который содержал изделия из бронзы (украшения – две круглые бляхи (рис. 6: 10) и гривну, предметы вооружения – два кельта КАН-104 (рис. 6: 14), чекан КЧ-10 (рис. 6: 9) со втоком (рис. 6: 12), колчаный набор из 13 стрел (рис. 6: 1–8)), железа (два наконечника копья (рис. 6: 11, 13) и один наконечник стрелы), серебра (височная спираль) и камня (оселок) (рис. 6: 15) (Пономарев, 1892, с. 422–424).

Яркими хроноиндикаторами здесь являются клевец и наконечники стрел, изготовленные из бронзы. Клевец с характерной головкой хищной птицы на втулке (рис. 6: 9) имеет аналогии в материалах памятников Анатолии, Средней Азии и Алтая, датированных второй четвертью – концом VII вв. до н. э. (Иванчик, 2001, с. 56, 57, рис. 19: 1–11; Алексеев, 2003, с. 50, 295). Бытование бронзовой бляхи с киммерийской (новочеркасской) розеткой (рис. 6: 10) не выходит за пределы VII – начала VI вв. до н. э. (Алексеев, 2003, с. 52).

Сочетание хроноинтервалов наконечников стрел С-10 (рис. 6: 7, 8), поздняя группа (вторая четв. – вторая половина VII в. до н.

э.), С-48 (рис. 6: 1) (вторая пол. VII – начало VI–V вв. до н. э.), С-58 (рис. 6: 2) (вторая пол. VII – первая пол. VI вв. до н. э.), С-68 (рис. 6: 4) (вторая четверть – середина VII – первая пол. VI вв. до н. э.), С-70 (рис. 6: 6) (вторая пол. VII в. до н. э.), С-74 (рис. 6: 3) (вторая пол. VII – начало VI вв. до н. э.), С-84 (рис. 6: 5) (вторая пол. VII–V вв. до н. э.) позволяет определить общую дату колчанного набора в рамках второй половины VII в. до н. э. (Кузьминых, 1983; Кузьминых, Чижевский, 2014). Обращает на себя внимание сочетание в этом наборе наконечника стрелы типа Жаботин (С-10) и остальных наконечников, получивших распространение в стрелковых наборах келермесского типа. Такой набор присутствовал в кургане 24 Келермесского могильника, датированного второй пол. VII в. до н. э. (Галанина, Алексеев, 1990, с. 43, рис. 5: 18–35). А.Ю. Алексеев полагает, что погребения Келермесского могильника совершались в промежутке между 660 и 620 гг. н. э. (Алексеев, 2003, с. 109).

Все приведенные выше аналогии позволяют датировать вещевой комплекс данного погребения второй половиной VII в. до н. э.

Бронзовый кинжал типа К-8 (рис. 5: 2; 7: 1) происходит из погр. 1/1893 Котловского могильника (Нефедов, 1899, табл. 10: 1; Кузьминых, 1983, табл. LIII: 1). Он имеет дулезвийный шестигранный в сечении клинок.

Навершие рукояти имеет грибовидную форму, перекрестие трактовано в виде двух выступающих запятых, острой частью обращенных вниз. Отмечен орнамент: на навершии – сквозные треугольники, на рукояти и перекрестии – запятые, прорезающий изделие насквозь или, в двух случаях, они переданы контурами. Погребение сопровождали кельт типа КАН-104 (рис. 7: 3), бронзовая гладкая гривна с приостренными окончаниями (рис. 7: 2) и разбитый глиняный сосуд.

К сожалению, полных аналогов этому кинжалу не известно. Отдельные детали оформления фиксируются на многих кинжалах начала раннего железного века. Оформление навершия в виде каплевидных углублений отмечено на кинжале, найденном при строительстве ташкентского канала в Узбекистане (Тереножкин, 1940, с. 30; Збруева, 1952, табл. XXI: 3). Грибовидное навершие характерно для майэмирских (Грязнов, 1947, рис. 5: 1, 5, 6; 1992, рис. 61: 1–3; Кирюшин, Тишкин, 1997, рис. 60: 4–6), тагарских (Членова, 1967, с. 15, табл. 2: 17–19, 23 в верхнем ряду) и сакских (Грязнов, 1956, рис. 3: 1–4; Кадырбаев, 1966, рис. 66: 21; Литвинский, 1972, табл. 40: 2, 5) древностей. Датировка этих кинжалов ложится в широкие рамки VII–VI вв. до н. э.

Предметы с использованием запятой в качестве элемента орнамента для украшения изделий из цветного металла были широко распространены в раннесакское время на территории от Казахстана до Алтая, известны они и в Волго-Камье. Такие изделия, выполненные в виде обойм для перекрестных ремней, накладок и подпружных пряжек, выявлены на Оханском могильнике АКИО (Коренюк, 2000, рис. 6); в комплексе предметов курганов 22, 30 и 45 могильника Уйгарак, в материалах клада из Камышинки, в курганах 1, 19 Тасмолинского I могильника, в кургане 2 могильника Нурманбет I, а также в Майэмирской степи и Горном Алтае (Руденко, 1960, табл. XIX: 2; Кадырбаев, 1966, с. 311–314; рис. 5: 2–5; 8: 10; 28: 2; 66: 48; Арсланова, 1972, рис. 1: 10; Вишневская, 1973, с. 104, 113, табл. V: 19, 20, XII: 8–16, XXVII: 10, 12; Суразаков, 1997, рис. IV: 2). Все эти предметы датируются авторами в пределах конца VIII–VI вв. до н. э.

Выявленное сходство в сплавах между большетарханским кинжалом и кельтами из погр. 652 и 816 Старшего Ахмыловского могильника позволяет предположить их синхронность. Оба кельта относятся к КАМ-6, наиболее распространенному типу аозинско-меларских кельтов, который датирован

в рамках 2 четв. VII–VI вв. до н. э. (Кузьминых, 1983, с. 86). Не уточняет эту датировку и сопровождающий инвентарь, для погр. 652 это железный нож с горбатой спинкой, а для погр. 816 – бронзовый наконечник копья типа КД-34, которые не имеют датирующего значения (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 97: 1а, 1б; 117: 1а, 1б).

Представленные аналогии позволяют датировать большетарханский кинжал лишь в очень широких пределах VIII–VI вв. до н. э. Однако в тех случаях, когда аналогии сопровождались значительным количеством предметов, позволяющих сузить временные рамки, изделия, украшенные орнаментом в виде запятой, датированы VIII–VII вв. до н. э. или же VII в. до н. э.

Наконечники стрел типа С-10 широко распространены в материалах могильников и поселений этапа I-2 раннего периода АКИО, который синхронизируется с памятниками предскифского времени степного пояса Евразии (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 107, рис. 3: 13–20).

Вариант наконечника стрелы С-10 с удлиненным асимметрично-ромбовидным пером (рис. 2: 1; 3: 1), который был зафиксирован в Больших Тарханах, в АКИО редок, но широко распространен в степной и лесостепной зонах Северной Евразии. На этих территориях такие наконечники стрел со слабо выступающей втулкой известны как типы Ендже и Ендже-Жаботин. Наконечники с длинной втулкой, часто встречающиеся в АКИО, отнесены к типу Жаботин (Дараган, 2011, с. 441, прим. 6).

Эти типы были распространены на огромной территории от Юго-Восточной Европы, Украины и Закавказья до Зауралья и Центральной Азии, вплоть до Алтая (Вишневская, 1973, табл. XIII: 5–8; Исмагилов, 1988, с. 33; Яблонский, 1996, рис. 35: 21; Итина, Яблонский, 1997, рис. 47: 2, 4, 5; 62: 4; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 81–82; Самашев и др., 1998, с. 159, рис.; Корякова и др., 2010, рис. 2: 13, 14, 18; Дараган, 2011, с. 411, 567, прим. 17; Бейсенов, 2015, рис. 9: 1–21; Ярыгин, Сакенов, 2015, рис. 2: 1–5; Вальчак и др., 2017, рис. 4: 1–3; и др.).

Происхождение наконечников стрел с асимметрично-ромбовидным пером уверенно связывается с Центральной Азией (Ильинская, 1973, с. 25–26; Дворниченко, 1990, с. 53; и др.), наиболее ранним их проявлением были подобные наконечники в кургане Аржан-1, сооруженном на рубеже IX–VIII вв. до н. э. (Грязнов, 1980, рис. 11: 12; Евразия..., 2005, с.

102). Наконечники стрел такой формы существовали в Тыве на протяжении всего VIII в. до н. э., а в VII в. до н. э. они вышли из употребления (Чугунов, 2000, с. 227, рис.).

В Восточной Европе первые асимметрично-ромбические наконечники появляются еще в первой половине VIII в. до н. э., об этом свидетельствует колчаный набор из погр. 3 Большого Гумаровского кургана, в котором присутствуют такие наконечники, отнесенные автором раскопок к типу 1 (Исмагилов, 1988, с. 33, рис. 5; Евразия..., с. 121–122).

Однако их широкое распространение относится к более позднему времени. М.Н. Дараган определяет время их бытования горизонтами Жаботин II – середина – вторая половина VIII в. до н. э. – и Жаботин III – конец VIII – середина VII в. до н. э., а также с синхронизированными с ними памятниками (Дараган, 2011, с. 441, 762–764). К середине VII в. до н. э., судя по материалам погребальных комплексов Юго-Восточной Европы, Северной Евразии и Малой Азии, такие наконечники выходят из употребления (Полин, 1987, с. 21, 33; Дараган, 2011, с. 441).

Таким образом, в широких пределах наконечники стрел с короткой втулкой типа С-10 можно датировать в рамках середины VIII – первой половины VII в. до н. э. или в рамках этапа 1-2 раннего периода АКИО.

Однако с учетом мнения о том, что наконечники типа Енджи предшествуют наконечникам типа Жаботин (Ильинская, 1973, с. 17; Дараган, 2011, с. 574), время их существования можно определить в узких пределах горизонта Жаботин II – середина – вторая половина VIII в. до н. э. (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 108).

Наложение хроноинтервалов кинжала и наконечника стрелы позволяют датировать комплекс из с. Большие Тарханы в пределах середины VIII – первой половины VII в. до н. э., то есть в рамках этапа I-2 раннего периода АКИО. Таким образом, больше-

тарханский кинжал является самым ранним в линейке кинжалов с деталями оформления в виде запятой из числа происходящих с территории АКИО. Время существования кинжалов К-4 из погр. С Ананьинского могильника и К-8 из погр. 1/1893 Котловского могильника относится уже к этапу II-1 среднего периода АКИО.

Заключение

1. Судя по данным спектрального анализа, кинжал из с. Большие Тарханы был изготовлен из металла редкой группы оловянно-мышьяковой бронзы с высоким содержанием серебра, висмута и никеля. Возможно, эта особенность объясняется использованием для его изготовления металла, переплавленного из нескольких предметов.

2. Очень близкими аналогами по элементному соотношению были кельты из погр. 652 и 816 Старшего Ахмыловского могильника, а также бляха из могильника Рёлка и обломок гривны из Муновского II городища.

3. Сходный макросостав металла имеет группа оловянно-мышьяковых бронз с примесью никеля раннетагарского времени Ширинского района Хакасии.

4. Кинжал из Больших Тархан относится к группе изделий, в оформлении которых использовались детали или элементы орнамента в виде запятой. Прямых аналогий ему не известно, однако изделия с такими изображениями отмечены в коллекциях алды-бельской, раннесакской и тасмолинской культур.

5. Наконечник стрелы с удлиненным асимметрично-ромбовидным пером и слабо выступающей втулкой, сопровождавший кинжал, относится к варианту типа С-10 ананьинских наконечников, аналогичные наконечники в степной и лесостепной зонах Евразии известны как тип Ендже.

6. Датируются кинжал и наконечник стрелы из с. Большие Тарханы в рамках этапа I-2 раннего периода АКИО (середина VIII – первая половина VII в. до н. э.).

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб.: ГЭ, 2003. 416 с.
- Барцева Т.Б. Цветная металлообработка скифского времени. Лесостепное Днепроовское левобережье. М.: Наука, 1981. 128 с.
- Барцева Т.Б. Химический состав наконечников копий Северного Кавказа VIII–VII вв. до н. э. // КСИА. Вып. 184 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1985. С. 42–49.
- Барцева Т.Б. Химический состав цветного металла из курганного могильника у селения Нартан // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 2 / Ред. М.П. Абрамова и В.И. Козенкова. Нальчик: Эльбрус, 1985а. С. 116–134.

Барцева Т.Б. Цветной металл из Среднего Приишимья (по материалам Северо-Казахстанской экспедиции) // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: ЧелябГУ, 1987. С. 65–83.

Барцева Т.Б. Бронзовые кинжалы Сержень-Юрта // КСИА. Вып. 194 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1988. С. 23–29.

Бейсенов А.З. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Бегазы-Тасмола, 2015. С. 11–38.

Бейсенов А.З., Хаврин С.В. Металлические изделия тасмолинских памятников Центрального Казахстана // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. Т.17, №3(2). С. 526–531.

Боургарит Д., Рейхе И. Глава 12. Элементарный анализ бронзовых изделий городища Чича-1 // Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Т.3 / Отв. ред. В.И. Молодин, Г. Парцингер. Новосибирск-Берлин: ИАЭ СО РАН, 2009. С. 199–201.

Вальчак С.Б., Демиденко С.В., Малашев В.Ю., Сакенов С.К., Свиридов А.Н., Ярыгин С.А. Новые раннесакские погребения из Северного Казахстана // РА. 2017. №4. С. 142–154.

Вишневецкая О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э.: по материалам Уйгарака. М.: Наука, 1973. 160 с.

Вишневецкая О.А. Центральный Казахстан // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. М.: Наука, 1992. С. 130–140.

Галанина Л.К., Алексеев А.Ю. Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время // АСГЭ. 1990. №30. С. 34–54.

Грязнов М.П. Памятники Маймирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. Вып. XVIII. 1947. С. 9–17.

Грязнов М.П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. Вып. 61. Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 8–16.

Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 62 с.

Грязнов М.П. Алтай и приалтайская степь // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. М.: Наука, 1992. С. 161–178.

Дворниченко В.В. К вопросу о происхождении стрел «новочеркасского» типа (по материалам коллекции П.Д. Дубягина из Волго-Уральской пустыни) // Проблемы скифо-сарматской археологии / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М.: ИА АН СССР, 1990. С. 48–59.

Дараган М.Н. Начало раннего железного века в Днепровской правобережной лесостепи. Киев: КНТ, 2011. 848 с.

Дегтярева А.Д., Кузнецова Э.Ф. Результаты технологического изучения бронзовых изделий из могильников Темир-Канка и Измайловка // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Бегазы-Тасмола. 2015. С. 113–118.

Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Модели цветного металлопроизводства на Урале в раннем железном веке // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. №2 (41). С. 41–60.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 326 с.

Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология / Под ред. Г.И. Зайцевой и др. СПб.: Теза, 2005. 290 с.

Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы / Степные народы Евразии. Т. II. М.: Палеограф, 2001. 324 с.

Иллінська В.А. Бронзові наконечники стрел так званого жаботинського і новочеркаського типів // Археологія. 1973. №12. С. 13–26.

Исмагилов Р.Б. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ. Вып. 29 / Ред. Б.Б. Пиотровский. Л.: Искусство, 1988. С. 29–47.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: РОССПЭН, 1997. 187 с.

Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. С. 303–433.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул: АлтГУ, 1997. 232 с.

Князев Г.Б. Приложение I. Результаты электронно-микроскопического анализа украшений из курганов памятника Тыткескень-VI, проведенных в лабораториях ПГО «ЗапСибгеология» // Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть II. Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: АлтГУ, 2003. С. 135–136.

Корякова Л.Н., Шарипова С.В., Ковригин А.А. Прыговский 2 могильник: кочевники и лесостепь // Уральский исторический вестник. 2010. №2. С. 62–71.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.

Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д. Цветная металлообработка иткульской культуры (предварительные результаты аналитических исследований // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. №4. С. 57–66.

Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза): аналитические данные // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 4. / Отв. ред. В.И. Завьялов, С.В. Кузьминых. М.: ИА РАН, 2017. С. 63–166.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2014. №3 (9). С. 101–137.

Кузнецова Э.Ф. Состав металла наконечников стрел Казахстана сако-савроматского времени // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1980, с.163.

Кузнецова Э.Ф., Курманкулов Ж.К. Бронзовые изделия из памятников савроматской культуры Западного Казахстана // Кочевники Урало-Казахстанский степей / Отв. ред. А.Д. Таиров. Екатеринбург: УрО РАН, 1993. С. 44–52.

Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука, 1972. 272 с.

Мандельштам А.М. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. М.: Наука, 1992. С. 178–196.

Медведская И.Н. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана // СА. 1972. №3. С. 76–89.

Митько О.А., Панов В.С., Тетерин Ю.В. Состав металла бронзовых изделий из могильника скифского времени Ак-Даг I в Тыве // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2015. Т.14. №5. С. 37–41.

Нефедов Ф.Д. Археологические исследования в Южном Приуралье и Прикамье в 1893–1894 гг. // МАВГР. 1899. Т. III. С. 42–74.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М.: Наука, 1982. 277 с.

Полін С.В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. 1987. №59. С. 17–36.

Пономарев П.А. Материалы для характеристики бронзовой эпохи Камско-Волжского края. I. Ананьинский могильник (археологический этюд) // ИОАИЭ. Т. X. Вып. 4. Казань, 1892. С. 405–438.

Самашев З., Жумабекова Г., Ермолаева А., Омаров Г. Раннесакские наконечники стрел из казахстанского Алтая // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: материалы междунар. конф., 2–5 сент. 1998 г. / Ред. Г.В. Вилинбахов и др. СПб.: ГЭ – ИИМК РАН, 1998. С. 155–160.

Тереножкин А.И. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале // Известия УЗФАН. 1940. №9. С. 30–38.

Хаврин С.В. Тагарские бронзы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. / Под ред. Никитина А. СПб.: Мир книги, 2000, С. 183–193.

Хаврин С.В. Металл памятников пазырыкской культуры из курганов Чуи и Урсула // Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: АлтГУ, 2007. С. 278–281.

Хаврин С.В. Анализ состава раннескифских бронз Алтая // Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. С. 173–178.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья / МИА. №172. М.: Наука, 1970. 180 с.

Чижевский А.А., Гисматуллин М.Р., Храмченкова Р.Х. Бронзовый чекан из археологического собрания Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова // Stratum plus. 2019. №3. С. 99–112.

Чижевский А.А., Нигаматов А.З., Храмченкова Р.Х. Комплекс предметов вооружения ананьинского времени из Танаевского леса // Поволжская археология. 2020. №3 (33). С. 181–195.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.

Чугунов К.В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура / Ред. А. Никитин и др.. СПб.: Мир книги, 2000. С. 213–238.

Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М.: Институт археологии РАН, 1996. 186 с.

Ярыгин С.А., Сакенов С.К. Колчаный набор раннесакских племен верховьев р. Шагалалы // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Бегазы-Тасмола, 2015. С. 436–440.

Tallgren A.M. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. II. L'epoque dite d'Ananino dans la Russie orientale. Helsinki, 1919. 203 p. (SMYA. T. XXXI).

Информация об авторах:

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет; старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); chijevski@mail.ru

Гисматулин Марат Рашитович, Ульяновский областной краеведческий музей им. И. А. Гончарова. (Ульяновск, Россия); gismatu@yandex.ru

Храмченкова Резида Хавиловна, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; Казанский Федеральный университет (г. Казань, Россия); rezidahram@mail.ru

REFERENCES

Alekseev, A. Yu. 2003. *Khronografiia Evropeiskoi Skifii (Chronography of European Scythia)*. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum (in Russian).

Bartseva, T. B. 1981. *Tsvetnaia metalloobrabotka skifskogo vremeni. Lesostepnoe Dneprovskoe levoberezh'e (Non-Ferrous Metal Working from Scythian Time: Left-Bank Dnieper Forest-Steppe Area)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Bartseva, T. B. 1985. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 184. Moscow-Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 42–49 (in Russian).

Bartseva, T. B. 1985a. In Abramova, M. P., Kozenkova, V. I. (eds.). *Arkheologicheskie issledovaniia na novostroikakh Kabardino-Balkarii (Archaeological Studies at New Construction Projects in Kabardino-Balkaria)* 2. Nalchik: "El'brus" Publ., 116–134 (in Russian).

Bartseva, T. B. 1987. In Zdanovich, G. B. (ed.). *Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e Uralo-Irtyskogo mezhdurech'ia (The Early Iron Age and the Middle Age of the Ural – Irtys Interfluves Area)*. Chelyabinsk: Bashkir State University, 65–83 (in Russian).

Bartseva, T. B. 1988. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 194. Moscow-Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 23–29 (in Russian).

Beisenov, A. Z. 2015. In Beisenov, A. Z. (ed.) *Sakskaiia kul'tura Saryarki v kontekste izucheniiia etnosotsiokul'turnykh protsessov stepnoi Evrazii (Saka culture of Saryarka in the context of researches of ethno-social processes of Eurasian steppe)*. Almaty: "Begazy-Tasmola" Publ., 11–38 (in Russian).

Beisenov, A. Z., Kharvin, S. V. 2015. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 17, no. 3(2). 526–531 (in Russian).

Bourgarit, D., Peikhe, I. 2009. In Molodin, V. I., Partzinger, H. (eds.). *Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoi lesostepi (Chicha, a Fortified Site from the Time of Transition from the Bronze to the Iron Age in the Baraba Forest-Steppe)* 3. Novosibirsk; Berlin: Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 199–201 (in Russian).

Valchak, S. B., Demidenko, S. V., Malashev, V. Yu., Sakenov, S. K., Sviridov, A. N., Yarygin, S. A. 2017. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 142–154 (in Russian).

Vishnevskaya, O. A. 1973. *Kul'tura sakskikh plemen nizov'ev Syrdar'i v VII–V vv. do n.e.: po materialam Uigaraka (Culture of the Saka Tribes of the Lower reaches of the Syr Darya in the 7th – 5th cc. B.C.: Based on Materials from Uigarak)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Vishnevskaya, O. A. 1992. Gaidukov, P. G. (ed.). *Stepnaia polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (The Steppe Belt of the Asian Part of USSR in the Scythian and Sarmatian Time)*. Moscow: "Nauka" Publ., 130–140 (in Russian).

Galanina, L. K., Alekseev, A. Yu. 1990. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 30. Leningrad: "Iskusstvo" Publ., 34–54. (in Russian).

Griaznov, M. P. 1947. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XVIII, 9–17 (in Russian).

Griaznov, M. P. 1956. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 61. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 8–16 (in Russian).

Griaznov, M. P. 1980. *Arzhan. Tsarskii kurgan ranneskifskogo vremeni (Tsar's Burial Mound of the Early Scythian Period)*. Leningrad (in Russian).

Griaznov, M. P. 1992. Gaidukov, P. G. (ed.). *Stepnaia polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (The Steppe Belt of the Asian Part of USSR in the Scythian and Sarmatian Time)*. Moscow: "Nauka" Publ., 161–178 (in Russian).

Dvornichenko, V. V. 1990. In Melyukova, A. I. (ed.). *Problemy skifo-sarmatskoi arkheologii (Issues of Scythian-Sarmatian Archaeology)*. Moscow: "Nauka" Publ., 48–59 (in Russian).

Daragan, M. N. 2011. *Nachalo rannego zheleznogo veka v Dneprovskoi pravoberezhnoi lesostepi (Beginning of the Early Iron Age in the Dnieper Right-Bank Forest-Steppe)*. Kiev: "KNT" Publ. (in Russian).

Degtyareva, A. D., Kuznetsova, E. F. 2015. In Beisenov, A. Z. (ed.) *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniia etnosotsiokul'turnykh protsessov stepnoi Evrazii (Saka culture of Saryarka in the context of researches of ethno-social processes of Eurasian steppe)*. Almaty: "Begazy-Tasmola" Publ., 113–118 (in Russian).

Degtyareva, A. D., Kuz'minykh S. V. 2018. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 41 (2), 41–60 (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuiu epokhu (History of the Population of the Kama River Region in the Ananyino Time)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Zaitseva, G. I. et al. (eds.). *Evraziia v skifskuiu epokhu: radiouglerodnaia i arkheologicheskaya khronologiya (Eurasia in Scythian Time. Radiocarbon and Archaeological Chronology)*. Saint Petersburg: "Teza" Publ. (in Russian).

Ivanchik, A. I. 2001. *Kimmeriitsy i skify (The Cimmerians and Scythians)*. Series: *Stepnye narody Evrazii (Steppe Peoples of Eurasia)* 2. Moscow: "Paleograf" Publ. (in Russian).

Illins'ka, V. A. 1973. In *Arkheologiya (Archaeology)* 12, 13–26 (in Ukrainian).

Ismagilov, R. B. 1988. In Piotrovskii, B. B. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 29. Leningrad: "Iskusstvo" Publ., 29–47 (in Russian).

Itina, M. A., Yablonskiy L. T. 1997. *Saki Nizhnei Syrdar'i (po materialam mogil'nika Iuzhnyi Tagisken) (The Sakas of the Lower Syr Darya (Based on Materials from Yuzhny Tagisken Burial Ground))*. Moscow: "ROSSPEN" Publ. (in Russian).

Itina, M. A., Yablonskiy, L. T. 1977. *Saki Nizhnei Syrdar'i (po materialam mogil'nika Iuzhnyi Tagisken) (The Saka people of the Lower Syr Darya (Based on Materials from Yuzhny Tagisken Burial Ground))*. Moscow: "ROSSPEN" Publ. (in Russian).

Kiriushin, Yu. F., Tishkin, A. A. 1997. *Skifskaya epokha Gornogo Altaia. Ch. I: Kul'tura naseleniia v ranneskifskoe vremia (Scythian Epoch of Mountain Altay. Part I: Culture of the Population in the early Scythian Period)*. Barnaul: Altai State University Publ. (in Russian).

Knyazev, G. B. 2003. In Kiriushin, Yu. F., Stepanova, N. F., Tishkin, A. A. *Skifskaya epokha Gornogo Altaia. Ch. II: Pogrebal'no-pominal'nye komplekсы pazyrykskoi kul'tury (Scythian Epoch of Mountain Altay. Part II: Burial And Memorial Complexes of Pazyryk Culture)*. Barnaul: Altai State University Publ., 135–136 (in Russian).

Koryakova, L. N., Sharapova, S. V., Kovrigin, A. A. 2010. In *Ural'skiy istoricheskii vestnik (Ural Historical Journal)* (2), 62–71 (in Russian).

Kuz'minykh, S. V. 1983. *Metallurgiya Volgo-Kam'ia v rannem zheleznom veke (med' i bronza) (Metallurgy of the Volga-Kama Region in the Early Iron Age (Copper and Bronze))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kuz'minykh S. V., Degtyareva, A. D. 2015. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* (4), 57–66 (in Russian).

Kuz'minykh, S. V., Orlovskaya, L. B. 2017. In Zav'yalov, V. I., Kuz'minykh, S. V. (eds.). *Analiticheskie issledovaniia laboratorii estestvennonauchnykh metodov (Analytical Studies of the Laboratory of Natural Scientific Methods)* 4. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 63–166 (in Russian).

Kuz'minykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 9 (3), 101–137 (in Russian).

Kuznetsova, E. F. 1980. In Akishev, K. A. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia drevnego i srednevekovogo Kazakhstana (Archaeological Studies of Ancient and Medieval Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 152–164 (in Russian).

Kuznetsova, E. F., Kurmankulov, Zh. K. 1993. In Tairov, A. D. (ed.). *Kochevniki Uralo-Kazakhstanskikh stepei (Nomads of the Ural-Kazakhstan Steppes)*. Yekaterinburg: Ural Branch, Russian Academy of Sciences, 44–52 (in Russian).

Litvinskii, B. A. 1972. *Drevnie kochevniki «Kryshi mira» (Ancient Nomads of the "Roof of the World")*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mandel'shtam, A. M. 1992. Gaidukov, P. G. (ed.). *Stepnaya polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (The Steppe Belt of the Asian Part of USSR in the Scythian and Sarmatian Time)*. Moscow: "Nauka" Publ., 178–196 (in Russian).

Medvedskaya, I. N. 1972. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archeology)*. (3). 76–89 (in Russian).

Mit'ko, O. A., Panov, V. S., Teterin, Yu. V. 2015. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 14 (5), 136–140 (in Russian).

Nefedov, F. D. 1899. *Materialy po arkheologii vostochnykh gubernii Rossii (Materials on the Archaeology of Eastern Russian Governorates)* 3. Moscow: Imperial Moscow Archaeological Society, 42–74 (in Russian).

Patrushev, V. S., Khalikov, A. Kh. 1982. *Volzhskie anan'intsy (Starshii Akhmylovskii mogil'nik) (The Volga Ananyino People (The Elder Akhmylovo Burial Ground))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Polin, S. V. 1987. In *Arkheologiya (Archaeology)* 59, 17–36 (in Ukrainian).

Ponomarev, P. A. 1892. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* X (4). Kazan, 405–438 (in Russian).

Samashev, Z., Zhumabekova, G., Ermolaeva, A., Omarov, G. 1998. In *Villimbakhov, G. V. (ed.). Voennaia arkheologiya. Oruzhie i voennoe delo v istoricheskoi i sotsial'noi perspective (Military Archaeology. Armament and Military Art in the Historical and Social Perspective)*. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 155–160 (in Russian).

Terenozhkin, A. I. 1940. In *Izvestiia Uzbekistanskogo filiala Akademii nauk SSSR (Proceedings of the Uzbekistan Branch of the USSR Academy of Sciences)* 9, 30–38 (in Russian).

Khavrin, S. V. 2000. In Nikitin, A. (ed.). *Mirovozzrenie. Arkheologiya. Ritual. Kul'tura (Worldview. Archaeology. Ritual. Culture)*. Saint Petersburg: "Mir knigi" Publ., 183–193 (in Russian).

Khavrin, S. V. 2007. In Kubarev, V. D., Shul'ga, P. I. *Pazyrykskaia kul'tura (kurgany Chui i Ursula) (Pazyryk Culture (Chui and Ursula Burial Mounds))*. Barnaul: Altai State University Publ., 278–281 (in Russian).

Khavrin, S. V. 2008. In Shul'ga, P. I. *Snariazhenie verkhovoi loshadi i voinskie poiasa na Altae. Ch.1. Ranneskifskoe vremia (Equipment of the Saddle Horse and Warrior Belts in Altai Part I. Early Scythian period)*. Barnaul: "Azбука" Publ., 173–178 (in Russian).

Chernykh, E. N. 1970. *Drevneishaia metallurgiya Urala i Povolzh'ia (Ancient Metallurgy of Ural and Volga Region)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 172. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Chizhevsky, A. A. 2019. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 99–112 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Nigamaev, A. Z., Khramchenkova, R. Kh. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 33 (3), 181–195 (in Russian).

Chlenova, N. L. 1967. *Proiskhozhdenie i ranniaia istoriia plemen tagarskoi kul'tury (The Origin and Early History of the Tagar Culture Tribes)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Chugunov, K. V. 2000. In Nikitin, A. (ed.). *Mirovozzrenie. Arkheologiya. Ritual. Kul'tura (Worldview. Archaeology. Ritual. Culture)*. Saint Petersburg: "Mir knigi" Publ., 213–238 (in Russian).

Yablonsky, L. T. 1996. *Saki Yuzhnogo Priaralia (arheologiya i antropologiya mogilnikov) (The Saka people of the South Aral Sea Area (Archaeology and Anthropology of Burial Grounds))*. Moscow: Institute of archaeology RAS (in Russian).

Yarygin, S. A., Sakenov, S. K. 2015. In Beisenov, A. Z. (ed.) *Sakskaa kul'tura Saryarki v kontekste izucheniia etnosotsiokul'turnykh protsessov stepnoi Evrazii (Saka culture of Saryarka in the context of researches of ethno-social processes of Eurasian steppe)*. Almaty: "Begazy-Tasmola" Publ., 436–440 (in Russian).

Tallgren A.M. *Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. II. L'epoque dite d'Ananino dans la Russie orientale*. Helsinki, 1919. 203 p. (SMYA. T. XXXI).

About the Authors:

Chizhevsky Andrei A. Candidate of Historical Sciences. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; chijevski@mail.ru

Gismatullin Marat R. Ulyanovsk regional museum of local lore named after I.A. Goncharov. Novy Venets Bd., 3/4, Ulyanovsk, 432017, Russian Federation; gismatu@yandex.ru

Khramchenkova Rezida Kh. Candidate of Physics-Mathematics Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; rezidahram@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2021 г.

Статья принята к публикации 01.02.2021 г.

Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.2.62.81>

ПРЯСЛИЦА ЗУЕВОКЛЮЧЕВСКОГО I ГОРОДИЩА В НИЖНЕМ ПРИКАМЬЕ

© 2021 г. Е.М. Черных

В статье рассматривается одна из наиболее представительных и значимых категорий предметов, встречающихся в культурных слоях поселений Волго-Камья – пряслица. С Зуевоключевского I городища – одного из крупнейших городищ Прикамья – происходит едва ли на самая обширная коллекция пряслиц раннего железного века. Трактовка пряслиц как артефактов культуры ткачества в архаических обществах, начиная с эпохи неолита, уже не столь однозначна. Тем актуальнее обращение к каждой целостной коллекции находок. Анализируются материал, форма, декор пряслиц, происходящих из стратифицированных слоев ананьинского и пьяноборского времени; их горизонтальное и вертикальное распределение в культурных напластованиях и объектах; оценивается возможность пряслиц как культурно-хронологических индикаторов.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, Прикамье, городище, пряслица, морфология, использование.

SPINNING WHEEL FROM ZUEVOKLYUCHEVSKOE I HILLFORT IN THE LOWER KAMA REGION

E.M. Chernykh

The paper addresses one of the most representative and significant categories of items discovered in the cultural layers of the Volga-Kama settlements - a spinning wheel. Zuevoklyuchevskoe I hillfort – one of the largest fortified settlements of the Kama Region - is the origin of arguably the most extensive collection of spinning wheels of the Early Iron Age. The interpretation of spinning wheels as artifacts of the weaving culture in archaic societies, starting from the Neolithic period, is no longer unambiguous. Hence the more relevant references to each complete collection of finds. The material, shape and decoration of the spindle wheels originating from the stratified layers of the Ananyino and Piany Bor period are analyzed, and their horizontal and vertical distribution in the cultural layers and sites is assessed, along with the possibility of considering spinning wheels as cultural and chronological indicators.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, Kama Region, hillfort, spinning wheels, morphology, application.

Зуевоключевское I городище – самое крупное из известных на сегодня ананьинских городищ в Среднем и Нижнем Прикамье (площадь его составляет более 3 га). Честь открытия памятника принадлежит А.А. Спицыну (1893, с. 120-121). Сегодня в распоряжении ученых имеется довольно детальная информация не только о стратиграфии этого памятника, но и планировке собственно городища раннего железного века, материальной культуре его обитателей, этапах функционирования, ближайшей округе (Ашихмина, 2014; Ашихмина, Генинг, 1986, с. 123-137; Голдина, 1995, с. 34-48; Голдина, Черных, 2011, с. 60-63; Черных, 2004, с. 113-131; Черных, 2009, с. 76-97; Черных, 2012, с. 113-123; Черных, 2013; Черных, 2014, с. 153-165; Митряков, Черных, 2017, с. 17-32; Черных, 2018, с. 267-290; Черных, Колобова, 2006, с. 145-151; Черных, Цыгвинцева, 2006, с. 180-186).

В 1912 г. городище осматривалось сотрудником Сарапульского земского музея Л.А.

Беркутовым (1914, с. 67-68), снявшим его первый глазомерный план. В 1970 г. первые раскопки на городище проведены Р.Д. Голдиной, в дальнейшем продолжены В.Ф. Генингом и Л.И. Ашихминой (всего было заложено 14 раскопов, общей площадью почти 5 тыс. кв. м).

В 1997 г., после длительного перерыва, раскопки на городище были возобновлены Е.М. Черных и продолжались в течение 9 лет. Одновременно проводились исследования на близлежащих селищах, давшие основания для рассмотрения особенностей расселения в границах отдельного микрорегиона рубежа эр (Карпушкина, Черных, 2007). На Зуевоключевском II селище был заложен раскоп площадью 130 кв. м, включавший также траншею, разрезавшую ров в напольной части городища (Вязников и др., 2001, с. 179-181). Среди находок на селище – фрагменты лепной посуды как ананьинского, так и пьяноборского времени, артефакты бытового и производственно-

го класса (пряслице, тигли, шлаки, сплески металла, абразивы). На Зуевоключевском IV селище раскопом 54 кв. м изучены остатки наземной постройки и отдельные объекты ананьинско-чегандинского времени. С регулярно распахиваемой площадки селища был собран также керамический материал, датируемый финалом бронзового века (маклашевская культура) и металлические украшения чегандинской культуры первых веков н. э. Одновременно открыто Зуевоключевское VIII селище (Голдина, Черных, 2011, с. 37). В глубине балки Гремячий ключ, на ее левом берегу, изучено рекогносцировочным раскопом (72 кв. м) Зуевоключевское III (Хижняковское) городище (Карпушкина, 2005; Голдина, Черных, 2011, с. 64-64).

В исследованиях городища 1998–2000 гг. был реализован комплексный подход, с участием сотрудников ФТИ УрО РАН (И.В. Журбин, В.П. Зверев, А.В. Зелинский; Журбин, 2004), геоморфолога А.В. Сергеева (кафедра физической географии УдГУ), почвоведом А.В. Туганаева (лаборатория почвенной экологии УдГУ), биолога О.А. Капитоновой (УдГУ), археозоолога О.Г. Богаткиной (Национальный музей РТ, г. Казань). Одновременно, были возобновлены раскопки ананьинского Зуевского (Зуевоключевского I) могильника, на площадке которого С.Е. Перевощиковым изучены 10 погребений раннего железного века и 7 погребений XVI–XVII вв. (Перевощиков, 2000, с. 250-251; Голдина, Черных, 2011, с. 86-89).

Работы на объектах Зуевоключевского микрорайона продолжались непрерывно до 2005 г. Общая изученная раскопками площадь на территории городища достигла 8000 кв. м.

Зуевоключевское I городище представляет собой многослойный и многокомпонентный памятник, на площадке которого в ходе раскопок были выявлены и изучены Зуевоключевская I стоянка позднего бронзового века (луговская АК), погребения эпохи бронзы, раннего железного века и нового времени (Зуевоключевской II могильник), неукрепленное поселение раннеананьинской культуры и остатки усадьбы XVI–XVII вв. (Зуевоключевское III поселение), городищенский слой ананьинско-пьяноборского времени. Мощностные культурных напластований на городище варьируются от 0,1 до 2,0 м. Многолетними исследованиями в них изучены жилые, хозяйственные, производственные, фортификационные сооружения, собраны представительные коллекции предметов быта, орудий труда, украшений из

черного и цветного металлов, стекла, кости, камня, массовые керамические коллекции эпохи бронзы – раннего железного века.

Раннеананьинская керамика, встречаемая локально (3 жилища и несколько ям), принадлежит догородищенскому этапу и характеризуется двумя культурными традициями – постмаклашевской и ранней сложношнуровой.

Очевидно, в конце V в. до н.э. в западной части мысовой площадки насыпается вал, за ним следует глубокий ров, а в 12 м имелся еще один, до настоящего времени не сохранившийся. Новому периоду в истории поселения соответствуют мощные зольно-пепельные рыхлые напластования с остатками жилых и хозяйственных сооружений. В планировке поселка угадывается регулярность: рядовая застройка домов, довольно однотипные наземные постройки, выделение функциональных зон, связанных с производственной и культовой деятельностью. Используется интенсивно округ городища. Конец ананьинской эпохи (IV–III вв. до н. э.) характеризовался общими для Прикамья изменениями в облике керамики (практически исчезает из декора шнур), расширением сети открытых поселений, строительством нового городища (Зуевоключевское III). На старом городище в южной части формируется святилище с центральной культовой постройкой. В следующую пьяноборскую эпоху городище по-прежнему существует как укрепленный центр, но фортификации на нем обновлялись лишь однажды и скорее всего уже не представляли серьезной мощи. К тому же верхний слой городища наиболее пострадал от деятельности человека и судить о характере застройки в этот период можно весьма избирательно. Необходимо также заметить, что датирующие находки из верхних напластований охватывают широкий временной диапазон – II в. до н.э. – V-VI вв. н.э., то есть жизнь на городище продолжалась как в чегандинское, так и в мазунинское время.

Материалы, полученные в ходе исследований памятника (более 20000 фрагментов керамики, более 1000 индивидуальных находок), оказались в различных музейных собраниях: Государственном Эрмитаже (коллекция № 609), в Музее истории и культуры Среднего Прикамья г. Сарапула (коллекция Л.А. Беркутова № 4100), Национальном музее УР им. Кузеева Герда (коллекции №№ 62, 95, 478, 522); Удмуртском госуниверситете (коллекции №№ 619, 1362, 1476, 1914, 2024, 2075,

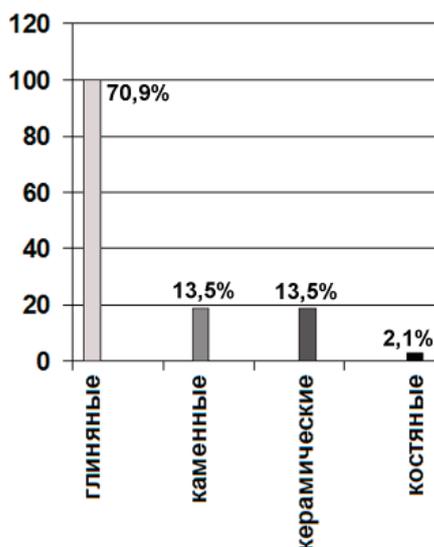


Рис. 1. Зуевоключевское I городище. Распределение пряслиц по материалу.

Fig. 1. Zuevoklyuchevskoe I hillfort.

Distribution of the spinning wheels by material

2120, 2140, 2147, 2163); Институте истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург; археозоологическая коллекция).

В данной статье рассматривается коллекция пряслиц периода раннего железного века, общее количество которых составляет более 140 единиц. Под пряслицем в археологии, как правило, понимается небольшое колесико преимущественно круглой в горизонтальном сечении формы с отверстием в центре. Пряслица традиционно рассматриваются как материальные свидетельства наличия прядения и ткачества в обществах прошлого, начиная с эпохи неолита. Вместе с тем в научной литературе можно найти немало фактов их использования в качестве грузиков для сетей, предметов товарно-денежного обмена, пуговиц, предметов ритуальных практик.

Систематизация зуевоключевских пряслиц была выполнена по различным основаниям, включающим такие признаки как материал, форма, размеры, декор.

По материалу выделены 4 группы предметов: керамика (диски изготавливались из стенок керамических сосудов), глина, камень, кость. Абсолютно преобладают в коллекции диски, вылепленные из глины (рис. 1), но степень их сохранности наименьшая (рис. 2). По форме сечения выделены типы: I – полусферическое, II – трапециевидное, III – прямоугольное; IV – битрапециевидное; V – овальное; VI – прямоугольно-трапециевидное. По особенностям приканальных площадок – подтипы: А – обе приканальные площадки ровные, плоские; D – выпукло-вогнутые; E –

обе поверхности выпуклые. Варианты выделены по форме края диска – гурта (всего 6): прямой, округлый, кососрезанный, асимметричный, с изломом, желобчатый.

Классификация по форме выполнена для 141 диска.

Группа 1 – глиняные (100 экз.; 71%). Эти маховички вылеплены из глины, приготовленной зачастую по тем же рецептам, что и сосуды. Форма определена у 98 экземпляров.

Тип I – полусферические (26 экз.; рис. 3: 2, 3, 7; 4: 2: 6, 7; 6: 4, 7). Все относятся к подтипу С – одна поверхность прямая, другая выпуклая. Край у всех дисков округлый.

Тип II – сечение трапециевидное (рис. 5: 7). Единственное изделие данного типа имело плоскую верхнюю площадку и слегка вогнутую – нижнюю (подтип В), асимметричные края. Последняя характеристика диска, с учетом того, что отверстия канала также не равноценны, позволяет рассматривать изделие как пряслице условно.

Тип III – прямоугольные (58 экз.; рис. 3: 1, 4, 5, 6, 8-10; 4: 2-5, 8, 10; 5: 8; 6: 1, 3, 5, 6, 8; 7: 3, 6-9). Диски данного типа наиболее вариативны по форме приканальных площадок: подтип А – обе площадки плоские; подтип В – с плоской верхней и вогнутой нижней площадками; С – с плоской и выпуклой площадками; D – с выпукло-вогнутыми поверхностями; E – обе площадки слегка выпуклые. Наиболее распространены плоские и сглажено-округлые края дисков.

Тип IV – битрапециевидные (4 экз.; рис. 7: 4, 5). Имеют плоские приканальные площадки и край с изломом/ребром.

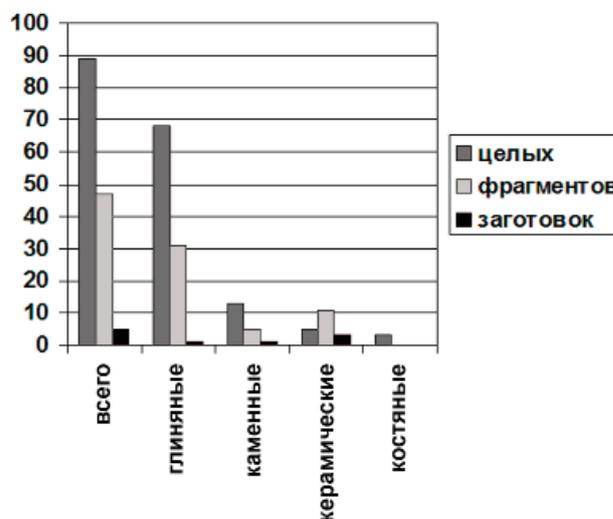


Рис. 2. Зуевоключевское I городище. Соотношение целых форм пряслиц, их заготовок и фрагментов

Fig. 2. Zuevoklyuchevskoe I hillfort. Ratio of the whole shapes of spinning wheels, their blanks and fragments

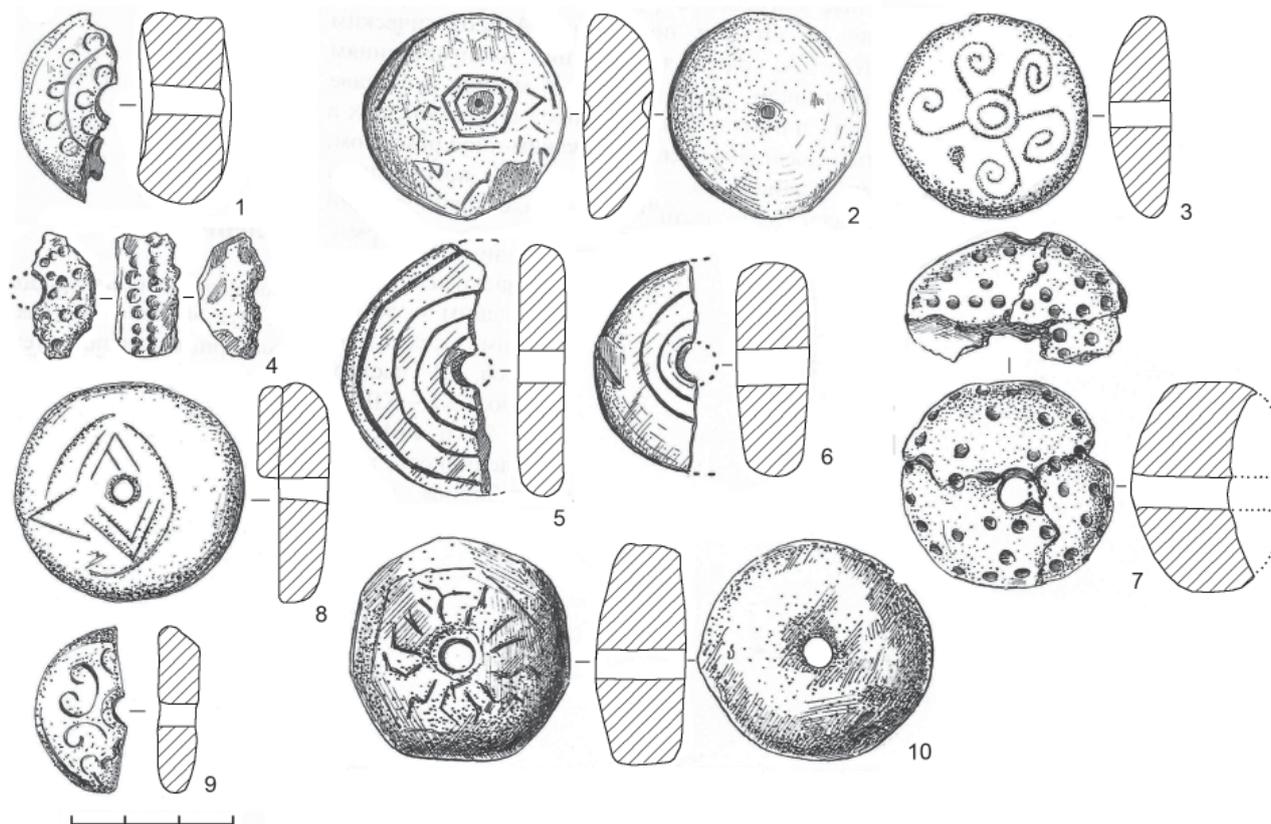


Рис. 3. Зуевключевское I городище. Пряслица из слоя и объектов ананьинского времени:

1, 2, 4-5, 7, 10 – глина; 3, 6, 8, 9 – камень. Художник Н.Ф. Шишкина

Fig. 3. Zuevoklyuchevskoe I hillfort. Spinning wheel from the layer and items of the Ananyino period:

1, 2, 4-5, 7, 10 – clay; 3, 6, 8, 9 – stone. Artist N. F. Shishkina

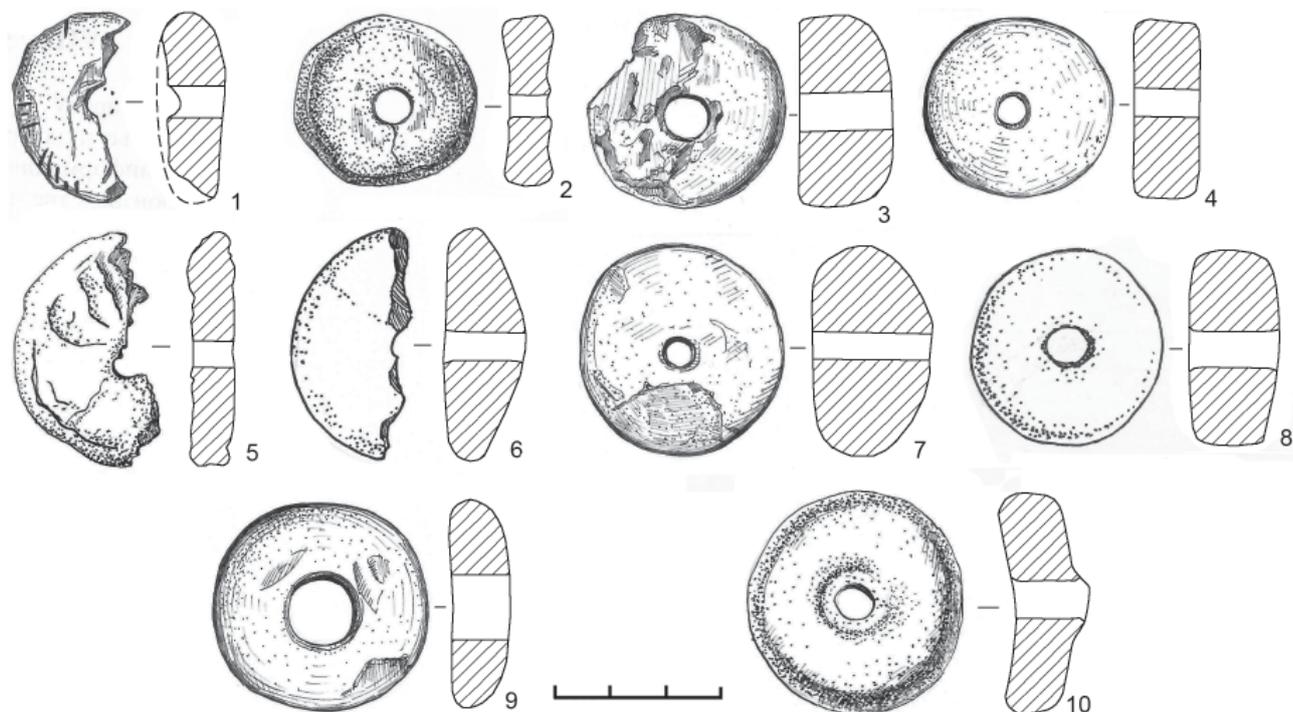


Рис. 4. Зуевключевское I городище. Пряслица из слоя и объектов ананьинского времени:

5 – камень; остальные – глина. Художник Н.Ф. Шишкина

Fig. 4. Zuevoklyuchevskoe I hillfort. Spinning wheel from the layer and items of the Ananyino period:

5 stone; others – clay. Artist N. F. Shishkina

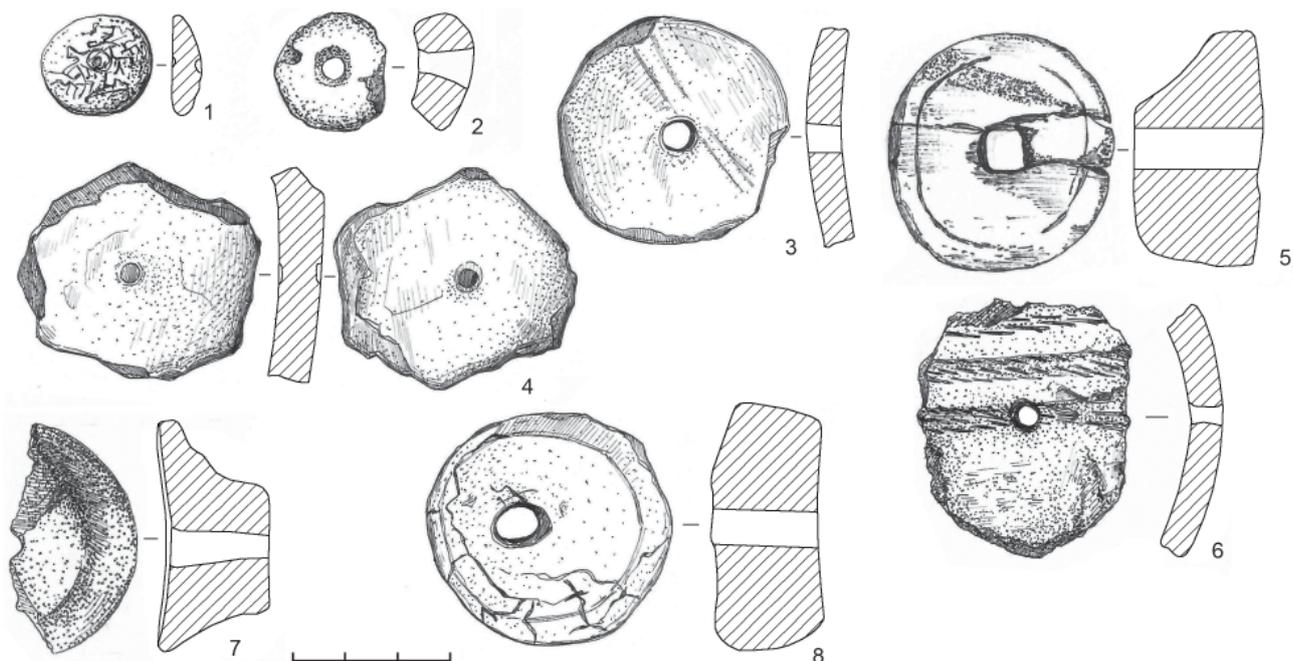


Рис. 5. Зуевключевское I городище. Пряслица и предметы с отверстиями из слоя и объектов ананьинского времени: 1 – камень; 2, 5 – кость; 3, 4, 6 – керамика; 7, 8 – глина. Художник Н.Ф. Шишкина.

Fig. 5. Zuevoklyuchevskoe I hillfort. Spinning wheel and items with holes from the layer and items of the Ananyino period: 1 – stone; 2, 5 – bone; 3, 4, 6 – ceramics; 7, 8 – clay. Artist N. F. Shishkina

Тип V – овалы (8 экз.; рис. 4: 1, 9; 6: 2). У всех изделий слегка выпуклые приканальные площадки (подтип E) и округлый край.

Тип VI – прямоугольно-трапециевидные (1 экз.).

Группа 2 – керамические пряслица (рис. 5: 3, 4, 6), выполнены из стенок сосудов (19 экз.; в большей части – это заготовки, т.е. диски с незавершенным отверстием или необработанным краем). Составляют 13,5% всей выборки. Характерно, что одно пряслице изготовлено из стенки типичного ананьинского сосуда, украшенного веревочным/шнуровым орнаментом. Все диски в силу особенностей их изготовления принадлежат к типу III (с прямоугольным сечением). Выделяются два подтипа, когда обе приканальные площадки прямые, либо одна выпуклая, другая вогнутая.

Подтип A с прямыми площадками представлен пятью изделиями, у трех из которых края прямые, у двух – округленные. Остальные принадлежат к подтипу D – с выпукло-вогнутыми площадками (14 экз.). По форме края зафиксированы 4 варианта – с прямым, кососрезанным, округлым, асимметричными краями, что объясняется незавершенностью обработки изделия, либо издержками домашнего изготовления таких дисков, не особо тщательно подвергавшихся дополнительной отделке.

Группа 3 – каменные (19 экз.; 13,5%). Классификации по форме поддаются 14 дисков.

Тип I – полусферические (2 экз.; рис. 3: 3; 5: 1). Оба экземпляра составляют подтип C – с выпукло-вогнутыми приканальными площадками и округлым краем.

Тип II – трапециевидные (2 экз.; рис. 7: 8) типа A – с прямыми приканальными площадками.

Тип III – прямоугольные (10 экз.; рис. 3: 6, 8, 9; 4: 5; 7: 6). Преобладают пряслица подтипа A с плоскими прямыми приканальными площадками и плоским краем. 2 диска принадлежат к редкому подтипу D – с выпукло-вогнутыми приканальными площадками и сглаженным ребром по краю.

Группа 4 – костяные (3 экз.; 2% выборки)

Тип I – полусферическое (1 экз.; рис. 7: 2), изготовленное из суставной кости животного.

Тип III – с прямоугольным сечением (2 экз.). Одно из пряслиц было вырезано из плоской кости животного, другое из головки суставной кости (рис. 5: 2). Еще один предмет в коллекции был в полевых условиях учтен как пряслице, выточенное из крупной кости животного (рис. 5: 5), но таковым, по всей видимости, не являлся. Изделие имело довольно крупные размеры и сквозное отверстие прямоугольной формы, к тому же не центрированное, что отнюдь не способствовало сбалансированному вращению.

Размеры дисков рассмотрены по выделенным группам.

Среди керамических дисков в целом наблюдается единообразие: величина дисков в среднем 4,5 см. Наибольшей величиной – 5,5 см – отличаются пряслица подтипа D. Диаметр центрального отверстия у дисков невелик – 0,4-0,6 см, как и толщина 0,6-0,8 см. Керамические диски просты в изготовлении, недостатка в подручном материале не было, но отсутствие у значительной части изделий правильной круглой формы заставляет задуматься – насколько в действительности они могли служить грузиками-утяжелителями для веретен. Вероятно, что показывает эксперимент, могли использоваться как приспособления для ссучивания шерстяных нитей (Фоломеев, Чернай, 1980, с. 49-50).

Глиняные пряслица имеют наибольший диапазон по показателям диаметра и толщины. Диаметр изделия варьируется от 2,8 до 6,0 см. Диаметр центрального отверстия – от 0,4 до 1,6 см, но наибольшая частота приходится на показатель 0,6 см. Для наиболее представительного типа глиняных пряслиц (имевших прямоугольное сечение) наблюдаются различия в метрике при сопоставлении вариантов изделий (по форме края/ребра). Так, пряслица с округлым краем имеют диаметр 2,6-5,4 см, диаметр отверстия 0,4-1,5 см, толщину 0,7-2,8 см, тогда как пряслица с плоским краем диаметр 3,2-5,0 см, диаметр отверстия 0,4-1,0 см, толщину 0,5-1,3 см.

Наибольшая вариативность по метрическим признакам наблюдается у пряслиц с полусферическим сечением: диаметр их дисков варьируется от 2,7 см до 4,4 см, диаметр отверстия – в среднем 0,5 см, значителен диапазон толщины: 1,3–2,5 см.

Столь существенные метрические различия в этой группе пряслиц, вероятнее всего, следует рассматривать в контексте их длительного бытования, различного назначения, а также смены культурных новаций в обществе (например, изменение диаметра центрального отверстия, безусловно, следует за изменением веретена, качества пряжи и т.п.).

Каменные пряслица имеют диаметр дисков 2,1-5,4 см (в среднем 3,8 см), диаметр центральных отверстий в среднем – 0,7 см. Диапазон толщины от 0,8 до 2,0 см. Толщина в основном не превышает 1 см, средний показатель ее 1,1 см – самый низкий в сравнении с дисками других отделов.

Костяные диски невелики по размерам. Диаметр в среднем 2,5 см, центрального отверстия – 1 см. По толщине диски не превышают 0,6 см. Есть крупный диск, диаметром 4,5 см и диаметром центрального отверстия 2,5 см, высотой 2,4 см (рис. 5: 5), но, как уже сказано выше, скорее всего, к пряслицам не относится. В силу легкости и трудности балансировки такие диски, вероятно, использовались с другим назначением.

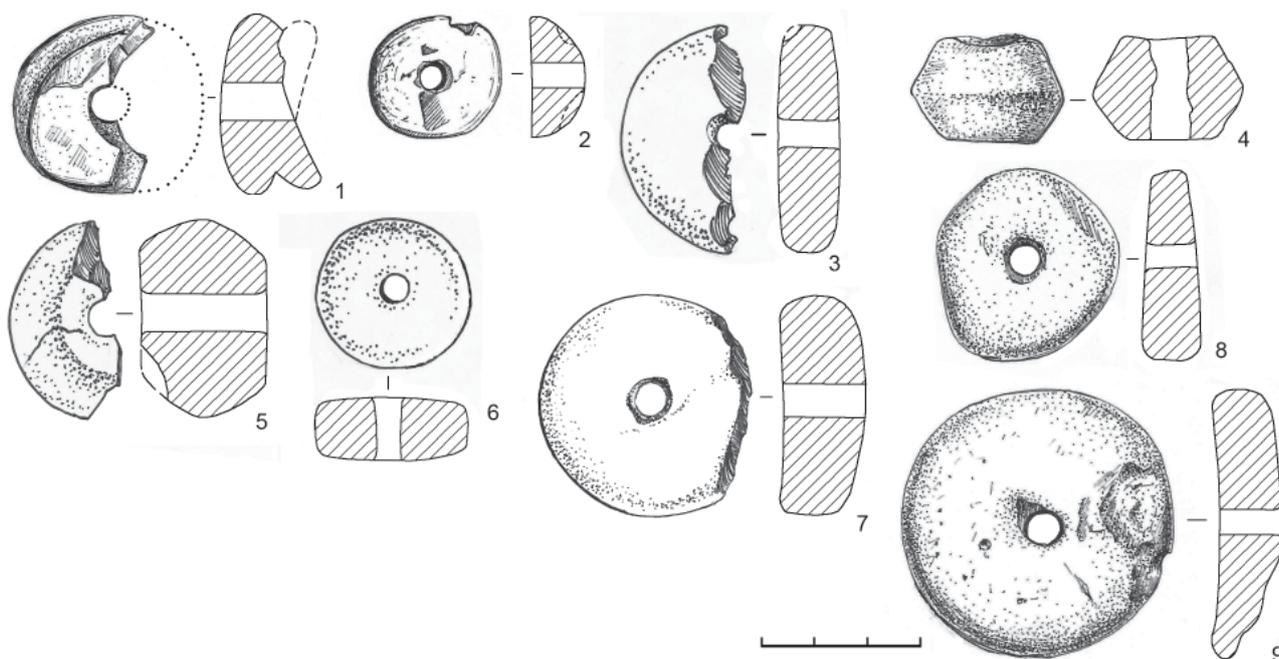


Рис. 6. Зувовключевское I городище. Пряслица из слоя разрушения (1, 2) и пьяноборских объектов: 1, 3-5, 7, 9 – глина; 2 – кость; 6, 8 – камень. Художник Н.Ф. Шишкина.

Fig. 6. Zuevoklyuchevskoe I hillfort. Spinning wheel from the destruction layer (1, 2) and Pyany Bor items: 1, 3-5, 7, 9 – clay; 2 – bone; 6, 8 – stone. Artist N. F. Shishkina

Таким образом, как можно заметить, средняя толщина каменных пряслиц наименьшая среди всех четырех групп, а у глиняных – наибольшая. Это, возможно, связано с большей вариативностью размеров глиняных пряслиц и, соответственно, их многофункциональностью.

Декор пряслиц. Орнаментированных дисков в коллекции 26 экз. (18%). В этой статистике не использованы керамический диск из сосуда, украшенного веревочным орнаментом (рис. 5: 6), а также три пряслица с прочерченными знаками (рис. 5: 1; 6: 6). У всех пряслиц, кроме двух глиняных, декорирована лишь одна сторона. На двух дисках орнамент (круглые вдавления) нанесен также по гурту (рис. 3: 4).

Каменных орнаментированных дисков – 6 (31,5 % от всех каменных и 23 % – от всех декорированных). Глиняных орнаментированных – 19 (19% от всех глиняных и 73% – от числа всех декорированных). Костяные и керамические пряслица – неорнаментированные. То есть, можно сказать, что степень орнаментированности каменных дисков выше почти вдвое.

В коллекции нет абсолютно идентичных пряслиц. Но, не смотря на индивидуальность, все узоры содержат близкий набор элементов. Пряслица Зуевключевского городища украшены с использованием простых геометрических элементов – круги, треугольники, ромбы, спирали, прямые и ломаные линии, складывающихся в определенные композиции или мотивы (по сути, ключевые аспекты изобразительного языка). Хорошо известно, что в основе ананьинского изобразительного творчества лежали орнаментальный стиль, растительный код, либо язык звериных образов (Збруева, 1952, с. 136–146; Корепанов, Обьденнов, 2009, с. 213–215), теснейшим образом связанных как с повседневной жизнедеятельностью, так и сферой сакрального, священного. Синкретизм первобытного мышления, представлявший сложные переплетения реалистического и умозрительного иллюзорного начал, оказывал решающее воздействие на характер художественного творчества. Эффективность многообразной хозяйственной деятельности у ананьинцев зависела от природных циклов, смерти и возрождения природного мира и места в нем самого человека. Отсюда – следы продуцирующей магии, промысловых/охотничьих и, возможно, шаманских культов (Збруева, 1952, с. 131–135; Ашихмина, 1992; Марков, 1994, с. 76).

Основу большинства композиций на зуевключевских дисках составляют растительно-геометрические орнаменты. В соответствии с ними выделены 3 типа композиции:

1. Концентрическая (13 экз., 10 глиняных, 3 – каменных). Изображения выполнены с помощью прямых и ломаных линий, треугольников (рис. 3: 5, 6; 6: 1, 3, 5, 7, 8).

2. Радиально-лучевая (9 экз., 6 глиняных и 3 каменных). Основу композиции составляют лучи, расходящиеся в разные стороны от центрального отверстия. В свою очередь, по стилю оформления луча выделяются секторальные композиции (когда лучи разбивают плоскость диска на несколько секторов) и композиции растительные – луч оформлен в виде крючка, лепестка, или завитка, т.н. S-овидные (рис. 3: 3, 9, 10; 4: 5).

3. Спиралевидная (1 экз., глиняное; рис. 6: 8). Орнамент выполнен в виде спирали, свертывающейся по часовой стрелке (в направлении суточного движения Солнца).

Не вписывающиеся строго в эту схему диски, украшенные ямочными вдавлениями (4 экз.; рис. 3: 4, 7; 6: 1), тем не менее также подчинены идее круга – ямки хоть и размещены без определенного порядка, но органично вписаны в его пространство.

Как можно видеть из приведенных иллюстраций, указанные композиции зачастую взаимодополняют друг друга, да и принцип их использования един – композиционным центром, независимо от характера изображения, всегда остается центральное отверстие, вокруг которого раскручивается движение циклически повторяющихся фигур.

О семантике изображений на пряслицах прикамских культур раннего железного века, определяющим смысловым элементом в композиции которых является исходная форма предмета, а именно круг, написано достаточно (Ашихмина, 1992, с. 7; Сериков, 2005; Котов, 2010). Круг издревле считался символом бесконечности, законченности, высшего совершенства. Во временном плане идея круга находит еще большее воплощение. Она указывала на движение, динамику, цикличность процессов, временные категории – день, месяц, год. С кругом символизируется одна из самых вечных ориентационных примет космического порядка – Солнца. Любая окружность, круглая сферическая плоскость вызывали в первую очередь, солярные и шире – астральные ассоциации (Косарев, 2003, с. 211). Секторальная композиция также символизирует солнце, но не в дина-

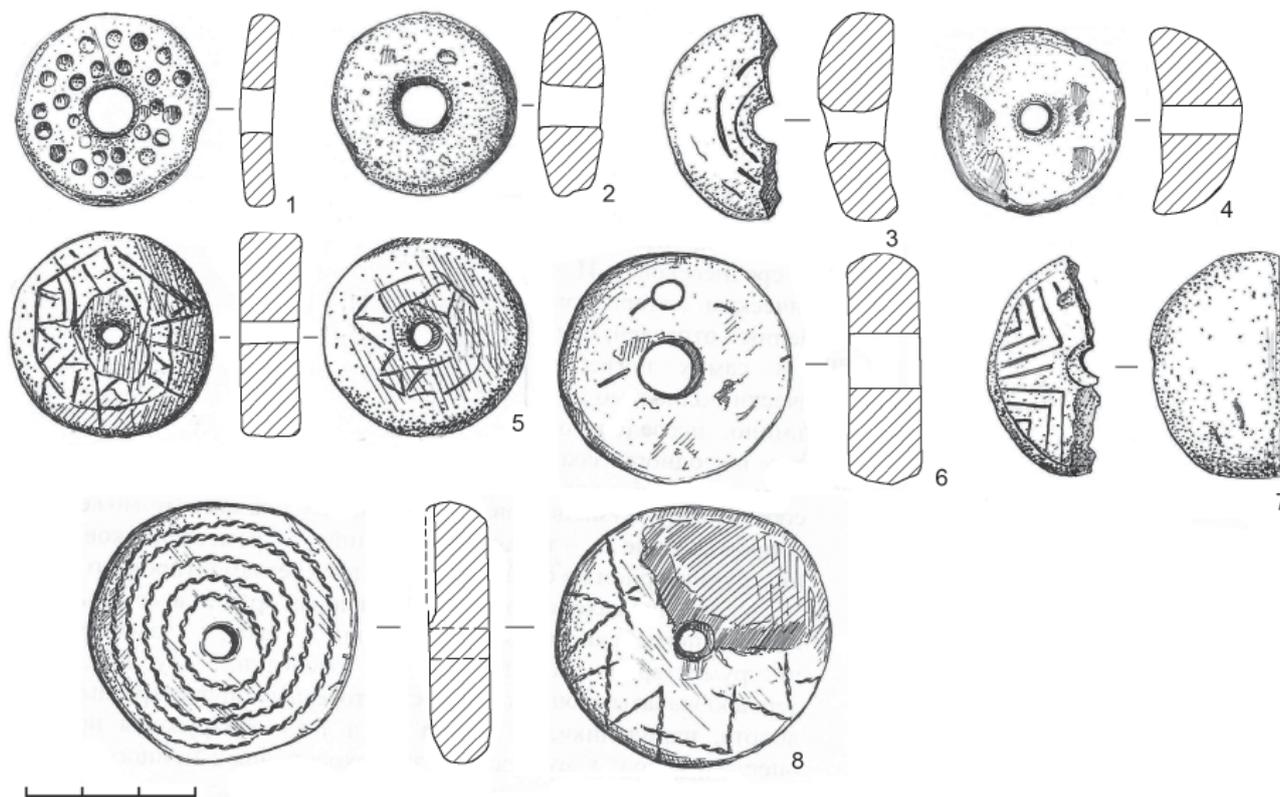


Рис. 7. Зуевоключевское I городище. Пряслица из разрушенных слоев: все – глина. Художник Н.Ф. Шишкина.

Fig. 7. Zuevoklyuchevskoe I hillfort. Spinning wheel from destruction layers: all – clay. Artist N. F. Shishkina

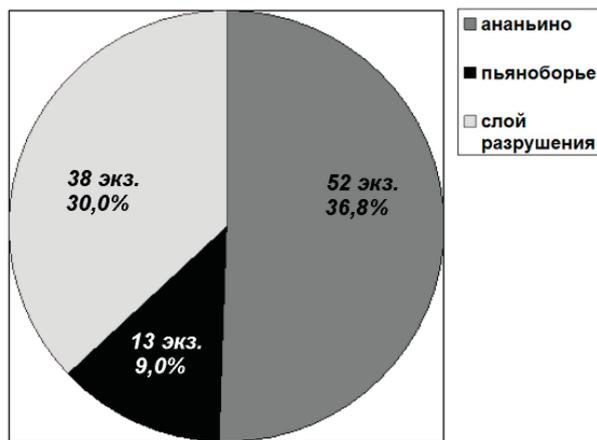
мике, а в статике. Динамику образу придает эффект вращения диска.

Стратиграфическое распределение находок

Характер почв на городище – легкие супеси и суглинки. Современная почва принадлежит к типу дерново-карбонатных и серых лесных; почвенные процессы в них протекают весьма активно. Установлено, что городищенский слой ананьинского времени (каменноложский и ныргындинский этапы АКЮ, по Л.И. Ашихминой) хорошо стратифицирован, отличается мощностью, значительной степенью минерализованности, насыщенностью находками. Напластования распространены на площадке городища повсеместно и вмещают многочисленные строительные остатки в виде жилых, хозяйственных и производственных сооружений, распределяющихся в трех-четырех условных горизонтах (Черных, 2012, с. 114-115). Верхний культурный слой – чегандинско-мазунинский – сохранился локальными участками, а также в жилищах и хозяйственных ямах. Он отличался от ананьинского слоя более темной окраской, мелкокомковатой (зернистой) структурой, значительными включениями обломков обожженной глины. От жилищ этого времени в слое сохранились фрагменты глиняных полов и массивных очажных площадок.

Стратиграфическое распределение находок производилось методом выделения групп по глубинам залегания с привязкой их к фоновым слоям. В результате выделены две основные группы пряслиц: ананьинская (пряслица происходят из слоев №№ 3, 3а, 11 и 21, с глубиной залегания 30-60 см) и пьяноборская (слой № 2, глубина залегания (кроме ям) – до 30 см). Третья группа включает находки из разрушенных слоев (горизонт распашки), в которых могли оказаться как находки пьяноборского, так и ананьинского времени.

Достоверное положение пряслиц в слоях установлено только для 103 изделий из 141¹ (рис. 8). Почти половина предметов из этого числа приходится на слои и объекты ананьинского времени (52 экз., 36,8% от общего количества пряслиц; рис. 3–5). Больше всего пряслиц, вылепленных из глины – 31, почти поровну каменных (9 экз.) и керамических (10 экз.), 2 диска изготовлены из кости. Для этой группы пряслиц наиболее характерны диски типа III с прямоугольным сечением (36 экз., 69%) подтипов А (11 экз.) и Д (14 экз.). У 9 дисков сечение полусферическое (тип I). Необычную форму – трапециевидную – имеют один глиняный диск и один костяной (рис. 5: 5, 7). Они близки между собой и по параметрам, как представляется, имели близкое назначение.



14 дисков, происходящих из ананьинских слоев, орнаментированы исключительно геометрическими узорами. На двух глиняных дисках декор имеет определенное сходство – это округлые вдавления (рис. 3: 4, 7): в первом случае вдавления нанесены только по верхней выпуклой поверхности диска, хаотично; во втором – двумя ритмичными параллельными рядами по ребру и на одной из поверхностей в виде радиально расходящихся лучей. Радиальные и концентрические линии встречаются как на каменных, так и на глиняных маховичках. Причем приемы эти повторяются на дисках буквально до деталей. К примеру, концентрические окружности, представлены как простыми линиями, так и дополненными декоративными лепестками или завитками. Те же завитки использованы в т.н. «вихревых розетках» (рис. 3: 3). Радиально поставленные лучи наносились и в виде ломаных линий (рис. 3: 10). Концентрический принцип в то же время просматривается не только для окружностей, но и для многоугольных фигур (пятиугольники, ромбы, причем последние вписаны в окружности; рис. 3: 2; 6: 5). Так, на небольшой каменной заготовке диска узоры нанесены столь хаотично, что солярные символы – четырехлучевая звезда, окруженная ячешуйками-ромбами (рис. 5: 1) скорее угадываются. Хотя, при такой схематичности и степени сохранности изображений, не исключено, что это могли быть и тамгообразные знаки (?).

В слоях и объектах пьяноборской эпохи найдено всего 13 дисков (9% от выборки; рис. 6). Из них 9 дисков глиняных, 2 – каменных и одно – из стенки сосуда. Также преобладают диски типа III (5 экз.), но обращает внимание наличие в этой группе битрапечиевидных пряслиц (тип IV), совершенно отсутствовавших в первой группе. В этой группе отсутствуют и орнаментированные диски.

Рис. 8. Зуевключевское I городище.
Стратиграфическое распределение пряслиц
Fig. 8. Zuevoklyuchevskoe I hillfort.
Stratigraphic distribution of spinning wheels

Довольно значительная часть пряслиц происходит из слоев разрушения – 38 (30%; рис. 7), что не должно удивлять, учитывая степень антропогенного давления на памятник в последнее столетие. Большинство дисков глиняные – 31, каменных – 4, костяных – 2 и керамических – 1. В разновременности этой группы пряслиц убеждает как их типологическое разнообразие (например, присутствие в выборке битрапечиевидных типа IV), так и особенности орнаментации. Декор отмечен на 9 глиняных дисках. К уже известным узорам, описанным выше в группе ананьинских маховичков (концентрические окружности, округлые вдавления, радиально-лучевые), добавились спираль, выполненная весьма характерными отпечатками шнура, треугольники по внешнему кругу диска, развернутые вершинами к центральному отверстию. Безусловно интересен глиняный диск с тамгообразным знаком (рис. 6: 6).

Таким образом, разнесение дисков по стратиграфическим горизонтам и культурным слоям, не смотря на сильнейшие разрушения верхних слоев и частичное отсутствие информации в материалах раскопок 1970-х годов, позволяет заметить, что на ананьинское время приходится наибольшая часть выборки, на пьяноборское – наименьшая. Вместе с тем, распределение пряслиц достаточно выразительное: ананьинские диски отличались от пьяноборских большим типологическим разнообразием, они в целом массивнее, безусловно, более нарядные. Скорее всего, именно для ананьинского времени характерны каменные диски. Тогда как в пьяноборское время среди глиняных появляются новые типы с битрапечиевидным сечением; пряслица теряют декорировку.

Планиграфическое распределение пряслиц. Вновь должна оговориться, что установить связь пряслиц с объектами и слоями, изученными на городище, оказалось возможным только для находок 1997–2005 гг. Таких пряслиц 84. Для 105 дисков возможно установить привязку с точностью до местоположения раскопа в границах площадки городища. 76 пряслиц из 105 (75%) найдены в северной части площадки, объекты которой связаны с хозяйственно-бытовой сферой жизнедеятельности (Черных, 2009, с. 80-81). Еще 4 пряслица найдены в пределах раскопов юго-восточной части горо-

дища, где также изучены жилища ананьинского времени (Ашихмина, Генинг, 1986). В границах полов жилых сооружений ананьинского времени (IIa, IV, XII, XVII, XXIV, XXVI, XXXIV) найдено 13 дисков. С сооружением IV связаны находки пяти пряслиц; они найдены вблизи очагов и приочажных ям. В жилище XII два глиняных неорнаментированных пряслица были втопты в пол. В сооружении XXIV найдено четыре пряслица: три глиняных диска были обнаружены втоптыми в пол жилища, одно – каменное – найдено вблизи очажной ямы. Два диска происходят из жилища XXXIV (найжены на полу, в северо-восточном углу сооружения).

Два диска, в том числе одно битрапециевидное, найдены в чегандинском жилище XXVII. Еще два найдены вблизи чегандинского очага ХСVIII. Остальные находки локализованы в межжилищном пространстве, но в непосредственной близости от жилищ, хозяйственных ям или очагов.

В центральной части городищенской площадки (раскопы XXIV, XXVII) был изучен крупный производственный объект позднеананьинского времени, о чем позволяют судить необычный для жилых построек интерьер, глубокие ямы с обширными очажными площадками, находки тиглей, шлаков, кусков обмазки горнов). Из сооружения происходят находки пяти дисков (двух глиняных, по одному каменному, керамическому и костяному). Одно из пряслиц украшено округлыми вдавлениями, размещавшимися хаотично по всей поверхности полусферической приканальной площадки (рис. 3: 1). Еще три диска были найдены на участках, примыкающих к сооружению с юга.

В границах святилища, изученного в южной части городищенской площадки, находки пряслиц не обнаруживают сколько-нибудь характерного распределения (Черных, 2013, рис. 5-3, 4). Четыре диска происходят из слоя разрушения культовой постройки и очага LXIV. Еще три маховичка в этой части городища были найдены в объектах более позднего чегандинского периода (сооружение V и яма 1).

Таким образом, можно считать, что большинство находок пряслиц на городище так или иначе связано с жилищно-хозяйственными объектами, в меньшей степени – с производственной зоной и святилищем.

Специфика зуюевключевских пряслиц будет более очевидна при сравнении их с коллекциями одновременных памятников как

Прикамья, так и сопредельных территорий. Рассмотрим часть из них.

Ананьинские поселения Средней и Верхней Камы изучены достаточно хорошо, чего, к сожалению, нельзя сказать о качестве опубликованности полученных материалов. С Концгорского поселения-святилища (раскопки А.В. Збруевой) происходят 10 пряслиц: 9 из них – каменные, 1 – глиняное (1952, с. 244). Размеры пряслиц вписываются в общие параметры 3,5–5,0 см. При этом, А.В. Збруева отметила, что диски диаметром около 5 см, как правило, более тонкие (толщина 0,5–1,0 см), а диски размером 3,5–4 см имели толщину около 1,5 см. Одно пряслице украшено крестообразно размещенными вокруг центрального отверстия елочками (Збруева, 1952, табл. LXV-7), на втором изображены концентрические окружности с «уголками» по внешнему периметру (Збруева, табл. LXV-6). Удивительно, но с другого значимого памятника ананьинского времени, также раскопанного А.В. Збруевой большой площадью – Галкинское городище – находки пряслиц не упоминаются (Збруева, 1940, с. 83–110). Раскопки городища Ермаша и поселения Тарасово, по лаконичной информации, имеющейся в литературе, дали коллекцию пряслиц, главным образом, прямоугольного сечения (Коренюк, Мокрушин, 2003, с. 16). Авторы небольшой публикации упоминают о пяти декорированных дисках, как из глины, так и каменных. Основные узоры – концентрические окружности (от 1 до 4-х) и радиально расходящиеся линии. Об аналогичных узорах на пряслицах пишет А.Д. Вечтомов, характеризуя материальную культуру среднекамских ананьинцев (1967, с. 147, табл. 1, № 83). В публикации В.А. Борзуновым материалов городища Алтен-Тау приведены сведения о находках восьми маховичков, семь из которых изготовлены из стенок керамических сосудов, одно – лепное. Последнее близко по форме сечения к полусферическим с вогнутой нижней поверхностью. Диаметр керамических дисков от 3-х до 7,0 см. Орнаментированные пряслица в выборке отсутствовали (Борзунов, 1997, с. 97). Раскопки Усть-Нечкинского городища в 2007–2014, 2017 гг., дали те же характерные признаки позднеананьинского-пьяноборского материального комплекса, что и другие известные городища этого круга. В коллекции из раскопок 1913 г. Л.А. Беркутова² и нашей экспедиции имеются исключительно глиняные пряслица (7 экз.) и керамические диски (6 экз.). Пряслица, в основном, полусфериче-

ского сечения, единично – прямоугольного. На одном диске вырезана соляная розетка (Черных и др., 2009, рис. 9-3), на двух – одинаковый радиально-лучевой узор, нанесенный ногтевыми отпечатками.

Довольно репрезентативной выборкой пряслиц и качеством их публикации отличается Тарасовское поселение-святилище, датируемое исследователями V–III вв. до н. э. (Голдина и др., 2013, с. 47). Культурный слой этого неординарного объекта сильно разрушен захоронениями Тарасовского могильника I–V вв. н.э., что не позволяет детально понять характер его функционирования. Но в контексте интересующего нас вопроса, коллекция маховичков с этого памятника весьма выразительна и прекрасно коррелируется с аналогичными изделиями Зуевключевского городища.

Все пряслица Тарасовского святилища изготовлены из глины: 43 вылеплены из сырой глины, 10 – выточены из стенок сосудов. Симптоматично, что на этом, явно позднеананьинском памятнике, отсутствуют каменные диски. Диаметр глиняных пряслиц варьируется от 2,5 до 5,1 см, диаметр отверстия 2,5–7 мм, толщина – от 0,8 до 2,8 см (Голдина и др., 2013, с. 41). Размеры керамических дисков чуть больше – диаметр 2,3–6,0 см, толщина 0,4–0,8 см. Как и в зуевключевской серии большая часть пряслиц имела прямоугольное (и близкое к нему) сечение, меньше полусферических (в публикации названы коническими) и овально-выпуклых. Два диска по форме заметно выделяются из общей выборки; один имеет битрапещевидное сечение, второй – прямоугольно-трапещевидное (тип VI). Лишь на 9 дисках имелись узоры, правда, характер их исполнения не отличается тщательностью и мастерством: декор нанесен прочерченными или резными линиями, в единственном случае – отпечатками шнура (Голдина, 2013, табл. 19–20). Все отмеченные узоры вписываются в парадигму радиально-концентрических композиций. Одно из тарасовских пряслиц обнаруживает прямое сходство с диском с Зуевключевского городища (рис. 3: 3). Соответствие прослеживается даже в количестве вихревых завитков (их пять), разница лишь в их направлении – тарасовские закручены «против часовой стрелки», зуевключевские – «по солнцу». Таким образом, сопоставление двух коллекций, близких территориально и культурно-хронологически, показывает устойчивую тенденцию в предпочтении пряслиц, изготавливавшихся из глиня-

ного теста, а также отказу от декорировки дисков при смене ананьинской эпохи пьяноборской. В целом зуевключевские пряслица обнаруживают очень близкое сходство с камскими ананьинскими в использовании сырья (глина), предпочтении прямоугольной и полусферической формы в сечении дисков, геометрических орнаментов.

А.Х. Халиковым при обобщении материалов раннего этапа ананьинской культуры в 1977 г. были рассмотрены 24 предмета, происходящие из поволжских ананьинских городищ (Васильсурское и Копаньское), поселения Курган и двух могильников (Старший Ахмыловский и Аозинский); среди них по форме сечения выделены 4 типа пряслиц: линзовидные, прямоугольные, битрапещевидные и из стенок сосудов (1977, с. 154). Абсолютно преобладали в выборке линзовидные диски (15 экз.), изготовленные из глины, диаметром 4,0–5,0 см, толщиной 1,0–1,8 см. В равном количестве указаны диски с прямоугольным и битрапещевидным сечением (по 6 экз.). Пряслица с прямоугольным сечением известны из глины, камня и металла. Последние отлиты из бронзы и происходят исключительно из Ст. Ахмыловского могильника (погр. 245 и с участка). Битрапещевидные пряслица имели диаметр 4,0–5,5 см и отличались в среднем большей толщиной (1,3–1,8 см), но их находки связаны с раннеананьинскими могильниками. Материалы раскопок ананьинских городищ Нижней Камы (Сорочьи Горы, Гремячий Ключ, Елабужское) и могильников (Мурзихинский IV) остаются опубликованными лишь частично. Среди опубликованных выделяются (как по форме, так и орнаменту) глиняное пряслице с Сорочьего городского городища, с высоко приподнятым бортиком вокруг центрального отверстия, украшенное спиралевидным узором, оттиснутым шнуром, дополненным по краю гурта насечками (Руденко, 2002, с. 20, рис. 21–33), а также глиняное биконическое пряслице из Мурзихинского IV могильника, в декоре которого также использован мотив спирали, нанесенной мелкими наколами (Руденко, 2002, с. 25, рис. 27–31). Таким образом, между зуевключевскими пряслицами и их аналогами на нижекамских и волжских памятниках заметны некоторые различия, как в выборе формы, так и декора.

На вятском ананьинском Аргыжском городище найдено 40 пряслиц, из них 23 изготовлены из глины и стенок керамических сосудов, 17 – каменные. Диаметр пряслиц в

среднем близок среднекамским и составляет 4,5 см (наименьший 3 см, наибольший – 6,5 см), толщина в среднем 0,8 см. Глиняные весьма разнообразны по форме – прямоугольные, линзовидные (плоско-выпуклые), блоковидные и т.д., тогда как каменные – почти всегда прямоугольного сечения (Черных, Ванчиков, 2002, с. 47, 49). Почти половина аргыжских пряслиц орнаментирована, причем абсолютное большинство орнаментированных (95%) изготовлены из камня.

На другом *вятском* городище, изученном большой площадью – Буйском – коллекция пряслиц представлена почти 80 экземплярами: 10 глиняных, 17 керамических и более чем 50 (25 целых и около 30 в обломках) каменных. Буйские каменные пряслица однотипны (все имеют прямоугольное сечение), тогда как глиняные характеризуются значительной вариативностью – с прямоугольным сечением, округлым, усечено-биконические, усечено-конические, линзовидные. Диаметры каменных пряслиц в среднем составляют около 4,6 см, диаметр центрального отверстия 0,5-0,6 см. Редкие экземпляры с очень маленьким диаметром (около 2,0 см) или, напротив, очень большим диаметром (6,6-8,7 см). Толщина пряслиц – 0,4-1,7 см. Глиняные диски имели диаметр – 3,5-5,0 см при толщине 1,0-1,3 см, но есть и более массивные 2,0-2,3 см. Диаметр керамических варьируется больше – от 2,2 до 5,6 см, при толщине 0,3-0,5 см. Среди каменных дисков орнаментированных – 18 (32,7%), из них 11 украшены растительно-геометрическими узорами, 7 – зооморфными. Глиняные пряслица украшались значительно скромнее: на 3-х дисках узоры нанесены точечными наколами, на одном – оттисками шнура.

Таким образом, вятские пряслица выразительно отличаются от других регионов ананьинского мира, прежде всего, высокой долей дисков, украшенных сложными, как по композиции, так и исполнению, зооморфными мотивами (Черных, Тищенко, 2006; Митряков, Черных, 2014, с. 166–167).

Пряслица чегандинского времени (городище Чеганда I), изготавливались из глины, или стенок керамических сосудов (В.Ф. Генинг называет последние глиняными кружками³). Часть пряслиц из глины, с примесью мелко-го песка и хорошим обжигом, как пишет В.Ф. Генинг, имела битрапещевидное сечение, небольшой диаметр – 2,5-3,0 см и толщину 1,0-1,5 см (1971, с. 75, табл. XXVI–1). Другая часть маховичков изготовлена из слабо отформованной глины, с примесью

толченой раковины; у этой группы пряслиц форма сечения разнообразная: прямоугольное, полусферическое, блоковидное (Генинг, 1971, табл. XXVI–2-11). Принимая во внимание результаты новых исследований на городище Чеганда I, проведенных Т.И. Останиной в 1998 г., выскажу предположение, что часть опубликованных В.Ф. Генингом пряслиц с городища Чеганда I (в частности, с орнаментом в виде закрученного в спираль шнура, веточек-лучей, а также диска из стенки ананьинского сосуда (1971, табл. XXVI–2, 6, 11), следует считать ананьинскими же. Характеризуя позднее мазунинский комплекс городища В.Ф. Генинг обратил внимание, что пряслица усечено-биконической формы (по сути, битрапещевидные), относятся уже не к чегандинскому, а мазунинскому времени (1967, с. 146). Заметим попутно, что в коллекции Кузубаевского городища V–VII вв. такие пряслица уже абсолютно доминируют (Останина, 2002, с. 22, рис. 7-9).

Традиция украшения пряслиц в пьяноборское время практически изживает себя. Похожий тренд наблюдается и у носителей кара-абызской АК, переживших апогей в декорировании пряслиц в последние три века до рубежа эр (Котов, 2010, с. 41). Для ранних кара-абызских памятников характерны те же типы декорированных пряслиц, что и у ананьинцев. Большинство их изготавливались из камня (тальк или другие мягкие породы), имели цилиндрическое сечение и геометрический (радиально-циркульный) орнамент (Котов, 2010, с. 36).

Для восточных соседей ананьинцев наиболее предметно в научной литературе анализировались диски с иткульских, иткульско-гамаюнских и саргатских памятников (Берсенева, 1999; Чукунова, 2006; Викторова, Непомнящая, 2006; Наумов, Головина, 2017). Для иткульских поселений характерны диски глиняные, керамические (из стенок сосудов) и каменные. Наиболее представительная коллекция маховичков (215 экз.) происходит с Иткульского городища (раскопки К.В. Сальникова и Г.В. Бельгиковой). Абсолютно преобладают среди них диски, изготовленные из стенок сосудов (143 экз.; 66,5%), лепных только 7, из талькового камня – 65 (30,2%). 43 диска в коллекции (в основном, каменные) орнаментированы круговыми и радиально-круговыми узорами, реже спиральными (Викторова, Непомнящая, 2006, с. 135). Близкие количественные характеристики имеются для такого памятника как Палатки I, где

половина пряслиц также были изготовлены из стенок сосудов (22 из 43). Остальные распределялись между лепными (4 экз.), тальковыми (9 экз.) и заготовками изделий. В силу специфики самого памятника подавляющее число дисков были связаны с объектами металлургического характера, а также с культовой площадкой (Викторова, Непомнящий, 2006, с. 130-131). На керамические диски с обоех Иртышских городищ приходится от 74,8% (Иртышское I) до 89,2% (Иртышское II). Сами маховички сильно варьируются по форме (как круглые, так и квадратные, и многоугольные) и размерам – от 1,8 до 7,2 см. (Наумов, Головина, 2017, с. 87-89, рис. 1, 3). По наблюдениям публикаторов, для керамических и тальковых пряслиц характерны радиальные и концентрические резные орнаменты, а для глиняных – точки и наколы, располагавшиеся по окружности площадки, насечки – по гурту (Наумов, Головина, 2017, с. 88). Исследователи сходятся на предположении о многовариантном использовании указанных дисков – не только в традиционных прядении и ткачестве, как застежек-пуговиц, но и в металлургии как приспособлений в приводных механизмах, либо в ритуалах добывания огня трением, призванных обеспечить благополучную плавку (Сериков, 1996, с. 63; Бельтикова, 1988, с. 107; Викторова, Непомнящая, 2006, с. 137-139).

На лесостепных саргатских памятниках, по-видимому, пряслица также изготавливались в абсолютном большинстве случаев из глины; каменные, костяные и металлические изделия единичны (Корякова, 1988, с. 73; Берсенева, 1999; Матвеева, 2008, с. 133-137, рис. 93-95; Чикунова, 2008; Корякова Л.Н. и др., 2009, с. 87-91). Опубликованные материалы как поселений, так и могильников позволяют заключить, что саргатские пряжи предпочитали лепным пряслицам изделия, выточенные из стенок сосудов, имевших к тому же различную культурную идентификацию (саргатские, гороховские, привозные среднеазиатского происхождения). В форме лепных дисков также подчеркивается вариативность их сечений: прямоугольные, конические, биконические, сфероконические, цилиндрические. Размеры довольно стандартны: диаметр 2,5-6 см, толщина 0,5-1,3 см. Но есть и довольно высокие (до 2,9 см). В орнаментации лепных изделий использованы резные концентрические, радиально-лучевые узоры, насечки, ямочные вдавления; выточенные из стенок сосудов – орнаментация и техно-

логические особенности соответствующей керамики. Отмечается также связь находок пряслиц на поселениях с жилыми объектами; их возможная (особенно тех, что выточены из стенок сосудов) многофункциональность (Чикунова, 2008, с. 126). Н.А. Берсенева, проанализировавшая встречаемость керамических пряслиц в погребениях саргатской АК, пришла к выводу, что они в равной степени встречаются как в женских, так и в «мужских наборах». В последних пряслица присущи, в том числе, мужчинам весьма высокого социального статуса (Берсенева, 1999, с. 117). В.Д. Викторова рассматривает это обстоятельство как дополнительный аргумент в пользу использования пряслиц в мужской субкультуре раннего железного века в связи с металлургией и военным делом (2006, с. 142).

Западнее ананьинского ареала известны многочисленные городища дьяковской археологической культуры. В классификации дьяковских пряслиц, предложенной К.А. Смирновым, учтены только диски из стенок сосудов и глины: биконические в сечении, овальные и прямоугольные, достаточно стандартных размеров (диаметр 2,0-3,0 см, диаметр центрального отверстия 0,6-1,0 см, толщина 1,0-1,5 см), причем биконические статистически самый массовый тип (Смирнов, 1974, с. 67). А.Ф. Дубынин публикуя материалы раскопок Троицкого и Щербинского городищ, останавливается на характеристике пряслиц более детально (1970, с. 42-43; 1974, с. 240). Коллекции дисков с обоех городищ при сравнении весьма различны. Так, пряслица Щербинского городища изготовлены, в основном, из глины (но имеются и каменные, правда, количество их в публикации не указано); имеют весьма вариативные размеры и сечение, причем преобладают овальные, уплощенно-овальные, усечено-конические и битрапечиевидные; глиняные украшены беспорядочными ямочными вдавлениями и гребенчатым штампом (Дубынин, 1974, табл. XXI-16, 18). Пряслица Троицкого городища морфологически более единообразны: и глиняные и каменные диски имели только овальную и усечено-коническую в сечении форму. Орнаментированных изделий среди них нет. А.Ф. Дубыниным замечена связь биконических дисков только с верхними напластованиями слоя. Заметим также, что на Щербинском городище имеются костяные экземпляры пряслиц (Дубынин, 1974, с. 223). Известны аналогичные предметы и в коллекции эпонимного памятника – Дьякова

городища, правда, Н.А. Кренке предпочитает их пряслицами не называть, определяя, что, впрочем, вполне резонно, как просверленные суставные головки (2011, рис. 105). Столь же осторожно он не называет пряслицами все глиняные и каменные диски с отверстиями, а только изделия с битрапедиевидным и биконическим сечением (Кренке, 2011, с. 63). Важно, что четко документировано их появление в среднем горизонте верхнего слоя, дата для которого предложена по выразительной серии привозных изделий, в том числе бус, конец II – сер. IV вв. н. э. (Кренке, Румянцова, 2011, с. 85).

Выводы. Подводя итоги рассмотрению пряслиц Зуевключевского I городища в Нижнем Прикамье, можно высказать следующие важные замечания. Специфические черты этой категории вещественных источников для отдельного памятника выявляются при рассмотрении морфологии, размеров, декора пряслиц, в культурно-хронологическом и топографическом аспектах. Прежде всего, материалом для изготовления пряслиц чаще всего служила глина. От одновременных зауральских и западно-сибирских маховичков ананьинские явно отличает соотношение изделий из глины и битых керамических сосудов в пользу первых. К западу от Волги, на дьяковских городищах, также преобладали пряслица, формованные из глины, но до рубежа новой эры, по всей видимости, предпочтение отдавалось овальной форме сечения дисков, тогда как на камских – прямоугольной. К рубежу эр овальная форма начинает вытесняться битрапедиевидной, у таких коле-

сиков увеличивается диаметр центрального отверстия. В Поволжье и Прикамье подобные пряслица появляются, по-видимому, несколько позднее, возможно, вместе «с западным импульсом».

Внутри ананьинского ареала можно также говорить о некоторых локальных и, вероятно, хронологических отличиях в изготовлении пряслиц. При той неполноте публикаций, что мы имеем на сегодняшний день, безусловно, выводы будут выглядеть преждевременными. Но все же отважусь высказать мнение, что со среднекамскими ананьинскими коллекциями пряслиц зуевключевские сближает использование глины, прямоугольное сечение дисков, орнаментальные приемы и элементы. Вятские, о чем уже приходилось писать, отличается обилие каменных декоративных (зооморфизм) изделий. Поволжские пряслица, судя по статистике, приведенной А.Х. Халиковым, также изготавливались, в основном, из глины, но в форме сечения предпочтение отдавалось линзовидным (овальным) дискам. В чегандинское время традиция украшения пряслиц сходит на нет.

Не все приводимые диски, очевидно, можно ассоциировать с прядением. Метрические характеристики, как и некоторые своеобразные формы дисков, позволяют искать иные варианты использования. На Зуевключевском I городище топография находок все же склоняет более к хозяйственно-бытовой функции анализируемых предметов, но не исключает и их применение в иных сферах жизнедеятельности (культурной, производственной).

Примечания:

¹ В полевых материалах В.Ф. Генинга и Л.И. Ашихминой не удалось обнаружить картографических планов, а в полевых описях отсутствует указание на характер слоя, в котором найдены предметы.

² Сохранившаяся в очень неполном виде коллекция этих раскопок была опубликована в небольшом сборнике Сарапульского историко-архитектурного музея-заповедника (Черных, Перевозчикова, Митряков, 2009), Выражаю также признательность С.А. Перевозчиковой, познакомившей меня с неопубликованными материалами ее раскопок Усть-Нечкинских городищ.

³ Описанные исследователем городища диски не имели правильной формы и обладали очень узким отверстием, перпендикулярным плоскости кружка (Генинг, 1971, с. 74)

ЛИТЕРАТУРА

Ашихмина Л.И. Реконструкция представлений о Мировом древе у населения Северного Приуралья в эпоху бронзы и раннего железа / Сер. препринтов «Научные доклады». Вып. 298. Сыктывкар, 1992. 30 с.

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология Евразийских степей. Вып. 19. Казань: ИА АН РТ; Отечество, 2014. 300 с.

Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф. Ананьинские жилища Зуево-Ключевского I городища // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке / Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 10. / Отв. ред. В.И. Каневец. Сыктывкар: Коми кн.изд., 1986. С. 54–70.

Бельтикова Г.В. Памятник металлургии на острове Малый Вишневый // Материальная и духовная культура древнего населения Урала и Западной Сибири / ВАУ. Вып. 19 / Отв. ред. В. Т. Ковалева. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 103–117.

Беркутов Л.А. Разведки и раскопки, произведенные Л.А. Беркутовым по поручению Сарапульского земского музея в 1910–13 гг. // Известия Сарапульского земского музея. Вып. 2. М.: Печатня С.П. Яковлева, 1914. С. 35–89.

Берсенева Н.А. Керамические пряслица из погребений саргатской культуры (по материалам Среднего Прииртышья) // XIV Уральское археологическое совещание (21–24 апреля 1999 г.): Тезисы докладов / Отв. ред. С.А. Григорьев. Челябинск: Рифей, 1999. С. 115–117.

Борзунов В.А. Новые материалы по раннему железному веку Прикамья (городище Алтен-Тау) // РА. 1997. № 2. С. 197–210.

Вечтомов А.Д. Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // Ученые записки ПГУ. № 148. Пермь, 1967. С. 133–155.

Черных Е.М., Тищенко И.Г. «Свернувшийся зверь» – волк, медведь, дракон? (К вопросу о появлении мотива в декоре пряслиц ананьинской культуры) // Пятые Берсовские чтения / Отв. ред В.М. Морозов. Екатеринбург: Квадрат, 2006. С. 125–129.

Вязников А.М., Дерендяев Д.С., Черных Е.М. Исследования памятников раннего железного века Зуево-Ключевского микрорайона // АО 1999 года / Отв. ред. В.В. Седов, Н.В. Лопатин. М.: Наука, 2001. С. 179–181.

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) Ч. I. // ВАУ. Вып. 10 / Отв. ред. В.А. Семенов. Ижевск, 1970. 257 с.

Генинг В.Ф. История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. II / Археологические памятники чегандинской культуры (III в. до н.э. – II в. н.э.) / ВАУ. Вып. 11 / Отв. ред. В.А. Семенов. Свердловск-Ижевск, 1971. 159 с.

Генинг В.Ф. Городище Чеганда I в мазунинское время // Памятники мазунинской культуры / ВАУ. Вып. 7. / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Свердловск, 1967. С. 141–161.

Генинг В.Ф., Ашихмина Л.И. Зуево-Ключевская стоянка // Археолого-этнографические аспекты изучения Северного Приуралья / отв. ред. Л.Н. Жеребцов. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1984. С. 123–137.

Голдина Р.Д. Зуевы Ключи – археологический заповедник Удмуртского Прикамья // Удмуртская республика: проблемы и перспективы / Под ред. З. А. Богомоловой. Ижевск, 1995. С. 34–48.

Голдина Р.Д., Колобова Т.А., Казанцева О.А., Митряков А.Е., Шаталов В.А. Тарасовское святилище раннего железного века в среднем Прикамье / МИКВАЭ. Т. 26. Ижевск, 2013. 184 с.

Голдина Р.Д., Черных Е.М. Археологическая карта Каракулинского района Удмуртской Республики. Ижевск: УдГУ, 2011. 162 с.

Дубынин А.Ф. Троицкое городище // МИА. № 156. М. Наука, 1970. С. 5–98.

Дубынин А.Ф. Щербинское городище // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 198–281.

Журбин И.В. Геофизика в археологии: методы, технология и результаты применения. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. 152 с.

Збруева А.В. Галкинское городище // МИА. № 1 / Под ред. П.Н. Третьякова. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 83–100.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 326 с.

Карпушкина О.А. Место Зуевоключевского III (Хижняковского) городища в системе Зуевоключевского археологического микрорайона железного века // VII научно-практическая конференция преподавателей и сотрудников УдГУ, посвященная 245-летию Ижевска. Ч. 1. / Под ред. В.А. Журавлева. Ижевск: УдГУ, 2005. С. 109–110.

Карпушкина О.А., Черных Е.М. Новые данные о расселении в Удмуртском Прикамье на рубеже новой эры // Пермские финны: археологические культуры и этносы. Материалы I Всероссийской научной конференции (25–28 сентября 2007 г.) / Ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар, 2007. С. 88–91.

Коренюк С.Н., Мокрушин В.П. Археологические памятники на Земле Пермской. Пермь: Арабекс, 2003. 20 с.

Корепанов К.И., Обыденнов М.Ф. Художественные стили в искусстве ананьинской эпохи // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология евразийских степей. Вып. 8. Елабуга: ИИ АН РТ, 2009. С. 213–215.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988. 241 с.

Корякова Л.Н., Дэйр М.И., Ковригин А.А., Шарапова С.В., Берсенева Н.А., Пантелеева С.Е., Ражев Д.И., Курто П., Хэнкс Б., Ефимова Е.Г., Микрюкова О.В., Сахарова А.О. Среда, культура и общество

лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н. э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса). Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2009. 298 с.

Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания: по сибирским археолого-этнографическим данным. М.: Ладога-100, 2003. 352 с.

Котов В.Г. Семантика пряслиц кара-абызской культуры раннего железного века Приуралья // УАВ. 2010. № 10. С. 36–55.

Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.

Кренке Н.А., Румянцева О.С. Стекланные бусы из верхнего слоя Дьякова городища // Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. С. 82–88.

Марков В.Н. Ананьинская проблема (некоторые итоги и задачи ее решения) // Памятники древней истории Волго-Камья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1994. С. 48–88.

Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н. Коловское городище. Новосибирск: Наука, 2008. 240 с.

Митряков А.Е., Черных Е.М. Вятские древности начала железного века: полтора столетия после открытия культуры «костеносных городищ» // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология Евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред.: С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 147–186.

Митряков А.Е., Черных Е.М. Абсолютная и относительная хронология Зуевключевского I городища: проблемы сопоставления // Археология Евразийских степей. 2017. №4. С. 17–32.

Наумов А.М., Головина Е.Ю. Пряслица иртышских городищ // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение: материалы VII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. / отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск, 2017. С. 86–91.

Останина Т.И. Кузубаевское городище IV-V, VII вв. Каталог археологической коллекции. Ижевск: ИД «Удмуртский университет», 2002. 112 с.

Перевоицков С.Е. Исследования памятников в д. Зуевы Ключи // АО 1998 года / Отв. ред. В.В. Седов, Н.В. Лопатин. М.: Наука, 2000. С. 250–251.

Руденко К.А. Остров «Мурзиха» и его окрестности. Хронологический атлас археологических коллекций НМ РТ (1991–1999 гг.): Опыт микрорегионального исследования: Каталог археологических коллекций НМ РТ. Казань: Школа, 2002. 208 с.

Сериков Ю.Б. К вопросу о сакральном и функциональном назначении так называемых пряслиц // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы. Ч. 1 / Отв. ред. В.А. Иванов. Уфа: Изд-во Восточный университет, 1996. С. 34–36.

Смирнов К.А. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю. А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 102–139.

Спицын А.А. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // МАВГР. Вып. I. М.: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа, 1893. 192 с.

Фоломеев Б.А., Чернай И.П. К вопросу о раннем ткачестве в лесной полосе Восточной Европы // История и культура Евразии по археологическим данным / Труды ГИМ. Вып. 51. / Под ред. Т.Б. Поповой и др. М.: Наука, 1980. С. 49–52.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). М.: Наука, 1977. 264 с.

Черных Е.М. Зуевключевское I городище в Удмуртском Прикамье: некоторые итоги исследований // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет / Ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 113–131.

Черных Е.М. Некоторые итоги изучения культурного слоя Зуевключевского I городища в Удмуртском Прикамье. // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология евразийских степей. Вып. 8. Елабуга: ИИ АН РТ, 2009. С. 76–97.

Черных Е.М. О хронологии культурного слоя Зуевключевского I городища в Удмуртском Прикамье // Древности Прикамья эпохи железа: хронологическая атрибуция / МИКВАЭ. Т. 25. / Ред. Л.И. Липина, Н.Ф. Широкова. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. С. 113–123.

Черных Е.М. Позднеананьинское святилище на Зуевключевском I городище (Нижнее Прикамье) // Поволжская археология. 2013. №1(1). С. 153–165.

Черных Е.М. На перекрестке речных путей: об особенностях функционирования ананьинского городища у д. Зуевы Ключи в Нижнем Прикамье // Stratum plus. 2018. № 3. С. 267–290.

Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргыжское городище на реке Вятке. М.: Ин-т компьютер. исследований, 2002. 188 с.

Черных Е.М., Колобова Т.А. Глиняные фигурки Зуевключевского I городища и некоторые вопросы их назначения и семантики // РА. 2006. №4. С. 145–151.

Черных Е.М., Перевозчикова С.А., Митряков А.Е. Археологические коллекции Сарапульского музея из раскопок Л.А. Беркутова // «100 лет – это повод». Материалы научно-практической конференции «Институт культуры: баланс традиций и новаций» / сост. Лукас О.Г. Сарапул: Сарапульская типография, 2009. С. 40–48.

Черных Е.М., Тищенко И.Г. «Свернувшийся зверь» – волк, медведь, дракон? (К вопросу о появлении мотива в декоре пряслиц ананьинской культуры) // Пятые Берсовские чтения / Отв. ред В.М. Морозов. Екатеринбург: Квадрат, 2006. С. 125–129.

Черных Е.М., Цыгвинцева Т.А. Каменные диски с Зуевоключевского I городища // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С.180–186.

Чукунова И.Ю. Пряслица Рафайловского селища // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2002. Вып 4. С. 119–126.

Информация об авторе:

Черных Елизавета Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета (г. Ижевск, Россия); emch59@mail.ru

REFERENCES

Ashikhmina, L. I. 1992. *Rekonstruktsiia predstavlenii o Mirovom dreve u naseleniia Severnogo Priural'ia v epokhu bronzy i rannego zheleza (Reconstruction of the Concepts of the World Tree across the Population of the Northern Urals in the Bronze Age and Early Iron Age)*. Syktyvkar (in Russian).

Ashikhmina, L. I. 2014. *Genezis anan'inskoi kul'tury v Srednem Prikam'e (po materialam keramiki i zhilishch) (Genesis of the Ananyino Culture in the Middle Kama Area (According to the Ceramics and Dwellings))*. Series: Arkheologiiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 19. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Ashikhmina, L. I., Gening, V. F. 1986. In Kanivets, V. I. (ed.). *Pamiatniki material'noi kul'tury na Evropeiskom Severo-Vostoke (Monuments of Material Culture in the European North-East)*. Series: Materialy po arkheologii Evropeiskogo Severo-Vostoka (Materials on the Archaeology of the European North-East). 10. Syktyvkar: "Komi book publishing House" Publ., 54–70 (in Russian).

Bel'tikova, G. V. 1988. In Kovaleva, V. T. (ed.). *Material'naia i dukhovnaia kul'tura drevnego naseleniia Urala i Zapadnoi Sibiri (Material and Spiritual Culture of the Ancient Population of the Urals and Western Siberia)*. Series: Voprosy arkheologii Urala (Issues the Urals Archaeology) 19. Sverdlovsk: Ural State University, 103–117 (in Russian).

Berkutov, L. A. 1914. In *Izvestiia Sarapul'skogo zemskogo muzeia (Proceedings of Sarapul Local Museum)*. Moscow: "Pechatnya S.P. Yakovleva" Publ., 35–89 (in Russian).

Berseneva, N. A. 1999. In Grigor'ev, S. A. (ed.). *XIV Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (14th Ural Archaeological Conference)*. Cheliabinsk: "Rifei" Publ., 115–117 (in Russian).

Borzunov, V. A. 1997. In *Rossiiskaia Arkheologiiia (Russian Archaeology)* (2), 197–210 (in Russian).

Vechtomov, A. D. 1967. In *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta. (Scientific Bulletin of the Perm State University)* 148. Perm: Perm State University, 133–155 (in Russian).

Chernykh, E. M., Tishchenko, I. G. 2006. In Morozov, V. M. (ed.). *Piatye Bersovskie chteniia (Fifth Bers Readings)*. Yekaterinburg: "Kvadrat" Publ., 154–177 (in Russian).

Vyaznikov, A. M., Derendyaev, D. S., Chernykh, E. M. 2001. In Sedov, V. V., Lopatin, N. V. (eds.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1999 goda (Archaeological Discoveries of 1999)*. Moscow: "Nauka" Publ., 179–181 (in Russian).

Gening, V. F. 1970. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu. Ch. I. Chegandinskaia kul'tura (III v. do n.e. – II v. n.e.) (History of Udmurt Kama Population in the Pyany Bor epoch. Part I. The Cheganda culture (3rd Century BC – 2nd Century AD))*. In Semenov, V. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 10. Izhevsk (in Russian).

Gening, V. F. 1971. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu. Ch. II. Arkheologicheskie pamiatniki chegandinskoi kul'tury (III v. do n.e. – II v. n.e.) (History of Udmurt Kama Population in the Pyany Bor epoch. Part II. Cheganda Culture Archaeological Sites (3rd Century BC – 2nd Century AD))*. In Semenov, V. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 11. Sverdlovsk; Izhevsk (in Russian).

Gening, V. F. 1967. In Medvedev, A. F. (ed.). *Pamiatniki mazuninskoi kul'tury (Sites of the Mazunino Culture)*. Series: Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology) 7. Sverdlovsk, 141–161 (in Russian).

Gening, V. F., Ashikhmina, L. I. 1984. In Zherebtsov, L. N. (ed.). *Akheologo-etnograficheskie aspekty izucheniia Severnogo Priural'ia (Archaeological and Ethnographic Aspects of the Study of the Northern Urals)*. Syktyvkar: "Komi book publishing House" Publ., 123–137 (in Russian).

- Goldina, R. D. 1995. In Bogomolova, Z. A. (ed.). *Udmurtskaia Respublika: problemy i perspektivy (The Udmurt Republic: Issues and Prospects)*. Izhevsk, 34–48 (in Russian).
- Goldina, R. D., Kolobova, T. A., Kazantseva, O. A., Mitriakov, A. E., Shatalov, V. A. 2013. *Tarasovskoe sviatilishche rannego zheleznogo veka v srednem Prikam'e (Early Iron Age Sanctuary Tarasovo in the Middle Kama River Basin)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 26. Izhevsk (in Russian).
- Goldina, R. D., Chernykh, E. M. 2011. *Arkheologicheskaiia karta Karakulinskogo raiona Udmurtskoi Respubliki (Archaeological Map of the Karakulinsky District of the Udmurt Republic)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
- Dubynin, A. F. 1970. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology)* 156. Moscow: "Nauka" Publ., 5–98 (in Russian).
- Dubynin, A. F. 1974. Krasnov, Yu. A. (ed.). *D'iakonovskaia kul'tura (Dyakovo Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 198–281 (in Russian).
- Zhurbin, I. V. 2004. *Geofizika v arkheologii: metody, tekhnologiia i rezul'taty primeneniia (Geophysics in Archaeology: Methods, Technology and Application Results)*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Zbrueva, A. V. 1940. In Tretyakov P. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 1. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 83–100 (in Russian).
- Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuiu epokhu (History of the Population of the Kama River Region in the Ananyino Time)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Karpushkina, O. A. 2005. In Zhuravlev, V. A. (ed.). *VII nauchno-prakticheskaiia konferentsiia prepodavatelei i sotrudnikov Udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta, posviashchennaia 245-letiiu Izhevsk (The 7th Scientific and Practical Conference of Teachers and Specialists of the Udmurt State University Dedicated to the 245th Anniversary of Izhevsk)*. 1. Izhevsk: Udmurt State University, 109–110 (in Russian).
- Karpushkina, O. A., Chernykh, E. M. 2007. In Savelyeva, E. A. (ed.). *Permskie finny: arkheologicheskie kul'tury i etnosy (Permian Finns: archaeological cultures and ethnic groups)*. Syktyvkar, 88–91 (in Russian).
- Korenyuk, S. N., Mokrushin, V. P. 2003. *Arkheologicheskie pamiatniki na Zemle Permskoi (Archaeological Sites on Perm Land)*. Perm: "Arabeks" Publ. (in Russian).
- Korepanov, K. I., Obydenov, M. F. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Yelabuga: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 213–215 (in Russian).
- Koriakova, L. N. 1988. *Ranniy zhelezniy vek Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri (sargatskaya kul'tura) (The Early Iron Age in the Trans-Urals and Western Siberia (Sargatka Culture))*. Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).
- Koryakova, L. N., Deier, M. I., Kovrigin, A. A., Sharapova, S. V., Berseneva, N. A., Panteleeva, S. E., Razhev, D. I., Kurto, P., Hanks, B., Efimova, E. G., Mikriukova, O. V., Sakharova, A. O. 2009. *Sreda, kul'tura i obshchestvo lesostepnogo Zaural'ia vo vtoroi polovine I tys. do n. e. (po materialam Pavlinovskogo arkheologicheskogo kompleksa) (The Environment, Culture and Society of the Forest-Steppe Trans-Urals in the Second Half of 1st Millennium BC (Based on the Materials of Pavlinovo Archaeological Complex))*. Ekaterinburg, Surgut: "Magellan" Publ. (in Russian).
- Kosarev, M. F. 2003. *Osnovy iazycheskogo miroponimaniia: po sibirskim arkheologicheskim dannym (Foundations of the Pagan Worldview: Based on Siberian Archaeological and Ethnographic Data)*. Moscow: "Ladoga-100" Publ. (in Russian).
- Kotov, V. G. 2010. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* (10), 36–55 (in Russian).
- Krenke, N. A. 2011. *Diakovo gorodishche: kultura naseleniya basseyna Moskvyy-reki v I tys. do n. e. – I tys. n. e. (Dyakovo Hillfort: culture of the population of the Moscow River basin in the 1st Millennium BC – 1st Millennium BC)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Krenke, N. A., Rumyantseva, O. S. 2011. In Krenke, N. A. *Diakovo gorodishche: kultura naseleniya basseyna Moskvyy-reki v I tys. do n. e. – I tys. n. e. (Dyakovo Hillfort: culture of the population of the Moscow River basin in the 1st Millennium BC – 1st Millennium BC)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 82–88 (in Russian).
- Markov, V. N. 1994. In Starostin, P. N. (ed.) *Pamiatniki drevnei istorii Volgo-Kam'ia (Monuments of the Ancient History of the Volga-Kama Region)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, 48–88 (in Russian).

Matveeva, N. P., Berlina, S. V., Rafikova, T. N. 2008. *Kolovskoe gorodishche (Kolovskoye fortified settlement)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mitryakov, A. E., Chernykh, E. M. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 147–186 (in Russian).

Mitryakov, A. E., Chernykh, E. M. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 17–32 (in Russian).

Naumova, A. M., Golovina, E. Yu. 2017. In Tairov, A. D. (ed.). *Etnicheskie vzaimodeistviia na Iuzhnom Urale. Sarmaty i ikh okruzhenie (Ethnic Interactions in the Southern Urals. The Sarmatians and Their Neighborhood)*. Chelyabinsk, 86–91 (in Russian).

Ostanina, T. I. 2002. *Kuzebaevskoe gorodishche IV-V, VII v. (Kuzebaevskoe Settlement of the 4th-5th and 7th Centuries)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Perevoshchikov, S. E. 2000. In Sedov, V. V., Lopatin, N. V. (eds.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1998 goda (Archaeological Discoveries of 1998)*. Moscow: "Nauka" Publ., 250–251 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2002. *Ostrov «Murzikha» i ego okrestnosti. Khronologicheskii atlas arkheologicheskikh kolleksii NM Respubliki Tatarstan (1991 – 1999 gg.) Opyt mikroregional'nogo issledovaniia. Katalog arkheologicheskikh kolleksii NM Respubliki Tatarstan (Murzikha Island and Its Environs. Chronological Atlas of Archaeological Collections of Tatarstan National Museum (1991 – 1999). An Experience of Microregional Research. Catalog of Archaeological Collections of Tatarstan National Museum)*. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).

Serikov, Yu. B. 1996. In Ivanov, V. A. (ed.) *XIII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie. Tezisy. Ch. I (13th Ural Archaeological Readings. Proceedings. Part I)*. Ufa: "Vostochnyi universitet" Publ., 34–36 (in Russian).

Smirnov, K. A. 1974. Krasnov, Yu. A. (ed.). *D'iakonovskaia kul'tura (Dyakovo Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 102–139 (in Russian).

Spitsyn, A. A. 1893. In *Priural'skii krai. Arkheologicheskie rozyskaniia o drevneishikh obitateliakh Viatskoi gubernii (Priuralsky Region. Archaeological Investigations of the Ancient Inhabitants of Vyatka Governorate)*. Materialy po arkheologii vostochnykh gubernii Rossii (Materials on the Archaeology of Eastern Russian Governorates) 1. Moscow: "Tipografiia E. Lissnera i Yu. Romana" Publ. (in Russian).

Folomeev, B. A., Chernay, I. P. 1980. In Popova, T. B. et al. (eds.). *Istoriia i kul'tura Evrazii po arkheologicheskim dannym (History and culture of Eurasia Based on Archaeological Data)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 51. Moscow: "Nauka" Publ., 49–52 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza. VIII–VI vv. do n. e. (The Volga-Kama Region in the Beginning of the Early Iron Age (8th–6th Centuries BC))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Chernykh, E. M. 2004. In Ivanova, M. G. (ed.). *Udmurtskoi arkheologicheskoi ekspeditsii – 50 let (50th Anniversary of Udmurt Archaeological Expedition)* Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 113–131 (in Russian).

Chernykh, E. M. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Yelabuga: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 76–97 (in Russian).

Chernykh, E. M. 2012. In Lipina, L. I., Shirobokova, N. F. (eds.). *Drevnosti Prikam'ia epokhi zheleza: khronologicheskaia atributsiia (Iron Age Antiquities of the Kama Area: Chronological Attribution)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt State University, 113–123 (in Russian).

Chernykh, E. M. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 1 (1), 153–165 (in Russian).

Chernykh, E. M. 2018. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 267–290 (in Russian).

Chernykh, E. M., Vanchikov, V. V., Shatalov, V. A. 2002. *Argyzhskoe gorodishche na reke Viatke (Argyzh Hillfort on the Vyatka River)*. Moscow: Institute of Computer Research (in Russian).

Chernykh, E. M., Kolobova, T. A. 2006. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 145–151 (in Russian).

Chernykh, E. M., Perevozchikova, S. A., Mutryakov, A. E. 2009. In Lukas, O. G. (comp.) *100 let – eto povod. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii "Institute kul'tury: balans traditsiu i novatsiy" (100 Years is a Reason)*. Proceedings of the Scientific and Practical conference "Institute of Culture: the Balance of Traditions and Innovations". Sarapul: "Sarapul'skaia tipografiia" Publ., 40–48 (in Russian).

Chernykh, E. M., Tishchenko, I. G. 2006. In Morozov, V. M. (ed.). *Piatye Bersovskie chteniia (Fifth Bers Readings)*. Yekaterinburg: “Kvadrat” Publ., 125–129 (in Russian).

Chernykh, E. M., Tsyngvitseva, T. A. 2006. In Obydenнова, G. T., Savelyev, N. S. (eds.). *Iuzhnyi Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremia (Southern Ural and Adjacent Territories in Scythian and Sarmatian Time)*. Ufa: “Gilem” Publ., 180–186 (in Russian).

Chikunova, I. Yu. 2002. In *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* (4), 119–126 (in Russian).

About the Author:

Chernykh Elizaveta M., Candidate of Historical Sciences, Professor. Udmurt State University, Universitetskaya St., 1, Izhevsk, 426034, Udmurt Republic, Russian Federation; emch59@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2021 г.

УДК 902.01

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.2.82.91>

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БЕЛОГЛАЗОВСКОГО ГОРОДИЩА (VII–III ВВ. ДО Н.Э.), БАСЕЙН Р. ВЯТКИ

©2021 г. Э.И. Оруджов

Белоглазовское городище одно из немногих вятских ананьинских памятников, материалы которого неоднократно использовались при изучении вятско-ветлужской археологической культуры ананьинской культурно-исторической области. Коллекция этого городища была отражена В.Н. Марковым при характеристике керамических традиций городищ раннего железного века бассейна р. Вятки. Однако, время существования Белоглазовского городища в контексте хронологической периодизации АКЮ было не определено. В статье рассматриваются топографические и культурно-хронологические особенности данного поселения. Анализ орнаментальных мотивов и композиций ананьинских сосудов, а также отдельные детали оформления бронзовой обоймы из культурного слоя Белоглазовского городища позволили отнести время его возникновения к VII–VI вв. до н.э. Наличие текстильного раппорта на керамике городища свидетельствует о существовании контактов ананьинского населения бассейна р. Вятки с носителями аозинско-ахмыловской культуры АКЮ.

Ключевые слова: археология, вятско-ветлужская культура, аозинско-ахмыловская культура, текстильный раппорт, ранний железный век, ананьинская культурно-историческая область, Белоглазовское городище, р. Вятка.

MATERIAL CULTURE OF THE BELOGLAZOVO HILLFORT (7TH-3RD CENTURIES BC), VYATKA RIVER BASIN

E.I. Orudzhov

Beloglazovo hillfort is one of the few Vyatka Ananyino monuments, the materials of which have been repeatedly used in the study of the Vyatka-Vetluga archaeological culture of the Ananyino Cultural and Historical Region. The collection from this hillfort was reflected by V.N. Markov when characterizing the ceramic traditions of the Early Iron Age hillforts in the Vyatka river basin. However, the time of existence of the Beloglazovsky hillfort in the context of the chronological periodization of the Ananyino Cultural and Historical Region has not been determined. The paper addresses the topographic, cultural and chronological features of this hillfort. An analysis of the ornamental motifs and compositions of the Ananyino vessels, as well as the individual details of the design of a bronze socket from the cultural layer of Beloglazovo hillfort has allowed to attribute the time of its origination to the 7th – 6th centuries BC. The presence of a textile arabesque on the ceramics from the hillfort testifies to the existence of contacts between the Ananyino population of the Vyatka river basin with the carriers of the Akozino-Akhmylovo culture of the Ananyino Cultural and Historical Region.

Keywords: archaeology, Vyatka-Vetluga culture, Akozino-Akhmylovo culture, textile arabesque, Early Iron Age, Ananyino Cultural and Historical Region, Beloglazovo hillfort, Vyatka River.

Белоглазовское городище располагается на высоком мысу правого берега реки Вятки, на расстоянии около 0,25 км от бывшей д. Белоглазово Лебяжского района Кировской области (рис. 1–2). Площадка памятника подтреугольной формы вытянута с востока на запад, с южной стороны ограничена глубоким оврагом, с северной – крутым склоном правого берега реки Вятки. С напольной стороны она ограничена оборонительным валом, высотой до 5 метров и рвом, глубиной до одного метра (Збруева, 1952, с. 284, 286; рис. 3).

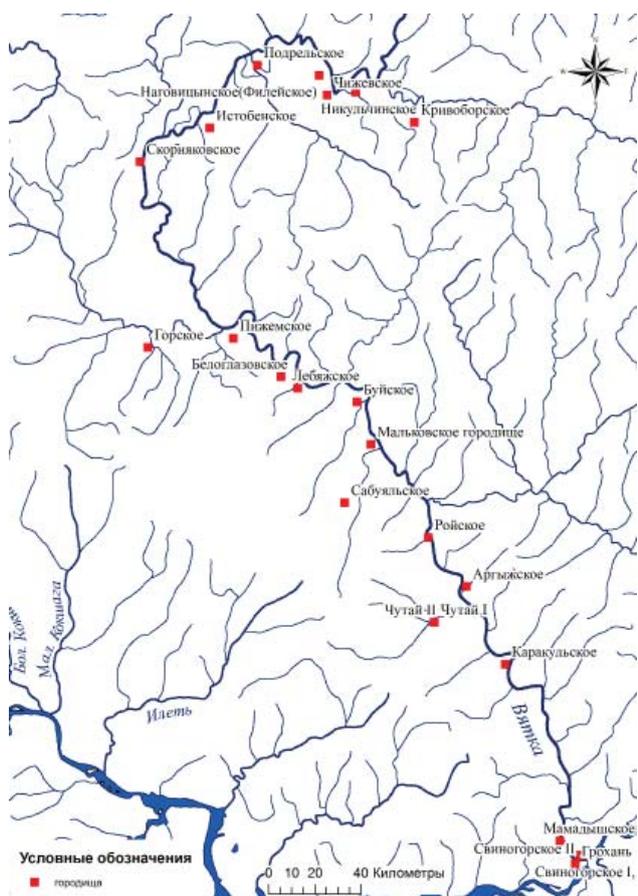
В 1928 г. городище, на основании информации, полученной от А.А. Спицына, было выявлено и обследовано Вятско-Камской экспедицией Московского антропологического института МГУ под руководством

Б.С. Жукова (Вараксина, 1929, с. 91).

По всей площади памятника, включая вал и ров, точно было заложено несколько небольших раскопов, в виде шурфов и траншей, общей площадью 105 м².

Разрез оборонительного вала позволил авторам исследования сделать заключение об отсутствии догородищенских культурных напластований.

Основная часть полученной в результате раскопок археологической коллекции состояла из фрагментов керамики и костей животных. Среди находок были: бронзовая обойма (рис. 9: 1), сильно оплавленный обломок глиняного тигля и несколько костяных орудий



(рис. 8: 1–5). Исследователями на Белоглазовском городище было выделено два культурно-хронологических горизонта: ананьинский (IX–III вв. до н.э.) и ломоватовский (V–VII вв.).

Коллекция, полученная в результате работ на городище, была передана в Центральный музей ТАССР (Национальный музей РТ) (Збруева, 1952, с. 284–286).

В 80-е годы XX века керамический комплекс Белоглазовского городища, наряду с керамикой Ройского и Аргыжского городищ был использован для статистической обработки и последующего анализа В.Н. Марковым. В результате его исследований были выявлены характерные особенности керамики нижневятских городищ: невысокие слабовыпуклые плечики с низкой, иногда сильно отогнутой горловиной, с оформлением шейки валиком, либо воротничком, "богатство" и сложность узоров в верхней части сосуда, образованных, в большинстве случаев, оттисками гребенчатого и шнурового штампа (Марков, 2007, с. 47).

Повторное обращение к археологическим материалам данного памятника потребова-

Рис. 2. Ситуационный план. Месторасположения Белоглазовского городища.

Fig. 2. Location plan. Location of Beloglazovo hillfort.

Рис. 1. Карта. Ананьинские городища бассейна р. Вятки.

Fig. 1. Map. The Ananyino hillforts in the Vyatka river basin.

лось для определения хронологических рамок функционирования Белоглазовского городища, а также культурной атрибуции его материального комплекса.

С учетом появления новых данных, связанных с изучением других памятников бассейна р. Вятки и сопредельных территорий автором был произведен анализ археологической коллекции городища.

В рамках данного исследования было задействовано 365 единиц керамики (венчики), изделия из кости (5 ед.) и бронзовая обойма.

Посуда, представленная в коллекции – лепная, с примесью толченой раковины и песка. Чаще всего встречаются сосуды горшковидной формы, однако присутствует и чашевидные. Тулово сформировано при помощи спирально-ленточного налета, венчик чаще всего прилепной (составной). Для горшковидных сосудов выделяется следующие формы шейки: 1) невысокая, сильно отогнутая, 2) средняя, средне отогнутая, 3) средняя, прямая, либо слегка отогнутая. Для чашевидных сосудов зафиксирована только одна форма шейки – слегка вогнутая вовнутрь.





Рис. 3. Топографический план. Белоглазовское городище (по: Збруева, 1952).

Fig. 3. Topographic plan. Beloglazovo hillfort. According to Zbrueva, 1952.

Основные элементы орнамента на ананьинских сосудах Белоглазовского городища представлены: гребенчатыми, шнуровыми и ямочными вдавлениями (рис. 4: 1–8; 5: 3–6, 8–11, 13). Те в свою очередь образуют мотивы, т.е. комбинации элементов орнамента.

Гребенчатый штамп образует мотивы, состоящие из:

- 1) наклонных линий;
- 2) горизонтальных линий;
- 3) зигзага;
- 4) вертикальных линии;

- 5) крест;
- элементы шнура образуют:
- 6) двух-пятирядные горизонтальные линии;
- 7) горизонтальные линии двухрядного шнура, который располагается в одном ряду с ямочными вдавлениями;
- 8) двух, либо трехрядные линии шнура в виде волны;
- 9) спирали;
- 10) одно-двухрядный редкий шнур;
- ямочные вдавления образуют:
- 11) горизонтальный пояс ямок, объединенных в группы по две и три;
- 12) Т-образный фриз;
- 13) группировку в виде ромба;
- 14) не сгруппированные пояски.

В оформлении сосудов использовались также мотивы, состоящие из овально-заостренных продолговатых вдавлений, крестового резного штампа, горизонтальных прочерченных кругов и текстильного раппорта (рис. 5: 1–2, 7, 12; 6: 1).

Судя по распределению орнаментальных мотивов на ананьинских сосудах, происходящих с Белоглазовского городища, здесь преобладают ямочные, гребенчатые и шнуровые элементы орнамента: несгруппированные ямки составляют 28%, наклонные линии гребенчатого штампа – 21%, оттиски из много-



Рис. 4. 1–8 – фрагменты керамики II периода вятско-ветлужской культуры АКЮ (VII–V вв. до н.э.).

Fig. 4. 1–8 – fragments of ceramics of the 2nd period of the Vyatka-Vetluga culture of the Ananyino Cultural and Historical Region (7th-5th centuries BC).

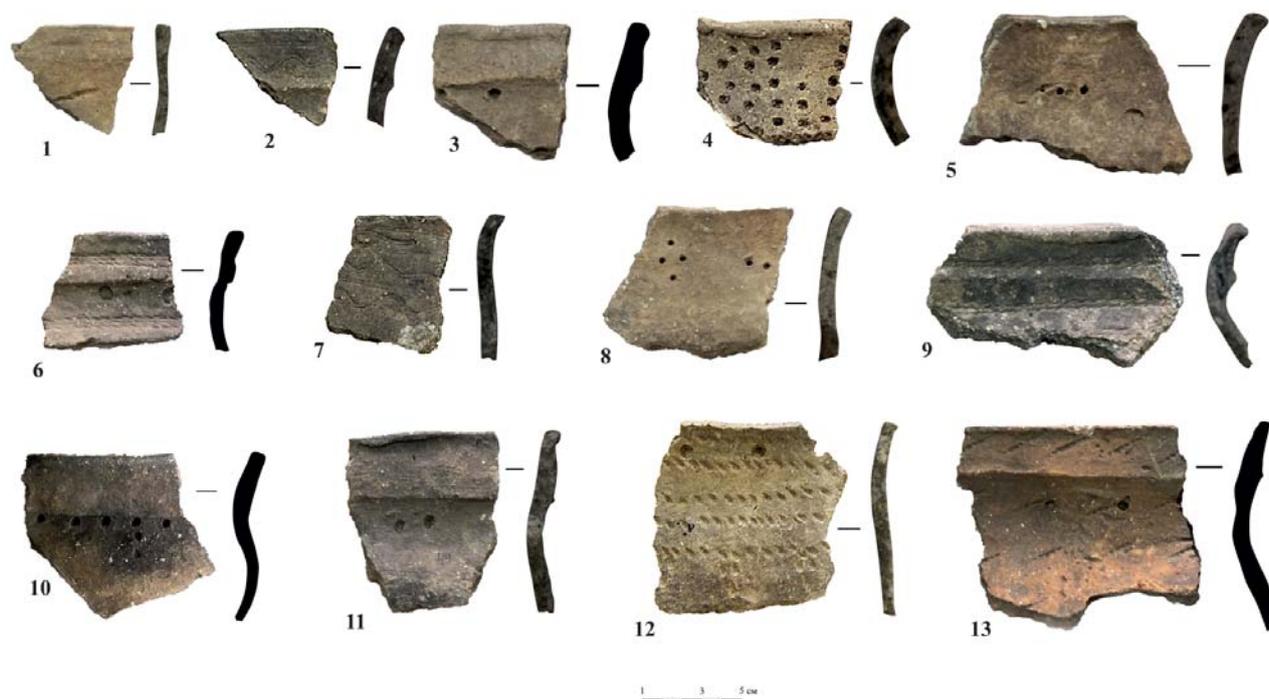


Рис. 5. 1–13 – фрагменты керамики III периода вятско-ветлужской культуры АКЦИО (IV–III вв. до н.э.).

Fig. 5. 1–13 – fragments of ceramics of the 3rd period of the Vyatka-Vetluga culture of the Ananyino Cultural and Historical Region (4th–3rd centuries BC).

рядного шнура – 14%, вертикальные линии гребенчатого штампа – 9%, сгруппированные ямки – 5%, гребенчатый штамп в виде зигзага – 5%, горизонтальные линии гребенчатого штампа – 3%, ромбовидная группировка ямок – 2%, остальные мотивы – не более 1%.

Особое внимание на себя обращает присутствие на нескольких сосудах (1%) текстильно-раппорта в виде хаотично расположенных крупноячеистых рябчатых вдавлений, которые сочетается с гребенчато-ямочным оформлением верхней части шейки сосуда (рис. 6: 1), подобная "гибридная" керамика встречается на поселениях Посухонья и Верхней Волги и имеет там довольно широкую датировку – VII–III вв. до н.э. Появление данной группы керамики в керамическом комплексе Белоглазовского городища, вероятно, отражает процесс проникновения культуры с сетчатой (акозинско-ахмыловской) керамикой на территорию вятско-ветлужской археологической культуры, подобные процессы были зафиксированы и в западной части АКЦИО (Новиков, 2020, с. 340–342). Прекращение традиции использования текстильной/сетчатой керамики в регионе относится к VI в. до н.э. (Марков, 2007), а наличие на нем харак-

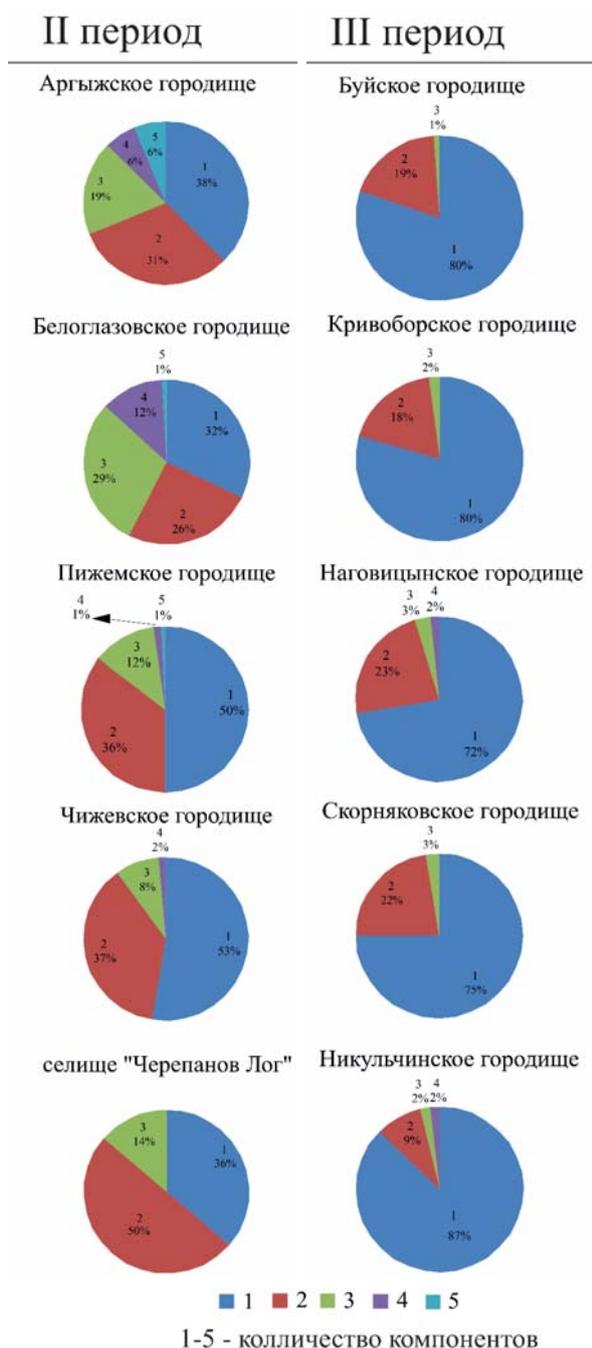
терного гребенчатого орнамента и фиксация данной керамики вместе с богато украшенной гребенчато-шнуровой посудой позволяет ограничить время этого контакта средним II периодом АКЦИО (Чижевский, Оруджов, 2021).

Еще одним свидетельством существования связей между данными культурами в обозначенном выше хронологическом диапазоне является местонахождение у д. Юрино Советского района Кировской области, расположенное в 45 км к юго-западу от Белоглазовского городища, которое содержало акозинско-меларский кельт – КАМ-6, датируется данная находка VI в. до н.э. (Кузьминых, 1983, с. 85–86).



Рис. 6. 1 – фрагмент керамики с ямочно-гребенчатым и текстильным орнаментом.

Fig. 6. 1 – fragment of ceramics with a pitted-combed and textile ornament.



Присутствие в коллекции Белоглазовского городища мотивов в виде вдавлений различной формы, а также прочерченного и резного орнамента (рис. 5: 1, 4, 7–8, 10, 12), свидетельствует о наличии здесь керамики позднего III периода АКИО (IV–III вв. до н.э.) (Вечтомов, 1967, с. 144).

Описанные выше мотивы образуют два типа композиций:

1) многокомпонентные, образованные сочетанием мотивов;

2) однокомпонентные, состоящие из одного мотива.

Данные композиции встречаются и на других памятниках АКИО бассейна Вятки, с учетом доминирования первого, либо второго типа, они подразделяются на две группы.

Рис. 7. Диаграмма распределения одно- и многокомпонентных композиций на ананьинских поселениях бассейна р. Вятки.

Fig. 7. Diagram of the distribution of single- and multicomponent compositions at the Ananyino settlements of the Vyatka river basin.

К первой относятся поселения, в керамическом комплексе которых соотношение многокомпонентных композиций, к однокомпонентным больше, либо около 50%;

Во второй группе количество сосудов с однокомпонентными композициями более 70%.

На Белоглазовском городище выделяется 59 видов многокомпонентных композиций (Приложение 1).

Данный тип композиций является доминирующим на Белоглазовском городище на протяжении всего II периода АКИО (вторая половина VII–V вв. до н.э.) бассейна р. Вятка. Наиболее часто среди многокомпонентных композиций вятских городищ, встречается ямочно-гребенчато-шнуровая орнаментация 46%, гребенчато-шнуровая – 19% и ямочно-шнуровая – 15% (рис. 7).

Белоглазовское городище относится к той группе ананьинских поселений, на которых доля многокомпонентных композиций превышает 50%, либо располагается в соотношении один к одному с однокомпонентными.

Подобное расположение простых и сложных (богатых) композиций характерно для поселений вятско-ветлужской археологической культуры, возникновение которых относится ко II периоду АКИО (VII–V вв. до н.э.). К данной группе поселений относятся: Аргыжское, Пижемское, Чижевское городища и селище "Черепанов Лог". В качестве хроноиндикаторов на Аргыжском и Пижемском городищах выступают двухстворчатые формы для отливки кельтов, которые датируются VI в. до н.э. (Черных, Ванчиков, Шаталов, 2002, с. 49). Возраст Чижевского городища определяется VII–VI вв. до н.э., об этом свидетельствует AMS ^{14}C дата UOC-11941 – 651 CalBC (95,4%) – 543 CalBC, полученная по углю из основания культурного слоя (Оруджов, Кайсин, 2020, с. 202).

Подтверждает эту датировку Белоглазовского городища и бронзовая обойма с рельефным орнаментом, состоящим из трех выпуклых кружков, обведенных двумя концентрическими рельефными кольцами, обнаруженная в 1928 г. при раскопках Белоглазовского городища (рис. 9: 1). Аналогии подобному оформлению известны на бляш-

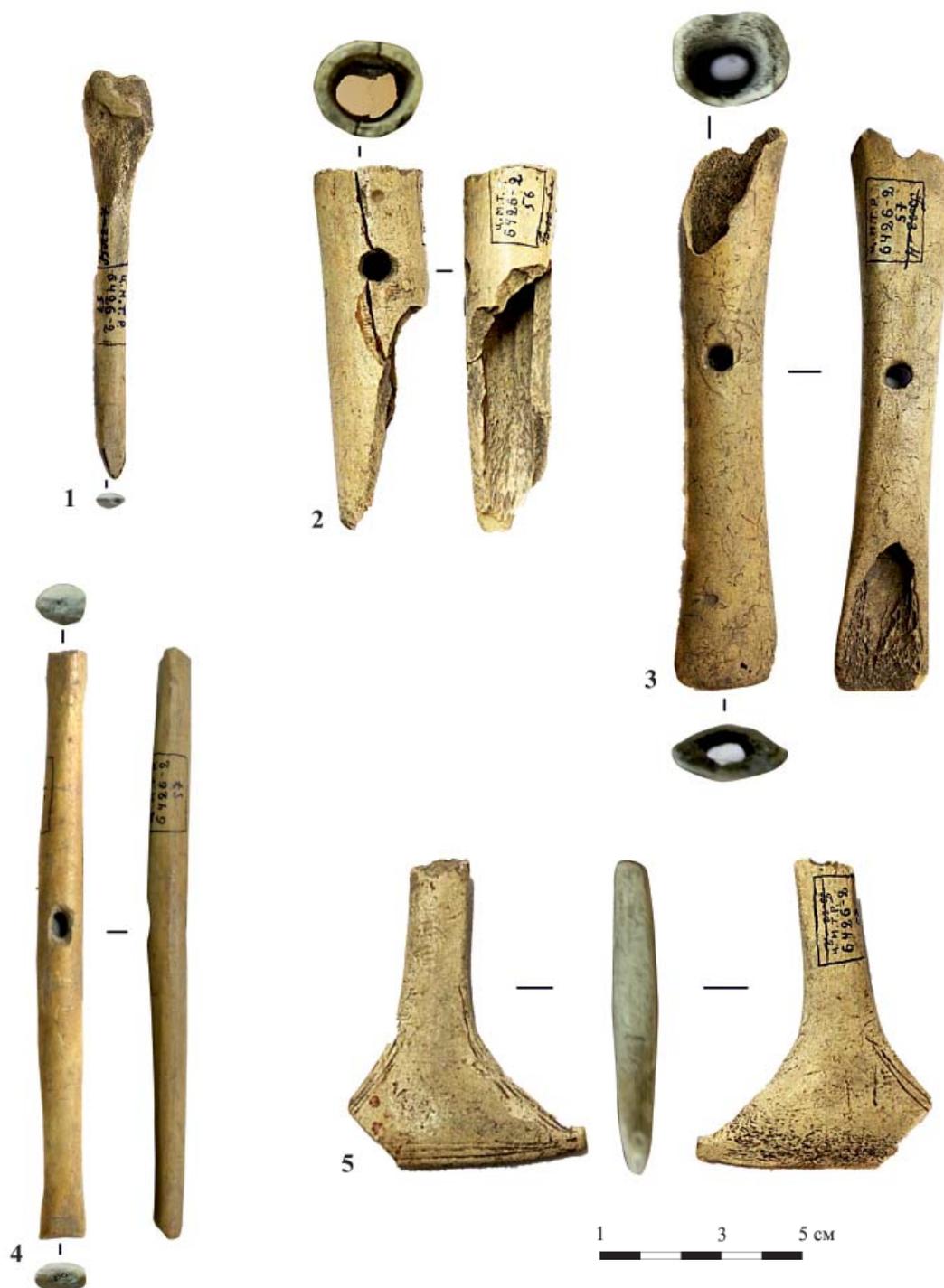


Рис. 8. 1–5 – изделия из кости Белоглазовского городища.

Fig. 8. 1–5 – bone items from Beloglazovo hillfort.

ках-аппликациях с раннескифских поселений лесостепного Приднепровья VII–VI вв. до н.э. (Дараган, 2011, с. 688).

Следует отметить, что орнаментальные композиции на керамике, состоящие из двух мотивов, присутствуют как во II, так и в более позднем – III периоде АКИО (IV–III вв. до н.э.). Ключевую роль при их распределении по периодам играет густота заполнения орнаментального поля (Чижевский, Оруджов, 2021, с. 15, 17).

В отличие от ананьинских поселений, появление которых связано со II периодом АКИО

(VII–V вв. до н.э.), в орнаментации керамики памятников III периода (IV–III вв. до н.э.), к которым относятся Буйское, Скорняковское, Наговицынское, Никульчинское, Кривоборское городища, количество однокомпонентных композиций увеличивается с 75 до 87% (рис. 7). Присутствие на керамике ряда композиций в виде разреженного одиночного горизонтального шнура (рис. 5, 8), также является свидетельством позднего III периода АКИО. Радиоуглеродная датировка культурного слоя Скорняковского городища AMS ^{14}C дата ETH 60648 – 428 CalBC (68,2%) – 384 CalBC



Рис. 9. 1 – бронзовая обойма с рельефным орнаментом, состоящим из трех выпуклых кружков, обведенных двумя concentрическими рельефными кольцами.

Fig. 9. 1 – bronze socket with a relief ornament consisting of three convex circles encircled by two concentric relief rings.

(Чижевский, Черных, Хисяметдинова и др., 2016, 63) служит подтверждением данной хронологической концепции.

Другим свидетельством отнесения Белоглазовского городища ко II периоду АКИО служит присутствие значительной доли элементов валиково-воротничкового оформления шейки венчика сосуда (рис. 4: 1–2, 4, 6–7; 5: 2–3, 6, 9, 11, 13). Сосуды, оформленные подобным образом, составляют 48% от общего количества коллекции. Остальная часть керамики не имела рельефного оформления горловины (рис. 4: 3, 5, 8; 5: 1, 4–5, 7–8, 10, 12). Распространение валика, либо воротничка в оформлении шейки у ананьинских сосудов на поселениях Средней Камы (раскопки Заюрчимского I поселения) приходится в основном на VI–V вв. до н.э. (Вечтомов, 1967, с. 136–137).

Отсутствие элементов рельефного оформления шейки у значительной части сосудов, наряду с большой долей однокомпонентных композиций, и наличие в них косоугольного и прочерченного штампа, а также различного рода вдавлений позволяют говорить о существовании Белоглазовского городища и в поздний III период (IV–III вв. до н.э.) АКИО.

Изделия из кости в коллекции Белоглазовского городища немногочисленны, извест-

но всего несколько экземпляров: обломок втока (рис. 8: 2); изделие из трубчатой кости со срезанным с одной стороны и уплощенным концом (рис. 8: 3), которое использовалось, предположительно, для обработки шкур животных; лопатка-тупик (рис. 8: 5), функциональная принадлежность которой связана с обработкой кожи; острие (рис. 8: 1); брусок (1×14 см), уплощенный с одной стороны подрезкой, с овальным отверстием (0,63×0,42 см) по центру (рис. 8: 4).

В коллекции Белоглазовского городища изделий из кости недостаточно для характеристики хозяйственного уклада жителей данного поселения в раннем железном веке. Однако, такие данные присутствуют в первоначальной публикации А.В. Збруевой, которая пишет о наличии на городище костей рыб, диких и домашних животных (Збруева, 1952, с. 286), что свидетельствует об охотничье-рыболовной специализации населения.

Итак, анализ керамического комплекса Белоглазовского городища позволил отнести данный памятник к вятско-ветлужской культуре АКИО и установить хронологический диапазон его существования в пределах II и III периодов АКИО на протяжении VII–III вв. до н.э.

Присутствие текстильного раппорта на посуде, не характерного для керамики вятских городищ АКИО, свидетельствует о контактах ананьинского населения бассейна р. Вятки с представителями аозинско-ахмыловского археологической культуры АКИО в VII–VI вв. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

- Вараксина Л.И. Костеносные городища Камско-Вятского края // ИОАИЭ. Т. 34, Вып. 3–4. Казань, 1929. С. 83–112.
- Вечтомов А.Д. Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // Труды IV Уральского археологического совещания / УЗ ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 133–155.
- Дараган М.Н. Начало раннего железного века в Днепровской правобережной лесостепи. Киев: КНТ, 2011. 848 с.
- Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 326 с.
- Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.

Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 136 с.

Новиков А.В. К вопросу о развитии сетчатых керамических традиций в поздний период эпохи бронзы – раннем железном веке в окрестностях Галичского озера (по материалам городища Брюхово) // Археология Евразийских степей. 2020. № 2. С. 329–371.

Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргыжское городище на реке Вятке. М.: Ин-т компьютер. исследований, 2002. 188 с.

Чижевский А.А., Оруджов Э.И. Вятско-ветлужская археологическая культура (гребенчато-шнуровой керамики) ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2021. № 1(35). С. 8–22.

Чижевский А.А., Черных Е.М., Хисьяметдинова А.А., Митряков А.Е., Спиридонова Е.А., Кочанова М.Д., Алешинская А.С. Скорняковское городище на Вятке / Археология Евразийских степей. Вып. 22. Казань: Казанская недвижимость, 2016. 156 с.

Информация об авторе:

Оруджов Эдуард Игоревич, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); orudzhov.eduard@mail.ru

REFERENCES

Varaksina, L. I. 1929. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XXXIV (3–4). Kazan, 83–112 (in Russian).

Vechtomov, A. D. 1967. In Oborin, V. A. (ed.). *Trudy IV Ural'skogo arkheologicheskogo soveshchaniya (Proceedings of the 4th Ural Archaeological Conference)*. Series: *Uchenye zapiski Permskogo gosuniversiteta (Scientific Bulletin of the Perm State University)* 148. Perm: Perm State University, 133–155 (in Russian).

Daragan, M. N. 2011. *Nachalo rannego zheleznogo veka v Dneprovskoi pravoberezhnoi lesostepi (The Early Iron Age in the Dnieper Right-Bank Forest-Steppe)*. Kiev: “KNT” Publ. (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuiu epokhu (History of the Population of the Kama River Region in the Ananyino Time)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area)* V. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 1983. *Metallurgiiia Volgo-Kam'ia v rannem zheleznom veke (med' i bronza) (Metallurgy of the Volga-Kama Region in the Early Iron Age (Copper and Bronze))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian)

Markov, V. N. 2007. *Nizhnee Prikame v anan'inskuiu epokhu (The Lower Kama River Region in the Ananyino Epoch)*. Series: *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4. Kazan: Institute for History named after Sh. Mardzhanı, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Novikov, A. V. 2020. In *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 329–371 (in Russian).

Chernykh, E. M., Vanchikov, V. V., Shatalov, V. A. 2002. *Argyzhskoe gorodishche na reke Viatke (Argyzh Hillfort on the Viatka River)*. Moscow: Institute of Computer Research (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Orudzhov, E. I. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiia (Volga River Region Archaeology)* 35 (1), 8–22 (in Russian).

Chizhevsky A. A., Chernykh E. M., Khisiyemetdinova A. A., Mitriakov A. E., Spiridonova E. A., Kochanova M. D., Aleshinskaia A. S. 2016. *Skorniakovskoe gorodishche na Viatke (Skorniaki hillfort on the Viatka River)*. Series: *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 22. Kazan: “Kazanskaia nedvizhimost” Publ. (in Russian).

About the Author:

Orudzhov Eduard I. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; orudzhov.eduard@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2021 г.

ВИДЫ МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ КОМПОЗИЦИЙ БЕЛОГЛАЗОВСКОГО ГОРОДИЩА

- 1) многорядный горизонтальный шнур + горизонтальный гребенчатый штамп + наклонный гребенчатый штамп + не сгруппированные ямки;
- 2) многорядный горизонтальный шнур + вертикальный гребенчатый штамп + вертикальный в виде елочки гребенчатый штамп + наклонный гребенчатый штамп;
- 3) многорядный горизонтальный шнур + наклонный гребенчатый штамп + не сгруппированная ямка;
- 4) многорядный горизонтальный шнур + гребенчатый штамп в виде зигзага + не сгруппированная ямка;
- 5) многорядный горизонтальный шнур + наклонный гребенчатый штамп + ямка сгруппированная;
- 6) многорядный горизонтальный шнур + горизонтальный гребенчатый штамп + наклонный гребенчатый штамп + ямка сгруппированная;
- 7) многорядный горизонтальный шнур + косые овально-заостренные продолговатые вдавления + не сгруппированная ямка;
- 8) многорядный горизонтальный шнур + вертикальный гребенчатый штамп + наклонный гребенчатый штамп + ямка сгруппированная;
- 9) многорядный горизонтальный шнур + вертикальный гребенчатый штамп + ямка сгруппированная;
- 10) многорядный горизонтальный шнур + гребенчатый штамп в виде зигзага + вертикальный гребенчатый штамп + ямка сгруппированная;
- 11) многорядный горизонтальный шнур + гребенчатый штамп в виде зигзага + вертикальный гребенчатый штамп + наклонный гребенчатый штамп + ямка не сгруппированная;
- 12) многорядный горизонтальный шнур + вертикальный гребенчатый штамп + ямка не сгруппированная;
- 13) шнур горизонтальный одиночный + вертикальный гребенчатый штамп + редкие вдавления между ямками + ямка не сгруппированная;
- 14) шнур горизонтальный сплошной + гребенчатый штамп в виде зигзага + ямки сгруппированные;
- 15) многорядный горизонтальный шнур + вертикальный гребенчатый штамп + ямка сгруппированная;
- 16) многорядный горизонтальный шнур + косые овально-заостренные продолговатые вдавления + ямка не сгруппированная;
- 17) многорядный горизонтальный шнур + гребенчатый штамп в виде зигзага;
- 18) многорядный горизонтальный шнур + гребенчатый штамп в виде зигзага + вертикальный гребенчатый штамп + ямка не сгруппированная;
- 19) двухрядный редкий горизонтальный шнур + наклонный гребенчатый штамп + не сгруппированная ямка;
- 20) шнур горизонтальный сплошной + вертикальный гребенчатый штамп + наклонный гребенчатый штамп + ямка не сгруппированная;
- 21) шнур горизонтальный сплошной + горизонтальный гребенчатый штамп + ямка не сгруппированная;
- 22) шнур горизонтальный сплошной + вертикальный гребенчатый штамп + ямка не сгруппированная;
- 23) шнур горизонтальный многорядный + гребенчатый штамп в виде зигзага + наклонный гребенчатый штамп + ямка не сгруппированная;
- 24) шнур горизонтальный сплошной + гребенчатый штамп в виде зигзага + косые овально-заостренные продолговатые вдавления + ямки не сгруппированные;
- 25) шнур горизонтальный многорядный + гребенчатый штамп в виде зигзага + наклонный гребенчатый штамп + ямка сгруппированная;
- 26) многорядный горизонтальный шнур + косые овально-заостренные продолговатые вдавления + не сгруппированная ямка;
- 27) шнур горизонтальный многорядный + вертикальные резные вдавления + не сгруппированная ямка;
- 28) шнур горизонтальный многорядный + наклонный гребенчатый штамп + прочерченные круги + ямка не сгруппированная;
- 29) шнур горизонтальный однорядный редкий + наклонный гребенчатый штамп + ямка сгруппированная;
- 30) многорядный горизонтальный шнур + наклонный гребенчатый штамп;

- 31) многорядный горизонтальный шнур + гребенчатый штамп в виде косо́го креста + наклонный гребенчатый штамп + ямка не сгруппированная;
- 32) горизонтальный шнур + гребенчатый штамп в виде косо́го креста + косые овально-заостренные продолговатые вдавления + ямка не сгруппированная;
- 33) горизонтальный шнур + гребенчатый штамп в виде зигзага + гребенчатый штамп в виде косо́го креста + ямка не сгруппированная;
- 34) многорядный горизонтальный шнур + гребенчатый штамп в виде зигзага + вертикальный гребенчатый штамп + наклонный гребенчатый штамп;
- 35) наклонный гребенчатый штамп + ямка не сгруппированная;
- 36) наклонный гребенчатый штамп + вертикальный гребенчатый штамп + ямка не сгруппированная;
- 37) вертикальный гребенчатый штамп + ямка не сгруппированная;
- 38) гребенчатый штамп в виде зигзага + наклонный гребенчатый штамп;
- 39) гребенчатый штамп в виде зигзага + ямка не сгруппированная;
- 40) гребенчатый штамп в виде косо́го креста + наклонный гребенчатый штамп + вертикальный гребенчатый штамп + ямка не сгруппированная;
- 41) наклонный гребенчатый штамп + вертикальный гребенчатый штамп + насечки по срезу венчика + ямка не сгруппированная (оформленная);
- 42) наклонный гребенчатый штамп + вертикальный гребенчатый штамп + ямка не сгруппированная + текстильные отпечатки;
- 43) наклонный гребенчатый штамп + ямка не сгруппированная (оформленная);
- 44) гребенчатый штамп в виде зигзага + горизонтальный гребенчатый штамп + ямка сгруппированная;
- 45) гребенчатый штамп в виде зигзага + горизонтальный гребенчатый штамп + ямка не сгруппированная;
- 46) гребенчатый штамп в виде косо́го креста + наклонный гребенчатый штамп + горизонтальный гребенчатый штамп + ямка не сгруппированная;
- 47) наклонный резной штамп + ямки не сгруппированные;
- 48) наклонный гребенчатый штамп + текстиль;
- 49) наклонный резной штамп по срезу венчика + ямка не сгруппированная + текстиль;
- 50) шнур горизонтальный одиночный редкий + ямка не сгруппированная;
- 51) шнур горизонтальный многорядный + ямка не сгруппированная;
- 52) шнур горизонтальный многорядный + шнур многорядный в виде волны + ямка не сгруппированная;
- 53) шнур горизонтальный многорядный + шнур многорядный в виде волны;
- 54) шнур горизонтальный многорядный + ямка сгруппированная;
- 55) шнур горизонтальный многорядный + шнур многорядный в виде спирали + ямка не сгруппированная;
- 56) шнур горизонтальный многорядный + округлые вдавления;
- 57) шнур горизонтальный многорядный + каплевидные вдавления + ямки не сгруппированные;
- 58) шнур сплошной + ямки сгруппированные;
- 59) горизонтальный гребенчатый штамп + ямки не сгруппированные.

*Александру Андреевичу Спицыну —
первооткрывателю Зуевского могильника
и Елене Ивановне Оятевой —
верному хранителю его тайн*

ВЕЩЬ В КУЛЬТУРЕ: К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОЙ СТАРОЙ НАХОДКИ¹

©2021 г. Н.Ю. Смирнов

Статья посвящена уникальному предмету, который на протяжении последних 120 лет фигурирует в работах исследователей древностей ананьинской культурно-исторической области (общности) в качестве «культовой привески к поясу». Это резное изделие из рога, обнаруженное А.А. Спицыным в 1898 г. при раскопках погребения № 94 в могильнике у Зуевского починка на р. Каме (ГЭ, кол. 609, № 200). Предложенная и обоснованная в настоящей статье новая интерпретация этой вещи как рукояти кнута (конской плети) впервые логично и непротиворечиво объясняет ее функции и причины ее включения в число других предметов, сопровождающих погребенного. Наряду с этим, приводятся новые данные о перипетиях судьбы коллекции предметов из Зуевского могильника (и конкретно вещей из погребения № 94) с момента раскопок до передачи ее в фонды Государственного Эрмитажа и история первой сводной публикации этих материалов.

Ключевые слова: археология, А.А. Спицын, М.Г. Худяков, Зуевский могильник, погребение № 94, «культовая привеска», ананьинская культурно-историческая область (АКИО), кнут (конская плеть).

ARTEFACT IN CULTURE: NEW EVALUATION OF AN OLD FIND²

N.Yu. Smirnov

This paper examines a unique item which has been mentioned as a ‘belt cult pendant’ by researchers of the Ananyino culture in their studies over the past 120 years. It is a horn item discovered by Alexander A. Spitsyn in 1898 during the excavation of burial No. 94 at the burial ground near Zuyevskiy Pochinok on the Kama River. The new interpretation of this artefact as the grip of a horse whip proposed and substantiated in this article logically and consistently explains its function and why it was included in the other items accompanying the buried. At the same time, new information is provided concerning the fate of the collection of artefacts from Zuyevskiy burial ground (particularly the finds from burial No. 94) since excavations and until their transfer to the collections of the State Hermitage and first summarizing publication.

Keywords: archaeology, Alexander A. Spitsyn, Mikhail G. Khudyakov, Zuyevskiy burial ground, burial No. 94, ‘cult pendant’, Ananyino cultural and historical region (АКИО), horse whip.

*«Хочешь что-нибудь спрятать?
Положи на самое видное место».
Народная мудрость*

Предупреждение

В основу настоящей статьи лег доклад, прочитанный автором 16 декабря 2005 г. на конференции, посвященной 75-летию Отдела археологии Восточной Европы и Сибири (ОАВЕС) Государственного Эрмитажа, в Санкт-Петербурге. Об изделии, назначе-

ние которого реконструируется в настоящей статье, также шла речь в моем докладе 29 ноября 2016 г. на третьей Ананьинской конференции в Болгаре, на что уже появились отклики в печати (Черных, 2019а, с. 144).

Работа над этой статьей была начата в далеком уже 2005 году, когда хранительницей

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН РФ по теме государственного задания № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. – I тыс. до н. э.)».

² The work was carried out within the framework of the Fundamental Scientific Research Program of the Russian State Academy of Sciences on the topic of State Assignment No. 0184-2019-0004 “Interaction of Ancient Cultures of Northern Eurasia and Civilizations of the East in the Paleometal Period (4th Millennium BC – 1st Millennium BC)”.

коллекции предметов из Зуевского могильника в Государственном Эрмитаже была еще Елена Ивановна Оятева. Мы с Еленой Ивановной тогда долго и увлекательно спорили о назначении «костяной подвески» и ее заинтересованное и доброжелательное участие в моей работе, как и наши беседы, помнятся до сих пор. В день, когда я отправил текст статьи в журнал, пришло известие об уходе Елены Ивановны...

Светлой памяти двух выдающихся исследователей древностей Камско-Вятского региона, двух замечательных энтузиастов и подвижников науки — Елены Ивановны Оятевой и Александра Андреевича Спицына я и посвящаю свою статью.

Происхождение коллекции древностей из Зуевского могильника и начальный этап ее изучения

Предмет, которому посвящена настоящая статья, происходит из коллекции древностей, обнаруженных А.А. Спицыным в 1898 г. при раскопках могильника у Зуевского починка на р. Каме, напротив впадения в нее р. Белой. В значительном по размерам могильнике ананьинского времени было исследовано 218 погребений, большая часть из них оказалась непотревоженной и, зачастую, с обильным сопутствующим инвентарем. Всего коллекция предметов материальной культуры из раскопанных могил насчитывала 331 экземпляр (Древности Камы..., 1933, с. 6).

В том же году А.А. Спицыным было исследовано еще несколько памятников, материалы которых большей частью были изданы в течение следующих нескольких лет (Древности Камы..., с. 3). Зуевскому могильнику повезло меньше. В 1901 г. в Отчете Императорской археологической комиссии (далее — ИАК) за 1898 г. были опубликованы краткие сведения о раскопках и приведен рисунок описываемой ниже вещи (Вятская губерния [Отчет], 1901, с. 43–46, рис. 70; Вятская губерния [Альбом], 1906, с. 290, № 1790). Известно, что А.А. Спицын подготовил сводные таблицы типичных находок (из Зуевского могильника и еще нескольких, изученных им, и ранее не публиковавшихся), однако дальше дело не пошло. Зуевская коллекция так никогда и не была издана первооткрывателем и исследователем этого замечательного памятника.

Буквально через два года после смерти А.А. Спицына, по решению Государственной академии истории материальной культуры (далее — ГАИМК), ее опубликовал М.Г. Худяков. Причины, по которым при

жизни А.А. Спицына не состоялось издание находок из Зуевского могильника, М.Г. Худяков видел тогда в «определённом охлаждении (А.А. Спицына — Н.С.) к материалу», ссылаясь на сожаления самого автора раскопок о неверной культурной и хронологической интерпретации данной им «финским древностям» в предшествующих своих публикациях и сетуя на то, что «неоднократные обращения к А.А. Спицыну» со стороны коллег, с просьбами опубликовать эти материалы, ни к чему не привели (Древности Камы..., 1933, с. 4).

Но документы, сохранившиеся в Научном архиве Института истории материальной культуры РАН (далее — ИИМК РАН), зафиксировали иную версию событий. С самого начала привезенные А.А. Спицыным предметы хранились, вероятно, в фондах ИАК, а затем, уже в 1920-е гг., на Складе древностей ГАИМК в Мраморном дворце. В 1930 г. руководство ГАИМК приняло решение о ликвидации Склада, в связи с чем были назначены ответственные лица для передачи имевшихся коллекций в различные музеи. В том числе, со стороны ГАИМК — В.В. Гольмстен, а со стороны Эрмитажа, куда передавалась большая часть коллекций, — Э.К. Кверфельдт (Материалы..., 1931, л. 32–35). Находки из Зуевского могильника также должны были быть переданы в Эрмитаж. Вероятно зная о предстоящих пертурбациях, А.А. Спицын 19 сентября 1930 г. пишет записку (рис. 1) в комиссию по ликвидации Склада древностей ГАИМК: «Находил бы желательным сохранить до издания имеющиеся в складе вещи из моих раскопок в Вятской и Пермской губерниях. Таблицы для издания приготовлены, а само издание будет подготовлено в ближайшем будущем, после издания альбома золотых вещей с инкрустацией, которым я занят в настоящее время». Ниже приписка: «Для вещей найдется место в моем шкафу» (Материалы..., 1931, л. 10). Текст записки недвусмысленно свидетельствует о том, что исследователь и по прошествии трех десятков лет, полтора из которых были далеко не лучшими годами в жизни русских ученых, помнил о находках и более того желал их издать. Комиссия, однако, не сочла возможным временно оставить материалы А.А. Спицына в ГАИМК, хотя, в ряде других случаев, имеются рекомендации задержать или, даже, приостановить передачу коллекций в связи с необходимостью их обработки и публикации.

Уже 3 января 1931 г. вещи из Зуевского могильника, в составе других спицынских

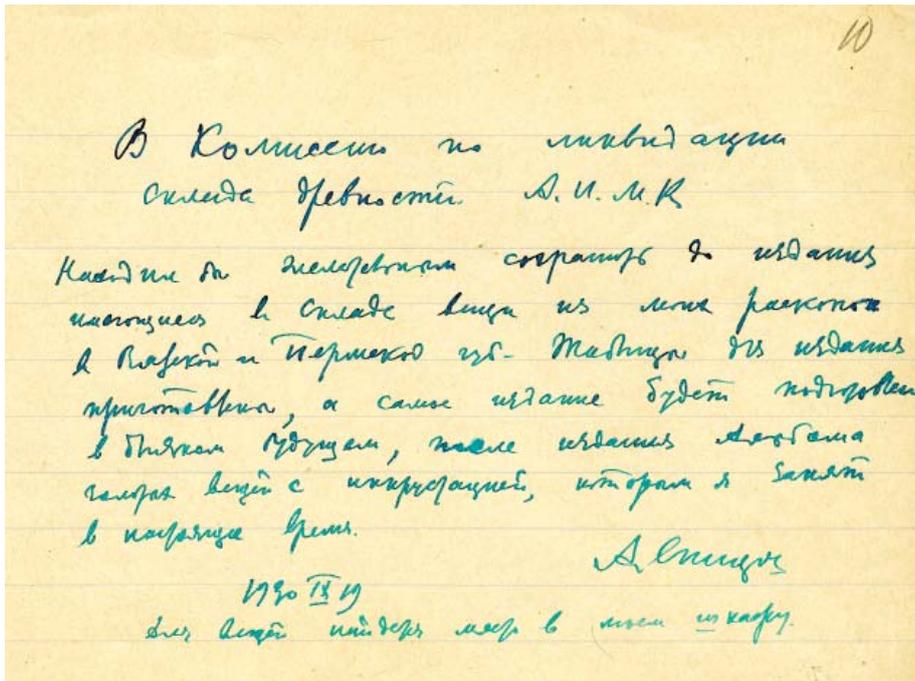


Рис. 1. Записка А.А. Спицына в комиссию по ликвидации Склада древностей ГАИМК.

Автограф. Чернила.

Публикуется впервые (по: НА ИИМК РАН. РО, ф. 1, оп. 1, 1898 г., д. 750, л. 10).

Fig. 1. A note by A.A. Spitsyn to the Commission for the Liquidation of the Warehouse of Antiquities of the State Academy for the History of Material Culture. Autograph. Ink. First publication (after: the Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. RO, f. 1, op. 1, 1898, d. 750, s. 10).

собраний, были переданы в Эрмитаж, где составили коллекцию под номером 609 (Материалы..., 1931, л. 32–35; ГЭ, кол. № 609). Этот же год стал последним в жизни исследователя Зуевского могильника — 17 сентября 1931 г. А.А. Спицын умер.

Всего через год М.Г. Худяковым были подготовлены и сданы в печать «Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г.». В 1933 г. они вышли в свет в серии «Материалы ГАИМК» (Древности Камы..., 1933). Здесь следует сказать, что издатель пошел по наиболее простому пути — в книгу были помещены созданные еще А.А. Спицыным таблицы, без каких-либо дополнений, а также описания погребений и планы могильников, взятые из отчета о раскопках (Дело ИАК..., л. 19, 21, 51 и др.). Имевшиеся там же планы погребений с зарисовками сопроводительно-

го инвентаря *in situ* были проигнорированы. Кроме этого публикация включала введение, посвященное работам А.А. Спицына в Прикамье, небольшой очерк изучения древностей Вятской губернии, а также разделы, характеризующие хозяйство и некоторые, особо интересные находки. Уделено было место и критическому анализу предшествовавших работ русских и финских археологов. Упомянутые части были написаны М.Г. Худяковым (Древности Камы..., 1933, с. 3–4, 5–10).

С тех пор исследователи еще несколько раз обращались к этому весьма интересному материалу, публикуя отдельные находки или рассматривая конкретные комплексы (Збруева, 1952, с. 40, 79, 139; Древнее искусство..., 1974, с. 175–176, рис. 67; Васильев, 2004, с. 279, рис. 20, 12; Черных, 2019а и др.), однако, в целом Зуевский могильник, как



Рис. 2 а, б. Зуевский могильник, погребение № 94. Резная рукоять, рог. Фото автора.
Fig. 2 а, б. Zuevsky burial ground, burial No. 94. Carved handle, horn. Photo by the author.

и многие другие памятники АКИО, по справедливому замечанию С.В. Кузьминых все еще ждет достойного осмысления и публикации (Кузьминых, 2000, с. 108). В последние годы группой исследователей под руководством Е.М. Черных был предпринят ряд усилий для подготовки полной публикации материалов Зуевского могильника, однако эта важная работа все еще не доведена до конца (Черных, 2019б).

Известная вещь неизвестного назначения

Тот, кто бывал на постоянной экспозиции древностей Восточной Европы, расположившейся с начала 1960-х гг. в Кутузовском коридоре Зимнего дворца, мог наблюдать в витрине под названием «Памятники ананьинской культуры» среди «изделий из кости» одну любопытную вещь (рис. 2: а, б). Это роговой предмет в виде слегка изогнутого стержня



Рис. 3 а–г. Зуевский могильник, погребение № 94. Резная рукоять, рог. Фрагмент: окончание рукояти с затыльником. Фото автора.

Fig. 3 а–г. Zuevsky burial ground, burial No. 94. Carved handle, horn. Fragment: a handle tip with a back plate. Photo by the author.

диаметром 1,5 см и длиной сохранившейся части 22,2 см (ГЭ, кол. № 609, № 200). Внешний вид изделия свидетельствует о том, что оно было сломано в древности, возможно, преднамеренно, вследствие чего его длина уменьшилась.

На одном конце стержня имеется тщательно вырезанное завершение, по форме более всего напоминающее копыто животного, в котором просверлено параллельно стержню сквозное отверстие, расширяющееся к наружному краю завершения (рис. 3: а–г). Размеры завершения: 1,5×2,0×2,5 см. Диаметр просверленного отверстия: 0,5–0,6 см. С противоположной стороны изделие оканчивается сломом. Непосредственно перед местом слома имеются слабые следы контррельефной кольцевой выборки рога на глубину не более 0,1 см (рис. 2: б). На двух маленьких участ-

ках с сохранившейся обработанной поверхностью ширина этой кольцевой выборки достигает 0,5–0,7 см.

Ближе к обломанному концу изделия, с выгнутой стороны стержня, расположены объемные изображения двух медведей, достаточно точно передающие видовые признаки животного (рис. 4: а–е). Четко смоделированы головы зверей с вытянутой мордой, с ее характерным переломом при переходе ко лбу, и округлыми ушами, рельефом показаны задние и передние конечности. У одной из фигурок можно различить короткий хвост (рис. 4: а–в, е). Обе фигурки имеют равную длину — три сантиметра, но передняя несколько крупнее — ее высота — 1,5 см, а другой, меньшей, — 1 см. Между передними и задними лапами, под брюхом каждого животного имеются сквозные отверстия

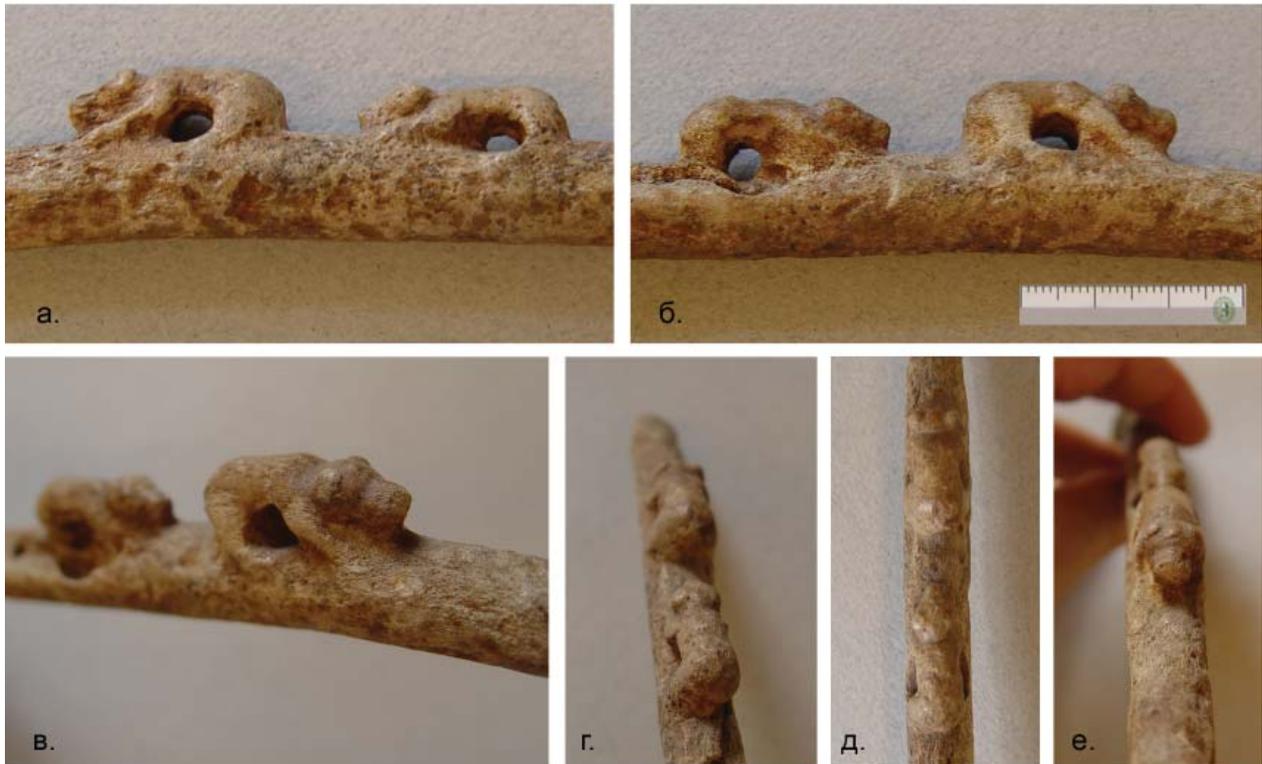


Рис. 4 а–е. Зуевский могильник, погребение № 94. Резная рукоять, рог. Фрагмент: резные фигурки медведей. Фото автора; в–е — без масштаба.

Fig. 4 a–e. Zuevsky burial ground, burial No. 94. Carved handle, horn. Fragment: bear carvings. Photo by the author; в–е - not to scale.

круглой формы, диаметром 0,6 и 0,5 см соответственно. В этой части объемных изображений, при внимательном рассмотрении, можно заметить результаты применения техники контррельефа — углубленная полоса, шириной до 0,5 см охватывает туловище каждого животного с боков над отверстиями, исчезая на спине (рис. 4: а, г, д). Вероятно, это художественный прием, примененный для акцентирования бедер и плечевого пояса. Никаких следов трения с приложением усилия вокруг отверстий визуально не прослеживается. К сожалению, трасологические наблюдения сильно осложняются тем, что значительная часть обработанной поверхности рогового изделия деградировала в процессе археологизации. Есть места очень сильной выкрошенности пористой части рога, в том числе частично уничтожена малая фигурка медведя: с одного бока практически утрачены рельефные детали передней и задней лап. Более крупная фигурка медведя сохранилась гораздо лучше. Практически в идеальном состоянии сохранилась заполированная поверхность копытовидного завершения и примыкающая к нему часть стержня на длину 5 см (рис. 3: а–г).

Впервые рассматриваемый мной предмет был опубликован А.А. Спицыным в Отче-

те ИАК за 1898 г. как «костяной стержень с фигурками медведей» (Вятская губерния [Отчет], 1901, с. 44, рис. 70); повторно изображение было приведено в (Вятская губерния [Альбом], 1906, с. 286, рис. 1790). Более качественный рисунок (по всей видимости, из таблиц, подготовленных еще А.А. Спицыным) был помещен М.Г. Худяковым в уже упоминавшемся издании (Древности Камы..., 1933, табл. 4, рис. 8, с. 12). В этой же работе впервые было дано подробное описание погребения № 94, включающее характеристику рогового предмета и изображение части вещей из комплекса. Сам А.А. Спицын еще в дневнике раскопок, исходя из места расположения предмета, назвал его «подвеской к поясу, в виде костяной палочки с изображением двух медведей». (Дело ИАК..., л. 46–47, 153). М.Г. Худяков в публикации 1933 г. отнес «подвеску» к «предметам с магическими изображениями» (Древности Камы..., 1933, с. 9).

Еще несколько раз комплекс погребения № 94 привлекал внимание исследователей в силу богатства инвентаря и хорошей сохранности. В монографии А.В. Збруевой были вновь опубликованы отдельные вещи оттуда, а в описании находок костяное изделие по традиции именовалось «привеской» (Збруева, 1952, с. 40, 79, 139). В альбоме «Древнее

искусство...», изданном в 1974 г. большим коллективом авторов, оно также было названо «поясной подвеской» и связывалось с культом медведя. Основываясь на предметном составе сопроводительного инвентаря, авторы аннотации охарактеризовали погребенного как «военачальника или родового старейшину», а по присутствию в поясном наборе «культовой подвески» — как «служителя культа, жреца» (Древнее искусство..., 1974, с. 175–176, рис. 67). Ст.А. Васильев в работе, посвященной сложению ананьинского звериного стиля, относя среди немногих других вещей этот предмет к местной традиции (производство местных мастеров), поместил его в своем каталоге в отдел рукоятей, предполагая, что это рукоять ложки (Васильев, 2004, с. 279, рис. 20–12). Этим, пожалуй, и исчерпывается набор определений и характеристик.

Отмечу, что в каталоге выставки «Железный век. Европа без границ...», открывшейся в конце 2020 г. в Государственном Эрмитаже, как и в экспликации к предмету в витрине на временной экспозиции, эта вещь снова фигурирует просто как «костяная палочка» (Шаблавина, 2020).

Контекст находки

Необходимую информацию о контексте обнаружения этой необычной вещи можно почерпнуть из отчета А.А. Спицына (рис. 5 а, б). Описание дается мной по рукописному варианту отчета А.А. Спицына в ИАК (Дело ИАК..., л. 46 об.–47). При сверке текста рукописного отчета А.А. Спицына с текстом, опубликованным М.Г. Худяковым, оказалось, что они практически идентичны. Дополнения М.Г. Худякова, сделанные им для издания, помещены, как и в тексте публикации, в квадратные скобки.

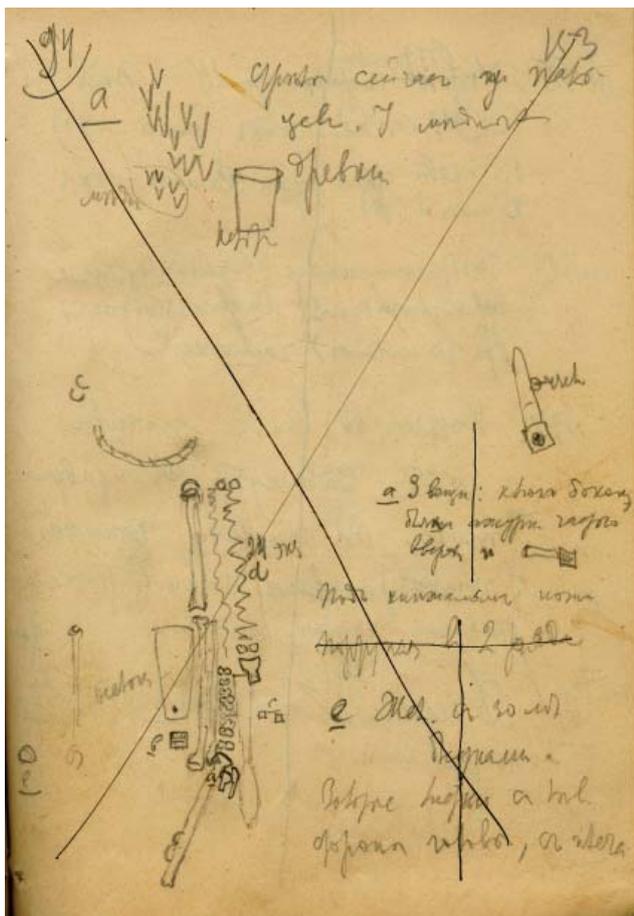
«Мужской костяк, довольно хорошей сохранности. В изголовье большая глиняная чашка. Справа между плечом и черепом две золотые изогнутые пластинки [представляющие собой половинки пластинчатого кольца с отверстиями для гвоздиков], у кисти правой руки медный кельт, восемь медных (с древками) и десять костяных наконечников стрел, все, как и кельт, остриями к ногам, и железная кнопка с золотыми блестками [круглая бляха], на шее распавшаяся на пять частей витая медная шейная гривна, у кисти и частью у локтевой кости левой руки сильно изоржавевший железный наконечник копья. Вдоль левой руки протянут кожаный пояс [точнее два спускающихся вниз конца пояса], украшенный 48 медными бляшками, снабженный двумя

медными суживающимися бляхами на концах и медною застежкой (?) в виде палочки со сквозным отверстием и кнопкой. У конца пояса две привески: одна из них представляет плоский каменный оселок, прикреплявшийся к поясу с помощью ремня (на который напущены четыре медные пронизки) и медного приспособления [кольца] «в виде ключа», которое, быть может, висело на медной кнопке, помещенной на ремне и примыкающей к застежке. Другая подвеска — костяная палочка с изображением двух медведей. Ширина ремня несколько более дюйма, а длина до 20 вершков (считая с застежкой). Близ второго конца две медные круглые пронизки, относящиеся, быть может, также к устройству пояса. Под копьём железный нож» (Дело ИАК..., л. 46 об.–47; Древности Камы..., 1933, с. 12).

Предметный комплекс погребения № 94 сохранился практически целиком — в процессе доставки в Петербург потерялись кельт и два или три «медных» наконечника стрел. В дневнике и отчете А.А. Спицына упоминаются восемь бронзовых наконечников стрел, а в справке ИАК об отсутствующих вещах (Дело ИАК..., л. 100б), возможно, составленной самим же А.А. Спицыным, наряду с кельтом указан и один «медный» наконечник стрелы. При этом на плане в дневниковой зарисовке (рис. 6) отмечено только пять «медных» наконечников стрел и в Эрмитаж их поступило пять экземпляров. Странно, что в случае с костяными наконечниками А.А. Спицын схематически зарисовал и указал в описи одинаковое число — 10 экземпляров (столько же поступило и в Эрмитаж), а в случае с «медными» вышла явная путаница.

Еще одно выявленное мной расхождение связано с полевым описанием и реальным состоянием шейной гривны. А.А. Спицын указывает на то, что она «распалась на пять частей», однако на гривне из этого погребения, хранящейся в Государственном Эрмитаже, видны следы спайки оловом в шести местах, что свидетельствует о том, что до реставрации фрагментов гривны было семь. На каком этапе произошла дополнительная фрагментация не ясно. О вероятных причинах подобного состояния гривны в погребении — ниже и в Приложении 1.

Большая часть вещей, происходящих из погребения № 94, хранится в настоящее время в фондах ОАВЕС. Некоторые наиболее интересные находки были представлены на старой, ныне разобранный, постоянной экспозиции в Кутузовском коридоре Зимнего дворца.



лам, был положен вдоль левой руки покойного, таким образом, что один из его концов находился на уровне кисти. Именно к этому концу, по описанию А.А. Спицына, крепились все три «привески». Расположение бронзовых «привесок» не вызывает вопросов — обе они подвешивались к поясу, вероятно, на кожаных шнурках. Роговая «привеска», теоретически, также могла крепиться к поясу с помощью петли из кожи или иных органических материалов. Ее расположение не противоречит такому предположению. Положение каменного оселка, подвешенного к поясу, свидетельствует о целенаправленном его размещении в области бедер покойного. Аналогию такому расположению знаковых предметов можно видеть в погребении № 168 этого же могильника, где у скелета погребенного мужчины в области тазовых костей и под(?) костями левого запястья была обнаружена, видимо, изначально подвешенная к поясу «крестовидная бляха» (Збруева, 1952, с. 40–41, табл. IV, 19; Древности Камы..., 1933, с. 13).

В настоящее время наличие знаковых категорий инвентаря и существование определенных закономерностей в их расположении в погребении признается большинством исследователей. Именно к такой категории относятся и оселки (Грязнов, 1961, с. 142). В нашем

Рис. 6. Страница из полевого дневника А.А. Спицына. Схематический рисунок плана погребения № 94 Зуевского могильника. Автограф. Карандаш, чернила. Публикуется впервые (по: НА ИИМК РАН. РО, ф. 1, оп. 1, 1898 г., д. 63, л. 153).

Fig. 6. A page from A.A. Spitsyn's field diary. Schematic drawing of the plan of burial No. 94 of Zuevsky burial ground. Autograph. Pencil, ink. First publication (after: the Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. RO, f. 1, op. 1, 1898, d. 63, s. 153).

случае дополнительным подтверждением этого может служить заключение М.Г. Жилина, проведенного, по моей просьбе, визуальный трасологический анализ, об отсутствии следов работы на оселке из погребения № 94.

Традиция размещения воинских поясов или перевязей с подвешенным к ним оружием не на теле погребенного, а рядом с ним, либо на стенке могилы или сруба над телом, или в специальных тайниках хорошо известна в захоронениях, которые относятся к скифско-му культурно-временному кругу. Среди предметов, встречающихся в комплекте с поясами, фигурируют мечи, гориты и колчаны, а также нагайки или конские кнуты (Тереножкин, Мозолевский, 1988, рис. 45; Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 61–62; Чугунов 2004, с. 19; Смирнов, 2015, с. 54).

Шейная гривна — еще одна знаковая деталь костюма покойного — была преднамеренно разломана на пять (или семь?) частей именно при погребении, а не распалась в процессе археологизации, как указал в отчете А.А. Спицын. Отмечу, что рукописный текст отчета несет на себе следы правки, имевшей место ещё в процессе написания. Интересно, что сначала А.А. Спицын описал гривну как «разломанную», а затем, зачеркнув это определение, изменил его на более нейтральное — «распавшаяся» (Дело ИАК..., л. 46 об.).

Устное заключение о преднамеренной порче этого изделия сделали, по моей просьбе, научные сотрудники ОАВЕС Государственного Эрмитажа Р.С. Минасян и Е.А. Шаблавина. Их точку зрения подтвердили экспериментальные результаты, полученные С.В. Хавриным в Лаборатории научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа (Прил. 1). Порча предметов (в первую очередь оружия) в процессе совершения погребального обряда — хорошо известная традиция, фиксирующаяся как минимум с бронзового века. Спектр объяснений смысла этих действий достаточно широк, но в настоящем случае важно скорее то, что это еще одна вещь из погребения № 94, наряду с роговой «подвеской», ущербная, с

точки зрения характеристик объекта материальной культуры. То, что она была именно сломана перед помещением в могилу, позволяет сделать допущение о таком же характере повреждения роговой «подвески» — ее преднамеренной порче.

Таким образом, можно заметить, что две статусные вещи погребенного — гривна и парадный воинский пояс, а также предметы, связанные с поясом (оселок и роговая «подвеска»), были специально деформированы или отъединены от тела покойного в процессе похорон.

Опознавание вещи

Г. Чайлд как-то едко заметил, что появление категории «ритуальных» предметов в археологии древних обществ часто связано не с целенаправленным изучением материальных свидетельств духовной культуры, а с неспособностью исследователя определить реальное назначение вещей.

Совершенно в русле этой традиции, с момента своего обнаружения в конце XIX в. «костяная подвеска» с изображением двух медведей из Зуевского могильника считалась культовым, магическим атрибутом. Первое, *рабочее* описание, данное А.А. Спицыным в дневнике раскопок («подвеска к поясу»), было безоговорочно принято впоследствии всеми исследователями и публикаторами этой вещи, в качестве определения ее функции, что и обусловило непонимание ее назначения в последующие сто лет. На фоне значительного количества разнообразных поясных подвесок в погребениях АКИО еще одна, пусть и «культурная» как-то терялась...

Мое обращение к этой «подвеске» было достаточно случайным. В это время я занимался изучением одной категории погребального инвентаря центральноазиатских кочевников I тыс. до н. э., имеющей статусный характер. В поиске аналогий морфологическим характеристикам этих предметов, а также в процессе выявления основных принципов их использования в ритуальной сфере я целенаправленно искал эту категорию инвентаря в материалах кочевых и оседлых культур древности в достаточно широком хронологическом диапазоне и обширных географических рамках. В очередной раз, рассматривая витрины в Кутузовском коридоре, я опознал эту вещь, как относящуюся к той самой категории изделий, которая меня интересовала, и обратился к материалам Зуевского могильника, чтобы прояснить обстоятельства ее находки. Неожиданно оказалось, что назначение

«подвески», очевидное для меня, как специалиста в области древностей кочевников, не было определено многочисленными публикаторами этой вещи, а ведь среди них были и исследователи АКИО, которым уже давно было ясно, что формирование предметного состава материальной культуры и появление некоторых художественных образов в искусстве АКИО происходило при сильном, если не доминирующем влиянии горностепных кочевых культур.

Сложившееся положение и заставило обратиться меня к более внимательному изучению самой вещи, ее контекста и обстоятельств находки.

К этому моменту озвученные предположения о назначении зуевской «подвески» сводились к тому, что она является рукоятью какого-то предмета. При этом, например, если Ст.А. Васильев в своей публикации относил ее под вопросом к ручкам ложек (Васильев, 2004), то хранитель коллекции (в 2005 г.) Е.И. Оятева, в разговоре со мной, уверенно отождествляла зуевскую «подвеску» с рукоятью «ритуальной ложки».

Действительно, и в этом я согласен с коллегами, эта вещь является рукоятью. Но, завершая процедуру более чем столетнего опознания, все же однозначно укажу сам предмет — это роговая рукоять кнута (конской плети). В.И. Даль приводит несколько терминов для обозначения разновидностей плети. В нашем случае, вероятно, наиболее точным будет использование термина «кнут» — «свитая из пеньки или ремешков и навязанная на кнUTOвище, короткая и к концу тонкая веревка для стеганья и битья» (Толковый словарь... , т. 2).

Постараюсь обосновать свою интерпретацию. Определение «подвеска» следует сразу же оставить, так как оно искажает сущность предмета и направляет интерпретатора по ложному пути. Это определение вторично по своей природе: «подвеской» может быть названа любая портативная вещь, прикрепленная с помощью ремешка или веревки к поясу, одежде, волосам и прочее.

Нет, оснований считать эту вещь и рукоятью ложки, в том числе «ритуальной», — ничего похожего на костяные ложки в погребениях АКИО как будто нет. Большая часть резных костяных предметов ананьинского времени, определяемых как рукояти, является рукоятями ножей.

Кроме того, близкие по времени костяные ложечки, например, из погребений сарма-

тов — кочевых обитателей соседнего мира степей — выглядят совершенно по-другому. Они имеют иные пропорции и размеры и, обычно, в неограбленных могилах сохраняются целиком. Хорошо известен облик таких ложечек, на которых орнаментация, если и присутствует, то лишь на конце рукояти, оформленном принципиально иначе, чем затыльник рукояти кнута из Зуевского могильника. Да и общие их размеры иные. В то же время, облик изделий степного кочевнического мира, уже достаточно давно и однозначно трактуемых как рукояти плетей, максимально приближен к зуевской рукояти (Бородовский, 1987; Дубовская, 1997; Шульга, 2005).

Приведу основные морфологические характеристики достоверных рукоятей плетей из археологических комплексов Евразии эпохи ранних кочевников.

Это деревянные, роговые или костяные, цельные или составные, стержневидные рукояти, нередко украшенные металлическими или роговыми накладками (кольцами, спиральной обмоткой), резьбой или раскрашенные, с набалдашниками/затыльниками (простыми и резными) и без них. Длина рукоятей в среднем составляет 25–30 см, а диаметр — 1,5–2 см.

Форма затыльника рукоятей кнутов складывается еще, видимо, в эпоху бронзы и мало меняется на протяжении эпохи ранних кочевников — это почти всегда некоторое утолщение (если это цельнорезная рукоять) или набалдашник (из кости или металла) копыто-видного, грибовидного, редко, зооморфного облика. Ближайшую аналогию затыльнику зуевской рукояти можно видеть в окончаниях составных рукоятей (рукоятей с роговыми набалдашниками) из раннескифских погребений Северного Причерноморья, Приднепровья и Предкавказья (степной и лесостепной регионы) (Черненко, 1981, рис. 26 (Относительно ошибочности интерпретации Е.В. Черненко этих предметов в качестве деталей неясного назначения от горитов я уже кратко писал (Смирнов, 2015, с. 53–54)); Смирнов, 2015, рис. 1, 1). В качестве параллелей элементам оформления зуевской рукояти также можно привести набалдашники и затыльники рукоятей кнутов из сакских погребений первой половины и середины I тыс. до н. э. в Средней Азии и погребений эпохи ранних кочевников на Алтае (Шульга, 2005, рис. 1, 1, 2, 11–14).

Маленькое отверстие в затыльнике или дополнительное отверстие в съемном набалдашнике, расположенное параллельно руко-

яти, служит для пропуска ремешка или тесемки, образующих петлю, — темляка, с помощью которого можно подвешивать плеть к поясу или фиксировать на запястье руки всадника в процессе управления конем (см., например, наличие темляка у цельнодеревянной рукояти: Шульга, 2015, рис. 86, 3, 4).

Костяные или роговые рукояти кнутов или их детали известны в погребениях скотоводов-кочевников, начиная еще с эпохи бронзы (Отрощенко, 1986). Цельные роговые рукояти найдены как в предскифских и раннескифских памятниках Восточной Европы (Дубовская, 1997), так и в памятниках синхронного периода в Средней Азии и Сибири (Шульга, 2005, рис. 1, 1, 8, 10).

Некоторые дополнительные данные можно почерпнуть из анализа иконографии киммерийских и скифских изваяний. На ряде изваяний присутствуют характерные атрибуты всадника-кочевника, однозначно опознаваемые как кнуты/нагайки. В этих случаях кнуты показаны подвешенными к поясу, с левой стороны фигуры воина, или зажатыми в правой руке изображенного персонажа (Ольховский, Евдокимов, 1994, рис. 48, 81; 77, 128). Иногда кнут передавался только барельефным изображением рукояти (нередко с хорошо читаемым набалдашником грибовидной или округлой формы и наконечником, имеющим выраженную клювовидную форму). В ряде случаев показывалась и ремennая часть кнута.

Присутствие кнутов (рукоятей или их деталей) в составе поясных наборов, включающих, кроме самого пояса или перевязи, предметы вооружения (меч, кинжал, горит с колчаном, чекан и проч.), помещенных в стороне от тела умершего, часто слева, на уровне плеча, бедер или ног, неоднократно зафиксировано при исследованиях погребений скифского культурно-временного круга (Смирнов, 2015, с. 54).

Приведенные выше морфологические характеристики и особенности расположения предмета в погребении недвусмысленно свидетельствуют в пользу предложенной мной интерпретации зуевской «подвески» в качестве роговой рукояти кнута (конской плети).

Реконструкция предмета

Для завершения реконструкции облика кнута (конской плети) из погребения № 94 Зуевского могильника остается ответить на несколько вопросов.

Во-первых, желательно понять, была ли роговая рукоять сломана в процессе выполне-

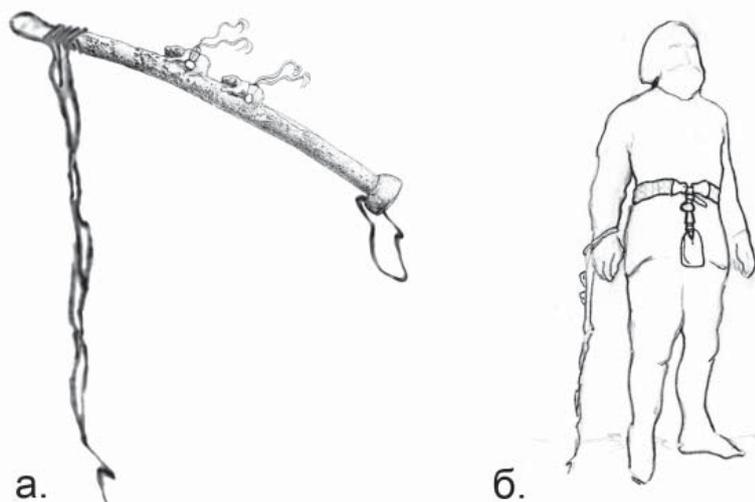


Рис. 7, а, б. Реконструкция внешнего вида кнута (конской плети) из погребения № 94 Зуевского могильника и возможного способа удержания кнута, при накидывании темляка на запястье воина. Рисунок-реконструкция Н.Ю. Смирнова и Д.К. Помазановой.
Fig. 7 a, б. Reconstruction of the appearance of a whip (horse lash) from burial No. 94 of Zuevsky burial ground and the possible means of holding the whip, whereby a lanyard is wrapped over a warrior's wrist. A reconstruction drawing by N. Yu. Smirnov and D. K. Pomazanova.

ния обрядовых действий в момент совершения погребения или же она была обломана в процессе использования кнута?

Можно предположить, опираясь на размерные характеристики сравнительного материала, что отломана была примерно 1/5–1/6 часть рукояти, возможно, имевшая фигурное завершение для крепления ременной части кнута. Последнее, однако, доказать невозможно. Повреждение рукояти в процессе использования кнута представляется менее вероятным, учитывая то, что место ее излома расположено ближе к концу, к которому крепилась ременная часть.

Предпочтительным будет являться вывод о том, что деформация рукояти кнута носила ритуальный характер. На это указывает контекст и характер находки: могила, погребальный инвентарь. Дополнительным аргументом может служить состояние еще одного знакового предмета — шейной гривны, которая была разломана на множество фрагментов при помещении в могилу. Не исключено, что отломанная часть рукояти, вместе с кожаной частью кнута, при этом была сознательно изъята (не помещена в могилу). Иначе А.А. Спицын обнаружил бы ее при раскопках.

Во-вторых, желательно выяснить, было ли что-то прикреплено к фигуркам медведей, расположенным в средней части рукояти. Визуальный осмотр не позволяет утвердительно ответить на этот вопрос, но и не дает информации для отрицательного ответа. Вероятно, необходимо провести трасологический анализ внутренней поверхности отверстий под фигурками медведей. До этого любые предположения будут иметь спорный характер. Хотя, как я уже писал выше, подобный анализ будет осложнен плохим состоянием материала (сильная выкрошенность поверхностных слоев рогового изделия).

И все же выдвину предположение, кажущееся мне близким к истине — к фигуркам медведей были привязаны какие-то легкие декоративные элементы типа тканых лент или плетеных шнуров. Иначе трудно объяснить необходимость просверливания отверстий под фигурками животных — для создания объемного изображения — это излишние действия. В то же время, очевидно, что расположение отверстий препятствует приложению к этой части рукояти серьезной нагрузки — это неминуемо привело бы к расщеплению роговой основы.

В реконструированном виде кнут из погребения № 94 Зуевского могильника мог бы выглядеть так, как изображено на рис. 7: а, б. В этом случае получают объяснения все особенности морфологии странной «костяной подвески», которая в реальности является роговой рукоятью кнута (конской плети). Опытным путем установлено, что стандартный способ удержания рукояти в руке при работе кнутом (конской плетью) вполне соответствует размерным и морфологическим характеристикам изделия (рис. 8).

Вещь в культуре или культурные роли кнута (конской плети)

Появление в материальном комплексе АКИО, в контексте погребения, такой знаковой вещи степного мира кочевников как кнут (конская плеть), конечно, вызывает целый ряд вопросов. Присутствие кнутов среди сопроводительного инвентаря в могилах самих кочевников не так уж часто фиксируется, что, возможно, связано с традицией их изготовления из легко истлевающих органических материалов (дерево, кожа), статусным характером этой категории инвентаря, а также рядом других факторов (Шульга, 2005, с. 183).

В материальной культуре АКИО кнуты (конские плети) или их детали фиксируют-



Рис. 8. Демонстрация способа захвата предмета рукой при использовании его в качестве рукояти кнута (конской плети). Фото автора.

Fig. 8. Demonstration of the means of gripping an item with a hand when using it as a whip handle (horse lash). Photo by the author.

ся вообще чрезвычайно редко, и до сих пор нет сводной работы по этой категории изделий. Впервые наличие среди материального комплекса АКИО деталей кнутов предположила О.Р. Дубовская, не без оснований отнеся к этой категории некоторые бронзовые навершия, происходящие из погребений (Дубовская, 1997, рис. 1, 8, 9). В 2016 г., на третьей Ананьинской конференции в Болгаре, я сделал доклад, в котором обобщил данные о навершиях из погребальных памятников АКИО (Старший Ахмыловский, Акозинский и Пустоморквашинский могильники), которые мне удалось лично осмотреть и зарисовать, а также определить их функциональное назначение в качестве деталей рукоятей кнутов. Вместе с кнутовищем из Зуевского могильника на настоящий момент мне удалось отождествить детали кнутов не более чем в десяти случаях. Тем интереснее на этом фоне выглядит цельнорезная зуевская рукоять.

Несомненно, что перед нами не рядовая (бытовая) вещь, а статусное изделие, на что указывает материал (рог), тщательность обработки и наличие декора в местном зверином стиле. Учитывая богатые традиции коневодства и скотоводства у представителей АКИО (Петренко, 2007, с. 67–73), их знакомство с кнутами и плетями, как и использование этих орудий управления верховой лошастью и скотом в хозяйстве, не вызывает сомнений. Однако помещение их в могилы, особенно в составе парадного воинского поясного набора, следует рассматривать в контексте влияний культурных традиций их соседей — кочевников-скотоводов горностепного мира. Эти влияния, очень заметные в сфере вооружения, конского снаряжения и декора (скиф-

ский звериный стиль) АКИО, в настоящий момент являются общепризнанными. Морфология других изделий из погребений АКИО, опознаваемых мной в качестве деталей рукоятей кнутов, не противоречит этому выводу — в массе своей это вещи, сделанные из бронзы, и несущие на себе черты аналогичных изделий степного мира или стилистически близкие кругу изделий, связанных с колесничной упряжью, Северного Кавказа (разнообразные прорезные и зооморфные фигурные металлические навершия).

В жизни скотоводов-кочевников кнут (конская плеть) играет целый спектр культурных ролей: орудие управления лошастью, охотничье оружие, индикатор социального статуса владельца, ритуальное оружие (Бородовский, 1987; Дубовская, 1997; Шульга, 2005; Смирнов, 2014; Smirnov, 2020). Многие о статусе и назначении самой вещи могут сказать особенности ее декора, материал, из которого она изготовлена, и контекст обнаружения.

В среде представителей АКИО, скорее всего, происходит редукция части культурных ролей кнута (конской плети) по сравнению со степным миром. Однако основные роли — орудие управления лошастью, маркирование социального статуса — остаются неизменными, что подтверждается закономерностью в обнаружении деталей кнутов в погребениях с элементами конской узды, оружием или парадным поясным набором воина. Я предполагаю, что кнут (конская плеть) в среде представителей АКИО сохраняет и свою ритуальную роль, но объективных данных для категорического утверждения этого в настоящий момент недостаточно.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р.* Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. К.: Научно-думка, 1991. 411 с.
- Бородовский А.П.* Плетки и возможности их использования в системе вооружения племен скифского времени // Военное дело древнего населения Северной Азии / Отв. ред. В.Е. Медведев, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1987. С. 28–39.
- Васильев Ст.А.* Ананьинский звериный стиль. Истоки, основные компоненты и развитие // Археологические вести. 2004. № 11. С. 275–297.
- Вятская губерния // Альбом рисунков, помещенных в отчетах ИАК за 1882–1898 гг. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1906. С. 281–288.
- Вятская губерния // Отчет ИАК за 1898 г. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1901. С. 41–46.
- Грязнов М.П.* Так называемые оселки скифо-сарматского времени // Исследования по археологии СССР. Сборник статей в честь М.И. Артамонова / Отв. ред. В.Ф. Гайдукевич. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. С. 139–144.
- Дело ИАК об археологических изысканиях члена Комиссии А.А. Спицына в губерниях: Вятской, Уфимской, Казанской, Пермской / НА ИИМК РАН. РО, ф. 1, оп. 1, 1898 г., д. 63.
- Древнее искусство. Памятники палеолита, неолита, бронзового и железного веков на территории Советского Союза. Собрание Государственного Эрмитажа / Отв. ред. М.И. Артамонов. Л.: Аврора, 1974. 196 с.
- Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. // Материалы ГАИМК. Вып. 2. / Отв. ред. С.Н. Быковский / Л.: Типография «Печатный Двор», 1933. 38 с.
- Дубовская О.Р.* Плетка как возможный атрибут предскифских погребений // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы / МИАР. № 1 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев, В.С. Ольховский. М.: ИА РАН, 1997. С. 57–61.
- Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 326 с.
- Кузьминых С.В.* Археологическое изучение ананьинского мира в XX веке: основные достижения и проблемы // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Матер. науч. конф. к 75-летию В.А. Генинга. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2000. С. 104–113.
- Материалы, связанные с комиссией по ликвидации Склада древностей ГАИМК / НА ИИМК РАН. РО, ф. 2, оп. 1, 1931 г., д. 750.
- Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л.* Скифские изваяния VII–III вв. до н. э. М.: ИА РАН, 1994. 188 с.
- Отрощенко В.В.* Костяные детали плеток из погребений срубной культуры // СА. 1986. № 3 С. 72–81.
- Петренко А.Г.* Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Приуралья (по археозоологическим материалам) / Археология евразийских степей. Вып. 3. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. 144 с.
- Смирнов Н.Ю.* «ἐν τοῦτο νίκα» или об одном происшествии, случившемся со скифами при их возвращении из Азии (Herod., IV. 1. 3, 3, 4) // Доісламський Близький Схід: історія, релігія, культура / Отв. ред. М.О. Тарасенко. Київ: Інститут сходознавства ім. А.Ю. Кримського НАН України, 2014. С. 235–240.
- Смирнов Н.Ю.* Зверь и птица из Темир-Горы // Боспорские исследования Вып. XXXI. / Отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 2015. С. 50–59.
- Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н.* Мелитопольский курган. Киев: Наукова думка, 1988. 264 с.
- Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. Т. 2: И–О. СПб.-М.: Тип. М.О. Вольфа, 1881.
- Черненко Е.В.* Скифские лучники. Киев: Наукова думка, 1981. 167 с.
- Черных Е.М.* Предметы конского снаряжения из Зуевского могильника ананьинской культуры шнуровой керамики в Удмуртии // Поволжская археология. 2019а. № 1(27). С. 136–149.
- Черных Е.М.*, К 120-летию начала исследований Зуевского (Зуевключевского I) могильника // Археология Евразийских степей. 2019б. № 2. С. 227–245
- Чугунов К.В.* Аржан — источник // Аржан. Источник в долине царей. Археологические открытия в Туве / Отв. ред. М.Б. Пиотровский. СПб.: Славия, 2004. С. 10–37.
- Шаблавина Е.А.* Древности раннего железного века на территории Прикамского Приуралья в собрании Государственного Эрмитажа // Железный век. Европа без границ. Первое тысячелетие до н. э.: каталог выставки / Отв. ред. А.Ю. Алексеев, М. Наврот, А. Гасс, Ю.Ю. Пиотровский. СПб.: Чистый лист, 2020. С. 256–269.
- Шульга П.И.* О находках нагаек скифского времени на Алтае // Снаряжение кочевников Евразии / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. С. 183–189.
- Шульга П.И.* Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье. Ч. II (VI–III вв. до н.э.). Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015б. 322 с.

Smirnov N. Yu. In hoc signo vinces: the victory of the Scythians over the offspring of their slaves as a manifestation of divine providence (Herodotus, The Histories 4.1 [3], 3, 4) // *Masters of the Steppe: The Impact of the Scythians and Later Nomad Societies of Eurasia* Proceedings of a conference held at the British Museum, 27–29 October 2017. / S. Pankova, St. John Simpson (eds.). London: Archaeopress Publ., 2020. P. 544–550.

Информация об авторе:

Смирнов Николай Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); kolaksais@yandex.ru

REFERENCES

Alekseev, A. Yu., Murzin, V. Yu., Rolle R. 1991. *Chertomlyk. Skifskii tsarskii kurgan IV v. do n.e. (Chertomlyk. Scythian Tsar's Barrow of the 4th century BC.)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Borodovsky, A. P. 1987. In Medvedev, V. E., Khudyakov, Yu. S. (eds.). *Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoy Azii (Military Arts of the Ancient Population of Northern Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. 28–39 (in Russian).

Vasilev, St. A. 2004. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 11. 275–297 (in Russian).

Vyatskaia guberniia (Vyatka Governorate). 1906. In *Al'bom risunkov, pomeshhennykh v otchetah IAK za 1882–1898 gg. (Album of Drawings Included in the Reports of the Bulletin of Archaeological Commission for 1882–1898.)*, 281–288 (in Russian).

Vyatskaia guberniia (Vyatka Governorate). 1901. In *Otchet Arkheologicheskoi komissii za 1898 g. (Report of the Imperial Archaeological Commission from 1898)*, 41–46 (in Russian).

Gryaznov, M. P. 1961. In Gaidukevich, V. F. (ed.). *Issledovaniia po arkheologii SSSR. Sbornik statei v chest' M.I. Artamonova (Studies on the Archaeology of the USSR. Collection of Papers Dedicated to M.I. Artamonov)*. Leningrad: Leningrad State University, 139–144 (in Russian).

1898. *Delo Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii ob arkheologicheskikh izyskaniiax chlen Komissii A.A. Spitsyna v guberniiax: Vyatskoi, Ufimskoi, Kazanskoi, Permskoi (Case of the Imperial Archaeological Commission on the Archaeological Studies by Member of the Commission A.A. Spitsyn in Vyatka, Ufa, Kazan, Perm Governorates)*. Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Fund 1, dossier 63 (in Russian).

In Artamonov, M. I. (ed.). 1974. *Drevnee iskusstvo. Pamiatniki paleolita, neolita, bronzovogo i zheleznoogo vekov na territorii Sovetskogo Soiuzasobranie Gosudarstvennogo Ermitazha (Ancient Art. Monuments of the Paleolithic, Neolithic, Bronze and Iron Ages in the Territory of the Soviet Union. Collection of the State Hermitage)*. Leningrad: "Avrora" Publ. (in Russian).

Bykovsky, S. N. 1933. (ed.). In *Drevnosti Kamy po raskopkam A. A. Spitsyna v 1898 g. (Antiquities of the Kama Area on the A. A. Spitsyn's Excavations in 1898)*. Series: Proceedings of the State Academy for the History of Material Culture 2. Leningrad: "Pechatnyi Dvor" Typography (in Russian).

Dubovskaya, O. P. 1997. In Munchaev, R. M., Olkhovsky, V. S. (eds.). *Pamiatniki predskifskogo i skifskogo vremeni na iuge Vostochnoi Evropy (Monuments of the Pre-Scythian and Scythian Periods in the Southern Part of Eastern Europe)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Research of Russian Archaeology) 1. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 57–61 (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuiu epokhu (History of the Population of the Kama River Region in the Ananyino Time)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 2000. *Rossiiskaia arkheologiya: dostizheniia XX i perspektivy XXI vv. (Russian Archaeology: Achievements of 20th and Prospects for 21st Centuries)*. Izhevsk: "Udmurtskii universitet" Publ., 104–113 (in Russian).

1931. *Materialy, sviazannye s komissiei po likvidatsii Sklada drevnostei Gosudarstvennoi akademii istorii materialnoi kul'tury (Materials Related to the Commission for the Liquidation of the Warehouse of Antiquities of the State Academy for the History of Material Culture)*. Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. RO. Found 2. Doisser 750 (in Russian).

Ol'khovsky, V. S., Evdokimov, G. L. 1994. *Skifskie izvaiiia VII–III vv. do n.e. (Scythian Statues of the 7th – 3rd Centuries BC.)*. Moscow: Institute of Archaeology RAS (in Russian).

Otroshchenko, V. V. 1986. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archeology)*. (3). 72–81 (in Russian).

Petrenko, A. G. 2007. *Stanovlenie i razvitie osnov zhivotnovodcheskoi deiatel'nosti v istorii Srednego Povolzh'ia i Priural'ia (po arkheozoologicheskim materialam) (Establishment and development of the foundations of cattle breeding in the history of peoples from the Middle Volga region and Pre-Urals (on the basis of archaeological materials))*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 3. Kazan: Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian)

Smirnov, N. Yu. 2014. In Tarasenko, M. O. (ed.). *Doislams'kii Bliz'kii Ckhid: isroriia, religiia, kul'tura (Pre-Islamic Near East: History, Religion, Culture)*. Kiev: A. Krymskyi Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences of Ukraine, 235–240 (in Russian).

Smirnov, N. I. 2015. In Zin'ko, V. N. (ed.). *Bosporskie issledovaniia (Bosporan Studies) XXXI*. Kerch: Kerchenskaia gorodskaia tipografiia Publ., 25–111 (in Russian).

Terenozhkin, A. I., Mozolevsky, B. N. 1988. *Melitopolskii kurgan (Melitopol Barrow)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Dahl, V. I. 1881. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka (Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language)*. Vol. 2. Saint Petersburg, Moscow: "Volf, M. O." Publ. (in Russian).

Chernenko, E. V. 1981. *Skifskie luchniki (Scythian Archers)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Chernykh, E. M. 2019a. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology) 27 (1)*, 136–149 (in Russian).

Chernykh, E. M. 2019b. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 2*, 227–245 (in Russian).

Chugunov, K. V. 2004. In Piotrovskii, M. B. (ed.). *Arzhan. Istochnik v doline tsarei. Arkheologicheskie otkrytiia v Tuve (Arzhan. Source in the Valley of the Kings. Archaeological Discoveries in Tuva)*. Saint Petersburg: "Slaviia" Publ., 10–37 (in Russian).

Shablavina, E. A. 2020. In Alekseev, A. Yu., Navrot, M., Gass, A., Piotrovskii, Yu. Yu. (eds.). *Zhelezhyi vek. Evropa bez granits. Pervoe tysyacheletie do n.e. (Iron Age. Europe Without Borders. First Millennium BC)*. Saint Petersburg: "Chisty list" Publ., 256–269 (in Russian).

Shul'ga, P. I. 2005. In Tishkin, A. A. (ed.). *Snariazhenie kochevnikov Evrazii (Equipment of Eurasian Nomads)*. Barnaul: Altai State University, 183–189 (in Russian).

Shul'ga, P. I. 2015. *Snariazhenie verkhovoi loshadi v Gornom Altae i Verkhnem Priob'e. Ch. II (VI–III vv. do n.e.). (Saddle Horse Gear in Mountain Altai and Upper Ob Area. Part II (6th – 3rd centuries B.C.))*. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ. (in Russian).

Smirnov, N. Yu. 2020. In S. Pankova, St. John Simpson (eds.). *Masters of the Steppe: The Impact of the Scythians and Later Nomad Societies of Eurasia* Proceedings of a conference held at the British Museum, 27–29 October 2017. London: Archaeopress Publ., 544–550.

About the Author:

Smirnov Nikolai Yu. Candidate of Historical Sciences, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Dvortsovaya Emb., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation; ; kolaksais@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2021 г.

Приложение 1

О НЕКОТОРЫХ БРОНЗАХ ЗУЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА

© 2021 г. С.В. Хаврин

Бронзовые изделия из погребения № 94 Зуевского могильника были исследованы методом рентгено-флуоресцентного анализа (РФА) на спектрометре ArtTAX (Brüker) в 2006 г. в Отделе научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа.

Большинство металлических изделий из этого погребения выполнено из оловянистой бронзы с естественными примесями мышьяка (от следов до 4–6 %) и свинца (от следов до 1–2 %). Количество олова в сплаве достигает 10–15 %. Наименее легированными, как это часто бывает, являются наконечники стрел, в них содержится от 1–2 % до 2–4 % олова. Два

изделия выполнены из меди, но если в одном (медная накладка на железной бляшке) отмечено наличие тех же естественных примесей, что и у остальных изделий, то состав металла наконечника стрелы под инв. № 183 отличается полным их отсутствием.

Бронзы Зуевского могильника, как и другие бронзы ананьинской культуры Волго-Камья, проанализировал ранее С.В. Кузьминых (Кузьминых, 1983). В указанной монографии дана их обобщенная публикация. Если следовать методике выделения химико-металлургических групп металла, предложенной Е.Н. Черныхом, то можно сказать, что среди бронз погребения № 94 преобладают

бронзы волго-камской группы (ВК). Изделия из металла этой группы, характеризующейся повышенным содержанием мышьяка, свинца, сурьмы, серебра, преобладают в материалах всего могильника (Кузьминых, 1983, с. 42–46, рис. 23, 24, 25). Металл наконечника стрелы под инв. № 183 можно отнести к волго-уральской (ВУ) группе или к группе медистых песчаников (МП).

Недавно опубликованные результаты анализа бронз Зуевского могильника (Кузьминых, Орловская, 2017, табл. А, 12А, 12Б, с. 141–147) показали хорошую сходимость результатов анализа.

В составе изучаемого комплекса особый интерес представляет гривна, которая, по-видимому, при совершении погребения была сломана. Гривна сломана не в процессе археологических раскопок, поскольку металл ее практически не прокорродировал, а перед погребением. В процессе старой реставрации куски гривны спаяны свинцово-оловянным припоем. С целью проверки того, насколько легко было сломать гривну, из близкого по составу металла (медь с 10 % олова) была вырезана полоска длиной 4 см. Оказалось, что металл достаточно легко ломается уже при изгибе 15–20°.

ЛИТЕРАТУРА

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М.: Наука, 1983, 257 с.

Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза): аналитические данные // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 4. М.: ИА РАН, 2017. С. 63–166.

Таблица 1.

Результаты рентгено-флюоресцентного анализа бронзовых изделий из погребения № 94 Зуевского могильника*

Погребение	Предмет	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Прочие
№ 94	Наконечник стрелы № 181	Осн.	<1	1-2	<0,6	-	
	Наконечник стрелы № 182	Осн.	<1	2-4	<1	-	
	Наконечник стрелы № 183	Осн.	-	-	-	-	
	Наконечник стрелы № 184	Осн.	1-3	2-4	Сл.	-	
	Наконечник стрелы № 185	Осн.	1-3	1-2	<0,9	-	Ag
	Бляшка биметаллич. № 190	Осн.	Сл.	-	<1	-	Fe, Ni
	Гривна № 191	Осн.	Сл.	9-12	Сл.	?	Ag, Zn
	Бляшка № 193	Осн.	<0,5	10-15	<0,5	-	Zn
	Бляшка № 193	Осн.	Сл.	8-10	Сл.	-	
	Бляшка большая № 193	Осн.	Сл.	7-9	Сл.	Сл.	Ag, Zn
	Бляшка большая № 193	Осн.	Сл.	9-11	<0,4	-	
	Наконечник ремня № 194	Осн.	Сл.	9-12	<0,4	Сл.	
	Наконечник ремня № 194	Осн.	<0,5	10-15	<0,6	Сл.	Zn
	Застежка ремня № 195	Осн.	<0,9	9-12	<1	Сл.	Zn
	Распределитель № 195	Осн.	1-2	3-5	<1	Сл.	Ag
	Обойма № 198	Осн.	4-6	7-10	1-2	-	
	Обойма № 198	Осн.	2-4	3-6	1-2	-	
	Подвеска № 199	Осн.	<0,4	8-10	Сл.	-	Bi
	Пронизка спиральная № 201	Осн.	<0,4	9-12	<0,7	Сл.	Ag
Пронизка спиральная № 201	Осн.	<1	10-15	<1	Сл.		

*Номера проанализированных изделий соответствуют их инвентарным номерам по коллекционной описи Государственного Эрмитажа (ГЭ, кол. 609).

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.2.108.169>

ОДОЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ. К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКЕ ПОВЕТЛУЖЬЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

©2021 г. А.В. Новиков

Статья вводит в научный оборот материалы, полученные в результате раскопок Одоевского городища в 1925–1926 гг. Б.С. Жуковым и О.Н. Бадером. В работе поставлены вопросы культурной специфики региона Поветлужья в раннем железном веке, рассматриваются и определяются основные векторы межкультурного взаимодействия. Наибольшее внимание уделено керамическим комплексам Одоевского городища. Впервые выделена керамика «одоевского типа» с рамчатым декором, предананьинского времени, вероятно, появившаяся на поселении в конце II - на рубеже II–I тыс. до н.э., и гибридная керамика с признаками рамчатой «одоевского типа» и лебяжской. Проанализированы находки вятско-ветлужской культуры АКЮ. В коллекции преобладает ананьинская керамика с прямой или слегка отогнутой шейкой и слабовыпуклыми плечиками. При орнаментации чаще всего использован гребенчатый штамп. Изготовлена посуда преимущественно из незапесоченных и слабоzapесоченных глин с примесью в формовочной массе раковины, раковины и шамота или шамота с органическими остатками. В статье определены общие признаки, которые позволяют отметить близость керамики и костяных изделий из поселений бассейна рек Вятки и Ветлуги. Выделены специфичные черты, указывающие на некоторое своеобразие ананьинской керамики из Одоевского городища и ее отличие от вятской, которые обосновываются как географическим расположением памятников, так и культурной спецификой, основанной на степени взаимодействия с другими культурными группами внутри ананьинского мира. Установлены особенности сетчатой посуды, появившейся на памятнике в позднеананьинский период. Начало ананьинского заселения городища приходится на VII вв. до н.э., завершающий этап – на III/II вв. до н.э.

Ключевые слова: археология, Поветлужье, Одоевское городище, финал эпохи бронзы, ранний железный век, керамика с рамчатым декором «одоевского типа», вятско-ветлужская культура АКЮ, сетчатая керамика.

ODOEVSKOYE HILLFORT. THE ISSUE OF THE CULTURAL SPECIFIC OF THE VETLUGA REGION IN THE EARLY IRON AGE

A.V. Novikov

The paper introduces into scientific discourse the materials obtained as a result of excavations at Odoevskoe hillfort in 1925–1926 by B.S. Zhukov and O.N. Bader. The paper addresses the issues of the cultural attributes of the Vetluga region in the Early Iron Age, examines and defines the main vectors of intercultural interaction. The greatest attention is paid to the ceramic complexes of Odoevskoe hillfort. For the first time, the ceramics of the “Odoevskoe type” with framed decoration from the Pre-Ananyino period, which probably appeared at the settlement in late 2nd - the turn of the 2nd millennium BC, and hybrid ceramics with signs of the framed “Odoevskoe type” and Lebyazhskaya type were identified. The finds of the Vyatka-Vetluga culture of the Ananyino Cultural and Historical Region are analyzed. The collection is dominated by Ananyino ceramics with a straight or slightly bent neck and slightly convex shoulders. A combed stamp is most frequently used for ornamentation. The ware was made mainly of non-sandy and slightly sandy clays with an admixture of shells, shells and chamotte, or chamotte and organic residues in the molding mass. The author outlines the common features allowing to note the close similarity of the ceramics and bone products from the settlements of the Vyatka and Vetluga rivers basins. The specific features are outlined, which indicate a certain originality of the Ananyino ceramics from Odoevskoe hillfort and its difference from the Vyatka items, which are justified both by the geographical location of the monuments and the cultural specificity based on the degree of interaction with other cultural groups within the Ananyino world. The attributes of the mesh ware having appeared at the site in the Late Ananyino period have been established. The beginning of the Ananyino settling of the hillfort took place in 7th century BC, and the final stage - in the 3rd/2nd centuries BC.

Keywords: archaeology, Vetluga region, Odoevskoe hillfort, Final Bronze Age, Early Iron Age, ceramics with frame decoration of the “Odoevskoe type”, Vyatka-Vetluga culture of the Ananyino Cultural and Historical Region, mesh ceramics.

Одоевское городище находится на коренной террасе правого берега р. Ветлуги на длинном узком мысу, образованном высоким обрывистым берегом р. Ветлуги с северо-востока и оврагом с юго-запада, по дну которого течет ручей Городищенский. В длину городище достигает 55 м, ширина мыса у вала равняется 25 м, высота над уровнем реки 18–20 м. Склоны и овраг заросли густым смешанным лесом, площадка городища поросла частым мелкоколесом. С напольной южной стороны его ограничивает вал, имеющий высоту от уровня рва до 5 м, длину по основанию 17 м и ширину в основании 12 м. На вершине вала имеется ровная площадка, почти круглая в плане, диаметром 7–8 м. За валом прослеживается неглубокий заплывший ров шириной около 3 м и глубиной относительно внешнего поля до 3 м. Площадка городища идет уклоном от вала к оконечности мыса и в сторону оврага. Мощность культурного слоя памятника составляет 60–100 см, местами достигает 250 см (Жуков, Бадер, 1925–1926). Б.С. Жуковым и О.Н. Бадером выделено несколько культурных слоев: первый слой имеет темно-серый, иногда черный окрас, а его мощность варьирует от 25 до 175 см, он отделен от второго слоя прослойкой глины; второй слой – серого цвета, его мощность варьирует от 10 до 90 см; остаточная толщина третьего слоя составляет всего 3–6 см, он также имеет серый окрас (Бадер, 1951а, с. 118–119).

Городище мысового типа открыто в 1883 г. Ф.Д. Нефедовым, в 1903 г. небольшие раскопки здесь произвел Н.М. Бекаревич. Важная заслуга в полевом изучении памятника принадлежит Б.С. Жукову, который в 1925–1926 гг. совместно с О.Н. Бадером заложил раскоп у юго-западного края городища и ряд шурфов по всей его площади (рис. 1). В 1981 г. городище обследовал К.И. Комаров (Комаров, 1999, с. 288), в 1999 г. А.В. Новиков.

В настоящей статье анализируются материалы, полученные при раскопках памятника в 1925–1926 гг. 16–26 июля 1925 г. работы на городище выполнялись под руководством Б.С. Жукова (ассистент О.Н. Бадер) на площади более 40 кв. м. 25–30 июня 1926 г. раскопки на площади 29 кв. м проведены по поручению Б.С. Жукова под руководством О.Н. Бадера (Жуков, Бадер, 1925–1926). Часть материалов исследований ранее публиковалась (Бадер, 1951а; 1951б; Воеводский, 1951, Формозов, 1951). Следует обозначить, что верхние хронологические пределы рассматриваемых в настоящей работе вещевых комплексов

ограничиваются кругом ананьинских древностей, более поздняя керамика (штрихованная и заглаженная с минеральными примесями), обнаруженная в первом слое памятника (по О.Н. Бадеру), не анализируется. О.Н. Бадер датировал комплексы такой керамики первыми веками н. э. (Бадер, 1951б, с. 31) и считал, что керамика верхнего слоя ближе керамике позднедьяковских городищ из более западных районов Поволжья, а также верхних слоев городищ на р. Унге и генетически она не связана с керамикой второго слоя, что, на его взгляд, свидетельствует о смене «культурных форм» на Одоевском городище и в Поветлужье в целом (Бадер, 1951а, с. 153–155). Эти вопросы заслуживают отдельного внимания.

В IX–VIII вв. до н. э. формируется АКЮ (Кузьминых, Чижевский, 2017, с. 24). Современная периодизация АКЮ выглядит следующим образом: раннеананьинский период – IX – первая половина VII вв. до н. э. (делится на два этапа: IX – середина VIII вв. до н. э. и середина VIII – первая половина VII вв. до н. э.), средний этап – вторая половина VII – V вв. до н. э., и поздний этап, который соотносится с концом V – III/II вв. до н. э. (Кузьминых, Чижевский, 2014; Чижевский, 2017). В рамках АКЮ выделено четыре стержневые культуры, которые, однако, не имеют четко очерченных границ (Кузьминых, Чижевский, 2009; 2017, с. 25; Чижевский, Хисяметдинова, 2020). Постмаклашевская культура хронологически совпадает со всем периодом развития ананьинских древностей – IX–III вв. до н. э. (Чижевский и др., 2019, с. 135). Акозинская (Кузьминых, 1983; Чижевский и др., 2019) или акозинско-ахмыловская культура (Кузьминых, Чижевский, 2017), индикаторами которой являются кельты акозинско-меларского типа и текстильная керамика (Кузьминых, 1977, с. 138–139), датируется IX–VI вв. до н. э. (Чижевский 2020, с. 167), её ареал включает Чувашско-Марийское Поволжье и Нижнюю Оку (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 34). Основной территорией культуры классической шнуровой керамики являются районы Нижнего и Среднего Прикамья и бассейна р. Белой. В бассейне рек Вятки и Ветлуги распространена культура гребенчато-шнуровой керамики (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 35). АКГШК получает название и вятско-ветлужской (Чижевский, Хисяметдинова, 2020). Отметим, что гребенчато-шнуровую керамику вятско-ветлужской называл еще В.Н. Марков (Марков, 2007). Обоснование названия вятско-ветлужской культуры сделали

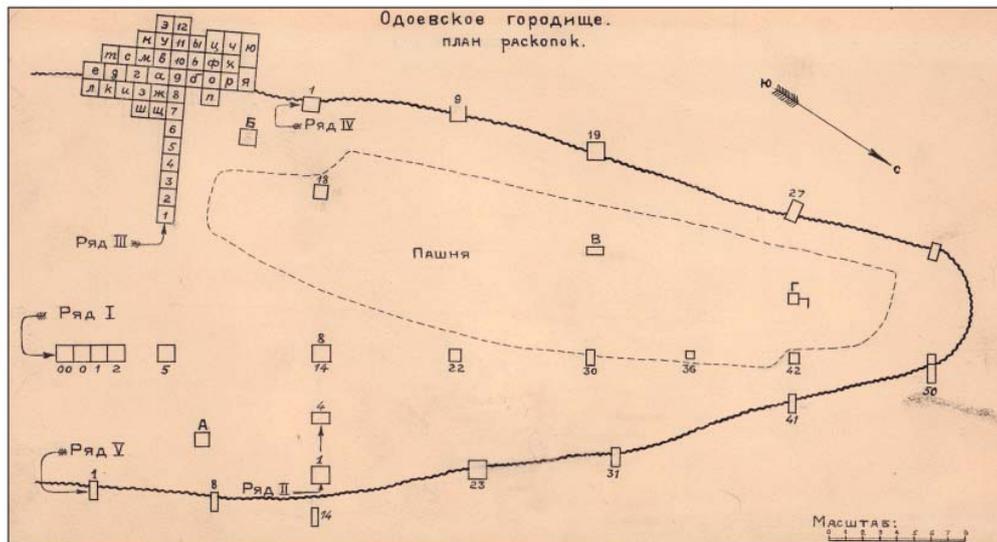


Рис. 1. План Одоевского городища с расположением раскопов и шурфов 1925–1926 гг. (по: Б.С. Жуков, О.Н. Бадер, 1926). Из собрания ГБУК Нижегородской области «Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник»

Fig. 1. Plan of the Odoevsky hillfort with the location of excavations and shafts of 1925–1926 (after B.S. Zhukov, O.N. Bader, 1926). From the collection of the State Budgetary Institution of Culture of Nizhny Novgorod Oblast “Nizhny Novgorod State Historical and Architectural Museum-Reserve”

А.А. Чижевский и Э.И. Оруджов (Чижевский, 2021). Исходя из этой позиции и в рамках этих культурных традиций начнем рассматривать материалы из Одоевского городища.

Памятники бассейна рек Вятки и Ветлуги занимают обособленную территорию и культурную нишу в рамках АКЮ, на что обращают внимание большинство исследователей ананьинских древностей (Бадер, 1951а; 1951б; Збруева, 1952; Смирнов, 1961; Халиков, 1977; Марков, 2007; Чижевский, 2008; Митряков, Черных, 2014; Кузьминых, Чижевский, 2009; 2017; и др.). Наиболее изученными к настоящему времени являются памятники РЖВ бассейна р. Вятки, в отличие от поселений Поветлужья, на которых необходимо в первую очередь проведение новых полевых работ, а также переосмысление уже полученных материалов, вследствие чего в настоящее время отсутствует возможность полноценного сравнения между ними.

На особые черты керамических комплексов из поселений бассейна р. Ветлуги и их отличие от керамики из синхронных памятников Прикамья обратил внимание еще О.Н. Бадер, высказавший мнение об особом варианте ананьинской культуры в Поветлужье (Бадер 1951а, с. 151–152; 1951б, с. 22), с этим мнением согласилась и Н.Н. Гурина (1961, с. 201). А.В. Збруева также выделяла ветлужскую группу ананьинских памятников (пятая локальная группа), посуда которой, по ее мнению, по орнаментации очень близка

вятской (Збруева, 1952, с. 73). Горюнова Е.И. отмечала определенное своеобразие памятников региона Поветлужья, представляющих собой локальный вариант ананьинской культуры (Горюнова, 1961, с. 22–23). А.П. Смирнов видел Ветлугу далекой периферией ананьинской культуры и относил к её ареалу Одоевское, Богородское, Русенихинское и Чортово (Федоровское) городища, отмечая, что их керамика представляет собой особый вариант ананьинской, отличный от классической (Смирнов, 1952, с. 62; 1961, с. 90). В.Е. Стоянов отмечал близость керамики из 2 и 3 слоёв Богородского и Русенихинского городищ с вятскими памятниками и поселениями бассейна р. Камы, но также указывал, что она не полностью идентична и имеет специфические черты (Стоянов, 1959).

А.Х. Халиков говорил о близости раннеананьинской керамики из вятских и ветлужских памятников, усматривая при этом и средневожский след при формировании ананьинской культуры в Поветлужье (Халиков, 1962, с. 13), и обособил территорию Ветлужского бассейна, выделив ветлужский вариант раннеананьинских памятников, датировав его VIII–VI вв. до н. э. (Халиков, 1977, с. 15–16). К этому варианту отнесены Одоевское городище (третий слой), Пановское селище (верхний слой), Богородское (второй слой) и Русенихинское (второй слой) городища (Халиков, 1977, с. 10, 15). А.Х. Халиков выделил особенности керамики ветлужского варианта,

которые, на его взгляд, выражались в преобладании цилиндрических сосудов с плавным переходом к тулову, содержанием в примеси раковины, украшением сосудов шнуровыми оттисками в сочетании с зубчато-гребенчатыми, наличием орнамента и по краю венчика (Халиков, 1977, с. 241–242).

Значимый вклад в теоретическое осмысление материалов из памятников Поветлужья внёс В.Н. Марков. Исследователь говорил о близких взаимосвязанных процессах, протекавших в Поветлужье и Вятском бассейне (Марков, 1988; 2007), указывая при этом, что ветлужское население ананьинского времени, судя по значительному сходству в керамике, было родственным вятскому и имело с ним общие истоки (Марков, 1988, с. 104). Исследователь обобщил сведения о гребенчато-шнуровой керамике вятско-ветлужской группы и обозначил ее отличия от нижнекамской ананьинской посуды (Марков, 2007).

Важные обобщения о характере, развитии, хронологии вятско-ветлужской культуры АКЦИО сделаны С.В. Кузьминых и А.А. Чижевским, которые убедительно доказывают, что носители ананьинской культуры гребенчато-шнуровой керамики в бассейне рек Вятки и Ветлуги занимают обособленную территорию со своеобразной материальной культурой в рамках ананьинского мира (Чижевский, 2008; Кузьминых, Чижевский 2009; 2017).

В последнее время вопросы развития поселений АКГШК АКЦИО в бассейне р. Вятки рассматривает Э.И. Оруджов (2017а; 2017б; 2018; Оруджов, Глушков, 2019), который вслед за В.Н. Марковым, С.В. Кузьминых, А.А. Чижевским и другими исследователями АКЦИО пришел к выводу о близости населения, оставившего памятники в бассейнах р. Вятки и Ветлуги. Данный вопрос рассмотрим ниже.

Сейчас в бассейне р. Ветлуги известно всего 14 поселенческих памятников с типологически выделяемыми материалами РЖВ (рис. 2). Информация о некоторых из них содержится в археологической карте Нижегородской (Николаенко, 2013) и Костромской областей (Комаров, 1999). Материалы Пановской стоянки, где найдена сетчатая керамика, требуют изучения. Количество памятников подсчитано без учета поселений, зафиксированных в приустьевой части р. Ветлуги, имеющих свою обособленную культурную специфику и отличающихся от поселений основного течения р. Ветлуги в первую очередь широким кругом находок, связанных

с аозинскими древностями. Поселения этого микрорегиона представлены на карте памятников начала РЖВ Марийского края (Патрушев, 2017б, рис. 1).

Т.Д. Николаенко на основании материалов археологической карты разделила памятники ананьинской культуры Нижегородского Поволжья по территориальному принципу, выделив две группы – Ветлужскую и Волго-Сурскую. К ветлужской группе отнесены пять памятников (Николаенко, 2016). Отметим, что в бассейне р. Ветлуги известно еще два памятника, соотносимых с РЖВ, – Подушкино 4 и городище Андреево 1 (по А.А. Пудееву), материал из которых не опубликован, хронология памятников не выяснена.

Таким образом, к настоящему времени в Поветлужье можно выделить только семь памятников с достоверно подтвержденными комплексами ананьинских древностей (Одоевское, Русенихинское, Богородское, Федоровское (Чортово), Шилихинское городища, Троицкое и 2 Богородское поселение). Заметим, что все эти памятники исследованы раскопами, для других поселений необходимы проведение полевых работ (раскопок) и пересмотр уже найденного при разведках материала, хоть и немногочисленного. Как правило, при разведочных работах обнаружена лепная заглаженная керамика и фрагменты посуды с сетчатой поверхностью. Характер многих поселений не определен.

Историю изучения памятников РЖВ бассейна р. Ветлуги можно разделить на четыре больших этапа, в основном она связана с исследованиями городищ, которые известны уже более ста лет, меньше внимания уделялось неукрепленным поселениям. Еще один важный аспект заключается в том, что материалы из раскопок до сих пор опубликованы весьма фрагментарно, что значительно затрудняет их корректную интерпретацию и сравнение.

История полевых исследований в регионе начинается со второй половины XIX века. Так, в 1866–1867 гг. А.П. и Н.П. Поливановы обследовали Богородское городище, а в 1894–1896 гг. XIX в. А.П. Поливановым на памятнике проведены раскопки, также обследованы Безводное поселение и Троицкое городище. В 1883 г. Ф.Д. Нефедов открыл Одоевское городище и провёл на нем раскопки, определив, что культурный слой состоит из трех горизонтов. К сожалению, добытая коллекция, по сведениям О.Н. Бадера, пропала (Бадер, 1951а, с. 110). В 1903

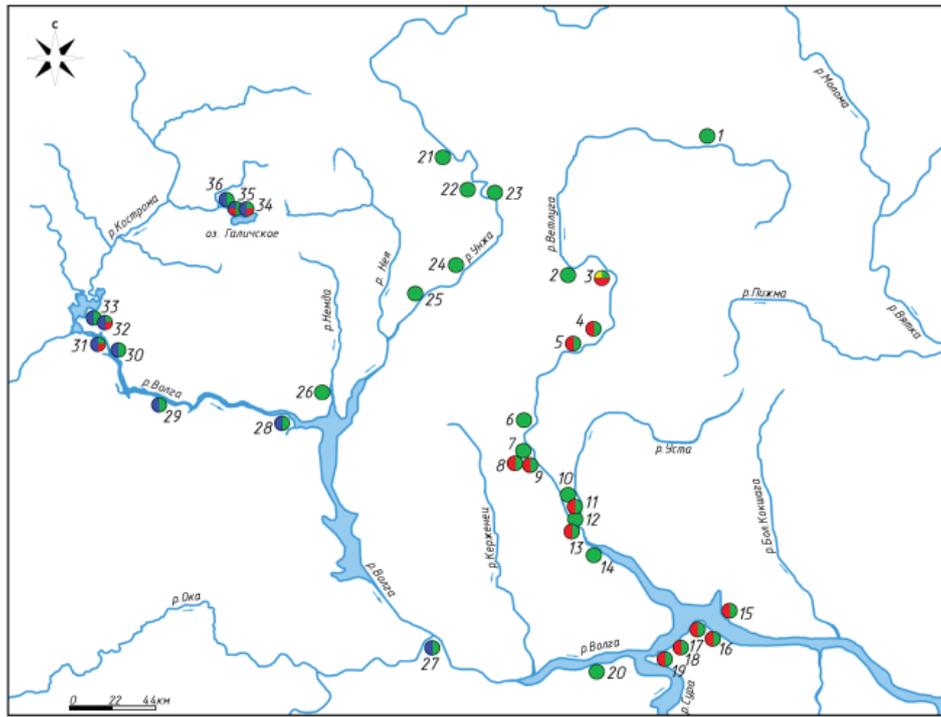


Рис. 2. Поселенческие памятники раннего железного века Поветлужья и ряда прилегающих районов
Поселения бассейна р. Ветлуги: 1 – поселение Красноборы IV; 2 – Пановская стоянка (поселение Аксеново); 3 – Одоевское городище; 4 – Федоровское (Чортово) городище; 5 – Шилихинское городище; 6 – городище Селиваниха; 7 – поселение Подушкино II; 8 – II Богородское поселение; 9 – Богородское городище; 10 – Безводное поселение; 11 – Троицкое поселение; 12 – Троицкое городище; 13 – Русенихинское городище; 14 – Нагорное поселение; *Основные поселения в приустьевой части р. Ветлуги и бассейна р. Волги:* 15 – Ардинское городище; 16 – Малахайское поселение; 17 – Сиухинское городище; 18 – Копаньское городище; 19 – Васильсурское II городище; 20 – Сомовское II городище; *Поселения бассейна рек Унжи и Немды:* 21 – поселение Аверьяновка; 22 – Рапоновское городище; 23 – Поповское (Ухтубужское) городище; 24 – поселение Леонтьево; 25 – поселение Унжа II; 26 – поселение Хохлянки; *Некоторые поселения с сетчатой керамикой и керамикой гибридных типов:* 27 – поселение за Ромодановским вокзалом; 28 – Серюпитинское городище; 29 – Пеньковское городище; 30 – Минское городище; 31 – городище в Костроме; 32 – поселение Вагажка; 33 – поселение Шунга; 34 – поселение Быки (Пуп); 35 – городище Брюхово; 36 – городище Унорож.

● – с комплексами АКЮ; ● – с сетчатой керамикой и керамикой других типов (заглаженная, штрихованная), в т.ч. неопределенных; ● – с керамикой гибридных типов; ● – с рамчатой керамикой «типа одоевского»

Fig. 2. Settlement sites of the Early Iron Age in the Veluga Region and a number of surrounding areas
Settlements on the Veluga river: 1 – Krasnobory IV settlement; 2 – Panovskaya site (Aksenovo settlement); 3 – Odoevskoe hillfort; 4 – Fedorovskoe (Chortovo) hillfort; 5 – Shilikhinskoe hillfort; 6 – Selivanikha hillfort; 7 – Podushkino II settlement; 8 – Bogorodskoe II settlement; 9 – Bogorodskoe hillfort; 10 – Bezzvodnoe settlement; 11 – Troitskoe settlement; 12 – Troitskoe hillfort; 13 – Rusenikha hillfort; 14 – Nagornoe settlement
The main settlements in the estuarine part of the Veluga river and the Volga river basin: 15 – Arda hillfort; 16 – Malakhai settlement; 17 – Siukhino hillfort; 18 – Kopan’hillfort; 19 – Vasilsursk II hillfort; 20 – Somovka II hillfort
Settlements in the basin of the Unzha and Nemda rivers: 21 – Averiyanovka settlement; 22 – Raponovo hillfort; 23 – Popovo (Ukhtubuzh) hillfort; 24 – Leontievo settlement; 25 – Unzha II settlement; 26 – Khokhlyanki settlement;

Some settlements with mesh and hybrid types of ceramics: 27 – settlement behind the Romodanovsky railway station; 28 – Seriyupitino hillfort; 29 – Penkovo hillfort; 30 – Minskoe hillfort; 31 – hillfort in Kostroma; 32 – Vatazhka settlement; 33 – Shunga settlement; 34 – Byki (Pup) settlement; 35 – Briukhovo hillfort; 36 – Unorozh hillfort.

● – with complexes of the Ananyino Cultural and Historical Region; ● – with reticulate and other types of ceramics (smoothed, shaded), including undefined types; ● – with hybrid types of ceramics; ● – with framed ceramics of “Odoevo type”

г. небольшие раскопки на Одоевском городище произвел Бекаревич Н.М., материалы с раскопок им не датированы. Кроме того, Н.М. Бекаревич открыл Федоровское (Чортово) городище, раскапывавшееся в 1908 г. В.И. Каменским, и провел раскопки на Богородском и Федоровском городищах (Бадер, 1951а, с. 110–116; Новиков, 2018, с. 15–16).

На IV Областном Историко-Археологическом съезде в 1909 г. А.Н. Рождественский обобщил итоги деятельности Костромской архивной комиссии по раскопкам в губернии. В сводных данных он упоминает городище в с. Никола-Одоевское в Ветлужском уезде, а также сообщает еще об одном городище в Варнавинском уезде – Богородском.

На этих памятниках членами комиссии проводились раскопки (Рождественский, 1909, с. 13).

Следующий важнейший этап в изучении памятников РЖВ Поветлужья – 20-е гг. XX века. В 1925–1926 гг. Научно-исследовательским институтом антропологии Московского университета была организована комплексная экспедиция в район рек Ветлуги и Унжи под руководством Б.С. Жукова, первый отряд которой возглавил О.Н. Бадер (Жуков, Бадер, 1925–1926; Бадер, 1951б, с. 15). Экспедицией выполнены антропологические, археологические, этнографические и лингвистические исследования, археологически изучены семь ветлужских и четыре унженских городища. Б.С. Жуков совместно с О.Н. Бадером провёл раскопки на Богородское городище, открыл Русенихинское, а совместно с Е.И. Горюновой исследовал Федоровское. Ценные материалы были получены в результате археологических раскопок Одоевского городища. О.Н. Бадер интерпретировал полученные материалы, определил хронологическую позицию и культурную принадлежность памятника (Бадер, 1951а, с. 114–134).

Очередной активный период изучения памятников АКИО в Поветлужье приходится на 50-е гг. XX века и связан с именами А.Х. Халикова, Е.А. Безуховой, которые провели раскопки на Федоровском и обследовали Шилихинское городища, и В.Е. Стоянова, исследовавшего в 1958 г. Богородское, Русенихинское и Шилихинское городища. В.Е. Стоянов по результатам раскопок Русенихинского и Богородского городищ систематизировал керамические материалы ананьинского времени этого региона (Стоянов, 1959; Халиков, Безухова, 1960; Халиков, 1977, с. 241), датировав 2 и 3 слои Богородского городища VII–IV вв. до н. э. (Стоянов, 1959, с. 189–190).

Следующий этап в изучении древностей РЖВ Поветлужья начинается с 70-х гг. XX в. и продолжается вплоть до наших дней. Характеризуется он в основном обследованиями территорий, включая и получение новых данных о памятниках РЖВ. Во время разведок осмотрены известные памятники РЖВ, определено их техническое состояние. Открыты и новые памятники – городище Селиваниха 1 (Четвертаков Е.В.), Нагорное (Данилов О.В.), Троицкое (Никитина Т.Б.), Подушкино 2 и Богородское поселения (Пудеев А.А.). Раскопки в 2009 г. проводятся на Федоровском (Чортовом) городище Д.Ю. Ефремовой (Николаенко, 2013; 2016).

По результатам разведочных работ на памятниках обнаружены фрагменты сетчатой посуды и керамика других, часто неопределённых, типов. В частности, на поселении Красноборы IV собрана гладкостенная и штрихованная керамика, на Нагорном поселении и городище Селиваниха 1 – сетчатая керамика (возможно, акозинская), на поселении Подушкино 2 – керамика с примесями дресвы и шамота, на Богородском поселении – фрагменты глиняной посуды с минеральными примесями, орнаментированной гребенчатым штампом и клиновидными тычками, на Безводном не определена. В этот период происходят отдельные обследования памятников, что решает в основном локальные задачи, безусловно, очень важные, связанные с накоплением материала, но не решает генеральной, выраженной в систематизации и обобщении данных, от решения которой будет зависеть определение культурного статуса территорий и характера взаимодействия отдельных групп, носителей разных ананьинских традиций, в Поветлужье. Существует ареал культуры с периферией, на которой выделяются группы населения с традициями других культурных образований. На западных рубежах ананьинского мира таким регионом со смешанными культурными традициями выступает Поветлужье – регион, который располагается на стыке развития культур не только ананьинского круга, но и носителей сетчатых керамических традиций. В небольшом количестве распространяется на поселениях и керамика городецкого облика с рогожными отпечатками. Обзор культурного пространства показывает, что ядром АКИО в Поветлужье являлись Одоевское, Богородское, Русенихинское, Федоровское (Чортово) и Шилихинское городища.

Таким образом, материалы раннего железного века Поветлужья в настоящее время нуждаются в новой оценке, требуют изучения, полностью не разграничены, в связи с чем работа с имеющимися коллекциями по-прежнему актуальна. Многие материалы из исследованных к настоящему времени памятников РЖВ не введены в научный оборот, необходимо пересматривать, анализировать и корректировать схемы классификации керамики, предложенные более полувека назад, в связи с появлением новых данных и современным культурным подходом, применяемым в изучении ананьинских древностей.

Одной из отправных точек при рассмотрении материалов АКИО в регионе Поветлужья

является наличие на памятниках собственно лебяжской посуды – важного звена в формировании типов ананьинской керамики вятско-ветлужской культуры (гребенчато-шнуровой керамики). Обращаясь к керамическим комплексам АКЮ Поветлужья, можно отметить, что здесь выделяется посуда с лебяжскими признаками, выраженными в первую очередь в орнаментации посуды гребенчатыми оттисками (горизонтальные линии, зигзаги, наклонные отрезки), глазчатыми ямками (в т. ч. в сочетании с горизонтальной линией из оттисков гребенчатого штампа), украшении края косо поставленными оттисками гребенчатого штампа и формировании верхней части горшка с отогнутым низким краем. Именно такой край характерен для вятской керамики. Гребенчатые оттиски на керамике АКЮ встречаются с достаточно широкой амплитудой шага, относительно большой ячейкой, как и на поселениях озыгского этапа лебяжской культуры (Буров, 1983, рис. 3: 11; Марков, 2007, рис. 28: 6, 29: 4, 5). Оттиски такого гребенчатого штампа известны и на посуде из Одоевского городища. Точное время появления лебяжских древностей на Ветлуге не определено. В.Н. Марков проникновение групп – носителей лебяжских традиций на Ветлугу относил к самому началу раннего железного века (Марков, 2007, с. 57). Сейчас лебяжская керамика известна только на Богородском городище (Стоянов, 1959, табл. LVI:10, LVII:14; Марков, 2007, рис. 29: 1–2) и на памятниках в приустьевой части Ветлуги – Ардинском городище и Малахайском селище (Марков, 2007, рис. 29: 3–4; Михеев, 2017, рис. 3: 7). Встречается лебяжская керамика и на памятниках Нижнего Прикамья, таких как Черепашье и Сухой Берсут (Марков, 2007). Основным элементом в орнаментации керамики лебяжского облика выступает зубчатый штамп, образующий сложные мотивы: двух-трех рядные горизонтальные линии, ряды наклонных и вертикальных отрезков, такая известна, в частности, в нижнем слое Сорочьего городского городища (Чижевский, Хисяметдинова, 2020, с. 195). А.А. Чижевский соглашается с мнением В.Н. Маркова, что такие детали орнамента характерны для озыгского этапа лебяжской культуры (Марков, 2007, Чижевский, Хисяметдинова, 2020). В.Н. Марков основное отличие лебяжской и собственно гребенчато-шнуровой керамики АКЮ видел только в наличии шнуровых оттисков на последней, орнамен-

тальные композиции при этом одинаковые (Марков, 2007, с. 56).

Отдельные вопросы возникают при рассмотрении посуды позднеананьинского периода из западных областей АКЮ, включая бассейны рек Вятки и Ветлуги. Исключением является и керамика аозинской культуры АКЮ, имеющая свои отличительные признаки, выраженные в текстильной обработке внешней поверхности, наличии минеральных примесей в формовочной массе, ямочном орнаменте (Чижевский и др., 2019, с. 134), специфические черты обнаруживаются и в морфологии горшков. Впервые на особенности аозинской культуры обратил внимание С.В. Кузьминых, который ее и выделил (Кузьминых, 1977, с. 138–139; 1983). Аозинская культура является частью огромного культурного мира текстильной керамики (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 34).

Не исключено, что наличие в Поветлужье горшков с высокой слабоогнутой шейкой, не характерных для вятских памятников, свидетельствует о возможном влиянии носителей аозинских керамических традиций. Весьма характерным элементом для посуды и ПМК АКЮ является высокая прямая или слегка изгибающаяся шейка (Марков, 2007), а учитывая, что на рубеже VI–V вв. до н. э. происходит активизация продвижения в т. ч. и постмаклашеевских групп на северо-запад Восточной Европы (Кузьминых, Чижевский, 2017, с. 26), вероятно, что в культурном взаимодействии на берегах р. Ветлуги принимают участие носители и этих ананьинских традиций, об этом свидетельствуют и некоторые особенности орнаментации посуды ветлужских памятников АКЮ. В частности, В.Е. Стоянов отмечал наличие в раннем слое Богородского городища керамики, орнаментированной только ямками (Стоянов, 1959, с. 184), редко, но встречается подобная керамика и на Одоевском городище, в т. ч. с ямками и разреженными линиями из оттисков шнура. Часть ананьинских сосудов из Одоевского городища – с добавками в формовочную массу шамота. Минеральные примеси, в частности шамот, характерны для аозинской керамики из Ардинского городища. Такая посуда выделена здесь во вторую группу керамики, 95% стенок которой покрыты текстильными отпечатками (Михеев, 2017, с. 35), что также может свидетельствовать о близких взаимоотношениях внутри ананьинского мира. Добавляется шамот и в сетчатую керамику из Одоевского городища.

На поселениях Поветлужья известна сетчатая керамика с поверхностью, декорированной двумя типами отпечатков – нитчатыми и рябчатыми, при этом сетчатая керамика распространяется далеко вверх по течению р. Ветлуги и находится на памятниках в одних перемешанных слоях с керамикой вятско-ветлужской культуры АКИО, например, на Одоевском и Богородском городищах.

Внешняя поверхность сетчатой керамики аозинской культуры АКИО декорировалась нитчатыми или рябчатыми отпечатками (Казанская стоянка, Маклашеевское II, Казанка I, Ардинское и Сиухинское городища) (Чижевский, Кузьминых, 2009, рис. 10; Ефремова, Соловьев, 2014, рис. 13; Патрушев, 2017а, рис. 3–6; Новиков, 2018, рис. 127–128; Чижевский и др., 2019, рис. 12; Чижевский, Хисьяметдинова, 2020, рис. 166), что наряду с другими признаками определяет особенности аозинской керамики. Отличительно, что на Сомовском II городище посуда баночно-чашевидных форм в основном покрыта рябчатыми отпечатками (Никитин, Соловьев, 2001, с. 13). Сетчатая же керамика собственно с рябчатыми отпечатками является индикатором поселений РЖВ Посухонья и Верхней Волги (Новиков, 2019; 2020), и истоки керамики с рябчатыми отпечатками следует искать и в этом направлении, однако полные сравнения аозинской керамики (по степени превалирования тех или иных отпечатков на сосудах) сейчас затруднительны в связи с небольшим объёмом опубликованных материалов.

Появление носителей традиций изготовления сетчатой керамики на поселениях бассейна р. Ветлуги происходит в разное время. А.Х. Халиков считал, что сетчатая керамика на Ветлуге появляется в результате проникновения Волго-Окского населения (Халиков, 1962, с. 12), и предполагал более раннее существование поселений с сетчатой керамикой в Поветлужье, предшествующих ананьинскому расселению (Халиков, 1962, с. 14). В.Е. Стоянов нашел сетчатую керамику, орнаментированную глубокими ямками, образующими выпуклины с обратной стороны, в первом догородищенском слое на Богородском городище (Стоянов, 1959, с. 162, 181), что также предполагает ее более раннее происхождение и характеризует процесс развития аозинских древностей или средневожской культуры текстильной керамики эпохи поздней бронзы на Ветлуге. К памятникам с ранней сетчатой керамикой может быть отнесена Пановская стоянка (Аксеново поселение), на которой

сетчатая керамика с прямыми шейками, выраженными плечиками и ямочным орнаментом, обнаружена вместе поздняковской посудой (Бадер, 1951б, с. 19). В то же время стратиграфическое положение находок остается неясным, и сетчатая керамика могла относиться к аозинской культуре АКИО. В.С. Патрушев, картографируя памятники с «псевдосетчатой» керамикой эпохи бронзы и начала РЖВ в бассейне Ветлуги, отмечает только Богородское городище, а в приустьевой части – Ахмыловское поселение и Ардинское городище (Патрушев, 1989, рис. 6). По образцам нагара на «текстильной» керамике из Ахмыловского поселения и Ардинского городища получены даты (АМС) 2880 ± 45 и 2705 ± 40 соответственно (Лавенто, 2011, табл. 2). Анализируя сетчатую керамику из Ардинского городища, В.С. Патрушев приходит к выводу о наличии общих черт такой посуды с керамикой из поселений Средней Оки (Тюков Городок, Фефелов Бор I), отмечает и значительную близость сетчатой керамики Марийского Поволжья с комплексами такой посуды из поселений Костромского Поволжья (Патрушев, 2017а, с. 67). Выделяя особенности сетчатой керамики из поселений Средней Оки конца II – начала I тыс. до н. э., Л.Д. Сулержицкий и Б.А. Фоломеев указывают на орнамент, выполненный ямчатыми вдавлениями различных форм. Ямки располагались рядами. Оттиски гребенчатого штампа применяются крайне редко (Сулержицкий, Фоломеев, 1993, с. 28). Определенно близкая по стилю орнаментации керамика характерна и для многослойных поселений финала бронзы – начала РЖВ Костромского Поволжья (Новиков, 2020, с. 336–337, 344; 2015, с. 78). Ямки, расположенные по шейке рядами, типичны и для аозинской посуды (Чижевский и др., 2019, с. 134).

Следует обозначить одно кардинальное отличие сетчатой керамики финала бронзы – начального периода РЖВ из поселений Средней Оки и Верхней Волги: на окских памятниках в XI–VII/VI вв. до н. э. мелкие рябчатые отпечатки исчезают и преобладают нитчатые (Сулержицкий, Фоломеев, 1993, с. 28; Фоломеев, 2017, с. 329–330), в отличие от поселений Костромского Поволжья, на которых продолжают преобладать мелкоячеистые, хаотично расположенные рябчатые отпечатки на внешней поверхности керамики (Новиков, 2020, с. 345–346). Аозинская посуда (IX–VI вв. до н. э.) покрывается как рябчатыми, так и нитчатыми отпечатками.

На памятниках с сетчатой керамикой Среднего Поволжья, начиная еще с эпохи поздней бронзы, встречаются и рябчатые, и нитчатые отпечатки. На особенности декорирования сосудов эпохи поздней бронзы из этого региона обратил внимание В.С. Патрушев. Он установил, что доля рябчатых отпечатков выше на керамике из Татарии и Нижегородского Поволжья (Патрушев, 1989, с. 33), такой же характеристикой обладает и керамика ранних памятников из бассейна рек Оки (Фоломеев, 2017, с. 329) и Верхней Волги. На сетчатой керамике из Марийского Поволжья незначительно, но преобладают нитчатые отпечатки (Патрушев, 1989, с. 33).

Сетчатая керамика, найденная на Одоевском городище, принципиально отличается от сетчатой посуды аказинской культуры АКЮ. Керамика неорнаментированная, слабопрофилированная, в отличие от аказинской сетчатой керамики, для которой характерны ямки, образующие пояс под венчиком или на шейке, спускающиеся и ниже, и более выраженный переход шейки в выпуклые плечики. Только декорирование внешней поверхности как рябчатыми, так и нитчатыми отпечатками показывает определенную близость. Распространение сетчатой керамики на памятнике следует отнести ближе к середине I тыс. до н. э., третьей четверти I тыс. до н. э., учитывая и контекст нахождения единичных фрагментов сетчатой керамики в верхнем слое городища (Бадер, 1951а, с. 154), хотя имеется она и во втором слое (Жуков, Бадер, 1925–1926). Такая керамика близка посуде из поселений РЖВ Верхневолжского региона. Данные вопросы рассмотрим ниже. Зафиксирован в коллекции и один фрагмент с рогожными отпечатками.

Таким образом, в Поволжье поселения с сетчатой керамикой известны, их взаимосвязь с памятниками вятско-ветлужской культуры АКЮ, бесспорно, необходимо исследовать. Стоит обратить внимание на поселения бассейна р. Вятки, для которых керамика с сетчатой поверхностью не характерна, что позволяет говорить о большей обособленности и культурном единстве ананьинских коллективов, расселившихся по берегам р. Вятки, в отличие от ветлужских. Конечно, без внимания нельзя оставлять и географический аспект, однако взаимодействие с носителями сетчатых керамических традиций происходит по несколько иному сценарию, выраженному в проникновении носителей традиций вятско-ветлужской культуры АКЮ на запад, в Посухонье и Верхнюю Волгу, в собственно

традиционные районы поселений с сетчатой керамикой и довольно плотной интеграцией в сетчатый мир начиная с VI в. до н. э., что приводит к появлению нового культурного пространства со специфичной керамикой гибридного типа со смешанными сетчатыми и ананьинскими признаками.

В Костромском Поволжье для поселений со смешанными культурными традициями характерна керамика со шнуровыми оттисками, часто наложенными в несколько рядов, которые группируются в пояски, состоящие из двойных, тройных или четверных линий оттисков шнура и разделенные свободным пространством, вдавлениями или оттисками гребенчатого штампа. Часто встречаются и косички, выполненные из противоположно наклонных оттисков шнура, пояски из ямок, расположенных по шейке (встречаются и ямки, прорезающие ряды шнуровых оттисков), элементы орнамента, выполненные оттисками гребенчатого штампа (наклонные, прямые отрезки, зигзаги, горизонтальные линии), которые располагаются между линиями шнуровых оттисков или заканчивают композицию. Имеется и посуда с воротничком по краю и заглаженной поверхностью (поселение Ватажка). Зачастую поверхность гибридной керамики обработана сетчатыми отпечатками, как правило, рябчатой фактуры (Новиков, 2018). При ознакомлении с основными сюжетами орнаментации керамики Костромского Поволжья можно наблюдать явно уловимый след орнаментальной традиции именно вятско-ветлужской культуры (гребенчато-шнуровой керамики) АКЮ. Конечно, специфика керамики будет отражать и сетчатые орнаментальные традиции (Новиков, 2018, с. 67). В VI–V вв. до н. э. ориентированность населения вятско-ветлужской культуры АКЮ на запад и северо-запад будет определяющей, и носители этих ананьинских традиций окажут непосредственное влияние на население с сетчатой керамикой.

Сложный характер формирования и развития ВК АКЮ на пограничных западных территориях, в частности в Поволжье, основанный на межкультурном взаимодействии, приводит к появлению и в этом регионе керамики гибридных типов. Совмещение разных традиций в рамках культур ананьинского мира на памятниках именно в приустьевой части р. Ветлуги достигает особой красочности. На Ардинском городище в небольшом количестве появляется гибридная керамика (Архипов, Патрушев, 1982, с. 55), гибридные

сосуды известны на Васильсурском II городище и Токаревском поселении (Халиков, 1962, с. 104, 148–151). А.Х. Халиков предполагал, что такая посуда на Васильсурском II городище могла появиться уже в раннеананьинское время, в пользу этого свидетельствует и стратиграфический контекст ее обнаружения (Халиков, 1962, с. 151). Очевидно, что эти процессы характеризуют формирование и развитие аозинских древностей. На Ардинском городище в 2013 г. А.В. Михеевым собрана представительная коллекция аозинской сетчатой керамики, единична керамика городецкого облика с рогожным отпечатком, встречается и гибридная посуда с текстильными отпечатками и примесью раковины (Михеев, 2017, с. 37; Новиков, 2018, рис. 127–128). В.С. Патрушев также указывает на большой процент текстильной керамики, собранной при раскопках городища ранее, её количество достигает практически половины от всей посуды РЖВ (Патрушев, 2017а, с. 64). Не встречается гибридная посуда на поселениях, расположенных выше по течению р. Ветлуги. По всей видимости, ответ на вопрос о распространении такой керамики на памятниках Поветлужья может быть получен только после полного освещения материалов хотя бы с уже известных памятников и их анализа.

Определяя основные особенности керамики АКЮ, исследователи в целом сходятся во мнении относительно морфологических признаков поселенческой посуды – это округлодонные горшки с вертикальными и отогнутыми шейками (низкими или высокими) и посуда закрытых чашевидных форм. Индикаторами посуды являются также примесь раковины, заглаженная поверхность, шнуровой и гребенчато-шнуровой орнамент. Для вятской керамики характерны низкие прямые или отогнутые венчики, воротнички и гребенчато-шнуровая орнаментация с преобладанием гребенчатой техники (Марков, 2007; Митряков, Черных, 2014), на Ветлуге преобладают цилиндрошейные сосуды с плавным переходом к тулову и горшковидные с плавно отогнутым горлом с раковинной примесью (Халиков, 1977, с. 241).

Прежде чем перейти к характеристике посуды из Одоевского городища, отметим, что все имеющиеся сравнительные типологии ананьинской керамики, построенные на особенностях верхней части сосудов, выглядят вполне логичными и обоснованными. Основные типологические схемы керамики АКЮ разработаны по морфологическим

признакам А.В. Збруевой, А.Х. Халиковым, В.Н. Марковым, В.С. Патрушевым, А.Г. Архиповым, Е.М. Черных, В.В. Ванчиковым, В.А. Шаталовым, Л.И. Ашихминой, А.Е. Митряковым (Збруева, 1952, с. 257; Халиков, 1962, с. 143; 1977, с. 228–229; Марков, 2007, с. 17–26; Марков, 1988, с. 93; Патрушев 2017б, с. 113–115; Архипов, 1962, с. 201; Ашихмина, 2014, с. 22–23; Черных, Ванчиков, Шаталов, 2002, с. 29; Митряков, Черных, 2014, с. 175, 178).

В.Н. Марков для нижнекамской посуды выделяет четыре типа: 1. сосуды с сужающимся горлом; 2. сосуды с вертикальными или слабоотогнутыми горловинами; 3. среднеотогнутые и сильноотогнутые горловины; 4. без выраженной горловины, непрофилированные сосуды. Разновидности горловин: А – с низкими; Б – со средневысокими; В – высокими (Марков, 2007, с. 17–26).

А.А. Чижевский, рассматривая мысовые городища Волго-Камья и определяя особенности керамической посуды АКЮ, в частности с таких памятников, как Сорочьегорское, Гремячий Ключ, Черепашье, Сухой Берсут, обращается к схеме В.Н. Маркова (Чижевский, Хисяметдинова, 2020, с. 183, 194, 217, 222), при этом отмечает и характерные особенности вятско-ветлужской керамики: сочетание в комплексах сосудов с гребенчато-шнуровой и гребенчатой орнаментацией, наличие многорядного шнура без разделителей, частое дополнение ямками (Чижевский, Хисяметдинова, 2020, с. 228). В дальнейшем А.А. Чижевский и Э.И. Оруджов выделяют специфические признаки вятско-ветлужской культуры АКЮ: керамика чашевидной и горшковидной формы, украшенная гребенчато-шнуровым, гребенчатым, шнуровым и ямочным орнаментом; кельты типа КАН-90; широкое распространение в быту резных костяных изделий; использование в погребальном обряде одиночных погребений и «домов мертвых»; массовое применение кенотафов; бедность погребального инвентаря по сравнению с остальными культурами АКЮ (Чижевский, Оруджов, 2021).

Несколько слов скажем и о двух ключевых типологических региональных схемах керамики, построенных М.В. Воеводским и В.Е. Стояновым (Воеводский, 1951, Стоянов, 1959) на основании анализа посуды из городищ Поветлужья (Одоевское, Богородское, Русенихинское, Чортово) и, соответственно, представляющих наибольший интерес при сопоставлении материалов Одоевского

городища. В.Е. Стоянов проанализировал керамику из Богородского и Русенихинского городищ. На Богородском городище по форме верхних частей он выделил четыре типа сосудов, внутри каждого – подтипы А, Б, проследил развитие орнаментальных традиций (Стоянов, 1959, с. 179, 184–187). Многие мотивы орнамента посуды из Богородского и Русенихинского городищ присущи и керамике Одоевского городища.

В коллекции Богородского и Русенихинского городищ преобладают цилиндрические сосуды, но имеются и горшковидные с плавно отогнутым горлом. Редка посуда чашевидных форм. 95% всей керамики изготовлено с примесью раковины в формовочной массе. Орнаментальные композиции сочетают элементы из шнуровых оттисков (в большинстве) и отпечатков гребенчатого штампа. Ямки часто нанесены поверх клиновидных вдавлений. Характерно наличие орнамента и по краю венчика. Выделена предананьинская керамика (Стоянов, 1959; Халиков, 1962; 1977). В одних слоях вместе с классической гребенчато-шнуровой ананьинской керамикой на Богородском городище обнаружена и лебязская посуда. На одном фрагменте ананьинского горшка имеются оттиски гребенчатого штампа с замыкающимися в овал концами (Стоянов, 1959, табл. LVII: 11), что напоминает овально-вытянутый рамчатый штамп на керамике из Одоевского городища. Близкими гребенчатыми отпечатками поставлены крестики на одном ананьинском сосуде из Одоевского городища (рис. 12: 28).

В заключение обзора обратимся к типологическим разработкам М.В. Воеводского, но прежде отметим, что в них объединены сосуды разных культурно-хронологических типов. М.В. Воеводский, изучив и проанализировав керамику, найденную при раскопках городищ Поветлужья в 1925–1926 гг. (Одоевское, Богородское, Чортово, Русенихинское), составил классификацию ананьинской керамики Поветлужья, выделив три группы, отражающие, на его взгляд, последовательное развитие культуры «костеносных» городищ, при этом в основе лежит хронологическая шкала Одоевского городища со стратифицированным культурным слоем (Воеводский, 1951, с. 159–169). Сосуды первой группы в архаичных ее вариантах, по мнению Воеводского М.В., находят аналогии в ранних памятниках ананьинской культуры. Вторая группа близка керамике позднеананьинских и пьяноборских древностей. Керамика более поздних

групп имеет новые, явно местные, черты, все более отличается от Прикамья (Воеводский, 1951, с. 169–170). Исследователь считал, что начиная с IV–III вв. до н. э. на поселениях Ветлуги происходят значительные изменения в керамике. Во-первых, появляются минеральные примеси в тесте, во-вторых, отмечается уменьшение орнаментированных зон. Шнуровой орнамент представлен слабо, на орнаментальном фоне остаются чистые поля (Воеводский, 1951, с. 160–169). Появляется сетчатая керамика.

Подводя итог своим наблюдениям, М.В. Воеводский выделяет три основных момента в развитии керамики: 1. смена круглодонных сосудов на плоскодонные; 2. раковинная примесь заменяется дресвой и шамотом; 3. происходит упрощение и уменьшение орнамента со 100% до 10–15% (Воеводский, 1951, с. 168–169).

На кардинальные отличия керамики из нижнего и верхнего слоёв, выраженные в практически полном отсутствии орнамента, примеси дресвы в тесте, плоскодонности у керамики из верхнего горизонта, указывал и О.Н. Бадер (1951б, с. 30).

Стоит заметить, что, когда О.Н. Бадер и М.В. Воеводский говорили об изменениях в орнаментации керамики, а точнее об упрощении сюжетов, они имели в виду всю керамику, найденную на памятнике, не разделяя её на культурно-хронологические типы. В таком случае схема обеднения орнамента легко просматривается. Однако необходимо исключить из этой схемы комплекс керамики с т. н. рамчатым декором. Керамика этого типа, как правило, со сложными орнаментами. Нужно обратить внимание и на керамику с простым орнаментом, составленным из разреженных рядов шнуровых оттисков и поясков из ямок (вдавления в т. ч. подтреугольные, клиновидные и др.), расположенных по шейке и плечикам, которая встречается в постмаклашевских комплексах. Также следует отметить, что неорнаментированная керамика чашевидных форм с примесями раковины присутствует в комплексах посуды раннеананьинских памятников, имеется и небольшой процент посуды, орнаментированной только ямками. Керамика, украшенная ямками, на Богородском городище характерна именно для нижних слоёв (Стоянов, 1959). В свою очередь, неорнаментированная штрихованная и заглаженная керамика с примесями шамота относится к следующему культурно-хронологическому пласту и не является развитием

ананьинской керамики. О.Н. Бадер уже указывал на смену населения на городище (Бадер, 1951а), поэтому проследить тенденцию упрощения орнаментальных композиций именно на ананьинской керамике из Одоевского городища достаточно сложно, но она фиксируется; на этих моментах подробнее остановимся ниже при характеристике посуды.

Прежде всего, скажем несколько слов о стратиграфии Одоевского городища. О.Н. Бадер достаточно подробно рассматривает ее особенности в своей работе. Нижний, третий слой он отнес к раннеананьинскому времени, датировав его VII–V вв. до н. э., следующий за ним, второй, датирован IV–I вв. до н. э., верхний слой городища отнесен исследователем к началу нашей эры. Определяя верхнюю дату памятника III в. н. э., О.Н. Бадер отмечал, что керамика с памятника близка керамике с позднедьяковских городищ более западных районов Поволжья (Бадер, 1951а, с. 151–155; 1951б, с. 31).

Судя по рисункам профилей раскопа, представленных О.Н. Бадером, слои на городище зачастую перемешаны, и очевидно, что их стратиграфическая последовательность нарушена, соответственно, и фрагменты посуды могли быть неоднократно переотложены в культурном слое. О.Н. Бадер указывает, что слои 2 и 3 культурно и стратиграфически связаны друг с другом, представлены фрагментарно и практически не сохранились на площадке городища (Бадер, 1951а, с. 121). Так, слой 3 прослежен только на участке III/8 и III/9, а, г, д, е, и отделен от второго слоя тонкой глинистой прослойкой. Найдено в нем лишь небольшое количество керамики (Бадер, 1951а, с. 118; 1951б, рис. 3). Фиксируется слой 3 рядом со склоном и на склоне площадки городища. Согласно первичной коллекционной описи, в самом нижнем горизонте кроме керамики найдены камни, куски обожженного гранита, обломок кости. Керамика из 3 слоя представлена фрагментами с рамчатым штампом, ананьинской, включая и сосуды, украшенные гребенчатыми оттисками с широкой амплитудой шага, обнаружен и один фрагмент керамики с расчесами, характерный для 1 слоя (Жуков, Бадер, 1925–1926). Слой 2 сохранился несколько лучше (Бадер, 1951а, рис. 7–10). Здесь необходимо подчеркнуть, что практически весь участок III располагался на площадке, примыкавшей к склону, и непосредственно по склону террасы (Бадер, 1951а, рис. 7). Культурные слои, вероятно, сползали, перемешивались, скидывались при расчис-

тке площадки городища и т. п., происходило и механическое смешение находок. Заметим, что площадка городища долгое время распахивалась и на ней велась хозяйственная деятельность. О.Н. Бадером также отмечалось, что на скрытой вершине вала стоит ветхая часовня (Бадер, 1951а, с. 114, рис. 3). Б.С. Жуков представил описание поверхности площадки городища в кратком отчете за 1925 г. как довольно сильно «изуродованную», указав и на вал, который в средней части несколько скрыт, и на этом месте стоит старая часовня (Жуков, Бадер, 1925–1926). Судя по рисункам и описаниям О.Н. Бадера, слой 1 перекрывает слой 2 и отделяется от него, по крайней мере граница слоя определяется (Бадер, 1951а, с. 120, рис. 10), но повторимся, что зафиксировано это в основном рядом со склоном и по склону городища. Таким образом, находки в слоях Одоевского городища переоткладывались, и первоначальное стратиграфическое расположение многих из них, весьма вероятно, изменено.

М.В. Воеводский всю керамику из третьего и второго слоёв связывал с АКЮ вслед за О.Н. Бадером, который датировал ветлужские городища первого периода VII–V вв. до н. э. (Бадер, 1951а, с. 151; Бадер, 1951б, с. 22). Для второго слоя О.Н. Бадером предложены датировки в рамках IV–III или IV–I вв. до н. э. (Бадер, 1951а, с. 152; Бадер, 1951б, с. 28). В нижнем (третьем) слое Одоевского городища найдены сосуды с глазчатыми ямками (Воеводский, 1951, рис. 1), керамика с преобладающим шнуровым орнаментом в сочетании с гребенчатыми оттисками и ямками (Воеводский, 1951, с. 160). Описываемые орнаментальные сюжеты явно указывают на керамику вятско-ветлужской культуры АКЮ. В то же время на памятнике типологически выделяется еще одна группа керамики с т. н. рамчатым штампом и примесью раковины. Находилась она в одних культурных слоях (слои 2–3) вместе с керамикой ананьинского типа, по-видимому, переоткладывалась и в более поздний слой 1, учитывая особенности стратиграфии на месте исследований, о которых говорилось выше. Вероятнее всего, авторы полевых исследований и М.В. Воеводский не увидели различий в комплексах керамики с рамчатым штампом и собственно ананьинской вследствие наличия ряда сближающих их признаков, а именно: аналогичными примесями в формовочной массе (раковина), хорошо заглаженной поверхностью, толщиной стенок (сосуды тонкостенные), близкими орнаментальными сюжетами и морфологиче-

скими особенностями верхней части посуды. В связи с этим М.В. Воеводский не выделил ее в отдельный тип и принял за ананьинскую, описав керамику суммарно.

Таким образом, данная типологическая схема перестает быть надежной и должна быть откорректирована, безусловно, с учетом рекомендаций, составленных М.В. Воеводским.

В предложенной М.В. Воеводским схеме группы и типы керамики зависят от общих наблюдений за изменениями отдельных деталей (морфологических, орнаментальных, технологических) и появлением новых признаков на всей имеющейся керамике, которые применяются для классификации и являются основанием для выделения непосредственно самих групп и подтипов внутри них, а также переходят из одной группы в другую, не вычлняясь в зависимости от культурно-хронологических типов керамики (сетчатая, заглаженная, штрихованная, гребенчато-шнуровая, с рамчатым штампом или другая), что, несомненно, оставляет ещё много поводов для дискуссии.

Рассмотрим еще один интересный, на наш взгляд, момент. В четвертом, древнейшем, слое, исследованном в примыкании к склону городища на участках III 2–5 (Бадер, 1951а, рис. 7), найдены только каменные предметы. К этому слою, на взгляд О.Н. Бадера, должна быть отнесена и большая часть находок из камня, полученных при раскопах памятника Ф.Д. Нефедовым, а также описываемые им очаги (Бадер, 1951а, с. 121). На наш взгляд, допустимо соотнести с четвертым слоем и типологически выделяемый комплекс керамики с рамчатым штампом, который оказался смешанным в культурных слоях вместе с керамикой вятско-ветлужской культуры АКЮ. Конечно, пока это только гипотеза. Чтобы оценить стратиграфическое расположение отдельных типов керамики, необходимы новые полевые исследования, сейчас мы располагаем недостаточными сведениями о стратиграфии памятника. Не бесспорным остается и стратиграфический контекст сетчатой посуды, найденной в разных слоях. Остается открытым и неисследованным и важный вопрос времени строительства укреплений.

Итак, приступим к характеристике керамической посуды, обнаруженной на памятнике Б.С. Жуковым и О.Н. Бадером. Выделяющиеся типологически и не связанные между собой комплексы керамики рассредоточены в трех культурных слоях.

Керамические комплексы

При исследованиях памятника в середине 20-х гг. XX в. получена представительная коллекция находок из глины, камня, кости и металла. Находки хранятся в ГБУК Нижегородской области «Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник». Автор выражает благодарность Шакуловой Л.Д. за помощь при работе с коллекциями в фондах ГБУК НО НГИАМЗ. Коллекция под номером ГОМ (Горьковский областной музей) 4008, 4009, 4010. Общее количество находок по книге поступлений составляет 3196 шт. Сохранились и первоначальные описи предметов, составленные Б.С. Жуковым (1925 г.) и О.Н. Бадером (1926 г.) (Жуков, Бадер, 1925–1926, приложение к ГОМ 4008–4010).

Коллекция керамики фрагментирована, целых форм сосудов нет. Всего в обработку попало около 3000 фрагментов измельченной керамики. Анализ керамического материала позволил выделить несколько групп посуды с различными признаками. Оказалось затруднительно разделить фрагменты неорнаментированных стенок с примесью раковины в формовочной массе, которые могут относиться как к керамике с рамчатым декором, так и к вятско-ветлужской культуре АКЮ.

Технологический анализ керамики выполнен м.н.с. ГБУК НО НГИАМЗ А.А. Швецовым (прил. 1): отобраны фрагменты сетчатой керамики, керамики с рамчатым декором (включая развалы сосудов) (рис. 3: 14; 4: 4, 13) и наиболее характерной керамики вятско-ветлужской культуры АКЮ (обломки посуды, орнаментированной только гребенчатыми оттисками, в т. ч. с широкой амплитудой шага; с простым орнаментом, составленным из линий шнуровых оттисков в сочетании с поясками из вдавлений; со сложными орнаментальными композициями, сочетающимися несколько техник исполнения (гребенчато-шнуровая (включая посуду с глазчатыми ямками), гребенчатая с вдавлениями (сосуд с воротничком), а также керамика, украшенная шнуровыми оттисками и ямками, образующими выпуклины с внутренней стороны)) (рис. 8: 22, 23; 9: 4, 18, 25; 10: 6, 15, 17; 11: 25; 12: 28).

По верхней части может насчитываться 237 сосудов различных типов (керамика с рамчатым штампом, вятско-ветлужской культуры АКЮ и сетчатая). В данный подсчет не включена постананьинская керамика IV технологической группы (прил. 1), характеризующая

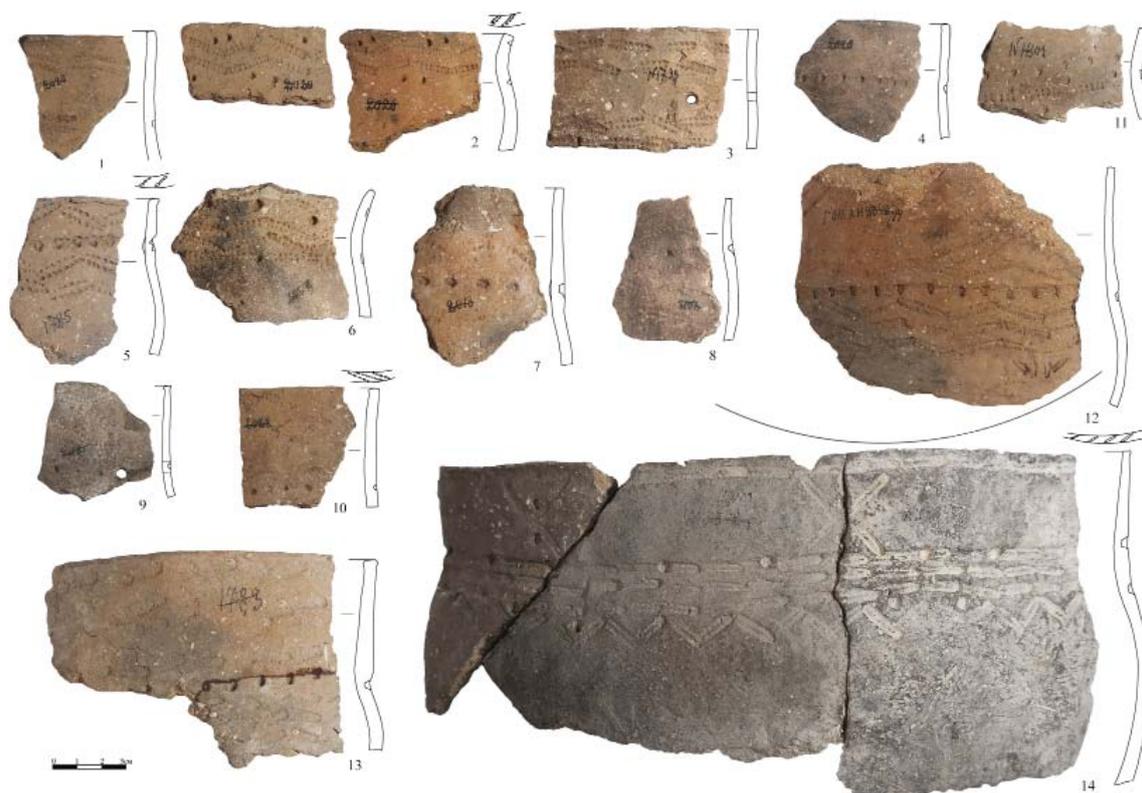


Рис. 3. Керамика с рамчатым декором «одоевского типа»

Fig. 3. Ceramics with a framed decor of "Odoevo type"

первый (верхний) слой городища. Технологический анализ также показал ее кардинальное отличие от керамики предананьинского и ананьинского времени. Вне зависимости от характера обработки внешней поверхности (заглаженная или штрихованная) керамика изготавливалась из среднезаспесоченной глины с добавлением минеральной примеси шамота и органических компонентов. Такая посуда занимает значительное место в коллекции, и ее доля среди всей фрагментированной керамики составляет 30%. Отметим только, что среди этой посуды преобладает керамика с заглаженной поверхностью. Среди штрихованной выделяется посуда с четкими штрихами (бороздки глубокие) и расчёсами, напоминающими штрихи. Возможно, носители штрихованной керамики появляются на памятнике уже в конце I тыс. до н. э.

1. В первую группу выделен комплекс керамики с заглаженной поверхностью и рамчатым декором (рис. 3–6). Керамика орнаментирована: 1) только рамчатым штампом; 2) рамчатым штампом в сочетании с ямками; 3) рамчатым штампом, гребенчатыми оттисками и вдавлениями (гибридная). Комплекс представительный, керамика этой группы найдена в слоях вместе с ананьинской посудой и в основном соотносится с нижними горизонтами – 2 и 3, возможно, переоткладывалась и в

более поздний слой. В эту группу может быть включено 62 горшка, определенных по фрагментам верхних частей, считая и гибридную посуду. Внутренняя и внешняя поверхности заглажены. Иногда внутренняя поверхность слегка подштрихована. Техника орнаментации – рамчатый штамп, вдавления, гребенчатые оттиски (на гибридной посуде). Оттиски рамчатого штампа – с замкнутыми концами, чаще всего четко вдавленные, встречаются и слабодавленные, едва заметные. Выделяются оттиски узкого и широкого рамчатого штампа. Форма отпечатков преимущественно овально-вытянутая, встречается и вытянутая с приостренными краями (листовидная). Штамп чаще средних размеров, редко наносятся длинные оттиски. В одном случае зафиксирован совсем короткий штамп подквадратной формы, составленный из оттисков только двух парных зубцов (рис. 5: 19; 6; 13). На двух горшках нанесены оттиски подпрямоугольного штампа. На одном сосуде сочетаются отпечатки рамчатого штампа подпрямоугольной и овально-вытянутой формы (рис. 3: 12). Встречается штамп плотный, с часто поставленными зубцами, и разреженный, с большими промежутками между ними. Сами зубцы подквадратной формы, реже вытянутой подпрямоугольной. При орнаментации оттиски рамчатого штампа, как правило, плотно



Рис. 4. Керамика с рамчатым штампом «одоевского типа»

Fig. 4. Ceramics with a framed stamp of "Odoevo type"

примыкают друг к другу, редко можно наблюдать керамику с промежутками между ними (рис. 5: 19; 6: 7). Толщина стенок этой группы керамики от 0,3 до 0,65 см, в среднем 0,4–0,5 см. Цвет керамики – серо-коричневых оттенков, нередко и более светлых цветов – светло-коричневого, рыжевато-коричневого. Для изготовления сосудов использовалась незапесоченная, условно пластичная ожелезненная глина. В формовочную массу добавлялась раковина моллюсков, при этом предварительно нагретая на углях (прил. 1).

По морфологическим особенностям верхней части выделяется посуда трех видов: 1. Плавнoproфилированные сосуды горшковидной формы с отогнутым наружу краем, плавно вогнутой средней по величине шейкой и округлыми или слабовыпуклыми плечиками. На горшке этой же группы отмечен край в виде слегка скошенного наружу бортика (рис. 3: 2). У одного сосуда присутствует воротничок (рис. 4: 1). Выделено только 6 сосудов этого вида (рис. 3: 2, 11; 4: 4, 5; 5: 10, 28); 2. Слабопрофилированная с прямой подцилиндрической (или слабонаклонной наружу) шейкой, приспущенными слабовыпуклыми или выпуклыми плечиками (посуда этой формы доминирует в коллекции и представлена 48 экземплярами). Переход к плечикам плавный. Шейка чаще высокая, средняя по

величине и низкая встречаются реже. Диаметр двух сосудов этого типа равен примерно 36 и 25 см (рис. 3: 14; 4: 13). Посуда этой группы по краю декорируется и воротничком; 3. Редко встречается посуда с отогнутой наружу, практически прямой шейкой и относительно резким переходом к плечикам. Выделено только два сосуда этого вида (рис. 3: 6; 6: 12).

Степень выпуклости плечиков определена не у всех сосудов: коллекция фрагментарна, и плечико у многих сосудов обломано.

Посуда округлодонная. Край посуды чаще всего плоский (47%), иногда плоский край имеет небольшие Т- (17%) или Г-образные (7%) наплывы. Редко скошен наружу (2%) или внутрь (2%). У 25% сосудов край округлый. Довольно часто на сосудах второй группы формируется воротничок. Присутствует он и на посуде первой группы. Выделено 12 сосудов с воротничком, включая и гибридную керамику (рис. 3: 5, 12, 13; 4: 1, 4, 7–10; 5: 11, 15; 6: 22). Воротничок, как правило, высокий, нередко слабовыраженный (невызразительный). Низкий ворот встречается реже (рис. 3: 5; 4: 7; 5: 11; 6: 22), он же присутствует и на гибридной посуде. 19 горшков (или 30%) орнаментированы по краю венчика (из них один сосуд гибридный), как правило, косо поставленными оттисками гребенчатого штампа, что свойственно лебяжской, а потом и

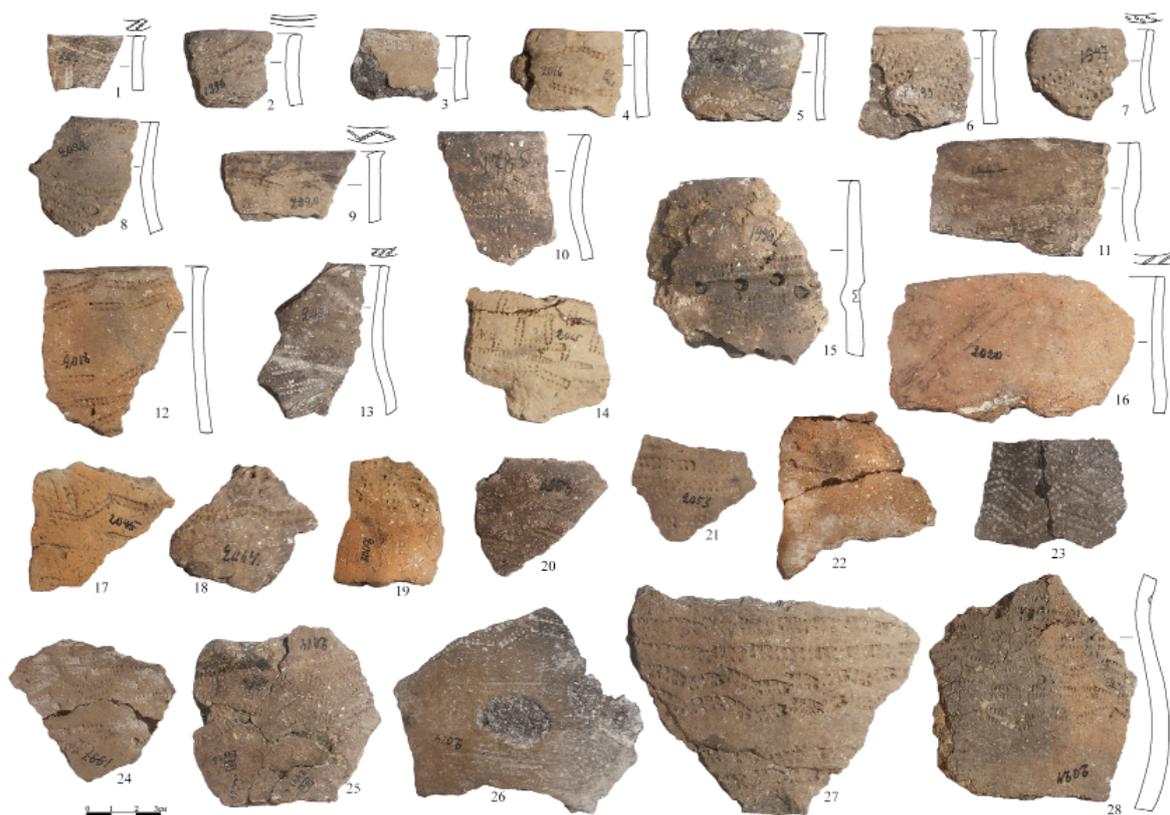


Рис. 5. Керамика с рамчатым штампом «одоевского типа»

Fig. 5. Ceramics with a frame stamp of "Odoevo type"

ананьинской керамике, или оттисками рамчатого штампа (рис. 3: 2), на одном горшке зафиксирован зигзаг из оттисков гребенчатого штампа (рис. 5: 9). У двух сосудов наблюдаются косые нарезки (рис. 5: 16), а у одного – прочерченная по кругу линия (рис. 5: 2).

Орнамент нанесён от края, по шейке и плечикам сосудов. Элементы орнамента плотно располагаются друг к другу, неорнаментированное пространство между отдельными мотивами минимально. Как особенность можно выделить разреженность орнамента в средней части шейки, когда между мотивами остаются достаточно широкие чистые неорнаментированные зоны (рис. 3: 1, 3, 12, 14; 4: 1, 3–5, 8–10, 12–13; 5: 3–5, 8, 11–12; 6: 3, 7, 9–10, 13–15, 17–18), при этом наиболее густо орнаментируются нижняя часть шейки и место перехода к плечикам. Мотивы орнамента, выполненные рамчатым штампом, представлены горизонтальными линиями, зигзагами, крестиками, ромбами, лапками водоплавающих, поясками из наклонных оттисков. При орнаментации наиболее характерен зигзаг. Нередко сюжет из многорядного зигзага напоминает вертикальную ёлочку (рис. 3: 13). В отдельных случаях зигзаги образуют ромбы. Весьма оригинальным сюжетом отличается один горшок, на котором отпечатки рамчатого штампа образуют знак «Y», расположен-

ный в горизонтальном положении (рис. 3: 13). Наиболее распространен в орнаментации зигзаг (одно- или двухрядный, реже более), чаще всего им и начинается орнаментальная композиция. Встречается и зигзаг с небольшим наклоном оттисков (низкий зигзаг) (рис. 3: 1, 3; 5: 4, 27; 6: 10, 18). Мотивы, выполненные рамчатым штампом, дополняются и горизонтальными рядами из ямочных вдавлений: ямки нанесены достаточно плотно и через приблизительно одинаковые интервалы, округлые вдавления при этом неглубокие и редко образуют выпуклину с обратной стороны. Очень редко наносятся подтреугольные или клиновидные вдавления, имеются сквозные отверстия, встречаются и мелкие ямки. Дно ямок – кольцеобразное, плоское, реже коническое и с сужающимися к округлому дну стенками, при этом ямки с округлым и коническим в сечении дном в основном характерны для первой группы плавнопрофилированных сосудов. Редко ямки образуют выпуклины с обратной стороны стенок (рис. 3: 5, 7; 6: 25). Пояски из ямок в основном делаются в нижней части шейки, подчеркивают и переход шейки в плечики, а также выделяют воротничок (рис. 3: 1, 4, 5, 7–13; 1–10, 12–13). Второй ряд ямок присутствует нечасто, при этом выделим любопытную особенность: расстояние между ямками второго ряда увеличивается (рис. 3:

6, 11; 4: 10, 12–13) в отличие от достаточно плотно поставленных ямок первого ряда, в одном случае ямки сгруппированы по две. По плечикам ямки ставятся реже, у одного сосуда зафиксированы сквозные отверстия на тулове. Что характерно, по шейке наносятся ямки и на горизонтальные линии, составленные из оттисков рамчатого штампа (рис. 3: 6, 14; 4: 3, 8, 10).

Начинается орнаментальная композиция на посуде второго и третьего типа практически всегда горизонтальной линией или зигзагом из отпечатков рамчатого штампа, расположенным под венчиком. Редко в верхней части шейки наблюдается пояска из наклонных отпечатков рамчатого штампа, начинающих орнаментальное поле (рис. 3: 12; 5: 6, 15–16). У сосудов первого типа композиция может начинаться ямочными вдавлениями (ямки спаренные), нанесенными поверх зигзагов (рис. 3: 2), крестиками (рис. 4: 4) или наклонными оттисками рамчатого штампа, образующими пояска (рис. 4: 5), зигзагами (рис. 5: 10), у двух горшков этого типа верх обломлен.

Из наиболее полно представленных и интересных орнаментальных композиций на сосудах этого типа можно выделить следующие.

Сосуд 1 (рис. 3: 12). Отмечается любопытное совмещение длинных подпрямоугольных и овальных оттисков рамчатого штампа, из которых составляется зигзаг. Композицию начинают наклонные длинные отрезки, расположенные по шейке от края сосуда, ниже нанесён однорядный зигзаг, под которым находится горизонтальный ряд из клиновидных и подтреугольных вдавлений, выделяющий воротничок. Слабовыпуклые плечики украшены трехрядным зигзагом. Заканчивают композицию спаренные V-образные фигуры, напоминающие траву. Фрагмент найден в нижнем слое на участке Р. Сосуд 2 представлен развалом (рис. 3: 14). Орнамент выполнен овальными короткими оттисками рамчатого штампа. Композиция выглядит следующим образом: у самого края сосуда расположена горизонтальная линия, ниже шейка украшена горизонтальным пояском из X-образных крестиков с двумя ямками, находящимися сверху и снизу от перекрестия. В нижней части шейки нанесены три горизонтальные линии. Поверх первого ряда, составленного из оттисков рамчатого штампа, выполнены ямки с плоским дном. Под горизонтальными линиями нанесены спаренные ямки, расположенные на большом расстоянии друг от друга, замыкает композицию однорядный

зигзаг, размещенный на плечиках. Развал этого сосуда зафиксирован в слое 2 на участке Ч. Сосуд 3 также представлен развалом (рис. 4: 13). Мотивы орнамента выполнены овальными слабодавленными, средними по размерам оттисками рамчатого штампа. Композиция представлена горизонтальными линиями, чередующимися с однорядным зигзагом и пояском из ямок, расположенным в нижней части шейки. Поверх линии из оттисков рамчатого штампа, расположенной на переходе шейки в плечико, поставлены ямочные вдавления. Второй ряд из ямок расположен на плечиках, при этом расстояние между ямками большое. Ямки неглубокие с плоским дном. Орнаменту отведено место по шейке и плечикам. На тулове этого горшка имеются сквозные отверстия. Найдены фрагменты керамики на уч. III/11 в нижнем слое. Сосуд 4 (рис. 4: 8) орнаментирован длинными овальными оттисками рамчатого штампа. По шейке сделаны два одинарных горизонтальных зигзага, между которыми нанесены наклонные отпечатки рамчатого штампа, при этом на шейке остается много неорнаментированного пространства. На месте перехода шейки в плечико выполнена горизонтальная линия, поверх которой поставлены ямки, сгруппированные по три. Плечики орнаментированы однорядным зигзагом, ниже которого устроен горизонтальный ряд из ромбов с ямкой посередине (ямки неглубокие, с плоским дном). Заканчивается композиция оттисками рамчатого штампа со слабым наклоном, образующими низкий зигзаг, в основании которого нанесены ямочные вдавления. Найден фрагмент в нижнем слое. Сосуд 5 (рис. 4: 12) орнаментирован длинными овальными оттисками рамчатого штампа. Орнамент начинается сразу под краем и представлен однорядным зигзагом, который оконтурен снизу мелкими ямочными вдавлениями. В нижней части шейки и на месте перехода в плечики расположен пояска из мелких ямочных вдавлений, при этом ямки поставлены не строго по горизонтали (одна из них может быть выше или ниже другой). Ниже ряда из ямок нанесены два горизонтальных ряда из рамчатых оттисков. Плечики украшены двурядным зигзагом, оконтуренным мелкими вдавлениями, завершает композицию горизонтальная линия из оттисков рамчатого штампа. Состоит из обломков, найденных в нижнем слое на уч. В.

Гибридная керамика (рис. 5: 14; 6: 22–27)

Керамика найдена в нижнем культурном слое, при этом два фрагмента находились в

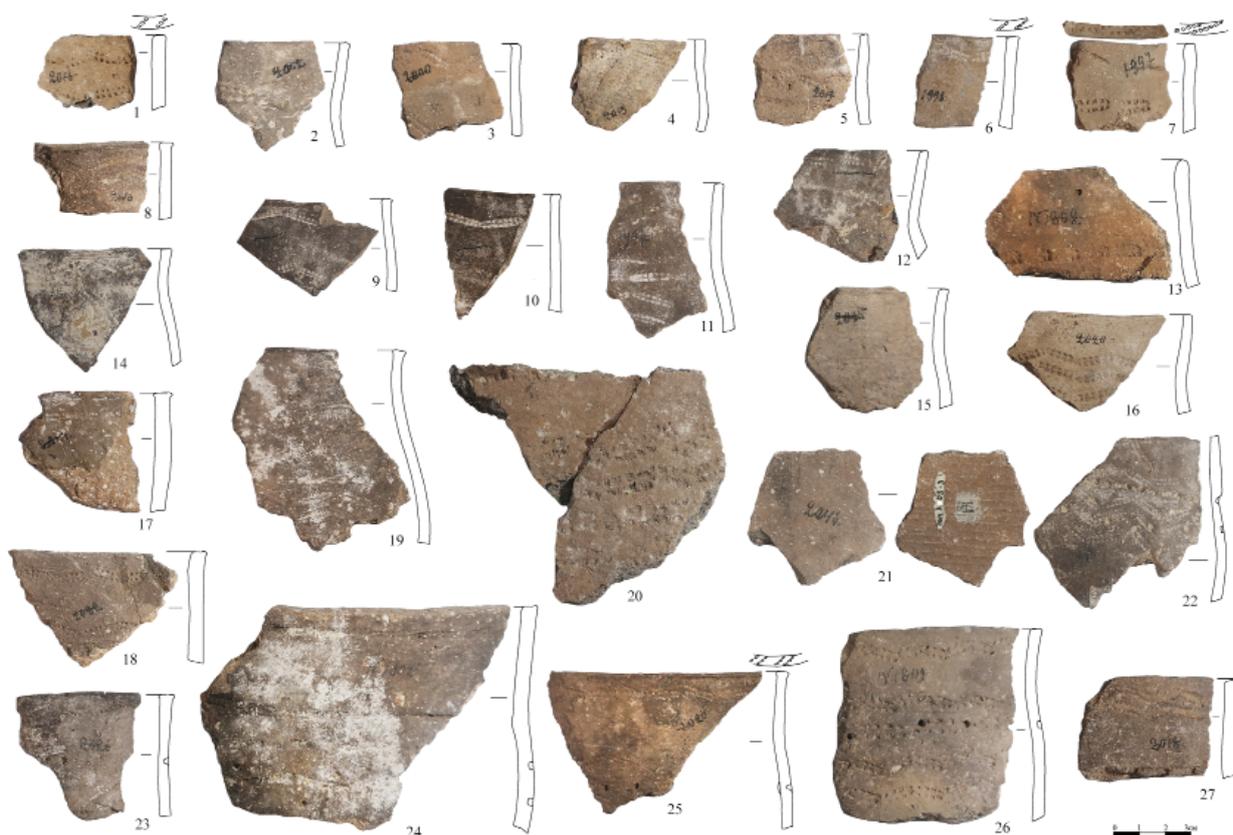


Рис. 6. Керамика с рамчатым декором «одоевского типа» (1–21) и гибридная керамика (22–27)

Fig. 6. Framed decorated ceramics of “Odoyevo type” (1–21) and hybrid ceramics (22–27)

нижнем слое 3, один из них – на участке Н, в очаге (рис. 6: 26). Посуда слабопрофилированных форм с прямой или слабоотогнутой наружу шейкой и слабовыпуклыми плечиками. В коллекции насчитывается 6 сосудов, выделенных по верхней части. Один сосуд имеет небольшой ребристый выступ с внутренней стороны на месте перехода шейки в плечики (рис. 6: 24). Такой выступ характерен для посуды маклашевского облика. Два горшка – с приплюсненным плоским краем, имеющим небольшие Т-образные оттяжки. Край еще трех сосудов плоский, из них у одного слегка скошен внутрь. У одного сосуда край оформлен в виде воротничка. По краю одного сосуда нанесены косые оттиски гребенчатого штампа, сгруппированные парно и напоминающие оттиски рамчатого штампа. Орнаментированы горшки по шейке и плечикам. На сосудах сочетается различная техника орнаментации: помимо традиционного рамчатого штампа появляются и оттиски гребенчатого штампа, которые, однако, применяются в меньшей мере. Отмечаются и оттиски гребенчатого штампа с широкой амплитудой шага (рис. 6: 26). Присутствуют ямочные вдавления, составленные в пояс, расположенный в нижней части шейки, на месте перехода в плечико, или на плечиках. Ямки как с округлым, так и

с плоским дном, средней глубины. У одного сосуда ямки образуют небольшие выпуклины с обратной стороны (рис. 6: 25). Один гибридный горшок орнаментирован вторым рядом из ямок, нанесенным на плечики. Промежутки между ямками больше, чем у ямок первого ряда, при этом ямки располагаются между зигзагами (рис. 6: 22). В трех случаях ямки нанесены на горизонтальную линию из оттисков гребенчатого штампа в нижней части шейки (рис. 6: 22, 26, 27). Орнаментальные композиции включают зигзаги (одно, двух и трехрядные), выполненные оттисками рамчатого или гребенчатого штампа, наклонные оттиски рамчатого штампа и горизонтальные линии, нанесенные гребенчатым штампом. На одном горшке с обломанным краем, вероятно, нанесены крестики рамчатого штампа (рис. 6: 22). Орнаментированы сосуды, как правило, горизонтальными зигзагами, расположенными сразу под венчиком, середина же шейки, так же как и у классических сосудов с рамчатым декором, в основном остается свободной от орнамента, или орнаментальные мотивы редки.

Мотивы орнамента, выполненные оттисками гребенчатого штампа, представлены горизонтальными линиями (рис. 6: 22, 24, 26–27), у двух горшков из них составлен зигзаг (рис.

6: 23, 25). На одном горшке под венчиком нанесена горизонтальная линия из оттисков овального рамчатого штампа, в нижней части шейки на месте перехода в плечико – горизонтальная линия гребенчатого штампа, ниже по плечикам – двухрядный зигзаг, а замыкают композицию не часто поставленные небольшие округлые вдавления (рис. 6: 24). К этой же гибридной группе керамики можно отнести и одну стенку с гребенчатым и рамчатым орнаментом. Из относительно коротких овальных оттисков гребенчатого штампа выполнена горизонтальная линия, рамчатым штампом (овальной и прямоугольной формы) сделан горизонтальный зигзаг, расположенный под линией из оттисков гребенки, и короткий вертикально-наклонный зигзаг (змейка) или лесенка с квадратами (рис. 5: 14). Наиболее важное место в орнаментации гибридной керамики занимают именно оттиски рамчатого штампа.

Далее перейдем к постановке вопросов и коснемся некоторых проблем, связанных с изучением керамики с рамчатым декором.

Интерпретация культурно-хронологической позиции материалов представляет определенные трудности, комплекс такой целостности фиксируется в Поветлужье и на сопредельных территориях впервые. На первый взгляд, техника исполнения орнамента на керамике Одоевского городища указывает на волосовские древности. Керамика, орнаментированная рамчатым штампом, известна на поселениях волосовского круга. Встречается она на памятниках развитого и позднего этапа развития средневожского варианта волосовской культурно-исторической общности в Марийском Поволжье, таких как Мазарское 1, Барские Кужеры III, Сутырское IIa, Уржумкинское (Никитин, 2017, с. 98, 159; рис. 198–199; 233; 247; 385). Близкие по конфигурации оттиски овального рамчатого штампа имеются на керамике из Уржумкинского поселения (памятник позднего этапа волосовской КИО) (Никитин, 2017, рис. 385: 1). Керамика с рамчатым штампом фиксируется и на многослойных поселениях Костромского Поволжья с типологически выделяемыми комплексами волосовской культурно-исторической области (Борань, Станок 1, Федоровское) (Гурина, 1963, рис. 2, 21: 4; Гаврилова, 1980, рис. 1: 1–2, 2: 11; Новиков, 2011, рис. 9: 2). В Волго-Окском междуречье керамика с коротким и длинным рамчатым штампом овально-вытянутой, листовидной форм также известна на волосовских поселениях – Володары, Сахтыш

II, Стрелка I, Вашутино (Цветкова, 1948, рис. 3: 4, 8; Крайнов, 1987, рис. 1: 7–8, 11; Гадзяцкая, Уткин, 1989, рис. 6–7 и др.). Такую технику исполнения орнаментов можно видеть и на волосовской керамике из поселений Языково I и Маслово болото 4 (поздневожская): рамчатый штамп – короткий и средний, овальный (Сидоров, 2002, рис. 1, 2). Рамчатый штамп (овально-вытянутой формы) известен и на волосовской керамике из поселения Имерка 1Б (Ставицкий, Королев, 2008, рис. 116: 5). В то же время следует учесть, что в отличие от керамики «одоевского типа» посуда на памятниках волосовского круга толстостенная, до 1,5 см, края чаще утолщены или отогнуты наружу.

Общий облик и морфологические данные посуды «одоевского типа» в целом кардинально отличаются от керамики волосовского облика, она имеет совершенно другую форму венчиков, толщину стенок, построение и принципы орнаментальных композиций. Между волосовской посудой и керамикой с рамчатым декором «типа одоевского» отсутствуют сколько-нибудь значимые общие признаки, позволяющие синхронизировать керамику и выявить генетическую связь. Надо принимать во внимание и отсутствие на Одоевском городище каменного набора, характерного для волосовской культурно-исторической области.

На поселении Лебяжий Бор 6 отпечатки рамчатого штампа появляются на керамике смешанного типа с волосовскими и имеркскими признаками (Челяпов, Иванов, 2009, рис. 6: 2–5), но керамика здесь толстостенная (0,9–1,5 см). Посуда хорошо заглажена, обладает прямым или слабопрофилированным венчиком, край имеет округлое или приплющенное завершение (Челяпов, Иванов, 2009, с. 250). Оттиски рамчатого штампа достаточно длинные, такие не характерны для керамики «одоевского типа», не схожи и орнаментальные мотивы.

Близкие по технике исполнения штампы встречаются на посуде иванобугорской (примокшанской) культуры, в частности из поселения Васильевский Кордон и местонахождения Желдаковка (Смольянинов, Скоробогатов и др., 2013, с. 286, рис. 2: 10; 6: 1). Тем не менее морфологические, технологические параметры и построение орнаментальной композиции совершенно другие. Орнамент, выполненный оттисками рамчатого штампа, покрывает всю поверхность иванобугорского горшка от края до дна. На поселении Мыс

Доброй Надежды примокшанской культуры эпохи бронзы в Среднем Поочье также наблюдается керамика с схожими оттисками (Челяпов, 2002, рис. 3: 3): из отпечатков рамчатого штампа составлены горизонтальные ряды, при этом между отпечатками оставлены довольно большие промежутки, а сами оттиски короткие, некоторые из них по форме подквадратные – такие имеются на трех фрагментах керамики из Одоевского городища (рис. 5: 19; 6: 7, 13). В то же время, в отличие от посуды «одоевского типа», керамика примокшанской культуры имеет совершенно другой морфологический облик и стиль орнаментации.

Таким образом, керамика III – первой половины II тыс. до н. э. не может являться прототипом посуды с рамчатым декором из Одоевского городища, и попытки их отождествить оказались несостоятельными.

Выделяя косвенные признаки, которые могут свидетельствовать о хронологической позиции керамики «одоевского типа», подчеркнем, что на Одоевском городище отсутствуют фатьяновская, балановская, абашевская, фатьяноидная, чирковская, луговская, атабаевская и поздняяковская посуда, а также сетчатая керамика эпохи бронзы. Облик культур бронзового времени на сопредельных к Поветлужью территориях хорошо представлен в литературе.

«Ребристым штампом» листовидной формы (Ставицкий, 2008, с. 197), практически идентичным по технике исполнения с отпечатками рамчатого штампа, орнаментирован один горшок аким-сергеевского облика из Шокшинского поселения: наклонные оттиски располагаются в один горизонтальный ряд по шейке сосуда (Ставицкий, 2008, рис. 287: 1). В то же время другие признаки аким-сергеевской посуды (Ставицкий, 2008, с. 196–199) не позволяют говорить о ее сходстве с керамикой «одоевского типа» и синхронизировать их, лишь общее морфологическое сходство верхней части посуды позволяет проводить сравнения с керамикой первого морфологического вида «типа одоевского». Отметим, что для керамики аким-сергеевского типа характерен орнамент, выполненный ямками (вдавления глубокие, образуют выпуклины с обратной стороны), «жемчужинами» и гребенчатыми или зубчатыми оттисками.

Оттиски рамчатого штампа овальной формы встречается на позднекаргопольской керамике в Карелии (Косменко, 1993, рис. 23, группа III, 5; Манюхин, 1996, рис. 56: группа III, 5) и появляются на керамике культуры

лууконсаари. Датируется ранний этап культуры лууконсаари Прионежья второй половиной I тыс. до н. э. (Косменко, 1993, с. 170; 1996, с. 252). Начиная с середины I тыс. до н. э. датируют керамику типа лууконсаари И.С. Манюхин и А.М. Жульников (Манюхин, 2005, с. 33; Жульников, 2005, с. 37). На керамике лууконсаари подобными оттисками, как правило, завершается орнаментальная композиция. Мотивы выполнены слабонаклонными оттисками рамчатого штампа, встречаются и оттиски с разным наклоном в одном горизонтальном ряду (Косменко, 1993, рис. 35: 10; 37). На одном горшке из группы I фиксируется горизонтальная елочка, составленная оттисками рамчатого штампа (Косменко, 1993, рис. 37). Конечно, стиль орнаментации керамики лууконсаари рамчатым штампом иной, отсутствуют мотивы, характерные для посуды из Одоевского городища, представленные зигзагами и горизонтальными линиями, часто сочетающимися и с ямками. Орнаментальные композиции, выполненные рамчатым штампом на керамике из Одоевского городища, сложнее. Близость орнаментальных сюжетов может определяться только наклонными оттисками рамчатого штампа, составленными в горизонтальный ряд, подобные мотивы присутствуют на керамике из Одоевского городища, хоть и в небольших количествах. Оттиски рамчатого штампа на керамике лууконсаари не составляют самостоятельных сложных композиций и являются дополнительными деталями орнамента, в частности бахрома из оттисков рамчатого штампа сочетается с каннелюрами. Каннелюры на одном горшке нанесены в нижней части шейки, а оттиски рамчатого штампа – по плечикам. Оттиски разбиты на группы, которые наклонены сначала в одну, потом в другую сторону, создавая видимость широкого зигзага (Косменко, 1993, рис. 35: 10). Близкое исполнение орнамента наблюдается на одном горшке из Одоевского городища, где вместо каннелюр линии по нижней части шейки нанесены оттисками рамчатого штампа, а завершают композицию оттиски рамчатого штампа, выстроенные в однорядный зигзаг на плечиках (рис. 3: 14). Однако технология изготовления керамики разная. Керамика лууконсаари изготавливалась с примесью асбеста, слюды, органики (небольшой процент) и песка в формовочной массе (Косменко, 1993, с. 151; Косменко, 1996, с. 241, 245), ранняя керамика в Прионежье содержит в формовочной массе примесь именно песка (Косменко, 1996, с.

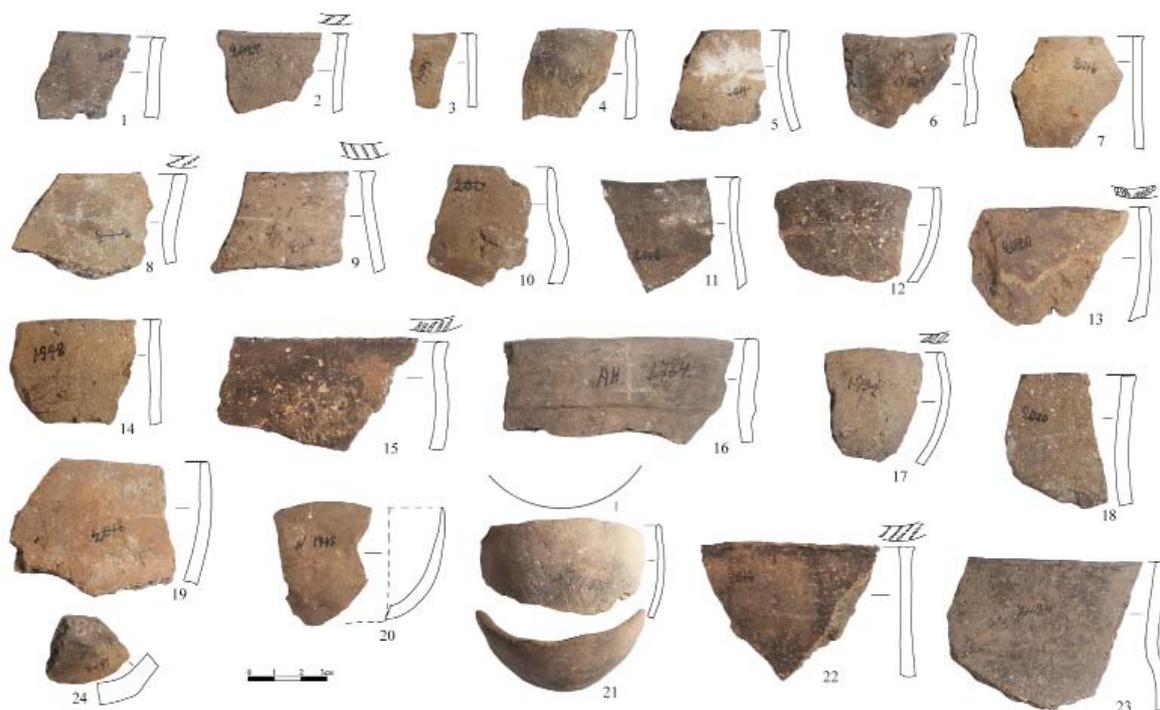


Рис. 7. Керамика вятско-ветлужской культуры АКЮ

Fig. 7. Ceramics of the Vyatka-Vetluga culture of the Ananyino Cultural and Historical Region

241). Помимо круглодонной широко распространяется и плоскодонная посуда, при этом донные части зачастую орнаментируются (Косменко, 1993, с. 153; 1996, с. 245). В Юго-Западном Прибеломорье помимо вышеперечисленных примесей в формовочную массу добавляется и дресва, керамика из поселения Бохта II в основном плоскодонная (Жульников, 2005, с. 36). Таким образом, технологические и в большей степени морфологические параметры отличают керамику из Одоевского поселения и керамику лууконсаари. Отдаленное морфологическое сходство наблюдается между керамикой «одоевского типа» и частью керамики лууконсаари восточного типа с округлым дном (Косменко, 1993, рис. 35: 2, 11, 13).

Важно выделить, что керамику лууконсаари, в т. ч. украшенную оттисками рамчатого штампа, М.Г. Косменко определял в группу посуды с орнаментами восточного типа (Косменко, 1993, рис. 35; 1996, с. 246). А.М. Жульников говорит о типологическом отличии керамики лууконсаари и ананьинской, обнаруживая между ними больше различий, чем сходства (Жульников, 2005, с. 36, 39). Вполне вероятно, что носители традиций рамчатой керамики, зафиксированной на Одоевском городище, могли оказать влияние на формирование керамических традиций в РЖВ (культура лууконсаари) на северо-западе, в Карелии в частности. Но пока это толь-

ко предположение, которое требует дополнительной аргументации и выявления новых памятников с подобной посудой. Хронологический разрыв между данными культурными группами существует.

К югу от Онежского озера, в Белозерье, керамика, орнаментированная рамчатым штампом, встречается и на памятниках эпохи раннего Средневековья. Например, на поселении Крутик (IX–X вв.) небольшой процент посуды (1,1%) украшен рамчатым штампом (Макаров, 1991, с. 145, рис. 7: 3). Элементы орнамента в виде рамчатого штампа Н.А. Макаров характеризует как чисто белозерские, отмечает, что за пределами Белозерья они исключительно редки (Макаров, 1991, с. 149). Как видим, традиция орнаментации посуды рамчатым штампом на Северо-Западе сохраняется достаточно долго, вплоть до рубежа I и II тыс. н. э.

Сейчас на памятниках РЖВ Поволжья и сопредельных территорий неизвестна подобная керамика с рамчатым декором, как на Одоевском городище. Надо отметить, что для детализации хронологической позиции этого типа керамики не хватает стратифицированных данных, безусловно, нужны новые полевые исследования, прежде всего на самом Одоевском городище. Территория распространения этой керамики не выяснена.

Орнаментальные композиции на керамике из Одоевского городища больше напоминают

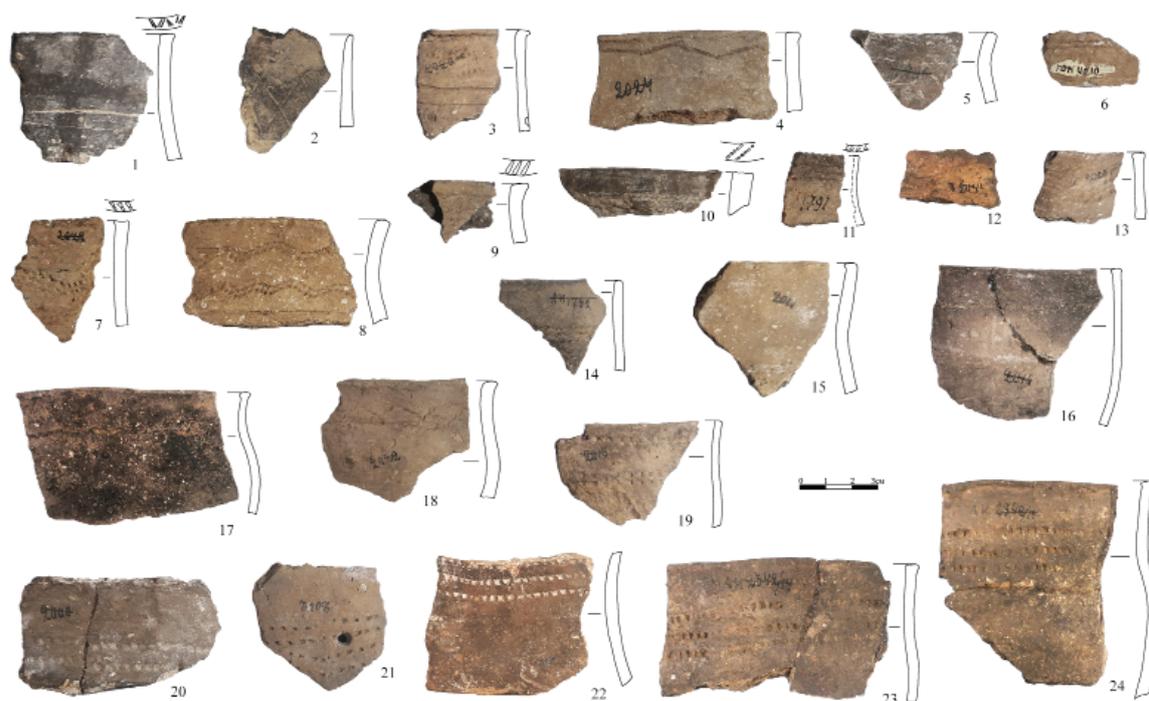


Рис. 8. Керамика вятско-ветлужской культуры АКИО (1,3,5–24) и маклашеевского облика (2,4)
Fig. 8. Ceramics of the Vyatka-Vetluga culture of the Ananyino Cultural and Historical Region (1,3,5-24) and Maklasheevka appearance (2,4)

лебяжские орнаментальные традиции (зигзаги, горизонтальные линии, наклонные отрезки). Некоторые близкие морфологические и стилистические детали усматриваются и с позднекаргопольской керамикой. Конечно, все эти особенности намечают какие-то хронологические параллели, возможно, и связи, но не указывают на культурное единство и не подчеркивают оригинальности керамического комплекса с рамчатым декором «типа одоевского».

По отдельным морфологическим деталям: толщине стенок, орнаментальным мотивам, составу примесей в формовочной массе – такая посуда сближается с ананьинской керамикой, найденной на Одоевском городище, орнаментированной гребенчатыми или гребенчато-шнуровыми оттисками. В состав формовочной массы обоих типов керамики добавлена примесь измельченной раковины моллюсков, которая была предварительно термически обработана, а именно – нагрета на углях (прил. 1).

В этой связи возникает важный вопрос о соотношении керамики с рамчатым штампом с ананьинской и лебяжской посудой. Учитывая, что в небольшом количестве на памятнике появляется гибридная керамика с рамчато-гребенчатой орнаментацией, можно предполагать установление связей между носителями керамики «типа одоевского» и группами лебяжского населения, которые

осваивали берега Ветлуги в самом начале РЖВ. Повторимся, что лебяжская керамика, хоть и в небольших количествах, в этом регионе известна на Богородском городище и в приустьевой части Ветлуги на Ардинском городище (Стоянов, 1959; Марков, 2007, рис. 29). Для хронологических привязок важна гибридная керамика. Признаком адаптации, судя по всему, небольших групп лебяжского населения в Поветлужье может являться гибридная посуда, обнаруженная на Одоевском городище. Гибридизация керамики с рамчатым декором выражена в сочетании на одном сосуде разной техники орнаментации, имеющей различное происхождение. Если гребенчатые оттиски генетически связаны с лебяжской керамикой, то рамчатые отпечатки выражают локальное своеобразие керамики «одоевского типа». Последние явно доминируют при украшении посуды. Прослеживается и схожий стиль лебяжской орнаментации нижней части шейки, в частности расположение ямок на оттисках гребенчатого штампа. Но, судя по небольшому количеству гибридной керамики, превалированию орнаментальной традиции рамчатым штампом, сохранению морфологических и технологических характеристик посуды, лебяжское население не оказало значительного воздействия на культурные традиции населения, изготавливавшего рамчатую керамику, что может быть связано в том числе и с малочисленностью



Рис. 9. Керамика вятско-ветлужской культуры АКЮ

Fig. 9. Ceramics of the Vyatka-Vetluga culture of the Ananyino Cultural and Historical Region

групп носителей лебяжских традиций, осваивавших берега Ветлуги.

Вполне допустимо, что комплекс керамики с рамчатым декором из Одоевского городища синхронен находкам из слоя I Богородского городища, который В.Е. Стоянов датировал предананьинским временем, от рубежа I тыс. до н. э. до VIII в. до н. э., где встречается и сетчатая керамика с отогнутым краем, орнаментированная по шейке глубокими ямками, и посуда маклашеевского облика, орнаментированная по шейке нарезной техникой (Стоянов, 1959, с. 181, 185, 189, табл. LV).

Данных для датировок комплекса керамики «одоевского типа» сейчас немного. Предметов-хроноиндикаторов нет. Тем не менее, учитывая вышеописанные обстоятельства, следует предположить, что керамика с рамчатой орнаментацией может являться одной из ранних на городище и занимать промежуточное положение между известными на окружающих территориях культурами эпохи поздней бронзы и ананьинской. Формирование и развитие такой керамики, наиболее вероятно, относится к финальной бронзе – началу РЖВ (XI/X–VIII/первая половина VII вв. до н. э.). Пока могут быть предложены только такие широкие временные рамки, будем надеяться, что в скором времени их удастся уточнить.

Верхние хронологические границы распространения керамики подобного типа могут ограничиваться VIII/первой половиной VII в. до н. э., временем до начала ананьинского заселения площадки Одоевского городища. Возможно говорить и о совместном, вероятно, недолгом, бытовании комплексов посуды «одоевского типа» и вятско-ветлужской культуры АКЮ в середине VII вв. до н. э., на что могут указывать их нахождение в одних слоях на городище и сближающие признаки – некоторая стилистика орнаментации, примеси в формовочной массе (раковина), толщина стенок, морфология сосудов верхней части, округлодонность. В пользу этого, вероятно, свидетельствуют и один фрагмент ананьинского горшка, орнаментированного по краю отпечатками рамчатого штампа листовидной формы (рис. 13: 12), и близко расположенные друг к другу отпечатки гребенчатого штампа, напоминающие рамчатые отпечатки, фиксирующиеся по краю другого ананьинского горшка (рис. 12: 25), подобные имеются и на стенках ананьинских сосудов (рис. 9: 10, 19, 20). Выделим и сосуды с высоким воротничком: воротничок такого типа встречается и на керамике ананьинской, и орнаментированной рамчатым штампом. В то же время важно отметить, что

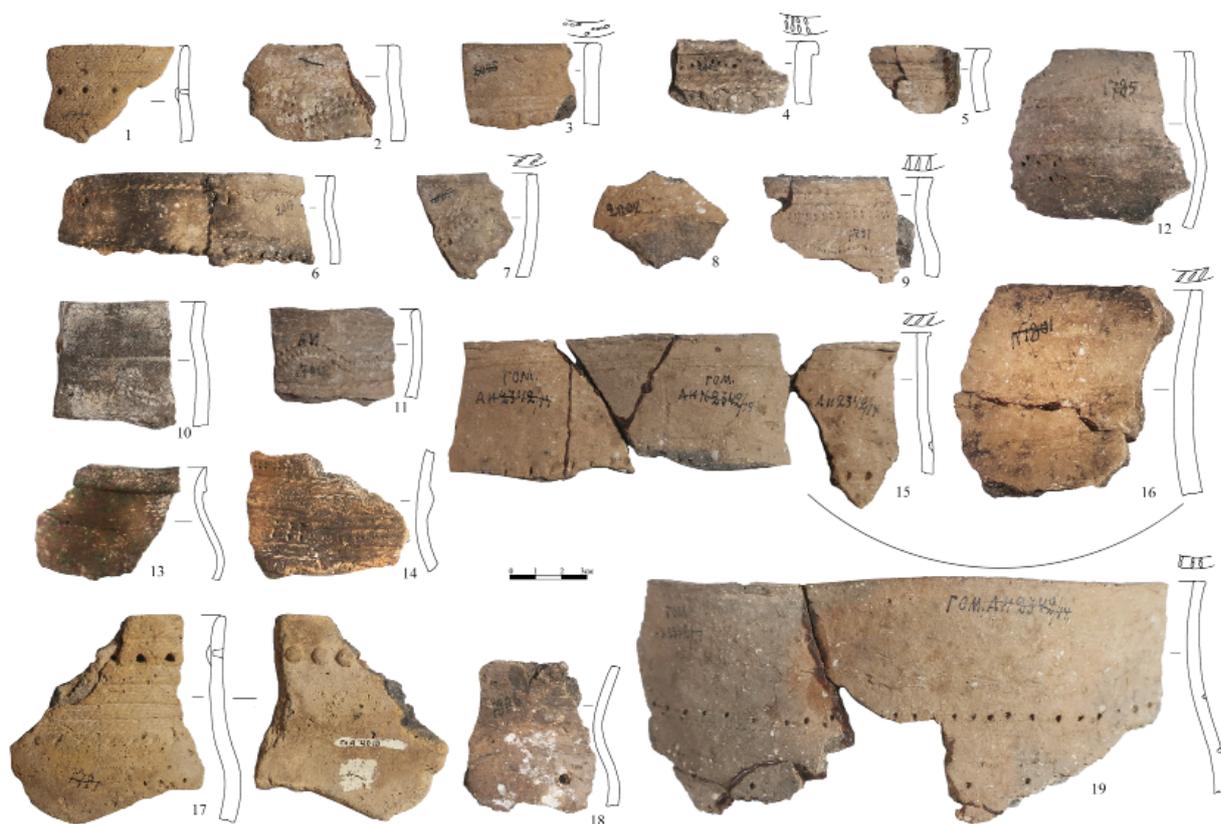


Рис. 10. Керамика вятско-ветлужской культуры АКИО

Fig. 10. Ceramics of the Vyatka-Vetluga culture of the Ananyino Cultural and Historical Region

нивелировки культурных традиций не произошло.

Начиная с VII в. до н. э. высокая поселенческая активность населения ВВК АКИО в Поветлужье, вероятно, вынуждает носителей рамчатых орнаментальных традиций покинуть привычные места обитания. Отголоски традиции орнаментации керамики рамчатым штампом фиксируются в середине I тыс. до н. э. на северо-западе (лууконсаари).

Нижние хронологические границы могут быть подчеркнуты наличием на памятнике немногочисленной посуды маклашеевского времени с нарезным орнаментом, которым выполняется, в частности, косая решетка по шейке (рис. 8: 2). Такая керамика, имеющаяся на памятнике в небольшом количестве, поддерживает хронологическую позицию данных комплексов.

Сосуды именно первой морфологической группы с плавновгнутой шейкой и выпуклыми или слабовыпуклыми плечиками, очевидно, могут считаться наиболее ранними. Такая форма сосудов близка керамике атабаевского этапа маклашеевской культуры и аким-сергеевского типа, в какой-то степени и лебяжской посуде. Отсутствует и керамика подобного вида, орнаментированная рамчатым штампом и гребенчатыми отпечатками. В коллекции

керамики с рамчатым декором из Одоевского городища доминируют сосуды второй группы. Гибридная керамика также целиком представлена сосудами только этого вида и, видимо, существует совместно с посудой 2 типа в начале РЖВ.

В пользу более раннего освоения площадки городища, предшествующего ананьинскому заселению, указывает отсутствие шамота в примесях керамики с рамчатым декором, шамот появляется в формовочной массе уже раннеананьинской посуды с глазчатыми ямками. Интересен и тот факт, что керамика с глазчатыми ямками содержит шамот с добавками в него раковины (прил. 1). Вполне допустимо, что для формирования формовочной массы ананьинской посуды, обнаруженной на Одоевском городище, использовалась именно керамика с рамчатым декором, содержащая примеси раковины моллюсков.

Это только первая интерпретация, и, очевидно, в будущем появятся уточнения по хронологии данных материалов. Повторимся, что четко стратифицированных комплексов нет, находятся они в одних слоях с ананьинской посудой. Керамика с рамчатым декором «одоевского типа» неизвестна на других памятниках ананьинского круга, но имеет общие морфологические корни (но не более)

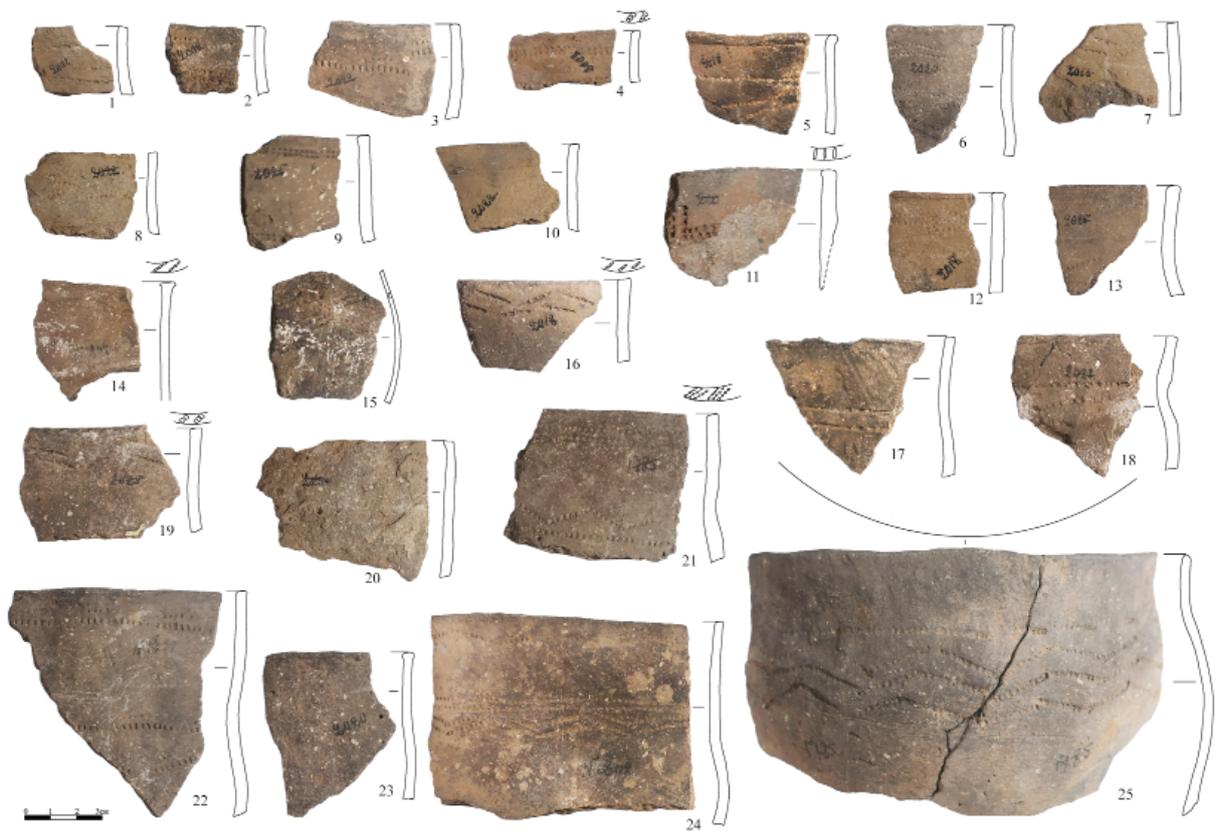


Рис. 11. Керамика вятско-ветлужской культуры АКЮ

Fig. 11. Ceramics of the Vyatka-Vetluga culture of the Ananyino Cultural and Historical Region

с керамикой маклашеевской и постмаклашеевской культур: посуда второго типа – с высоким и средним по величине подцилиндрическим горлом и выпуклыми или слабо-выпуклыми плечиками. На высокой шейке появляется и слабовыраженный воротничок, такой же имеется на керамике вятско-ветлужской культуры АКЮ. Керамика с рамчатым штампом отличается от характерной посуды текстильного мира: примесь в тесте – раковина моллюсков, поверхность заглажена, иные техника и стиль орнаментации. В то же время имеются близкие морфологические данные, выраженные в слабой профилировке верхней части горшка, такой профиль характерен для сетчатой керамики финала поздней бронзы и начала РЖВ. Стоит обратить внимание на один фрагмент стенки, найденной на участке Д в нижнем слое (рис. 6: 21). Его, вероятно, стоит отнести к посуде с рамчатым декором. Керамика заглажена снаружи, на внутренней поверхности имеются следы четкой выраженной горизонтальной штриховки. Подобным образом обрабатывается внутренняя поверхность части сетчатой керамики эпохи поздней бронзы и переходного к раннему железному веку этапа на поселениях Костромского Поволжья – Федоровское, Говядиново, Вознесенское 1. Вышеприведенные косвенные

признаки также могут указывать на эпоху, когда формируется керамика с рамчатым штампом.

В завершение обзора еще раз обратим внимание на особенности керамики с рамчатым декором. Орнамент выполнен в основном оттисками рамчатого штампа, которые практически не сочетаются с элементами, сделанными в другой технике, только вдавления дополняют орнаментальную композицию. Ямки, как правило, неглубокие, часто с плоским или кольцеобразным дном, делаются и вдавления с коническим или округлым профилем. Редко ямки глубокие и образуют выпуклины с обратной стороны. Располагаются вдавления в центре крестиков и ромбов, на горизонтальных линиях, выполненных из оттисков рамчатого штампа, или составляют отдельный пояс по шейке. Иногда пояс из ямок выделяет воротничок.

Некоторые орнаментальные мотивы (крестики, лапки водоплавающих, зигзаги, горизонтальные линии, пояс из ямок по шейке) близки раннеананьинской посуде, присутствуют пересекающиеся сюжеты. Например, птичьими лапками орнаментируется керамика из поселения Курган и Аргыжского городища, только мотивы выполнены гребенчатыми оттисками (Марков, 2007, табл.

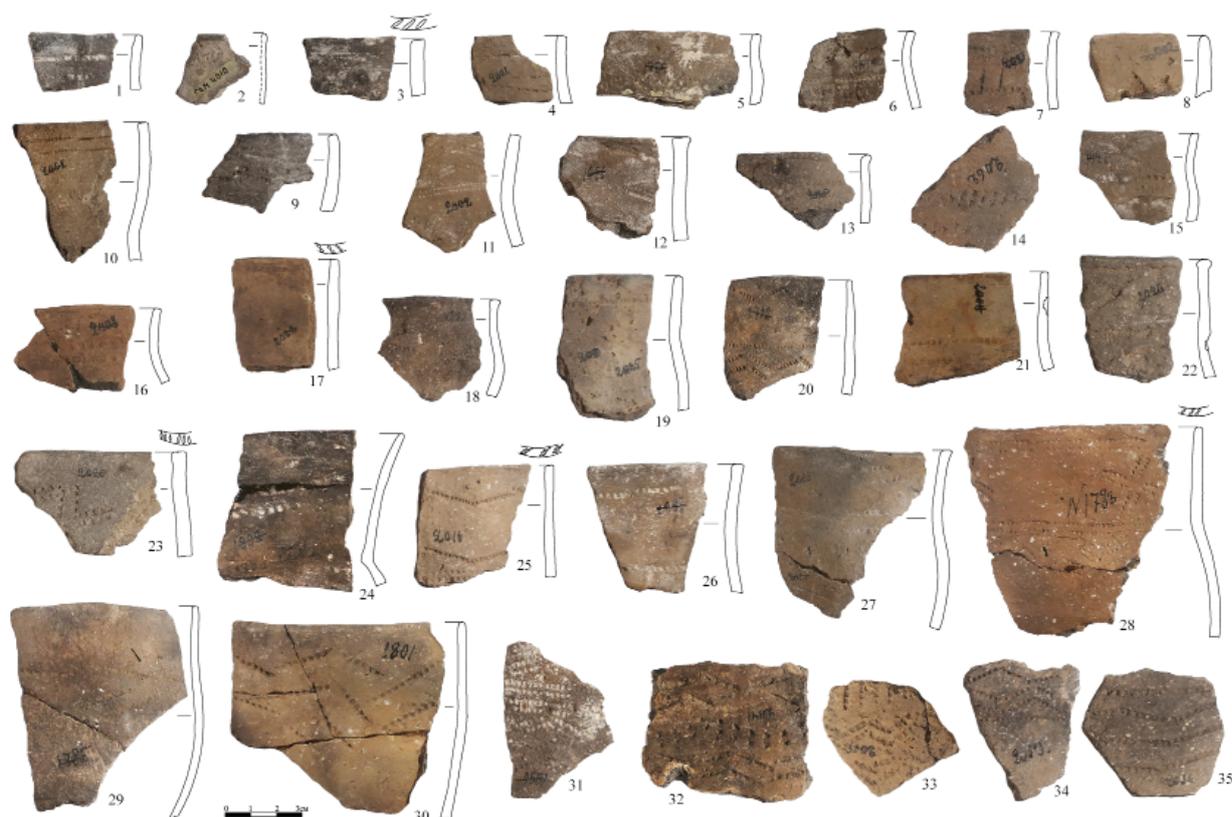


Рис. 12. Керамика вятско-ветлужской культуры АКЮ

Fig. 12. Ceramics of the Vyatka-Vetluga culture of the Ananyino Cultural and Historical Region

10). Сочетание крестиков, расположенных в горизонтальный ряд, и горизонтальных линий, сделанных гребенчатыми оттисками, поверх одной из которых делаются ямки, отмечено на посуде из городищ ананьинского времени Сухой Берсут и Белоглазовское (Марков, 1988, рис. 1: 6; 2007, рис. 22: 1, 4; 26: 8). Сюжетная линия из крестиков, выполненных гребенчатыми оттисками, известна и на керамике из раннего слоя Маклашевского 2 городища (Марков, 1988, рис. 3: 2, 6), датированного РЖВ (Чижевский, Хисяметдинова, 2020, с. 204), и на Богородском городище (Стоянов, 1959, табл. LVI: 6). Крестики, выполненные гребенчатыми оттисками и пробитые ямкой по центру перекрестия, известны на городище Ройский Шихан (Архипов, 1962, табл. XLI). Сочетается данный мотив орнамента с глазчатými ямками. Расположение крестиков в начале орнаментальной композиции сближает их с сюжетами, выполненными на керамике с рамчатым штампом из Одоевского городища. Сюжеты с крестиками собственно из оттисков гребенчатого штампа, расположенных на шейке сосуда, известны и на ананьинской посуде из Одоевского городища, где так же по центру крестика ставится ямочное вдавление (рис. 12: 22). Каким образом происходило заимствование орнаментальных традиций,

пока остается не совсем ясным, возможно, они имели и самостоятельное развитие у разных групп населения.

На гибридной керамике появляется горизонтальный ряд из гребенчатых оттисков, поверх которых сделаны ямки. Сочетание при орнаментации посуды горизонтальных линий из оттисков гребенчатого штампа с ямками, расположенными по шейке, вполне типично для лебяжской орнаментальной традиции (Буров, 1983, рис. 3; Стоколос, 1997, рис. 32; Марков, 2007, рис. 23: 1, 24: 4; рис. 29: 3–4). Подобные стилистические сюжеты весьма присущи и орнаментальной традиции вятско-ветлужской культуры (гребенчато-шнуровой керамики) АКЮ, когда ямки наносятся на горизонтальные линии из оттисков гребенчатого штампа или шнура, что можно наблюдать на городищах Ройский Шихан и Аргыжском (Архипов, 1962, табл. XLI; Митряков, Черных, 2014, рис. 18) и поселениях Средней Волги и Поветлужья (Стоянов, 1959, табл. LVII; Халиков, 1962, табл. XVII; Архипов, Патрушев, 1982, рис. 5; Ефремова, Соловьев, 2014, рис. 12). Такие сюжеты встречаются и на ананьинских памятниках Нижнего Прикамья (Марков, 2007, рис. 22: 4).

Изменения, произошедшие при орнаментации посуды «одоевского типа», можно связы-

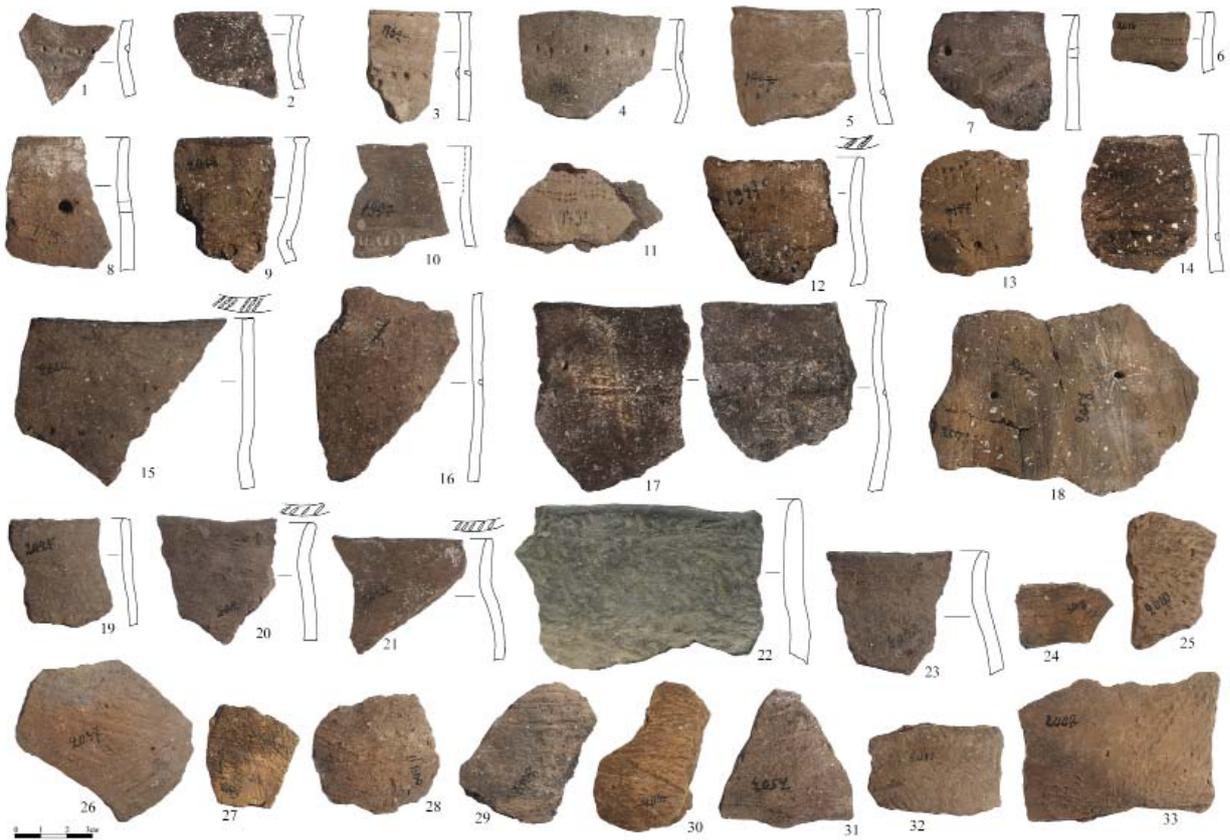


Рис. 13. Керамика вятско–ветлужской культуры АКИО (1–18) и сетчатая керамика (19–33).
Fig. 13. Ceramics of the Vyatka-Vetluga culture of the Ananyino Cultural and Historical Region (1–18) and reticulate ceramics (19–33).

вать с распространением лебяжских древностей на Ветлуге, а появление горизонтальных линий из оттисков гребенчатого штампа, в т. ч. в сочетании с ямкой, и расположенных по шейке на посуде второго морфологического типа, могут прямо указывать на лебяжскую орнаментальную традицию. На посуде первого вида таких мотивов не наблюдается, для нее наиболее присущи зигзаг из оттисков рамчатого штампа и мелкие ямки с коническим профилем или с сужающимися к округлому дну стенками. Для посуды второго вида наиболее характерны ямки с кольцеобразным и плоским дном, хотя сохраняется и орнаментация ямками с коническим профилем и с сужающимися к округлому дну стенками. Для лебяжской керамики характерны глубокие ямки с округлым или плоским дном. Вся гибридная керамика сочетает орнаментальные традиции носителей посуды с рамчатым штампом и лебяжской – слабопрофилированные формы, с высокой шейкой и слабовыпуклыми плечиками, основные мотивы орнамента представлены оттисками рамчатого штампа, меньшая роль при их выполнении отводится гребенчатым оттискам.

Таким образом, выделим основные черты керамики «одоевского типа»:

А) сосуды, изготовленные с примесью раковины в формовочной массе;

Б) преобладание слабопрофилированных форм горшков с плоским краем, высокой подцилиндрической или слабоотгнутой шейкой и слабовыпуклыми плечиками, распространена и посуда с воротничком;

В) орнаментация верхней части горшка (шейка и плечики), на шейке, в средней ее части, часто между орнаментами остается свободное пространство;

Г) исполнение орнамента рамчатым штампом;

Д) орнамент практически всегда начинается от края, расположение горизонтальное;

Е) среди мотивов преобладают горизонтальные линии и зигзаги. Ряды из ямок, как правило, наносятся в нижней части шейки, на месте перехода в плечико, в т. ч. поверх горизонтальных линий. Появляется второй ряд ямок, обязательно с увеличенным интервалом между вдавлениями;

Ж) для гибридной керамики характерен орнамент, нанесенный оттисками рамчатого и гребенчатого штампа. Гребенчатым штампом выполняются горизонтальные линии и зигзаг.

Обозначенные признаки являются определяющими для керамики данного типа.

Итак, представленный выше керамический комплекс с реликтовым рамчатым штампом выражает несомненное единство оставившего его населения, показывает устойчивость орнаментальных традиций и очень важен для оценки культурной обстановки в Поветлужье в финале бронзового времени и начале РЖВ, предшествующем ананьинскому расселению. Посуда подобного облика на других памятниках, расположенных в Поветлужье, пока неизвестна; возможно, следует заново пересмотреть материалы старых раскопок. Население Одоевского городища, изготовлявшее керамику с рамчатым декором, сохраняет традиции подобной орнаментации культур эпохи раннего металла (в первую очередь волосовской). По всей вероятности, должны иметься и памятники с рамчатой керамикой, заполняющие хронологические пробелы как между волосовскими древностями и керамикой «одоевского типа», так и между последней и лууконсаари. Появление носителей рамчатой керамики на берегах р. Ветлуги и их судьба пока остаются загадкой. Ещё раз отметим, что керамика с рамчатым декором находилась в одних слоях (2–3) с ананьинской посудой вятско-ветлужской культуры АКЮ.

2. Группа посуды вятско-ветлужской культуры (гребенчато-шнуровой керамики) ананьинской культурно-исторической области (ВВК АКЮ)

Комплекс керамики ананьинского времени вычленяется по особенностям стратиграфии (основное скопление – в нижних слоях 2 и 3) и типологии керамических сосудов. Ряд фрагментов найден в верхнем слое 1, переотложены. По небольшим фрагментам верхней части насчитывается 170 сосудов этой группы (рис. 7–13). В их числе выделены и фрагменты от 4 сосудов, которые, вероятно, относятся к маклашеевскому времени. Фрагменты стенок как минимум четырех горшков можно причислить к лебяжской керамике. Керамика сильно измельчена, редко встречаются крупные обломки. Поверхность большинства фрагментов заглажена, встречаются со слегка подштрихованной поверхностью. Фрагмент стенки от сосуда с подштрихованной поверхностью, отобранный для технологического анализа, находится в группе II, посуда которой изготовлялась с примесями шамота и раковины моллюсков (прил. 1). Посуда относительно тонкостенна. Толщина стенок посуды варьирует от 0,3 до 0,65 см. Отметим, что в коллекции много именно тонкостенной посуды (0,4–0,45 см), как и на Богородском горо-

дище (Стоянов, 1959, с. 183). Цвет керамики от светло-коричневого, коричневого до серого, темно-серого. В изломе – от коричневых, серо-коричневых оттенков до темно-серого, черного цвета, встречаются двух- и трехслойные фрагменты. С внутренней стороны посуда заглажена. Горшки округлодонные. Встречаются округло-уплощенные формы дна (рис. 7: 24).

По морфологическим признакам выделяется посуда с сужающимся горлом (I); с вертикальными или слабоотогнутыми горловинами (II); со среднеотогнутыми и сильноотогнутыми горловинами (III); непрофилированная, баночно-чашевидной формы (IV). Шейка может быть низкая (а), средняя (б) или высокая (в). Плечики слабовыпуклые (1), выпуклые (2) и округлые в виде сглаженного ребра (3).

В выборку включены только фрагменты, имеющие достаточные данные для определения морфологии верхней части посуды, а именно шейки сосудов, переход шейки к плечикам и сами плечики. Таких фрагментов меньше, чем выделенных сосудов вообще, их количество составляет 119.

Посуда II типа в коллекции явно преобладает, её показатели равны 69,7%. В меньшей степени представлены сосуды III (16%) и IV типов (12,6%). Сосудов I типа со средней по величине шейкой и слабовыпуклыми или выпуклыми плечиками менее всего (1,7%).

Среди сосудов второго типа преобладают горшки с относительно высокой шейкой и слабовыпуклыми плечиками (54,4%), в гораздо меньшем количестве встречаются сосуды с низкой шейкой и слабовыпуклыми плечиками (15,6%) и с высокой шейкой и выпуклыми плечиками (12%). Небольшой процент приходится на сосуды с средней шейкой и слабовыпуклыми (6%) и выпуклыми плечиками (6%). Единичны горшки с низкой шейкой и выпуклыми плечиками (3,6%) и средней по величине шейкой и сильновыпуклыми плечиками в виде сглаженного ребра (2,4%).

Керамика третьего типа в большинстве представлена горшками с выпуклыми плечиками (11 экз.) и средней или высокой шейкой, реже встречается низкая шейка. Меньше в этой группе сосудов со слабовыпуклыми плечиками (6 экз.). Зафиксировано два горшка с сильновыпуклыми плечиками в виде сглаженного ребра.

Отдельно подсчитаны и шейки, обломанные в основании (низкая, средняя, высокая). Фрагментов низких шеек выделено 11, сред-

них 5 и высоких 26. Итого 42 шт. Как правило, шейки обладают прямым профилем. Остальные 9 горшков имеют обломанный край венчика.

Итак, отметим, что в коллекции преобладают цилиндрические сосуды, но имеются и горшковидные с плавно отогнутым горлом, и посуда чашевидных форм. На такую особенность ананьинской керамики Поветлужья указывал еще А.Х. Халиков (1977, с. 243). Сосуды с высокой прямой шейкой М.В. Воеводским были выделены в наиболее древнюю керамическую группу, которая характерна для третьего слоя Одоевского и второго слоя Богородского и Русенихинского городищ (Воеводский, 1951, с. 159). Горшки с вертикальными горловинами, как на Одоевском городище, вполне типичны для Богородского и Русенихинского городищ (Стоянов, 1959; Халиков, 1977). По морфологическим показателям керамика из Одоевского городища сближается и с нижнекамской посудой, для которой типичны именно сосуды второго типа, их доля на памятниках составляет 58,4% (Марков, 2007, табл. 1, табл. 22). Для посуды из нижнекамских поселений В.Н. Марковым была выделена важная особенность, выраженная в наличии в ранних комплексах керамики с высокими прямыми шейками и раздутым туловом, с течением времени происходит понижение высоты шейки и увеличение ее отогнутости, плечики становятся менее выпуклые (Марков, 2007, с. 29–31). На Одоевском городище превалирует посуда со слабовыпуклыми плечиками.

На Вятке преобладает посуда со слабовыпуклыми плечиками и низкими, иногда сильно отогнутыми, горловинами. Характерны и рельефные элементы в виде воротничка или валика (Марков, 2007, с. 47). На данную морфологическую особенность керамики бассейна р. Вятки, выделенную В.Н. Марковым, указывают и А.Е. Митряков с Е.М. Черных, характеризуя керамику Грехневского поселения, Скорняковского и Аргыжского городищ (Митряков, Черных, 2014, с. 174–180). Высокий процент посуды со слабовыпуклыми плечиками из Одоевского городища по этому показателю сближает ее с керамикой именно вятских памятников. На таких городищах, как Ройский Шихан, Белоглазовское и Аргыжское, доля посуды II и III типов находится практически в равных количествах (Марков, 2007, табл. 27), в то же время доля сосудов I типа так же мала, как и на Одоевском городище. Заметно выше на Одоевском

городище доля посуды баночно-чашевидной формы, в отличие от вятских памятников, где наибольший процент таких горшков обнаружен на Аргыжском городище (4,6%) (Марков, 2007, табл. 27).

Вятская ананьинская керамика обладает своеобразием, которое выражается в исключительном богатстве ее орнаментации и преобладании гребенчатых и шнуровых оттисков при ее исполнении, дополняемых и ямками (Збруева, 1952, с. 71; Марков, 2007, с. 47). Определяя эти особенности, В.Н. Марков указывал на значительное сходство вятской и ветлужской гребенчато-шнуровой керамики и большое ее отличие от керамики нижнекамских поселений. В свою очередь, ветлужская керамика, по мнению В.Н. Маркова, имеет некоторые сходные черты и с керамикой западновожской (Марков, 2007, с. 47–49), с чем нельзя не согласиться. В частности, В.С. Патрушев, рассматривая ананьинскую керамику из памятников Марийского Поволжья, вслед за А.Х. Халиковым (Халиков, 1977, с. 230; Патрушев, 2017, с. 114) отметил преобладание форм сосудов со слабопрофилированным прямым или прикрытым горлом, доля которых составляет 63% на Малахайском поселении и 76,4% на Копаньском городище, указывая при этом, что превалирует такая посуда и на Ветлуге, например, в 3 слое Богородского городища. Такая же керамика весьма характерна и для Одоевского городища.

Посуда с высокой и средней по величине прямой или слегка отогнутой шейкой, характерная для памятников вятско-ветлужской культуры АКИО Поветлужья, встречается на памятниках бассейна р. Вятки, хоть и в меньшем количестве. Например, на Кривоборском городище выделяются сосуды с высокой прямой или слабо отогнутой шейкой (Оруджов, 2017а, с. 90–91), сосуды с прямыми венчиками и хорошо выраженными плечиками имеются на городище Ройский Шихан (Архипов, 1962, с. 201), цилиндрические горшки встречаются на Мальковском городище, их доля составляет 27% (Халиков, 1977, с. 235).

В целом можно отметить и некоторую наметившуюся близость между типами посуды из Одоевского городища и вятскими памятниками, такими как Ройский Шихан, Белоглазовское и Аргыжское городища (Марков, 1988, табл. 1; 2007, табл. 27), на которых посуда второго типа составляет ощутимые доли в коллекциях. Однако стоит обратить внимание и на отличающие детали. Так, для памят-

ников из бассейна р. Вятки наиболее характерна низкая и средняя по величине шейка, в отличие от посуды Одоевского городища с высокой и средней по величине шейкой. Доля посуды с высокой шейкой на вятских городищах крайне мала, составляет в среднем около 4% (Марков, 2007, табл. 27). Имеются различия в соотношении посуды II и III типов на памятниках. Более высокий процент посуды третьего типа наблюдается на вятских городищах. Сосуды с низкой отогнутой шейкой для Одоевского городища мало характерны.

Основная традиция формирования отогнутого низкого края на вятской керамике, очевидно, складывалась под влиянием носителей лебяжских керамических традиций и определялась близостью вятских памятников к основной территории распространения лебяжских древностей в отличие от ветлужских. Для лебяжской керамики характерен короткий венчик, часто и отогнутый (Стоколос, 1997, с. 257, рис. 32; Буров, 1983, рис. 2–3). Такая традиция формирования края типична и для классической шнуровой керамики (Ашихмина, 2014). На памятниках ВВК АКИО Поветлужья, напротив, фиксируется увеличение доли цилиндрических сосудов с высокой и средней по величине шейкой, близких волжским памятникам АКИО (Халиков, 1962, табл. XVIII, XXVIII–XXIX; 1977, рис. 85–86; Ефремова, Соловьев, 2014, рис. 12–13; Патрушев, 2017б, рис. 9–12) и занимающих значительное место в комплексах керамики ПМК АКИО. Данные обстоятельства подчеркивают и определяют особенности формирования региональных керамических комплексов в рамках ВВК АКИО, обусловленные в первую очередь территориальным положением памятников.

У трех сосудов из Одоевского городища фиксируется ребро, расположенное с внутренней стороны, на месте перехода высокой шейки в плечико. У одного горшка шейка практически прямая, слабоотогнутая, у двух других – отогнутая наружу (рис. 9: 17; 12: 24; 13: 9). Такая керамика занимает значительное место среди посуды самого раннего зуювключевского комплекса, а также характерна для маклашевской керамики (Ашихмина, 2014, с. 71, рис. 40, 42; Марков, 2007, рис. 38–42), только в отличие от посуды Зуювключевского I городища керамика из Одоевского городища орнаментирована достаточно просто. Два фрагмента украшены исключительно оттисками гребенчатого штампа, не составляющими сложные композиции, а один,

на месте перехода шейки в плечико, – ямочными вдавлениями. Керамика с ребристым выступом внутри встречается в постмаклашевских (поселение Курган, Черепашье, Казанский кремль) (Марков, 2007) и аозинских комплексах (Маклашевское II и Казанка II городища) (Кузьминых, Чижевский, 2009, рис. 10: 1, 5, 11).

Далее отметим, что на Одоевском городище некоторое своеобразие проявляется на керамике со слабовыраженным воротничком на цилиндрических сосудах с высокой горловиной и слабовыпуклыми плечиками. По воротничку сосудов наносится орнамент из оттисков гребенчатого штампа, иногда в сочетании с ямками (рис. 9: 14, 20; 12: 22). Такое рельефное выступление снизу подчеркивается пояском из ямок с плоским или кольцеобразным дном. Подобные высокие воротнички характерны и для посуды с рамчатым штампом «одоевского типа». На вятской керамике воротничок выделен более отчетливо, как и на другой части посуды с таким декором из Одоевского городища, при этом шейка у таких горшков чаще плавно вогнутая, край отгибается наружу, плечики более выпуклые.

Небольшое количество посуды с воротничком представлено и на Богородском, и на Русенихинском городищах (Стоянов, 1959, табл. LVIII: 1, 4; LXII: 1; LXIII: 3, 5). Воротничок так же довольно высокий и выполнен на высокой прямой или слабоотогнутой шейке, как и на сосудах из Одоевского городища. В бассейне р. Вятки близкая посуда известна на Кривоборском городище, где воротничок сделан на сосуде с высокой отогнутой шейкой (Оруджов, 2017а, с. 90, рис. 3). Единственное различие – это степень выпуклости плечиков: на Кривоборском городище они более выпуклые в отличие от посуды Поветлужья.

Оформление края посуды ВВК АКИО из Одоевского городища достаточно вариативно. Большинство сосудов – с плоским краем, что составляет 46%. Встречаются и плоские венчики с Т-образными небольшими наплывами (11%) и Г-образными наплывами наружу (6%). Округлый край фиксируется у 27% сосудов. Остальная доля приходится на посуду с краем, скошенным внутрь (2%), округлоприостренным (2%), округло-утолщенным с валиковым наплывом (4%), слегка скошенным наружу (1%) или гофрированным (1%).

Плоский венчик типичен для посуды из городищ Вятского бассейна – Ройский Шихан, Белоглазовское, Аргыжское (Марков, 2007,

табл. 28). Характерен он и для керамики из городищ Сухой Берсут и Черепашье (Марков, 2007, табл. 23). Можно отметить, что плоский край свойственен посуде ананьинского мира в целом. Вторая по встречаемости – это посуда с округлым краем (Марков, 2007, Ашихмина, 2014; Халиков, 1962, с. 143). Посуда с Т- и Г-образными краями известна на Малахайском поселении и Ардинском городище (Патрушев, 2017б, с. 113; Архипов, Патрушев, 1982, с. 54), имеется и на поселениях Нижней Камы (Марков, 2007, табл. 4). В небольших количествах на памятниках встречаются и округло-приостренный или острый скошенный край, а также другие формы (Ашихмина, 2014, табл. V–11; Марков, 2007, табл. 4, 23, 33).

Орнаментированы по краю венчика 40 горшков, что составляет 23% от всей ананьинской посуды. Орнамент представлен косыми оттисками гребенчатого штампа, косыми или вертикальными нарезками, мелкими округлыми ямками, клиновидными вдавлениями, оттисками двузубого гребенчатого штампа, оттисками гребенчатого штампа, нанесенного горизонтально по окружности венчика, оттисками наклонного овального гребенчатого штампа. На одном горшке нанесены оттиски листовидного рамчатого штампа. Из оттисков гребенчатого штампа, сгруппированных по три, образуются и зигзаги, зигзаг сформирован и из спаренных нарезок. Также зафиксированы и косо поставленные оттиски гребенчатого штампа, сгруппированные по три. Наиболее часто орнаментируется плоский край. Орнаментация края посуды оттисками косо поставленного гребенчатого штампа характерна для керамики лебяжской культуры (Буров, 1983, рис. 2, 3), весьма типичен орнамент по краю и для ананьинской керамики Нижнего Прикамья (Марков, 2007, табл. 4) и вятских памятников, таких как городище Ройский Шихан, Белоглазовское, Аргыжское (Марков, 2007, табл. 28). Не часто, но орнаментируется и край ананьинской посуды Марийского Поволжья (Патрушев, 2017б, рис. 9, 11, 12).

Керамика с воротничком представлена небольшим количеством сосудов (рис. 7: 16; 9: 14, 18, 20; 10: 13–14; 11: 18; 12: 22), выделяется и керамика со слабо выраженным высоким воротничком (рис. 9: 14, 20; 12: 22). Всего в коллекции насчитывается 9 фрагментов от сосудов, декорированных воротничком, при этом большинство из них (5) орнаментированы гребенчатыми оттисками, один сосуд неорнаментированный. У 4 сосудов, орна-

ментированных гребенчатыми оттисками, под воротничком нанесены ямки, орнамент из оттисков гребенки при этом выполнен по шейке и плечикам (крестики, зигзаги, наклонные отрезки). Один сосуд украшен в нижней части шейки горизонтальными линиями из оттисков гребенчатого штампа. Выделяется горшок, орнаментированный полосками из шнуровых оттисков (сгруппированы по 2 и 4 ряда) и двузубой гребенкой. У двух сосудов по линии, выполненной гребенчатым штампом и расположенной под воротничком, нанесены ямочные вдавления. Один горшок орнаментирован под коротким воротничком шестью плотно составленными горизонтальными рядами из шнуровых оттисков.

Керамика позднеананьинского облика с воротничком на Одоевском городище представлена только одним сосудом (рис. 7: 16). Аналогичная посуда широко распространена на памятниках в бассейне р. Вятки, в частности, на Чижевском, Кривоборском и Скорняковском городищах (Чижевский и др, 2016, Оруджов, 2017а, Оруджов, Глушков, 2019). Начало позднего периода АКИО А.А. Чижевским определено рубежом V/IV вв. до н. э., завершение – III/II вв. до н. э. (Чижевский, 2017).

Обратим внимание на географию распространения посуды с воротничком, прослеживается весьма интересная тенденция уменьшения доли посуды с воротничком на памятниках вятско-ветлужской культуры (гребенчато-шнуровой керамики) АКИО с востока – северо-востока на запад – юго-запад. Для посуды из поселений бассейна р. Вятки воротнички являются важным элементом декора, в Поволжье на известных сейчас памятниках они встречаются реже. На поселениях Волжского бассейна и в приустьевой части р. Ветлуги такая посуда не распространена, о её отсутствии в Волжском бассейне говорит и В.С. Патрушев (Патрушев, 2017б, с. 115). Невыразительные воротнички очень редко встречаются на нижнекамской посуде (Марков, 2007, с. 47).

Керамика с валиковыми выступами, так же как и воротничковая посуда, малочисленна на Одоевском городище. В коллекции встречено всего четыре сосуда с таким оформлением края (рис. 10: 4–5), три из них орнаментированы по краю. Три сосуда из этой серии украшены шнуровыми оттисками под валиковым выступом по шейке, на одном в сочетании с мелкими ямками, еще на одном – с оттисками двузубого гребенчатого штампа. Ямки образу-

ют волну или зигзаг. Близкая позднеананьинская керамика найдена на Кривоборском городище (Оруджов, 2017а, рис. 7: 9; 9, 2). Имеется один неорнаментированный по шейке сосуд. Керамика с двузубым и трехзубым штампом т. н. концеворского типа датируется IV–III/II вв. до н. э. (Чижевский, 2016, с. 50, Чижевский, 2019, с. 135). На Богородском городище керамика с двузубым штампом найдена в верхнем слое (Стоянов, 1959, с. 187), что также подтверждает ее более поздний характер и распространение в позднеананьинское время. М.В. Воеводский отмечал, что «двойная гребенка» появляется только на посуде второй группы и выступает как новый элемент орнамента (Воеводский, 1951, с. 167). В коллекции Одоевского городища подобная керамика встречается в небольшом количестве, найдено 9 фрагментов. Чаще наносятся двузубые оттиски гребенчатого штампа: на одном горшке вертикально поставленные двузубые отпечатки нанесены на полосу из шнуровых оттисков (рис. 10: 14), на другом сочетаются с ромбами и зигзагами, выполненными гребенчатыми отпечатками (рис. 12: 32). Орнамент, сделанный из двузубого и трехзубого гребенчатого штампа, сочетается с шнуровыми оттисками, ямками и мелкими вдавлениями.

В состав формовочной массы керамики ВВК АКЮ добавлялась раковина моллюсков, раковина в сочетании с шамотом и реже – только шамот с органической добавкой. Для изготовления ананьинской посуды, как правило, употреблялась незапесоченная или слабозапесоченная ожелезненная глина (прил. 1). Характерна примесь измельченной раковины моллюсков, которая предварительно была нагрета на углях. Посуда АКЮ с аналогичными примесями термически обработанной раковины известна на Ардинском городище (Михеев, 2017, с. 34). Примечательно, что примесь раковины, нагретой на углях, определяет специфику и керамики с рамчатым штампом «одоевского типа».

Доминирующая традиция изготовления керамики на Одоевском городище – это сосуды из незапесоченной ожелезненной глины с примесью термически обработанной и измельченной раковины моллюсков (группа Ia). В этой группе находятся горшки с гребенчатым (в т. ч. с оттисками, выполненными с широким шагом) и гребенчато-шнуровым орнаментом, а также украшенные полосами из шнуровых оттисков (по 4 в ряд), сочетающихся с глубокими ямками. Совмещение в рецепте формовочной массы примеси шамота и

раковины (группа II) свойственно для керамики, орнаментированной шнуровыми оттисками, с такими примесями встречается и посуда, украшенная гребенчатым штампом (в т. ч. фрагмент с мотивами в виде крестиков). Изменение состава примесей ананьинской посуды из Одоевского городища может связываться с распространением в Поветлужье аозинских древностей. Еще А.Х. Халиков, определяя особенности средневожского варианта АКЮ, указывал на наличие минеральных примесей (песка) в керамике с текстильной обработкой поверхности (Халиков, 1962, с. 115). Так, текстильная (аозинская) керамика из Ардинского городища в основном изготавливалась из глины с естественными примесями мелкого песка, без видимых искусственных примесей, но появляется и посуда, которая делалась по рецепту глина+шамот (Михеев, 2017, с. 35). На Одоевском городище, в отличие от Ардинского, отсутствует керамика этого времени, поверхность которой обработана сетчатыми отпечатками. Встречается сетчатая керамика финала бронзового времени – начала РЖВ на Богородском городище. На памятниках бассейна р. Вятки редко, но фиксируется керамика с шамотом (Чижевский и др., 2016, с. 34; Оруджов, 2017а, с. 90). Керамика с шамотом, появившаяся на Кривоборском городище в позднеананьинский период, по мнению Э.И. Оруджова, может являться свидетельством инокультурного влияния (Оруджов, 2017а, с. 92).

Технологические изменения, происшедшие в процессе развития керамики ВВК АКЮ, связанные с появлением шамота, в том числе использованием многокомпонентных рецептов при изготовлении керамики (глина с шамотом и раковиной моллюсков, шамот с органическим раствором), могут говорить о смешанности культурных традиций. При этом изменения происходили на разных этапах формирования ВВК АКЮ. Могут они связываться и с влиянием аозинской культуры АКЮ, не исключено и воздействие носителей сетчатых керамических традиций, появление которых в третьей четверти I тыс. до н. э., в позднеананьинский период, отмечено на Одоевском городище. Для сетчатой керамики этого времени минеральные добавки (шамот) в формовочную массу также характерны. Минеральные примеси, только в виде толченой дресвы, вполне типичны и для лебяжской керамики (Стоколос, 1997, с. 257).

Ананьинская керамика с примесями шамота в Поветлужье имеет в т. ч. и ранний облик.

Например, примесь шамота в составе формовочной массы зафиксирована у сосуда со сложным гребенчато-шнуровым орнаментом, включающим глазчатые ямки, из Одоевского городища (рис. 9: 4). Сосуд с глазчатыми ямками выделен в третью технологическую группу, отличающуюся от других видом искусственно введенных примесей. Сделаем интересное наблюдение: этот сосуд не содержит в формовочной массе примесь раковины в чистом виде, однако ее наличие фиксируется в шамоте, для изготовления которого, очевидно, были использованы более ранние сосуды с рамчатым штампом. Шамот с добавками раковины отмечается и у сосуда с простым орнаментом, включающим одиночные линии шнуровых оттисков и ряд скобчатых вдавлений (рис. 10: 6). Таким образом, раковина моллюсков так или иначе присутствовала в формовочной массе. Кроме шамота сосуд с глазчатыми ямками содержит и примесь органического раствора. Органические добавки присутствуют и в лебяжской керамике, например, на таких стоянках, как Ягкодж и Знаменка (Стоколос, 1997, с. 257). Важно и то, что располагаются эти поселения в самом южном ареале основного ядра лебяжской культуры (Стоколос, 1997, рис. 24; Буров, 1983, рис. 1).

Орнаментация

Техника орнаментации керамики ВВК АКИО Одоевского городища – гребенчатый штамп, шнуровые оттиски, вдавления и нарезки. На особенность вятско-ветлужской керамики, выраженную в сочетании посуды с гребенчато-шнуровой и гребенчатой орнаментацией, часто дополняемой и ямками, для которой типичен и многорядный шнур без разделителей, указывает А.А. Чижевский (Чижевский, Хисяметдинова, 2020, с. 228).

При разделении ананьинской керамики по технике орнаментации, встречаемости элементов орнамента на одном сосуде складывается следующая картина (показатели выражены в %). Здесь же подсчитана и неорнаментированная керамика.

А. Керамика с гребенчатыми оттисками (в т. ч. с двузубым штампом). Ее доля в коллекции велика и достигает 42,55%;

Б. Керамика с гребенчатыми оттисками (в т. ч. с двузубым штампом) и ямками также занимает значительную часть – 17%;

В. Доля керамики с гребенчатыми отпечатками и шнуровыми оттисками незначительна – 3,2%;

Г. Керамика со шнуровыми оттисками и ямками также встречается нечасто – 2,2%;

Д. Доля керамики с ямками достигает 7,8%;

Е. Керамика со шнуровыми оттисками – 3,8%;

Ж. Керамика со шнуровыми оттисками, гребенчатыми отпечатками и ямками – 1,1%;

З. Керамика с шнуровыми оттисками и мелкими вдавлениями – 4,8%;

И. Керамика с мелкими вдавлениями – 2,2%;

К. Керамика с мелкими вдавлениями, шнуровыми оттисками и гребенчатым штампом (в т. ч. с двузубым штампом) – 2,7%;

Л. Керамика с шнуровыми оттисками и прочерченной линией – 0,55%;

М. Керамика с гребенчатыми оттисками, мелкими вдавлениями и нарезным орнаментом – 0,55%;

Н. Керамика с гребенчатыми оттисками, ямками и нарезным орнаментом – 0,55%;

О. Неорнаментированная керамика – 11%.

Достаточно высокий процент неорнаментированной керамики складывается, в частности, за счет сильной фрагментарности коллекции. Так, многие сосуды сколоты по шейке и могли орнаментироваться в нижней части шейки и по плечикам. Неорнаментированная посуда из Одоевского городища встречается только чашевидных форм и с прямой или слегка отогнутой шейкой, и выпуклыми или чаще слабовыпуклыми плечиками (рис. 7: 1–23). Морфологические особенности такой посуды из Одоевского городища с высокой и средней подцилиндрической шейкой и выпуклыми и слабовыпуклыми плечиками весьма близки именно постмаклашевской традиции. Неорнаментированная посуда не характерна для нижнекамских памятников и поселений АКИО Марийского Поволжья, Сиухинского и Малахайского городища в частности (Марков, 2007, с. 26; Ефремова, Соловьев, 2014, с. 230; Патрушев, 2017б, с. 113). С другой стороны, неорнаментированная керамика может указывать на поздний период освоения площадки городища носителями вятско-ветлужской культуры АКИО (IV–III вв. до н. э.), аналогичная неорнаментированная керамика, в т. ч. с воротничком, имеется на вятских городищах (Скорняковское, Кривоборское, Чижевское) и датируется позднеананьинским временем (Чижевский и др., 2016; Оруджов, 2017а, Оруджов, Глушков 2019). На поздний характер заселения указывают и орнаментальные признаки ананьинской керамики Одоевского

городища, такие как двузубая гребенка, сочетание разреженных рядов из оттисков шнура и мелких ямок. Подчеркнем, что керамика с простым шнуровым орнаментом содержит в примеси формовочной массы кроме раковины и шамот (прил. 1), аналогично примесям керамики из Скорняковского и Кривоборского городищ (Чижевский и др., 2016, с. 34; Оруджов, 2017а, с. 90, 92). Исключение составляют небольшие неорнаментированные сосуды чашевидной формы (рис. 7: 12, 20–21), распространение которых предполагается и в раннеананьинское время. Близкий сосуд известен на Богородском городище (Стоянов, 1959, табл. LV: 4).

Учитывая особенности формирования коллекции ананьинской керамики на Одоевском городище, ее стратиграфическую неразделенность, выделение позднеананьинской керамики возможно только типологически. Принимая во внимание стиль орнаментации, выраженный в однообразии мотивов, наличие керамики с валиковым выступом, неорнаментированной воротничковой посуды, сосудов, орнаментированных двузубым штампом и имеющих простые сюжеты орнамента, выполненного шнуровыми оттисками, можно предположить, что доля позднеананьинской керамики в коллекции составляет около 30%, но не более, учитывая морфологию посуды. Большинство найденной керамики на памятнике относится к среднему периоду АКИО.

Нарезной или прочерченный орнамент отмечен всего на пяти сосудах и не характерен для ананьинской посуды Одоевского городища. Эти данные не противоречат замечанию, сделанному В.Н. Марковым, об очень редком применении прочерчено-резного орнамента в ананьинскую эпоху (Марков, 2007, с. 27), к таким же выводам ранее приходила А.В. Збруева (Збруева, 1952, с. 66). Раннеананьинская и позднеананьинская посуда с резным орнаментом встречается на Зуево-Ключевском I городище (Ашихмина, 2014, табл. V–15). Резная техника на сосудах из Одоевского городища сочетается с орнаментом, выполненным шнуровыми оттисками, гребенчатым штампом и ямками. Нарезной техникой выполнены горизонтальные линии, зигзаги или косая решетка (рис. 8: 1–4, 8). На одном горшке горизонтальная прочерченная линия нанесена в нижней части шейки, а по шейке сосуд орнаментирован двойной волной из гребенчатых оттисков, местами переходящих в мелкие округлые вдавления (рис. 8: 8). На трудности определения техники выполнения

узоров мелкими вдавлениями и гребенчатым штампом указывал еще В.Н. Марков (2007, с. 27). Волна из оттисков гребенчатого штампа или мелких вдавлений весьма характерна для посуды из Одоевского городища (рис. 8: 7–8; 9: 9, 11; 10: 2, 4, 5, 9, 11; 13: 11, 13), волной из мелких вдавлений орнаментируется и керамика из Богородского городища (Стоянов, 1959, табл. LIX). Истоки украшения посуды изгибающимися линиями гребенчатого штампа восходят к лебяжской орнаментальной традиции, такой мотив встречается на посуде из поселения Знаменка (Буров, 1983, рис. 3: 2).

На двух фрагментах керамики мотивы орнамента исполнены только резной техникой, они могут быть отнесены к предананьинскому времени (рис. 8: 2, 4). Один из них обломан на месте перехода шейки в плечики и был орнаментирован ямками, слабо фиксирующимися на месте слома. Это сосуды с прямой подцилиндрической шейкой, один с округло-приостренным, другой с плоским краем, орнаментированные по шейке косой решеткой и зигзагом соответственно. Так как фрагменты обломаны по нижней части шейки, степень выпуклости плечиков не определена. Посуда маклашеевского облика с подцилиндрической шейкой и выпуклыми плечиками с нарезным орнаментом по шейке имеется и на Богородском городище, найдена она в I слое и соотносится с ранними комплексами керамики, нарезной техникой создаются мотивы в виде ромбов и косой решетки (Стоянов, 1959, с. 184, табл. LV: 5, 6).

Сюжет в виде косой решетки известен на маклашеевской керамике из поселения Курган и городища Черепашье (Марков, 2007, рис. 38: 1, 42: 5; Кузьминых, Чижевский, 2009, рис. 5: 5), Икской I стоянки (Ашихмина, 2014, рис. 35: 5). В частности, на поселении Курган имеется сосуд с приостренным краем – такой же, как и на Одоевском городище. В то же время характерен такой мотив орнамента для более раннего этапа маклашеевской культуры – атабаевского, где его доля значительна и достигает 14%. Зигзаг из нарезок также типичен для керамики атабаевского этапа маклашеевской культуры (Лыганов, Морозов, Азаров, 2019, с. 55–56, табл. 2).

Наличие на горшках с нарезным орнаментом из Одоевского городища прямой подцилиндрической шейки, не характерной для керамики атабаевского этапа маклашеевской культуры, дает основания предполагать развитие этой посуды именно на маклашеев-

ском этапе, который датируется XII/XI – X вв. до н. э. (Кузьминых, Чижевский, 2017, с. 24). Вероятно, посуда с резным орнаментом, обнаруженная на памятнике в небольшом количестве, может отражать какие-то локальные культурные контакты населения, изготовлявшего керамику с рамчатым декором, с носителями маклашевских традиций или, как уже отмечалось, указывать на время освоения площадки городища носителями керамики «одоевского типа». Выделяются общие, сближающие их, морфологические (эпохальные) признаки керамики, но не более. У керамики с рамчатым декором отсутствуют текстильная обработка поверхности и минеральные примеси в формовочной массе, отмечаются и разные орнаментальные сюжеты, и техника их исполнения.

В керамической коллекции из Одоевского городища встречено три сосуда с плоским краем и прямой шейкой, украшенных фигурками, возможно, напоминающими водоплавающих птичек (рис. 9: 25; 11: 11; 12: 23). Изображения выполнены в гребенчатой технике. На фрагментах от двух горшков фигурки сделаны зигзагообразными линиями сразу под краем венчика (рис. 11: 11; 12: 23). Фрагменты мелкие, малоинформативные и, вероятно, соотносятся с древностями маклашевского времени. Близкие сюжеты в виде зигзагообразных линий известны на маклашевской посуде городища Черепашье (Марков, 2007, рис. 41: 3; Кузьминых, Чижевский, 2009, рис. 5: 5).

Подобные изображения интерпретированы С.В. Ошибкиной и О.С. Гадзяцкой как фигурки водоплавающих птичек, в т. ч. выполненных зигзагообразными линиями. По их мнению, такие сюжеты характерны для керамики эпохи бронзы (Ошибкина, 1980; Гадзяцкая, 1992, с. 132–134). Такие сюжеты типичны и для более ранних эпох.

Выделяется в коллекции третий оригинальный сосуд с сюжетом, возможно, изображающим водоплавающих птиц, который имеет явное ананьинское происхождение и орнаментирован гребенчатым штампом и оттисками шнура. Фигурки, напоминающие птичек, развернуты друг от друга и плывут в разные стороны, под ними нанесены две полосы из спаренных шнуровых оттисков, заканчивается композиция трёхрядным зигзагом из отпечатков гребенчатого штампа (рис. 9: 25). Обозначенная композиция выражает локальное своеобразие ананьинских орнаментальных традиций Одоевского городища,

на других памятниках ананьинского круга такой сюжет сейчас неизвестен. По составу примесей этот сосуд относится к группе I а (с жженой раковинной).

Посуда Одоевского городища имеет как сложные орнаментальные композиции, сочетающие комбинации из гребенчатых оттисков с ямками, гребенчато-шнуровые оттиски и ямки и оттиски шнура с ямками, так и достаточно простые, составленные из элементов, выполненных в одной технике, чаще всего гребенчатой.

Керамика ВВК АКЮ из Одоевского городища орнаментировалась по шейке (45,2%), одновременно по шейке и плечикам (46,6%) или только по плечикам (8,2%) – наблюдается небольшое доминирование посуды, орнаментированной по плечикам и шейке. По этим показателям керамика из Одоевского городища несколько схожа с посудой из Антоновского городища, в меньшей мере – из Маклашевского II (Марков, 2007, табл. 5). Небольшой ряд сосудов из Одоевского городища по тулову имеет ямки и сквозные отверстия. Посуда вятских городищ, таких как Ройский Шихан, Белоглазовское и Аргыжское, в большей степени одновременно орнаментирована по шейке и плечикам (Марков, 2007, табл. 29). Здесь следует учесть и наличие позднеананьинской посуды на Одоевском городище, которая орнаментировалась меньше, а сосуды в основном украшались по шейке. Таким образом, процент посуды раннего (второй этап) и среднего периода из Одоевского городища, орнаментированной по шейке и плечикам одновременно, может быть сопоставим с обозначенными вятским памятниками.

На Одоевском городище преобладает керамика, орнаментированная только гребенчатыми оттисками или оттисками гребенчатого штампа в сочетании с ямками, мелкими вдавлениями и прочерченными линиями, она составляет 69% от всей орнаментированной керамики. В чистом виде оттиски гребенчатого штампа встречены на 74 сосудах. Доля керамики, орнаментированной шнуровыми оттисками, в т. ч. в сочетании с гребенчатым штампом, ямками, прочерченными линиями и мелкими вдавлениями, достигает 21%. Отдельно оттиски шнура наблюдаются лишь на 9 сосудах. Керамика, орнаментированная только ямками и мелкими вдавлениями, составляет 10%. Имеется только один сосуд с глазчатыми ямками.

Ямочные вдавления на посуде из Одоевского городища встречаются различных видов,

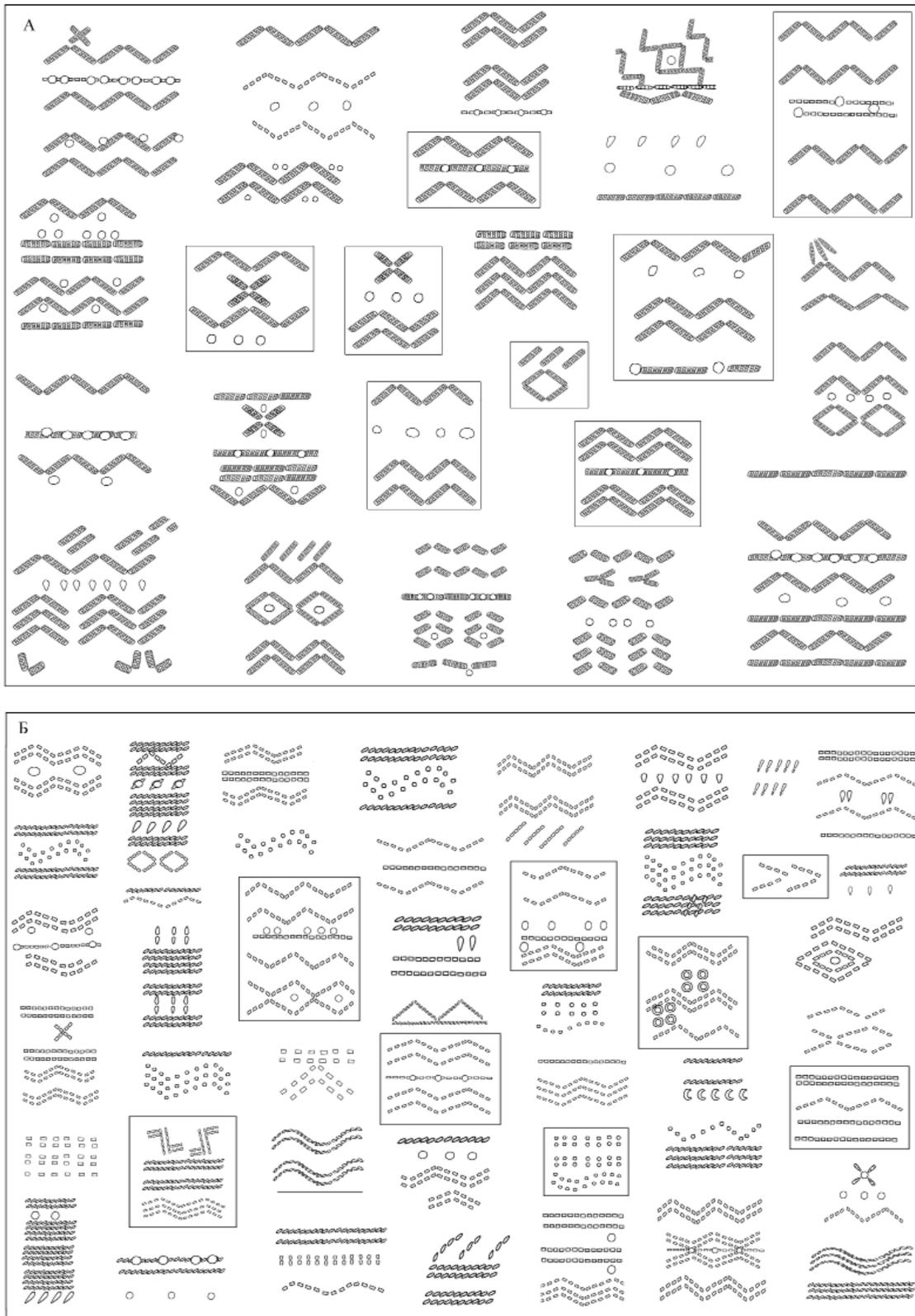


Рис. 14. Основные орнаменты на керамике с рамчатым декором, гибридной посуде (А) и вятско-ветлужской культуры АКИО (Б). Оформление рисунка — Е.В.Рябинина

Fig. 14. Main ornaments on ceramics with a framed decor, hybrid ware (A) and that of the Vyatka-Vetluga culture of the Ananyino Cultural and Historical Region (B). Drawing design - E.V. Ryabinina

они отличаются как по глубине вдавлений, так и по конфигурации дна (рис. 9: 2, 4, 16, 18–24, 25; 10: 1, 17–19; 13: 1–5, 9). Ямки бывают кольцеобразные неглубокие, неглубокие с

плоским дном, вдавления средней глубины, но еще не образующие выпуклины с обратной стороны, и глубокие ямки с выпуклинами на внутренней поверхности горшка, при

этом выпуклины достаточно большие. Дно у глубоких ямок округлое, плоское, реже округло-приостренное (коническое).

Чаще всего из ямок составлены горизонтальные ряды, которые нанесены по шейке (нижней части горловины на месте перехода в плечики), реже они зафиксированы по плечикам. Наблюдаются и ямки, нанесенные по тулову, в т. ч. сквозные (рис. 9: 24).

На сосудах имеются и мелкие вдавления разнообразных форм, среди них выделяются округлые (диаметром 0,1–0,2 см), подтреугольные, каплевидные и клиновидные, а также вдавления в форме полумесяца (скобчатые), выстраивающиеся в горизонтальный ряд, сюжеты составляют и из спаренных мелких ямок. Из мелких вдавлений создаются узоры в виде зигзага и волны, которые часто используются при украшении керамики жителями Одоевского городища. По мнению В.Н. Маркова, такие узоры из мелких ямок на памятниках бассейна р. Вятки неизвестны и характерны для нижнекамских поселений (Марков, 2007, с. 48). На керамике из Одоевского городища зигзаг или волна из мелких вдавлений сочетаются и с трехзубым гребенчатым штампом (рис. 9: 11), такое сочетание характерно и для керамики из третьего слоя Богородского городища (Стоянов, 1959, с. 187).

На одном сосуде две пары ямок образуют квадрат (рис. 9: 22). Делаются ямки и внутри ромбов из гребенчатых оттисков (рис. 9: 2, 21, 26), выполняются и поверх горизонтальной линии из оттисков гребенчатого штампа (рис. 8: 21; 9: 8, 14, 18, 26). Встречаются сосуды с несложным орнаментом, состоящим из горизонтальных рядов вдавлений и одиночных или двойных оттисков шнура (рис. 10: 6, 15, 19).

Глубокие ямки, образующие выпуклины с обратной стороны стенок, зафиксированы на посуде со сложным орнаментом, которая помимо ямок украшена шнуровыми оттисками, расположенными в несколько рядов по шейке, а завершают композицию каплевидные вдавления или насечки (рис. 10: 1, 4), аналогичны по глубине и глазчатые ямки на посуде с гребенчато-шнуровым орнаментом (рис. 9: 4). Вдавления на таких сосудах располагались в одном ряду через примерно одинаковые промежутки.

В коллекции керамики из Одоевского городища встречен всего один сосуд с глазчатыми ямками, найденный в третьем слое городища (Воеводский, 1951), и, судя по всему, наряду со

сложно орнаментированной безворотничковой керамикой, он является одним из ранних. Данный сосуд – со сложной орнаментальной композицией, которая начинается парой двоянных рядов из шнуровых оттисков; между ними, и частично перекрывая их, наложен зигзаг, выполненный гребенчатым штампом. Далее следует горизонтальный ряд из глазчатых ямок, ниже которого фиксируется полоса из четырехрядных оттисков шнура, которая разграничена от полосы из двух рядов оттисков шнура наклонными каплевидными вдавлениями. Завершается композиция на плечиках ромбами, сделанными из гребенчатых оттисков (рис. 9: 4). Керамика с глазчатыми ямками широко представлена на Богородском городище (Стоянов, 1959, табл. LVI; LVII).

На ветлужских городищах комплексы посуды, включающие керамику, орнаментированную глазчатыми ямками, датированы О.Н. Бадером и В.Е. Стояновым VII–V вв. до н. э. (Бадер, 1951а; Стоянов, 1959). В частности, керамика с глазчатыми ямками отнесена В.Е. Стояновым к ранним комплексам и характерна для 1 и 2 слоя Богородского городища (Стоянов, 1959, с. 184). Бытование посуды с глазчатыми ямками наряду с другой керамикой АКЮ на средневожских памятниках А.Х. Халиковым определено в рамках VII–V вв. до н. э. (Халиков, 1962, с. 116). В.С. Патрушев Малахайское поселение, на котором найдена керамика с глазчатыми ямками, датирует более узко, в пределах VII–VI вв. до н. э. (Патрушев, 2017б, с. 109–110, рис. 9–10). Г.А. Архипов ананьинскую керамику из городища Ройский Шихан, которая включает и посуду, украшенную глазчатыми ямками, датировал VII–V вв. до н. э. (Архипов, 1962, с. 203, табл. XLI). Самые ранние материалы ананьинского времени на памятниках Нижнего Прикамья представлены в слоях из городища Гремячий Ключ и Черепашье (Марков, 2007, с. 43). В свою очередь, на городище Черепашье известна лебяжская посуда и ананьинская гребенчато-шнуровая керамика, украшенная глазчатыми ямками (Марков, 2007, рис. 21: 1, 3–4, 6–7; 23: 5, 6; 24: 4). Керамику из городища Черепашье, украшенную глазчатыми ямками, В.Н. Марков определяет во вторую группу (Марков, 2007, с. 37), посуда этой группы соотносится с вятско-ветлужской культурой. Сосуды, относящиеся к этой группе, отсутствуют в слое под насыпью вала, который насыщен керамикой первой группы (Марков, 2007, с. 38), относящейся к ПМК (Чижевский, Хисяметдинова, 2020, с. 93). А.А. Чижевский,

рассматривая особенности городища Черепашье, основное проникновение носителей вятско-ветлужской культуры на Вятку, Ветлугу и Нижнее Прикамье соотносит с VII–VI вв. до н. э. (Чижевский, Хисяметдинова, 2020, с. 93).

Таким образом, распространение керамики, орнаментированной глазчатыми ямками, в бассейне р. Ветлуги, на Одоевском городище в частности, происходит начиная с VII в. до н. э.

К ранним комплексам керамики из Одоевского городища можно отнести и посуду без воротничков со сложной орнаментальной композицией, составленной в основном из шнуровых оттисков в сочетании с насечками и ямками, образующими выпуклины с обратной стороны, и имеющей в примеси только раковину моллюсков. Такие горшки хорошо представлены на Русенихинском и Богородском городищах. Без внимания не должна остаться и керамика с внутренним ребром на месте перехода высокой прямой или слабоотогнутой шейки в плечики, аналогичная фиксируемой в ранних комплексах I Зуево-Ключевского городища, которая указывает на более раннее время, но это обстоятельство требует дополнительного подтверждения.

Еще раз подчеркнем важную роль оттисков гребенчатого штампа при украшении сосудов Одоевского городища. Многие мотивы на отдельных сосудах выполнены исключительно этой техникой орнаментации. Безусловно, в этом отношении интересны и костяные орнаменты, найденные на городище во втором слое и использовавшиеся для нанесения гребенчатого штампа на глиняную посуду, в т. ч. для исполнения оттисков с широкой амплитудой шага (Бадер, 1951а, рис. 12: 18–19).

Из оттисков гребенчатого штампа чаще всего составлены горизонтальные линии, зигзаги и ромбы. Выполняются ими и редко встречающиеся сюжеты в виде водоплавающих птичек, крестиков (рис. 9: 25; 12: 22, 28), в одном случае в центре крестика поставлена ямка (рис. 12: 22). Имеются мотивы из короткого двух или трехзубого штампа (рис. 9: 6, 11; 10: 14; 11: 3–4, 22; 12: 14, 32; 13: 12). Линии из оттисков гребенчатого штампа располагаются в один ряд, реже сгруппированы в два или три горизонтальных ряда, иногда они плавно выгибаются в виде невысокой волны (рис. 9: 23). Зигзаги встречаются однорядные, двух- или трехрядные (рис. 9: 18, 26; 11: 6, 8, 16, 19, 21, 24–25). Часто на одном сосуде горизон-

тальные линии из оттисков гребенки сочетаются с зигзагом, сделанным в этой же технике (рис. 9: 18, 26; 11: 6, 21, 24–25). Развал горшка, орнаментированный горизонтальной линией и трехрядным зигзагом, найден в нижнем слое, на участке В (рис. 11: 25).

Стоит выделить керамику, украшенную оттисками гребенчатого штампа в сочетании с ямками, иногда и шнуровыми оттисками, образующими более сложные узоры (рис. 9: 2, 4, 5, 14, 16, 18–23, 25, 26), её количество в коллекции невелико, а также сосуды с простым разреженным и достаточно однообразным гребенчатым орнаментом, представляющим отдельные горизонтальные линии, зигзаги или их сочетание (рис. 11).

Близкая посуда с простым гребенчатым орнаментом известна на Кривоборском и Чижевском городищах (Оруджов, 2017а; Оруджов, Глушков 2019), на Скорняковском городище (Чижевский и др., 2016). На последнем керамика, орнаментированная только гребенчатым штампом, составляет 49% (Митряков, Черных, 2014, с. 178), что приближено по показателям к Одоевскому городищу. Сходно и соотношение керамики, орнаментированной ямками, на Скорняковском – 8% (Митряков, Черных, 2014, с. 178), на Одоевском – 7,8%. В то же время следует обратить внимание на важную деталь: для посуды из вятских городищ присущи воротнички в отличие от керамики из Одоевского городища, сохраняющей основную традицию прямой или слабоотогнутой шейки. Керамика с несложным гребенчатым орнаментом имеет и низкую или среднюю отогнутую шейку, типичную для вятских памятников.

Часто композиция на сосудах с довольно насыщенным гребенчатым орнаментом начинается зигзагом (одно- или двухрядным), в нижней части шейки нанесены горизонтальные линии, в т. ч. сочетающиеся с ямками, ниже на плечиках делаются зигзаги (рис. 9: 18). В одном случае композиция заканчивается ромбами, в середине которых размещена ямка с плоским дном (рис. 9: 26). В коллекции Одоевского городища находится еще один фрагмент, орнаментированный ромбами с ямкой внутри, найденный в слое 2 на участке III/4–5: ямка средней глубины, выпуклину с обратной стороны не образует (рис. 9: 2). Имеется и одна стенка с таким же мотивом (рис. 9: 21). Близкий по исполнению, но не идентичный орнамент имеется на ананьинской керамике из поселения Гремячий ключ, где ямки размещены в ромбах, при этом компо-

зиция состоит либо из многорядных ромбов, либо из косой решетки (Збруева, 1952, табл. XV: 13). Ромбы с двумя ямками внутри известны на маклашеевской керамике из поселения Курган (Марков, 2007, рис. 39: 5). Орнаментальные композиции, включающие ромбы, выполненные гребенчатым штампом, но без ямок внутри, известны на городищах Ройский Шихан и Маклашеевском II (Архипов, 1962, табл. XLI, Марков, 1985, рис. 3: 8). Ромбами орнаментируется и керамика из Богородского городища (Стойнов, 1959, табл. LVI; LVII).

Интересен и сосуд, орнаментированный по шейке горизонтальными линиями и крестиками, а по плечикам – двумя двурядными зигзагами (рис. 12: 28). При этом оттиски гребенчатого штампа тонкие, а на крестиках слегка замкнутые в овалы, напоминающие традицию орнаментации керамики рамчатым штампом, однако между оттисками остается большое свободное пространство в отличие от отпечатков классической рамчатой традиции. Отличается этот сосуд от керамики с рамчатым декором и по составу примесей в формовочной массе: изготовлен с примесями раковины и шамота, в отличие от керамики с рамчатым штампом, для которой характерна раковина моллюсков, нагретая на углях. Сюжеты с крестиками известны на ананьинской посуде, о чем говорилось выше.

Следует отметить, что в коллекции с Одоевского городища присутствуют несколько фрагментов стенок с обломанным краем, а также один фрагмент венчика (рис. 9: 14), напоминающих по стилю орнаментации лебяжскую керамику: орнамент представляет собой сложный узор, выполненный элементами только из оттисков гребенчатого штампа (горизонтальные линии, зигзаги и наклонные отрезки), образующих плотно сгруппированные мотивы без чистых полей, иногда сочетающиеся с ямками (рис. 9: 21; 12: 31, 33, 35).

Характеризуя керамику, орнаментированную гребенчатыми отпечатками, необходимо подчеркнуть и различность самих оттисков. На Одоевском городище встречаются сосуды, украшенные гребенчатыми оттисками мелких, средних и крупных размеров. Выделяются оттиски (средние и чаще крупные), сделанные с широкой амплитудой шага. Подобного типа отпечатки имеются на керамике озыгского этапа лебяжской культуры из поселения Яко I (Буров, 1983, рис. 3: 11; Марков, 2007, 28: 5–6), широко поставленные друг от друга отпечатки наблюдаются и на лебяжской керамике из Ардинского, Чутай-

ского I, Сухой Берсут и Сорочьегорского городищ (Марков, 2007, рис. 23: 4, 24: 1, 29: 4–5; Чижевский, Хисяметдинова, 2020, рис. 191: 12), расположенных на Средней Волге, в Вятском бассейне и Нижнем Прикамье, встречаются оттиски разреженной гребенки и в комплексах керамики ПМК АКЮ на городище Гремячий Ключ (Чижевский, Хисяметдинова, 2020, рис. 186: 17), фиксируются они и на Малахайском поселении (Патрушев, 2017б, рис. 12: 4), подобными отпечатками оформлен один сосуд из Васильсурского II городища (Халиков, 1962, табл. XXVIII). Такими оттисками, как правило, наносятся горизонтальные линии, которые сочетаются с ямками, в отличие от посуды из Одоевского городища, на которой они составляют самостоятельные узоры в виде горизонтальных линий и зигзагов (рис. 8: 19–24; 9: 12; 11: 1; 12: 26), только один фрагмент керамики из Одоевского городища с подобными гребенчатыми оттисками дополнительно орнаментирован глубокими ямками (рис. 8: 21). Выполняются отпечатками такого рода и ромбы (рис. 9: 2). Отпечатки с широкой амплитудой шага отмечены и на керамике маклашеевского облика с Одоевского городища (рис. 12: 23).

Посуда с гребенчатыми отпечатками с широким шагом встречается на памятниках ВВК АКЮ. В частности, на Грехневском I поселении известны два сосуда без воротничка со сложным гребенчато-шнуровым орнаментом, сосуды по плечикам украшены линиями и зигзагами, составленными оттисками широкой гребенки (Митряков, Черных, 2014, рис. 16: 17–18). Близкие оттиски можно наблюдать на посуде с воротничком из Чижевского городища, которая, как и керамика из Одоевского городища, ямками не орнаментирована, при этом оттиски отличаются: на сосуде из Чижевского городища они короткие наклонные (Оруджов, Глушков, 2019, рис. 8: 28).

Таким образом, узоры, включающие элементы из гребенчатых оттисков с широкой амплитудой шага в сочетании с ямками, по всей вероятности, могут выступать в качестве раннего признака ананьинской керамики. Гребенчатые оттиски без ямок, очевидно, выражают развитие подобной традиции и могут существовать вплоть до позднего периода АКЮ, учитывая, что в формовочную массу кроме раковины начинает добавляться и шмот (прил. 1). Близкий сосуд, отнесенный к позднему периоду АКЮ, известен на Аргыжском городище (Чижевский, 2017, рис.

16: 12). Сосуды, орнаментированные в подобной технике, находятся и в технологической группе Iб Одоевского городища вместе с керамикой без воротничка с высокой шейкой и выпуклыми плечиками, орнаментированной глубокими ямками, образующими выпуклины с обратной стороны, и полосами шнуровых оттисков, и насечками. Эти сосуды изготовлены из среднезапесоченной глины, в примеси которых содержится только раковина моллюсков (прил. 1). Обнаружены фрагменты керамики, орнаментированные гребенчатыми оттисками с широкой амплитудой шага, в основном в слое 2, в частности на участке А, в нижней части.

Фиксируются и гребенчатые отпечатки, плотно поставленные друг к другу (они, как правило, меньших размеров), характерные для керамики из поселений вятско-ветлужской культуры АКИО.

В целом более высокая доля именно оттисков гребенчатого штампа при орнаментации керамики вятско-ветлужской культуры АКИО из Одоевского городища может указывать на бережное сохранение лебяжских орнаментальных традиций.

Обратимся с этим сюжетом и к материалам Юго-Западного Прибеломорья. Гребенчатый штамп с широкой амплитудой шага известен на синхронных лебяжским памятниках с керамикой типа Бохта II (Жульников, 2005, рис. 100: 10, 104: 1, 11, 105: 1, 8). Основные сюжеты, выполненные подобным штампом, также представлены горизонтальными линиями, которые сочетаются с ямками. А.М. Жульников на основании лебяжских орнаментальных традиций и форм сосудов указывает на восточное происхождение керамики типа Бохта II (Жульников, 2005, с. 34). Известна керамика с широкопоставленными оттисками гребенчатого штампа и на памятниках финала бронзы – РЖВ с сетчатой керамикой в окрестностях Галичского озера и Костромской низины (городище Брюхово, поселение Ватажка) (Новиков, 2019, рис. 3: 21, 7: 2; Новиков, 2020, рис. 19: 12).

Отметим высокую мобильность и активность населения лебяжской культуры в финале эпохи бронзы – самом начале раннего железного века. Небольшие разбросанные коллективы этой культуры имеют широкую географию расселения. Носители лебяжских традиций продвигаются на запад, достигая пределов Юго-Западного Прибеломорья, где их присутствие отмечается в формировании керамики типа Бохта II, и на юго-запад, доходя

до Волжского бассейна, где на Малахайском поселении и Ардинском городище известна лебяжская керамика, в Поветлужье она найдена на Богородском городище. Предварительно можно говорить о распространении носителей лебяжских традиций на Ветлуге в самом начале I тыс. до н. э. Судя по всему, на Ветлуге происходят контакты и с носителями рамчатых керамических традиций, о чем свидетельствуют наличие гибридной керамики, а также стиль орнаментации части посуды с рамчатым штампом, фиксирующейся на Одоевском городище, что отмечалось выше. Носители керамики с рамчатым декором «одоевского типа» заселяют данное место, вероятно, еще в финале эпохи бронзы, что подтверждают и редкие находки керамики маклашеевского облика, сделанные на городище. В этой связи обратим внимание на весьма важное предположение В.Н. Маркова о том, что лебяжская керамика на памятниках Нижнего Прикамья следует за маклашеевской и хронологически с ней не связана (Марков, 2007, с. 45). Вероятно, на это обстоятельство указывают и керамические материалы из Одоевского городища, подчеркнем только, что они не имеют четких стратиграфических привязок, выделены типологически в смешанных комплексах, находящихся в нижних слоях. На Богородском городище керамика маклашеевского облика и сетчатая посуда характеризуют первый (ранний) слой (Стоянов, 1959, с. 181–182, табл. LV).

Мотивы, составленные из шнуровых оттисков, при украшении керамики вятско-ветлужской культуры АКИО Одоевского городища играли менее заметную роль, в отличие от орнамента, сделанного гребенчатыми отпечатками.

Определяемая структура шнуровых оттисков тонкая и толстая. Направление оттисков (при определенном положении шнура) – правонаклонное или левонаклонное. Для керамики из Одоевского типичны оттиски с правым уклоном.

Выделяется небольшая группа керамики, типичная для вятско-ветлужской культуры АКИО, орнаментированная в два, три или четыре горизонтальных ряда шнуровых оттисков, расположенных вплотную друг к другу и отделенных свободным неорнаментированным пространством или другими элементами орнамента. На керамике, орнаментированной шнуровыми оттисками по шейке, имеется и поясok из глубоких ямочных вдавлений, типичных для раннеананьинской посуды,

образующих выпуклины с обратной стороны (рис. 9: 4; 10: 1, 17, 18). Такая посуда характерна и для Богородского, и Русенихинского городищ. Имеются мотивы из вплотную расположенных оттисков одного шнура без разделителей (рис. 8: 14; 10: 13), встречаются оттиски шнура со своеобразным разделителем, когда шнуровые оттиски первой линии четырехрядной полосы более глубокие и четкие. Этот сосуд по шейке орнаментирован пояском из глубоких ямок, а завершают композицию насечки. Данный горшок может считаться одним из ранних (рис. 10: 17). На одном сосуде полосы, составленные из двух и четырех рядов шнуровых оттисков, сочетаются с двузубым гребенчатым штампом (рис. 10: 14). Встречается керамика с волной или зигзагообразно изгибающимися линиями из оттисков шнура, иногда спаренными или расположенными по три (рис. 8: 12, 13, 18; 9: 1; 10: 7–8), на одном фрагменте они сопровождаются и мелкими вдавлениями (рис. 9: 1). Керамика, орнаментированная волной из шнуровых оттисков, имеется на Скорняковском городище (Митряков, Черных, 2014, рис. 17: 5, 11; Чижевский и др., 2016, рис. 40: 2), менее, но заметна она и в комплексах керамики Одоевского городища. А.А. Чижевский указывает, что такая керамика имеет большое хронологическое распространение, встречается на ананьинских памятниках начиная с VIII в. до н. э. и присутствует в комплексах до V–IV вв. до н. э. (Чижевский и др., 2016, с. 46).

В коллекции керамики, орнаментированной волной или зигзагообразными линиями из шнура, выделяется фрагмент одного сосуда, украшенного по шейке однорядным зигзагом из оттисков толстого шнура, подчеркнутого горизонтальной линией, выполненной этими же оттисками (рис. 8: 18). Близкая керамика найдена на раннегляденовском поселении у д. Севастьяны близ г. Перми (Мокрушин, 1992, рис. 2: 5). Определяя особенности севастьяновской керамики, Мокрушин В.П. сближает ее с позднеананьинской (Мокрушин, 1992, с. 109).

Имеется в коллекции из Одоевского городища и керамика, на которой сочетаются мотивы, выполненные шнуровыми оттисками и гребенчатыми отпечатками (рис. 9: 4, 25; 10: 7, 10, 12) или прочерченной линией (рис. 8: 1).

Присутствует посуда с разреженным несложным орнаментом, представленным одиночными горизонтальными линиями из шнуровых оттисков или полоской из двух

рядов оттисков шнура (рис. 8: 5, 6, 10, 15; 10: 3, 5–6, 8, 9, 15–16, 19). Орнаментальные мотивы, как правило, состоят из двух элементов. Часто на такой керамике можно увидеть сочетание простых линий шнуровых оттисков с поясками из ямок, ряды из ямок располагаются в нижней части шейки и по плечикам (рис. 10: 6, 15, 19), ямки небольшого размера. Орнаментацию сосудов мелкими вдавлениями на вятских памятниках АКИО Э.И. Оруджов определяет как поздний признак ананьинской керамики, основываясь на предположениях С.Н. Коренюка (Оруджов, 2017а, с. 91), однако на керамике из Одоевского городища они использованы в т. ч. и для составления относительно сложных узоров в виде волны, как и на памятниках Прикамья. Вместе с тем мелкие ямки и узоры, ими составленные, характерны для керамики из третьего слоя Богородского городища (Стоянов, 1959, с. 187). Присутствуют на посуде из Одоевского городища пояски из подтреугольных и клиновидных вдавлений, не идентичных, но близких белогорскому типу керамики. У одного горшка вдавления в форме полумесяца (или скобчатые) нанесены по плечикам (рис. 10: 6). На другом горшке с валиковым выступом мелкие ямки, образующие волну, сочетаются с многорядными оттисками шнура (рис. 10: 4). Посуда с простым шнуровым орнаментом второго морфологического типа чаще имеет высокую шейку. По стилю орнамента и форме верхней части такая керамика напоминает посуду ПМК АКИО. В частности, несложный орнамент характерен для керамики ПМК АКИО Казанской стоянки (Чижевский и др., 2019, с. 127–128). А.А. Чижевский существование поселений ПМК АКИО доводит до IV/III вв. до н. э. (Чижевский, 2017). Близкий по стилю орнамент можно наблюдать и на керамике ПМК АКИО из памятников Нижнего Прикамья (Марков, 2007, рис. 15: 1, 16: 9, 19: 2). Вместе с тем выделим важный момент: ямки на керамике ПМК АКИО глубокие и зачастую образуют выпуклины с обратной стороны, в отличие от посуды из Одоевского городища, на которой они неглубокие и меньших размеров. Схожая по стилю орнаментации позднеананьинская посуда известна в бассейне р. Белой (Чижевский, 2017, рис. 14: 15, 19). В формовочную массу керамики с простым орнаментом добавляется раковина и шамот. Таким образом, наиболее вероятное время распространения подобной керамики на Одоевском городище может приходиться на позднеананьинский период, когда на поселении появляется собственно

и сетчатая керамика, но, судя по нахождению достаточно больших склеивающихся фрагментов от двух горшков, орнаментированных по краю (рис. 10: 15, 19), в нижнем слое на участке Д, не исключено и более раннее время появления такой посуды на городище, в VI–V вв. до н. э. На Богородском городище посуда с простым шнуровым орнаментом присутствует и в ранней группе керамики, В.Е. Стоянов определяет её как керамику с неспецифичными орнаментальными композициями (Стоянов, 1959). В целом между керамикой Богородского и Одоевского городищ наблюдается много общих, пересекающихся характеристик, как орнаментальных, так и морфологических.

Таким образом, ананьинская посуда из Одоевского городища изготавливалась преимущественно из незапесоченных и слабозапесоченных глин с примесью в формовочной массе раковины, раковины и шамота или шамота с органическими остатками. Горшки округлодонные, преобладают с прямой или слегка отогнутой шейкой, слабовыпуклыми, реже выпуклыми плечиками. Большинство сосудов имеют плоский край, иногда орнаментированный. При орнаментации керамики чаще всего использовался гребенчатый штамп, реже – в сочетании с ямками, еще реже – с шнуровыми оттисками.

3. Сетчатая керамика

В третью группу выделена сетчатая керамика (рис. 13: 19–33). Керамика найдена в основном во 2 слое, а также собрана с поверхности, ее присутствие документируется и в слое 1 (вероятно, переотложена). В коллекции Одоевского городища насчитывается небольшое количество фрагментов такой керамики (около 30), что составляет 1% от всей керамики из раскопок Б.С. Жукова и О.Н. Бадера, еще 2 фрагмента собраны на городище Н.М. Бекаревичем в 1903 г. (рис. 13: 22). Предметы хранятся в ОГБУК «Костромской государственной историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» (КМЗ КОК 15306, 15307). Коллекция собранных на городище Н.М. Бекаревичем предметов состоит из фрагментов керамики и каменных изделий. Общее количество находок составляет 39 шт. О.Н. Бадер керамику с текстильными отпечатками относил к началу I тыс. н. э. (Бадер, 1951а, с. 154).

По фрагментам верхних частей выделяется не более 5 сосудов. Сетчатая керамика исключительно слабопрофилированная, с низкой, слегка отогнутой шейкой, и высо-

кой, практически прямой шейкой, плечики низкие приспущенные, слабовыпуклые (рис. 13: 19–23). Посуда неорнаментированная. Край оформлен однообразно, как правило, округлый, реже плоский, без утолщений. Два горшка орнаментированы по краю косопо-ставленными насечками. Черепки плотные. Керамика коричневых, серых и темно-серых цветов. С внутренней стороны поверхность керамики заглажена. Толщина стенок посуды составляет от 0,35 до 0,6 см, в среднем 0,4–0,5 см. Изготавливалась керамика из глины с естественными примесями кварцевого песка, в состав формовочной массы добавлялись минеральные примеси в виде шамота. Присутствует и органический раствор, определённый как выжимка из навоза жвачных животных. В сетчатой керамике из коллекции Н.М. Бекаревича встречается и дресва.

Внешняя поверхность посуды декорирована рябчатыми и нитчатыми отпечатками. Рябчатые отпечатки мелкочаеистые и крупночаеистые, хаотично расположенные. Встречаются отпечатки узкой ногтевидной формы. Отпечатки чаще четко вдавленные, редко встречаются слабо вдавленные, подза-тертые. Сетчатая керамика с нитчатым отпечатком встречается реже. Структура нитей мелкая, накладывались они как горизонтально, так и вертикально под углом, при этом на поверхности могли оставаться и заглаженные участки (рис. 13: 33). На одном черепке встречены хаотично наложенные нитчатые отпечатки.

В коллекции имеется и один фрагмент с рогожными отпечатками: отпечатки подпрямоугольные большие, с внутренней стороны черепок заглажен.

У керамики с Одоевского городища отсутствуют общие признаки (орнамент, степень выпуклости плечика, общая морфология верхней части горшка), за исключением сетчатой обработки внешней поверхности рябчатыми и нитчатыми отпечатками, с текстильной посудой аозинской культуры АКЮ, в частности, найденной на Ардинском, Сиухинском, Васильсурском II, Сомовском II и Богородском городищах (Патрушев, 2017а, рис. 3–6; Михеев, 2017, рис. 9–10; Ефремова, Соловьев, 2014, рис. 13; Халиков, 1962, табл. XXX; Никитин, Соловьев, 2001, рис. 8: 3–10; Стоянов, 1959). Отличается сетчатая керамика из Одоевского городища и от аозинской керамики из других поселений АКЮ (Кузьминых, Чижевский, 2009, рис. 10; Чижевский, Галимова, Губайдуллина, 2019, рис. 12).

В свою очередь, на поселенческую активность носителей сетчатых керамических традиций на берегах р. Ветлуги в аозинское время, очевидно, и ранее, в поздний период эпохи бронзы, может указывать сетчатая керамика, найденная на Пановской стоянке (Бадер, 1951б, с. 19) и в нижних слоях Богородского городища (Стоянов, 1959, с. 162, 181), однако её еще предстоит изучить, как и сетчатую посуду, обнаруженную на Нагорном, Богородском, Подушкино 2 поселениях и городище Селиваниха 1. Вызывает интерес фрагмент сетчатой керамики, относящийся к аозинской культуре АКЮ, орнаментированный под венчиком пояском из глубоких ямок, образующих выпуклины с обратной стороны, найденный на поверхности западного склона Богородского городища А.А. Пудеевым (2010, рис. 12). Он отмечает, что городище продолжает разрушаться в результате природного и антропогенного факторов, культурные слои повреждены (Пудеев, 2010, с. 87–88). Ещё раз повторим, что поселения с сетчатой керамикой Поволжья сейчас изучены слабо.

Слабопрофилированная неорнаментированная сетчатая керамика присутствует на памятниках РЖВ в бассейне Верхней Волги, таких как поселения Ватажка, Брюхово, Вознесенское II и др., а так же Пеньковском, Минском и Серюпитинском городищах (Гурина, 1963, рис. 69: 3–4; Столяр, Хлобыстин, 1963, рис. 4, 7; Новиков, 2019, рис. 2; 2020; Новикова, 2020, рис.4). Однако особенность поселений, известных в восточной части Верхневолжского бассейна, выражена в многослойности и смешанности комплексов сетчатой керамики, зачастую сетчатая керамика финала бронзы и раннего железного века находится на поселениях в одних слоях.

Относительно чистый комплекс сетчатой керамики подобного облика (прямое, не четко выраженное горло, переходящее в слабовыпуклые бока) зафиксирован на Серюпитинском городище и выделен в группу 1 (Столяр, Хлобыстин, 1963, с. 231, рис. 4–5, 7: 1–10). Внешняя поверхность этой посуды декорирована рябчатыми и нитчатыми отпечатками, керамика датирована IV–III вв. до н. э. – I в. н. э. (Столяр, Хлобыстин, 1963, с. 238), а учитывая, что на Серюпитинском городище имеется и гибридная керамика с ананьинскими и сетчатыми признаками, довольно просто орнаментированная только линиями из отгисков шнура, близкая комплексам посуды № 2 и 3 «типа Ватажки» ((Новиков, 2017, рис. 6; 2018, с. 81)), время бытования этого комплек-

са в рамках IV–III/II вв. до н. э. выглядит вполне убедительным. Сочетание гибридной керамики и сетчатой слабопрофилированной с рябчатым отпечатком отмечается и на Пеньковском городище (Новиков, 2019, рис. 2). Кроме того, на этих городищах отсутствуют собственно ананьинская керамика и керамика первого этапа развития поселений со смешанными ананьинским (вятско-ветлужской культуры АКЮ) и сетчатыми признаками (Новиков, 2017; 2018; 2019; 2020).

Выделим доминирующую традицию декорирования поверхности сетчатой керамики из памятников Костромского Поволжья именно рябчатыми отпечатками, которые характерны и для сетчатой керамики из поселений более северных территорий, в частности Посухонья. Сетчатая керамика с рябчатым отпечатком занимает существенное место и в коллекции сетчатой посуды из Одоевского городища.

Судя по стилистическим особенностям, характеру обработки внешней поверхности, сетчатую керамику из Одоевского городища можно соотнести с позднеананьинским периодом и датировать в пределах конца V–III/II вв. до н. э. Появление минеральных примесей в виде шамота в позднеананьинской посуде может связываться именно с распространением в данных областях сетчатой керамики.

Во втором слое Одоевского городища обнаружено небольшое количество фрагментов от плоских днищ с закраиной (Жуков, Бадер, 1925–1926; Воеводский, 1951, с. 160), характерных для сетчатой керамики из памятников раннего железного века восточной части Верхневолжского бассейна, где эта традиция преобладает (Гурина, 1963, рис. 67, 40: 9–10; Новиков, 2015, рис. 14; 2018, рис. 110; 2020, рис. 22: 2–3, 26: 5; Столяр, Хлобыстин, 1963, рис. 7: 15). Сетчатая керамика с плоскими донцами в небольших количествах встречается на Ардинском, II Васильсурском и II Сомовском городищах (Архипов, Патрушев, 1982, с. 55; Халиков, 1962, с. 148; Никитин, Соловьев, 2001, с. 13). Один сосуд с плоским дном и примесью песка обнаружен на Старшем Ахмыловском могильнике (Патрушев, Халиков, 1982, с. 44; Патрушев, 1984, с. 59). В целом посуда с плоским дном появляется на памятниках, расположенных в западной части ананьинского культурного пространства и обязательно пересекающихся с текстильным миром.

Таким образом, локальным своеобразием Одоевского городища являются смешанные керамические комплексы: «одоевского типа»



Рис.15. Изделия из кости вятско-ветлужской культуры АКИО.

Культурный и хронологический контекст находки под №19 не определён

Fig. 15. Bone items of the Vyatka-Vetluga culture of the Ananyino Cultural and Historical Region.
Cultural and chronological context of find No. 19 is undefined

с рамчатым декором, ВВК АКИО, сетчатой керамики. Богатый керамический набор отразил сложную историю памятника в I тыс. до н. э. Далее перейдем к рассмотрению изделий из кости и камня, найденных во 2 и 3 слое городища.

Предметы индивидуального облика

Довольно полный обзор индивидуальных изделий, найденных на Одоевском городище, представлен в статье О.Н. Бадера (1951а, с. 123–131). Вещи относятся к разным периодам освоения площадки городища, в том числе значительная категория находок из кости связана с собственно ананьинским временем (происходит из второго слоя) и ярко отображает особенности вятско-ветлужской культуры АКИО (Бадер, 1951а, рис. 12, 13: 1–12). Имеются предметы и постананьинской эпохи, а учитывая, что на городище выделен комплекс керамики предананьинского времени, часть находок могут быть отнесены и к нему, особенно изделия из камня.

Акцентируем внимание на некоторых находках.

Предметы производственного характера, связанные с металлообработкой, представлены обломками глиняных тиглей, найденных

на уч. I/1 и III в нижнем слое. Стенки толстые, их структура пористая (губчатая). Тигли побывали в производстве. Внешняя поверхность растрескавшаяся, внутренняя поверхность одного фрагмента ошлакованная, гладкая и немного блестящая, другого – ошлакованная губчатая (рис. 16: 46, 47). В коллекции выделяется еще один фрагмент глиняной толстой стенки с бортиком, со следами копоти на внешней поверхности. Внутренняя сторона не ошлакована. Длина 8 см, толщина около 0,8 см (рис. 16: 48). Вероятно, это фрагмент тигля, не побывавшего в употреблении.

Охотничье-промысловый комплекс находок ананьинского времени представлен изделиями из кости и рога, включая их заготовки.

На городище найден один весьма интересный предмет (рис. 15: 14). Обнаружен он во втором слое на участке А и интерпретирован О.Н. Бадером как «цилиндрический кусок кости с глубоким пазом с одного конца» (Бадер, 1951а, с. 129). Вероятно, этот предмет представляет собой наконечник стрелы подцилиндрической формы с затупленным концом и прорезью на месте насада (раздвоенный насад). Длина предмета составляет 2,5 см, диаметр около 1,2 см, слегка сужается



Рис. 16. Изделия из камня (1–45) и глины (46–48)

Fig. 16. Stone (1–45) and clay (46–48) items

к насаду. Глубина прорези около 0,5 см. Для сравнения можно обратиться к схожим по типу, но не идентичным наконечникам стрел, в т. ч. с тупым концом, имеющимся на Дьяковом городище и датированным в пределах

V–II вв. до н. э. (Кренке, 2019, с. 53, рис. 99: 9, 11–12). При сопоставлении наконечников из кости с затупленным острием из Дьякова и Одоевского городищ можно отметить их близкие формы и размеры, оформление кончика и

общее функциональное назначение. Подобные наконечники (т. н. томары) предназначены для охоты на небольшого пушного зверька, что указывает на развитие пушного промысла у жителей Одоевского городища. Единственное кардинальное отличие наконечников стрел из Дьякова и Одоевского городищ – это способ крепления передней части к древку. Если для дьяковских наконечников стрел характерна классическая втулка, то наконечник из Одоевского городища – с раздвоенным насадом. Конечно, интерпретация находки из Одоевского городища не так однозначна, и этот предмет вполне мог выполнять роль костяной рукояти, схожие, но опять же с втулкой, известны на Дьяковом городище (Кренке, 2011, рис. 9, 90, 104).

Таким образом, данная находка, а также небольшое количество сетчатой керамики РЖВ, обнаруженной во втором слое, могут документировать наличие культурных связей населения Одоевского городища с носителями сетчатых керамических традиций в позднеананьинский период, именно в это время ориентированность носителей ВВК АКЮ на запад и северо-запад, в традиционные районы поселений с сетчатой керамикой, стала определяющей для культурного взаимодействия. Напомним, что на городище найден и один фрагмент рогожной посуды городецкого облика.

Изготовление наконечников стрел из кости со втулкой или раздвоенным насадом не свойственно носителям ананьинских культурных традиций, для которых типичны исключительно черешковые костяные наконечники стрел, начиная с раннеананьинского периода. Их образ хорошо известен и представлен в литературе, исследователи неоднократно обращались к типологии этих изделий (Збруева, 1952 табл. IX, XLI, XIX; Халиков, 1977, рис. 76Б; Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006; Ашихмина, 2014, рис. 57: 8–9, 61:1–2; Митряков, Черных, 2014, рис. 8; Чижевский и др., 2016, рис. 47: 3, 7; Патрушев, 2011, рис. 24; Архипов, 1962, табл. XL, 1–5 и др.). Определяя особенности ананьинских костяных наконечников стрел, А.В. Збруева отметила, что все они черешковые и чаще всего трехгранные и четырехгранные (Збруева, 1952, с. 51), при этом костяных наконечников к концу ананьинской эпохи становится меньше (Збруева, 1952, с. 92). Только на Старшем Ахмыловском могильнике в погребении 925 был обнаружен втульчатый наконечник (Патрушев, 2011, рис. 24), отличающийся по форме

от находки из Одоевского городища. Втульчатые наконечники характерны для дьяковской среды (Смирнов, 1974, с. 29).

В широком употреблении костяные черешковые наконечники стрел были и у жителей Одоевского городища. По типу сечения преобладают трехгранные костяные наконечники, имеются и четырехгранные (подтрапециевидные), с выемкой, и уплощенно-линзовидные (рис. 15: 1–8). Найдены наконечники во втором и третьем слое (участок Г – низ, участок III/11 – нижний слой, участок III/7–8 – первая нефедовская яма и т. д.). Присутствуют в коллекции и заготовки черешковых костяных наконечников стрел (рис. 15: 9–12). На поселениях АКЮ бассейна р. Вятки наконечники с трехгранным пером и едва намечившимся переходом к черешку являются наиболее массовыми (Митряков, Черных, 2014, с. 161, рис. 8), что характерно и для Одоевского городища.

Обломки «мотыжек» или копий (штыков) найдены во втором слое городища (рис. 15: 16), всего в коллекции их насчитывается пять (Бадер, 1951а, с. 126, рис. 13: 3–5). Такие на вятских памятниках встречаются часто и составляют большие доли в коллекциях костяных изделий, в частности, на Буйском городище их найдено 58, на Аргыжском – 28, самая массовая коллекция происходит с Пижемского городища (Митряков, Черных, 2014, с. 161, 163).

Из орудий, связанных с рыбной ловлей, стоит отметить костяной наконечник гарпуна или остроги, который в коллекции представлен в единственном экземпляре (рис. 15: 13). Найден предмет в среднем слое (участок III/9), его длина 13,8 см. Для вятского ананьина это также типичная находка (Митряков, Черных, 2014, с. 163). Имеются в коллекции и рыболовные костяные крючки (рис. 15: 15) (Бадер, 1951а, рис. 13: 6–11). На заметную роль рыболовства наряду с охотой указывает и большое количество рыбьих костей (в т. ч. стерляди и сома), а также скопления чешуи, зафиксированные в культурном слое Одоевского городища (Бадер, 1951а, с. 133).

Результаты остеологического анализа костных останков из Одоевского городища представлены А.Н. Формозовым (1951, с. 181–186) – это достаточно подробное описание костей, дающее представление о характере хозяйствования жителей Одоевского городища в ананьинское время. Объектами охоты являлись медведь, куница, выдра, рысь, бобр, заяц, северный олень и лось. Преобладание

во втором слое костей бобра даёт основания говорить о важности пушного промысла для экономики поселения. На значимость для ананьинцев промысловой добычи бобра указывала и А.Г. Петренко (2007, с. 70). Останки домашних животных на Одоевском городище представлены костями свиньи, коровы и лошади. Кости птиц немногочисленны, среди них отмечены лебедь и глухарь. А.Г. Петренко, анализируя остеологические коллекции АКЮ, отмечала, что основное место в домашнем стаде ананьинского населения принадлежало лошади, большое значение в хозяйствовании занимало также выращивание крупного рогатого скота и свиней (Петренко, 2007, с. 67–68, 73). Разведение этих домашних животных характерно и для Одоевского городища, что указывает схожий тип хозяйствования ананьинского населения из Одоевского городища и других памятников АКЮ.

В ананьинском слое Одоевского городища найдена костяная плоская накладка (участок III/9, нижний слой) (рис. 15: 18). Отметим и две костяные орнаментированные лопаточки со втулками, одна из которых происходит из нижнего слоя уч. III/9 (Жуков, Бадер, 1925–1926; Бадер, 1951а, рис. 12: 43–44, с. 128–129). Такие предметы характерны для ВВК АКЮ, их большое разнообразие наблюдается именно в вятском ареале АКЮ (Митряков, Черных, 2014, с. 163). Многочисленную категорию вещей из кости составляют также кочедыки, проколки и различные острия, найденные во втором слое (рис. 15: 21–31), (Бадер, 1951а, рис. 12, 11–17, 21–27).

В целом по составу костяных изделий отчётливо прослеживается культурная близость поселений АКЮ бассейна рек Ветлуги (Одоевского городища в частности) и Вятки. Об этом же говорит и стилистика орнаментации ананьинской посуды. Региональные же отличия керамики ВВК АКЮ, рассмотренные выше, обосновываются как географическим расположением памятников, так и культурной спецификой областей, основанной на степени взаимодействия с другими культурными группами внутри ананьинского мира, а также связанной с воздействием внешних культурных областей.

Остановимся еще на некоторых интересных, на наш взгляд, находках. Это предметы из человеческих костей. В истории известны примеры использования человеческих останков в ритуальных целях, связанных с

врачеванием. С определением хронологической позиции и культурной принадлежности части таких находок из Одоевского городища сейчас возникает сложность, так как стратиграфический контекст не выяснен, тем не менее рассмотрим эти предметы. Автор выражает благодарность д.и.н. С.В. Васильеву за консультации, оказанные при определении принадлежности костей человеку. Один амулет вырезан из черепа человека и представлен в виде двух теменных костей с сагиттальным швом, найден он в 1925 г. (уч. III/11, В горизонт). Амулет имеет сквозное отверстие диаметром от 0,35 до 0,5 см, которое расширено с внутренней части черепной коробки. Предмет шестиугольной неправильной формы. Поверхность с двух сторон залощена (рис. 15: 19). О.Н. Бадер указывал, что череп принадлежал пожилому человеку (Бадер, 1951а, с. 131). Возможно, данный предмет указывает на практику трепанации. Похожий амулет, вырезанный из теменной и лобной костей человеческого черепа, со сквозным отверстием был найден на городище Ф.Д. Нефедовым (Бадер, 1951а, рис. 13: 35) и описан Д.Н. Анучиным, который также подробно изложил взгляды Поля Брока на практику трепанирования (Медникова, 2018, с. 18). По мнению М.Б. Медниковой, относительно традиции изготовления амулетов Д.Н. Анучин, скорее всего, был солидарен с Брока: люди, страдавшие нервными расстройствами и оперированные при жизни, считались одаренными особыми свойствами. Череп воспринимался какместилище духа, и когда такой человек умирал, у соплеменников возникало желание воспользоваться в религиозных целях частями его краниума (Медникова, 2018, с. 19). Важные аспекты обрядовой деятельности, основанной на практике трепанации у берберов шауйя, включающей и высверливание отверстий в черепах, рассмотрены М.Б. Медниковой (2018, с. 97–106).

Кроме амулетов из частей человеческих черепов со сквозными отверстиями на Одоевском городище на уч. Г найден кусок теменной кости ребенка с неровными краями (рис. 15: 17). Кость неправильной (шестиугольной) формы, размеры 6–7×3–5,8 см. Б.С. Жуков и О.Н. Бадер указывают, что кость черепа имеет следы распила. Возможно, это трепанированная часть черепной коробки. Также в нижнем слое на уч. А обнаружена и нижняя часть лучевой кости взрослого человека с круглым отверстием (рис. 15: 20). С одной стороны диаметр отверстия составляет 7 мм, с проти-

вположной стороны оно совсем маленькое, диаметр около 2 мм. Амулет хорошо заглажен. Несомненно, вызывают интерес мелкие нарезки, выполненные по одному из краев кости рядом с отверстием и составленные в один ровный ряд. Длина каждого элемента около 1 мм, интервалы между ними примерно одинаковые и составляют 0,5–0,8 мм (рис. 15: 20А). Эти две находки сделаны в слое с ананьинской керамикой.

Теменная кость со следами распилов, принадлежащая ребенку, могла являться и свидетельством обрядов человеческих жертвоприношений, известных на памятниках поздней стадии ананьинской культуры Среднего и Нижнего Прикамья, где детские жертвоприношения преобладают (Коренюк и др., 2017, с. 152).

Каменные изделия

Каменная индустрия по-прежнему играет важную роль, предметы из камня занимают существенное место в коллекции находок из Одоевского городища, количество предметов достигает 75 шт., приурочены они в основном к нижним слоям и относятся как к ВВК АКИО, так могут быть связаны и с носителями керамики с рамчатым декором «одоевского типа».

Предметы из камня в коллекциях из памятников ВВК АКИО из бассейна р. Вятки (Аргыжское, Ройский Шихан, Буйское, Грехневское I), так же многочисленны, отсутствуют они только на поздних городищах (Скорняковское и Кривоборское) (Митряков, Черных, 2014, с. 182–183).

Подавляющее большинство находок из камня в коллекции Одоевского городища составляют кремневые отщепы различных очертаний и пропорций, некоторые из них со следами дополнительной обработки (рис. 16: 2–37). Цветовая гамма камней многообразна – розовые, серые, темно-серые, красные, коричневые, черные. У части предметов на поверхности сохраняется корка окремнелого известняка меньшей твердости. Находится в коллекции и одна заготовка кремневого наконечника стрелы листовидной формы с намеченным черешком (рис. 16: 38).

Три обломка круглых камней со сверлиной по центру найдены во втором слое Одоевского городища (рис. 16: 39–40). Такие предметы из камня хорошо известны на памятниках ананьинского круга и интерпретируются как пряслица или напярсла (Бадер, 1951а, с. 125; Збруева, 1952, с. 63; Халиков, 1977, с. 154;

Патрушев, 1992, с. 74; 2011, с. 30–31; Ашихмина, 2014, рис. 62: 7).

Следующая категория предметов из камня представлена терочными камнями с плоской заполированной рабочей частью (рис. 16: 41) и абразивами в обломках, в виде брусковидных изделий (рис. 16: 42–45). Подобные предметы из камня на памятниках АКИО встречаются с раннеананьинского времени (Халиков, 1977, с. 156–157; Патрушев, Халиков, 1982; Патрушев, 1984, с. 101, 103–105; 2011, с. 31). Важное значение имели они и в комплексах из камня V–III вв. до н. э. на Дьяковом городище (Кренке, 2019, с. 53).

Из кремневых орудий стоит отметить концевой скребок на отщепе красно-коричнево-серых оттенков. Рабочая часть изделия практически прямая, боковые грани также дополнительно обработаны со стороны спинки, спинка высокая, брюшко плоское. Размеры 2,8×2,4–1,2, расширяется к рабочей части (рис. 16: 1).

В завершение обзора материалов, анализ которых продемонстрировал сложную хронологическую структуру и культурное своеобразие памятника, важно отметить необходимость расширения источниковой базы, крайне актуально проведение новых полевых работ на Одоевском городище и синхронных поселениях региона. Стратиграфическая позиция целого ряда комплексов требует уточнения.

Главные выводы, которые можно сделать на основании анализа материалов, полученных на Одоевском городище в 1925–1926 гг. Б.С. Жуковым и О.Н. Бадером, сводятся к следующему.

Изученные материалы позволили подтвердить ранее сделанные наблюдения о памятнике как о крупном поселении АКИО (Бадер, 1951а), а также скорректировать продолжительность его существования. Общий набор признаков и их сопоставление позволяют относить Одоевское городище к кругу памятников вятско-ветлужской культуры АКИО.

Керамические комплексы из Одоевского городища обладают и специфическими чертами, позволяющими установить некоторые их отличия от вятской посуды. Особенности керамики определяются смешением традиций при взаимодействии и развитии культур внутри ананьинского мира в Поветлужье и внешнем культурном влиянии (носителей сетчатой керамики).

Начало функционирования городища в ананьинский период можно определить VII

вв. до н. э., завершение — III/II вв. до н. э. Основные комплексы вещей связываются со средним и поздним периодом развития АКЮ. Изменения, произошедшие при орнаментации ананьинской керамики вятско-ветлужской культуры, выраженные в обеднении мотивов в поздний период, отметить нужно, несмотря на сложность такого определения.

Зафиксирована еще одна важная деталь: ананьинское заселение площадки городища происходит на ранее обжитое место. Предананьинский культурно-хронологический пласт представлен керамикой «одоевского типа» с

рамчатым декором. Формирование керамики этого типа на памятнике, вероятно, начинается в конце II – на рубеже II–I тыс. до н. э., основное развитие соотносится с первой четвертью I тыс. до н. э. Появляется и немногочисленная группа гибридной керамики с признаками рамчатой «одоевского типа» и лебяжской. Не исключается бытование комплексов керамики с рамчатым декором и в первой половине VII в. до н. э.

Появление носителей сетчатой керамики на памятнике происходит в третьей четверти I тыс. до н. э., в позднеананьинский период.

ЛИТЕРАТУРА

Архипов Г.А. Ананьинские городища на р. Вятке // Труды МАЭ. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1962. С. 188–205.

Архипов Г.А., Патрушев В.С. Ардинское городище // Поселения и жилища Марийского края / АЭМК. Вып. 6 / Науч. ред. Г.А. Архипов, Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1982. С. 51–82.

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология Евразийских степей. Вып. 19. Казань: ИА АН РТ; Отечество, 2014. 300 с.

Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тыс. до н.э.) / МИКВАЭ. Т. 12. Ижевск: УдмГУ, 2006. 220 с.

Бадер О.Н. Городища Ветлуги и Унжи // МИА. №22 / Отв. ред. В.Н. Чернецов. М.: АН СССР, 1951. С. 110–158.

Бадер О.Н. Древнее Поволжье в связи с вопросами этногенеза Мари и ранней истории Поволжья // СЭ. 1951 б. №2. С. 15–41.

Буров Г.М. О нижнем хронологическом пределе лебяжской культуры // СА. 1983. №2. С. 34–50.

Воеводский М.В. Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Унжи // МИА. №22 / Отв. ред. В.Н. Чернецов. М.: АН СССР, 1951. С. 159–180.

Гаврилова И.В. Об особенностях памятников волосовского типа в костромском Поволжье // КСИА. №161. М.: Наука, 1980. С. 52–56.

Гадзяцкая О.С. Фатьяновский компонент в культуре поздней бронзы (Волго-Камское междуречье) // СА. 1992. № 1. С. 122–141.

Гадзяцкая О.С., Уткин А.В. Новые раскопки Вашутинской стоянки // СА. 1989. №1. С. 125–143.

Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья / МИА. № 94. М.: Наука, 1961. 264 с.

Гурина Н.Н. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье (по материалам Горьковской экспедиции) // МИА. № 110. М.; Л.: АН СССР, 1963. С. 85–203.

Ефремова Д.Ю., Соловьев Б.С. Сиухинское поселение (предварительные итоги исследований 2009–2011 гг.) // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология Евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2014. С. 225–240.

Жуков Б.С., Бадер О.Н. О раскопках Одоевского городища окола села Одоевского, Ветлужского уезда бывш. Нижегородской губернии в 1925–1926 гг. // Приложение к ГОМ 4008–4010. ГБУК Нижегородской области «Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник».

Жульников А.М. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск: Паритет, 2005. 310 с.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 326 с.

Комаров К.И. Археологическая карта России. Костромская область / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: «Восточная литература» РАН, 1999. 368 с.

Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Черных Е.М. Человеческие жертвоприношения на ананьинских поселениях (кон. VI–III вв. до н. э.) Нижнего и Среднего Прикамья // Археология Евразийских степей. 2017. №4. С. 143–164.

Косменко М.Г. Археологические культуры периода бронзы – железного века в Карелии. СПб.: Наука, 1993. 215 с.

Косменко М.Г. Культура лууконсари // Археология Карелии / Отв. ред. М.Г. Косменко, С.И. Кочуркина. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН. 1996. С. 238–253.

Крайнов Д.А. Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 10–28.

Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.

Кренке Н.А. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. М.; Смоленск: Свиток, 2019. 392 с.: 225 илл.

Кузьминых С.В. Об ананьинской обработке бронзы // Из истории культуры волосовских и ананьинских племен / АЭМК. Вып. 2 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Мар НИИ, 1977. С. 126–166.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология евразийских степей. Вып. 8. Елабуга: ИИ АН РТ, 2009. С. 29–55.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2014. № 3(9). С. 101–137.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Введение в археологию ананьинской культурно-исторической области: Северо-Восток Европы в финале бронзового и раннем железном веках // Археология Евразийских степей. 2017. №3. С. 22–36.

Лавенто М. Новые АМС-датировки текстильной керамики Среднего и Верхнего Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. С. 263–272.

Лыганов А.В., Морозов В.В., Азаров Е.С. Луговские I и II стоянки и проблема соотношения черкакульской, луговской и межовской культур в Нижнем Прикамье // Археология Евразийских степей. 2019. №2. С. 38–98.

Макаров Н.А. Лепная керамика поселения Крутик // Голубева Л.А., Кочкуркина С.И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН, 1991. С. 129–165

Манюхин И.С. Позднекаргопольская культура // Археология Карелии / Отв. ред. М.Г. Косменко, С.И. Кочкуркина. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН. 1996. С. 220–238.

Манюхин И.С. Этногенез саамов (опыт комплексного исследования). Автореф. дисс... докт. ист. наук. Ижевск: 2005. 38 с.

Марков В.Н. Об особенностях юго-западных памятников ананьинской общности // Древние этнические процессы Волго-Камья / АЭМК. Вып. 9 / Науч. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола, 1985. С. 38–56.

Марков В.Н. О происхождении и культурной принадлежности вятских городищ ананьинского времени // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 92–113.

Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 136 с.

Медникова М.Б. После Брока. Трепанации эпохи неолита из коллекции Прюньера в Музее Человека. М.: ИА РАН, 2018. 209 с.

Митряков А.Е., Черных Е.М. Вятские древности начала железного века: полтора столетия после открытия культуры «костеносных городищ» // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология Евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2014. С. 147–186.

Михеев А.В. Ананьинский горизонт Ардинского городища // Археология Евразийских степей. 2017. №4. С. 33–43.

Мокрушин В.П. Раннегляденское поселение у д. Севастьяны близ г. Перми // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1992. С. 106–111.

Никитин В.В. На грани эпохи камня и металла. Средневожский вариант волосовской культурно-исторической общности / Материалы и исследования по археологии Поволжья и Урала. Вып. 10. Йошкар-Ола: МарГУ, 2017. 765 с.

Никитин В.В., Соловьев Б.С. Сомовское II городище // Древности Поволжья и Прикамья / АЭМК. Вып. 25 / Ред. В.В. Никитин, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2001. С. 4–41.

Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область. Ч. 3. М.: ИА РАН, 2013. 405 с.

Николаенко Т.Д. Памятники ананьинской культуры на территории Нижегородской области // Культурный слой Вып. 4. / Отв. ред. Е.А. Молев. Н. Новгород: Нижегородский ун-т, 2016. С. 60–65.

Новиков А.В. Археологические исследования Федоровского поселения в Чухломском районе Костромской области в 2005–2006 гг. // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. С. 102–114.

Новиков А.В. Керамический комплекс поселения Ватажка (по материалам раскопок В.И. Смирнова 1925–1927 гг.) // Тверской археологический сборник. Вып. 10 / Отв. ред. И.Н. Черных Тверь: ТГОМ, 2015. С. 69–86.

Новиков А.В. Поселения РЖВ Костромского Поволжья: (к вопросу об ареале ананьинской культурно-исторической области) // Археология Евразийских степей. 2017. №4. С. 49–69.

Новиков А.В. Поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века Костромского Поволжья / Археология Евразийских степей. 2018. №2. 288 с.

Новиков А.В. Актуальные проблемы изучения поселений РЖВ восточной части бассейна Верхней Волги (Костромское и Ивановское Поволжье). К постановке вопросов // Археология Евразийских степей. 2019. №2. С. 179–200.

Новиков А.В. К вопросу о развитии сетчатых керамических традиций в поздний период эпохи бронзы – раннем железном веке в окрестностях Галичского озера (по материалам городища Брюхово) // Археология Евразийских степей. 2020. №2. С. 329–368.

Новикова О.В. Археологическое обследование окрестностей Галичского озера в 2019 г. // Культурное наследие Галичской земли / отв. ред. А.В. Новиков. Кострома: Стандарт Принт, 2020. С. 26–33.

Оруджов Э.И. Керамический комплекс Кривоборского городища // Археология Евразийских степей. 2017а. №4. С. 89–104.

Оруджов Э.И. Система расселения носителей ананьинской культурно-исторической области в бассейне рек Вятка и Ветлуга // Поволжская археология. 2017б. №3. С. 117–140.

Оруджов Э.И. Особенности материальной культуры ананьинской культуры гребенчато-шнуровой керамики бассейнов рек Вятка и Ветлуга // Поволжская археология. 2018. №3 (25). С. 288–298.

Оруджов Э.И., Глушков К.Н. Чижевское (Марьин Кокошник) городище. Итоги археологических исследований за 2017–2018 гг. // Археология Евразийских степей. 2019. №2. С. 246–258.

Ошибкина С.В. Об изображении птиц на керамике эпохи бронзы в восточном Прионежье // КСИА. 1980. №161. С. 46–51.

Патрушев В.С. Марийский край в VII–VI вв. до н. э. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1984. 230 с.

Патрушев В.С. У истоков волжских финнов. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1989. 120 с.

Патрушев В.С. Финно-угры России. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. 216 с.

Патрушев В.С. Могильники Волго-Камья раннеананьинского времени / Археология Поволжья и Урала: материалы и исследования. Вып. 2. Казань: Фолиант, 2011. 276 с.

Патрушев В.С. «Текстильная керамика эпохи раннего железа на Ардинском городище // Вестник Пермского университета. 2017а. Вып. 1(36). С. 63–73.

Патрушев В.С. Ананьинские древности Марийского края (по материалам поселений) // Археология Евразийских степей. 2017б. №4. С. 105–126.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М.: Наука, 1982. 277 с.

Петренко А.Г. Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Приуралья (по археозоологическим материалам) / Археология евразийских степей. Вып. 3. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. 144 с.

Пудеев А.А. Памятники эпохи бронзы, раннего железного века и раннего Средневековья на территории Варнавинского района Нижегородской области // Нижегородский музей. Человек. Культура. Общество. 2010. №20. С. 86–89

Рождественский А.Н. Краткие сведения о раскопках в Костромской губернии (к IV областному Историко-Археологическому съезду). Кострома: Губ. тип., 1909. 17 с.

Сидоров В.В. Волосовская культура во II тысячелетии до н.э. // Тверской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2002. С. 322–331.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 274 с.

Смирнов А.П. Железный век Чувашского Поволжья / МИА. № 95. М.: АН СССР, 1961. 171 с.

Смирнов К.А. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М.: Наука, 1974. С. 7–89.

Смольянинов Р.В., Скоробогатов А.М., Бессуднов А.Н., Ивашов М.В., Свиридов А.А. Материалы ивановобугорской культуры в Донской лесостепи // Тверской археологический сборник. Вып. 9. / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2013. С. 279–294.

Ставицкий В.В., Королев А.И. Энеолит. Ставицкий В.В. Бронзовый век. // Археология Мордовского края: Каменный век, эпоха бронзы / ред. В.В. Ставицкий, В.Н. Шитов. Саранск: НИИ гум. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2008. С. 107–133.

Ставицкий В.В. Бронзовый век. // Археология Мордовского края: Каменный век, эпоха бронзы / ред. В.В. Ставицкий, В.Н. Шитов. Саранск: НИИ гум. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2008. С. 134–209.

Стоколос В.С. Энеолит и бронзовый век // Археология Республики Коми Ч. 4. / Отв. ред. Э.А. Савельева. М.: ДиК, 1997. С. 213–313.

Столяр А.Д., Хлобыстин Л.П. Городище у дер. Серюпитино // МИА. № 110. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 227–238.

Стоянов В.Е. Отчет об исследованиях Богородского городища на р. Ветлуге в 1958 г. // Отчет о полевых работах Марийской археологической экспедиции за 1958 г. Казань – Йошкар-Ола, 1959 / НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф. 1. Оп.1. №1.

Сулержицкий Л.Д., Фоломеев Б.А. Радиоуглеродная хронология памятников с текстильной керамикой бассейна Средней Оки // Финно-угры России. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Вып. 1 / Отв. ред. В.С. Патрушев. Йошкар-Ола: МарГУ, 1993. С. 20–34.

Фоломеев Б.А. Типология текстильных отпечатков и хронологическое распространение отдельных видов сетчатых фактур. Дополнения из черновиков // Археология Евразийских степей. 2017. №4. С. 319–335.

Формозов А.Н. Материалы к истории фауны Приветлужья // МИА. №22 / Отв. ред. В.Н. Чернецов. М.: АН СССР, 1951. С. 181–191.

Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа / Железный век Марийского края. Труды МарАЭ. Т. II. Йошкар-Ола: марийское книжное издательство, 1962. 268 с.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). М.: Наука, 1977. 264 с.

Халиков А.Х., Безухова Е.А. Материалы к древней истории Поветлужья (археологические исследования в Ветлужском районе Горьковской области в 1957 году). Горький, 1960. 60 с.

Цветкова И.К. Стоянка Володары (По материалам раскопок 1946 г.) // КСИИМК. Вып. XX. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 3–14.

Челяпов В.П. Памятники примокшанской культуры на Средней Оке // Тверской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2002. С. 378–387.

Челяпов В.П., Иванов Д.А. Комплекс энеолитической керамики с поселения Лебяжий Бор 6 // Тверской археологический сборник. Вып. 7 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2009. С. 249–256.

Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргыжское городище на реке Вятке. М.: Ин-т компьютер. исследований, 2002. 188 с.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области) // Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: Школа, 2008. 172 с.

Чижевский А.А. Памятники позднего периода ананьинской культурно-исторической области // Археология Евразийских степей. 2017. №4. С. 196–256.

Чижевский А.А., Галимова М.Ш., Губайдуллина А.В. Казанская стоянка (по материалам исследований 1938 г.) // Археология Евразийских степей. 2019. №2. С. 124–164.

Чижевский А.А. Оруджов Э.И. Вятско-ветлужская археологическая культура (гребенчато-шнуровой керамики) ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2021. № 1(35). С. 8–22.

Чижевский А.А., Хисьяметдинова А.А. Оборонительные сооружения мысовых городищ Волго-Камья в раннем железном веке и раннем средневековье // Археология Евразийских степей. 2020. №2. С. 8–277.

Чижевский А.А., Черных Е.М., Хисьяметдинова А.А., Митряков А.Е., Спиридонова Е.А., Кочанова М.Д., Алешинская А.С. Скорняковское городище на Вятке / Археология Евразийских степей. Вып. 22. Казань: Казанская недвижимость, 2016. 156 с.

Информация об авторе:

Новиков Александр Викторович, кандидат исторических наук, заместитель генерального директора ООО «Костромская археологическая экспедиция» (г. Кострома, Россия); kae44@mail.ru, novikov-kostroma@mail.ru

REFERENCES

Arkhipov, G. A. 1962. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition)* II. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel’stvo” Publ., 188–205 (in Russian).

Arkhipov, G. A., Patrushev, V. S. 1982. In Arkhipov, G. A., Sepeev, G. A. (eds.). *Poseleniia i zhilishcha Mariiskogo kraia (Settlements and Dwellings of the Mari Land)*. Series: Arkheologii i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 6. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 51–82 (in Russian).

Ashikhmina, L. I. 2014. *Genesis anan’inskoi kul’tury v Srednem Prikam’e (po materialam keramiki i zhilishch) (Genesis of the Ananyino Culture in the Middle Kama Area (According to the Ceramics and Dwellings))*. Series: Arkheologii evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 19. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; “Otechestvo” Publ. (in Russian).

Ashikhmina, L. I., Chernykh, E. M., Shatalov, V. A. 2006. *Vyatskiy kray na poroge zheleznogo veka: kostyanoy inventar' anan'inskoj epokhi (I tys. do n.e.) (Vyatka Region on the Threshold of the Iron Age: Bone Inventory of Ananyino Period (1st Millennium B.C.))*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 12. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Bader, O. N. 1951. In Chernetsov, V. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology)* 22. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 110–158 (in Russian).

Bader, O. N. 1951b. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (2), 15–41. (in Russian).

Burov, G. M. 1983. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archeology)*. (2). 34–50 (in Russian).

Voevodskii, M. V. 1951. In Chernetsov, V. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology)* 22. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 159–180. (in Russian).

Gavrilova, I. V. 1980. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 161. Moscow: “Nauka” Publ., 52–56. (in Russian).

Gadzhyskaya, O. S. 1992. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archeology)*. (1). 122–141 (in Russian).

Gadzhyskaya, O. S., Utkin, A. V. 1989. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archeology)*. (1). 125–143 (in Russian).

Goriunova, E. I. 1961. *Etnicheskaia istoriia Volgo-Okskogo mezhdurech'ia (Ethnic History of the Volga-Oka Area)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 94. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Gurina, N. N. 1963. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 110. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 85–203. (in Russian).

Efremov, D. Yu., Soloviev, B. S. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: “Otechestvo” Publ., 225–240 (in Russian).

Zhukov, B. S., Bader, O. N. 1925–1926. In *Prilozhenie k GOM 4008–4010. GBUK Nizhegorodskoi oblasti «Nizhegorodskii gosudarstvennyi istoriko-arkhitekturnyi muzei-zapovednik» (Appendix to GOM 4008-4010. State Budgetary Institution of Culture of Nizhny Novgorod Oblast “Nizhny Novgorod State Historical and Architectural Museum-Reserve”)* (in Russian).

Zhul'nikov, A. M. 2005. *Poseleniia epokhi rannego metalla Iugo-Zapadnogo Pribelomor'ia (Settlements of the Early Metal Age of the South-Western White Sea Region)*. Petrozavodsk: “Paritet” Publ. (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuiu epokhu (History of the Population of the Kama River Region in the Ananyino Time)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Krasnov, Yu. A. (ed.). 1999. *Arkheologicheskaya karta Rossii. Kostromskaia oblast' (Archaeological Map of Russia: Kostroma Oblast)*. Moscow: “Vostochnaya Literatura” Publ., Russian Academy of Sciences (in Russian).

Korenyuk, S. N., Melnichuk, A. F., Chernykh, E. M. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 143–164 (in Russian).

Kosmenko, M. G. 1993. *Arkheologicheskie kul'tury perioda bronzy – zheleznogo veka v Karelii (The archaeological cultures of the period of the Bronze–Iron Ages in Karelia)*. Saint Petersburg: “Nauka” Publ. (in Russian).

Kosmenko, M. G. 1996. In Kosmenko, M. G., Kochkurina, S. I. (eds.). *Arkheologiya Karelii (Archaeology of the Karelia)*. Petrozavodsk: Karelian Research Center RAS Publ., 238–253 (in Russian).

Krainov, D. A. 1987. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (eds.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age in the Forest Zone of the USSR)*. Series: Archaeology of the USSR. Moscow: “Nauka” Publ., 10–28 (in Russian).

Krenke N. A. 2011. *Diakovo gorodishche: kultura naseleniya basseyna Moskvyy-reki v I tys. do n. e. – I tys. n. e. (Dyakovo Hillfort: culture of the population of the Moscow River basin in the 1st Millennium BC – 1st Millennium BC)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Krenke, N. A. 2019. *Drevnosti basseyna Moskvyy-reki ot neolita do srednevekov'ya: etapy kul'turnogo razvitiya, formirovanie proizvodnyashchey ekonomiki i antropogennogo landshafta (Archaeology of Moskva River Basin from the Neolithic to the Middle Ages)*. Moscow; Smolensk: “Svitok” Publ. (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 1977. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Iz istorii kul'tury volosovskikh i anan'inskikh plemen (History of the Culture of Ananyino and Volosovo Tribes)*. Series: Arkheologiya i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 2. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 126–166 (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 1983. *Metallurgiya Volgo-Kam'ia v rannem zheleznom veke (med' i bronza) (Metallurgy of the Volga-Kama Region in the Early Iron Age (Copper and Bronze))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *U istokov arkeologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika)* (*At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground)*). Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Yelabuga: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 29–55 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2014. In *Povolzhskaya arkeologiya (Volga River Region Archaeology)* 9 (3), 101–137 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 22–36 (in Russian).

Lavento, M. 2011. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* (8). Tver: "Triada", 263–272 (in Russian).

Lyganov, A. V., Morozov, V. V., Azarov, E. S. 2019. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 38–98 (in Russian).

Makarov, N. A. 1991. In Golubeva, L. A., Kochkurina, S. I. *Belozerskaia ves' (po materialam poseleniia Krutik IX–X vv.)* (*The Beloe Ozero Ves' (Based on Materials from Krutik Settlement of the 9th–10th Centuries)*). Petrozavodsk: Karelian Research Center RAS Publ., 129–165 (in Russian).

Manyukhin, I. S. 1955. *Etnogenez saamov (opyt kompleksnogo issledovaniia)* (*The Ethnogenesis of the Saami (Comprehensive Study Experience)*). Thesis of Diss. of doctor of of Historical Sciences. Izhevsk (in Russian).

Manyukhin, I. S. 1996. In Kosmenko, M. G., Kochkurina, S. I. (eds.). *Arkheologiya Karelii (Archaeology of the Karelia)*. Petrozavodsk: Karelian Research Center RAS Publ., 220–238 (in Russian).

Markov, V. N. 1985. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Drevnie etnicheskie protsessy Volgo-Kam'ia (Ancient Ethnic Processes in the Volga and Kama Rivers Region)*. Series: Arkheologiya i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 9. Yoshkar-Ola, 38–56 (in Russian).

Markov, V. N. 1988. In Starostin, P. N. (ed.). *Pamiatniki pervobytnoi epokhi v Volgo-Kam'e (Sites of the Primeval Period in the Volga-Kama Region)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History of Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 92–113 (in Russian).

Markov, V. N. 2007. *Nizhnee Prikame v ananinskiu epokhu (The Lower Kama River Region in the Ananyino Epoch)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 4. Kazan: Institute for History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Mednikova, M. B. 2018. *Posle Broka. Treponatsiia epokhi neolita iz kolleksii Priun'era v Muzee Cheloveka (After Brock. Trepanations of the Neolithic Period from the Prunieres Collection at the Museum of Humanity)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Mitryakov, A. E., Chernykh, E. M. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 147–186 (in Russian).

Mikheev, A. V. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 33–43 (in Russian).

Mokrushin, V. P. 1992. In Savel'eva, E. A. (ed.). *Problemy finno-ugorskoj arkeologii Urala i Povolzh'ia (Issues of the Finno-Ugric Archaeology of the Urals and the Volga Region)*. Syktyvkar: Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 106–111 (in Russian).

Nikitin, V. V. 2017. *Na grani epokhi kamnya i metalla. Srednevolzhskiy variant volosovskoy kul'turno-istoricheskoy obshhnosti (Between the Stone and Metal Periods. Middle Volga Variation of the Volosovo Cultural and Historical Community)*. Series: Arkheologiya Povolzh'ia i Urala. Materialy i issledovaniia (Volga and the Urals Archaeology. Materials and Studies) 10. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

Nikitin, V. V., Solov'ev, B. S. 2001. In Nikitin, V. V., Solov'ev, B. S. (eds.). *Drevnosti Povolzh'ia i Prikam'ia (Antiquities of the Volga and Kama Regions)*. Arkheologiya i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 25. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, History and Ethnography Institute, 4–41 (in Russian).

Nikolaenko, T. D. 2013. *Arkheologicheskaja karta Rossii. Nizhegorodskaja oblast' (Archaeological Map of Russia. Nizhny Novgorod Region)*. Part 3. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Nikolaenko, T. D. 2016. In Molev, E. A. (ed.). *Kul'turnii sloi (Cultural Layer)* 4. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University, 60–65 (in Russian).

Novikov, A. V. 2011. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* (8). Tver: "Triada", 102–114 (in Russian).

Novikov, A. V. 2015. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 10. Tver: Tver State United Museum, 69–86 (in Russian).

Novikov, A. V. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 49–69 (in Russian).

- Novikov, A. V. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2 (in Russian).
- Novikov, A. V. 2019. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 179–200 (in Russian).
- Novikov, A. V. 2020. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 329–368 (in Russian).
- Novikova, O. V. 2020. In Novikov, A. V. (ed.). *Kul'turnoe nasledie Galichskoi zemli (Cultural Heritage of the Galich Land)*. Kostroma: "Standart Print" Publ., 26–33 (in Russian).
- Orudzhov, E. I. 2017a. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 89–104 (in Russian).
- Orudzhov, E. I. 2017b. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 21 (3), 117–140 (in Russian).
- Orudzhov, E. I. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 25 (3), 288–298 (in Russian).
- Orudzhov, E. I., Glushkov, K. N. 2019. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 246–258 (in Russian).
- Oshibkina, S. V. 1980. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 161. Moscow: "Nauka" Publ., 46–51 (in Russian).
- Patrushev, V. S. 1984. *Mariiskii krai v VII–VI vv. do n.e. (Mari Land in the 7th-6th Centuries BC)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Patrushev, V. S. 1989. *U istokov volzhskikh finnov (At the Origins of the Volga Finns)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Patrushev, V. S. 1992. *Finno-ugry Rossii (The Finno-Ugric Peoples of Russia)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Patrushev, V. S. 2011. *Mogil'niki Volgo-Kam'ia ranneananijskogo vremeni (Burial Grounds of the Volga-Kama Region of the Early Ananyino Period)*. Series: *Arkheologiya Povolzhia i Urala. Materialy i issledovaniia (Volga and the Urals Archaeology. Materials and Studies)* 2. Kazan: "Foliant" Publ. (in Russian).
- Patrushev, V. S., Khalikov, A. Kh. 1982. *Volzhskie anan'intsy (Starshii Akhmylovskii mogil'nik) (The Volga Ananyino People (The Elder Akhmylovo Burial Ground))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Patrushev, V. S. 2017. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriia» (Bulletin of the Perm University. History Series)* 36 (1), 63–73. (in Russian).
- Patrushev, V. S. 2017b. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 105–126. (in Russian).
- Petrenko, A. G. 2007. *Stanovlenie i razvitie osnov zhivotnovodcheskoi deiatel'nosti v istorii Srednego Povolzh'ia i Priural'ia (po arkheozoologicheskim materialam) (Establishment and development of the foundations of cattle breeding in the history of peoples from the Middle Volga region and Pre-Urals (on the basis of archaeological materials))*. Series: *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 3. Kazan: Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
- Pudeev, A. A. 2010. In *Nizhegorodskii muzei. Chelovek. Kul'tura. Obshchestvo (Nizhny Novgorod Museum. Man. Culture. Society)* (20), 86–89 (in Russian).
- Rozhdestvenskii, A. N. 1909. *Kratkie svedeniia o raskopkakh v Kostromskoi gubernii (k IV oblastnomu istoriko-arkheologicheskomu sezd) (Summary of the Excavations in Kostroma Governorate (for the 4th Regional Historical and Archaeological Congress))*. Kostroma. (in Russian).
- Sidorov, V. V. 2002. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 5. Tver: Tver State United Museum, 322–331 (in Russian).
- Smirnov, A. P. 1952. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 28. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Smirnov, A. P. 1961. *Zheleznyi vek Chuvashskogo Povolzh'ia (Iron Age of the Chuvash Volga Region)*. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology)* 95. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Smirnov, K. A. 1974. Krasnov, Yu. A. (ed.). *D'iakonovskaia kul'tura (Dyakovo Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 7–89 (in Russian).
- Smol'yaninov, R. V., Skorobogatov, A. M., Bessudnov, A. N., Ivashov, M. V., Sviridov, A. A. 2013. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 9. Tver: "Triada" Publ., 322–331 (in Russian).
- Stavitskii, V. V. 2008. In Stavitskii, V. V., Shitov, V. N. (eds.). *Arkheologiya Mordovskogo kraia: Kamennyi vek, epokha bronzy (Archaeology of the Mordva Land: Stone Age and Bronze Period)*. Saransk: Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, 134–209 (in Russian).
- Stavitskii, V. V., Korovev, A. I. 2008. In Stavitskii, V. V., Shitov, V. N. (eds.). *Arkheologiya Mordovskogo kraia: Kamennyi vek, epokha bronzy (Archaeology of the Mordva Land: Stone Age and Bronze Period)*. Saransk: Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, 107–133 (in Russian).

Stokolos, V. S. 1997. In Savel'eva, E. A. (ed.). *Arkheologiiia Respubliki Komi (Archaeology of the Komi Republic)* 4. Moscow: "DiK" Publ., 213–313 (in Russian).

Stolyar, A. D., Khlodystin, L. P. 1963. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 110. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 227–238. (in Russian).

Stoyanov, V. E. 1959. *Otchet o polevykh issledovaniyakh Mariyskoy arkheologicheskoy ekspeditsii za 1958 g. (Report on Field Studies of the Mari Archaeological Expedition in 1958)* I. Kazan' – Yoshkar-Ola. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Archaeology Institute named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Fund 1. Inv. 1 (in Russian).

Sulerzhitskii, L. D., Folomeev, B. A. 1993. In Patrushev, V. S. (ed.). *Finno-ugry Rossii. Pamyatniki s nitochno-ryabchatoy keramikoy (Finno-Ugric Peoples of Russia. Sites with Thread and Speckle Ceramics)* 1. Yoshkar-Ola: Mari State University Publ., 20–34 (in Russian).

Folofeev, B. A. 2017. In *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 319–335 (in Russian).

Formozov, A. N. 1951. In Chernetsov, V. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology)* 22. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 181–191. (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1962. *Ocherki istorii naseleniia Mariiskogo kraia v epokhu zheleza (Essays of History of the Population of the Mari Region in the Iron Age) Zheleznyi vek Mariiskogo kraia (Iron Age of the Mari Region)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition II. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza. VIII–VI vv. do n. e. (The Volga-Kama Region in the Beginning of the Early Iron Age (8th–6th Centuries BC))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khalikov, A. Kh., Bezukhova, E. A. 1960. *Materialy k drevnei istorii Povetluzh'ia (arkheologicheskie issledovaniia v Vetluzhskom raione Gor'kovskoi oblasti v 1957 godu) (Materials on the Ancient History of the Vetluga River Area: Archaeological Investigations in the Vetluga District, Gorky Oblast, in 1957)*. Gorky (in Russian).

Tsvetkova, I. K. 1948. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 20. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 3–14 (in Russian).

Chelyapov, V. P. 2002. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 5. Tver: Tver State United Museum, 378–387 (in Russian).

Chelyapov, V. P., Ivanov, D. A. 2009. . In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 7. Tver: Tver State United Museum, 249–256 (in Russian).

Chernykh, E. M., Vanchikov, V. V., Shatalov, V. A. 2002. *Argyzhskoe gorodishche na reke Viatke (Argyzh Hillfort on the Viatka River)*. Moscow: Institute of Computer Research (in Russian).

Chizhevsky, A. A. 2008. *Pogrebal'nye pamiatniki naseleniia Volgo-Kam'ia v finale bronzovogo – rannem zheleznom vekakh (predanan'inskaia i anan'inskaia kul'turno-istoricheskie oblasti) Burial sites of the population of Volga-Kama in the Final Bronze – Early Iron Ages (pre- Ananyino and Ananyino cultural and historical areals)*. Series: Archaeology of Eurasian Steppes, 5. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).

Chizhevsky, A. A. 2017. In *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 196–256 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Galimova, M. Sh., Gubaidullina, A. V. 2019. In *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 124–164 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Orudzhev, E. I. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 35 (1), 8–22 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Khisyametdinova, A. A. 2020. In *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 8–277 (in Russian).

Chizhevsky A. A., Chernykh E. M., Khisyametdinova A. A., Mitriakov A. E., Spiridonova E. A., Kochanova M. D., Aleshinskaia A. S. 2016. *Skorniakovskoe gorodishche na Viatke (Skorniaki hillfort on the Viatka River)*. Series: Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 22. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost'" Publ. (in Russian).

About the Author:

Novikov Aleksandr V. Candidate of Historical Sciences. LLC "Kostroma Archaeological Expedition", 156013, Kostroma, Marshal Novikov, Str. 10, Russian Federation; kae44@mail.ru , novikov-kostroma@mail.ru

ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОСУДОВ ИЗ ОДОЕВСКОГО ГОРОДИЩА

©2021 г. А.А. Швецова

Изучение гончарной технологии осуществлялось в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским и развитого его последователями (Бобринский, 1978; Бобринский, 1999; Цетлин, 2012; Цетлин, 2017). Каждый сосуд рассматривается как результат приложения определенных навыков труда гончара, которые с течением времени оформились в культурные традиции и передавались между поколениями. Методика технико-технологического анализа подразумевает визуальный осмотр свежих изломов фрагментов сосудов и их поверхностей при 20–40-кратном увеличении с использованием бинокулярного стереоскопического микроскопа (для проведения данного исследования применялся микроскоп Микромед МС-2-ZOOM). В процессе осмотра фиксируются особые «следы», возникшие в процессе изготовления сосуда, которые позволяют реконструировать навыки труда гончара. Совокупность полученных сведений делает возможным реконструкцию культурных традиций в гончарстве изучаемого сообщества и их интерпретацию применительно к его историческому развитию.

В структуре гончарного производства выделяется три последовательных стадии: подготовительная, созидательная и закрепительная (Бобринский, 1999). Первая стадия объединяет действия гончара по приготовлению формовочной массы. Она включает в себя отбор и добычу исходного сырья, его обработку и при необходимости добавление в его состав минеральных и органических компонентов. Во вторую стадию объединены действия гончара, направленные на создание сосуда, и в третью стадию – действия, предпринимаемые для придания сосудам прочности и влагонепроницаемости. В рамках данного исследования изучение гончарной технологии осуществлялось применительно к подготовительной стадии гончарного производства.

Технико-технологическое изучение проведено для сосудов различных типов и культурно-хронологических позиций.

Результаты проведенных анализов показали существование среди гончаров городища

нескольких гончарных традиций изготовления сосудов. Они различаются свойствами использованного исходного пластичного сырья (ИПС) и видом искусственных примесей, добавленных в состав формовочных масс (ФМ). Исходя из этого выделено 7 различных рецептов ФМ, которые в зависимости от вида искусственно введенных примесей разделены на четыре группы:

Группа I. Глина + раковина моллюсков.

Наблюдения за качественным и количественным составом естественных примесей в составе ИПС позволяют выделить два источника его добычи:

а) *Незавесоченная* (условно пластичная) *ожелезненная глина (ОГ)* (степень ожелезненности определялась после повторного обжига фрагментов от каждого образца в муфельной печи при 850 °С) (рис. к приложению 1: 1, 1: 2) – 6 сосудов (рис. 3: 14; 4: 4, 13; 8: 23; 9: 25; 11: 25). В ее составе зафиксированы следующие включения примесей естественного происхождения: *кварцевый песок крупностью 0,1 мм в концентрации до 10–12 включений на 1 см²* (окатанной и полуокатанной формы; прозрачный и полупрозрачный); *кварцевый песок крупностью 0,2–0,5 мм в единичной концентрации* (окатанной формы, полупрозрачный); *конкреции окисей железа двух видов: округлой формы коричнево-оранжевого и коричневого цветов, рыхлой структуры* (размер от 0,1 до 0,7 мм; концентрация от единичной до 10–12 включений на 1 см²), *а также обломочной или слабоокатанной формы яркого красно-коричневого цвета, невысокой плотности и однородного состава* (размер от 0,2 до 1,7 мм; концентрация от единичной до 10–15 включений на 1 см²) (рис. 1: 13, 1: 14); *бурый железняк оолитовой формы* (величина от 0,5 до 0,7 мм, концентрация единичная); *плотные слабоокатанные комки чистой ожелезненной глины* (размер 0,2–1,2 мм, концентрация единичная) – прослежены в одном образце.

б) *Среднезавесоченная ОГ* (условно среднепластичная) (рис. к приложению 1: 3, 1: 4) – 3 сосуда (рис. 9: 18; 8: 22; 10: 17). Содержит следующие естественные примеси: *кварцевый песок крупностью 0,1–0,2 мм в концен-*

трации 40–50 включений на 1 см² (окатанной и полуокатанной формы; прозрачный и полупрозрачный, изредка серый, светло-коричневый и белесый); кварцевый песок крупностью 0,3–0,7 мм в единичной концентрации (окатанной формы, полупрозрачный); песок пылевидной фракции (<0,1 мм) в малой (2 сосуда) и значительной концентрации (1 сосуд); конкреции окисей железа в виде округлых рыхлых и более плотных окатанных и полуокатанных включений яркого красно-коричневого (1 сосуд) и коричневого (2 сосуда) цвета (величина от 0,1 до 2 мм; концентрация от единичной до 10–15 включений на 1 см²); плотные слабоокатанные комки чистой ожелезненной глины (размер 0,7–2 мм, концентрация единичная) – прослежены в одном образце.

ИПС было использовано в естественно увлажненном состоянии, следов его предварительного дробления не зафиксировано (свойственно всем выделенным группам сосудов).

В состав ФМ добавлена примесь **измельченной раковины моллюсков**, которая исходя из набора наблюдаемых признаков, была предварительно термически обработана, а именно – **нагрета на углях** (рис. 2: 1–6). Среди включений раковины массово присутствуют мельчайшие частицы толщиной 0,1 мм и менее; фрагменты расщепляются на тонкие горизонтальные слои (рис. 2: 1); преобладают фрагменты округлых очертаний (в форме чешуек) (рис. 2: 2–3), наряду с которыми присутствует небольшое количество остроугольных частиц, как правило, наибольшей толщины (участки раковины, испытывавшие наименьшее воздействие высокой температуры); раковина преимущественно серых оттенков, реже – молочно-белых; фрагменты мягкие (легко разрушаются иглой); встречаются частицы перламутра (Салугина, 2016). Для подготовки примеси использовались раковины двустворок: встречаются фрагменты «столбчатого» слоя и замков (рис. 2: 4–6). Термическая обработка раковин происходила совместно с находившимся в них телом моллюска. Об этом свидетельствуют зафиксированные в изломах фрагментов поры округлой и аморфной формы с черными стенками, внутри которых часто находится углефицированный сгусток – остаток мышечной ткани моллюска (размер пор от 0,1 до 2,5 мм) (рис. 2: 7, 2: 8).

После термического воздействия раковина утрачивала изначальную твердость и разминалась до максимальной величины частиц в 4–5 мм (преимущественная крупность

0,5–1,5 мм). Затем подготовленная раковина совместно с образовавшимися при ее дроблении мельчайшими частицами была добавлена в ФМ. Концентрация частиц размерностью более 0,5 мм составляет около 40–60 включений на 1 см².

В одном из фрагментов включения раковины выщелочены, но по характеру сохранившихся пустот можно сделать вывод об ее аналогичной термической подготовке.

Группа II. Глина + раковина моллюска + шамот.

Зафиксировано использование ИПС из двух различных источников:

а) **Незапесоченная** (условно пластичная) ОГ (рис. к приложению 1: 5, 1: 6) – 2 сосуда (рис. 10: 15). Качественный и количественный состав естественных примесей аналогичен описанным выше для ИПС сосудов первой группы.

б) **Слабозапесоченная** (условно пластичная) ОГ – (рис. к приложению 1: 7, 1: 8) 2 сосуда (рис. 10: 6; 12: 28). В отличие от незапесоченного ИПС содержит естественную примесь **кварцевого песка крупностью 0,1–0,2 мм в концентрации 20–25 включений на 1 см²** (окатанной и полуокатанной формы; прозрачный и полупрозрачный, изредка белесый), **кварцевого песка крупностью 0,3–0,5 мм в концентрации до 10 включений на 1 см²** (окатанной формы, полупрозрачный) и **песок пылевидной фракции (<0,1 мм) в малой концентрации**. Также встречаются **включения конкреций окисей железа**.

Раковины моллюсков, добавленные в состав ФМ, как и в случае с сосудами первой группы, были предварительно термически обработаны (нагреты на углях) и имеют аналогичный описанному выше набор внешних признаков.

Шамот изготавливался путем дробления старых вышедших из употребления сосудов до крупности 0,7–5 мм и, очевидно, предварительно просеивался (практически отсутствуют мельчайшие частицы величиной менее 0,5 мм) (рис. 2: 12). Концентрация от единичной до 1:7–1:8. Примечательно, что для изготовления шамота в одном случае были использованы сосуды, ФМ которых содержали примесь измельченной раковины моллюсков (рис. 10: 6).

Группа III. Глина + шамот + органическая добавка (предположительно выжимка из навоза) (рис. 9: 4).

Сосуд изготовлен из **незапесоченной** (условно пластичной) ОГ, близкой по составу естественных примесей описанным выше

незапесоченным глинам (рис. к приложению 1: 9, 1: 10).

Преимущественная крупность частиц *шамота* составляет 1–2 мм (зафиксированы частицы от 0,5 до 1,5 мм). Концентрация 1:6. Шамот был изготовлен из сосудов, содержащих в составе ФМ искусственно добавленную примесь раковины моллюсков.

В изломах фрагментов зафиксировано наличие отпечатков, связываемых с *растительными остатками* – единичные отпечатки плоских частей растений и их волокон (величина 0,2–0,6 мм), а также небольшие округлые поры с темными стенками (величина 0,1–0,2 мм). Кроме того, прослеживаются признаки присутствия *органического раствора* – наличие светло-коричневого налета в пустотах от шамота, между слоями глины и в некоторых крупных порах. Учитывая совокупность указанных органических компонентов ФМ, можно предварительно сделать вывод об использовании в качестве добавки *выжимки из навоза жвачных животных*.

Группа IV. Глина + шамот + органическая добавка (предположительно выжимка из навоза).

Для изготовления сосудов была использована *среднезапесоченная* (условно среднепластичная) ОГ (рис. к приложению 1: 11, 1: 12). По своим характеристикам она близка среднезапесоченному ИПС второй группы. Ее отличает присутствие в составе естественной примеси *кварцевого песка крупностью 0,1–0,2 мм в концентрации 50–60 включений на 1 см²* (окатанной и полукатанной формы; прозрачный и полупрозрачный, изредка светло-коричневый и белесый), *кварцевого песка крупностью 0,3–0,5 мм в концентрации до 10 включений на 1 см²* (окатанной формы, прозрачный и полупрозрачный) и *песка пылевидной фракции (<0,1 мм) в средней концентрации*. Зафиксированы включения *конкреций окисей железа и оолитов бурого железняка* (рис. 1: 15).

В состав ФМ входит примесь *шамота*, преимущественная величина частиц которого варьирует от 1 до 2 мм. При этом встречаются включения размером от 0,5 до 5 мм. Скорее всего, перед добавлением в ФМ шамот калибровался и использовался совместно с образовавшимися при дроблении мельчайшими частицами. Концентрация шамота в ФМ составляет в двух случаях 1:6 и в одном – 1:7/1:8. В одном из образцов зафиксирован шамот, для изготовления которого были использованы сосуды, вылепленные из неза-

песоченного ИПС с примесью термически обработанной раковины (близки сосудам группы Ia) (рис. 2: 13, 2: 14). Еще в одном образце прослежены частицы шамота, изготовленные из сосудов, вылепленных из среднезапесоченного ИПС с добавлением измельченной раковины моллюсков и шамота (рис. 2: 15).

Органический раствор фиксируется по наличию полупрозрачного налета светло-коричневых оттенков. Он находится на стенках некоторых пор и пустот, в том числе от шамота и растительных волокон. Также в изломах встречаются единичные углефицированные частицы растительных остатков и их отпечатки. Они представлены фрагментами плоских и округлых в сечении стеблей растений и их отдельными волокнами (длина 0,2–5,5 мм, диаметр 0,1–1 мм, ширина 0,1–0,3 мм) (рис. 2: 9, 2: 11). Сочетание признаков органического раствора с наличием в составе формовочной массы сильно фрагментированных растительных остатков можно предварительно интерпретировать как использование *выжимки из навоза жвачных животных*.

Изучение гончарной технологии на подготовительной стадии производства позволяет сделать заключение о существовании на территории городища *как минимум двух различных групп населения*, гончары которых руководствовались разными представлениями о пригодном для изготовления сосудов исходном сырье и рецептах составления формовочных масс. С одной стороны, это население, которое изготавливало сосуды преимущественно из *незапесоченных и слабозапесоченных глин (условно пластичных) с использованием примеси термически обработанной (жареной) раковины моллюсков (I–III группа)*, а с другой – население, гончары которого *подготавливали ФМ на основе среднезапесоченных глин с добавлением минеральной примеси шамота и органических компонентов (группа IV)*. При этом нужно отметить, что население, которое изготавливало сосуды I–III группы не было однородным, что проявилось в использовании нескольких рецептов ФМ, в том числе и смешанных многокомпонентных (глина + раковина моллюсков + шамот). Примечательно, что сосуд, отнесенный к III группе, хоть и не содержит в составе формовочной массы примесь раковины, но ее присутствие зафиксировано в шамоте, для изготовления которого были использованы сосуды, близкие сосудам из группы I а.

Фрагменты с сетчатыми отпечатками. Изготовлены из *слабозапесоченной*

(условно пластичной) ОГ. Она содержит естественную примесь кварцевого песка крупностью 0,1–0,2 мм в концентрации до 20 включений на 1 см² (окатанной и полукатанной формы; прозрачный и полупрозрачный, изредка белесый), кварцевого песка крупностью 0,3–0,5 мм в единичной концентрации и песка пылевидной фракции (<0,1 мм) в малой концентрации. Также встречаются включения конкреций окисей железа яркого красно-коричневого цвета, рыхлых по структуре. В состав формовочной массы входит минеральная примесь в виде шамота и органическая

в виде раствора. Преимущественная крупность шамота составляет 1–2 мм (зафиксированы частицы от 0,5 до 6 мм), концентрация 1:6. Органический раствор фиксируется по наличию углефицированных фрагментов и отпечатков плоских частей стеблей растений (величина 0,2–2 мм; концентрация 3–7 включений на 1 см²), а также по наличию светло-коричневого налета в пустотах от шамота, между слоями глины и в некоторых крупных порах. Органический раствор может быть определен как *выжимка из навоза жвачных животных*.

ЛИТЕРАТУРА

Бобринский, А.А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с..

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999. С. 5-109.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода М.: ИА РАН, 2012. 380 с.

Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2017. 346 с.

Салугина Н.П. Идентификация раковины в составе древней керамики: критерии различения естественного или искусственного характера // Традиции и инновации в изучении древней керамики. Материалы международной научной конференции 24-27 мая, Санкт-Петербург. СПб: ИИМК РАН, 2016. С. 68-70.

Информация об авторе:

Швецова Анастасия Александровна, младший научный сотрудник Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (г. Нижний Новгород, Россия); asendriy@mail.ru

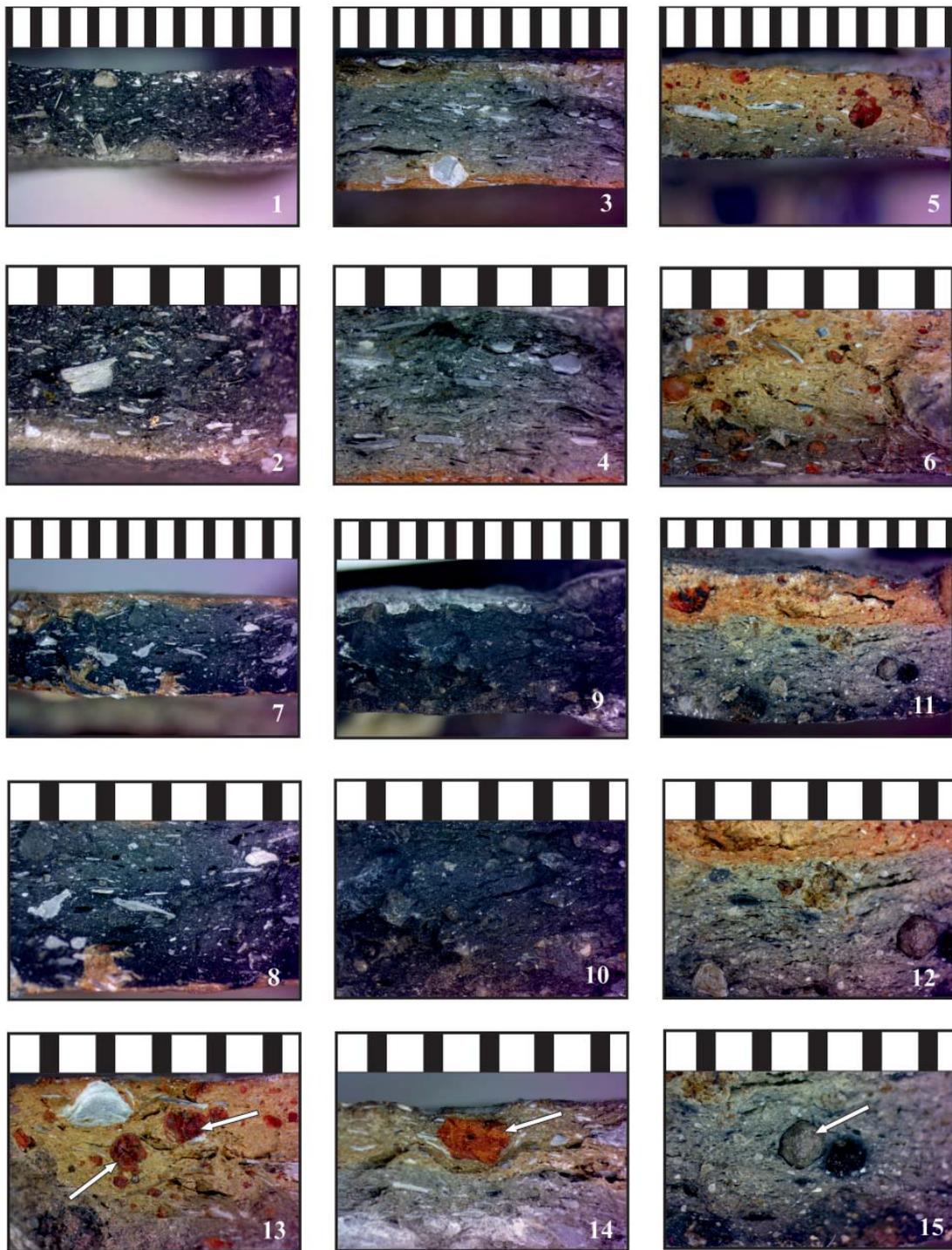


Рис. 1. Естественные примеси в составе исходного пластичного сырья (ИПС)

1–2 – ИПС группы сосудов Ia – незапесоченная железненная глина (увеличение в 10–20 раз); 3–4 – ИПС группы сосудов Ib – среднезапесоченная железненная глина; 5–6 – ИПС группы сосудов IIa – незапесоченная железненная глина; 7–8 – ИПС группы сосудов IIб – слабозапесоченная железненная глина; 9–10 – ИПС группы сосудов III – незапесоченная железненная глина; 11–12 – ИПС группы сосудов IV – среднезапесоченная железненная глина; 13–14 – включения конкреций окисей железа; 15 – включения оолита бурого железняка

Fig 1. Natural impurities in the composition of the original plastic raw material (PRM)

1–2 – PRM of vessel group Ia – non-sandy iron clay (a 10–20 – fold increase); 3–4 – PRM of vessel group Ib – medium sandy iron clay; 5–6 – PRM of vessel group IIa – non-sandy iron clay; 7–8 – PRM of vessel group IIb – slightly sandy iron clay; 9–10 – PRM of vessel group III – non-sandy iron clay; 11–12 – PRM of vessel group IV – medium sandy iron clay; 13–14 – inclusions of iron oxide nodules; 15 – inclusions of brown iron ore oolite

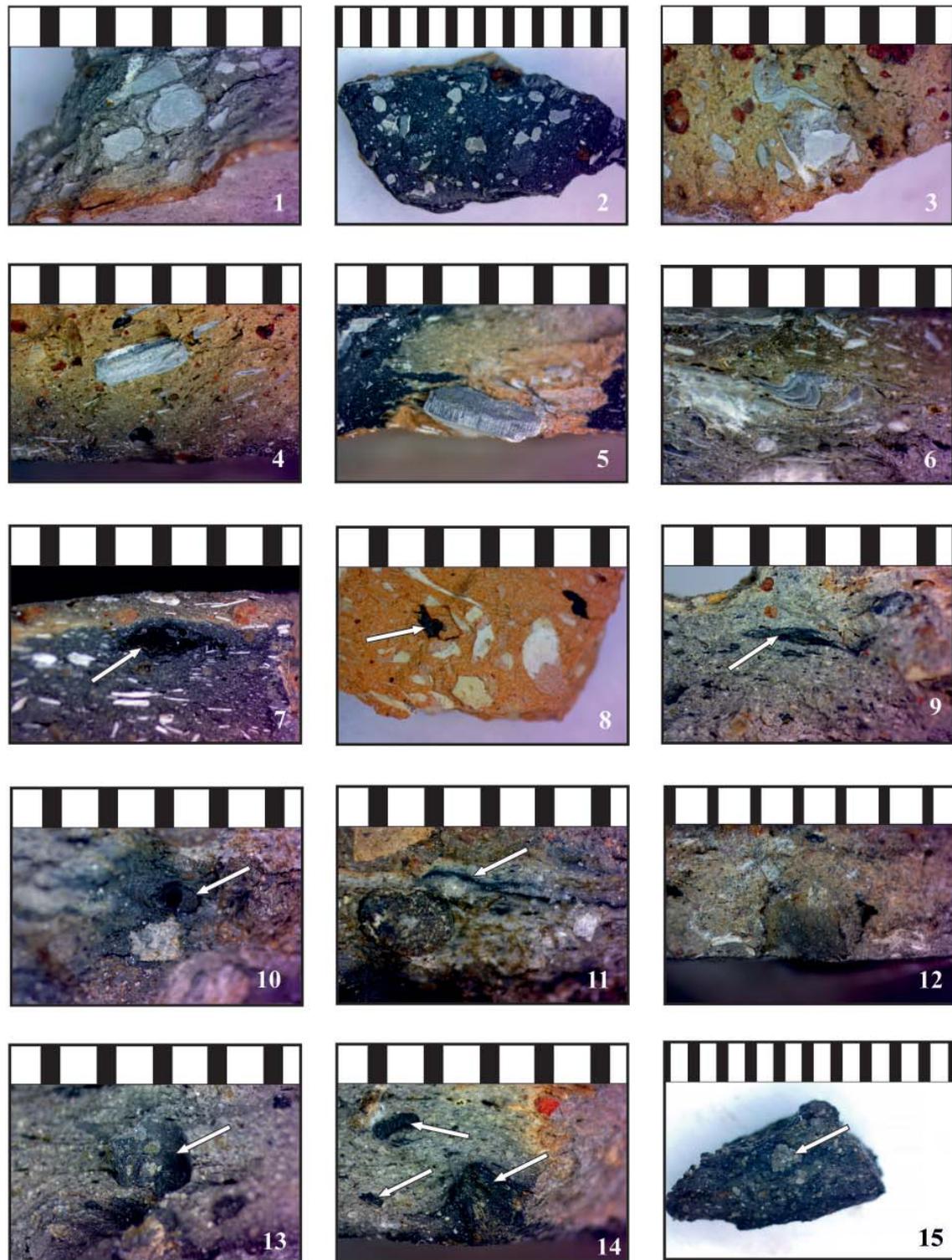


Рис. 2. Искусственные примеси в составе формовочных масс (ФМ)

1–6 – примесь фрагментов раковины моллюсков; 7–8 – включения фрагментов тела моллюска; 9–11 – включения растительных остатков; 12–15 – примесь шамота (13, 14 шамот с примесью термически обработанной (жареной) раковины моллюсков; 15 – выпавший из образца шамот с включением шамота).

Масштаб в мм: одно деление белого цвета равно 1 мм

Fig. 2. Artificial impurities in molding compounds (MC)

1–6 – admixture of shellfish fragments; 7–8 – inclusions of mollusk body fragments; 9–11 – inclusions of plant residues; 12–15 – admixture of chamotte (13, 14 – chamotte with an admixture of thermally treated (fried) mollusk shells; 15 – chamotte having dropped out of the sample with a chamotte inclusion)

Scale in mm: one white mark equals 1 mm

УДК 902.01

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.2.170.174>

МЕЧИ И КИНЖАЛЫ С КОЛЬЦЕВИДНЫМ НАВЕРШИЕМ: СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ С ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

© 2021 г. С.Ю. Николаев

На основании выборки т.н. «случайных» находок сарматского клинкового оружия с кольцевидным навершием с территории Южного Приуралья выделяются основные их элементы (форма и сечение навершия, перекрестия, рукояти и клинка). Дается обоснование выбора «случайных» находок в качестве основы для анализа, т.к. их хорошая сохранность, в отличие от мечей и кинжалов из погребальных комплексов, позволяет лучше зафиксировать их основные элементы. В ходе исследования каждый элемент разбивается на типы в соответствии с конструктивными особенностями. Приводится анализ полученных результатов, выделяются группы мечей и кинжалов со сходным комплексом элементов, в том числе экземпляры, несущие в себе признаки как классических мечей с кольцевидным навершием, так и предшествовавшего им классического прохоровского типа. Отмечается наличие среди известных образцов «случайных» находок тупиковых (экспериментальных) линий развития отдельных элементов, что подтверждает процесс эволюции клинкового оружия ранних кочевников на данной территории. Делается вывод об эволюционном переходе прохоровских мечей и кинжалов в кольцевидные на территории Южного Приуралья и о необходимости уточнения сложившейся типологии сарматского оружия с учетом полученных данных и вновь выявленных экземпляров.

Ключевые слова: археология, сарматы, мечи и кинжалы с кольцевидным навершием, случайные находки, Южное Приуралье.

SWORDS AND DAGGERS WITH RING POMMELS: ACCIDENTAL FINDS FROM THE TERRITORY OF THE SOUTHERN CIS-URALS

S. Yu. Nikolaev

Based on a sample collection of the so-called “accidental” finds of Sarmatian bladed weapons with a ring-shaped pommel from the territory of the Southern Urals, their main elements were distinguished (the shape and cross-section of the pommel, cross-guard, handle and blade). The justification for the selection of “random” finds as a basis for the analysis is provided, since their good preservation, in contrast to the swords and daggers from the burial complexes, makes it possible to better ascertain their main elements. During the study, each element is broken down into types according to the design features. An analysis of the obtained results is provided, groups of swords and daggers with a similar complex of elements were distinguished, including specimen bearing the features of both classical swords with a ring-shaped pommel and the classical preceding Prokhorovka type. The presence among the known samples of “accidental” finds of discontinuing (experimental) lines of development of individual elements was noted, which confirms the process of evolution of blade weapons of the early nomads in this territory. A conclusion is made concerning the evolutionary transition of Prokhorovka swords and daggers into ring-shaped items in the territory of the Southern Urals, and the need to clarify the existing typology of Sarmatian weapons with due account of the obtained information and newly identified specimens.

Keywords: archaeology, the Sarmatians, swords and daggers with a ring-shaped pommel, accidental finds, Southern Cis-Urals.

Создание типологического ряда тех или иных ключевых предметов материальной культуры народов прошлого является важнейшим элементом в исследовании как самих объектов, так и этих народов, в том числе кочевников Евразийской степи в эпоху раннего железа. Не является исключением и такой важнейший элемент в их материальной культуре, как клинковое оружие.

При решении вопроса о типологии клинкового оружия кочевников Евразийской степи эпохи раннего железа в качестве базового

элемента традиционно выбиралось навершие. Именно на основании форм наверший исследователи классифицировали мечи и кинжалы (А.И. Мелюкова, К.Ф. Смирнов, А.М. Хазанов, М.Г. Мошкова, А.С. Скрипкин, Р.Б. Исмагилов и др.). Описывались и другие элементы оружия, в первую очередь перекрестья, а также формы и сечения клинка и рукояти, однако они отмечались как особенности конкретного образца и фактически не влияли на типологические построения.

На этом же основании традиционно выделяется и тип меча и кинжала с кольцевидным навершием. А.М. Хазанов прямо указывал, что «из всех типов сарматских мечей мечи, а также кинжалы с кольцевым навершием являются наиболее однообразными как по форме, так и по технике изготовления ...» (Хазанов, 1971, с. 5). Описывая далее формы и особенности элементов мечей и кинжалов, автор отмечал определенное их разнообразие, сразу оговариваясь, что отличающиеся от стандартной схемы элементы малочисленны и не показательны. Из 170 проанализированных им образцов (при этом учтено всего 7 из числа «случайных» находок) подавляющее большинство описываются как короткие кинжалы длиной от 30 до 60 см, клинки двухлезвийные, линзовидные, двояковыпуклые или уплощенные в сечении, рукояти прямые, в сечении линзовидные, овальные или квадратно-прямоугольные, навершие кольцевидное, изготовлено отдельно и приварено к рукояти. В качестве редких исключений А.М. Хазанов указывает большую длину меча (свыше 60–70 см), вытянуто-треугольную форму клинка, его ромбовидное сечение с продольным ребром, также ромбовидное сечение рукояти, т.е. элементы, свойственные оружию более раннего, прохоровского типа.

В последующих исследованиях по теме клинкового оружия с кольцевидным навершием исследователи, также выделяя разнообразие форм отдельных элементов, во главу угла ставят именно навершие (Горбунов, Исмагилов, 1976; Обыденнов, Савельев, 1994; Симоненко, 2010; Таиров, 2015; Фризен, Яблонский, 2017).

К сегодняшнему дню число обнаруженных мечей и кинжалов с кольцевидным навершием как в погребальных комплексах, так и вне их (т.н. «случайных») (Савельев, 2016), многократно возросло. При этом на «случайные» находки клинкового оружия в течение длительного времени особого внимания не обращалось. Они фиксировались, но, в связи с отсутствием сопровождающего материала, не могли быть точно датированы. Однако, их хорошая сохранность, в отличие от найденных в погребальных комплексах, позволяет точно понять особенности форм и сечений отдельных элементов. Это выгодно отличает их от мечей и кинжалов из погребальных комплексов именно с точки зрения построения типологии.

Большинство из опубликованных на настоящий момент т.н. «случайных» находок мечей

и кинжалов происходит с территории Южного Приуралья – всего 218 (Савельев, 2016; Таиров, 2018; Николаев, 2019; Савельев, Николаев, 2019). Среди них 48 с кольцевидным навершием, что дает достаточно представительную выборку, позволяющую сделать четкие и обоснованные выводы. При анализе данной выборки (Горбунов, Исмагилов, 1976; Обыденнов, Савельев, 1994; Исмагилов, 2001; Таиров, 2015; Николаев, 2019; Савельев, Николаев, 2019) учитывались формы навершия, перекрестья и клинка, сечения рукояти и клинка. Различные утраты конструктивных элементов также просчитаны и не учитываются при определении процентных соотношений (табл. №1).

1. Форма навершия. Определена у 43 образцов:

1.1. кольцо – 10 экз. (23,2%);

1.2. эллипс (горизонтальный овал) – 12 экз. (27,9%);

1.3. разомкнутое кольцо – 21 экз. (48,8%).

У 5 экземпляров (10,5%) навершие сохранилось частично и позволяет говорить лишь о его кольцевидной форме, без точной детализации.

2. Сечение рукояти:

2.1. ромб – 12 экз. (25%);

2.2. уплощенный ромб – 8 экз. (16,6%);

2.3. прямоугольник – 21 экз. (43,7%);

2.4. уплощенный прямоугольник – 5 экз. (10,5%);

2.5. двутавровое – 2 экз. (4,2%).

3. Форма клинка. Выявлена у 46 образцов:

3.1. вытянуто-треугольная – 25 экз. (54,3%);

3.2. с параллельными лезвиями и резким сужением у острия – 17 экз. (36,9%);

3.3. с параллельными лезвиями до середины клинка, переходящими в треугольник – 4 экз. (8,7%).

4. Сечение клинка:

4.1. линза – 5 экз. (10,4%);

4.2. ромб – 28 экз. (58,3%);

4.3. ромб с одним или двумя прорезанными долами – 12 экз. (25%);

4.4. линза с прокованными долами – 1 экз. (3,1%);

4.5. шестигранник – 2 экз. (4,2%).

5. Форма перекрестья. Сохранилось у 38 образцов. Все перекрестья брусковидные.

5.1. массивное – 24 экз. (63,2%);

5.2. тонкое – 14 экз. (36,8%).

В 10 случаях (20,8%) перекрестье утеряно.

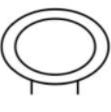
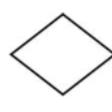
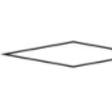
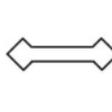
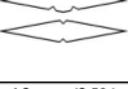
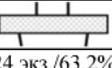
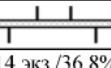
Проведенный анализ показывает большое разнообразие элементов клинкового оружия с кольцевидным навершием – в первую очередь

Таблица. 1.

Формы и сечения основных элементов мечей и кинжалов с кольцевидным навершием

Table. 1.

Shapes and cross-sections of the main elements of swords and daggers with a ring-shaped pommel

1. Навершие			2. Сечение рукояти				
1.1 Кольцо	1.2 Эллипс	1.2 Разомкнутое кольцо	2.1 Ромб	2.2 Расплющенный ромб	2.3 Прямоугольник	2.4 Расплющенный прямоугольник	2.5 Двуглавая
							
10 экз./23,2%	12 экз./27,9%	21 экз./48,8%	12 экз./25%	8 экз./16,6%	21 экз./43,7%	5 экз./10,5%	2 экз./4,2%
3. Форма клинка			4. Сечение клинка				
3.1 Вытянуто-треугольная	3.2 Параллельные лезвия	3.3 Параллельные лезвия до середины и треугольник в конце	4.1 Линза	4.2 Ромб	4.3 Ромб с одним или двумя долами	4.4 Линза с прокованными долами	4.5 Шестигранный
							
25 экз./54,3%	17 экз./36,9%	4 экз./8,7%	45 экз./10,4%	28 экз./58,3%	12 экз./25%	1 экз./3,1%	2 экз./4,2%
5. Перекрестье		Навершие утеряно	Перекрестье утеряно	Форма клинка не установлена	Фиксируются все элементы кинжала	Образцы с устойчивыми «прохоровскими» признаками	Образцы классического «среднесарматского» типа
5.1 Массивное	5.2 Тонкое	5 экз./ 10,5%	10 экз./ 20,8%	2 экз./ 4,2%	33 экз./ 66,8%	8 экз./ 16,7%	11 экз./ 22,9%
							
24 экз./63,2%	14 экз./36,8%	Всего 48 экземпляров / 100%					

выделяются 2 группы: 1 – с клинком вытянуто-треугольной формы с сечением в виде простого ромба либо ромба с прорезанными долами, массивным перекрестьем и рукоятью с ромбовидным или прямоугольным сечением. Вторая большая группа включает в себя образцы с клинком с параллельными лезвиями, сходящимися на острие, линзовидным в сечении, рукоятью в виде уплощенных прямоугольника или ромба и тонким перекрестьем. При этом, ромбовидное сечение клинка часто встречается и во второй группе. Следует также отметить, что, если навершие в виде целого, замкнутого кольца равномерно распределено по обеим группам, то разомкнутое кольцо свойственно исключительно группе с признаками раннесарматского типа. Обращает на себя внимание большое количество признаков, свойственных мечам и кинжалам с серповидным навершием – ромбовидные сечения рукояти и клинка, массивное перекрестье, вытянуто-треугольная форма клинка (Мошкова, 1963, с. 34). В тоже время, признаки сложившегося типа меча с кольцевидным

навершием (уплощенные прямоугольник или ромб в сечении рукояти, тонкое перекрестье, линзовидное сечение клинка с параллельными лезвиями и резким сужением у острия (Хазанов, 1971, с. 5), представлены меньшим количеством. При этом многие образцы несут в себе признаки обоих, совершенно различных по элементам и внешнему облику, типов – как с серповидным, так и кольцевидным навершиями. Это, в первую очередь, уже отмеченное выше большое количество ромбовидных в сечении клинков (58% во всей выборке), которые фиксируются на кинжалах, по остальным признакам относящимся к типу с кольцевидным навершием (тонкое перекрестье, уплощенная в сечении рукоять, форма клинка с параллельными лезвиями по всей длине, собственно форма навершия). В 3 случаях с классическими для оружия с кольцевидным навершием признаками соседствует массивное перекрестье, в 5-ти – вытянуто-треугольная форма клинка. Из всей выборки у 11 кинжалов (22,9%) присутствуют признаки только классического «среднесарматского»

оружия (с учетом экземпляров с навершием в виде разомкнутого кольца и ромбовидным сечением клинка). В то же время, кинжалов с устойчивыми «прохоровскими» признаками среди анализируемой выборки – 8 экз. (16,7%).

Анализ приведенной выборки показывает процесс эволюции клинкового оружия ранних кочевников на территории Южного Приуралья. Наблюдаются явные переходные типы, «эксперименты», постепенный переход от классического прохоровского типа меча или кинжала к т.н. «среднесарматскому», с кольцевидным навершием, которое появляется на территории Южного Приуралья как один из (навершия) вариантов с сохранением классического «прохоровского» облика других элементов. Вместе с этим идет изме-

нение и других элементов, приведшее в итоге к формированию типа клинкового оружия, известного в настоящее время как «среднесарматский». При этом следует отметить и наличие ряда тупиковых линий, экспериментов, появившихся в ходе процесса стандартизации, таких, как гипертрофированно-удлиненных антенн навершия, валютообразных наверший и т.д. (Исмагилов, 2001; Савельев, Николаев, 2019; Николаев, 2019).

Данный факт говорит о том, что общая типология сарматского клинкового оружия, как с серповидным, так и с кольцевидным навершием, а также устоявшиеся эволюционные построения, требуют дальнейшей детализации и уточнения на основе учета всех конструктивных элементов всей имеющейся выборки клинкового оружия.

ЛИТЕРАТУРА

Горбунов В.С., Исмагилов Р.Б. Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии // СА. 1976. №3. С. 229–247.

Исмагилов Р.Б. Клинковое оружие эпохи ранних кочевников из Южного Приуралья (случайные находки) // УАВ. Вып. 3 / Отв. ред. В.К. Федоров. Уфа: НМ РБ, 2001. С. 117–147.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры / САИ. Вып. Д1–10. М.: АН СССР, 1963. 56 с + 32 табл.

Николаев С.Ю. Комплекс сарматского клинкового оружия из окрестностей сел Куезбашево и Бишкаин в Южном Приуралье // УАВ. 2019. №. 19. С. 69–77.

Обыденнов М.Ф., Савельев Н.С. Оружие ранних кочевников: новые находки в Башкортостане // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала / Отв. ред. В.С. Горбунов. Уфа: ПКФ «Конкорд-Инвест, 1994. С. 100–115.

Савельев Н.С. Мечи и кинжалы в культовой практике кочевников Южного Приуралья скифо-сарматского времени (пространственный анализ «случайных» находок) // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Л.А. Краева. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 241–253.

Савельев Н.С., Николаев С.Ю. Комплекс сарматских кинжалов из окрестностей села Толбазы в Южном Приуралье // НАВ. 2020. Т. 19. №1. С. 149–166

Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. Saint Petersburg: Нестор–История, 2010. 328 с.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. 300 с.

Таиров А.Д. Кинжалы с кольцевым навершием из Миякинского района республики Башкортостан // Наука ЮУрГУ. Секции социально-гуманитарных наук: материалы 67-й науч. конф. / Отв. ред. С. Д. Ваулин. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015. С. 516–520.

Фризен О.И., Яблонский Л.Т. Клинковое оружие ранних кочевников Южного Приуралья: культурно-хронологический аспект // История оружия и военного дела. №1/2017. Часть 1. Эпоха раннего железного века / Отв. ред. В.Ю. Мурзин. Київ: Видавель Олег Філюк, 2017. С. 101–114.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 169 с.

Информация об авторе:

Николаев Сергей Юрьевич, младший научный сотрудник отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (ИИЯЛ УФИЦ РАН) (г. Уфа, Россия); nikolaev.sergey123@yandex.ru

REFERENCES

Gorbunov, V. S., Ismagilov, R. B. 1976. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archeology)*. (3). 229–247 (in Russian).

Ismagilov, R. B. 2001. In Fedorov, V. K. (ed.) *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 3. Ufa: National Museum of the Bashkir Republic, 117–147 (in Russian).

Moshkova, M. G. 1963. *Pamiatniki prokhorovskoi kul'tury (Monuments of the Prokhorovka culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1-10. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Nikolaev, S. Yu. 2019. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* (19), 69–77 (in Russian).

Obydenov, M. F., Savel'ev, N. S. 1994. In Gorbunov, V. S. (ed.). *Vooruzhenie i voennoe delo drevnikh plemen Iuzhnogo Urala (Armament and Military Art of the Ancient Tribes of the Southern Urals)*. Ufa: "PFK "Konkord-Invest" Publ., 100–115 (in Russian).

Savelev, N. S. 2016. In Yablonsky, L. T., Kraeva, L. A. (eds.). *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennyye problemy sarmatskoi arkheologii (Konstantin Fedorovich Smirnov and the Contemporary Issues of Sarmatian Archaeology)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 241–253 (in Russian).

Savelev, N. S., Nikolaev, S. Yu. 2020. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 19 (1), 149–166 (in Russian).

Simonenko, A. V. 2010. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ia (Sarmatian Riders of the Northern Black Sea Region)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).

Skripkin, A. S. 1990. *Aziatskaia Sarmatiia (problemy khronologii i ee istoricheskii aspekt) (Sarmatia Asiatica: Issues of Chronology and Its Historical Aspect)*. Saratov: Saratov University (in Russian).

Tairov, A. D. 2015. In Vaulin, S. D. (ed.). *Nauka Iuzhno-Uralskogo Gosudarstvennogo universiteta (Science of South Ural State University)*. Chelyabinsk: South Ural State University, 516–520 (in Russian).

Frizen, O. I., Yablonsky, L. T. 2017. In Murzin, V. Yu. (ed.). *Istoriia oruzhiia i voennogo dela. Chast 1. Epokha rannego zheleza veka (History of Armament and Military Art. Part 1. Early Iron Age) 1*. Kiev: "Vidavets Oleg Filyuk" Publ., 101–114 (in Russian).

Khazanov, A. M. 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov (Essays on Sarmatian Warfare)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Author:

Nikolaev Sergey Yu. Institute for History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences (IHLL UFRC RAS). Oktyabrya Av., 721, Ufa, 450054, the Republic of Bashkortostan, Russian Federation; nikolaev.sergey123@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2021 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.2.175.190>

ОПЫТ СТАТИСТИЧЕСКОГО И ПРОСТРАНСТВЕННОГО АНАЛИЗА КЕРАМИКИ ГЛЯДЕНОВСКОГО КОСТИЩА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2015–2018 ГОДОВ): ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

© 2021 г. М.Л. Перескоков, Д.А. Якимова

В статье представлены результаты апробации комплексной методики изучения керамического материала Гляденовского костыща (конец VI в. до н.э. – V в. н.э.). Гляденовское костыще – сложный культовый объект, имеющий слабо стратифицированный культурный слой, что существенно усложняет решение вопросов хронологии памятника. Предлагаемая методика может помочь в решении данной задачи. Исследование включало следующие этапы. Была создана база данных керамики, которая отражает качественные признаки орнамента. Статистическая таблица учитывала технику нанесения орнамента, отдельные элементы орнамента, комбинации элементов – орнаментальные мотивы, а также и орнаментальные композиции в целом. Сложные композиции дают уникальный набор признаков. Данные представлены в бинарном коде и подвержены статистическому анализу, который выполнялся последовательно двумя методами: кластерным иерархическим анализом и методом главных компонент. После этого, полученные результаты кластеризации и группировки распределения в координатах ГК. Выделенные кластеры и группы отражают стилистические и хронологические особенности керамики Гляденовского костыща. После этого инструментами ГИС проведен пространственный анализ расположения керамического материала в пространстве культурного слоя, с учетом результатов статистического анализа. Подтвержден стратиграфический принцип формирования культурного слоя костыща. Выявлены особенности распределения различных типов керамики в пространстве памятника.

Ключевые слова: археология, керамика, орнамент, ананьинская культура, гляденовская культура, ранний железный век, кластерный иерархический анализ, метод главных компонент, пространственный анализ, ГИС.

EXPERIENCE OF STATISTICAL AND SPATIAL ANALYSIS OF CERAMICS FROM GLYADENOVNO BONE BED (BASED ON MATERIALS OF 2017–2018 EXCAVATIONS): FIRST RESULTS

M. L. Pereskokov, D. A. Yakimova

The paper features the results of testing a comprehensive method for studying the ceramic material of the Glyadenovo bone bed (late 6th c. BC – 5th c. AD). Glyadenovo bone bed is a complex cult site with a mildly stratified cultural layer, which substantially complicates the resolution of the site's chronology issues. The proposed method can aid in the solution of this task. The study included the following stages. A database of ceramics was created, which reflects the qualitative characteristics of ornamentation. A statistical table was prepared with due account for ornament application technique, individual elements of the ornament, element combinations – ornamental motifs, and the ornamental composition in general. Complex compositions provide a unique set of attributes. The data is presented in binary code and is subject to statistical analysis, which was performed sequentially using two methods: cluster hierarchical analysis and principal component analysis (PCA). After that, the results of clustering and grouping the distribution in principal component coordinates were obtained. The selected clusters and groups reflect the stylistic and chronological features of the ceramics of Glyadenovo bone bed. After that, a spatial analysis of the location of the ceramic material within the cultural layer was carried out using GIS tools, taking into account the statistical analysis results. The stratigraphic principle of the formation of the cultural layer of Glyadenovo bone bed was confirmed. The distribution features of different types of ceramics across the site were revealed.

Keywords: archaeology, ceramics, ornamental pattern, Ananyino culture, Glyadenovo culture, Early Iron Age, cluster hierarchical analysis, principal component analysis, spatial analysis, GIS.

Вводные замечания¹

Обломки глиняной посуды являются наиболее массовой категорией среди археологических находок и важнейшим источником для изучения культуры древнего населения.

Керамике отведена значимая роль и в определении культурной принадлежности археологических памятников. Однако до сих пор в археологической науке нет единого методоло-

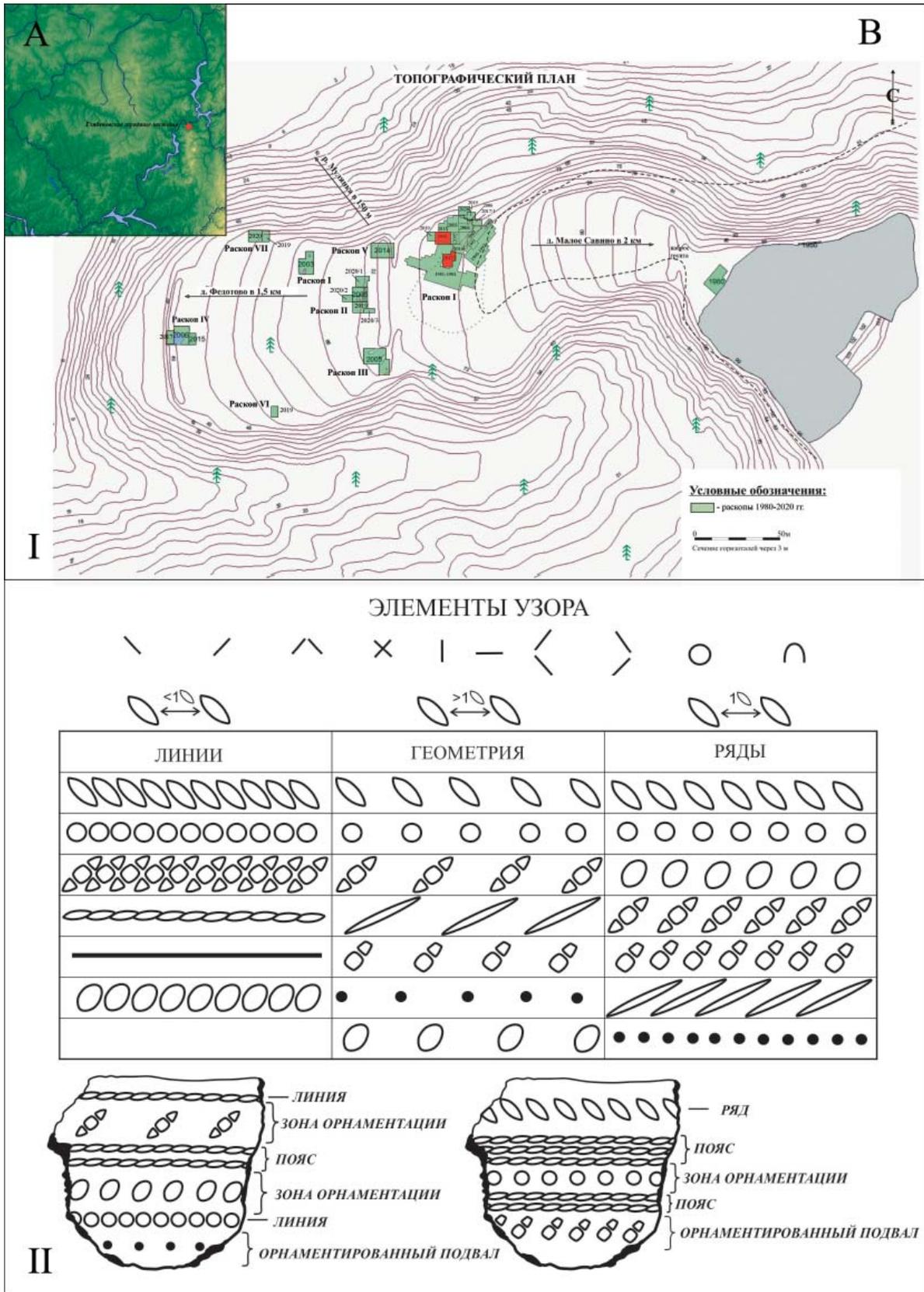


Рис. 1. I. Расположение и топография Гляденовского городища-костища; А. Схема расположения; В. Топографический план памятника. Цветом выделены раскопы I/2/2017 и I/18; II. Принципиальная схема выделения основных элементов орнамента и их комбинаций.

Fig. 1. I. Location and topography of the Glyadenovo bone bed; A. Layout; B. Topographic plan of the site. Excavations I/2/2017 and I/18 are highlighted in color; II. Layout diagram of identifying the main ornament elements and their combinations.

гического подхода к обработке данной категории находок.

Начало системному исследованию данной категории находок в Прикамье было положено В.Ф. Генингом (Генинг, 1959а). Позднее им была предложена программа, в которой дана схема описания сосудов, методика первичной обработки комплексов и проведения сравнительного анализа (Генинг, 1973, с. 113–137).

Более широкий контекст гляденовской керамики был показан Ю.А. Поляковым (Поляков, 1967; 1978; 1999; 2001а). Исследование Ю.А. Полякова показало, что по форме сосудов, технике их изготовления и орнаментации гляденовская керамика очень схожа, тем самым он доказывает культурную общность всех гляденовских памятников. Однако в орнаментации керамики разных групп памятников можно выделить ряд отличий, которые он связывает с локальными особенностями племенных территорий (Поляков, 2001, с. 13). М.Л. Перескоков в своей статье отмечает, что Ю.А. Поляков в своем анализе объединил комплексы, которые сильно разнятся хронологически, а также являются культурно смешанными, а следовательно, данная статистика не может отражать хронологические изменения (Перескоков, 2015, с. 99; 2018, с. 84–88).

А.Н. Лепихин при анализе керамики Гляденовского костыща учел хронологический диапазон смешанных комплексов, он выделяет керамику ананьинского и гляденовского периода, рассматривая их в отдельности (Лепихин, 2007, с. 64–66).

Программа статистической обработки керамики, предложенная В.Ф. Генингом, позже получила свое развитие в трудах Л.И. Ашихминой. Развивая схему, представленную В.Ф. Генингом, она выделила хронологические стадии бытования ананьинской керамики. Для сравнения керамических комплексов Л.И. Ашихмина дает им суммарную характеристику, которая представляет собой набор сумм признаков по отдельным показателям для данного комплекса. При описании керамики наиболее характерные признаки керамических комплексов были объединены в совокупности. При анализе орнаментации все узоры были разделены на отдельные простейшие элементы. Весь набор орнамента, используемый для сравнения комплексов, отражен в суммарных характеристиках сосудов в комплексах (Ашихмина, 2014, с. 22).

К сожалению, существующие методы обработки керамики, активно применяемые в отечественной археологии, разработа-

ны в 50–70-е гг. XX в. и не отвечают запросам современной науки. Отсутствие некоей конвенции среди археологов, занимающихся вопросом изучения керамики, относительно терминологии и методики работы с керамическим материалом является не менее актуальной проблемой (Якимова, 2020, с. 229–232).

Необходимость разработки новой методики была вызвана тем, что классическое для прикамской археологии обозначение признаков (резной, шнуровой, гребенчатый и т. д.) по сути дела отражает лишь техники выполнения совершенно различных узоров и их комбинаций. Таким образом, статистика по таким признакам отражает только количественное соотношение наборов техник, которое, несомненно, различалось как в различные периоды, так и в локальных вариациях, но не отражает реальных признаков орнаментальных наборов. Сравнение таких признаков становится по существу сравнением количества слов, их обозначающих, и имеет не большое отношение к реальности. Таким образом, опыт изучения керамики показывает, что общие данные о технике орнаментации (которые тоже необходимо учитывать) не отражают ни специфику узора, ни сочетание различных типов орнаментации, что является важнейшим критерием сохранения или развития традиции – показателем инвариантности (Ковтун, 2016, с. 8–15).

В настоящей работе предлагается опыт комплексного исследования керамики с применением методов многомерной статистики и ГИС-моделирования.

Методика описания керамического материала²

Первоочередной задачей для реализации поставленной цели стала разработка информативной базы данных, которая бы позволила учесть наиболее, на наш взгляд, важные признаки, характерные для керамического материала. На основании такой базы данных становится возможным проведение статистического анализа материала.

База данных была создана в программных продуктах Microsoft Office. Собственно, база данных выполнена в программе Microsoft Access, где были представлены основные характеристики керамики и её фото. Для аналитических процедур данные экспортировались в таблицу Microsoft Excel и обрабатывались отдельно для конкретных задач.

Ключевой задачей являлось выделение признаков, совокупное сочетание которых позволило идентифицировать конкретный

орнаментальный набор. Таблица для внесения данных, помимо традиционных описательных признаков, была расширена дополнительно признаками для фиксации отдельных элементов орнамента и сложных композиций (рис 1: II). Отдельно учитывалась техника нанесения орнамента. Все узоры были разделены на отдельные простейшие элементы – элементарные геометрические фигуры, сочетание которых отражалось в различном, индивидуальном наборе признаков для каждого набора. Учитывались композиционное разделение орнамента на зоны, взаимное расположение отдельных геометрических фигур, которые могут составлять ряды и линии. Предлагаемая методика позволяет учитывать как своеобразие сложных орнаментальных композиций, так и выделять стереотипы.

Предложенные признаки являются качественными и отражают «элементарные частицы» орнамента, которые в совокупности дают уникальный набор признаков для каждой композиции, отражая её своеобразие, но в то же время и единый набор инструментов и техник выполнения узора. В то же время формат занесения данных и их качественных характеристик дает возможность перевода в бинарные ряды и выполнения статистических процедур.

Статистический анализ

Анализ полученных данных предполагалось производить в несколько этапов. Первым этапом являлся статистический анализ методами многомерной статистики. Вторым этапом было трехмерное моделирование и анализ пространственного расположения керамики в пространстве культурного слоя в контексте полученных статистических групп и введения дополнительных атрибутов.

Многомерная статистика позволяет получить из большого числа исходных переменных два-три интегративных признака с максимальной дифференцирующей способностью (Казарницкий, 2017. с. 61; Ким и др., 1989).

Методы многомерной статистики часто используются в археологических исследованиях, что дает возможность работы с большими массивами данных и позволяет производить членение выборки по статистическим критериям, которые отражают какие-либо тенденции изменения признаков исследуемых объектов. Это могут быть как хронологические, так и типологические изменения, на основе которых выделяются группы.

Эффективность использования статистических методов подтверждается значитель-

ным количеством работ. Методы статистики в археологических исследованиях использовали А.А. Казарницкий (2017), Дж. О. Ким (1989), Drennan (2009); Д.В. Шмуратко (2012, с. 291–295), В.В. Мингалев, А.В. Васильева, М.Л. Перескоков (2018, с. 44–61). Наиболее эффективно статистические методы используются для изучения керамических комплексов и анализа погребального обряда. Из методов статистического анализа самыми эффективными для археологических задач являются кластерный иерархический анализ и метод главных компонент (факторный анализ).

Все данные по обработанному массиву керамики, занесенные в базу данных, были преобразованы в бинарные ряды (1 – наличие признака; 0 – отсутствие признака) таким образом, что каждый выделенный сосуд был представлен более чем 100 качественными признаками. После преобразования из таблицы были исключены все нулевые позиции – неорнаментированные сосуды и признаки, которые не встречаются в данной выборке.

В итоге всего для статистического анализа был отобран 141 сосуд, что можно считать достаточно информативной выборкой, которые были проанализированы по 77 качественным признакам³. Все статистические процедуры были выполнены в программном пакете STATISTICA 12.

Было применено два метода многомерной статистики, результаты которых сравнивались, для выявления наибольшей корреляции результатов.

На первом этапе статистических процедур был приведен кластерный иерархический анализ. Наилучший результат показал метод Варда и Евклидово расстояние.

Метод Варда отличается от всех других методов, поскольку он использует методы дисперсионного анализа для оценки расстояний между кластерами. Метод минимизирует сумму квадратов (SS) для любых двух (гипотетических) кластеров, которые могут быть сформированы на каждом шаге. В целом метод представляется очень эффективным, однако он стремится создавать кластеры малого размера (StatSoft.ru).

Вторым этапом исследования был анализ массива данных методом главных компонент. Метод позволяет получить из большого количества признаков несколько интегративных признаков (главных компонент), которые показывают близость или отдаленность объектов в координатном поле (StatSoft.ru)

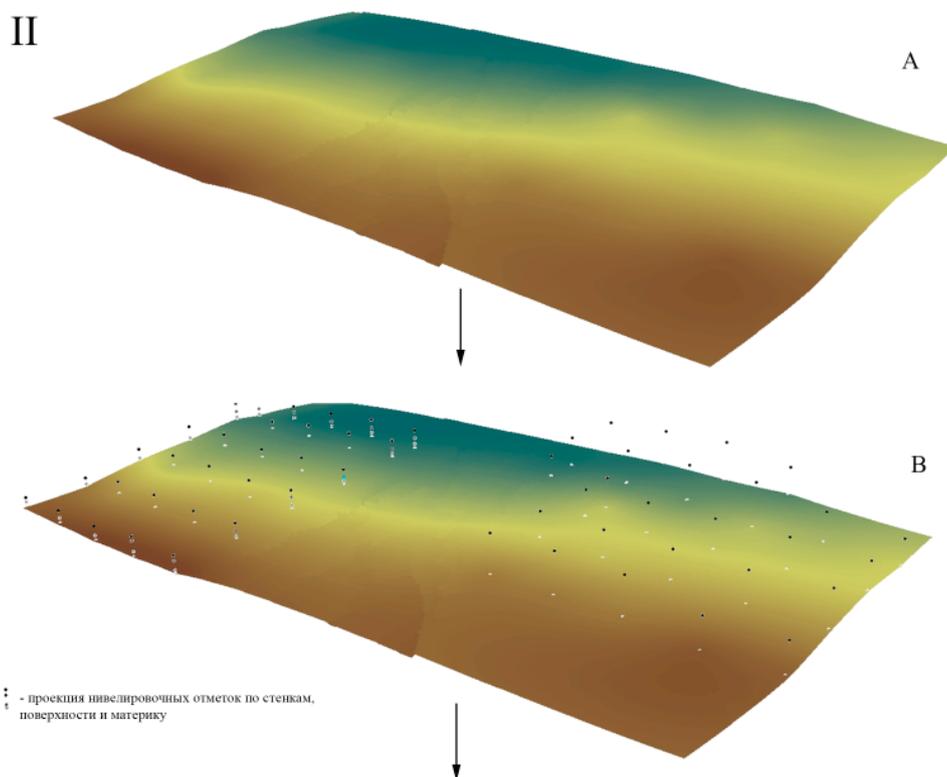
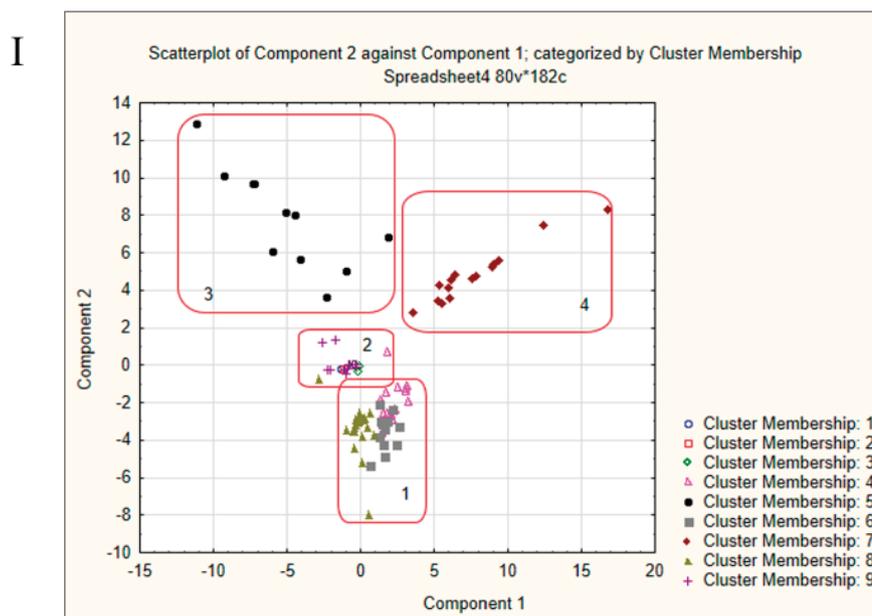


Рис. 2. I. Распределение кластеров в пространстве главных компонент; II. Построение пространственных моделей распространения керамики в культурном слое; А. Построение поверхности материка; В. Визуализация нивелировочных отметок стен, поверхности и материка.

Fig. 2. I. Distribution of clusters within the main components; II. Structuring of the spatial models of ceramics distribution in the cultural layer; А. Structuring of continent surface; В. Visualization of leveling marks of walls, surface and continent.

Все статистические процедуры выполнения анализа главных компонент были выполнены в программном пакете STATISTICA 12.

Результаты статистического анализа

Результаты кластеризации представлены в дендрограмме. Было выделено 9 кластеров (рис. 2: I). Результаты расположения объектов, которые были спроецированы в координатной

плоскости первой и второй главных компонент, представлены в диаграмме рассеивания.

На основании полученных результатов можно выделить четыре группы (рис. 2: I). Сопоставление результатов кластерного иерархического анализа и анализа главных компонент показывает, что результаты хорошо коррелируют между собой.

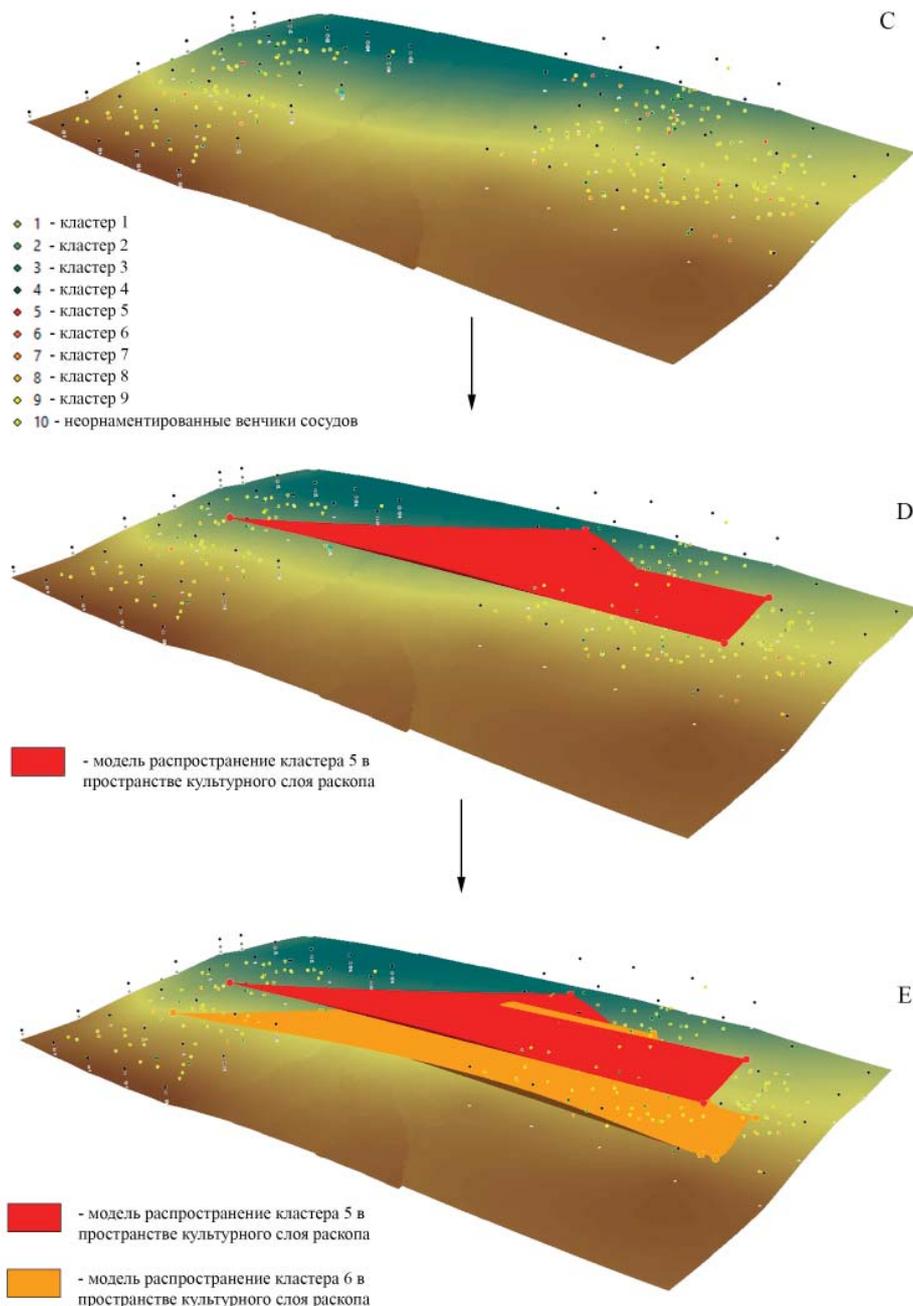


Рис. 3. Построение пространственных моделей распространения керамики в культурном слое; С. Визуализация распределения керамики в пространстве культурного слоя по кластерам; D. Моделирование кластера 5 в пространстве культурного слоя; E. Моделирование кластера 6 в пространстве культурного слоя.
Соотношение кластеров 5 и 6.

Fig. 3. Structuring of the spatial models of ceramics distribution in the cultural layer; C. Visualization of ceramics distribution within the cultural layer by clusters; D. Modeling of cluster 5 within the cultural layer; E. Modeling of cluster 6 within the cultural layer. Ratio of clusters 5 and 6.

Группа 1 объединяет кластеры № 4, 6, 8 (рис. 8, 9).

Группа 2 объединяет кластеры № 1, 2, 3, 9 (рис. 4–6).

Группа 3 соответствует кластеру № 5 (рис. 7).

Группа 4 соответствует кластеру № 7 (рис. 7).

Стоит отметить существенную близость координат точек в группах 1 и 2 и, вероятно,

вполне допустимым считать их двумя вариантами одной группы.

Кластер № 1. (рис. 4)

Кластер № 1 включает в себя 26 фрагментов керамических сосудов. По форме сосуды представлены преимущественно чашами (17) (III вид сосудов), из них 11 сосудов имеют форму открытой чаши (3А), 6 сосудов с прямой шейкой или загнутой вовнутрь (3Б). Сосуды II типа представлены в количестве 8

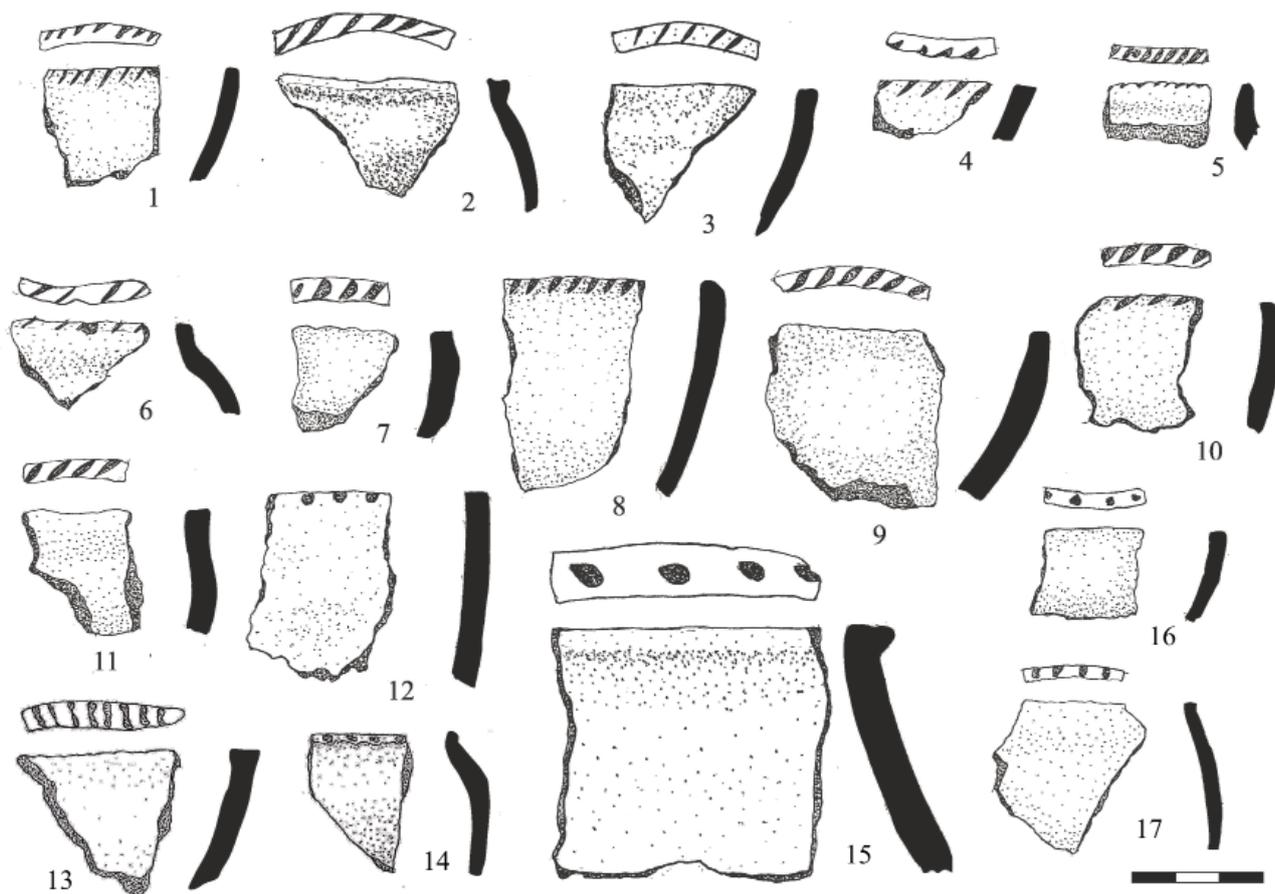


Рис. 4. Гляденовское костяше. Раскопы I/2/2017 и I/2018. Керамика. 1–11. Группа 2 кластер 1; 12–16. Кластер 3.

Fig. 4. Glyadenovo bone bed. Excavations I/2/2017 and I/2018. Ceramics. 1-11. Group 2 cluster 1; 12-16. Cluster 3.

венчиков, из них 2 сосуда с отогнутой наружу шейкой (ПБ) и 6 сосудов имеют прямую шейку. Один сосуд имеет резко выраженную шейку, которая отогнута наружу (1А).

Все сосуды, вошедшие в данный кластер, орнаментированы с помощью резной техники. Орнаментация нанесена на срез венчика (22 сосуда) и на сам венчик (4 сосуда). У 25 сосудов узор нанесен прямыми единичными отрезками, наклоненными в правую сторону, у одного сосуда отрезок наклонен влево. Шейка и остальное тулово сосудов данного кластера орнаментации не имеют.

Кластер № 2 (рис. 5)

Кластер № 2 включает в себя 11 фрагментов керамических сосудов. 1 тип – сосуды с выпуклым туловом и четко выраженной шейкой - 1 сосуд типа «А». 2 тип сосудов представлен двумя венчиками, одним типа «2А» и одним типа «2Б». В остальных случаях кластер № 2 составляет сосуда типа «3А», открытой чашевидной формы. 10 из 11 сосудов имеют орнаментацию. Все сосуды орнаментированы резной техникой. 1 сосуд орнаментирован по венчику, 10 сосудов имеют орнаментированный срез венчика.

У всех сосудов узор нанесен прямыми единичными отрезками, наклоненными в

левую сторону. Шейка и остальное тулово сосудов данного кластера орнаментации не имеют.

Кластер № 3 (рис. 4)

Кластер № 3 представлен 7 сосудами, 2 из которых имеют тип «2А», а 5 сосудов представлены типом «3А».

6 сосудов из 7 имеют орнаментацию по срезу венчика (4 сосуда) и венчику (2 сосуда). Орнаментация выполнена с помощью техники вдавления.

Кластер № 4 (рис. 8)

Кластер № 4 представлен 8 сосудами. 1 тип (4 сосуда) разновидности «А» с ярко выраженной и отогнутой наружу шейкой. 2 тип сосудов представлен сосудами разновидности «А» (2 сосуда). 3 тип сосудов представлен 2 сосудами: 1 сосуд разновидности «А» и 1 сосуд разновидности «Б».

7 из 8 сосудов имеют орнаментированную шейку. Шейка сосудов декорирована с помощью техники вдавлений (2 сосуда), гребенчатого штампа (1 сосуд), двузубого штампа (2 сосуда), наколов (2 сосуда). Композиция орнамента состоит из рядов. Узоры состоят из одинаковых повторяющихся элементов, в трех случаях элемент орнамента нанесен на отрезок, имеющий наклон вправо. В основ-

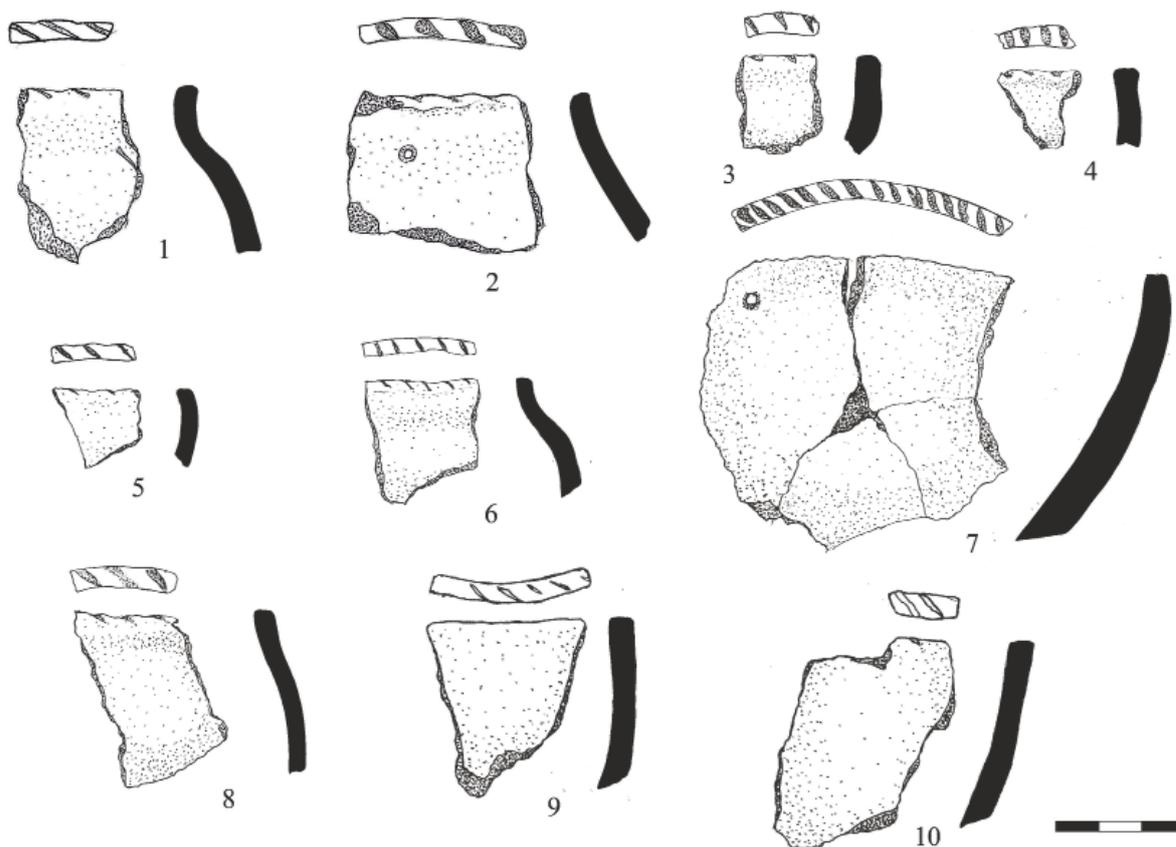


Рис. 5. Гляденовское костище. Раскопы I/2/2017 и I/2018. Керамика. Группа 2 кластер 2.
Fig. 5. Glyadenovo bone bed. Excavations I/2/2017 and I/2018. Ceramics. Group 2 cluster 2.

ном сосуды данного кластера декорированы только 1 рядом орнамента (6 сосудов) и 1 сосуд декорирован двумя рядами с помощью двузубого штампа.

Кластер № 5 (рис. 7)

Кластер № 5 представлен 5 сосудами. По форме сосуды 1 типа (2 сосуда) принадлежат к разновидности «Б» и имеют прямую либо загнутую вовнутрь ярко выраженную шейку. 2 тип (2 сосуда) включает в себя 1 сосуд разновидности «А» и 1 сосуд разновидности «Б». Венчик сосудов имеет преимущественно плоскую форму (3 сосуда), сильно утолщенную (1 сосуд), округлую (1 сосуд).

К пятому кластеру в основном принадлежат сосуды, орнаментация которых одновременно нанесена и на срез, и на шейку сосудов. Узоры, нанесенные на шейку сосуда, выполнены с помощью гребенчатой техники (3 сосуда) и вдавлений (1 сосуд) и образуют линии орнаментации. У 3 сосудов эта линия выполнена в виде зигзага, 1 сосуд декорирован двойным зигзагом.

Срез венчиков декорирован гребенчатым (2 сосуда) и резным орнаментом (1 сосуд). 1 сосуд декорирован комбинацией из 1 линии и 1 ряда, нанесенных с помощью гребенчатой техники.

Кластер № 6 (рис. 8)

В шестой кластер вошло 7 сосудов. У 6 из семи сосудов удалось выявить форму. По форме сосуды представлены 2 типом (4 сосуда), 2 из которых принадлежат к разновидности «А» и 2 к разновидности «Б», и 3 типом (2 сосуда), 1 из которых принадлежит к разновидности «А» и 1 к разновидности «Б».

Все сосуды данного кластера являются орнаментированными. Орнаментом декорированы преимущественно шейка сосуда (5 сосудов), 1 сосуд декорирован только по венчику с помощью вдавлений. Декор на шейку сосудов нанесен в основном рядами, выполненными в технике резного орнамента (4 сосуда) и насечки (1 сосуд). Элементы орнамента расположены на прямом горизонтальном отрезке (4 сосуда). Количество рядов варьируется от 1 до трех.

Кластер № 7 (рис. 7)

Кластер № 7 представлен 7 сосудами. В основном 7 кластер составили сосуды 1 типа разновидности «А». Характерной особенностью для данного кластера является наличие так называемого «воротничка». Тип 3 представлен чашками, разновидность «А» (1 сосуд) и разновидность «Б» (1 сосуд).

Резной орнамент нанесен на срез венчика (1 сосуд). Один сосуд декорирован резным орнаментом по срезу венчика и шейке.

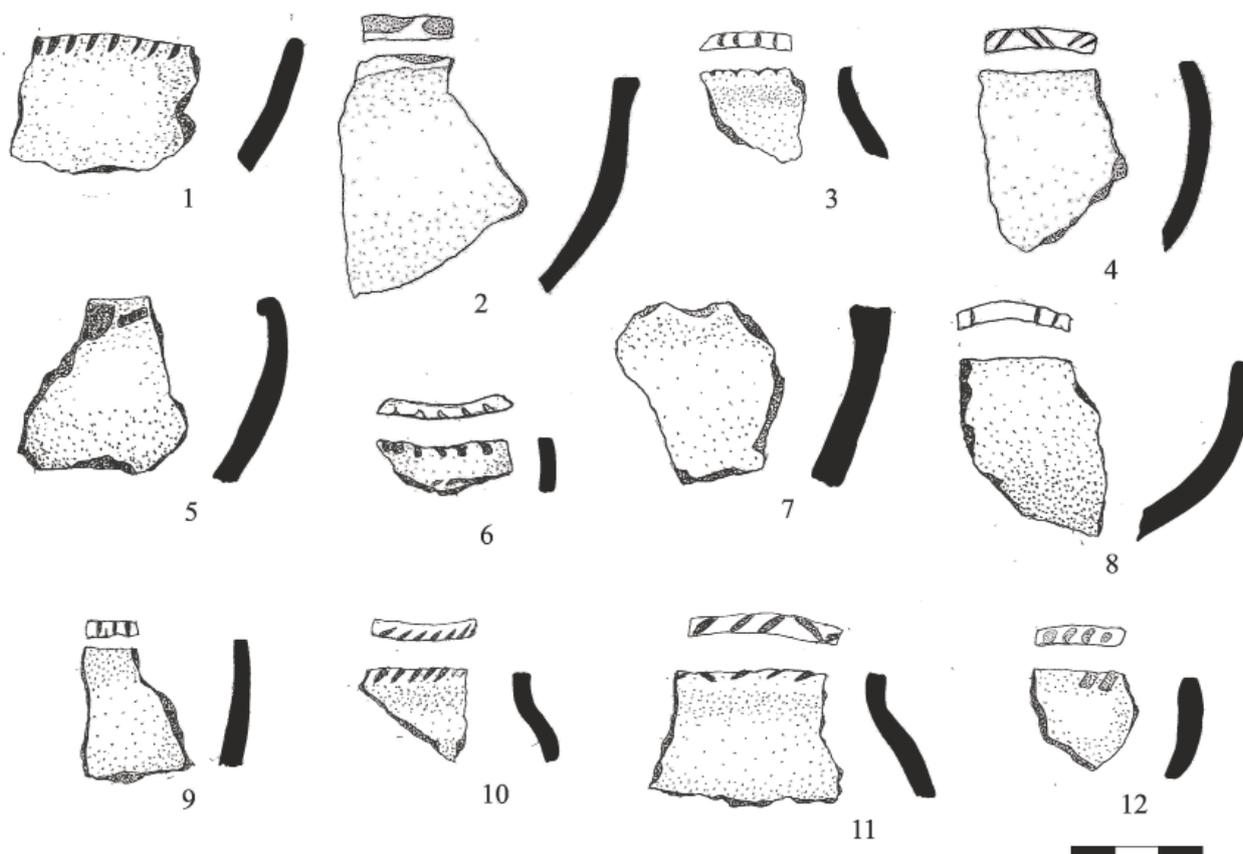


Рис. 6. Гляденовское костяше. Раскопы I/2/2017 и I/2018. Керамика. Группа 2 кластер 9.
Fig. 6. Glyadenovo bone bed. Excavations I/2/2017 and I/2018. Ceramics. Group 2 cluster 9.

Остальные 5 сосудов декорированы с помощью вдавлений различной формы. Орнамент сосудов данного кластера относятся к геометрическим узорам.

Кластер № 8 (рис. 9)

Кластер № 8 представлен 8 сосудами. У 7 из 8 сосудов была определена форма сосуда. В основном 8 кластер составили сосуды с ярко выраженной шейкой. Сосуды 1 типа (3 сосуда) включают в себя сосуды разновидности «А» (2 сосуда) и разновидности «Б» (1 сосуд). 2 тип сосудов полностью представлен разновидностью «Б», шейки сосудов прямые. Чашки 3 типа представлены разновидностью «А», открытые чаши (2 сосуда).

Орнаментация нанесена на венчик (1 сосуд), на срез венчика (1 сосуд), на шейку (3 сосуда), на шейку и на срез венчика (2 сосуда), на срез венчика и сам венчик (1 сосуд).

Во всех случаях срез венчика декорирован резным орнаментом, элемент которого расположен на отрезке, имеющем наклон в правую сторону.

Декор шейки сосуда можно разделить на две группы. На часть сосудов декор нанесен с помощью рядов (3 сосуда), часть сосудов же орнаментирована геометрическим узором (4 сосуда). Ряды выполнены в резной технике орнаментации. Элементы орнаментов лежат

на отрезках с наклоном в правую сторону (1 сосуд), с наклоном в левую сторону (1 сосуд), у 1 сосуда элемент резного орнамента лежит на двух отрезках, наклоненных в разные стороны. Вертикально ряды расположены преимущественно по одному, и только в одном случае ряды комбинируются в пару.

Геометрические узоры выполнены в резной технике (1 сосуд), а также декорированы с помощью насечки (1 сосуд) и вдавлений (2 сосуда). Элементы орнамента лежат на вертикальных отрезках и состоят из нескольких единиц (горизонтальное распределение от 1 до 3). Вертикально ряды расположены преимущественно по одному, только у одного сосуда композицию составляют два ряда.

Кластер № 9 (рис. 6)

Кластер № 9 представлен 13 сосудами. Определить форму сосудов удалось у 12. В основном сосуды данного кластера представлены чашками, тип 3 (9 сосудов), из них 4 сосуда разновидности «А» (открытые чашки), 5 сосудов разновидности «Б» (чашки с прямым или загнутым вовнутрь венчиком). Также сюда вошли сосуды 2 типа разновидности «А» (3 сосуда).

Декор сосудов данного кластера преимущественно нанесен на срез венчика (10 сосудов), только венчик орнаментирован у 1 сосу-

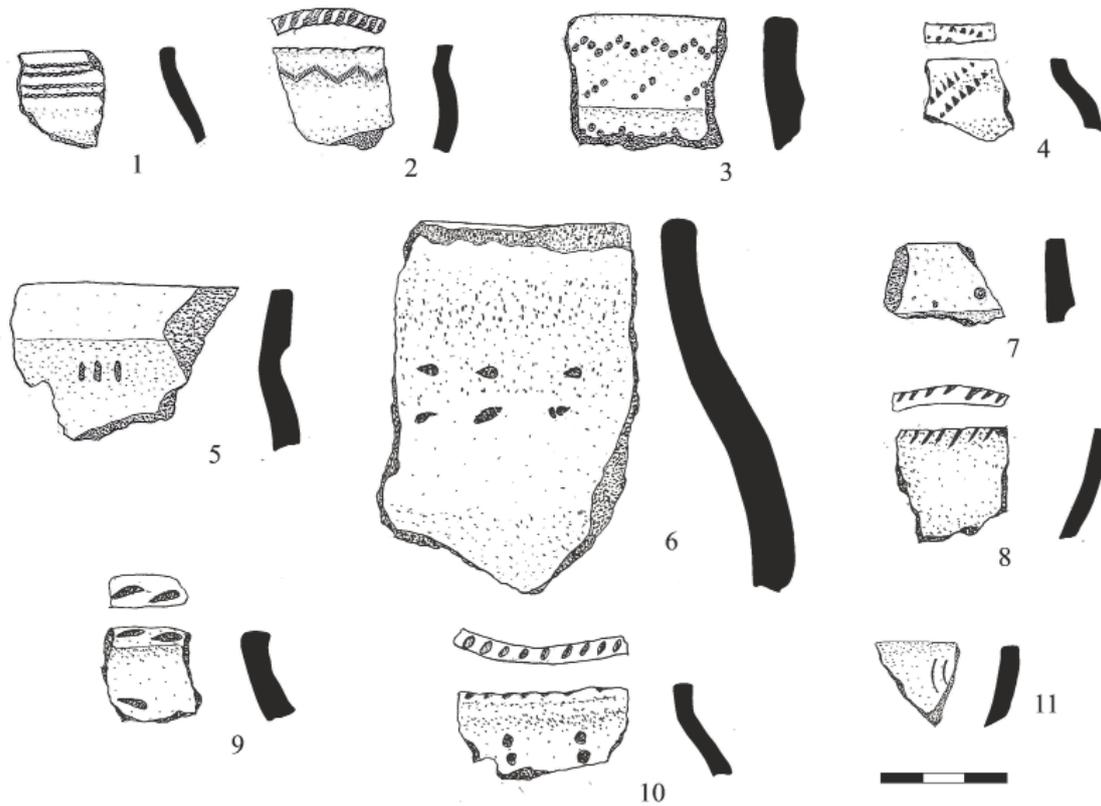


Рис. 7. Гляденовское костяше. Раскопы I/2/2017 и I/2018. Керамика. 1–4.

Группа 3 кластер 5. 5–11. Группа 4 кластер 7.

Fig. 7. Glyadenovo bone bed. Excavations I/2/2017 and I/2018. Ceramics. 1–4.

Group 3 cluster 5. 5–11. Group 4 cluster 7.

да, орнаментированный срез венчика и венчик – у 1 сосуда.

Наиболее часто встречаемый орнамент – резной (7 сосудов). Орнамент нанесен на короткие отрезки с разным углом наклона, встречается резной орнамент, нанесенный в виде «домика» на срез венчика сосуда (2 сосуда).

Гребенчатым орнаментом декорировано 2 сосуда, в одном случае наблюдается композиция из гребенчатого и резного орнамента. Также в данный кластер вошли сосуды, венчик которых орнаментирован с помощью защипа (2 сосуда).

Пространственный анализ распространения керамики в культурном слое

Заключительный этап исследования заключался в моделировании распространения и пространственном анализе керамики в контексте культурного слоя. Данная задача решалась при помощи программного пакета ArcGIS 10.5. Методика была опробована на секторе 2 раскопа 2017 г. (I/2/2017) и раскопе 2018 г. (I/2018) (рис. 1: I). Данные участки раскопа I наиболее удачны для отработки методики, так как в эти годы в ходе полевых работ производилась фиксация каждого фраг-

мента в трёхмерном пространстве. Топографическая привязка раскопов и реперов была произведена с помощью электронного тахеометра к опорному триангуляционному пункту на сохранившемся участке внешнего вала, имеющем высотную отметку по Балтийской системе высот (173,4 м) и известные географические координаты. Моделирование производилось в метрической системе координат проекции UTM WGS (Зона 40N).

Первым этапом работы было моделирование поверхностей и границ раскопов (рис. 2: II). Для этого привязанные точки координатной сетки и высотные отметки слоев были отображены в 3D пространстве ArcScene (рис. 2: II; 3). После чего по имеющимся точкам были построены растровые модели дневной поверхности, поверхности материка, поверхностей подошвы основных слоев (слои 1, 2, 5). Моделирование выполнялось инструментом 3D Analyst, интерполяцией растра методом крикинга. После этого создавались полигоны, которые привязывались к базовым высотам поверхностей, отображающие границы зафиксированного в ходе раскопок стратиграфического деления культурного слоя.

Данные по керамике были так же визуализированы в 3D пространстве ArcScene (рис.

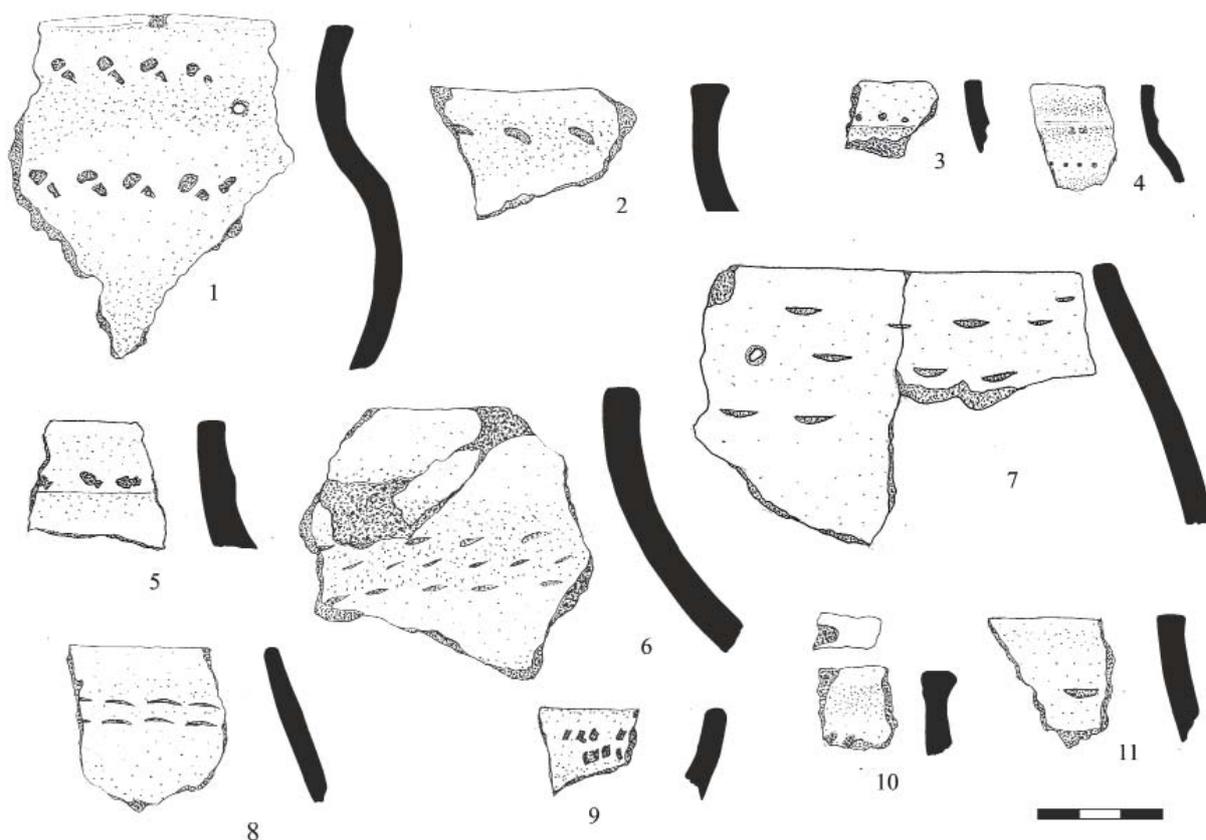


Рис. 8. Гляденовское костище. Раскопы I/2/2017 и I/2018. Керамика. 1–5. Группа 1 кластер 4; 6–11. Кластер 6.
Fig. 8. Glyadenovo bone bed. Excavations I/2/2017 and I/2018. Ceramics. 1–5. Group 1 cluster 4; 6–11. Cluster 6.

2; II; 3). При этом в таблицу атрибутов файла данных были добавлены атрибуты выделенных кластеров, что позволило выделять и рассматривать отдельно каждый кластер, рассматривать его в планиграфическом и стратиграфическом контексте, а также в соотношении с выделенной стратиграфией раскопа. Такой подход позволил выявить распространение в пространстве кластеров и интерпретировать полученные данные.

Фрагменты керамических сосудов, составляющие **группу 1** (рис. 8, 9), включающую в себя кластеры № 4, 6, 8, расположены преимущественно в секторе I/2/2017. Керамика распределяется в основном на южных квадратах сектора (И-К/12-14) и на северной части сектора (квадраты Ж-Е/11-12).

Керамика из раскопа I/2018, вошедшая в группу № 1, распределяется по центру раскопа.

Кластер № 4 (рис. 8) включает в себя раннюю керамику, которая имеет общие признаки с южной керамикой. Керамика 4 кластера расположена на северных квадратах сектора (Ж-Е/11-12).

Кластер № 6 (рис. 8) также представлен ранней керамикой, орнаментированной с

помощью насечек и резного орнамента в один или несколько рядов.

Кластер № 8 (рис. 9): керамика, декорированная в основном резным орнаментом. По набору признаков 1 группу керамики можно отнести к раннему этапу развития гляденовской культуры и к позднему этапу ананьинской культуры.

Группа 2 (рис. 4–6) включает в себя кластеры № 1, 2, 3, 9. Всего группа 2 представлена 58 сосудами.

Фрагменты керамических сосудов 1 кластера (рис. 4) распределены по центру I/2/2017 и сектора I/2018. Сосуды 1 кластера в основном представлены чашами, срез венчика которых декорирован резным орнаментом.

Керамика кластера № 2 (рис. 5) расположена преимущественно в центре сектора I/2/2017. Все сосуды данного кластера орнаментированы резным орнаментом, который нанесен преимущественно на срез венчика сосуда.

Керамика кластера № 3 (рис. 4) расположена в центре I/2/2017 и в северной и южной части сектора I/2018. Сосуды представлены в основном горшками с ярко выраженной шейкой (1 тип сосудов).

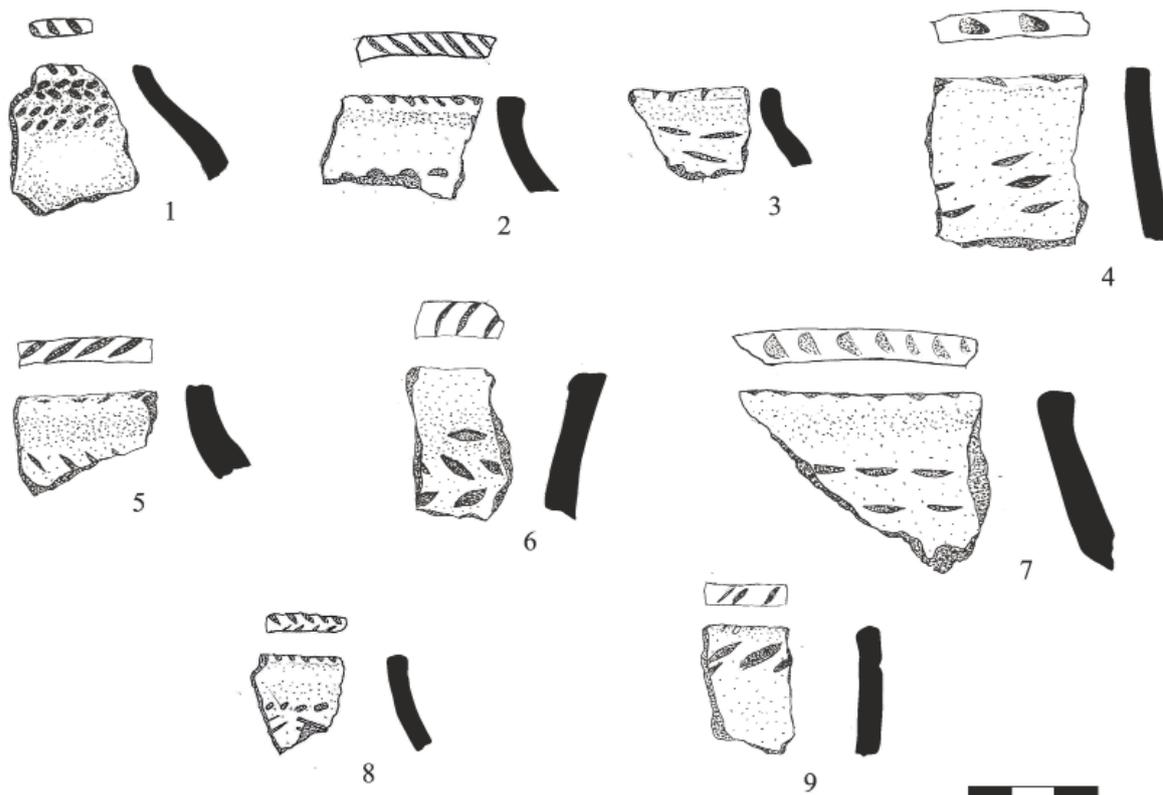


Рис. 9. Гляденовское костище. Раскопы I/2/2017 и I/2018. Керамика. Группа 1 кластер 8.
Fig. 9. Glyadenovo bone bed. Excavations I/2/2017 and I/2018. Ceramics. Group 1 cluster 8.

Керамика кластера № 9 (рис. 6) фиксируется в центре сектора I/2018 и в западной части сектора I/2/2017. По форме сосуды представлены чашками (3 тип). Орнаментированы данные сосуды резным орнаментом по срезу венчика. Также в кластер № 9 вошли сосуды, венчик которых декорирован с помощью техники защипа, что свидетельствует о том, что эту группу керамики можно отнести к позднему этапу развития гляденовской культуры.

Группа 3 (рис. 7) включила в себя сосуды, выделившиеся в 5 кластер. Керамика фиксируется в центре сектора I/2/2017 и в центре сектора I/2018. Сосуды 3 группы декорированы преимущественно гребенчатым орнаментом, нанесенным линиями в виде зигзагов и шнуровым орнаментом. Также сюда относятся сосуды позднего этапа ананьинской культуры и раннего этапа гляденовской культуры.

4 группу (рис. 7) составляют сосуды, выделившиеся в 7 кластер. Сосуды 4 группы фиксируются в северной и восточной части сектора I/2018 на участках Б/12-13 и на участке В/16. На секторе I/2/2017 сосуды кластера № 7 зафиксированы на северной части сектора (на участке Е-Ж/11-14). Керамику можно отнести к позднему этапу ананьинской культуры, так как для керамики характерно наличие «воротничка». По форме сосуды представлены 1

типом, имеют ярко выраженную шейку. Декорирована керамика преимущественно резным орнаментом по срезу венчика и с помощью вдавлений на шейке сосуда.

Обсуждение результатов и выводы

Проведенные статистические процедуры с последующей визуализацией и анализ пространственного положения инструментами ГИС позволяют сделать некоторые выводы.

Большая часть сосудов сгруппировалась в группы 1 и 2 методом главных компонент. Рассмотрение состава групп и характера их орнаментации позволяет предполагать, что это единая группа, разделяющаяся по признаку орнаментации или отсутствия орнамента на шейке сосуда. Расстояние в пространстве главных компонент между ними очень незначительное. Взаимное пересечение групп по определенным признакам очевидно. Возможно, разделение между группами 1 и 2 произошло вследствие высокой детализации отдельных признаков (вероятно, местами излишней, но необходимой на этапе разработки методики и выявления значимости отдельных признаков). Керамика данных групп является «ядром» керамического комплекса Гляденовского костища, ставшим определенным стереотипом гляденовской керамики в целом (преобладание резного орнамента по венчи-

ку и шейке, слабая орнаментированность, бедность узоров) (Перескоков, 2018, с. 84–88).

При этом интересны выделившиеся кластеры 4, 6 и 8 (рис. 8, 9). Керамика данных кластеров несколько отличается по технике выполнения (резной, гребенчатый, накольчатый), но очень схожа по композиции узоров – это или отдельные геометрические фигуры или ряды геометрических фигур – композиции, которые можно считать для гряденовской культуры стереотипными. При этом в кластер 4 выделились сосуды, относящиеся к позднему этапу ананьинской культуры, имеющие абсолютно аналогичную композицию и набор орнаментальных сюжетов – т. е. прототипы стереотипных гряденовских сюжетов. Таким образом, положение в пространстве основной группы сосудов (1 и 2 групп) имеет также и хронологическое значение, что хорошо иллюстрируется кластером 4, и также коррелирует с расположением сосудов, относящихся к 4 кластеру в нижних горизонтах культурного слоя.

Группа 3 соответствует кластеру 5 (рис. 7). Эти сосуды объединяются на более значительных расстояниях, чем расстояния между группами 1 и 2. При этом группа растянута от центра диаграммы рассеивания в сторону увеличения положительных значений по компоненте 2 и отрицательных значений по компоненте 1. Изучение сосудов, объединенных в группу, показало преобладание шнурового и гребенчатого орнамента, располагающегося не отдельными рядами, а выстраивающегося в линии. Встречаются и линии в форме зигзага и елочки, а также волны. При этом выделяются и ранние сосуды, относящиеся к позднеананьинскому времени, которые так же, как и в предыдущих группах, тяготеют в сторону положительных значений по обоим компонентам. Данную группу/кластер можно интерпретировать как «примесь» керамики с более северных территорий – туйско-гаревского локального варианта гряденовской культуры (Перескоков, 2018, с. 84–88). Слово «примесь» взято с кавычки, так как, как уже отмечалось М.Л. Перескоковым, различие между локальными вариантами гряденовской культуры заключается в различном соотношении и комбинациях вариантов и техник орнаментации единой керамической традиции (Перескоков, 2018, с. 84–88), поэтому данная керамика вполне может быть «местной», но относиться к стереотипу более северного локального варианта культуры. Также выделенная группа/кластер очень композиционно

схожа с керамикой гряденовской культуры бассейна р. Сылвы, где хоть и преобладает резная техника (в комплексе с гребенчатой), но комбинации орнаментальных композиций практически идентичны. Ананьинская керамика также является композиционным и культурным прототипом гряденовской керамики данной группы. Наиболее яркими комплексами ананьинского времени, где присутствуют данные наборы орнаментации, является Конецгорское селище (Збруева, 1952) на р. Чусовой, городище Усть-Сылва в устье р. Сылвы и поселение Усть-Телесс на р. Ирени (Кулябина, 2001). Стоит также отметить, что небольшой, но устойчивый комплекс позднеананьинской керамики с аналогичной орнаментацией известен на Гремячанском поселении-святилище в бассейне р. Тулвы (Осинский вариант гряденовской культуры) (Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2014, с. 292–302). Причем определенные орнаментальные композиции, такие как волна и подковка из шнурового орнамента, пояса из многорядного шнурового орнамента, присутствующие на Гремячанском поселении-святилище, являются прямыми прототипами аналогичных композиций в позднегряденовское и харинское время. Керамика с таким орнаментом, где отсутствует воротничок, отличается от более поздних лишь по изгибу шейки и её длине.

Последняя выделившаяся группа 4 (рис. 7) соответствует кластеру 7. Группа, так же как и предыдущая, объединяется на более значительных расстояниях, нежели группы 1 и 2, и вытянута в пространстве положительных значений координат обеих главных компонент от нулевой точки в сторону возрастания. Группа характеризуется узорами из отдельных геометрических фигур, иногда сгруппированных по несколько вместе. Присутствует и орнамент из вдавлений и ямок. Аналогично предыдущим группам, ранние сосуды располагаются в сторону возрастания положительных значений координат. Встречаются орнаменты из ногтевых вдавлений. Такая посуда имеет наибольшее сходство с памятниками тулвинско-частинского локального варианта гряденовской культуры (Перескоков, 2018, с. 84–88), а сосуды позднеананьинского времени имеют полные аналогии на Гремячанском поселении-святилище (Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2014, с. 292–302). Таким образом, так же как и в предыдущих группах, мы можем проследить динамику развития орнаментальных традиций от подананьинских прототипов до гряденовских стереотипов.

Расположение в пространстве полученных кластеров и групп соответствует представленной интерпретации. Группы «ядра» наиболее массовые и распространяются на всей глубине культурного слоя в соответствии с расположением в пространстве координат главных компонент, которые отражают хронологическую позицию каждого сосуда. Группы 3 и 4 распределены разреженно в пространстве также в соответствии с хронологической позицией. Керамика позднего этапа ананьинской культуры располагается в нижнем культурном слое, подстилающем костеносный слой, или в самом низу костеносного слоя, который начал формироваться именно в позднеананьинское время.

Таким образом, проведенный анализ методами многомерной статистики позволил выявить группировку керамики по типологическим признакам, выделить «ядро» керамического комплекса, группы, отражающие специфику локальных вариантов, а также показать хронологическое деление. Важный результат дал анализ расположения сосудов внутри групп в координатном пространстве главных компонент, что позволило помимо хронологической атрибуции выявить линию развития керамической традиции трех локальных вариантов от позднеананьинской к позднегляденовской/харинской.

Визуализация и пространственный анализ инструментами ГИС в пространстве куль-

турного слоя подтвердили распространение материала в слое Гляденовского костыща по закону стратиграфии, выявили закономерности расположения в слое отдельных групп и кластеров. Полученные результаты подтверждают эффективность применения данного инструментария для решения вопросов хронологии в таких сложных объектах, как Гляденовское костыще, и открывают значительный потенциал методики для решения более широкого круга задач, связанных с построением хронологических шкал относительной хронологии культур раннего железного века и Средневековья Прикамья. Ближайшими перспективами продолжения исследования может стать дополнение модели другими типами находок, в особенности бусами, которые также являются массовым материалом в культурном слое Гляденовского костыща и, помимо этого, имеют значительный датирующий потенциал. Также принципиальным является дополнение модели объектами святилища (зольниками, очагами, скоплениями костей, прокалами и др.) и выявление соотношения данных объектов относительно друг друга в пространстве и времени, группировка материала вокруг объектов, что позволит в итоге выстроить устойчивую относительную и абсолютную хронологию и периодизацию одного из ключевых для Пермского Прикамья памятника раннего железного века.

Примечания:

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №19-78-10050 «Ранний железный век и эпоха Великого переселения народов в Приуралье: адаптация, миграция и культурная трансформация в изменяющейся природной среде».

² В данной статье нет возможности подробного описания предлагаемой методики обработки керамического материала в связи с ограниченным объемом и представляются лишь её общие принципы. Тем не менее, методика описания и её критерии – первичные признаки, являются важнейшим элементом аргументации и требуют отдельного, детального пояснения, что будет представлено в отдельной работе.

³ Статистическому анализу подверглись все орнаментированные сосуды. Всего в ходе обработки керамического материала из раскопа I/2/2017 и I/2018 выделено 325 сосудов. Индекс орнаментации составляет 43,4%. Авторы статьи благодарят А.В. Васильеву, руководителя раскопок Гляденовского городища-костыща в 2017–2018 гг. за возможность использовать не опубликованные материалы.

ЛИТЕРАТУРА

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) // Археология Евразийских степей. Вып. 19. Казань: ИА АН РТ; Отечество, 2014. 300 с.

Васильева А.В., Мингалев В.В., Перескоков М.Л. Комплекс построек гляденовского времени на Мокинском I поселении-могильнике в контексте развития прикамского домостроительства // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2018. Вып. 1 (40). С. 44–61.

Генинг В.Ф. Могильник Качка // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 1 / Отв. ред. С.В. Киселёв. М.: ИА АН СССР, 1959. С. 196–209.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. №1. С. 114–136.

Казарницкий А.А. Анализ восточноманычанской катакомбной культуры методами многомерной статистики // РА. 2017. №2. С. 61–72.

Ковтун И.В. Андроновский орнамент (морфология и мифология). Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. 547 с.

Кореньюк С. Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Динамика эволюции керамических комплексов среднего и позднего этапов ананьинской культуры в Осинском Прикамье (на примере Гремячанского поселения-святылища) // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология Евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2014. С. 292–302.

Лепихин А.Н. Костища гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. Березники, 2007. 224 с.

Перескоков М.Л. Керамические комплексы памятников финала раннего железного века в пермском Прикамье. // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2015. Вып. 1 (28). С. 99–122.

Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь, 2018. 320 с. : илл.

Поляков Ю.А. Итоги изучения памятников гляденовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье // Ученые записки ПГУ. Вып. 148. Пермь, 1967. С. 197–215.

Поляков Ю.А. Гляденовская культура в Верхнем и среднем Прикамье (III в. до н.э. – середина VI в. н.э.). Дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 1978 / Архив КАЭ ПГУ.

Поляков Ю.А. Керамика гляденовской культуры // *Finno-Ugrica*. 1999. №1. С. 3–9.

Поляков Ю.А. Гляденовская культура // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып. 1. / Гл. ред. А.Ф. Мельничук. Березники: Пермский государственный университет, 2001а. С. 10–19.

Факторный, дискриминантный и кластерный анализ: Пер. с англ. / Дж. О. Ким и др.; Под ред. И.С. Енюкова. М.: Финансы и статистика, 1989. 215 с. : ил.

Шмуратко Д.В. Применение методов математической статистики в археологической науке Прикамья // Труды КАЭЭ. Вып. VIII / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГГПУ, 2012. С. 291–295.

Якимова Д.А. Керамика Гляденовского костища (по материалам раскопок 2017 г.) // ЛП Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых. (УПАСК, 5-9 февраля 2020 г.): материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых / Гл. ред. М.Л. Перескоков. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020. С. 229–232.

Robert D. Drennan. *Statistics for Archaeologists*. 2009. 182 p.

StatSoft.ru: Главные компоненты и факторный анализ. URL: <http://statsoft.ru/home/textbook/modules/stfacan.html#basic> (дата обращения: 10.09.2020).

StatSoft.ru: Кластерный анализ. URL: <http://statsoft.ru/home/textbook/modules/stcluan.html> (дата обращения: 10.09.2020).

Информация об авторах:

Перескоков Михаил Львович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии, Пермский государственный национально-исследовательский университет (г. Пермь, Россия); pereskoff@yandex.ru

Якимова Дарья Алексеевна, инженер кафедры истории и археологии, Пермский государственный национально-исследовательский университет (г. Пермь, Россия); d.yakimova@yandex.ru

REFERENCES

Ashikhmina, L. I. 2014. *Genezis anan'inskoi kul'tury v Srednem Prikam'e (po materialam keramiki i zhilishch)* (*Genesis of the Ananyino Culture in the Middle Kama Area (According to the Ceramics and Dwellings)*). Series: *Arkheologiiia evraziiskikh stepei* (Archaeology of the Eurasian Steppes) 19. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Vasileva, A. V., Mingalev, V. V., Pereskokov, M. L. 2018. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriiia Istoriia* (*Bulletin of the Perm University: History Series*). 40 (1), 44–61 (in Russian).

Gening, V. F. 1959. In Kiselev, S. V. (ed.). *Otcheti Kamskoy (votkinskoy) Arkheologicheskoy ekspeditsii* (*Reports of the Kama (Votkinsk) Archaeological Expedition*) 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology, 196–209 (in Russian).

Gening, V. F. 1973. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archeology)*. (1). 114–136 (in Russian).

Kazarnitskii, A. A. 2017. In *Rossiiskaia Arkheologiiia (Russian Archaeology)* (2), 61–72 (in Russian).

Kovtun, I. V. 2016. *Andronovskii ornament (morfologiiia i mifologiiia) Andronovskiy ornament (morphology and mythology)*. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost'" Publ. House (in Russian).

Korenyuk, S. N., Melnichuk, A. F., Pereskokov, M. L. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by* (*The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate*). Series: *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei* (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 292–302 (in Russian).

Lepikhin, A. N. 2007. *Kostishcha gliadenovskoi kul'tury v Srednem i Verhnem Prikam'e (Bone Beds of the Glyadenovo Culture in the Middle and Upper Kama Regions)*. Berezniki (in Russian).

Pereskokov, M. L. 2015. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriia (Bulletin of the Perm University: History Series)*. 28 (1), 99–122 (in Russian).

Pereskokov, M. L. 2018. *Permskoe Priural'e v finale rannego zheleznogo veka (Perm Cis-Urals in the Final Early Iron Age)*. Perm. (in Russian).

Polyakov, Yu. A. 1967. In *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta. (Scientific Bulletin of the Perm State University)* 148. Perm: Perm State University, 197–215 (in Russian).

Polyakov, Yu. A. 1978. *Gliadenovskaya kul'tura v Verhnem i srednem Prikam'e (III v. do n.e. – seredina VI v. n.e.). (Gliadenovo Culture in the Upper and Middle Kama Regions (3rd Century BC – Mid-6th Century AD))*. Diss of Candidate of Historical Sciences. Perm. Archive of the Kama Archaeological Expedition of Perm State University (in Russian).

Polyakov, Yu. A. 1999. In *Finno-Ugrica* (1), 3–9 (in Russian).

Polyakov, Yu. A. 2001. In Mel'nichuk, A. F. (ed.-in-chief). *Arkheologiya i etnografiya Srednego Priural'ia (Archaeology and Ethnography of the Middle Urals)*. Berezniki: Perm State University, 10–19 (in Russian).

In Enyukova, I. S. (ed.). 1989. *Faktornyi, diskriminantnyi i klasternyi analiz (Factorial, Discriminant and Cluster Analysis)*. Moscow: "Finansy i statistika" Publ. (in Russian).

Shmuratko, D. V. 2012. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* VIII. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 291–295 (in Russian).

Yakimova, D. A. 2020. In Pereskokov, M. L. (ed.-in-chief). *LII Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya studencheskaya konferentsiya (UPASK, 5-8 fevralya 2020 goda): materialy vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh (52nd Ural-Volga Archaeological Student Conference (UPASK, February 5–8, 2020): Proceedings of the All-Russian (with International Participation) Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists)*. Perm: Perm State University, 229–232 (in Russian).

Robert D. Drennan. 2009. *Statistics for Archaeologists*. 182 p.

StatSoft.ru: *Glavnye komponenty i faktornyi analiz (Principal Components and Factor Analysis)* Available at: <http://statsoft.ru/home/textbook/modules/stfacan.html#basic> (Accessed: 10.09.2020).

StatSoft.ru: *Klasternyi analiz (Cluster Analysis)*. Available at: <http://statsoft.ru/home/textbook/modules/stcluan.html> (Accessed: 10.09.2020).

About the Authors:

Pereskokov Mikhail L. Candidate of Historical Sciences. Perm State University, Bukireva str., 15, Perm, 614990, Russian Federation; pereskokoff@yandex.ru

Yakimova Daria A. Perm State University, Bukireva str., 15, Perm, 614990, Russian Federation; d.yakimova@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2021 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.2.191.206>**БИКТИМИРОВСКИЙ II МОГИЛЬНИК**

© 2021 г. В.В. Овсянников

Биктимировский II могильник является частью Биктимировского археологического комплекса, который включает в себя городище и три могильника. Комплекс представляет собой остатки родоплеменного центра кара-абызской культуры эпохи раннего железа. Биктимировские памятники неоднократно исследовались: в 1962-1964 гг. А.Х. Пшеничнюком, в 2004-2005 гг. И.М. Акбулатовым и в 2010-2011 гг. – автором статьи. Частично опубликованы лишь результаты раскопок Биктимировского I могильника и Биктимировского городища. В настоящей статье вводится в научный оборот материалы исследований Биктимировского II могильника за 1958, 1962 и 2010 гг. Приводится описание погребального обряда и инвентаря десяти погребений. Данный некрополь оставлен небольшой семейно-родовой группой. Хронологические рамки существования могильника определяются в пределах IV в. до н.э. – I в. н.э. Могильник синхронен остальным древним кладбищам, входящим в Биктимировский археологический комплекс. В статье обращается внимание на то, что основная часть погребений комплекса относится к периоду III-II вв. до н.э. Таким образом, Биктимировский археологический комплекс в основном может быть отнесен к ранним этапам кара-абызской культуры. Верхняя граница функционирования комплекса в целом может быть отнесена к рубежу эр.

Ключевые слова: археология, Предуралье, ранний железный век, кара-абызская культура, грунтовый могильник, погребальный обряд, хронология.

BIKTIMIROVO II BURIAL GROUND

V. V. Ovsyannikov

Biktimirovo II burial ground is part of Biktimirovo archaeological complex, which includes a hillfort and three burial grounds. The complex represents the remains of a tribal center of the Kara-Abyz culture of the Early Iron Age. Biktimirovo sites have been repeatedly studied: in 1962-1964 by O.Kh. Pshenichnyuk, in 2004-2005 by I.M. Akbulatov, and in 2010-2011 – by the author of the paper. Only the results of excavations at the Biktimirovo I burial ground and Biktimirovo hillfort have been partially published. This paper introduces into scientific circulation the study materials of Biktimirovo II burial ground for 1958, 1962 and 2010. A description of the burial rite and the inventory of ten burials are provided. This necropolis was left by a small family-clan group. The chronological framework for the operation of the burial ground has been determined as the 4th century BC – 1st century AD. The burial ground is synchronous with the rest of the ancient cemeteries within the Biktimirovo archaeological complex. The author draws attention to the fact that the main part of the burials of the complex belongs to the period of the 3rd-2nd centuries BC. Thus, the Biktimirovo archaeological complex can be mainly attributed to the early stages of the Kara-Abyz culture. The upper limit of the operation of the complex as a whole can be attributed to the turn of the eras.

Keywords: archaeology, Pre-Urals, Early Iron Age, Kara-Abyz culture, subsoil burial ground, burial rite, chronology.

Биктимировский археологический комплекс расположен на правом берегу р. Белой в ее среднем течении на территории Бирского района Башкортостана возле деревни Новобиктимирово. В него входит Биктимировское городище и три могильника. Все памятники относятся к кара-абызской культуре. Наиболее раннее упоминание о Биктимировском городище опубликовано в 1883 г. в сообщении Р.Г. Игнатьева (Игнатьев, 1883, с. 344). Здесь приведена краткая информация о местонахождении памятника и указаны размеры внешнего вала. Далее памятники попали в поле зрения А.П. Шокурова. В 1955 и 1958 гг. исследователь описал городище,

определив его как селище, и собрал небольшую коллекцию керамики кара-абызского типа (Шокуров, 1955). В 1955 году им было описано разрушенное погребение в окрестностях городища. Впоследствии здесь был выявлен Биктимировский I могильник, расположенный к северо-западу от городища. В 1958 году им был обнаружен Биктимировский II могильник, расположенный с противоположной юго-восточной стороны городища (Шокуров, 1958, с. 3–7).

С 1962 года начинаются планомерные исследования археологического комплекса. В этом году К.В. Сальниковым и А.Х. Пшеничнюком были заложены четыре раско-

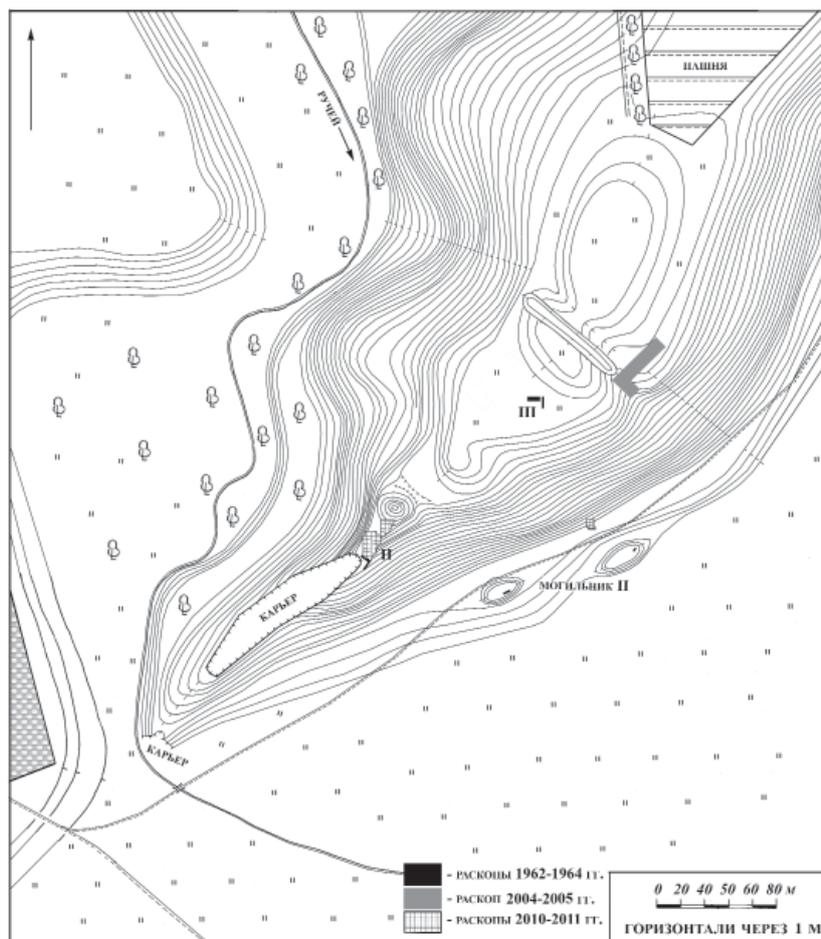


Рис. 1. Биктимировский археологический комплекс. План 2011 г.
Fig. 1. Biktimirovo archaeological complex. Plan of 2011

па на площадке городища и два раскопа на могильнике I, где было обнаружено разрушенное погребение А.П. Шокуровым (Сальников, 1962, с. 27–43). Всего было исследовано 17 погребений. Также было заложено два раскопа на II-м могильнике, где вскрыто 2 погребения (Сальников, 1962, с. 43–44). В дальнейшем исследования были продолжены А.Х. Пшеничнюком. В 1963 году им были расширены раскопы 1962 г. на могильнике I. Число исследованных погребений доведено до 47 (Пшеничнюк, 1963, с. 1–21). Материалы этих раскопок могильника I были опубликованы в статье А.Х. Пшеничнюка (Пшеничнюк, 1964а).

В 1964 году исследования были продолжены. На могильнике I было заложено три новых раскопа (III–V) в них исследовано еще 21 погребение (Пшеничнюк, 1964, с. 2–10). В этом же году был выявлен могильник III, находящийся на территории деревни. Здесь в двух раскопах было исследовано 17 погребений (Пшеничнюк, 1964, с. 12–18). Продолжены были раскопки и на городище. Был расширен раскоп 1962, заложенный на центральной жилой площадке городища (Пшеничнюк, 1964, с. 19–22). Результаты этих исследований частично вошли в обобщающую работу

А.Х. Пшеничнюка (1973). Впоследствии материалы раскопок 1964 года на городище стали предметом статьи Н.С. Савельева (2011).

Далее исследования памятника возобновились только в 2004–2005 гг. В этот период А.М. Акбулатовым был заложен раскоп у юго-восточной оконечности напольного вала городища (рис. 1). В 2010–2011 гг. автором статьи исследовалась мысовая площадка городища. Во время работы экспедиции в 2010 г. у юго-восточного подножия городищенского мыса были обнаружены остатки разрушенных погребений: фрагменты костей человека и подвеска, вырубленная из бронзового зеркала (рис. 4: 1). На месте находок был заложен небольшой раскоп, где было выявлено шесть погребений. После того как был локализован раскоп 1962 года, стало ясно, что раскопом 2010 года исследована северо-западная часть могильника II (рис. 1). Основной целью данной статьи является ввод в научный оборот материалов Биктимировского II могильника за все годы его исследования.

В 1958 году А.П. Шокуровым на восточном склоне мыса, где расположено Биктимировское городище, в промоине мысовидного выступа нижней части террасы были обнаружены человеческие кости. В этом месте была

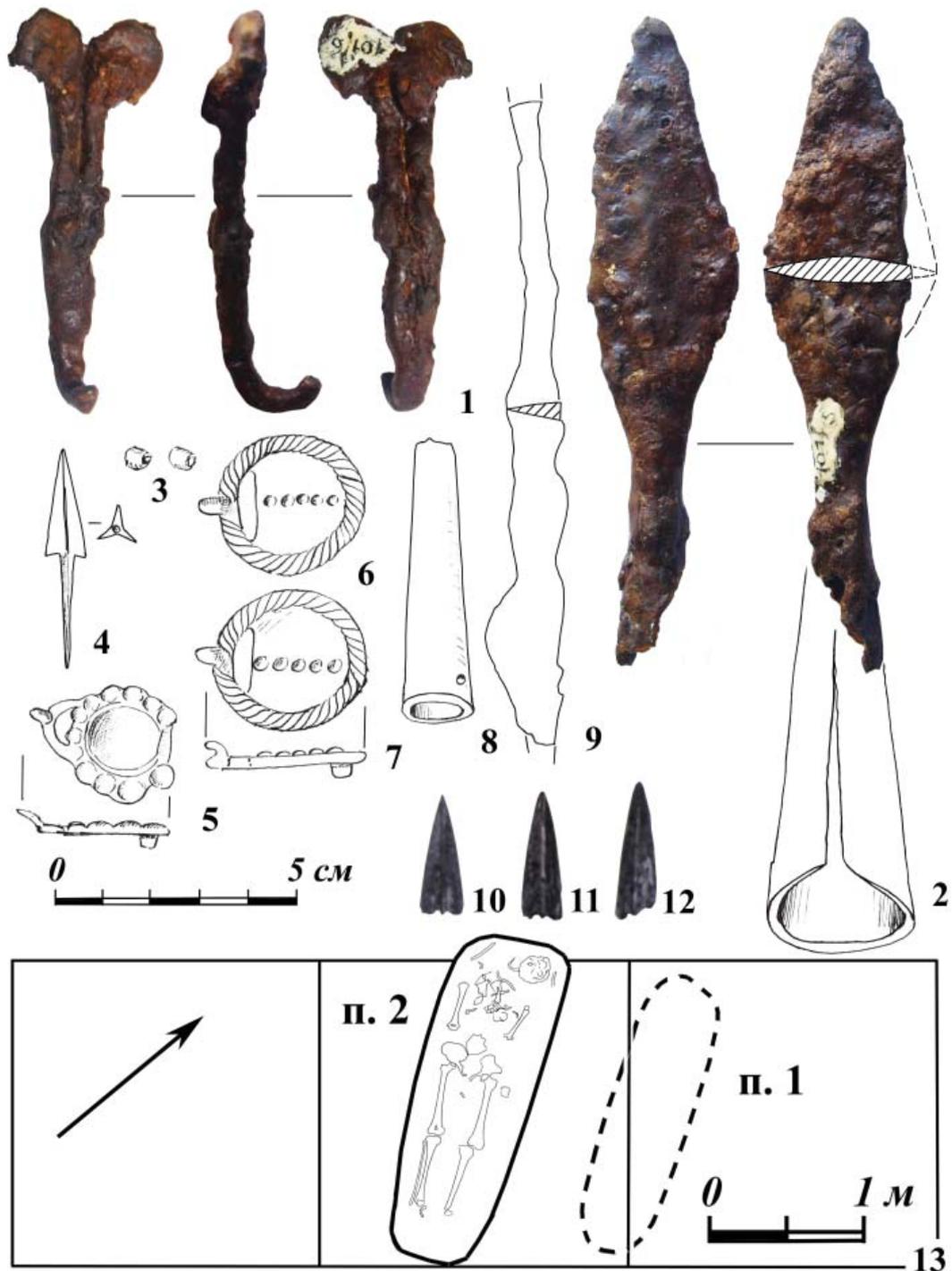


Рис. 2. Биктимировский II могильник. 1-9 – материалы раскопок А.П. Шокурова 1958 г.; 10-13 – материалы раскопок К.В. Сальникова 1962 г.

Fig. 2. Biktimirovo II burial ground. 1-9 – materials from the excavations of A.P. Shokurov 1958; 10-13 – materials from the excavations by K.V. Salnikov 1962

сделана небольшая врезка, где расчищено два погребения.

Погребение 1 (1958) было значительно разрушено размывом. Сохранившаяся часть могильной ямы имела округлую форму, глубину 1,1 м и ширину 0,95 м. Судя по остаткам костяка, погребенный был положен на спину, головой на юго-запад. У левого колена был обнаружен железный колчаный крючок (рис. 2: 1), ниже колена – железный наконеч-

ник копья (рис. 2: 2). В заполнении могильной ямы найдены зуб лошади и два фрагмента керамики кара-абызского типа (Шокуров, 1958, с. 3–4).

Погребение 2 (1958) также было частично нарушено. Судя по сохранившим свое положение костям, погребенный был уложен на спину в вытянутом положении, головой на юго-запад. У левого бедра погребенного расчищено 18 железных наконечников

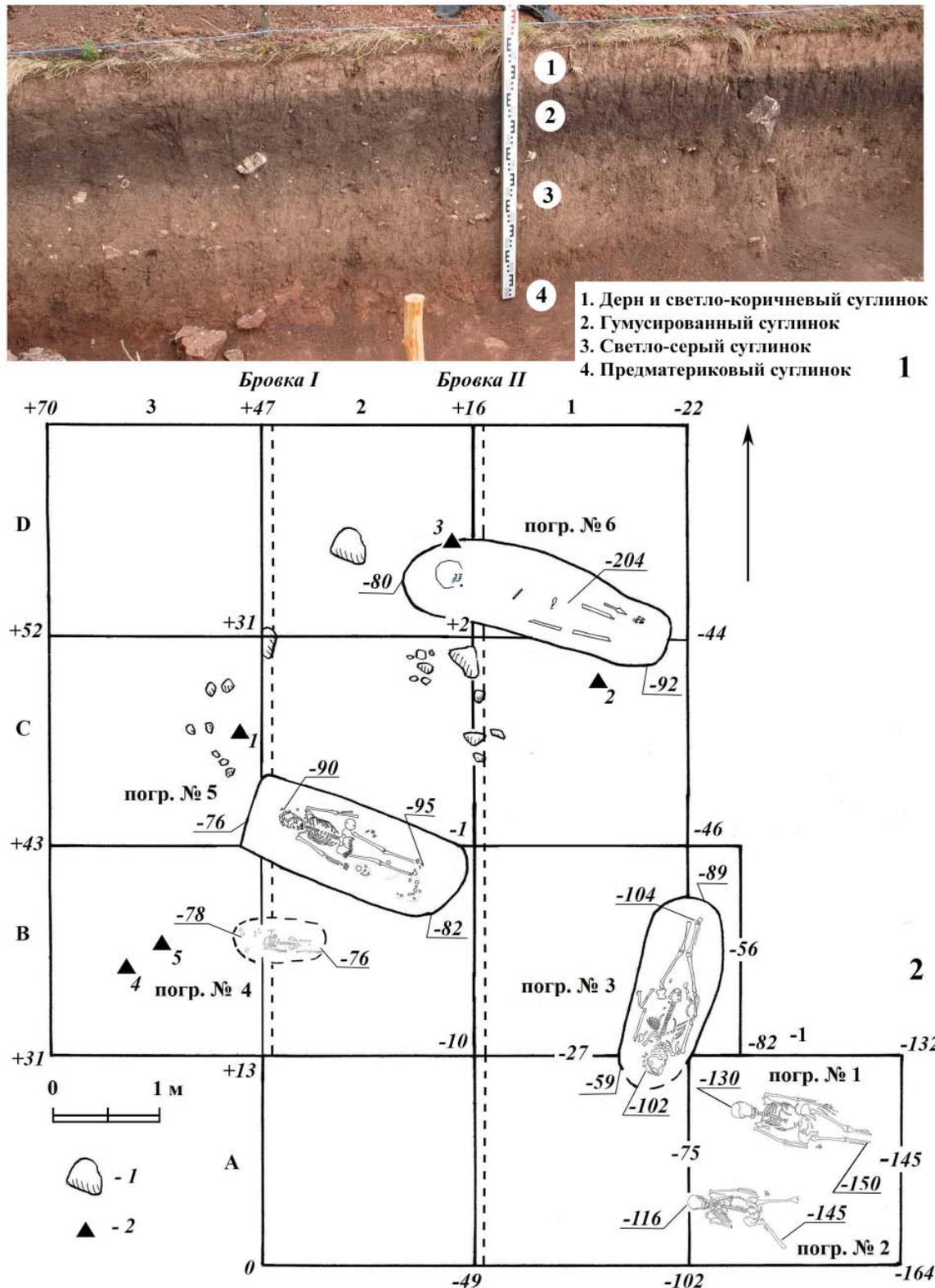


Рис. 3. Биктимировский II могильник. Материалы 2010 г. 1 – фото профиля западной стенки раскопа; 2 – план раскопа 2010 г. (1 – камни; 2 – находки вне погребений)

Fig. 3. Biktimirovo II burial ground. Materials 2010. 1 – profile photo of the western wall of the excavation; 2 – excavation plan 2010 (1 – stones; 2 – finds outside the burials)

стрел (рис. 2: 4). Рядом с колчанным набором – костяная трубочка (рис. 2: 8). В области таза, на поясничных позвонках, была найдена бронзовая эполетовидная пряжка с неподвижным крючком и две бронзовые пронизки

(рис. 2: 3,5). Справа от тазовых костей найден железный нож (рис. 2: 9). В нижней части костей ног – две круглые бронзовые пряжки с неподвижным крючком, вероятно, застежки от обуви (рис. 2: 6–7) (Шокуров, 1958, с. 4).

Рядом с местом врезки А.П. Шокуровым были прослежены остатки еще двух погребений, от которых остались фрагменты берцовой кости и двух несохранившихся железных копий (Шокуров, 1958, с. 4–5).

Часть коллекции, полученной на памятнике в 1958 г., сохранилась в фондах Октябрьского краеведческого музея (г. Октябрьский, Башкортостан). Это железные колчаный крючок и наконечник копья (рис. 2: 1–2), остальной инвентарь известен по рисункам из отчета А.П. Шокурова (рис. 2: 3–9) (Шокуров, 1958, с. 6–7). Место зачистки в настоящее время локализовать сложно.

В 1962 году исследование памятника было продолжено К.В. Сальниковым и А.Х. Пшеничноком. Размыв нижней части юго-восточной стороны мыса городища продолжался. По сообщениям местных жителей здесь нередко встречались человеческие кости. Было решено заложить две разведочные траншеи на возвышенных участках нижней части коренной террасы (рис. 1). В западной траншее находки отсутствовали, в восточной – выявлены два погребения. Восточная траншея имела размеры 6×2 м и была вытянута по линии юго-запад – северо-восток. Она была расположена на северо-восточной оконечности небольшой возвышенности-останца у подножия городищенского мыса (рис. 1).

Погребение 1 (1962) выявлено на глубине 0,5 м от современной поверхности в слое гумуса (рис. 2). По плохо сохранившемуся костяку можно заключить, что погребенный был уложен на спину, вытянуто, головой на северо-северо-запад. Череп и некоторые кости верхней части скелета отсутствуют. Сопровождающий инвентарь отсутствует (Сальников, 1962, с. 43).

Погребение 2 (1962) совершено в могильной яме, вытянутой по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток, размером 2,1×0,65 м и глубиной 0,75 м. На дне ямы лежал костяк взрослого человека на спине, вытянуто, головой на северо-северо-запад. Верхняя часть скелета потревожена (рис. 2). Слева у тазовых костей найден фрагмент шлака, между бедренными костями – фрагмент железного ножа. У левого коленного сустава – три бронзовых наконечника стрел (рис. 2: 10–12) (Сальников, 1962, с. 43).

В 2010 году во время исследования автором статьи площадки Биктимировского городища у подножия юго-восточного склона мыса были обнаружены следы разрушенного погребения: кости человека и бронзовая подвеска, изготов-

ленная из зеркала (рис. 4: 1). В этом месте был заложен разведочный раскоп площадью 24 м², расширенный затем до 48 м².

Раскоп был разбит на ровной поверхности, имевшей сильный уклон с северо-запада на юго-восток. Перепад высот на поверхности в пределах раскопа составлял 2,34 м. Стратиграфия раскопа следующая: под слоем дерна залегал светло-коричневый рассыпчатый суглинок мощностью от 0,2–0,25 м в северо-западной части раскопа до 0,05 м в юго-восточной (рис. 3: слой 1). Культурных остатков в этом слое не содержалось. Эта страта образовалась в процессе сползания/смыва грунта со склона мыса. Далее следовал слой темно-серого (гумусированного) рассыпчатого легкого суглинка с включениями фрагментов керамики и костей животных, его мощность – в пределах 0,2–0,25 м. В пределах раскопа – залегание почти равномерное (рис. 3: слой 2). Ниже залегал светло-серый рассыпчатый средний суглинок также с культурными остатками (рис. 3: слой 3). Мощность его в пределах раскопа 0,45–0,50 м. Слой постепенно уменьшается от северо-запада к юго-востоку. Под ним фиксировался буровато-коричневый, сухой тяжелый (предматериковый) суглинок (рис. 3: слой 4). Его мощность достигала 0,1–0,15 м. Распределялся равномерно по всей площади раскопа. Далее залегал материк – рыжеватый-светлый, влажный плотный тяжелый суглинок. На уровне материка перепад высот в раскопе снижается до 0,9 м.

В раскопе выявлено шесть погребений. Два погребения совершены на поверхности предматерикового суглинка (погребения 1, 2), одно незначительно в него углублено (погребение 4) и два прорезают предматерик и углублены в материковый слой (погребения 5 и 6). Судя по залеганию могильных выкидов, зафиксированных на профилях бровок, верхняя поверхность предматерикового суглинка является дневной поверхностью для периода совершения захоронений. Все слои, залегавшие выше предматерика, сформировались после прекращения функционирования этой части могильника. Данные страты являются следствием «сползания» грунта с культурными остатками с верхней части склона городищенского мыса.

Вне погребений найдено шесть предметов: уже упоминавшаяся подвеска из зеркала (рис. 4: 1); бронзовая обойма (рис. 4: 2); трапециевидная подвеска из кости (рис. 4: 3); два пряслица, из глины и камня (рис. 4: 4–5), и бронзовая трапециевидная подвеска. Пряслица, вероятно, происходят из культур-

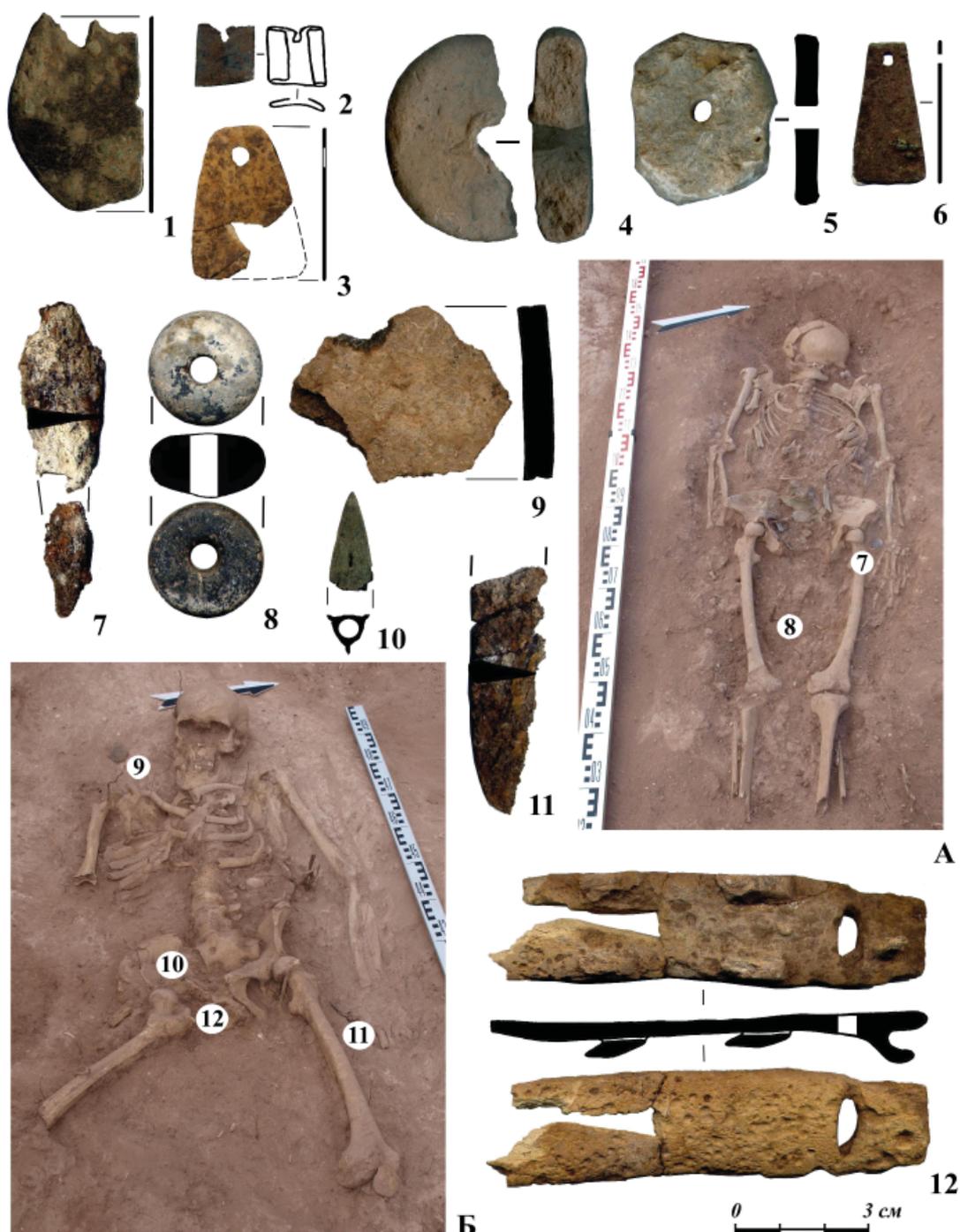


Рис. 4. Биктимировский II могильник. Материалы 2010 г. 1-6 – находки вне погребений; А, 7-8 – погребение 1; Б, 9-12 – погребение 2.

Fig. 4. Biktimirovo II burial ground. Materials of 2010. 1-6 – finds outside the burials; А, 7-8 – burial 1; В, 9-12 – burial 2

ного слоя городища, так же как многочисленные фрагменты керамики и костей животных. Остальные предметы могут относиться к нарушенным погребениям. Вызывает интерес находка трапециевидной подвески из кости. До сих пор аналогичные предметы известны только из бронзы. Как правило, их находят в погребальных памятниках. Возможно, костяная подвеска происходит из культурного слоя поселения. Эта находка указывает на вероятность существования костяных анало-

гов бронзовых украшений для повседневного костюма, в отличие от «праздничного» или «погребального», где использовались исключительно металлические украшения.

Погребение 1 (2010). Выявлено в кв. А-1 (рис. 3: 2) на глубине 0,20 м от современной поверхности в слое гумусированного суглинка. Очертания могильной ямы не фиксировались. Костяк взрослого человека удовлетворительной сохранности был уложен на спину, вытянуто, головой на запад с небольшим

отклонением к северу. Костяк частично нарушен вмешательством землеройных животных – частично потревожены ребра и позвонки. Нижние концы берцовых костей разрушены. Кости обеих стоп отсутствовали (рис. 4: А).

Могильник был найден по остаткам данного погребения. Кости стоп частично были обнаружены в выкиде из норы животного. Там же найдена и подвеска из зеркала (рис. 4: 1). Между бедренными костями лежали обломки железного ножа (рис. 4: 7). Возле левой кисти – каменное пряслице (рис. 4: 8).

Погребение 2 (2010). Выявлено в кв. А-1 (рис. 3: 2), на глубине 0,15 м от современной поверхности к югу от погребения № 1. Погребение располагалось в слое гумусированного суглинка, могильное пятно не прослеживалось. Костяк взрослого человека удовлетворительной сохранности был уложен на спину, головой на запад. Позвоночник слегка выгнут. Костяк частично нарушен. От костей правой руки сохранилось лишь предплечье, плотно

прижатое к телу. Кости левой расположены вдоль тела, несколько согнуты в локте, кисть распрямлена и вытянута вдоль бедренной кости. От ног сохранились лишь бедренные кости, причем левая вытянута, а правая расположена под углом в 45° к костяку (рис. 4: Б).

При погребенном выявлен следующий инвентарь: в изголовье, с правой стороны фрагмент керамики, попавший в комплекс, скорее всего, из культурного слоя (рис. 4: 9); на правой тазовой кости выявлен бронзовый наконечник стрелы (рис. 4: 10); между эпифизом левой бедренной кости и кистью руки найдено железное изделие плохой сохранности, предположительно нож (рис. 4: 11). При разборе погребения среди костей таза найдены фрагменты костяной пряжки (рис. 4: 12).

Погребение 3 (2010). Выявлено в кв. А/В-1 (рис. 3: 2). Очертания могильного пятна зафиксированы на глубине 0,3 м от современной поверхности в слое предматерикового суглинка. Заполнение ямы – гумусированный



Рис. 5. Биктимировский II могильник. Материалы 2010 г. А, 1-10 – погребение 3; Б, 11-13 – погребение 4
 Fig. 5. Biktimirovo II burial ground. Materials of 2010. А, 1-10 – burial 3; В, 11-13 – burial 4

суглинок. Яма имела подовальную форму. Длинными стенками вытянута по линии север-юг с небольшим отклонением. Южная часть ямы не прослеживалась. Стенки ямы отвесные, дно ровное. Размеры: сохранившаяся длина 1,7 м при ширине в центральной части 0,8 м. Глубина ямы от уровня материка – 0,15 м. На дне ямы лежал костяк взрослого человека удовлетворительной сохранности. Умерший был уложен на спину с вытянутыми конечностями, головой на юг. Кости грудной клетки частично потревожены. Отсутствуют кости обеих кистей и стоп. Остальные кости скелета в положении *in situ*.

При погребенном выявлен следующий инвентарь: слева от черепа – серебряная височная подвеска (рис. 5: 9); в области шеи и верхней части груди восемь бусин из стеклянной пасты: две белых круглых непрозрачных, овальных в профиле, размер 4,6×3,4 мм (рис. 5: 1); одна голубая непрозрачная круглая с ребристым профилем, размер 5,6×2,1 мм (рис. 5: 2); три цилиндрических непрозрачных светлых оттенков, размер 6,8×2,9 мм (рис. 5: 4–6); две длинных цилиндрических непрозрачных с металлическим оттенком, размер 9,3–2,9 мм (рис. 5: 3, 7). Чуть ниже ожерелья из бус – вторая серебряная височная подвеска (рис. 5: 10). В области пояса – обломки железного ножа (рис. 5: 8). Снаружи левого предплечья – трубчатая кость животного.

Погребение 4 (2010). Выявлено в кв. В2/3 на глубине 0,96 м от современной поверхности (рис. 3: 2). Очертания могильной ямы не прослеживались, погребение совершено в слое светло-серого суглинка. Костяк ребенка удовлетворительной сохранности был уложен на спину с вытянутыми конечностями, головой на запад. Костяк частично потревожен: кости черепа были смещены и разбросаны к западу от погребения; кости левого предплечья и голени отсутствовали (рис. 5: Б). Слева от области головы найдены три бронзовые обоймы (рис. 5: 11–13).

Погребение 5 (2010). Выявлено в кв. В/С2 (рис. 3: 2). Очертания могильной ямы выявлены на глубине 0,98 м от современной поверхности. Яма имела подпрямоугольную форму. Длинными стенками была вытянута по линии северо-запад-запад – юго-восток-восток. Размеры ямы: 2,05×0,85 м. Глубина от уровня материка – 0,15 м. Яма прорезала слой предматерикового суглинка и была углублена в материк. Могильный выкид фиксировался к северу и югу от могилы. Выкид покоился на предматериковом слое. Основное заполнение

могилы – светло-серый суглинок. Вдоль краев могильной ямы, в виде своеобразной рамки, фиксировался слой, насыщенный органикой и фрагментами угольков (рис. 6: А). Толщина слоя – 0,10–0,15 м и ширина 0,15–0,25 м. Вероятно, это остатки деревянной погребальной конструкции в виде рамы из деревянных плах, частично обожженной при погребении. Стенки могильной ямы отвесные, дно ровное. На дне ямы лежал неповрежденный костяк взрослого человека. Погребенный был уложен на спину с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад-запад (рис. 6: Б).

При погребенном выявлен следующий инвентарь: в 0,2 м к западу от черепа золотая височная подвеска (рис. 6: 21) и треугольная нашивка со спиральным орнаментом (рис. 6: 18). Справа от черепа – две бронзовые трапециевидные подвески (рис. 6: 19–20), бронзовая обойма-трубица и скопление мелких узких бронзовых обоймочек шириной 1,2 см (не менее 40 экземпляров) и шириной 0,7 см (не менее 40 экземпляров). Слева от черепа – бронзовая обоймочка размером 1,0–0,6 см; бронзовая конусовидная нашивка (рис. 6: 24) и бронзовая спиралевидная ажурная нашивка (рис. 6: 23). Под нижней челюстью – вторая золотая височная подвеска и 19 бусин из стеклянной пасты: одна крупная белая непрозрачная ромбовидной формы (рис. 6: 9); одна светло-серая непрозрачная круглая с овальным профилем (рис. 6: 5); одна светло-серая непрозрачная круглая с ребристым профилем (рис. 6: 4); пять белых непрозрачных круглых с овальным профилем (рис. 6: 3, 6–7); одна синяя круглая непрозрачная с овальным профилем; восемь мелких светло-серых круглых с овальным профилем (рис. 6: 10–17); две цилиндрических с внутренней позолотой (рис. 6: 1–2). Под левым локтем – бронзовый перстень (рис. 6: 25).

На поясе (рис. 6: В) – бронзовая бляха, сделанная из зеркала (рис. 7: 1), коррозированный железный крючок и десять зооморфных поясных накладок с двумя ушками на обороте (рис. 7: 2–11). Снаружи правого бедра – скопление бронзовых украшений: круглая бронзовая бляха с отверстием в центре и ушком на обороте (рис. 7: 14) и две бронзовые гладкие обоймы (рис. 7: 16–17). У правого коленного сустава – бронзовая умбоновидная бляшка (рис. 7: 15).

В ногах, справа от костяка – глиняное пряслице (рис. 6: 26) и скопление бронзовых украшений (рис. 6: Г): две бронзовые круглые бляшки с ушками на обороте (рис. 7: 12–13),

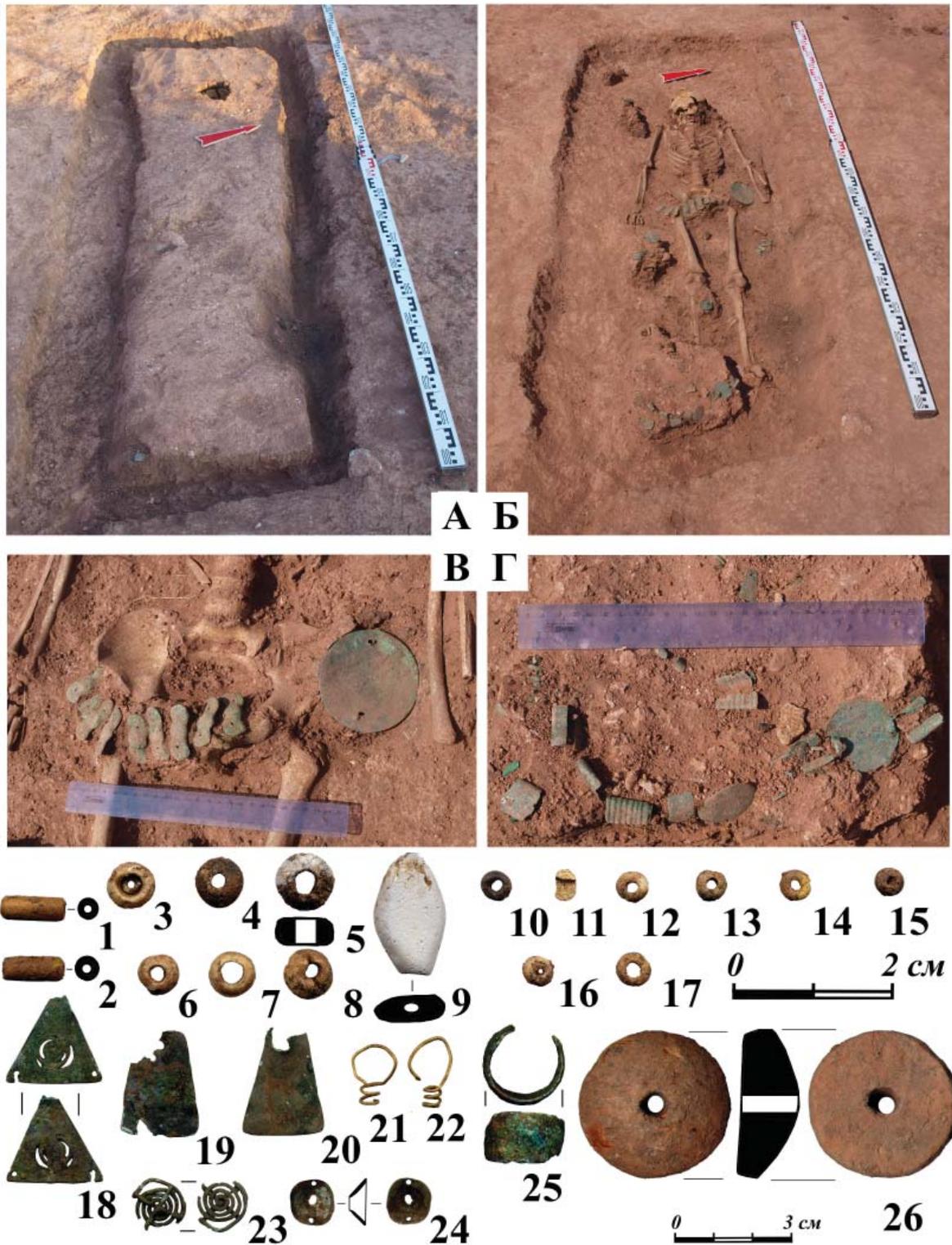


Рис. 6. Биктимировский II могильник. Материалы погребения 5 (2010 г.). А – могильное пятно; Б – погребение; В – поясной набор; Г – комплекс украшений у ног погребенного
Fig. 6. Viktimirovo II burial ground. Burial materials 5 (2010). А – grave spot; В – burial; В – belt set; G – a set of jewelry at the feet of the buried

шесть бронзовых гофрированных обойм (рис. 7: 19–20, 22–23) и девять бронзовых гладких обойм (рис. 7: 18, 21).

Погребение 6 (2010). Выявлено в кв. С/Д1-2 (рис. 3). Очертания могильной ямы фиксировались на глубине 0,82 м от современной поверхности. Яма имела овально-вытянутую

форму. Длинными стенками ориентирована по линии северо-запад-запад – юго-восток-восток. Размеры ямы 2,7×0,95. Стенки отвесные, дно ровное. Яма прорезала слой предматерикового суглинка и была заглублена в материк на 1,2 м. Могильный выкид, судя по профилю бровки II, лежал на предматерике.



Рис. 7. Биктимировский II могильник. Материалы погребения 5 (2010 г.)

Fig. 7. Biktimirovo II burial ground. Burial materials 5 (2010)

На дне ямы – остатки плохо сохранившегося костяка взрослого человека (рис. 8). Умерший был уложен на спину, с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад-запад.

При погребенном выявлен следующий инвентарь: справа от остатков нижней челюсти – круглая височная подвеска в полтора оборота, изготовленная из бронзовой проволоки и обернутая золотой фольгой (рис. 8: 2). Выше области пояса – сильно корродированный железный предмет. В центре, на поясе – бронзовый зооморфный поясной крючок (рис. 8: 1). Снаружи левой голени – железный наконечник копья (рис. 8: 4). Чуть ниже копья – колчанный набор из 23 бронзовых трехлопастных наконечников (рис. 8: 5–25).

В целом за все годы исследований получена информация по десяти погребениям. Все

они совершены в индивидуальных могильных ямах простой формы, подпрямоугольных или овально-вытянутых в плане. Размеры могилы зависели от антропологических параметров погребенного. Глубина могил с мужским набором инвентаря значительно превышает могилы с женскими атрибутами (0,75–1,2 м первые и 0,15 вторые).

Доминирующей ориентировки погребенных на могильнике нет. Присутствует широкий диапазон от южной до северо-северо-западной. Большинство погребенных ориентировано в западный сектор (юго-запад – 2; запад – 3; северо-запад-запад – 2). Положение костяков в могилах стандартное: на спине с вытянутыми конечностями. Исключение составляет погребение 2 (2010). Здесь

у погребенного была сильно отогнута правая нога.

Следов каких-либо погребальных конструкций в могилах не зафиксировано, за исключением захоронения 5 (2010). Здесь при зачистке могильного пятна на уровне материка выявлена «окантовка» вдоль стенок могилы в виде темного грунта, выделявшегося на фоне материка и заполнения могилы более светлых оттенков (рис. 6: А). Темный грунт был насыщен остатками органики и небольшими кусочками сгоревших деревянных плах. Вероятно, это остатки деревянной конструкции в виде рамы из деревянных плах, которая плотно прилегала к стенкам могилы. Высота этой конструкции была не выше 0,15–0,2 м, т. е. на глубину врезки могилы в материк. Ширина плах не превышала 0,2 м. Судя по остаткам углей, эта конструкция во время обряда погребения была частично подвержена воздействию огня. Остальная часть конструкции истлела и оставила след в виде грунта более интенсивной окраски.

Следы обожженных деревянных конструкций именно в женских погребениях зафиксированы нами в двух случаях при исследовании курганной части Шиповского могильника. Здесь в женском погребении кургана 24 группы II вдоль одной из длинных стенок могилы фиксировалась частично обожженная деревянная плаха. В другом случае в кургане 5 группы III по обеим сторонам от остатков женского костяка 4 зафиксированы следы истлевшей одной деревянной плахи и углистый след от другой – остатки деревянной погребальной рамы (Овсянников, 2018, рис. 4).

Таким образом, в материалах кара-абызской культуры на данный момент имеется три случая фиксации следующего элемента погребального обряда: устройства в могиле деревянной конструкции в виде рамы и последующее частичное воздействие огня на нее. Пока данный элемент зафиксирован только в женских погребениях.

Аналогичные конструкции хорошо известны по ананьинским древностям. А.А. Чижевским они определены как «деревянные гробницы I типа» (Чижевский, 2008, с. 29). Наиболее близок биктимировскому погребению и шиповским захоронениям вариант 1 – в виде рамы из сруба или плах, облицовывающей стенки могилы (Чижевский, 2008, рис. 15).

Состав погребального инвентаря довольно четко позволяет выделить мужские, женские и детские комплексы. Мужские, как правило,

выделяются по наличию предметов вооружения (наконечники стрел и копий) и небольшому количеству деталей костюма (пряжки и застежки). Остатки колчана (бляшки, крючки и наконечники стрел) уложены слева от костяка на уровне бедра (4 случая). Наконечник копья слева у голени, острием к ногам (два случая). Застежки в районе пояса (3 случая) и в районе стоп (1 случай).

Женские – наличием пряслиц, личных и костюмных украшений. Пряслица встречены в двух случаях: между бедренными костями и снаружи правой голени. Бусы и височные подвески всегда в области шеи и головы. Наиболее богатый набор украшений встречен в погребении 5 (2010). Здесь присутствует комплекс головных украшений. Среди них кроме золотых височных подвесок (рис 6: 21–22) средней пробыности 858–863 (Зайков и др., 2011, табл. I) треугольная нашивка со спиральным орнаментом (рис. 6: 18), ажурная спиральная нашивка (рис. 6: 23), конусовидная нашивка (рис. 6: 24). Все эти предметы, к сожалению, были потревожены, вероятно, землеройными животными, поэтому реконструировать расположение этих предметов на головном уборе не представляется возможным.

Справа от черепа компактно и в неповрежденном виде были зафиксированы две трапециевидные подвески (рис. 6: 19–20) вместе с пронизками-трубицами и множеством мелких обоймочек, крепившихся на кожаные ремешки. Судя по расположению, трубицы крепились непосредственно возле трапециевидных подвесок, затем ремешки украшались узкими мелкими обоймочками. Количество этих украшений (не менее 80 экземпляров) предполагает, что ремешки, которые они украшали, были довольно длинными. Данный комплекс можно предварительно отнести к накосным украшениям. Подобные украшения встречены при исследовании Биктимировского I могильника (Пшеничнюк, 1964а, рис. 4).

Справа от костяка были уложены украшения, обычно относимые к «портупейным» украшениям: круглые бляхи с ушками (рис. 7: 12–14) и крупные гладкие или гофрированные обоймы (рис. 7: 16–23). В женских кара-абызских погребениях они располагаются вытянуто в две полосы на груди, как это зафиксировано в погребении 46 Биктимировского I могильника (Пшеничнюк, 1964а, рис. 6), либо сложены возле погребенных. С.В. Воробьевой высказано предположение, что данные «портупей» представляют собой остатки

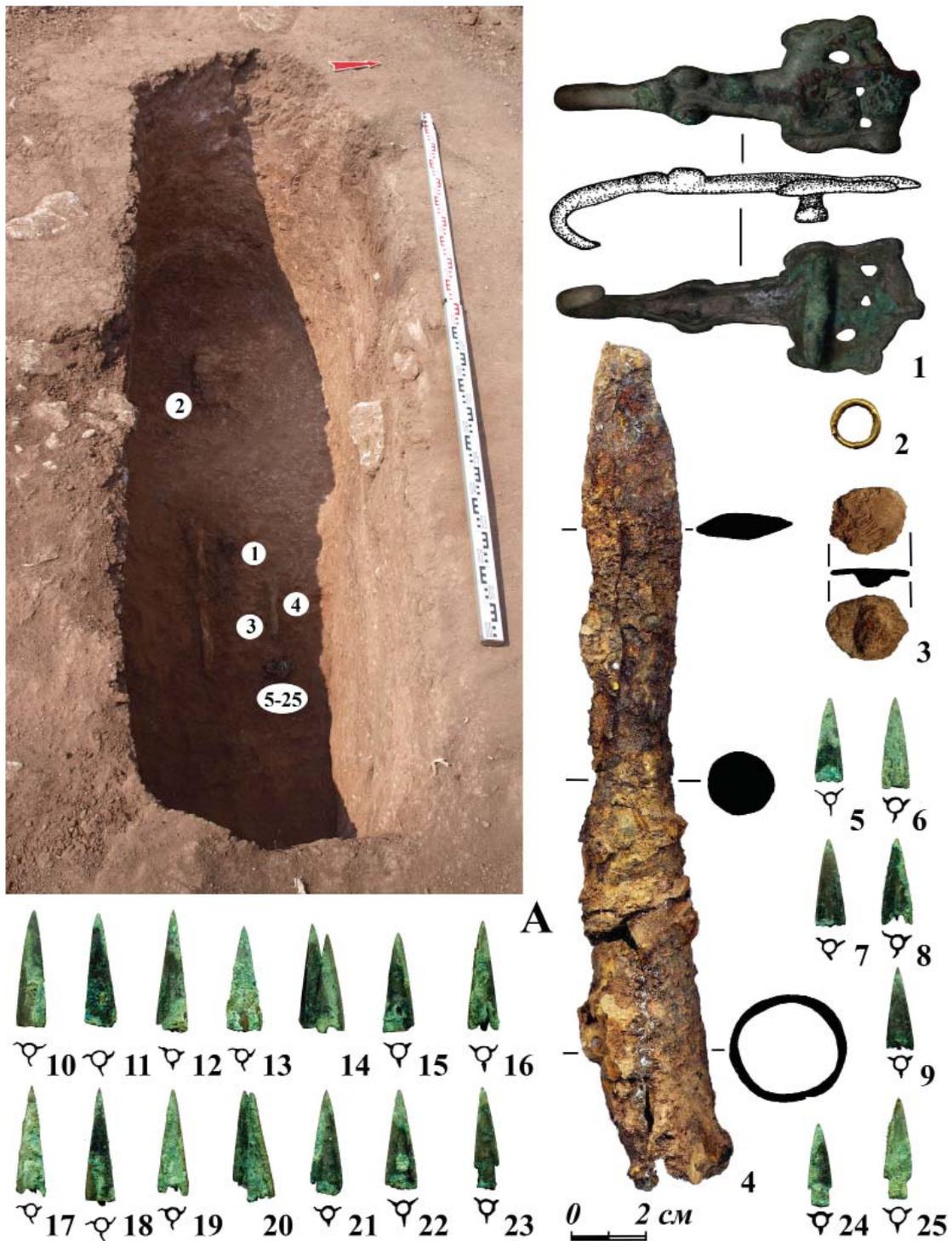


Рис. 8. Биктимировский II могильник. Материалы погребения 6 (2010 г.)

Fig. 8. Biktimirovo II burial ground. Burial materials 6 (2010)

нагрудников, аналогично тем, что хорошо известны по этнографии в женских костюмах финно-угорских и тюркских народов Поволжья (Воробьева, 2019, с. 52).

При исследовании курганной части Шиповского могильника нами было найдено женское погребение с подобными украшениями, лежавшими *in situ*. Благодаря почвенным условиям и обилию бронзовых украшений в этом комплексе сохранились органические детали одежды. Благодаря последним было

установлено, что так называемые «портупей» с обилием массивных бронзовых деталей крепились к верхней одежде, изготовленной из толстой прочной кожи, возможно, меховой. Из данных этнографии известно, что по представлениям финно-пермских народов в потустороннем мире царит холод и поэтому нередко покойников снабжали зимней одеждой (Шутова, 2001, с. 121). Возможно, в нашем случае возле погребенной была

уложена теплая меховая одежда, украшенная «портупейным» набором украшений.

Богатый украшенный пояс с бляхой, изготовленной из зеркала и десяти зооморфных накладок, был уложен поверх погребенной в расстегнутом виде (рис. 5: В). Такой обряд известен и на Биктимировском I могильнике (Пшеничнюк, 1964, с. 217).

Детское погребение на Биктимировском II могильнике встречено одно и сопровождается лишь тремя бронзовыми обоями неясного назначения.

Среди мужских погребений наиболее ранним можно считать погребение 6 (2010). Здесь встречен бронзовый зооморфный крючок, колчаный набор из 23 бронзовых наконечников стрел, височная подвеска в полтора оборота, железный наконечник копья и бляшка из кости (рис. 8: 1–25). Поясной крючок нами рассматривался в отдельной публикации (Овсянников, Тагиров, 2011, с. 50–51). Это изделие близко по оформлению застежкам среднедонского типа. Для кара-абызских древностей они характерны для IV–III вв. до н. э. Аналогичные изделия встречены в ранних погребениях Охлебининского могильника и курганной группы I Шиповского могильника. Наличие колчанного набора с двумя десятками бронзовых наконечников также характерно для этого периода.

Височная подвеска представляет собой бронзовое колечко в полтора оборота, обернутое золотой фольгой средней пробности 833/834 (Зайков и др., 2011, табл. I). Подобные украшения характерны для кара-абызских погребений ранней стадии IV–III вв. до н. э. В частности, они хорошо представлены в I группе курганов Шиповского могильника (Пшеничнюк, 1976, рис. 6, 1–3).

Железный наконечник копья из погребения 6 (2010) имеет листовидное (лавровидное) узкое перо. Длина пера примерно равна длине втулки. На нижней части втулки имеется железная обойма. При рассмотрении наконечников копий из курганной части Шиповского могильника подобные наконечники были выделены нами в тип I (Овсянников, 2016, с. 217). Биктимировский экземпляр наиболее близок копьям из курганной группы I Шиповского могильника, датируемой IV–III вв. до н. э. Многочисленные аналогии данному типу наконечников происходят из скифских и раннепрохоровских древностей (Овсянников, 2016). В Биктимировском археологическом комплексе похожий наконечник происходит из погребения 38 могильника I. Состав инвен-

таря этого погребения практически повторяет рассматриваемый комплекс: наконечник копья, не менее 10 бронзовых наконечников стрел, золотая височная спиральная подвеска и две круглые бронзовые бляшки (Пшеничнюк, 1964а, рис. 7, 3, 8–10, 14–16, 25). А.Х. Пшеничнюк отнес этот комплекс к периоду III–II вв. до н. э. (Пшеничнюк, 1973, рис. 5). Такая стандартизация набора инвентаря на протяжении длительного времени позволяет думать об устоявшейся социальной роли умерших, сопровождаемых подобным ассортиментом вещей.

К этому же времени можно отнести и погребение 2 (2010). Из него происходит один бронзовый наконечник стрелы со сводчатой головкой (рис. 4: 10). Наконечники такой формы встречаются в кара-абызских погребениях также в период IV–III вв. до н. э. Остальной инвентарь этой группы мужских погребений представлен костяными изделиями. В погребении 6 (2010) это бляшка-застежка колчана, изготовленная из черепной крышки (об этом говорят следы сагиттального шва) дикого животного, возможно, медведя. Подобных изделий пока не выявлено в кара-абызских древностях. Чаще в качестве колчаных застежек использовались бронзовые круглые бляшки с ушком на обороте, чью форму и повторяет наша костяная бляшка.

Оригинальной находкой является также костяная поясная застежка из погребения 2 (2010) (рис. 4: 12). Наиболее близкой, но далеко не полной аналогией этому изделию может служить пряжка из погребения 64 Охлебининского могильника (Пшеничнюк, 1968, рис. 16, 5). Однако она происходит из комплекса с 10 железными наконечниками стрел, что позволяет его отнести к более позднему времени рубежа эр (Пшеничнюк, 1968, с. 98). Биктимировский экземпляр отличается наличием, кроме неподвижного крючка, четырьмя выступами на оборотной стороне. В целом эволюция костяных застежек в кара-абызской культуре практически не рассматривалась. Здесь можно лишь заметить, что образцы удлиненной формы, подобной биктимировскому и охлебининскому, встречаются очень редко.

В раскопе К.В. Сальникова встречено погребение с тремя бронзовыми наконечниками стрел (рис. 2: 10–12). Малое количество стрел в колчанном наборе и их форма – пирамидальные с внутренней втулкой (т. н. базисные) – говорят, что данное захоронение совершено в конце времени использова-

ния бронзовых наконечников. Для кара-абызских древностей это период III–II вв. до н. э. (Овсянников, 2020, с. 88).

Благодаря исследованиям А.П. Шокурова сохранилась информация по двум воинским комплексам Биктимировского II могильника. Датировка погребения 2 (1958) не вызывает вопросов. Наличие колчанного набора из 18 железных наконечников стрел и пряжек с неподвижными крючками (рис. 2: 4–7) позволяет с уверенностью отнести время захоронения к рубежу эр.

Дата погребения 1 (1958) может быть определена по колчанному крючку. Он имеет характерное валутообразное завершение (рис. 2: 1). Аналогичный крючок происходит из погребения 2 раскопа I Охлебнинского могильника, где он встречен совместно с железными пряжками с подвижными язычками и тремя железными наконечниками стрел (Пшеничнюк, 1968, рис. 13, 15). С таким же валутообразным завершением найден колчаный крючок в погребении 102 грунтовой части Шиповского могильника совместно с двумя железными пряжками с подвижными язычками и кольчатыми удилами (Пшеничнюк, 1976, с. 106; Пшеничнюк, 1972, рис. 62). Все упомянутые комплексы можно отнести к рубежу эр. Таким образом, воинские погребения, изученные А.П. Шокуровым, относятся ко времени I в. до н. э. – I в. н. э.

Из женских комплексов наиболее представительным является погребение 5 (2010). Здесь найдено большое количество украшений, из которых наибольшую хронологическую информацию несет поясной набор. Пояс был украшен бляхой, изготовленной из сарматского зеркала типа 6.5 (Скрипкин, 1990, с. 95). Этот тип зеркал получил распространение во II–I вв. до н. э. (Скрипкин, 1990, с. 152). Зооморфные поясные накладки с изображением голов грифонов относятся к раннему варианту этих изделий и характерны для памятников кара-абызской культуры III–II вв. до н. э. Таким образом, наиболее вероятной датой совершения захоронения 5 (2010) можно считать II в. до н. э.

Ожерелья из бус, встреченные в погребениях 3 (2010) и 5 (2010), к сожалению, имеют широкий хронологический диапазон бытования и не могут служить для уточнения датировки.

Исследованная часть Биктимировского II могильника начала использоваться уже на ранней стадии существования кара-абызской культуры в IV–III вв. до н. э. К этому периоду относится воинское погребение 6 (2010) и, возможно, погребение 2 (2010). К следующему этапу (III–II вв. до н. э.) можно отнести погребения 2 (1962), 3 (2010), 5 (2010). Наиболее поздним временем (рубежом эр) датируются захоронения, исследованные А.П. Шокуровым. Общие хронологические рамки могильника, таким образом, можно определить в пределах IV в. до н. э. – I в. н. э.

На Биктимировских III и I могильниках также преобладают погребения III–II вв. до н. э. Вероятно, жизнь на Биктимировском городище наиболее интенсивно протекала именно в этот период. Погребений позднего времени (рубежа эр) на всех Биктимировских могильниках исследовано немного. Это отличает данный некрополь от Шиповского грунтового и Охлебнинского могильников, где основная часть погребений относится к периоду II в. до н. э. – II в. н. э. и более позднего II–III вв. н. э. (Пшеничнюк, 1968, с. 88–90).

Вероятно, разными хронологическими позициями объясняется и различная планиграфическая ситуация на кара-абызских могильниках. Для всех Биктимировских могильников характерно расположение могил группами без господствующей ориентировки (Пшеничнюк, 1964а, рис. 1). Между группами, как правило, имеются значительные незаполненные пространства. Рядность в погребениях практически отсутствует. Следы каких-либо ритуальных действий в межмогильном пространстве также не выявлены. Аналогичная картина фиксируется и на Уфимском могильнике, где основная часть погребений относится к IV–III вв. до н. э. (Овсянников, Яминев, 2003, рис. 11). Вероятно, такое устройство кладбищ характерно для раннего этапа существования кара-абызской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Воробьева С.Л. Типы костюмных комплексов носителей кара-абызской культуры эпохи раннего железа // Археология Евразийских степей. 2019. № 1. С. 50–69.

Зайков В.В., Султанова А.Н., Сиротин С.В., Овсянников В.В., Епимахов А.В., Юминов А.М. Состав древнего золота Башкортостана // УАВ. 2011. № 11. С. 53–65.

Игнатъев Р.Г. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии, как-то: древние здания, городища, Ногайские валы, курганы, древние находки и т.д. // Справочная книжка Уфимской губернии.

Сведения числовые и описательные относятся к 1882-83 гг. и только весьма немногие к прежним годам. / Сост. Н.А. Гуревич. Уфа: печатня Н. Блохина, 1883. С. 328–355.

Овсянников В.В. Наконечники копий из курганной части Шиповского могильника // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы VII Всероссийской тюркологической конференции (с международным участием), посвященной 95-летию видного ученого-тюрколога Э.Р. Тенишева. / Отв. ред. Р.Н. Сулейманова Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. С. 216–220.

Овсянников В.В. Новые материалы Шиповского курганно-грунтового могильника в лесостепном Предуралье // УАВ. 2018. № 18. С. 43–62

Овсянников В.В. Об одном типе ножен рубежа эр в Урало-Поволжье // Археология Евразийских степей. 2020. № 6. С. 87–99.

Овсянников В.В., Тагиров Ф.М. Новые находки зооморфных поясных крючков из памятников лесостепного Предуралья // УАВ. 2011. № 11 С. 50–52.

Овсянников В.В., Яминов А.Ф. Исследования могильника у Чертова городища в Уфе (1911-1912 гг.) // УАВ. 2003. № 4. С. 16–58.

Пшеничнюк А.Х. Научный отчет об археологических исследованиях в центральных районах Башкирской АССР в 1963 г. / НОА ИА РАН, Ф-1. Р-1. № 2676. 39 л.

Пшеничнюк А.Х. Научный отчет о результатах археологической экспедиции за 1964 г. / НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2890. 48 л.

Пшеничнюк А.Х. Биктимировский могильник // АЭБ. Т. II. Ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников Уфа: БФАН СССР, 1964а. С. 215–231.

Пшеничнюк А.Х. Охлебининский могильник // АЭБ. Т. III / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1968. С. 59–104.

Пшеничнюк А.Х. Отчет о работах археологического отряда ИИЯЛ БФАН СССР в 1972 г. / НОА ИА РАН Ф-1. Р-1. № 4724.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. V. / Ред. Н.В. Бикбулатов, Р.Г. Кузеев, Н.А. Мажитов. Уфа: БФАН СССР, 1973. С. 162–243.

Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала / Ред. Р.Г. Кузеев, Н.А. Мажитов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 35–131.

Сальников К.В. Отчет о результатах археологической экспедиции за 1962 г. по теме: «Эпоха железа и бронзы в Башкирии», раздел «Эпоха бронзы Южного Урала» / НОА ИА РАН Ф-1. Р-1. № 2462. 52 л.

Савельев Н.С. Гафурийский керамический комплекс Биктимировского городища в лесостепи Южного Приуралья // РА. 2011. № 2. С. 56–66.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. 300 с.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области) / Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: Школа, 2008. 172 с.

Шокуров А.П. Отчет об археологической разведке летом 1955 г. в Кушнаренковском районе Башкирской АССР. Т. 1. / НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1096. 129 л., 61 ил.

Шокуров А.П. Отчет об археологических работах Третьего разведывательного отряда Башкирской археологической экспедиции в 1958 г. Ч. 2. / НОА ИА РАН Ф-1. Р-1. № 1725. 121 л., 87 ил.

Шутова Н.И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: опыт комплексного исследования. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2001. 304 с.

Информация об авторе:

Овсянников Владимир Владиславович, кандидат исторических наук, заведующий отделом, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (г. Уфа, Россия); atliural@yandex.ru

REFERENCES

Vorobeva, S. L. 2019. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 50–69 (in Russian).

Zaikov, V. V., Sultanova, A. N., Sirotnin, S. V., Ovsyannikov, V. V., Epimakhov, A. V., Yuminov, A. M. 2012. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* (22), 53–65 (in Russian).

Ignat'ev, R. G. 1883. In *Spravochnaia knizhka Ufimskoi gubernii. (Reference Book of Ufa Governorate)*. Ufa, 328–355 (in Russian).

Ovsyanikov, V. V. 2016. In Suleimanova, R. N. (ed.). *Ural-Altai: cherez veka v budushhee (Ural-Altai: Through the Centuries into the Future)*. Ufa: Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center, Institute for History, Language, and Literature, 216–220 (in Russian).

Ovsyanikov, V. V. 2018. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* (18), 43–62 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V. 2020. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 87–99 (in Russian).

Ovsyanikov, V. V., Tagirov, F. M. 2011. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* (11), 50–52 (in Russian).

Ovsyanikov, V. V., Yaminov, A. F. 2003. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* (4), 16–58 (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1963. *Nauchnyi otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v tsentral'nykh raionakh Bashkirskoi ASSR v 1963 g. (Scientific Report on Archaeological Studies in the Central Districts of the Bashkir ASSR in 1963)*. Archive of the Institute of Archaeology of the RAS, Found-1. R-1, Inv. no 2676 (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1964. *Nauchnyi otchet o rezultatakh arkheologicheskoi ekspeditsii za 1964 g. (Scientific Report on the Results of the Archaeological Expedition in 1964)*. Archive of the Institute of Archaeology of the RAS, Found-1. R-1, Inv. no 2890 (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1964a. In Kuzeev, R. G., Sal'nikov, K. V. (eds.). *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* II. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 215–231 (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1968. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* III. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 59–104 (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1972. *Otchet o rabotakh arkheologicheskogo otriada IYAL BF AN SSSR v 1972 g. (Report on the activities of the Archaeological Group of the Institute of History, Language and Literature of the Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences in 1972.)*. Archive of the Institute of Archaeology of the RAS, Found-1. R-1, Inv. no 4724 (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1973. In Bikbulatov, N. V., Kuzeev, R. G., Mazitov, N. A. (eds.). *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* V. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 162–243 (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1976. In Kuzeev, R. G., Mazhitov, N. A., Pshenichniuk, A. Kh. (eds.). *Drevnosti Iuzhnogo Urala (Antiquities of the Southern Urals)*. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 35–131 (in Russian).

Sal'nikov, K. V. 1962. *Otchet o rezultatakh arkheologicheskoi ekspeditsii za 1962 g. po teme "Epokha zheleza i bronzy v Bashkirii", razdel "Epokha bronzy Yuzhnogo Urala" (Report on the Results of an Archaeological Expedition for 1962 on "The Iron and Bronze Age in Bashkiria", section "The Bronze Age of the Southern Urals")*. Archive of the Institute of Archaeology of the RAS, Found-1. R-1, Inv. no 2462 (in Russian).

Savel'ev, N. S. 2011. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 56–66 (in Russian).

Skripkin, A. S. 1990. *Aziatskaia Sarmatiia (problemy khronologii i ee istoricheskii aspekt) (Sarmatia Asiatica: Issues of Chronology and Its Historical Aspect)*. Saratov: Saratov University (in Russian).

Chizhevsky, A. A. 2008. *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).

Shokurov, A. P. 1955. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedke letom 1955 g. v Kushnarenkovskom raione Bashkirskoi ASSR (Report on Archaeological Exploration in the Summer of 1955 in the Kushnarenkovsky District of the Bashkir ASSR)*. 1. Archive of the Institute of Archaeology of the RAS, Found-1. R-1, Inv. no 1096 (in Russian).

Shokurov, A. P. 1958. *Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh Tret'ego razvedyvatel'nogo otriada Bashkirskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1958 g. (Report on the Archaeological Activities of the Third Exploration Group of the Bashkir Archaeological Expedition in 1958)* 2. Archive of the Institute of Archaeology of the RAS, Found-1. R-1, Inv. no 4724 (in Russian).

Shutova, N. I. 2001. *Dokhristianskie kul'tovye pamiatniki v udmurtskoi religioznoi traditsii: opyt kompleksnogo issledovaniia. (Pre-Christian Religious Monuments in the Udmurt Religious Tradition: the Comprehensive Study Experience)* Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

About the Author:

Ovsyannikov Vladimir V., Candidate of Historical Sciences, Head of the Archaeological Research Department, Institute of History, Language and Literature, Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center. Oktyabrya Av., 721, Ufa, 450054, the Republic of Bashkortostan, Russian Federation; atliural@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2021 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.2.207.220>

СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КЕРАМИКИ КУЛЬТУР ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ПРИКАМЬЯ И ПРЕДУРАЛЬЯ (К ПРОБЛЕМЕ ИХ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ)

© 2021 г. В.А. Иванов

В статье публикуются результаты сравнительно-статистического анализа керамики с городищ культур эпохи раннего железного века Прикамья и Предуралья – ананьинской, пьяноборской, карабызской и гляденовской. Основная задача, которую решает автор, состоит в том, чтобы установить степень генетического родства названных культур (на примере их керамики), а главное – выяснить значение роли ананьинской культуры шнуровой керамики (АКШК) в сложении этих культур. Автор приводит данные по суммарной характеристике сравниваемых комплексов керамики (случайных статистических выборок) и результаты вычисления степени их типологического сходства. Общий вывод – типологических различий между сравниваемыми группами сосудов больше, чем сходства.

Ключевые слова: археология, ананьинская, пьяноборская, карабызская, гляденовская культуры, керамика, сравнительно-статистический анализ, статистическая выборка, коэффициент типологического сходства.

COMPARATIVE-TYPOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE CERAMICS OF THE EARLY IRON AGE CULTURES IN THE KAMA REGION AND THE CIS-URALS (THE ISSUE OF THEIR GENETIC CONTINUITY)

V. A. Ivanov

The author publishes the results of a comparative statistical analysis of ceramics from the hillforts of the Early Iron Age cultures of the Kama region and the Cis-Urals – Ananyino, Piany Bor, Kara-Abyz and Gliadeno. The main task resolved by the author is to establish the degree of genetic kinship of the aforesaid cultures (on the example of their ceramics), and most importantly, to clarify the role of the Ananyino Corded Ware culture (ACWC) in the composition of these cultures. The author provides data on the combined characteristics of the compared ceramic complexes (random statistical samples) and the results of calculating the degree of their typological similarity. The general conclusion is that there are more typological differences between the compared groups of vessels than there are similarities.

Keywords: archaeology, Ananyino, Piany Bor, Kara-Abyz, Gliadeno cultures, ceramics, comparative statistical analysis, statistical sampling, typological similarity coefficient.

Проблема генетической преемственности археологических культур эпохи раннего железного века – ананьинской, пьяноборской (чегандинской), гляденовской и кара-абызской – одна из старейших проблем в археологии Урало-Поволжского региона. Поставленная ещё в середине прошлого столетия А.П. Смирновым, за истекшие десятилетия она нашла свое отражение в обширной и хорошо известной историографии. Эта историография сравнительно недавно была в очередной раз опубликована в том числе и автором этих строк (Иванов, Проценко, 2017), поэтому повторять ее здесь из соображений экономии места не представляется целесообразным. Изучение историографии привело нас к выводу о том, что генетическая связь и преемственность названных выше культур (главным образом от ананьинской или точнее

от ананьинской культуры шнуровой керамики – АКШК) воспринимается исследователями а priori как данность и сравнительно-типологический анализ этих культур на предмет выявления их генетической связи или не проводился вообще или в силу ограниченности материала проводился не совсем корректно (для сравнения использовался материал могильников, относящихся, как выяснилось, к различным вариантам ананьинской культурно-исторической области (АКИО)). Предпринятая нами попытка сравнительно-типологического анализа погребального обряда ананьинской (АКШК), пьяноборской и кара-абызской культур показала, что определенное типологическое сходство (а стало быть и генетическая связь) между ними прослеживается. Правда, не в том ключе, чтобы напрямую связывать генезис пьяноборской и кара-абыз-

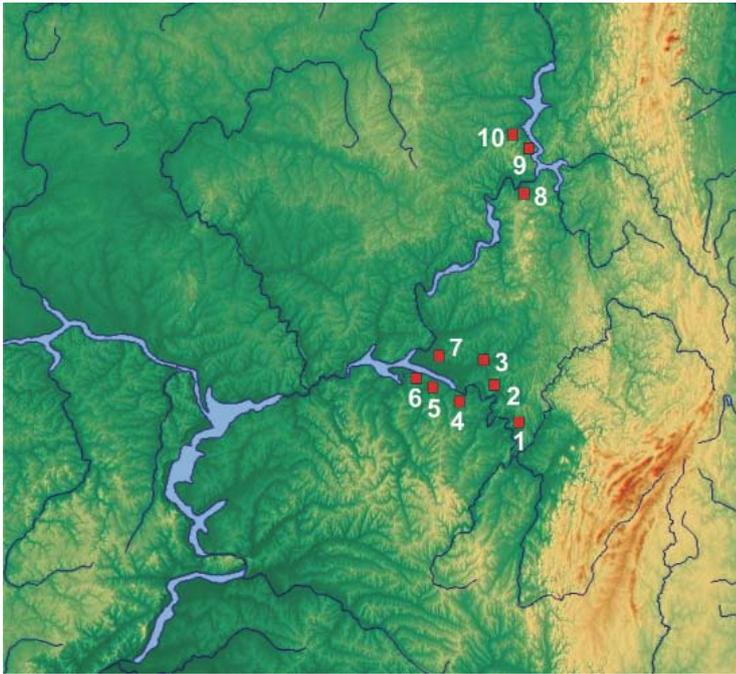


Рис. 1. Карта городищ культур РЖВ Прикамья и Предуралья, керамика которых составила эмпирическую базу исследования. 1 – Кара-Абыз; 2 – Бирское поселение; 3 – Биктимировское; 4 – Тра-Тай; 5 – Серенькино; 6 – Аначевское; 7 – Какры-Куль; 8 – Гляденовское; 9 – Опутятское; 10 – Бутырское.

Fig. 1. Map of the hillforts of the Early Iron Age cultures in the Kama and Ural regions, with their ceramics having formed the empirical basis for the study. 1 – Kara-Abyz; 2 – Birsk settlement; 3 – Biktimirovo; 4 – Tra-Tau; 5 – Serenkiino; 6 – Anachevskoe; 7 – Kakry-Kul; 8 – Glyadenovo; 9 – Oputiata; 10 – Butyrskoe.

ской культур с АКШК (Иванов, Проценко, 2017, с. 124–127).

Естественно, возникает вопрос о необходимости проследить генетическую преемственность культур эпохи РЖВ Прикамья и Предуралья на керамическом материале. Тем более что традиционно мы считаем, что керамика – едва ли не основной морфологический признак археологической культуры (а следовательно, и маркер этнокультурного сходства или различия носителей данной культуры). Данная работа проводилась разными исследователями в разное время на материале памятников, расположенных в Нижнем (Удмуртском) Прикамье – Зуевоключевское I городище (Черных, 2012); низовьях р. Белой – городища Петер-Тай, Какры-Куль, Аначевское, Тра-Тай и др. (Ашихмина, 2014), и серии поселений в Среднем Прикамье (Коренюк и др., 2014). Исходный материал у исследователей был различным по объему. Л.И. Ашихмина, например, оперирует статистической выборкой, состоящей из более чем 1000 единиц (Ашихмина, 2014, табл. V, 1–18). Объем эмпирических данных для сравнительно-типологического анализа керамики Зуевоключевского I городища Е.М. Черных в своих публикациях не приводит (Черных, 2008; 2012). Аналогично пермские исследователи, полемизируя со своими уфимскими коллегами (включая и автора этих строк) относительно хронологии и генезиса курмантауской, ананьинской и карабызской культур, активно оперируют керамическими комплексами, но также не приводят никаких данных об их объеме (Коренюк и др., 2014).

Но вывод у всех названных исследователей один и тот же. У Л.И. Ашихминой: ананьинская культура, сложившаяся на основе быргындинской культуры позднего бронзового века в Прикамье, в течение полутысячелетия (VIII–III вв. до н. э.) плавно эволюционирует от своей ранней (зуево-ключевской) стадии до переходной (предпьяноборской/чегандинской) (Ашихмина, 2014, с. 81–92).

Е.М. Черных по результатам типологического анализа керамики Зуевоключевского I городища этот вывод не только полностью поддерживает, но и развивает его, отрицая хронокультурное значение ямочного орнамента как основного морфологического признака пьяноборской посуды: «...материалы одного из крупнейших городищ Удмуртского Прикамья не дают оснований для выводов о резкой смене населения при переходе от ананьинской культуры к пьяноборской. Стратиграфия культурных отложений на площадке городища, наряду с выразительным комплексом объектов его материальной культуры, свидетельствуют скорее о плавном, поступательном развитии местных обществ на протяжении V в. до н. э. – рубежа новой эры. О преемственности культурных традиций позволяют судить находки предметов культовой антропоморфной пластики, встречающейся как в позднеананьинских объектах, так и в чегандинском слое, и особенно формы керамических сосудов, в приемах украшения которых надолго «задерживается» шнур, но абсолютно господствующими со временем становятся ямочные вдавления различной формы. Материалы Зуевоключевского I городища не подтверж-

дают и сложившийся стереотип восприятия горизонтального пояaska ямок как хронологического индикатора пьяноборской посуды..." (Черных, 2004, с. 126; 2012, с. 118). То есть традиционно привычные морфологические признаки пьяноборской керамики, среди которых ряд круглых ямок по шейке является основным, растворяются в общей массе ананьинской керамики в ее позднем варианте. Признание этого факта влечет за собой необходимость смириться с мыслью о невозможности дифференцировать ананьинские и пьяноборские поселения, особенно если их культурный слой, в силу своей небольшой мощности, не поддается стратиграфическому членению¹.

Аналогичным образом пермские коллеги на материалах Гремячанского поселения, по их мнению, «одного из опорных памятников ананьинского культурного круга в Среднем Прикамье», прослеживают генетические корни пьяноборской и гляденовской² керамики в керамике развитой и поздней фаз ананьинской культуры (в их представлении – это время существования Гремячанского поселения) (Коренюк и др., 2014, с. 294–302).

В отличие от исследователей указанного памятника, меня смущает малый объем источниковой базы для выдвинутых ими положений: 164 сосуда, собранные в раскопе площадью 200 м² с мощностью культурного слоя 60 см. Вне всякого сомнения, количество керамики, собранной в раскопе, больше указанной цифры. Оно может исчисляться сотнями или даже тысячами единиц. Но сосудов, по морфологическим признакам которых – форма, орнамента – авторы строят эволюционный ряд ананьинской керамики, всего 164. По правилам статистического анализа это означает, что если мы хотим получить результаты с максимальной степенью точности ($Q = 0,95$), то все значения частоты распространения того или иного признака в исследуемой выборке ниже 3% должны быть отброшены как несущественные. И только понижение порога точности до 0,8 (подразумевается ошибка в плюс-минус 20%) позволит нам оперировать значениями встречаемости того или иного признака = 1%³. Поэтому все статистические таблицы, приводимые исследователями рассматриваемого памятника, указывают только на то, что тот или иной морфологический признак ананьинской керамики на нем присутствует, но какую роль он играл в эволюции керамических форм данного памятника, из таблиц понять невозможно. Например, таблица 2 «Общая харак-

теристика декора керамики Гремячанского поселения-святилища» показывает, что из 139 орнаментированных сосудов (84,8% от всех сосудов, собранных в раскопе) орнамента представлена следующими элементами (по убывающей): поясок круглых ямок, вдавления разных конфигураций, горизонтальные оттиски шнура в сочетании с ямками, просто шнур и шнур в сочетании с оттисками зубчатого штампа (Коренюк и др., 2014, с. 293, табл. 2). Остальные элементы орнамента для рассматриваемой выборки не представительны, поскольку порог частоты их встречаемости не должен быть ниже 2%, и могут рассматриваться как «случайный шум».

Распределение их по горизонтам культурного слоя изучаемого раскопа тоже ничего эмпирически примечательного не представляет. Основная масса всех типов керамики сосредоточена в III и II горизонтах (соответственно 32,9% и 49,7% всех сосудов), тогда как IV и I (уничтоженный пахотой) горизонты дали соответственно 10,7% и 6,6% от общей коллекции сосудов.

То есть Гремячанское поселение в контексте проблемы генезиса археологических культур Прикамья эпохи раннего железного века – обычный рядовой памятник, по своему эмпирическому содержанию аналогичный другим подобным памятникам Прикамья. Для них характерно присутствие как «классической» ананьинской керамики, украшенной шнуровым орнаментом, так и керамики, украшенной только пояском круглых ямок. До недавнего времени такие сосуды традиционно считались пьяноборскими или гляденовскими, но сейчас они трактуются уже и как позднеананьинские. Причем количественное соотношение ананьинской и «позднеананьинской» керамики везде примерно одинаково: на Гремячанском поселении шнуровая керамика составляет 15,2% от всей керамики поселения, на городище Серенькино – 8,1%, на городище Петер-Тау – 6,6% (Иванов, 1983; 2003).

Какое-то количественное соотношение «классической» ананьинской и пьяноборской («позднеананьинской») керамики имеется и на Зуевключевском I городище. Но по опубликованным Л.И. Ашихминой и Е.М. Черных данным установить это совершенно невозможно. Единственно, на что указывают оба названных исследователя, это наличие в его керамическом комплексе сосудов, по своей морфологии относящихся к пьяноборским (чегандинским). Стратиграфически они никак не расчленяются (Ашихмина, 2014,

с. 74). И хотя количественно пьяноборская коллекция Зуевключевского I городища уступает ананьинской, она является достаточной для выделения на памятнике двух культурно-хронологических горизонтов: ананьинского и пьяноборского (Черных, 2004, с. 115).

Итак, через труды современных исследователей «красной нитью» проходит идея о непрерывно-поступательном развитии культуры населения Прикамья и Предуралья, начиная с эпохи раннего железного века и до фактически середины II тыс. н. э. Особенно отчетливо эта идея изложена в трактовке генезиса мазунинской культуры, данной Р.Д. Голдиной на материалах Тарасовского могильника. По этой трактовке мазунинская культура является заключительной стадией пьяноборской (чегандинской) культуры. А пьяноборская (чегандинская) суть завершающая стадия ананьинской культуры (Голдина, 2004, с. 307–308; Черных, 2012, с. 118).

Все это выглядит красиво и фундаментально, за исключением одного нюанса: названные исследователи то ли по невниманию, то ли сознательно игнорируют хорошо представленный археологически факт совпадения начала формирования пьяноборской и мазунинской культур с вторжением в регион инокультурного населения. В первом случае исследователи⁴ предполагают внедрение в раннепьяноборскую среду⁵ чужеродных этнокультурных групп зауральского (угорского) происхождения (Зубов, 2007, с. 87). Во втором – выявляют участие пришлых этнокультурных групп, с которыми в регионе связаны курганы харинско-тураевского типа (Шмуратко, 2012, с. 25–30; Иванов, 2017, с. 127; 2021, с. 61).

А поскольку традиционно мы привыкли ассоциировать керамику археологических культур как наиболее устойчивый и достоверный этнокультурный признак, на мой взгляд, настало время провести сравнительно-типологический анализ керамических комплексов культур Прикамья и Предуралья эпохи раннего железного века с целью установления степени их формально-типологического сходства. По результатам такого анализа можно будет судить и о степени генетического родства этих культур.

Приходится с сожалением констатировать, что, несмотря на установленный факт неоднородности состава ананьинской культурно-исторической общности Волго-Камья (АКИО) (Кузьминых, 2000, с. 106–108; Чижевский, 2008, с. 86; Иванов, 2009; 2017), некоторые исследователи эпохи РЖВ региона

в своих культурно-генетических построениях продолжают оперировать превратившимся уже в абстракцию понятием «ананьинская культура». При этом подразумевается, что речь должна идти о «классическом» ананьино в его шнуровом варианте. Хотя на самом деле это уже далеко не так. Чтобы не продолжать тиражирование и трансляцию этой абстракции, подчеркиваю, что моя задача – проследить генетическую связь керамики культур эпохи РЖВ с **керамикой ананьинской культуры шнуровой керамики (АКШК)**.

Для сравнительно-типологического анализа были отобраны *случайные выборки* фрагментов керамических сосудов с поселений АКШК (Гремячанское, Бирское пос., городище Тра-Тау (Старонагаевское) – в общей сложности 380 экз.⁶), пьяноборской (городища Серенькино, Какры-Куль, Тра-Тау – 200 экз.), кара-абызской (Биктимировское, Кара-Абыз городища – 205 экз.) и гляденовской (Бутырское, Опутятское городища, Гляденовское костыще – 200 экз.) культур (рис. 1).

Сравнительно-типологический анализ керамики проводился по программе, разработанной и опубликованной В.Ф. Генингом без малого 50 лет тому назад (Генинг, 1973)⁷. В силу специфики материала (керамика с поселений, целых сосудов нет) обработка метрических данных проводилась по сокращенной программе.

В.Ф. Генинг предложил номенклатуру метрических признаков и указателей формы археологической керамики, анализ которых позволит дать морфологическую характеристику изучаемого комплекса и выявить степень типологического сходства/различия сравниваемых комплексов (Генинг, 1973, с. 119–123). Ниже приведена суммарная характеристика сравниваемых керамических выборок с опорой на эту номенклатуру (табл. 1).

Использование номенклатуры В.Ф. Генинга для суммарно-типологической характеристики рассматриваемых керамических комплексов связано с определенными трудностями, поскольку без их расшифровки (перевод в конкретные метрические значения) картина получается совершенно абстрактной и расплывчатой. Хотя некоторые морфологические различия обозначаются. Например, три из четырех сравниваемых комплексов – керамика АКШК, кара-абызская и гляденовская характеризуются средним диаметром по венчику ($P_1 = 16–25$ см), тогда как в пьяноборском комплексе преобладают сосуды либо малые ($P_1 = 11–25$ см), либо большие ($P_1 =$

Таблица 1.

Суммарная характеристика керамики культур эпохи РЖВ Прикамья и Предуралья по метрическим параметрам и указателям форм сосудов (представительные признаки в %%).

Table 1.

Summary characteristics of ceramics of the Early Iron Age cultures of the Kama and Ural regions by metric parameters and indicators of vessel shapes (the representative attributes are given in %%).

№	Признак	Культура			
		АКШК	Пьянобор	Карабыз	Гляденово
Диаметр по венчику – P1					
1	Оч. малый	-	-	-	6,5
2	Малый	5,3	34,7	7,7	11,5
3	Средний	80	21,3	74,6	81
4	Большой	13,6	28,3	17,7	-
Диаметр по основанию шейки – P2					
5	Очень малый	1,3	13,0	-	3,0
6	Малый	26,3	36,0	21,5	13,0
7	Средний	65,8	34,0	70,2	83,5
8	Большой	6,3	11,0	8,3	-
9	Очень большой	-	1,5	-	-
Диаметр тулова – P3					
10	Оч. малый	11,8	14,4	3,4	17,0
11	Малый	76,2	66,6	72,1	69,5
12	Средний	12,0	19,0	24,5	13,0
Высотно-горловинный указатель (ФБ)					
13	Оч. малый	48,2	25,2	2,6	-
14	Малый	46,2	64,5	87,0	99,5
15	Средний	-	-	9,5	-
Широтно-горловинный указатель (ФВ)					
16	Средний	-	-	-	43,5
17	Большой	97,9	94,2	85,6	56,5
18	Оч. большой	-	3,5	14,4	-
Указатель профилировки шейки (ФГ)					
19	Оч. малый	13,1	9,0	36,1	-
20	Малый	20,5	6,0	28,7	12,5
21	Средний	46,4	70,0	35,1	68,0
22	Большой	18,9	15,0	-	19,5
Указатель выпуклости плечика (ФЖ)					
23	Оч. малый	38,4	59,6	40,8	75,5
24	Малый	7,48	24,5	41,4	24,5
25	Средний	51,5	15,5	13,1	-
Зона орнаментации					
26	Венчик	-	-	-	82,8
27	Шейка	83,1	98,9	-	-
28	Плечико	-	-	99,4	-
29	Венчик+шейка	4,3	1,1	-	14,5
30	Шейка+плечико	8,7	-	-	-
Элементы орнамента					
31	Ряд ямок	-	68,3	3,3	-
32	Ямки спаренные	-	27,2	69,3	-
33	Ямки строенные	-	-	9,4	-
34	Ямки «гроздью»	-	2,0	-	-
35	Бесформенные вдавл.	-	-	2,3	5,2
36	Насечки	-	-	2,8	31,0
37	Резной узор	-	-	-	39,5
38	Шнур многорядный	77,3	-	-	1,9
39	Шнур однорядный	22,7	-	1,9	-
40	Неорнаментирован.	-	-	10,1	21,0
Всего сосудов:		380*	200**	205**	200**

*Нижний порог значимости признака при критерии значимости 0,95 = 1%.

**Нижний порог значимости признака при критерии значимости 0,95 = 2%.

26–35 см). Сосуды с малым диаметром тулова ($P_3 = 16–25$ см) преобладают во всех сравниваемых комплексах, а сосуды с малой высотой горловины (указатель $ФБ = 0,51–1,50$) доминируют в пьяноборском, кара-абызском и гляденовском комплексах, тогда как сосуды АКШК отличаются и очень низкой горловиной ($ФБ = < 0,50$).

Таким образом, если в керамике АКШК, пьяноборской и кара-абызской культур абсолютно преобладают сосуды широкогорлые (указатель $ФВ = 0,66–1,0$), то среди гляденовской керамики часто встречаются и сосуды с горловиной средней ширины ($ФВ = 0,51–0,65$). И так далее.

Морфологические признаки в сравниваемых керамических комплексах представлены неравномерно (табл. 1). Для того чтобы определить, какие отдельные признаки повлияли на степень сходства, в чем заключается конкретное сходство и отличие сравниваемых выборок, необходимо вычислить тенденцию признака. То есть установить, как часто встречается того или иного признака в каждой из сравниваемых выборок относится к условной норме распределения признака – превышает её или наоборот стоит ниже (Генинг и др., 1990, с. 85).

При сравнении археологических комплексов особый интерес представляют условно-частные признаки (если, конечно, они выделяются), поскольку они позволяют определить, по каким именно морфологическим признакам каждая из сравниваемых групп отличается от остальных. В нашем случае **керамика АКШК** – это сосуды со средневыпуклым

Керамика кара-абызской культуры – сосуды с очень широкой горловиной средней высоты, очень слабо профилированной, нанесение орнамента по плечу сосуда, наличие орнамента в виде строенных ямок.

Гляденовская керамика – присутствие сосудов с очень малым диаметром по венчику (P_1 не более 10 см), сосуды с горловиной средней ширины, размещение орнамента только по венчику или венчику и шейке, орнамент в виде насечек (по венчику) или в виде резных узоров.

Значения коэффициента формально-типологического сходства (C_3) для сравниваемых керамических групп (Федоров-Давыдов, 1987, с. 145) таковы, что не позволяют проследить между ними какую-то генетическую связь (табл. 2).

Вместе с тем следует иметь в виду, что все эти условные номинации – очень малый, малый, средний, большой и т. д. – имеют реальные метрические значения. Для сравниваемых керамических выборок они представлены в таблице 3.

Из приведенных данных следует, например, что в выборке из **керамики АКШК** абсолютно преобладают сосуды с диаметром венчика 19–24 см, диаметром тулова 20–26 см, высотно-горловинным указателем 0,4–0,5 и 0,81–0,9, указателем профилировки шейки 0,41–0,50, указателем выпуклости плечика 0,18–0,29 и 0,54–0,65, орнаментированные отпечатками шнура по шейке. То есть это сосуды с очень невыразительной профилировкой верхней части, по высоте горловины и ширине устья приближающиеся к чашам,

Таблица 2.

Упорядоченная таблица значений формально-типологического сходства керамики культур эпохи РЖВ Прикамья и Предуралья

Table 2.

An ordered table of values of the formal and typological similarity of ceramics of the Early Iron Age cultures of the Kama Region and Cis-Urals

	АКШК	Пьяноборская	Кара-Абызская	Гляденовская
АКШК	-			
Пьяноборская	0,18	-		
Кара-Абызская	0,10	0,13	-	
Гляденовская	0,07	0,15	0,12	-

плечиком ($ФЖ = 0,58–1,00$), нанесение орнамента по шейке и плечу, многорядный или однорядный шнур в сочетании с пояском круглых ямок (рис. 2).

Для **пьяноборских сосудов** – это малый диаметр венчика и орнамент в виде ряда ямок, нанесенных по шейке сосуда (рис. 3).

круглодонным, поскольку ни одного плоского днища для керамики АКШК неизвестно.

В **пьяноборской выборке** явно преобладают более мелкие сосуды с диаметром венчика 13–15 см, горловина у них все-таки в основном понижее, чем у ананьинских сосудов, но в целом профилировка верхней части сосуда и зона орнаментации схожи с ананьинскими.

Таблица 3.

Представительные морфологические признаки керамики культур эпохи РЖВ
Прикамья и Предуралья (в %%)

Table 3

Representative morphological attributes of ceramics of the Early Iron Age cultures
of the Kama Region and Cis-Urals (in %%)

№ п/п	Содержание признака	Культура			
		Ананьинская	Пьяноборская	Карабызская	Гляденовская
Диаметр венчика Р1					
1	9 см	2,1	6,6	-	2,0
2	10 см	-	7,6	-	-
3	11-12 см	3,2	9,2	2,4	4,5
4	13-15 см	7,8	25,5	5,3	11,5
5	16-18 см	17,8	7,1	12,2	20,1
6	19-21 см	27,5	12,2	30,2	30,6
7	22-24 см	27,7	2,0	32,2	30,3
8	25-27 см	7,0	6,1	11,7	-
9	28-30 см	5,1	16,1	6,0	-
10	31-36 см	1,5	6,1	-	-
Диаметр тулова Р3					
11	5-8 см	-	4,5	-	-
12	9-14 см	11,8	9,9	3,4	17,0
13	15-20 см	16,1	35,1	2,9	22,0
14	21-26 см	60,1	31,5	69,2	47,5
15	27-32 см	12	16,2	13,6	13,0
16	33-38 см	-	2,8	10,9	-
Высотногорловинный указатель (ФБ)					
17	0,4-0,5	48,2	25,2	2,6	-
18	0,51-0,6	-	42,0	-	65,0
19	0,61-0,7	-	12,8	6,3	16,5
20	0,71-0,8	-	9,4	6,8	18,0
21	0,81-0,9	33,0	2,9	15,3	-
22	0,91-1,0	4,0	-	14,8	-
23	1,01-1,1	9,2	7,4	11,1	-
24	1,11-1,2	-	-	9,5	-
25	1,21-1,5	-	-	22,5	-
26	1,51 и более	-	-	9,5	-
Широтногорловинный указатель (ФВ)					
27	0,55-0,61	-	-	-	3,5
28	0,62-0,68	-	-	-	40,0
29	0,69-0,75	-	-	-	40,0
30	0,76-0,82	-	8,1	6,6	16,5
31	0,83-0,89	33,1	7,1	23,6	-
32	0,90-1,03	64,8	79,0	55,4	-
33	1,04-1,10	-	-	8,2	-
34	1,11-1,17	-	3,5	2,0	-
35	1,2 и более	-	-	4,2	-
Указатель профилировки шейки (ФГ)					
36	<0 - закрытая	-	-	4,2	-
37	0 (прямая)	13,1	9,0	31,9	-
38	0,07-0,17	9,0	2,5	3,2	12,5
39	0,18-0,28	11,5	3,5	25,5	-
40	0,29-0,4	-	14,5	16,5	15,5
41	0,41-0,50	30,2	41,0	16,5	30,5
42	0,51-0,60	16,2	14,5	2,1	22,0
43	0,61-0,70	17,0	15,0	-	17,5
44	0,71-0,80	1,9	-	-	-
Указатель выпуклости плечика (ФЖ)					
45	-0,15	-	4,6	-	-

46	-0,12	-	-	4,8	30,9
47	0	-	10,2	7,3	19,4
48	0,05-0,17	18,0	14,8	16,0	-
49	0,18-0,29	20,4	30,0	12,7	25,2
50	0,30-0,41	3,4	20,8	22,4	24,5
51	0,42-0,53	4,08	-	19,0	-
52	0,54-0,65	31,3	3,7	4,8	-
53	0,66-0,77	13,2	-	8,3	-
54	0,90-1,01	7,02	12,0	-	-
Зона орнаментации					
55	Венчик	-	-	-	82,8
56	Шейка	83,1	98,9	-	-
57	Плечико	-	-	99,4	-
58	Венчик+шейка	4,3	-	-	14,5
59	Шейка+плечико	8,7	-	-	-
Элементы орнамента					
60	Ряд ямок	-	68,3	3,3	-
61	Ямки спаренные	-	27,2	69,3	-
62	Ямки строенные	-	-	9,4	-
63	Ямки «гроздью»	-	2,0	-	-
64	Бесформенные вдавл.	-	-	2,3	5,2
65	Насечки	-	-	2,8	31,0
66	Резной узор	-	-	-	39,5
67	Шнур многорядный	77,3	-	-	1,9
68	Шнур одnorядный	22,7	-	1,9	-
69	Неорнаментирован.	-	-	10,1	21,0
Всего сосудов:		380	200	205	200

Керамика **кара-абызской выборки** – это сосуды примерно таких же размеров, что и ананьинские и пьяноборские, правда, с более высокой горловиной, которая в более чем 30% является прямой (вертикальной), зона орнаментации – плечико сосуда, элементы орнамента – ряд ямок, преимущественно спаренных или реже строенных.

Гляденовская керамика – сосуды с более низкой и более узкой, чем у перечисленных выше комплексов горловиной, по профилировке верхней части сосуда ближе стоят к ананьинскому и пьяноборскому комплексу, зона орнаментации – венчик, реже – венчик и шейка, элементы орнамента – насечки (по венчику) и резные узоры по шейке.

Таблица 4.

Норма распределения и тенденция морфологических признаков керамики культур РЖВ Прикамья и Предуралья

Table 4.

Distribution rate and tendency of the morphological attributes of ceramics of the Early Iron Age cultures of the Kama Region and Cis-Urals

№№	Содержание признака	Норма распределения	Тенденция признака			
			АКШК	Пьяноборье	Кара-Абыз	Гляденово
Диаметр по венчику – P1						
1	9 см	2,6	2,1	2,5	-	2,0
2	10 см	1,9	-	4,0	-	-
3	11-12 см	4,8	0,66	1,9	0,5	0,94
4	13-15 см	12,5	0,62	2,0	0,42	0,92
5	16-18 см	14,3	1,2	0,5	0,85	1,4
6	19-21 см	25,1	1,09	0,48	1,2	1,2
7	22-24 см	23,0	1,2	0,08	1,4	1,3
8	25-27 см	6,3	1,1	0,97	1,8	0,08
9	28-30 см	6,8	0,75	2,3	0,88	-
10	31-36 см	1,9	0,79	3,2	-	-
Диаметр тулова – P3						
12	5-8 см	1,1	-	4,0	-	-

13	9-14 см	10,5	<i>1,1</i>	<i>0,94</i>	0,32	<i>1,6</i>
14	15-20 см	19,0	0,84	<i>1,8</i>	0,15	<i>1,15</i>
15	21-26 см	52,0	<i>1,15</i>	0,6	<i>1,3</i>	0,91
16	27-32 см	13,7	0,87	<i>1,18</i>	<i>0,99</i>	<i>0,95</i>
17	33-38 см	3,55	-	0,79	3,07	0,14
Высотногорловинный указатель (ФБ)						
18	0,4-0,5	19,1	<i>2,5</i>	<i>1,3</i>	0,13	0,02
19	0,51-0,6	27,5	0,06	<i>1,5</i>	0,06	<i>2,3</i>
20	0,61-0,7	9,1	0,08	<i>1,4</i>	0,7	<i>1,8</i>
21	0,71-0,8	8,9	0,18	<i>1,05</i>	0,76	<i>2,0</i>
22	0,81-0,9	12,8	<i>2,5</i>	0,22	<i>1,2</i>	-
23	0,91-1,0	4,7	0,85	-	3,1	-
24	1,01-1,1	6,9	<i>1,3</i>	<i>1,07</i>	<i>1,6</i>	-
25	1,11-1,2	2,7	0,6	-	3,5	-
26	1,21-1,5	5,6	-	-	4	-
27	1,51 и более	2,3	-	-	4	-
Широтногорловинный указатель (ФВ)						
28	0,55-0,61	0,87	-	-	-	4
29	0,62-0,68	10,2	0,09	-	-	3,9
30	0,69-0,75	10,0	-	-	-	4
31	0,76-0,82	7,9	0,07	<i>1,02</i>	0,83	<i>2,08</i>
32	0,83-0,89	15,9	<i>2,08</i>	0,44	<i>1,5</i>	-
33	0,90-1,03	49,8	<i>1,3</i>	<i>1,6</i>	<i>1,1</i>	-
34	1,04-1,10	2,4	-	0,62	3,4	-
35	1,11-1,17	1,4	0,21	<i>2,5</i>	<i>1,4</i>	-
36	1,2 и более	1,25	-	0,64	3,3	-
Указатель профилировки шейки (ФГ)						
37	<0 - закрытая	1,4	-	-	3	<i>1,07</i>
38	0 (прямая)	13,6	<i>0,96</i>	0,66	2,3	0,03
39	0,07-0,17	6,8	<i>1,3</i>	0,3	0,47	<i>1,8</i>
40	0,18-0,28	10,1	<i>1,1</i>	0,3	2,5	-
41	0,29-0,4	11,9	0,09	<i>1,2</i>	<i>1,4</i>	<i>1,3</i>
42	0,41-0,50	29,3	<i>1,03</i>	<i>1,4</i>	0,56	<i>1,04</i>
43	0,51-0,60	13,7	<i>1,2</i>	<i>1,05</i>	0,15	<i>1,6</i>
44	0,61-0,70	12,3	<i>1,4</i>	<i>1,2</i>	-	<i>1,4</i>
Указатель выпуклости плечика (ФЖ)						
45	-0,15	1,15	-	4	-	-
46	-0,12	8,9	-	-	0,54	3,4
47	0	9,2	-	<i>1,1</i>	0,79	<i>2,1</i>
48	0,05-0,17	12,2	<i>1,4</i>	<i>1,2</i>	<i>1,3</i>	-
49	0,18-0,29	22,0	0,93	<i>1,3</i>	0,57	<i>1,14</i>
50	0,30-0,41	17,7	0,2	<i>1,2</i>	<i>1,2</i>	<i>1,4</i>
51	0,42-0,53	5,8	0,7	0,07	3,3	-
52	0,54-0,65	9,9	3,1	0,37	0,48	-
53	0,66-0,77	5,3	<i>2,5</i>	-	<i>1,5</i>	-
54	0,90-1,01	5,1	<i>1,3</i>	<i>2,3</i>	0,27	-
Зона орнаментации						
55	Венчик	21,0	0,06	-	-	3,9
56	Шейка	45,7	<i>1,8</i>	<i>2,1</i>	-	0,02
57	Плечико	25,3	0,07	-	3,9	-
58	Венчик+шейка	4,9	0,87	0,2	-	2,9
59	Шейка+плечико	2,4	3,6	-	-	0,4
Элементы орнамента						
60	Ряд ямок	18,2	-	3,7	0,2	0,07
61	Ямки спаренные	24,1	-	<i>1,1</i>	2,8	-
62	Ямки строенные	2,6	-	0,4	3,6	-
63	Ямки «гроздью»	0,7	-	2,8	<i>1,3</i>	-
64	Бесформенные вдавл.	1,8	-	-	<i>1,3</i>	2,9
65	Насечки	8,4	-	-	0,3	3,7

66	Резной узор	10,2	-	0,14	-	3,8
67	Шнур многорядный	19,8	3,9	-	-	0,09
68	Шнур однорядный	6,1	3,7	-	0,3	-
69	Неорнаментирован.	7,7	-	-	1,3	2,7
Всего сосудов			380	200	205	200

И вот мы вплотную подошли к проблеме определения уровня генетической связи культур эпохи РЖВ в регионе между собой, а главное – о роли АКШК в образовании этой связи. Единственным источником для этого является погребальный обряд и керамика. О резуль-

татах сравнительно-типологического анализа погребального обряда было сказано выше – они указывают на вполне скромную роль АКШК в генезисе рассматриваемых культур (Иванов, Проценко, 2017, с. 127). К аналогичному выводу подводят нас и значения коэф-

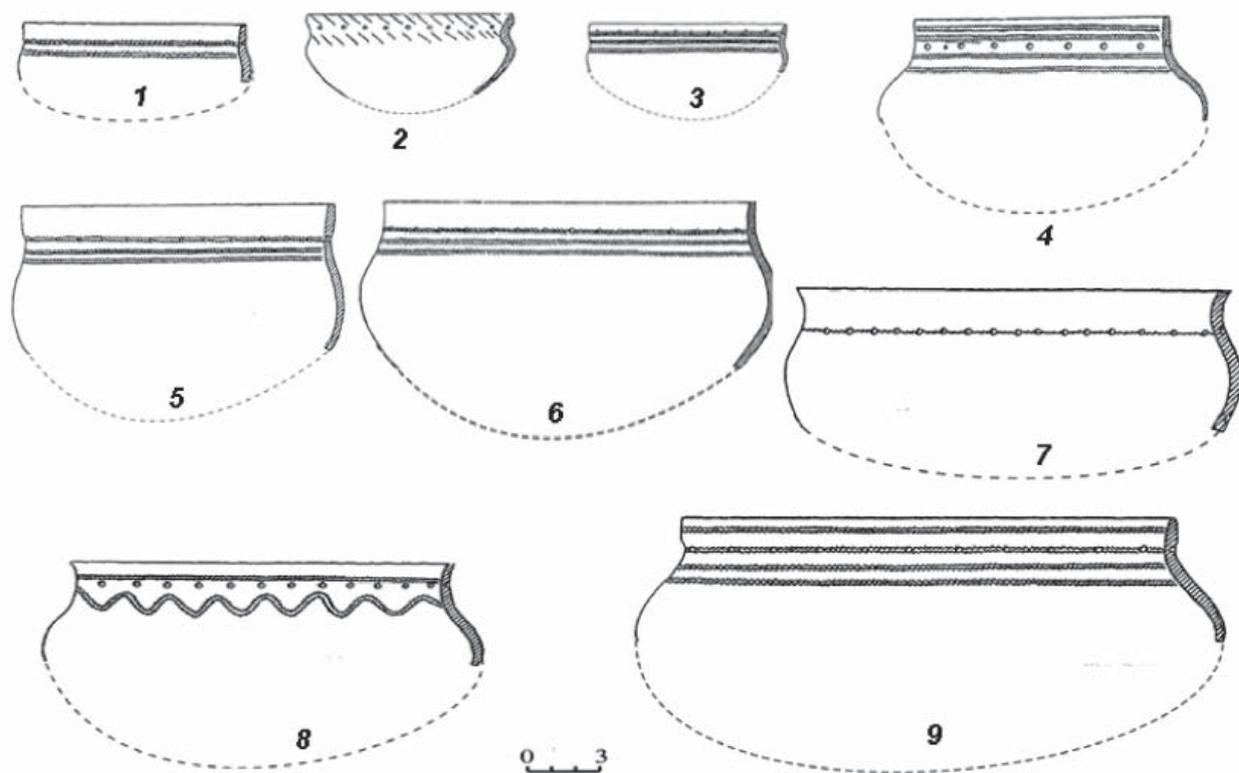


Рис. 2. Условная графическая реконструкция керамических форм АКШК.

1, 3, 4 – Аначевское; 2 – Тра-Тай; 5, 6, 7, 8, 9 – Ново-Кабановское.

Fig. 2. Conditional graphical reconstruction of the Ananyino Corded Ware Culture's ceramic forms.

1, 3, 4 – Anachevskoe; 2 – Tra-Tau; 5, 6, 7, 8, 9 – Novo-Kabanovskoe.

Таблица 5.

Упорядоченная таблица значений формально-типологического сходства керамики культур эпохи РЖВ Прикамья и Предуралья по конкретным метрическим показателям

Table 5.

An ordered table of the values of the formal and typological similarity of ceramics of the Early Iron Age cultures of the Kama Region and Cis-Urals in terms of specific metric indicators

	АКШК	Пьяноборская	Кара-Абызская	Гляденовская
АКШК	-			
Пьяноборская	0,11	-		
Кара-Абызская	0,18	0,09	-	
Гляденовская	0,10	0,25	0,03	-

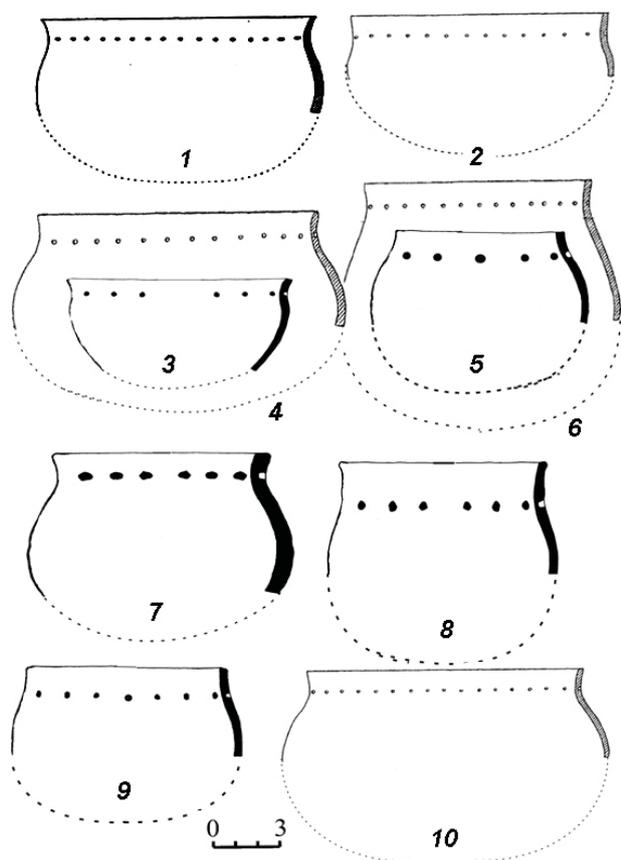


Рис. 3. Условная графическая реконструкция керамических форм пьяноборской культуры. 1, 3, 5, 7, 8, 9 – городище Серенькино; 2, 4, 10 – городище Какры-Куль; 6 – городище Петер-Тау.

Fig. 3. Conditional graphical reconstruction of the ceramic forms of the Piany Bor culture. 1, 3, 5, 7, 8, 9 – Serenkino hillfort; 2, 4, 10 – Kakry-Kul hillfort; 6 – Peter-Tau hillfort.

совпадает незначительно. Потому говорить об их генетическом родстве представляется сомнительным.

В поселенческих коллекциях целых сосудов мы, естественно, не находим. Хотя в могильниках они встречаются (в могильниках АКШК – более 30% погребений, в пьяноборских – более 1%). Характерно, что в пьяноборских погребениях это преимущественно небольшие чаши и кувшины с плоским или уплощенным дном (Красноперов, 2010; Воробьева, 2018). Необычность керамических форм дала С.Л. Воробьевой предположить их импортное (из позднесарматской среды) происхождение (Воробьева, 2018, с. 83). Поскольку в литературе приводятся многочисленные графические реконструкции ананьинских и пьяноборских сосудов по их фрагментам, я пошел по стопам своих предшественников и сделал несколько подобных реконструкций. Они не претендуют на абсолютную точность, но позволяют представить некий идеальный облик сравниваемых керамических групп (рис. 2 и 3). Морфологическое отличие сосудов АКШК и пьяноборских сразу же бросается в глаза⁹. Но главное, используя эти материалы, можно сравнить рассматриваемые сосуды и по их объемам. Полученные результаты: сосуды АКШК – это чаши емкостью 0,5 л или круглодонные чаши-горшки емкостью 3 л (соответственно 22% и 17,3% всей керамики). В пьяноборской выборке – чаши емкостью 0,5–0,7 л или круглодонные горшки емкостью 5–9 л (24% и 26% соответственно). То есть и в данном случае мы имеем основания усомниться в прямой генетической связи керамики рассматриваемых культур. И хотя распространять выводы С.Л. Воробьевой о «сарматском следе» в керамическом комплексе Ново-Сасыкульского могильника на всю пьяноборскую культуру, может быть, пока и преждевременно, но с нашими выводами об отнюдь не перво-степенной роли АКШК в генезисе пьяноборской культуры они перекликаются. Выводы А.А. Красноперова об отсутствии выражен-

фициента C_3 , высчитанные по данным табл. 4 (табл. 5).

Остается еще возможность определения степени типологического сходства сравниваемых групп керамики по коэффициентам статистической корреляции их морфологических признаков. Рассмотрим нулевую гипотезу: если сравниваемые группы типологически (и генетически) близки, показатели статистически обусловленной корреляции их морфологических признаков будут демонстрировать тенденцию к максимальному совпадению.

Поскольку объем статьи уже не позволяет рассматривать все четыре выборки, я ограничусь только сравнением двух наиболее «злободневных» – АКШК и пьяноборской (чегандинской). К последней я отношу сосуды, собранные на соответствующих памятниках и украшенные только пояском ямок. В двух выборках (в общей сложности отобраны фрагменты от 580 сосудов) выявлены 204 случая статистически обусловленной корреляции значений морфологических признаков – метрических и указателей формы. Из них только 39 (19,1%) совпадают в сравниваемых выборках. Хотя в выборке АКШК насчитывается 101 показатель статистически обусловленной корреляции признаков, в пьяноборской таких корреляций – 64⁸. То есть морфология двух сравниваемых выборок

ных морфологических различий между пьяноборской и мазунинской керамикой заслуживают особого внимания и нуждаются в проверке на поселенческом материале.

Примечания

- ¹ А таковых в низовьях р. Белой и в Удмуртском Прикамье большинство.
- ² А от нее – и неволинской.
- ³ Подробно обо все этом см.: Генинг и др., 1990, с. 64.
- ⁴ На материалах Кипчаковского курганно-грунтового могильника на р. Сюнь.
- ⁵ Морфологические признаки которой пока неизвестны.
- ⁶ Фрагменты сосудов отбирались по принципу фиксации максимального количества метрических признаков.
- ⁷ Сразу хочу подчеркнуть, что, по моему мнению, ничего более конструктивного и пригодного к практическому применению в плане анализа керамики за истекшие годы не появилось. Поэтому я как начал пользоваться этой программой ещё в середине 1970-х годов, так продолжаю пользоваться ею и сейчас.
- ⁸ Расчеты проводились по стандартной программе SPSS, корреляция Пирсона.
- ⁹ Кстати, в пьяноборских погребениях встречаются сосуды таких же форм, что и на рис. 2 (Красноперов, 2018, рис. 7, 4,5; 12, 5, 7; 14, 1 и др.).

ЛИТЕРАТУРА

- Ашихмина Л.И.* Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология Евразийских степей. Вып. 19. Казань: ИА АН РТ; Отечество, 2014. 300 с.
- Воробьева С.Л.* Керамика пьяноборской культуры по материалам Ново-Сасыкульского могильника // УАВ. 2018. № 18. С. 75–85.
- Генинг В.Ф.* Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. №1. С. 114–136.
- Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А.* Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев: Наукова думка, 1990. 304 с.
- Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. 1. Ижевск: Удмуртия, 2004. 318 с.
- Зубов С.Э.* Кипчаковский культурно-хронологический горизонт в системе пьяноборской культуры // УАВ. 2007. № 6–7. С. 72–88.
- Иванов В.А.* О локальных вариантах ананьинской культурно-исторической области (АКИО) (или сколько «ананьинских культур» мы изучаем?) // Археология Евразийских степей. 2017. № 3. С. 175–182.
- Иванов В.А.* Городище Петер-Тау (Юлдашевское) // СА. 1983. №3. С. 199–210.
- Иванов В.А.* Городище Серенькино – памятник пьяноборской культуры в низовьях р.Белой // УАВ. Вып. 4 / Отв. ред. А.Ф. Яминов. Уфа: Гилем, 2003. С. 199–215.
- Иванов В.А.* Сравнительно-типологическая характеристика керамики локальных вариантов ананьинской историко-культурной общности Прикамья и Приуралья // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология евразийских степей. Вып. 8. Елабуга: ИИ АН РТ, 2009. С. 56–63.
- Иванов В.А.* О локальных вариантах ананьинской культурно-исторической области (АКИО) (или сколько «ананьинских культур» мы изучаем?) // Археология Евразийских степей. 2017. №3. С. 175–182.
- Иванов В.А.* Миграции как механизм культурогенеза у населения Урала и Предуралья в эпоху Великого переселения народов // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Великое переселение народов: диалог культур. Материалы VIII Международной научной конференции. (г. Челябинск, 1 октября - 30 ноября 2020 г.) / Ред. Г.С. Боталов. Челябинск: Челябинский государственный краеведческий музей, Челябинск, 2020. С. 58–65.
- Иванов В.А., Проценко А.С.* Погребальный обряд как индикатор генетической преемственности культур эпохи раннего железного века Прикамья и Предуралья // Археология Евразийских степей. 2017. №1. С. 117–129.
- Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л.* Современное состояние проблем изучения среднего и позднего этапов ананьинской культуры в Прикамье // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология Евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред.: С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 116–131.
- Красноперов А.А.* Погребальная керамика из пьяноборских и мазунинских могильников Прикамья // УАВ. 2010. Вып. 10. С. 83–109.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Статистические методы в археологии: Учебное пособие для вузов по спец. «История». М.: Высшая школа, 1987. 216 с.
- Черных Е.М.* Зуевключевское I городище в Удмуртском Прикамье: некоторые итоги исследований // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет / Ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 113–131.

Черных Е.М. Некоторые итоги изучения культурного слоя Зуевключевского I городища в Удмуртском Прикамье // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология евразийских степей. Вып. 8. Елабуга: ИИ АН РТ, 2009. С. 76–97.

Черных Е.М. О хронологии культурного слоя Зуевключевского I городища в Удмуртском Прикамье // Древности Прикамья эпохи железа: хронологическая атрибуция / МИКВАЭ. Т. 25. / Ред. Л.И. Липина, Н.Ф. Широкова. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. С. 113–123.

Шмуратко Д.В. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье в контексте культурно-исторических процессов эпохи Великого переселения народов (статистический анализ погребальных комплексов). Автореф. дис... канд. ист. наук. Казань, 2012. 32 с.

Информация об авторе:

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории, Башкирский государственный педагогический университет им.М.Акмуллы (Уфа, Россия); ivanov-sanych@inbox.ru

REFERENCES

Ashikhmina, L. I. 2014. *Genesis anan'inskoi kul'tury v Srednem Prikam'e (po materialam keramiki i zhilishch) (Genesis of the Ananyino Culture in the Middle Kama Area (According to the Ceramics and Dwellings))*. Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 19. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Vorobeva, S. L. 2018. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* (18), 75–85 (in Russian).

Gening, V. F. 1973. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archeology)*. (1). 114–136 (in Russian).

Gening, V. F., Buniatian, E. P., Pustovalov, S. Zh., Rychkov, N. A. 1990. *Formalizovanno-statisticheskie metody v arkheologii (analiz pogrebal'nykh pamiatnikov) (Formalized Statistical Methods in Archaeology (Analysis of Burial Sites))*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Goldina, R. D. 2004. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of the 1st – 5th centuries on the Middle Kama)*. Vol. 1. Izhevsk: "Udmurtiia" Publ. (in Russian).

Zubov, S. E. 2007. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* (6–7), 72–88 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 175–182 (in Russian).

Ivanov, V. A. 1983. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archeology)*. (3). 199–210 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2003. In Yaminov, A. F. (ed.). *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 4. Ufa: "Gilem" Publ., 199–215 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Yelabuga: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 56–63 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 175–182 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2020. In Botalov, G. S. (ed.). *Etnicheskie vzaimodeistviia na Iuzhnom Urale: materialy VI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (g. Cheliabinsk, 1 oktiabria – 30 noiabria 2020 g.) (Ethnic Interactions in the Southern Urals: Materials of the 6th All-Russian Scientific Conference (Chelyabinsk, October 1st - November 30th, 2020))*. Cheliabinsk: Cheliabinsk Museum of Local Lore, 292–298 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 175–182 (in Russian).

Koreniuk, S. N., Mel'nichuk, A. F., Pereskokov, M. L. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 116–131 (in Russian).

Krasnopeorov, A. A. 2010. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* (10), 83–109 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1987. *Statisticheskie metody v arkheologii: Uchebnoe posobie dlia vuzov po spets. «Istoriia» (Statistical Methods in Archaeology: Study Guide for Universities with Specialization in History)*. Moscow: "Vysshiaia shkola" Publ. (in Russian).

Chernykh, E. M. 2004. In Ivanova, M. G. (ed.). *Udmurtskoi arkheologicheskoi ekspeditsii – 50 let (50th Anniversary of Udmurt Archaeological Expedition)* Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 113–131 (in Russian).

Chernykh, E. M. 2012. In Lipina, L. I., Shirobokova, N. F. (eds.). *Drevnosti Prikam'ia epokhi zheleza: khronologicheskaiia atributsiia (Iron Age Antiquities of the Kama Area: Chronological Attribution)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt State University, 113–123 (in Russian).

Shmuratko, D. V. 2012. *Kurgannye mogil'niki kharinskogo tipa v Verkhnem Prikam'e v kontekste kul'turno-istoricheskikh protsessov epokhi Velikogo pereseleniia narodov (statisticheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov) (Barrow Burial Mounds of the Kharino Type in the Upper Kama Region in the Context of Cultural and Historical Processes of the Great Migration Period (Statistical Analysis of Funerary Complexes))*. PhD Thesis. Kazan (in Russian).

About the Author:

Ivanov Vladimir A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Bashkir State Pedagogical University, Oktyabrskoi revoliutsii, 3A, Ufa, 450008, Russian Federation; ivanov-sanych@inbox.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2021 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.2.221.249>

К ВОПРОСУ О РАННЕЙ ДАТЕ ПЬЯНОБОРСКИХ ПАМЯТНИКОВ. Ч. 4-1¹: БРОНЗОВЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ

© 2021 г. А.А. Красноперов

Статья продолжает цикл публикаций, обсуждающих основания датировки начала пьяноборской культуры в Прикамье в двух аспектах: во-первых, на чем основаны утверждения о начале культуры в III в. до н.э., во-вторых, насколько привлекаемые находки соответствуют современному состоянию хронологии. Одной из категорий выступают бронзовые наконечники стрел. Как показывает распутывание цепочек ссылок, практически все они сводятся к работе М.Г. Мошковой 1962 г. и К.Ф. Смирнова 1961 г. В 1980-е гг. произошли кардинальные изменения в общей хронологии сарматских культур – при сохранении основных признаков обряда и инвентаря самих культур, изменилась дата смены раннесарматской культуры на среднесарматскую, со II в. до н.э. на рубеж эр. Комплексы, датирующие признаки, «омолодились». Бронзовые наконечники стрел по-прежнему наиболее характерны для раннесарматской культуры, но сама культура по новым данным существует до нач. I в. н.э. Но, к изумлению, это никак не повлияло на хронологию местных культур. Проведенная проверка случаев, которыми оперировала М.Г. Мошкова, дополненная новыми данными, показала, что бронзовые наконечники стрел неоднократно находили в средне- и позднесарматских комплексах. В некоторых ситуациях это «амулеты» из стрел очень архаичных типов, в других, это реально использовавшиеся в быту предметы. Учитывая, что помещение стрел в погребения этих периодов в целом не характерно, утверждать, что бытование стрел строго ограничено III в. до н.э. нельзя. И ссылки на датировки 60-летней давности неприемлемы.

Ключевые слова: археология, хронология, бронзовые наконечники стрел, раннесарматская культура, среднесарматская культура, позднесарматская культура, фибула, пряжка, зеркало, меч.

THE ISSUE OF THE EARLY DATING OF PIANY BOR SITES. PART 4-1: BRONZE ARROWHEADS

A.A. Krasnopeorov

The paper continues a series of publications discussing the foundations of dating the beginning of the Piany Bor culture in the Kama region in following two aspects: first, the grounds for the statements about the beginning of the culture in the 3rd century BC, and secondly, to what extent the finds in question correspond to the contemporary chronology. One of the categories is represented by bronze arrowheads. According to the results of unraveling the chains of references, almost all of them come down to the work by M.G. Moshkova in 1962 and K.F. Smirnov in 1961. In the 1980s, there were cardinal changes in the general chronology of the Sarmatian cultures - while maintaining the main features of the rite and inventory of the cultures themselves, the dating of the transition of the Early Sarmatian to the Middle Sarmatian culture has changed from the 2nd century BC to the turn of the epochs. The complexes enabling the dating of the attributes have “rejuvenated”. Bronze arrowheads are still most characteristic of the Early Sarmatian culture, but the culture itself, according to new information, existed before the beginning of the 1st century AD. But, surprisingly, this did not affect the chronology of the local cultures. A review of the cases used by M.G. Moshkova, supplemented by new information, demonstrated that bronze arrowheads have been repeatedly found in the Middle and Late Sarmatian complexes. In certain cases, these are “amulets” made of very archaic types of arrows, and in others, these are items actually used in everyday life. Considering that the placement of arrows in burials of these periods is generally uncommon, it cannot be argued that the existence of arrows is strictly limited to the 3rd century BC. And the dating references of 60 years ago are unacceptable.

Keywords: archaeology, chronology, bronze arrowheads, Early Sarmatian culture, Middle Sarmatian culture, Late Sarmatian culture, fibula, buckle, mirror, sword.

Важное место в аргументации ранней даты пьяноборских (и кара-абызских) памятников занимают находки наконечников стрел, бронзовых и их сочетания с железными (Зубов, 2007, с. 90). Новый виток обсуждения этой категории находок задан работами С.Э. Зубова и Р.Р. Саттарова (Зубов, 2007; Зубов, Саттаров, 2018; Саттаров, 2017; 2019д, прил. 4).

¹ В этой части рассматриваются только находки в сарматской среде. Ввиду большого объема пьяноборские комплексы стоит обсуждать отдельно.

Если первоначально в обсуждении просто перечислялись находки бронзовых наконечников в Камышлы-Тамакском I, Уяндыкском I, Кушулевском III, Юлдашевском, могильниках (Зубов, 2007, с. 93) со ссылками на ничем не обоснованные даты, то позднее акцент сместился в более предметную сферу с опорой на Кипчаковские I и II могильники.

Историография датирующих возможностей бронзовых наконечников стрел

Цепочки ссылок (Зубов, Саттаров, 2018, с. 210, 212) включают перечисление мнений К.Ф. Смирнова, А.М. Хазанова, О.И. Куринских, А.С. Скрипкина, В.М. Клепикова, А.Х. Пшеничнюка, С.В. Кузьминых, М.П. Абрамовой, В.Ю. Зуева, С.В. Демиденко¹, В.А. Иванова, Б.Б. Агеева. Но в конечном счете приводят к специальной работе М.Г. Мошковой (1962).

М.Г. Мошкова представила обзор наконечников, «придерживаясь типологии и нумерации типов К.Ф. Смирнова» (1962, с. 78). Но на чем, собственно, основываются ее датировки? – ни на чем. Никаких дат не обсуждается вообще. Дважды сказано «учет остальных комплексов позволил создать дробную хронологию» (1962, с. 78, 81), но никаких вещей ни разу не названо.

Есть одна ссылка на общую периодизацию Б.Н. Гракова и косвенные упоминания вроде использования его номенклатуры. Несколько комплексов перечислено в связи с отнесением их к такой-то культуре по Б.Н. Гракову. Есть ничем не подтверждаемые фразы: «вполне определенно датируются IV в.», которые чуть позже раскрываются через типологические ряды: «ряд типов, послуживших основой для ...» (1962, с. 78), а еще дальше много раз отмечено, что практически типы «существуют вплоть до III–II вв.» (1962, с. 79, четырежды). «Эталонными для самого конца IV–III вв. до н. э.» названы Прохоровские курганы (1962, с. 80). И 'датированными' внезапно оказываются случайные сборы: Баймакский р-н 1929 г., находки из насыпи (Ст. Киишки, к. 11/насыпь) и единственные находки в погребениях (Ст. Киишки, к. 11/п. 15, к. 14/п. 16) (1962, с. 81).

Касательно II в. до н. э. в основном тексте нет даже упоминаний, не говоря уж об датирующих основаниях. Список комплексов «II в. до н. э.» можно составить по подрисовочным подписям к типам VIA, VIB, IXA, V, X, XI, XIA, XII, XIII, XVI, XVIII: Визенмиллер, к. 4/п. 3, 4, Бережновка II, к. 85/п. 2, Бережновка ЮГ, к. 2/п. 11, В. Погромное, к. 1/п. 13, Джанатан, к. 8, Красногорское, 1903 г./п.

впускн., Сайхин, к. 1 /п. 5, Ленинск, к. 3/п. 15, Ст. Киишки, к. 11/п. 4, 12, 13, 15, 17, 19, насыпь, к. 13/п. 13, 14, к. 14/п. 5, 11, 16 (1962, рис. 27–30). Можно заметить, что все указанные типы датированы всеми временными отрезками, а из памятников разительно преобладают Ст. Киишки.

Т. е. из заявленного: 1) датировки прочего инвентаря не обсуждаются, 2) принятая общая периодизация теперь пересмотрена, многие комплексы получили неоднозначную оценку, 3) типы существуют долго (1962, с. 79, 80). Реальные оценки базируются только на 4) типологических рядах, 5) «соотношении различных типов в наборе и, главное, преобладанию одного из них» (1962, с. 80). Этого крайне мало, чтобы возводить предложенную схему в абсолют.

Показательно, что сама М.Г. Мошкова не ссылается на эти свои работы с 1980-х гг. Насколько она сохраняет актуальность сейчас? – ни насколько.

Не вдаваясь в подробности, дискуссия по датировкам Прохоровских курганов показывает, что вопрос имеет весьма неоднозначное решение. А «периодизация Б.Н. Гракова» безнадежно устарела и давно не используется, о чем есть подробный, так сказать, «внутренний» разбор (Сергацков, 1999; 2000б, с. 113; 2004, с. 107), существенные положения которого полезно повторить:

1) После выхода в 1947 г. эпохальной работы Б.Н. Гракова в отечественной археологии утвердилась и стала господствующей четырехступенчатая периодизация савромато-сарматской культуры. Именно с позиций этой концепции были написаны обобщающие, программные исследования по истории и культуре сарматов, затрагивающие, в том числе, вопросы хронологии и самого происхождения среднесарматской культуры (Смирнов, 1950, с. 97–114; 1954, с. 195–219; 1974; Абрамова, 1959, с. 52–71; Мошкова, 1963, с. 8; Степи..., 1989, с. 153–202).

2) В 80-х годах оформилась новая концепция происхождения и самого содержания среднесарматской культуры. В ее основу легли хронологические разработки А.С. Скрипкина (2006а, с. 11; 2006б, с. 136) о том, что граница между ранне- и среднесарматской культурами пролегает по рубежу эр. В I в. н. э. отмечается появление многих новаций в вещевом материале. К ним относятся украшения в полихромном зверином стиле, браслеты с несомкнутыми утолщенными концами, короткие мечи, ножны которых имеют четыре боковые

лопасти, керамика с зооморфными ручками, тамги, китайские зеркала и зеркала с валиком по краю и коническим умбоном, бронзовые котелки с носиком-сливом или без него, с зооморфными ручками.

Из отмеченных в 1963 г. М.Г. Мошковой комплексов², в Визенмиллер, к. 4/п. 3, Бережновка II, к. 85/п. 2, Бережновка ЮГ, к. 2/п. 11, встречены зеркала с валиками по краю типа Скрипкин-4.7, бытующие и у сармат, и в Средней Азии, и на Кавказе, и во II–I вв. до н. э. (Скрипкин, 1990, с. 151; Абрамова, 1983, с. 37; Литвинский, 1976, с. 81). А в Бережновка ЮГ, к. 2/п. 11, и вовсе найден меч с кольцевым навершием (Зуев, 1999, рис. 1, 4: 1–4, 7, с. 311, 314, 319). Красногорское, 1903 г./п. впускн., опубликован буквально только что (Зуев, 2012), из Ленинск, к. 3/п. 15, издана только глазчатая/пятнистая бусина (Мошеева, 2008, с. 31, рис. 1: 13, тип бус II до н.э. – нач. II н. э.).

Погребения Ст. Киишек по всем признакам обряда и инвентаря все еще остаются раннесарматскими, но сама раннесарматская культура (поздний этап) теперь датируется II–I вв. до н. э., до рубежа эр или сер. I в. н. э.

Находки бронзовых наконечников стрел в заведомо позднем (после III в. до н. э.) контексте

Если следовать имеющимся цепочкам ссылок, то бронзовые наконечники выходят из употребления в III в. до н. э. (Смирнов, 1961, с. 70; Мошкова, 1962, с. 82; Скрипкин, 1990, с. 134–135; Клепиков, 2002, с. 42; Клепиков, Скрипкин, 2002, с. 65; Шинкарь, 2006, с. 58; Куринских, 2011, с. 53), во II в. до н. э. встречаются лишь эпизодически.

Известны случаи находок бронзовых наконечников в памятниках Средневековья. С.А. Плетнева отметила такой в салтовских погребениях (Плетнева, 1967, с. 174, рис. 47: 16), но ссылка на комплекс указана значительно позже (Плетнева, 1989, рис. 58: 26). И другие мелкие скифские вещи встречаются в салтовских захоронениях, понятно, что хронологического смысла они не имеют.

Встречаются стрелы в комплексах гуннского времени: Беляус, гунн. могила № 3 (Дашевская, 2003, рис. 2: 9; 2014, табл. 174: 9), Паласа-Сырт, к. 2 (Котович, 1959, табл. XIII: 17; Гмыря, 2011, рис. 7: 4), Оселивка, п. 51 (Никитина, 1988, табл. 27: 4).

Какой-то единой сводки, очевидно, нет³. Но находки периодически привлекают специальное внимание (Хазанов, Черненко, 1979, с. 20–21, прим. 23⁴; Яценко, 2007, с. 276; Шевчен-

ко, 2018) или обсуждаются в связи с конкретными случаями (Глухов, 2005, с. 65, табл. 3; Глебов, 2007а, с. 91⁵; Пуздровский, 2007а, с. 67, 136; 2007б, с. 283; Глебов, Толочко, 2016, с. 46)⁶. Как заявлялось перед началом проекта, технической сводкой по всем сарматским культурам должна была стать серия «Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии». Но не стала. Есть очень жесткая развернутая критика (Зуев, 1997; 1998), есть восторженные славословия (Федоров-Давыдов, 1996). Но электронная версия так, видимо, и не появилась, вычитывать с листа и расшифровывать утомительно и времязатратно, количество ошибок при кодировке комплексов слишком велико, приходится перепроверять каждый комплекс⁷, многие из которых не опубликованы. Издание оказалось бессмысленной растратой сил и времени огромного коллектива людей. В истории науки останутся публикации памятников (из участвовавших в проекте это И.В. Сергацков (2000а), из не участвовавших, например, Л.С. Ильюков (Ильюков, Власкин, 1992)), а не «статистисты» на празднике археологии.

Основные сведения о выявленных находках сведены в табл. А. Очевидно, что она не полна. Вся информация перепроверялась. Ссылки на публикации приведены в таблице. Некоторые комплексы малоинформативны (Бережновка II, к. 85/п. 2, к. 100), другие дают выразительные хронологические основания. Чтобы не усложнять текст, обсуждаются только хронологически значимые сопровождающие находки, без учета керамики.

Вместе с фибулами ранне- и среднелатенской схемы, включая беляусский вариант, найдены в: Беляус, ск. 1, среди перемешанных костей от 20 и 13 погребений, по стратиграфическим наблюдениям О.Д. Дашевской может датироваться I в. до н. э. с допуском несколько более ранней даты (Михлин, 1980, с. 195, 197, 201, рис. 1: 1, 2: 3, 4: 5); Неаполь, п. 39; Капак-Таш, к. 1/кам. ск./п. 3. В последнем найдена и лучковая фибула II серии 4 варианта. Еще одна лучковая фибула I серии 1 варианта происходит из Битак, ск. 97. К ним примыкает комплекс Неаполь, п. 67, и Чистенькое, к. 1/п. 2. В могилах встречены наконечники ножен, железные пряжки с неподвижным крючком, веретенovidные унгентарии (Марченко, 1996, с. 41–44, рис. 6), рогатые навершия, поясные крючки.

Фибулы раннелатенской схемы датируются 2 пол. II – нач. I в. до н. э. (Кропотов, 2010, с. 38–39), среднелатенской схемы I серии 1

варианта – кон. II – I пол. I в. до н. э. (Кропотов, 2010, с. 41, 44), II серии 1 варианта – сер. I в. до н. э. – рубежом эр (Кропотов, 2010, с. 52 – № 35, с. 51).

Вместе с лучковыми *фибулами* найдены в: (I серии 2 варианта) Золотое, п. 91, Торгунский I, к. 1/п. 1, Усть-Альма, п. 857; (I серии 2 варианта, II серии 2 варианта, IV серии 2 варианта) Усть-Альма, ск. 92, Усть-Альма, ск. 450; (I серии 3 варианта) Тбилисская, к. 9; (I серии 3 варианта, IV серии 2 варианта) Усть-Альма, ск. 43; (I серии 4 варианта) Нимфей, К26, Неаполь, п. 3; (II серии 2 варианта) Усть-Каменка, к. 71⁸; (II серии 3 варианта) Неаполь, п. 58; (III серии – ?) Nyíregyháza–Felsősim, NE of Gyebbras tanya, site 161, grave 280.

Для комплекса Битак, ск. 97, предлагалась датировка 2 пол. II – нач. I в. до н. э. (Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 150), что не бесспорно и вызвало возражения (Пуздровский, 2007а, с. 82–83; Кропотов, 2010, с. 51, 70).

Лучковые *фибулы* I серии 1 варианта датируются сер. I в. до н. э. – сер. I в. н. э. (Кропотов, 2010, с. 71–72), 2 варианта – сер. I – нач. II в. (Кропотов, 2010, с. 74), 3 варианта – 1 пол. – сер. II в. н. э. (Кропотов, 2010, с. 75), 4 варианта – посл. треть II – не позднее сер. III в. н. э. (Кропотов, 2010, с. 80); II серии 2 варианта – 2 пол. I – нач. II вв. н. э. (Кропотов, 2010, с. 131), 4 варианта («инкерманские») – после сер. III в. (Кропотов, 2010, с. 136); IV серии 2 варианта («лебяжьи») – 2 пол. I – нач. II вв. н. э. (Кропотов, 2010, с. 161).

Вместе со *сложнопрофилированными фибулами* найдены в: Тбилисская, к. 9, Неаполь, п. 58.

Сильнопрофилированные *фибулы* II серии датируются II в. н. э., но встречаются и в нач. III в. н. э. (Скрипкин, 1977, с. 109–113; Кропотов, 2010, с. 229, 231).

Вместе с *фибулами с кнопкой* найдены в: Тавельские кург., 1897 г., материал сильно перемешан и при многократном использовании склепа, и в процессе хранения и включает детали уздечного набора IV в. до н. э., монеты, одна из которых определена как херсонесская III в. до н. э., двугольную брошь II серии со всадником, пружинную *фибулу-брошь*, лучковые *фибулы* I серии 2 варианта, поясные крючки, пряжки, браслеты со змеиными головками, кольца с выступами (Труфанов, 2004б).

Фибулы с кнопкой 1 варианта датируются 2 пол. I – нач. II в. н. э. (Кропотов, 2010, с. 213). *Двугольные броши* со всадниками датируют-

ся 2 пол. II – I вв. до н. э. (Михлин, 1980, с. 206; Кропотов, 2010, с. 291).

Вместе с *фибулами-брошами* найдены в: Усть-Альма, ск. 43, форма 8, ск. 92, форма 8, ск. 450, формы 10 и 13.

Фибулы-броши формы 8 относятся к 2–3 четв. I в. н. э. (Riha, 1979, s. 183; Feugere, 1985, s. 335–344; Кропотов, 2010, с. 305), формы 10, 13 – 2 четв. – сер. I в. н. э. (Riha, 1979, s. 198–199; Кропотов, 2010, с. 305).

Вместе с *фибулами с завитком* найдены в: Усть-Альма, ск. 43, Усть-Альма, ск. 92, Усть-Альма, ск. 450, Нижнеарметовский, 1977 г.

Фибулы с завитком I серии датируются 2 пол. I – II вв. н. э. (Кропотов, 2010, с. 183). Общие датировки группы достаточно широки: II – 1 пол. III в. (Кропотов, 2010, с. 183, 201, 204). Для сарматских могильников Южного Урала *фибулы с треугольной спинкой* характерны для второй хронологической группы В.Ю. Малашева – 1 пол. – сер. III в. (Малашев, 2013, с. 104, 106).

Вместе с *фибулами Авцисса* найдены в: Усть-Альма, ск. 450.

Фибулы авцисса, форма 2, датируются кон. I до н. э. – 1 пол. I в. н. э. (Riha, 1979, s. 114–120; Feugere, 1985, s. 312–328; Кропотов, 2010, с. 265).

Вместе с сильнопрофилированной *фибулой с расширенной головкой* найдены в: Усть-Альма, п. 691.

Сильнопрофилированные *фибулы с расширенной головкой* датируются 2 пол. I – нач. II в. н. э. (Кропотов, 2010, с. 259).

Перечисленные типы и варианты *фибул* образуют 2-ю, 3-ю, и 4-ю хронологические группы *фибул* по В.В. Кропотову соответственно, (2) кон. I в. до н. э. – сер. I в. н. э., период, непосредственно предшествующий широкому распространению римского импорта, (3) 2 пол. I – нач. II в. н. э., период расцвета среднесарматской культуры, (4) 2–3 четв. II в. н. э., начальный период позднесарматской культуры (Кропотов, 2010, с. 332–333, рис. 98, 98а).

Для этих могил характерны находки *фаянсовых бусин* – биноклей, скарабеев, львов, лягушек, фаллосов, кукишей, виноградных гроздей, герм, амфор, Беса; бусин Алексеева – 78, 215–217, 249, 425–426/428, 486, и др. (Алексеева, 1978; 1982; Стоянова, 2004; 2006д); амулетов (актуальная сводка – Труфанов, 2011): человечков, ажурных (Рыжова, 2005), киров (Стоянова, 2005), ведерковидных подвесок (актуальное обсуждение – Иштванович, Кульчар, 2017); ножных браслетов и

колец с выступами; браслетов со змеиными головками (дробная хронология – Труфанов, 2001); зеркал-подвесок (актуальное обсуждение – Труфанов, 2007); единично встречаются венки (Трейстер, 2014; Труфанов, Мордвинцева, 2016, с. 208), лицевые пластины (Зайцев, 2004). Очень необычный браслет, с четырьмя продольными ребрами и двумя поперечными гребнями, найден в Неаполь, п. 3. Он может иметь какое-то отношение к кругу восточно-европейских эмалей (см.: Хомякова, 2018, с. 86–94, рис. 69–79).

Антропоморфные подвески распространены в последней трети I – нач. III в. н. э. (Труфанов, 2011, с. 231–232), ажурные появляются в комплексах с посл. четверти I в. н. э. – до I пол. IV в. н. э. (Труфанов, 2011, с. 251–252).

Зеркала большого диаметра с *валиком по краю* и клиновидной ручкой (новая сводка – Глебов, 2019) наиболее популярны в начале раннесарматского периода (Глебов, 2019, с. 88), но встречаются на протяжении всей раннесарматской эпохи до I в. н. э. (Скрипкин, 1990, с. 144): постепенно меняется форма диска: с плоского (Алитуб, к. 3/п. 20) на утолщенный в центральной части (Панинардис, п. 2/1972, Алитуб, к. 26/п. 1). *Зеркала-подвески* (Усть-Альма, ск. 43, Панинардис, п. 2/1972, Неаполь, п. 58, Неаполь, п. 3, Кобяково, п. 329, Нижнеарметовский, 1977 г.) ранних вариантов, с коническим выступом в центре – с нач. I в. минимум до сер., но, возможно, до кон. II в. н. э. (Стоянова, 2019), без орнамента – с последней трети I в. н. э., поздние, орнаментированные – I пол. II – кон. III в. н. э. (Труфанов, 2007, с. 180, рис. 6).

Подковообразные пряжки из Тавельских курганов, Усть-Альма, ск. 43, ск. 92, могут быть датированы кон. I в. до н. э. – I пол. I в. н. э. (Труфанов, 2004а, с. 162, 168; 2005–2009, с. 214), но доживают и до нач. III в. н. э. (Масякин, 2007, с. 130). *Дугоконечные пряжки Раддац-С* из Усть-Альма, ск. 92, ск. 777, вариант Б, относятся ко 2 трети – 3 четв. I в. н. э. (Труфанов, 2004а, с. 168; 2005–2009, с. 217). *Восьмерковидные пряжки Раддац-У* из Усть-Альма, ск. 777, Койсуг, к. 4/п. 32, возможно, Усть-Лабинская, к. 35, датируются I пол. I в. н. э. (Труфанов, 2004а, с. 164, 168, рис. 2: 8; 2005–2009, с. 214, 217). *Укороченные дугоконечные пряжки*, вариант Б (Тавельские кург.) – сер. II – нач. III в., но встречаются и позже (Труфанов, 2004а, с. 168; 2005–2009, с. 217–218; актуальное обсуждение – Костромичев, 2015).

Круглые пряжки равномерной толщины (Усть-Альма, ск. 92, Усть-Альма, ск. 43, Нимфей, К26, Лехкч-Корт, п. 1, Вербовский II, к. 8/п. 1, Октябрьский V, к. 1/п. 1, Покровка 2, к. 9/п. 1) с прямыми или чуть прогнутыми язычками существуют длительное время, но распространение получают в I–II в. н. э., с III в. передняя часть рамки начинает слегка утолщаться (Труфанов, 2005–2009, с. 218). С сер. II в. н. э. такие *пряжки*, тип *Малашев-П1* (Усть-Альма, ск. 43, Казанская/Тифлисская, к. 42, Маляевка V, к. 7/п. 5), приобретают щиток, часто длинный (Малашев, 2000, с. 195, 209, рис. 2). На следующем этапе развития (сер. – 2 пол. III в.) появляется фасетировка, тип *Малашев-П8* (Покровка 2, к. 9/п. 1), им соответствуют наконечники (Малашев, 2014, с. 139, рис. 6: 6–8). Они особенно показательны для «всаднического горизонта» раннего этапа позднеарматской культуры (Красноперов, 2019, прим. 26; актуальный обзор – Безуглов, 2017). Уже не фасетированные экземпляры с круглым щитком и прогнутым язычком, типа *Малашев-П2а* (Курское, п. 21, Нижнеарметовский, 1977 г.), бытуют весь III в., круглые и овальные пряжки с небольшим утолщением в передней части рамки, фасетированными язычками с уступом у основания спереди, со щитками разных форм, тип *Малашев-П7* (Лехкч-Корт, п. 1), распространяются во 2 пол. III в. (Малашев, 2000, с. 196). Пряжки с овальными рамками, расширенными в передней части, овальными щитками, язычками, охватывающими рамку до середины высоты, с уступом у основания сзади, тип *Малашев-П10* (Суворово, ск. 38), бытуют с сер. III и весь IV в. (Малашев, 2000, с. 196; Труфанов, 2005–2009, с. 221).

Мечи с серповидным навершием (Бережновка ЮЗГ, к. 1/п. 11) заканчивают существование в кон. I в. до н. э. (Абрамова, 1969; 1983, с. 37; Скрипкин, 1990, с. 138; Симоненко, 2010, с. 40), с *кольцевидным навершием* (актуальная сводка – Скрипкин, 2005) (Ясырев III, к. 1/п. 7, Усть-Альма, ск. 777, Усть-Альма, ск. 92, Донской, к. 6/п. 23; возможно: Койсуг, к. 4/п. 32, Маляевка V, к. 7/п. 5) характерны для I – I пол. II в. н. э., но используются до кон. II – I пол. III в. до н. э. (Скрипкин, 1990, с. 124–125; Симоненко, 2010, с. 39–40; Трейстер, 2008; 2010; Лимберис, Марченко, 2020). *Длинные мечи* (Никольское IV, к. 1/п. 3, Лехкч-Корт, п. 1, Октябрьский V, к. 1/п. 1), в т. ч. с насадным «изломанным» перекрестием (Усть-Альма, ск. 777) (Безуглов, 2000, с. 176; 2017, с. 95–96),

являются показательным атрибутом позднесарматских «всаднических комплексов».

Несколько погребений среднесарматского времени отличаются исключительной выразительностью инвентаря. В Тбилисская, к. 9, найден «канделябр» (см.: Шевченко, 2006). *Удила с псаллиями с выступами*, в т. ч. *декорированные инкрустацией* (Усть-Альма, ск. 777, Октябрьский V, к. 1/п. 1) редки (также: Новый, к. 67/п. 5, к. 71/п. 1, к. 80/п. 3, к. 80/п. 8, к. 98/п. 1, Царский, к. 64/п. 1, Воздвиженская, Нижняя Добринка, к. 2, Андреевский кург., п. 28) (Власкин, 1990; Ильюков, Власкин, 1992, рис. 20: 1, 21: 1, 24: 2,4, 25: 7, 29: 16; Гущина, Засецкая, 1989, табл. V – кат. 48; Сергацков, Захаров, 2006; Гришаков, Зубов, 2009, рис. 22: 5). Такой прием украшения распространяется во 2 пол. I – нач. II в. н. э., а позже сменяется точечной расчеканкой (Гугуев, Безуглов, 1990, с. 172–173; Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009, с. 100). В большинстве случаев эта традиция сопряжена с находками *предметов «бирюзово-золотого стиля»* (Усть-Лабинская, к. 35, Октябрьский V, к. 1/п. 1) (сводки – Мордвинцева, 2003; Трейстер, 2020а, рис. 2: 1, 2, с. 384–385; актуальное обсуждение – Засецкая, 2019).

Флакон относится к серии изделий I–III вв. с округлым, овальным или яйцевидным туловом, цилиндрическим, высоким или низким горлом и плотно прилегающей крышкой. В настоящее время известно более двух десятков таких находок, значительная часть которых хранится в Государственном Эрмитаже (Treister, 2004, p. 140–155, 164–179, fig. 9–31; Засецкая, 2004, с. 54, 58). Относится ко 2-й группе по классификации К.М. Скалон, с гладкой поверхностью. Все флаконы данной группы датируются в пределах I в. (Скалон, 1961, с. 138; Мимоход, Успенский, 2019, рис. с. 59: б, с. 51), но бронзовый экземпляр (Алитуб, к. 26/п. 1) является более дешевым подражанием.

Находки *котлов* (Алитуб, к. 3/п. 20, Октябрьский V, к. 1/п. 1) подробно проанализированы (Демиденко, 2008).

Группу комплексов, но хронологически неоднородную, образуют находки *металлической* (сковорода, тазы, кувшин, стакан, ковш, ойнохоя, чаши с медальонами; сосуд с зооморфной ручкой – актуальное обсуждение: Засецкая И.П., 2011) и *стеклянной*: канфар (Октябрьский V, к. 1/п. 1) (Засецкая, Марченко, 1995; актуальная сводка – Трейстер, 2019в), чаша миллефиори (Алитуб, к.26/п.1) (Симоненко, 2006б), *посуды* (неоднократно и

подробно обсуждались: Раев, 1986; Раев, 1993; Глухов, 2005, с. 16–20, 48–53; Simonenko, 2008; Симоненко, 2011; Лимберис, Марченко, 2006; Marčenko, Limberis, 2008; Трейстер, 2018а; 2018б; 2019а; 2019б; 2020б; 2020в; 2020г).

Самый поздний комплекс из до-гуннских, Суворово, ск. 38, около сер. IV в. н. э., где найдены стеклянные кувшины и чаша (Сорокина, 1965; Кунина, 1997; Шабанов, 2015, с. 223), амфоры Шелов-F (Шелов, 1978; актуальное обсуждение – Диденко, 2014), фибула Амброз-16-3/Гороховский-Б3б, пряжки Малашев-П10, зеркало с центральной петлей и ячеистым орнаментом, подвеска (щиток пряжки – ?) стиля «Закшув-Кишпек» (Шаров, 2019; библиография – Красноперов, 2019, прим. 9, 20, 21).

Наконечники стрел как хронологический индикатор

Большинство авторов, которые сталкивались с находками «ранних» наконечников стрел в «поздних» комплексах, автоматически причисляли их к амулетам (Сымонович, 1983, с. 85; Скрипкин, 1990, с. 74; 2000, с. 144⁹; Дашевская, 1991¹⁰, с. 34; Гущина, Засецкая, 1994, с. 10, 23; Юрочкин, Труфанов, 2003, с. 204; Шинкарь¹¹, 2006, с. 59; 2007; Пуздровский, 2007б, с. 283; Горбенко, Косяненко, 2011, с. 89, 163; Глебов, Толочко, 2016, с. 46, 55¹²) без обсуждения типа и контекста находки. Источником такой уверенности были устойчивые штампы об «окончательной замене бронзовых наконечников железными ко II в. до н. э.» (Смирнов, 1961, с. 70; Мошкова, 1962, с. 82; Скрипкин, 1990, с. 134–135; Клепиков, 2002, с. 42; Клепиков, Скрипкин, 2002, с. 65; Шинкарь, 2006, с. 58).

Отрицать типологическую динамику наконечников не приходится, она очевидна: исчезновение шипа и постепенное удлинение головки у втульчатых и замещение их черешковыми. Это подтверждается неоднократными наблюдениями над соотношением типов в наборах. Но откуда такая уверенность в хронологии событий?

Прежде всего – находки не единичны. И списывать такое количество исключительно на амулеты уже затруднительно. Бесспорно, ранними являются наконечники с шипом, периодически встречающиеся в среднесарматских комплексах. В ряде случаев зафиксировано их нахождение среди скоплений амулетов: Соколова Могила (Ковпаненко, 1986, рис. 100: 6, 101: 7), Алитуб, к. 3/п. 20, Алитуб, к. 26/п. 1, Тбилисская, к. 9, края подпилены (Ждановский, 1984, с. 87), Тифлисская, к. 20,

и т. д. В других стрелы определенно использовались как боевые: Танаис, п. 1/НЗ/1996, найден с остатком древка в колчане вместе с железными втульчатыми (Глебов, Ильяшенко, Толочко, 2004, с. 293, 295), Битак, ск. 97 (Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 149), Nyíregyháza–Felsősim, NE of Gyebbras tanya, site 161, grave 280, Nyíregyháza–Oros (Istvánovits, Kulcsár, 2014, p. 145).

Промежуточный вывод № 1: Апелляции к просто находкам бронзовых стрел не работают. Всегда обязательна характеристика типа. Ранняя хронологическая позиция каких-то типов возражений не вызывает, другие имеют продолжительное время бытования.

Для примера хронологии¹³ можно обратиться к наиболее ярким комплексам, с находками римской бронзовой посуды. Разница во времени производства вещей из Алитуб, к. 26/п. 1, вызвала обширную дискуссию (Раев, 2006, с. 93–95; Симоненко, 2006а, с. 103–107, рис. 1): по мнению Б.А. Раева, с учетом неточной атрибуции монет, – нач. 2 пол. I в. н. э. (Раев, 1986, p. 10, 48); А.В. Симоненко, с опорой на аналогии стеклянной чаше, – кон. I до н. э. – нач. I в. н. э. (Симоненко, 2011, с. 74); М.Ю. Трейстер, основываясь на находках ковшей Эггерс-136, – тем же временем (Трейстер, 2020б, с. 36–37). Монеты из комплекса подробно разобрал С.И. Безуглов, отметивший их редкость и принадлежность к хронологическому интервалу с 12 г. до н. э. по 14 г. н. э. – времени появления статеров с монограммой ВАР, принадлежащих чекану Аспурга (Безуглов, 2001). Очень жестко с историческими событиями иберо-парфянской войны 35 г. связывает поступление вещей в Октябрьский V, к. 1/п. 1 (и некоторые другие памятники), М.Ю. Трейстер: серебряные чаши не позднее 1 пол. I в. до н. э., в пределах I в. до н. э. следует датировать бронзовый таз с литыми ножками в форме катушек и атташами ручек в виде масок Силена, стеклянный скифос 1 пол. I в. н. э. (Трейстер, 2018б, с. 150), что встречает не менее жесткие возражения (Балахванцев, 2020). Предполагается, что либо в Усть-Альма, ск. 844, было два погребения разного времени (одно – с бронзовым сервизом из ойнохой и патеры, датирующееся сер. – 3 четв. I в. н. э., а второе – с кувшином, совершенное в последней четв. I или на рубеже I–II вв. н. э.), либо это было одно погребение, датируемое 3 четв. I в. н. э. (Пуздровский, 2005–2009, с. 337). Но наборы из ойнохой типа Миллинген и патеры типа Кентрбери, хотя и появились еще во 2 четв. I в. н. э., но были распространены и во

II и встречались даже в комплексах III в. н. э. (Трейстер, 2018а, с. 221–222).

Промежуточный вывод №2: Апелляции к просто находкам бронзовых стрел не работают. Всегда обязателен контекст находки. Единичный экземпляр может запаздывать на произвольное время. Наборы стрел, вероятно, должны быть более точны.

Для населения средне- и позднесарматского времени в рассмотренных регионах в принципе не характерно помещение стрел в погребения (Кожухов, 1994, с. 11 – цит. по: Малышев, 2008, с. 160; Симоненко, 2010, с. 104, 106; Кривошеев, 2005д, с. 132; Малашев, 2013д, с. 85, 87–88). Это особенно заметно в сопоставлении с количеством находок мечей. Но заподозрить, что оружие дальнего боя было полностью исключено, невозможно. Стрелы нужны хотя бы для охоты: трудно ходить на птицу и быстрого зверя с коротким мечом. А железные втульчатые наконечники в Предкавказье, на Кубани, даже на Дону, продолжают использоваться до I в. н. э. (Петренко, 1992, с. 33; Абрамова, 1993, с. 74–76, 148; Марченко, 196, с. 57–67; Глебов, 2017, с. 55). Показательна ситуация на Кавказе¹⁴, где мелкие железные втульчатые двухлопастные наконечники с треугольной головкой и костяные втульчатые четырехгранные с треугольной головкой зафиксированы в комплексах 1 пол. III в. н. э. Обе разновидности не имеют аналогий в синхронных степных памятниках, что дало возможность В.Ю. Малашеву предположить существование локальных региональных серий (Малашев, 2016, с. 37–38). Аналогично на Венгерской Равнине, где количество находок уже достаточно, чтобы говорить о регулярности использования «скифских» стрел сарматами в римское время (Istvánovits, Kulcsár, 2014, p. 145, 148).

Отсутствие стрел в могилах – все-таки – обрядовая черта (см.: Симоненко, 2010, с. 106). Но отсутствие не дает возможность описать типы, бытующие в живой культуре. Однако и не должно позволять утверждать, что типы более раннего времени прекратили свое существование. Отсутствие чего-либо – это лишь отсутствие информации об объекте (категории находок).

Промежуточный вывод № 3: Стрелы – функциональный инвентарь. Они должны быть эффективными и не обязаны быть модными. Нахождение «эффективной формы» стабилизирует тип функционального инвентаря на столетия: этнографический нож не сильно отличается от ножа железного века.

Это не позволяет абсолютизировать хронологические возможности таких вещей.

Еще раз нужно подчеркнуть: 1) находки бронзовых наконечников в позднем контексте не единичны; 2) стрелы в составе погребального инвентаря для средне- и позднесарматского времени не характерны; 3) зафиксированы (Танаис, п. 1/НЗ/1996) случаи одновременного использования в колчане

железных и бронзовых стрел; 4) логическое допущение – утверждать неиспользование сарматами лука и стрел невозможно. Продолжать всеми силами цепляться за ссылки на ничем не обоснованные датировки 65-летней давности смешно. Необходимо очень подробное рассмотрение вопроса, планомерный сбор конкретных фактов находок, обсуждение хронологии и обстоятельств.

Примечания:

¹ Самостоятельное мнение из перечисленных у В.Ю. Зуева (1999, с. 321–322; 2004, с. 217–218) и С.В. Демиденко (2007), которые не переписывали, а рассмотрели конкретные находки.

² Ёмкую характеристику дал В.Ю. Зуев: «Для памятников прохоровской культуры мы практически не имеем полноценно изданных археологических комплексов. В публикациях комплексы иллюстративно раскладывались по категориям находок: в одну таблицу помещались наконечники стрел, в другую – керамика, в третью – мечи и кинжалы, и т.д. Словесные описания сопровождалась выборочными иллюстрациями, дающими лишь общее представление о типах находок» (Зуев, 2000, с. 99).

Та же ситуация относится ко многим другим периодам и территориям.

³ Эта работа не смогла бы состояться без помощи щедро делившихся литературой: Д.Г. Бугрова (Казань), И.В. Толочко (Ростов-на-Дону), Д.А. Топала (Кишинев), О.А. Щегловой (Санкт-Петербург), И.О. Гавритухина (Москва).

⁴ Упоминаются также Ордынский бугор, к. 1, В. Погромное, к. 6/п. 8 – оба со ссылками на отчеты, и Аткарский, к. 11, эту публикацию найти не удалось.

⁵ Упоминаются также Подгорненский IV, к. 30/п. 7, Подгорненский I, к. 1/п. 9 – без прямых ссылок. Из Подгорненский I, к. 1/п. 9 и Подгорненский IV, к. 30/п. 7 опубликованы только зеркала с валиком по краю и плоское (Глебов, 2019, рис. 3: 8, 1: 5) и сосуд (Глебов, 2007б, рис. 6: 15).

⁶ Мне остались недоступны две публикации (Шевченко, 1993; Ждановский, 1988).

⁷ Втульчатые стрелы кодируются 31С, бронзовые – 32В (Среднесарматская культура, 2002, с. 31). Комплекс 415/1 – Новый, к. 46/п. 2. Опубликован (Ильюков, Власкин, 1992, с. 59, рис. 12), таких стрел нет. Зато стрелы есть в Усть-Лабинская, к. 35 (Гушина, Засецкая, 1994, кат. 403) – 814/1, Тифлисская, к. 20 (Гушина, Засецкая, 1994, кат. 319) – 805/1, что никак не отмечено в «статистике».

⁸ Наконечник стрелы найден на уровне горизонта в засыпи.

⁹ Упомянуты находки: Бережновка I, к. 35/п. 17, Белокаменка, к. 7/п. 3. В действительности это к. 3/п. 7 (Клепиков, 2002, рис. 7: 45, 11: 11, 29: 8, 30: 15). Оба комплекса – раннего времени.

¹⁰ О.Д. Дашевская указывает находки в имении Талаевой, раскопки 1895 г. (ОАК за 1895 г., 1897, с. 14–15). Комплекс долгое время был известен только по неопределимому описанию: лепной сосуд, браслет, бусы (Дашевская, 1991, табл. 60: 7, с. 53 – №23). Материал недавно опубликовали С.Г. Колтухов и С.Н. Сенаторов (2016, № 22, с. 91–93, рис. 31: 1–3). По их мнению, могила относится к IV в. до н. э. (2016, с. 93), но основания для какой-либо датировки, ввиду невыразительности, не очень убедительные.

¹¹ Упомянуты находки: Кривая Лука VIII, к. 9/п. 6 (убит стрелой), Кривая Лука VIII, к. 1/п. 10, к. 8/п. 15, Кулешовка, к. 1/п. 17, Красногоровка I, к. 22/п. 10, Ильевка, к. 4/п. 2, Старица, к. 36/п. 1, Соленое Займище, к. 10/п. 7, Ясырев I, к. 8/п. 9. В последнем случае погребение до железного века, наконечник кремневый (Мошкова, Федорова-Давыдова, 1974, с. 49). Соленое Займище, к. 10/п. 7 (Дьяченко, Железчиков, 1995, с. 160, рис. 6: 1,6,7), раннего времени, как и Кулешовка, к. 1/п. 17, откуда удалось найти короткий меч с серповидным навершием без перекрестья (Скрипкин, 1990, рис. 17: 17, 20: 16). Из Ильевка, к. 4/п. 2, изданы сосуд и зеркало (Скрипкин, 1990, рис. 14: 11, 35: 18). Остальные не опубликованы.

¹² Этим обстоятельством объяснено исключение находок единичных наконечников из каталога «женских раннесарматских погребений с оружием» (Глебов, Толочко, 2016, с. 55 – прим.2). Это была бы очень интересная сводка, крайне полезная и для этой работы.

¹³ Хронология крымских могильников много лет разрабатывается А.А. Труфановым. В сжатом варианте с перечислением конкретных комплексов и дат можно увидеть в: (Труфанов, 2011, с. 260–265, табл. 1).

¹⁴ М.П. Абрамова указывает на находки бронзовых наконечников стрел в Нижнедзулатском, Ханкальском, Комаровском, Грушевском могильниках (Абрамова, 1993, с. 68, 74), но без номеров комплексов и ссылок.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М.П. Сарматская культура II в. до н.э. – I в. н.э. (По материалам Нижнего Поволжья. Суловский этап) // СА. 1959. №1. С. 52–71.

Абрамова М.П. Мечи и кинжалы центральных районов Северного Кавказа в сарматское время // Древности Восточной Европы. К 70-летию А.П. Смирнова / МИА. №169 / Отв. ред. Л.А. Евтюхова. М.: Наука, 1969. С. 3–10.

- Абрамова М.П.* О хронологии ранней группы погребений Нижне-Джулатского могильника // КСИА. Вып. 176. М.: Наука, 1983. С. 34–40.
- Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.) // Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья. Вып. 2 / Отв. ред. серии Г.Е. Афанасьев и Ф. Дайм при участии Д. Кидда. М.: ИА РАН, 1993. 240 с.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1978. 120 с.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1982. 105 с.
- Арсеньева Т.М.* Могильник у деревни Ново-Отрадное // Поселения и могильники Керченского полуострова начала н.э. / МИА. №155 / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1970. С. 82–149.
- Бабенчиков В.П.* Некрополь Неаполя скифского // История и археология древнего Крыма / Отв. ред. П.Н. Шульц. Киев: АН УССР, 1957. С. 94–141.
- Балахванцев А.С.* Сарматские походы в Закавказье: мифы и реальность // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. Материалы международной научн. конф. «XXXI Крупновские чтения» / Отв. ред. М.С. Гаджиев. Махачкала, 2020. С. 184–186.
- Безуглов С.И.* Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону / Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1 / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов на-Дону: Терра, 2000. С. 169–193.
- Безуглов С.И.* Находки античных монет в погребениях кочевников на Нижнем Дону // Донская археология. 2001. №1–2. С. 57–61.
- Безуглов С.И.* Позднесарматский курган у станицы Камышевской на Дону // Вестник Танаиса. Вып. 4 / Научн.ред. С.М. Ильяшенко. Недвиговка, 2017. С. 84–147.
- Безуглов С.И., Глебов В.П., Парусимов И.Н.* Позднесарматские погребения в устье Дона (курганый могильник Валовый I). Ростов-на-Дону: Медиа-Полис, 2009. 128 с.
- Вадаи А.Х., Кульчар В.* К вопросу о так называемых сарматских пряжках // ААН. Т.36. 1984. S. 239–261.
- Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Могильник сарматской эпохи на горе Лехкч-Корт (юго-восточная Чечня) // СА. 1974. №1. С. 171–180.
- Власкин В.М.* Уздечный набор с тамгообразными псалиями из могильника «Новый» // ИАИАНД в 1989 г. Вып. 9 / Отв. ред. В.Е. Максименко. Азов, 1990. С. 64–68.
- Высотская Т.Н.* Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. 207 с.
- Глебов В.П.* Вооружение и военное дело кочевников нижнего Подонья раннесарматского времени (II-I вв. до н.э.) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, А.Д. Таиров. Челябинск: ЮУрГУ, 2007а. С. 88–98.
- Глебов В.П.* Специфика становления раннесарматской культуры на нижнем Дону // Региональные особенности раннесарматской культуры. Мат-лы семинара. Вып. II / Отв. ред. И.В. Сергацков. Волгоград: ВолГУ, 2007б. С. 59–82.
- Глебов В.П.* Сираки на Дону. О погребениях предкавказского облика II-I вв. до н.э. в Нижнем Подонье // VII «Анфимовские чтения» по археологии западного Кавказа. Социально-экономическое развитие населения западного Кавказа в древности и средневековье. Мат-лы Международн. научн. конф. (г.Краснодар, 31 мая – 2 июня 2017 г.) / Ред.колл. Р.Б. Схатум. Краснодар: ИП Смородин, 2017. С. 53–62.
- Глебов В.П.* Зеркала раннесарматской культуры нижнего Подонья // НАВ. 2019. Т.18. №2. С. 86–104.
- Глебов В.П., Ильяшенко С. М., Толочко И.В.* Оружие из некрополя Танаиса эллинистического времени // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч.1 / Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб.: ГЭ, 2004. С. 292–307.
- Глебов В.П., Толочко И.В.* Женские погребения с оружием на нижнем Дону в эпоху позднего эллинизма: Танаис и сарматы // Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона: мат-лы Всероссийской научн. конф. с международным участием, посвящ. 70-летию юбилею Б.А. Раева (Кагальник, 20-21 октября 2016 г.) / Отв. ред. С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2016. С. 44–84.
- Глухов А.А.* Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н.э. Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2005. 238 с.
- Гмыря Л.Б.* Паласа-Сыртский курганный могильник IV-V вв.: 130 лет исследований // Вестник ИИАЭ. 2011. №4. С. 36–80.
- Горбенко А.А., Косяненко В.М.* Некрополь Паниардиса (Крепостного городища) / Донские древности. Вып. 11. Азов: Азов. музей-заповедник, 2011. 512 с.
- Грач Н.Л.* Некрополь Нимфея. СПб.: Наука, 1999. 328 с.
- Гришаков В.В., Зубов С.Э.* Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы / Археология евразийских степей. Вып. 7. Казань: Институт Истории им. Ш. Марджани АН РТ; Самарский муниципальный институт управления, 2009. 173 с.

Гугуев В.К., Безуглов С.И. Всадническое погребение первых веков нашей эры из курганного некрополя Кобякова городища на Дону // СА. 1990. №2. С. 164–175.

Гущина И.И., Засецкая И.П. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – нач. II в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы / Труды ГИМ. Вып. 70 / Отв. ред. М.П. Абрамова. М.: Наука, 1989. С. 71–141.

Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье / Российская археологическая библиотека. Вып. 1. СПб.: Фарн, 1994. 172 с.

Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму / САИ. Вып. Д1-7. М.: Наука, 1991. 142 с.

Дашевская О.Д. Третье захоронение гуннского времени на Беляусе // РА. 2003. №1. С. 160–163.

Дашевская О.Д. Некрополь Беляуса. Симферополь: Предприятие Феникс, 2014. 284 с.

Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 г. // Древности Астраханского края / Труды Поволжской АЭ. Вып. 4 / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1977. С. 3–78, 83–194.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья / Отв. ред. К.А. Смирнов. М.: Наука, 1989. С. 14–132.

Демиденко С.В. Об одном из аспектов «проблемы III в. до н.э.» в сарматской археологии // РА. 2007. №2. С. 48–54.

Демиденко С.В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н.э. – III в. н.э.). М: URSS, 2008. 328 с., цв. ил.

Демиденко С.В. Новые исследования памятников ранних кочевников в низовьях Торгуна и Еруслана // Всадники Великой степи: традиции и новации / Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Т. IV / Науч. ред. А. Онгар. Астана: ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2014. С. 8–21.

Диденко С.В. Хронология светлоглиняных узкогорлых амфор типов Шелов D и F (по материалам погребальных комплексов) // Черняхівська культура: до 120-річчя від дня народження В.П. Петрова / ОІУМ. №4 / Відп.ред. О.В. Петраускас, С.А. Горбаненко. К.: Інститут археології НАН України, 2014. С. 34-48.

Дьяченко А.Н., Железчиков Б.Ф. Раскопки могильной группы у села Соленое Займище // Донские древности. Вып. 4 / Отв. ред. С.И. Лукьяшко. Азов, 1995, С. 149–168.

Ждановский А.М. Подкурганные катакомбы Среднего Прикубанья первых веков нашей эры // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа / Отв. ред. Н. И. Кирей. Краснодар: КубГУ, 1984. С. 72–99.

Ждановский А.М. Классификация наконечников стрел курганных погребений Среднего Прикубанья сарматского времени // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа / Под ред. В.Б. Виноградова. Краснодар: КГУ, 1988. С. 54–68.

Зайцев Ю.П. Скилур и его царство (Новые открытия и новые проблемы) // ВДИ. 1999. №3. С. 127–148.

Зайцев Ю.П. Золотые «лицевые» пластины в позднескифской культуре Крыма // Ювелирное искусство и материальная культура. Тез. докл. участников тринадцатого коллоквиума (12-18 апреля 2004 г.) / Сост. Н.А. Захарова. СПб: ГЭ, 2004. С. 47–50.

Зайцев Ю.П., Мордвинова В.И. Подвзятые фибулы в варварских погребениях Северного Причерноморья позднеэллинистического периода // РА. 2003. №2. С. 135–154.

Засецкая И.П. Золотой флакон сарматской эпохи // СГЭ. Вып. LXII. СПб.: ГЭ, 2004. С. 54–61.

Засецкая И.П. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб.: Эрмитаж, 2011. 328 с.

Засецкая И.П. Искусство звериного стиля сарматской эпохи (II в. до н.э. – начало II в. н.э.). Симферополь: «Антиква». 2019. 184 с.

Засецкая И.П., Ильюков Л.С., Косяненко В.М. Погребальный комплекс среднесарматской культуры у хут.Алитуб // Донская археология. 1999. №2. С. 51–60.

Засецкая И.П., Марченко И.И. Классификация стеклянных канфаров позднеэллинистического и раннеримского времени // АСГЭ. Вып. 32 / Ред. М.Б. Щукин. СПб.: ГЭ, 1995. С. 90–104.

Захаров А.В. Сарматское погребение в кургане «Крестовый» // Сарматы и их соседи на Дону / Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1 / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов на-Дону: Терра, 2000. С. 27–45.

Зубов С.Э. Хроноиндикаторы раннепьяноборских могильников Икско-Бельского междуречья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. II Междунар. Нижневожж. Археол. Конф., г. Волгоград, 12-15 нояб. 2007 г.: тез. докл. / Отв. ред. А. В. Кияшко, А. С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2007. С. 87–96.

Зубов С.Э., Саттаров Р.Р. Наконечники стрел пьяноборской культуры как хронологические маркеры (по материалам погребальных комплексов Кипчаковского I курганно-грунтового могильника) // XXI Уральское археологическое совещание, посвящ. 85-летию со дня рожд. Г.И. Матвеевой и 70-летию со

дня рожд. И.Б. Васильева. Мат-лы Всероссийской научн. конф. с международным участием. Самара: СГСПУ; ООО «Порто-принт», 2018. С. 210–214.

Зуев В.Ю. К вопросу о «савроматской» культуре. СПб.: ГЭ, 1997. 42 с.

Зуев В.Ю. Раннесарматская культура IV–III вв. до н.э. Статистический феномен и археологическая реальность (По поводу кн.: Стат. обраб. погреб. памятников Азиат. Сарматии. Вып. II. Раннесарм. культура. М.: ИА РАН, 1997. 277 с.) СПб.: [б. и.], 1998. 41 с.

Зуев В.Ю. О путях решения «проблемы III в. до н.э.» в периодизации археологических памятников сарматской эпохи // *Stratum plus*. 1999. №3. С. 305–324.

Зуев В.Ю. Основные проблемы хронологии «раннесарматской» культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. / Отв. ред. В.Н. Мышкин. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 85–104.

Зуев В.Ю. Среднесарматские и позднесарматские памятники на территории южного Приуралья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 межд. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Б.А. Раев. Краснодар: Фирма НСС, 2004. С. 205–220.

Зуев В.Ю. Красногорский курган // Золото, конь и человек. Сб. ст. к 60-летию А.В. Симоненко. / Отв. ред. Кривенко О. А. К.: Скиф, 2012. С. 385–410.

Ильюков Л.С., Власкин М.В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону: Ростовский ун-т, 1992. 288 с.

Иштванович Э., Кўльчар В. Ведерковидные подвески в сарматском Барбарикуме карпатского бассейна (1-5 вв. н.э.) // *Європейська археологія I тисячоліття н.е.: Збірник наукових праць на честь Л.В. Вакуленко* / Відп. ред. А.В. Скиба, С.А. Горбаненко. К., 2017. С. 51–62.

Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград: ВолГУ, 2002. 216 с.

Клепиков В.М., Скрипкин А.С. Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья // НАВ. Вып. 5. / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ. 2002. С. 47–81.

Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение I века н. э. на Южном Буге. Киев: Наукова думка, 1986. 145 с.

Колтухов С.Г., Сенаторов С.Н. Скифы Предгорного Крыма в VII–IV вв. до н. э. Курганы 1890–1892 и 1895 гг. (по материалам Н.И. Веселовского и Ю.А. Кулаковского) / Материалы к археологической карте Крыма. Вып. XVII. Симферополь: ИП Бровка А.А., 2016. 288 с.

Колтухов С.Г., Тощев Г.Н. Курганные древности Крыма. Вып. 2. Запорожье, 1998. 194 с.

Корпусова В.Н. Некрополь Золотое. К этнокультурной истории европейского Боспора. К.: Наукова думка, 1983. 184 с.

Костенко В.И. Сарматы в Нижнем Поднепровье по материалам Усть-Каменского могильника. Днепрпетровск: ДДУ, 1993. 152 с.

Костромичев Д.А. Ажурные пряжки с пельтовижной рамкой: вопросы типологии, хронологии и происхождения // *Stratum plus*. 2015. №4. С. 299–356.

Котович В.Г. Новые археологические памятники южного Дагестана // МАД. Т.1. / Отв. ред. Г.Д. Даниялов. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1959. С. 121–156.

Красноперов А.А. Пряжка из Бродовского могильника (Прикамье) в контексте полихромных стилей // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Ч. II / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Воронцов, Тула: гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2019. С. 103–190.

Красноперов А.А., Бахшиев И.И. Материалы Нижнеарметовского могильника позднесарматского времени из музейных собраний Башкирии // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019. Вып. 3 (25). С. 104–115.

Кривошеев М.В. Позднесарматская культура южной части междуречья Волги и Дона. Проблемы хронологии и периодизации. Дисс. ... канд. истор. наук. Волгоград, 2005д. 321 с.

Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 384 с.

Кунина Н.З. Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб: Арс, 1997. 360 с.

Куринских О.И. Наконечники стрел ранних кочевников Левобережного Илека VI–I вв. до н.э. (по материалам могильников у с. Покровка) // РА. 2011. №3. С. 42–54.

Ларенок В.А. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов некрополя Кобякова городища из раскопок 1999–2000 гг. Ч.1. Ростов-на-Дону: Донской ИД, 2013. 448 с.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Стекло миллефиори в сарматских погребениях // *Liber Archaeologicae*: сборник статей, посвящ. 60-летию Б.А. Раева / Ред. А.В. Симоненко. Краснодар, 2006. С. 51–77.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Хронология мечей с кольцевым навершием из меотских памятников правобережья Кубани // НАВ. 2020. Т.19. №2. С. 164–182.

Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы (Археологические и этнографические материалы по истории культуры и религии Средней Азии) / Могильники западной Ферганы. IV. М.: Наука, 1978. 216 с.

Максименко В.Е. Сарматские погребения в дельте Дона // СА. 1970. №2. С. 224–232.

- Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону: Рост. ун-т, 1983. 224 с.
- Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1 / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов на-Дону: Терра, 2000. С. 194-232.
- Малашев В.Ю. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II–III вв. н.э. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2013д. 301 с.
- Малашев В.Ю. Некоторые аспекты контактов носителей позднесарматской культуры южноуральских степей с населением лесной и лесостепной полосы Поволжья и Приуралья // УАВ. 2014. №14. С. 130–140.
- Малашев В.Ю. Памятники среднесарматской культуры северо-кавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н.э. М.: ИА РАН, 2016. 208 с.
- Малышев А.А. Погребальный инвентарь цемдолинского некрополя // Аспургиане на юго-востоке азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя / Отв. ред. А.А. Малышев. М.: Гриф и К, 2008. С. 136–180.
- Мамонтов В.И. Курганный могильник Шебалино // Древности Волго-Донских степей. Вып. 5. Волгоград: Перемена, 1995. С. 20–33.
- Мамонтов В.И. Древнее население левобережья Дона (по материалам курганного могильника Первомайский VII). Волгоград: ВолГУ, 2000. 149 с.
- Мамонтов В.И. Сарматские погребения из курганного могильника Вербовский II // НАВ. Вып. 9. Волгоград: ВолГУ, 2008. С. 170-197.
- Марченко И.И. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар: б/и, 1996. 336 с.
- Масякин В.В. Римские фибулы и детали ременной гарнитуры из некрополя Заветное // Древняя Таврика. Посвящ. 80-летию Т.Н. Высотской / Общ.ред. Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 125–138.
- Мимоход Р.А., Успенский П.С. Курганные могильники на Нижнем Дону // Новые археологические проекты: Воссоздавая прошлое / Под ред. Н.А. Макарова. М.: ИА РАН, 2019. С. 58-61.
- Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985. 148 с.
- Михлин Б.Ю. Фибулы Беляусского могильника // СА. 1980. №3. С. 194–213.
- Мордвинцева В.И. Полихромный звериный стиль. Симферополь: «Универсум». 2003. 216 с.
- Мошеева О.Н. Глазчатые бусы // РА. 2008. №4. С. 23–33.
- Мошкова М.Г. О раннесарматских втульчатых стрелах // КСИА. Вып. 89 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: АН СССР, 1962. С. 77–82
- Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры / САИ. Вып. Д1-10. М.: АН СССР. 1963. 56 с., 32 табл.
- Мошкова М.Г. Среднесарматские и позднесарматские памятники на территории южного Приуралья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 межд. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Б.А. Раев. Краснодар: Фирма НСС, 2004. С. 22-44.
- Мошкова М.Г. Максименко В.Е. Сарматские погребения ясыревских курганов нижнего Дона // КСИА. Вып. 133. М.: Наука, 1973. С. 72–79.
- Мошкова М.Г., Федорова-Давыдова Э.А. Работы Цимлянкой экспедиции 1970 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья. Ч.1 / Отв. ред. М.Г. Мошкова, Д.Б. Шелов. М.: Наука-ВЛ, 1974. С. 21–121.
- Мыськов Е.П., Кияшко А.В., Скрипкин А.С. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксяя // НАВ. Вып. 2. / Отв. ред. А.С. Скрипкин, Волгоград: ВолГУ, 1999. С. 149–167.
- Никитина Г.Ф. Могильник у с.Оселивка Кельменецкого района Черновицкой обл. // Могильники черняховской культуры. Вып. 2. / Отв. ред. В.В. Кропоткин. М.: Наука, 1988. С. 5–97.
- Никитина Г.Ф. Черняховская культура Поднестровья (по результатам анализа археологических источников). М.: Таус, 2008. 448 с.
- ОАК за 1895 г. СПб: Типография главного управления уделов, 1897. 201 с.
- Петренко В.А. Хронология сарматского погребального инвентаря Среднего Притеречья (III в. до н.э. – IV в. н.э.) // Проблемы хронологии сарматской культуры / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Саратов: Саратовский университет, 1992. С. 32–45.
- Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / МИА. № 142. М.: Наука, 1967. 198 с.
- Плетнёва С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 288 с.
- Пуздоровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.

Пуздровский А.Е. Ритуальные предметы из погребений «жриц» Усть-Альминского некрополя // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч.2 / Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб.: ГЭ, 2007. С. 278–285.

Пуздровский А.Е. Комплекс с бронзовой и серебряной посудой I в. н.э. из Усть-Альминского некрополя в Крыму // *Stratum plus*. 2005-2009. №4. С. 329–338.

Пуздровский А.Е., Труфанов А.А. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2000-2003 гг. Симферополь, М.: Типография ИП Зуева Т.В., 2017а. 298 с.

Пуздровский А.Е., Труфанов А.А. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004-2007 гг. Симферополь: ИП Бровко, 2017б. 372 с.

Пуздровский А.Е., Труфанов А.А., Юрочкин В.Ю. Охранные работы в Бахчисарайском р-не // АИК. 1995 г. / Отв. ред. В.Л. Мыц. Симферополь: Сонат, 2007. С. 117–125..

Раев Б.А. Бронзовая посуда эпохи позднего латена в Сарматии // *Античный мир и археология*. 1993. № 9. С. 160–175.

Раев Б.А. О новых датировках и старых проблемах, спорных моментах, и бесспорных истинах // Раннесарматская и среднесарматская культуры. Проблемы соотношения: материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. 1 / Отв. ред. В.М. Клепиков. Волгоград: ВолГУ, 2006. С. 91–100.

Рыжова Л.А. Бронзовые ажурные подвески из раскопок в ю-з Крыму // *Херсонесский сборник*. 2005. Вып. XIV. С. 283–290.

Саттаров Р.Р. К вопросу о применении импортных бронзовых наконечников стрел населением пьяноборской культуры // *Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: мат-лы XI Всероссийской научно-практической конф. молодых ученых* / Отв. ред. Э.В. Камалеев. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2017. С. 103–106.

Саттаров Р.Р. Импортные предметы в пьяноборской культуре (конец II в. до н.э. – II в. н.э.). Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2019. 167 с.

Сергацков И.В. Проблема формирования среднесарматской культуры // *Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья* / Отв. за Вып. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 1999. С. 137–155.

Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград: ВолГУ, 2000. 396 с.

Сергацков И.В. О конечной дате раннесарматской культуры // *НАВ*. Вып. 3. / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2000б. С. 113–122.

Сергацков И.В. К хронологии среднесарматской культуры нижнего Поволжья // *Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 межд. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории»* / Отв. ред. Б.А. Раев. Краснодар: Фирма НСС, 2004. С. 107–116.

Сергацков И.В., Дворниченко В.В., Демкин В.А. Курганный могильник Маляевка V // *Материалы по археологии Волго-Донских степей*. Вып. 1 / Отв. ред. И.В. Сергацков. Волгоград: ВолГУ, 2001. С. 13–63.

Сергацков И.В., Захаров П.Е. Сарматское погребение на севере Волгоградской области // *РА*. 2006. №1 С. 117–123.

Симоненко А.В. Погребение у с.Чистенькое и «странные комплексы» последних вв. до н.э. // *НАВ*. Вып. 4. / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2001. С. 92–106.

Симоненко А.В. Вместо заключительного слова // *Раннесарматская и среднесарматская культуры. Проблемы соотношения: материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов*. Вып. 1 / Отв. ред. В.М. Клепиков. Волгоград: ВолГУ, 2006а. С. 101–117.

Симоненко А.В. Стекло миллефиори в сарматских погребениях // *Liber Archaeologicae: сборник статей, посвящ. 60-летию Б.А. Раева* / Ред. А.В. Симоненко. Краснодар, 2006б. С. 137–152.

Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. Saint Petersburg: Нестор–История, 2010. 328 с.

Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 272 с.

Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951-1953 гг.) // *Древности Нижнего Поволжья. (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции)*. Т.I / МИА. №60 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: АН СССР, 1959. С. 39–205.

Синицын И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954-1955 гг.) // *Древности нижнего Поволжья*. Т.II / МИА. №78 / Отв. ред. Е.И. Крупнов, К.Ф. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. С. 10–108.

Скалон К.М. О культурных связях Восточного Прикаспия в позднесарматское время // *АСГЭ* Вып. 2 / Ред. М.И. Артамонов. Л.: ГЭ, 1961. С. 114–140.

Скворцов Н.Б. Материалы раскопок курганного могильника «Западные могилы» // *Древности Волго-Донских степей*. Вып. 7 / Сост., научн.ред. В.И. Мамонтов. Волгоград: тип. Аркол, 2017. С. 43–71.

Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. №2. С. 100-120.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Саратовский ун-т, 1990. 300 с

Скрипкин А.С. К проблеме выделения сарматских памятников азиатской Сарматии II-I вв. до н.э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. / Отв. ред. В.Н. Мышкин. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 137-149.

Скрипкин А.С. Сарматские мечи с кольцевым навершием // II Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003 г. / Тр. ГИМ. Вып. 145 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2005. С. 171-184.

Скрипкин А.С. К проблеме соотношения ранне и среднесарматской культур // Раннесарматская и среднесарматская культуры. Проблемы соотношения: материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. 2 / Отв. ред. В.М. Клепиков. Волгоград: ВолГУ, 2006а. С. 5-37.

Скрипкин А.С. Вместо заключительного слова // Раннесарматская и среднесарматская культуры. Проблемы соотношения: материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. 2 / Отв. ред. В.М. Клепиков. Волгоград: ВолГУ, 2006б. С. 135-137.

Скрипкин А.С., Мыськов Е.П. Погребения сарматской знати из волгоградского Подонья // АО 1991-2004 гг.: Европейская Россия / Отв. ред. Н.А. Макарова. М.: ИА РАН, 2009. С. 245-255.

Смирнов К.Ф. Сарматские племена Северного Прикаспия // КСИИМК. Вып. XXXIV. М.; Л.: АН СССР, 1950. С. 97-114.

Смирнов К.Ф. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии // Вопросы скифо-сарматской археологии / Под ред. Н.Я. Мерперт. М.: АН СССР, 1954. С. 195-219.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов / МИА. № 101. М.: АН СССР, 1961. 162 с.

Смирнов К.Ф. Сарматы Нижнего Поволжья и междуречья Дона и Волги в IV в. до н.э. – II в. н.э. (историко-археологический очерк) // СА. 1974. №3. С. 33-44

Сорокина Н.П. Стеклообразные сосуды из Танаиса // Древности Нижнего Дона / МИА. №127 / Отв. ред. Д.Б. Шелов. М.: Наука, 1965. С. 202-248.

Среднесарматская культура / Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. III / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Вост.лит., 2002. 143 с.

Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. 464 с.

Стоянова А.А. Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996-2001 гг.) // Боспорские исследования. Вып. V / Ред.-сост. В.Н. Зинько. Симферополь; Керчь: Б.и, 2004. С. 263-320.

Стоянова А.А. Металлические подвески в форме топорикиков из Крыма // Археология. 2005. №2. С. 47-54.

Стоянова А.А. Намисто і підвіски населення Криму III ст. до н. е. – IV ст. н. е. . Дисс. ... канд.іст.наук. К., 2006д // НА ІА НАНУ. Ф.12. Д.850.

Стоянова А.А. Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003-2009 гг.). Симферополь: Доля, 2012. 100 с.

Стоянова А.А. Об одном типе сарматских бронзовых зеркал из Крыма // Крым в сарматскую эпоху. Вып. V. Мат-лы X Междунар. научн. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2019. С. 253-266.

Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя скифского). К.: Наукова думка, 1983. 172 с.

Тоцев Г.Н., Сапожников И.В. Курганная группа у станции Фрикацей // Древности степного Причерноморья и Крыма. Вып. 1. / Под ред. Г.Н. Тоцева, Г.И. Шахрова, Г.И. Шаповалова. Запорожье, 1990. С. 13-30.

Трейстер М.Ю. Оружие сарматского типа на Боспоре (об одной группе кинжалов, изображенных на пантикапейских надгробиях I-II в. н.э.) // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. Мат-лы юбилейного междунар. круглого стола, посв. 10-летию конф. «Боспорский феномен» / Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб.: «Нестор-История», 2008. С. 146-160.

Трейстер М.Ю. Оружие сарматского типа на Боспоре в I-II вв. н.э. // Древности Боспора / Гл.ред. А.А. Масленников. Т. 14. М.: ИА РАН, 2010. С. 484-561.

Трейстер М.Ю. Золотые погребальные венки Боспора IV в. до н.э. – V в. н. э. (генезис и хронология основных типов) // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения Михаила Моисеевича Кубланова / Отв. Ред. В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 54-65.

Трейстер М.Ю. Vlechkanne. Медные кованые кувшины первых веков н.э. в Северном Причерноморье и Сарматии // Древности Боспора / Гл.ред. А.А. Масленников. Т. 22. М.: ИА РАН, 2018а. С. 216-238.

- Трейстер М.Ю.* Парфянские и раннесасанидские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы (II в. до н.э. – III в. н.э.) // МАИАСК. Вып. 10. 2018б. С. 118–210.
- Трейстер М.Ю.* Римские стеклянные сосуды сер. I – сер. III вв. н.э. из сарматских погребений Волго-Тонского междуречья, нижнего Поволжья и южного Урала // Проблемы истории, филологии, культуры (ПИФК). 2019а. №1. С. 25–68.
- Трейстер М.Ю.* Таз(ы) из кургана №1 могильника Октябрьский-V (к вопросу о времени и историческом контексте формирования центра погребальных памятников кочевой элиты в междуречье Дона и Волги) // ВДИ. 2019б. №2. С. 379–415.
- Трейстер М.Ю.* Литые в формах стеклянные скифосы из погребений кочевников Волго-Донского междуречья и участие сарматов в иберо-парфянской войне 35 г. н.э. // Крым в сарматскую эпоху. Вып. V. Мат-лы X Международн. научн. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2019в. С. 272–281.
- Трейстер М.Ю.* Боспорские(?) пряжки из драгоценных металлов I в. н.э. на Боспоре и в Сарматии // Древности Боспора / Гл.ред. А.А. Масленников. Т. 25 М.: ИА РАН, 2020а. С. 384–406.
- Трейстер М.Ю.* Римские бронзовые ковши из погребений кочевников Азиатской Сарматии // Проблемы истории, филологии, культуры (ПИФК). 2020б. №2. С. 5–60.
- Трейстер М.Ю.* Римские бронзовые тазы Eggers 99-106 в Восточной Европе // Проблемы истории, филологии, культуры (ПИФК). 2020в. №3. С. 5–48.
- Трейстер М.Ю.* Бронзовые сосуды позднеереспубликанского времени из погребений кочевников Азиатской Сарматии // Проблемы истории, филологии, культуры (ПИФК). 2020г. №4. С. 41–109.
- Троицкая Т.Н.* Находки из скифских курганов Крыма, хранящиеся в областном краеведческом музее // История и археология Древнего Крыма / Отв. ред. П.Н. Шульц. Киев: АН УССР. 1957. С. 174–190.
- Труфанов А.А.* Подбойные могилы III в. н.э. из некрополя у с.Курское (по материалам раскопок 2001 г.) // Сугдейский сборник / Отв. за Вып. Н.М. Куковальская. Киев, Судак: «ТОВ Горобець», 2003/2004.. С. 495–521.
- Труфанов А.А.* Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // РА. 2004а. №3. С. 160–170.
- Труфанов А.А.* Дополнения к опубликованным материалам гробниц в «Тавельских» курганах 1897 г. // У Понта Эвксинского (памяти П.Н. Шульца) / Ред.-сост. С.Г. Колтухов. Симферополь: КрымНЦ ИА НАНУ, 2004б. С. 135–138.
- Труфанов А.А.* Зеркала-подвески первых веков н.э. из могильников Крымской Скифии // Древняя Таврика. Посвящ. 80-летию Т.Н. Высотской / Общ.ред. Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 173–186.
- Труфанов А.А.* К вопросу о хронологии браслетов с зооморфными окончаниями (по материалам крымских могильников позднескифского времени) // Поздние скифы Крыма / Труды ГИМ. Вып. 118. / Отв. ред. И.И. Гущина, Д.В. Журавлёв. М.: ИПК «Желдориздат», 2001. С. 71–77.
- Труфанов А.А.* Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. // Stratum plus. 2005-2009. №4. С. 117–328.
- Труфанов А.А.* Металлические амулеты-подвески Северного Причерноморья первых вв. н.э. // Stratum plus. 2011. №4. С. 223–270.
- Труфанов А.А., Мордвинцева В.И.* Воинское погребение середины I в. н.э. из Усть-Альминского некрополя (Юго-Западный Крым) // Проблемы истории, филологии, культуры (ПИФК). 2016. №2. С. 196–212.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 1. Савроматская эпохи. Отв. редактор М.Г. Мошкова. М., 1994 // РА. 1996. №1. С. 215–221.
- Хабдулина М.К.* Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Ракурс, 1994. 170 с.
- Хазанов А.М., Черненко С.В.* Час і мотиви пограбування скіфських курганів // Археологія. 1979. Вып. 30. С. 18–26.
- Хомякова О.А.* Гл.5. Браслеты Брянского клада // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.) / РСМ. Вып. 18. Отв. ред. А.М. Обломский. М.-Вологда: ИА РАН – Древности Севера, 2018. С. 86-94, рис.69-79.
- Храпунов И.Н.* Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin: Wydaw. Uniw. M. Curie-Skłodowskiej, 2002. 313 с.
- Храпунов И.Н.* Погребения детей в могильнике Нейзац // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). Вып. XII. Ч. 1. 2006. С. 161–250.
- Шабанов С.Б.* Сармато-германские контакты в предгорном Крыму в позднееримское время (по материалам стеклянной посуды) // Проблемы истории, филологии, культуры (ПИФК). 2015. №3. С. 213–230
- Шаров О.В.* Боспор. Полихромные стили позднееримской эпохи // НАВ. 2019. Т.18. №2. С. 197–220.
- Шевченко Н.Ф.* Стрелы у сарматских племен Прикубанья // Древности Кубани и Черноморья. Кн. 1. / Под ред. Б. А. Раева. Краснодар: Скифская галерея, 1993. С. 38–198.

Шевченко Н.Ф. «Сарматские жрицы», или еще раз к вопросу о материнском роде у сарматов // ВДИ. 2006. №1. С. 141–154.

Шевченко О.Б. Захисні амулети з наконечників стріл у жиночіх похованнях сарматів // Античний Никоний і мир племен Северо-Западного Причорномор'я. Матеріали «круглого стола», посвящені юбілею Н.М. Секерської і 60-літтю початку розкопок Никонія (Одеса, 18 травня 2017 г.) / Отв. ред. И.В. Бруяко, А.В. Главенчук. Одеса, 2018. С. 77–85.

Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. Вып. 156. М.: Наука, 1978. С. 16–22.

Шинкарь О.А. Золотоордынский клад из с. Василицы Черкасской области // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне. Тезисы докладов III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000) / Отв. ред. В.В. Мурашева. М.: Нумизматическая лит-ра, 2006. С. 57–59.

Шинкарь О.А. Типология и хронология раннесарматских наконечников стрел по материалам Нижнего Поволжья // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. №1. С. 103–119.

Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А. Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях р.Качи // Херсонесский сборник. Вып. XII. / Отв. ред. М.И. Золотарев. Симферополь, 2003. С. 199–128.

Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1994 г. // Курганы левобережного Илека. Вып. 3 / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. М.: ИА РАН, 1995. С. 9–47, 100–175.

Яценко С.А. Орудия ранних эпох в погребальных и жилых комплексах античных городов северного Причерноморья и окружающих варварских племен // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч.2 / Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб.: ГЭ, 2007. С. 275–279.

Feugère M. Les Fibules en Gaule Méridionale (de la conquête à la fin du V s. ap. J.-C.) / Revue Archéologique de Narbonnaise. Suppl. 12. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1985. 503 p.

Istvánovits E., Kulcsár V. Sarmatian archery in the Carpathian Basin – revisited // Honoratissimum assensus genus est armis laudare / red. R. Madyda-Legutko–J. Rodzińska-Nowak. Kraków, 2014. P. 143–149.

Marčenko I.I., Limberis N.Ju. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // Simonenko A., Marčenko I.I., Limberis N.Ju. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern / Archäologie in Eurasien. B.25. Mainz: Ph. von Zabern, 2008. S. 265–402, Taf. 1–222.

Raev B. Roman Imports in the Lower Don Basin / BAR International series 278. Oxford: BAR., 1986. 135 p.

Riha E. Die Römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst / Forschungen in Augst. Bd.3. Augst, 1979. 201 S

Simonenko A.V. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes // Simonenko A., Marčenko I.I., Limberis N.Ju. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern / Archäologie in Eurasien. B.25. Mainz: Ph. von Zabern, 2008. S. 1–95, Taf. 1–168.

Treister M. Gold vessels, perfume flasks and pyxides from Sarmatia // Pontus and the outside world. Studies in Black Sea History, Historiography and Archaeology / Colloquia Pontica. Vol.9 / Ed. Chr. Tuplin. Leiden; Boston, 2004. P. 131–193.

Информация об авторе:

Красноперов Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН (г. Ижевск, Россия); khaa@udm.ru

REFERENCES

- Abramova, M. P. 1951. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archeology)*. (1). 52–71 (in Russian).
- Abramova, M. P. 1969. In Evtukhova, L. A. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in Archaeology USSR)* 155. Moscow: "Nauka" Publ., 3–10 (in Russian).
- Abramova, M. P. 1983. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 176. Moscow: "Nauka" Publ., 34–40 (in Russian).
- Abramova, M. P. 1993. *Tsentral'noe Predkavkaz'e v sarmatskoe vremia (III v. do n.e. – IV v. n.e.) (Central Ciscaucasus in Sarmatian Time (3rd Century BC – 4th Century AD))*. Series: Afanas'ev, G. E., Daim, F. with J. Kidd's contribution (series Chief Editors). *Arkheologiiia epokhi velikogo pereseleniia narodov i rannego srednevekov'ia = Russian monographs in migration-period and medieval archaeology 2*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Alekseeva, E. M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of Northern Pontic Region)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Alekseeva, E. M. 1982. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of North Pontic)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

- Arsen'eva, T. M. 1970. In Melyukova, A. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in Archaeology USSR)* 155. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 82–149 (in Russian).
- Babenchikov, V. P. 1957. In Shults, P. N. (ed.). *Istoriia i arkheologiia Drevnego Kryma (History and Archaeology of Ancient Crimea)*. Kiev: Academy of Sciences of the Ukrainian SSR Publ., 94–141. (in Russian).
- Balahvantsev, A. S. 2020. In Gadzhiev, M. S. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Kavkaza: aktual'nye problemy izucheniia i sokhraneniia. XXXI "Krupnovskie chteniia" (Archaeological Heritage of the Caucasus: Topical Issues of Study and Preservation. (XXXI Krupnov Readings on the Archaeology of the North Caucasus)*. Mahachkala, 184–186. (in Russian).
- Bezuglov, S. I. 2000. In Guguev, Yu. K. (ed.). *Sarmaty i ikh sosedi na Donu (Sarmatians and Their Neighbors on the Don)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii Dona (Materials and Research of the Don Archaeology)* I. Rostov-on-Don: "Terra" Publ., 169–193 (in Russian).
- Bezuglov, S. I. 2001. In *Donskaia arkheologiia (Archaeology of Don)* (1–2), 57–61 (in Russian).
- Bezuglov, S. I. 2017. In Il'yashenko, S. M. (ed.). *Vestnik Tanaisa (Herald of Tanais)*. (4). Nedvigovka Myasnikovskiy district of Rostov region: Archaeological museum-reserve "Tanais" Publ. 84–147 (in Russian).
- Bezuglov, S. I., Glebov, V. P., Parusimov, I. N. 2009. *Pozdnesarmatskie pogrebeniya v ust'e Dona (kurgannyj mogil'nik Valovyj I) (Late Sarmatian Burials at the Mouth of the Don (Valovy I Burial Mound))*. Rostov On Don: "Media-Polis" Publ. (in Russian).
- Vadai, A. Kh., Kul'char V. 1984. In *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. 36, 239–261. (in Russian).
- Vinogradov, V. B., Petrenko, V.A. 1974. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archeology)*. (1). 171–180 (in Russian).
- Vlaskin, V. M. 1990. In Maksimenko, V. E. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 9. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 64–68 (in Russian).
- Vysotskaya, T. N. 1994. *Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol' (Ust-Alma Hillfort and Necropolis)*. Kiev: "Kiev. Akad. Evrobiznesa" Publ. (in Russian).
- Glebov, V. P. 2007a. In Yablonsky, L. T., Tairov, A. D. (eds.). *Vooruzhenie sarmatov: regional'naia tipologiya i khronologiya (Armament of Sarmatians: Regional Typology and Chronology)*. Chelyabinsk: South Ural State University, 88–98 (in Russian).
- Glebov, V. P. 2007b. In Sergatskov, I. V. (ed.). *Regional'nye osobennosti rannesarmatskoi kul'tury (Regional Features of Early Sarmatian Culture)*. 2. Volgograd: Volgograd State University, 59–82. (in Russian).
- Glebov, V. P. 2017. In Skhatum, R. B. (ed.). *VII "Anfimovskie chteniia" po arkheologii zapadnogo Kavkaza (7th "Anfimov Readings" on the Archaeology of the Western Caucasus)*. Krasnodar: "IP Smorodin" Publ., 53–62. (in Russian).
- Glebov, V. P. 2019. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 18 (2), 86–104 (in Russian).
- Glebov, V. P., Il'yashenko, S. M., Tolochko, I. V. 2004. In Zuev, V. Yu. (ed.). *Bosporskii fenomen: problem khronologii i datirovki pamiatnikov (The Bosporan Phenomenon: Issues of Chronology and Dating of Monuments)*. 1. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 292–307 (in Russian).
- Glebov, V. P., Tolochko, I. V. 2016. In Luk'yashko, S. I. (ed.). *Antichnaia tsivilizatsiia i varvarskii mir Ponto-Kaspiiskogo regiona (Ancient Civilization and the Barbarian World of the Pontic-Caspian Region)*. Rostov On Don: Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, 44–84 (in Russian).
- Glukhov, A. A. 2005. *Sarmaty mezhdurech'ia Volgi i Dona v I – pervoi polovine II v. n.e. (Sarmatians in the Volga and Don Interfluves Area in 1st – First Half of 2nd c. AD)*. Volgograd: "Volgogradskoe nauchnoe izdatelstvo" Publ. (in Russian).
- Gmyrya, L. B. 2011. In *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii (Herald of the Institute of History, Archaeology and Ethnography)*. 4, 36–80 (in Russian).
- Gorbenko, A. A., Kosyanenko, V. M. 2011. *Nekropol' Paniardisa (Krepostnogo gorodishcha) (Necropolis of Paniardis (Fortress Settlement))*. Series: *Donskie drevnosti (Antiquities of the Don)*. 11. Azov: Azov Museum of Local Lore (in Russian).
- Grach, N. L. 1999. *Nekropol' Nimfeya (Nimpheus necropolis)*. Saint Petersburg: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Grishakov, V. V., Zubov, S. E. 2009. *Andreevskii kurgan v sisteme arkheologicheskikh kul'tur rannego zheleznogo veka Vostochnoi Evropy (Andreevka Burial Mound in the System of the Early Iron Age Archaeological Cultures of Eastern Europe)*. Series: *Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 7. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; Samara Municipal Institute for Public Administration (in Russian).
- Guguev, V. K., Bezuglov, S. I. 1990. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archeology)*. (2). 164–175 (in Russian).
- Gushchina, I. I., Zasetskaya, I. P. 1989. In Abramova, M. P. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia na iuge Vostochnoi Evropy (Archaeological Studies in the South of Eastern Europe)*. Series: *Proceedings of the State Historical Museum* 70. Moscow: "Nauka" Publ., 71–141 (in Russian).

- Gushchina, I. I., Zasetskaya, I. P. 1994. «*Zolotoe kladbishhe*» *Rimskoy epokhi v Prikuban'e* ("Golden cemetery" of the Roman Age in the Kuban' basin). Series: Russian Archaeological Library. Issue 1. Saint Petersburg: "Farn" Publ. (in Russian).
- Dashevskaya, O. D. 1991. *Pozdnie skify v Krymu* (Late Scythians in the Crimea). Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1-7. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Dashevskaya, O. D. 2013. In *Rossiiskaia Arkheologiya* (Russian Archaeology) (1), 160–163 (in Russian).
- Dashevskaya, O. D. 2014. *Nekropol' Belyausa* (Belyaus Necropolis). Simferopol: "Feniks" Publ. (in Russian).
- Dvornichenko, V. V., Malinovskaya, N. V., Fedorov-Davydov, G. A. 1977. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.) *Drevnosti Astrahanskogo kraia* (Antiquities of the Astrakhan Region). 4. Moscow: "Nauka" Publ., 3–78, 83–194 (in Russian).
- Dvornichenko, V. V., Fedorov-Davydov, G. A., Bulatov, N. M. 1989. In Smirnov, A. K. (ed.) *Sokrovishcha sarmatskikh vozhdai i drevnie goroda Povolzh'ia* (Treasures of Sarmatian leaders and ancient towns of the Volga region). Moscow: "Nauka" Publ., 14–132 (in Russian).
- Demidenko, S. V. 2007. In *Rossiiskaia Arkheologiya* (Russian Archaeology) (2), 48–54 (in Russian).
- Demidenko, S. V. 2008. *Bronzovye kotly drevnikh plemen Nizhnego Povolzh'ia i Iuzhnogo Priural'ia* (V v. do n.e. - III v. n.e.) (Bronze Cauldrons of Ancient Tribes from the Lower Volga and the Southern Urals (5th Century B.C. – 3rd Century A.D.)). Moscow: "URSS" (in Russian).
- Demidenko, S. V. 2014. In Ongar, A. (ed.) *Vsadniki Velikoi stepi: traditsii i novatsii* (Riders of the Great Steppe: Traditions and Innovations.). Series: Trudy filiala Instituta arkheologii im. A. Kh. Margulana v g. Astana (Proceedings of the Branch of the A. Kh. Margulan Institute of Archaeology in Astana) IV. Astana: The Branch of the Institute of Archaeology in Astana, 8–21 (in Russian).
- Didenko, S. V. 2014. In Petrauskas, O. V., Gorbanenko, S. A. (eds.) *Cherniakhivs'ka kul'tura* (Chernyakhiv Culture). Series: OIUM. 4. Kiev: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, 34–48 (in Russian).
- D'yachenko, A. N., Zhelezchikov, B. F. 1995. In Luk'iashko, S. I. (ed.) *Donskie drevnosti* (Antiquities of the Don). 4. Azov: Azov Museum of Local Lore, 149–168 (in Russian).
- Zhdanovskii, A. M. 1984. In Kirei, N. I. (ed.) *Arkheologo-etnograficheskie issledovaniia Severnogo Kavkaza* (Archaeological and Ethnographical Research in the Northern Caucasus). Krasnodar: Kuban State University, 72–99 (in Russian).
- Zhdanovskii, A. M. 1988. In Vinogradov, V. B. (ed.) *Problemy arkheologii i etnografii Severnogo Kavkaza* (Issues of Archaeology and Ethnography of the North Caucasus). Krasnodar: Krasnodar State University, 54–68 (in Russian).
- Zaitsev, Yu. P. 1993. In *Vestnik drevnei istorii* (Journal of Ancient History) (3). 127–148 (in Russian).
- Zaitsev, Yu. P. 2004. In Zakharova, N. A. (comp.) *Iuvelirnoe iskusstvo i material'naia kul'tura* (Jewelry Art and Material Culture). Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 47–50 (in Russian).
- Zaitsev, Yu. P., Mordvitseva, V. I. 2003. In *Rossiiskaia Arkheologiya* (Russian Archaeology) (2), 135–154 (in Russian).
- Zasetskaya, I. P. 2004. In *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha* (Reports of the State Hermitage Museum) 62. Saint Petersburg: The State Hermitage Publ. 54–61 (in Russian).
- Zasetskaya, I. P. 2011. *Sokrovishcha kurgana Khohlach. Novoчеркассский клад* (Treasures of the Khokhlach Burial Mound. Novoчеркасс Hoard). Saint Petersburg: The State Hermitage Publ. (in Russian).
- Zasetskaya, I. P. 2019. *Iskusstvo zverinogo stilia sarmatskoi epokhi* (II v. do n.e. – nachalo II v. n.e.) (The Art of the Animal Style of the Sarmatian Era (II Century BC – early II Century AD)). Simferopol: "Antikva" Publ. (in Russian).
- Zasetskaya, I. P., Il'yukov, L. S., Kosyanenko, V. M. 1999. In *Donskaia arkheologiya* (Archaeology of Don) (2), 51–60 (in Russian).
- Zasetskaya, I. P., Marchenko, I. I. 1995. In Shchukin, M. B. (ed.) *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum) 32. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 90–104 (in Russian).
- Zakharov, A. V. 2000. In Guguev, Yu. K. (ed.) *Sarmaty i ikh sosedi na Donu* (Sarmatians and Their Neighbors on the Don). Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Dona (Materials and Research of the Don Archaeology) I. Rostov-on-Don: "Terra" Publ., 27–45 (in Russian).
- Zubov, S. E. 2007. In Kiyashko, A. V., Skripkin, A. S. (eds.) *Problemy arkheologii Nizhnego Polozh'ia* (Issue of the Archaeology of the Lower Volga Region) Volgograd: Volgograd State University, 87–96 (in Russian).
- Zubov, S. E., Sattarov, R. R. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.) *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie* (21st Urals Archaeological Congress)). Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 210–214 (in Russian).
- Zuev, V. Yu. 1997. *K voprosu o «savromatskoi» kul'ture* (On the Issue of the "Savromatians" Culture). Saint Petersburg: State Hermitage (in Russian).

- Zuev, V. Yu. 1998. *Rannesarmatskaia kul'tura IV-III vv. do n.e. Statisticheskii fenomen i arkhelogicheskaia real'nost'* (Early Sarmatian Culture of the 4th-3rd Centuries BC. Statistical Phenomenon and Archaeological Reality) 2. Saint Petersburg. (in Russian).
- Zuev, V. Yu. 1999. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 305–324 (in Russian).
- Zuev, V. Yu. 2000. In Myshkin, V. N. (ed.). *Rannesarmatskaia kul'tura: formirovanie, razvitie, khronologiya* (Early Sarmatian Culture: Formation, Development, Chronology) Samara: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 85–104. (in Russian).
- Zuev, V. Yu. 2004. In Raev, B. A. (ed.). *Sarmatskie kul'tury Evrazii: problemy regional'noi khronologii* (Sarmatian Cultures of Eurasia: Issues of Regional Chronology). Krasnodar: Kuban State University, 205–220. (in Russian).
- Zuev, V. Yu. 2012. In Krivenko, O. A. (ed.). *Zoloto, kon' i chelovek* (Gold, Horse and Man). Kiev: "Skif" Publ., 385–410 (in Russian).
- Il'iukov, L. S., Vlaskin, M. V. 1992. *Sarmaty mezhdurech'ya Sala i Manycha* (The Sarmatians between the Sal and Manych Rivers). Rostov On Don: Rostov State University (in Russian).
- Ishtvanovich, E., Kul'char, V. 2017. In Skiba, A. V., Gorbanenko, S. A. (eds). *Evropeis'ka arkhelogiia I tys. n.e.* (European Archaeology of the First Millennium AD). Kiev, 51–62. (in Russian).
- Klepikov, V. M. 2002. *Sarmaty Nizhnego Povolzh'ia v IV-III vv. do n.e.* (The Sarmatians of the Lower Volga Region in the 4th-3rd Centuries BC). Volgograd: Volgograd State University Publ. (in Russian).
- Klepikov, V. M., Skripkin, A. S. 2002. In Skripkin, A. S., Yablonsky, L. T. (eds.). *Nizhnevolzhskii arkhelogicheskii vestnik* (Lower Volga Archaeological Bulletin) 5. Volgograd: Volgograd State University, 47–81 (in Russian).
- Kovpanenko, G. T. 1986. *Sarmatskoe pogrebenie I veka n.e. na Iuzhnom Buge* (Sarmatian Burial of 1st Century A.D. on the Southern Bug). Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Koltukhov, S. G., Senatorov, S. N. 2016. *Skify Predgornogo Kryma v VII-IV vv. do n.e. Kurgany 1890–1892 i 1895 gg. (po materialam N.I. Veselovskogo i Iu.A. Kulakovskogo)* (The Scythians of Piedmont Crimea in 7th-4th Centuries B.C. Barrows of 1890-1892 and 1895 (on Materials by Veselovsky, N. I. and Kulakovsky, Yu. A.)). In *Materialy k arkhelogicheskoi karte Kryma* (Materials for the Archaeological Map of Crimea) XVII. Simferopol: "IP Brovka A.A." Publ. (in Russian).
- Koltukhov, S. G., Toshchev, G. N. 1998. *Kurgannye drevnosti Kryma* (Barrow Antiquities of Crimea) 2. Zaporozh'e (in Russian).
- Korpusova, V. N. 1983. *Nekropol' Zolotoe. K etnokul'turnoi istorii evropeiskogo Bospora* (Necropolis Zolotoe. On the Ethnocultural History of the European Bosporus). Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Kostenko, V. I. 1993. *Sarmaty v nizhnem Podneprov'e po materialam Ust'-Kamenskogo mogil'nika* (The Sarmatians in the Lower Dnieper Region based on Materials from the Ust-Kamensk Burial Ground). Dnepropetrovsk (in Russian).
- Kostromichev, D. A. 2015. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 299–356 (in Russian).
- Kotovitch, V. G. 1959. In Daniyalov, G. D. (ed.). *Materialy po arkhelogii Dagestana* (Materials on the Archaeology of Dagestan) 1. Mahachkala: "Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 121–156 (in Russian).
- Krasnopeorov, A. A. 2019. In Gavritukhin, I. O., Vorontsov, A. M. (eds.). *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vliianii i Velikogo pereseleniia narodov* (Forest and Forest-steppe Zone of Eastern Europe during the Era of Roman Influence and the Great Migration) 2. Tula: "Kulikovo Pole" State Museum-Reserve, 103–190 (in Russian).
- Krasnopeorov, A. A., Bahshiev, I. I. 2019. In *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovani* (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 25(3), 104–115. (in Russian).
- Krivosheev, M. V. 2005d. *Pozdnesarmatskaia kul'tura iuzhnoi chasti mezhdurech'ia Volgi i Dona. Problemy khronologii i periodizatsii* (Late Sarmatian Culture of the Southern Part of the Volga-Don Interfluve. Issues of Chronology and Periodization). Diss of candidate of historical Sciences. Volgograd (in Russian).
- Kropotov, V. V. 2010. *Fibuly sarmatskoi epokhi* (Fibulae of the Sarmatian Epoch). Kiev: "ADEF-Ukraina" Publ. (in Russian).
- Kunina, N. Z. 1997. *Antichnoe steklo v sobranii Ermitazha* (Ancient Glass in the Hermitage Collection). Saint Petersburg: "ARS" Publ. (in Russian).
- Kurinkikh, O. I. 2011. In *Rossiiskaia Arkhelogiia* (Russian Archaeology) (3), 42–54 (in Russian).
- Larenok, V. A. 2013. *Meotskie drevnosti. Katalog pogrebal'nykh kompleksov nekropolya Kobyakova gorodishcha iz raskopok 1999-2000 gg.* (Meotian Antiquities. Catalog of Burial Complexes of the Kobyakov Fortified Settlement Necropolis from the Excavations of 1999-2000) 1. Rostov on Don: Donskoi Publishing House (in Russian).
- Simonenko, A. V. 2006. In Simonenko, A. V. (ed.). *Liber Archaeologicae*. Krasnodar. 51–77. (in Russian).
- Limberis, N. Yu., Marchenko, I. I. 2020. In *Nizhnevolzhskii arkhelogicheskii vestnik* (Lower Volga Archaeological Bulletin) 19 (2), 164–182 (in Russian).

Litvinskii, B. A. 1978. *Orudiia truda i utvar' iz mogil'nikov Zapadnoi Fergany (Arkheologicheskie i etnograficheskie materialy po istorii kul'tury i religii Srednei Azii) (Implements and Utensils from Burial Grounds of West Fergana (Archaeological and Ethnographic Materials on the History of Culture and Religion of Central Asia))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Maksimenko, V. E. 1970. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archeology)*. (2). 224–232 (in Russian).

Maksimenko, V. E. 1983. *Savromaty i sarmaty na Nizhnem Donu (The Sauromats and Sarmatians in the Lower Don)*. Rostov on Don: Rostov State University (in Russian).

Malashev, V. Yu. 2000. In Guguev, Yu. K. (ed.). *Sarmaty i ikh sosedi na Donu (The Sarmatians and Their Neighbors on the Don)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Dona (Materials and Studies of the Don Archaeology) I. Rostov-on-Don: "Terra" Publ., 194–232 (in Russian).

Malashev, V. Yu. 2013d. *Pozdnesarmatskaya kul'tura Yuzhnogo Priural'ya vo II–III vv. n.e. (Late Sarmatian Culture of the Southern Cis-Urals in the 2nd – 3rd cc. AD)*. Diss of candidate of historical Sciences. Moscow (in Russian).

Malashev, V. Yu. 2014. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* (14), 130–140 (in Russian).

Malashev, V. Yu. 2016. *Pamiatniki srednesarmatskoi kul'tury severo-kavkazskikh stepei i ikh traditsii v kurgannykh mogil'nikakh Severo-Vostochnogo Kavkaza vtoroi poloviny II – serediny V v. n.e. (Monuments of the Middle Sarmatian Culture of the North Caucasian Steppes and their Traditions in the Burial Mounds of the North-Eastern Caucasus of the Second Half of the 2nd – the Middle of the 5th Century AD)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Malyshev, A. A. 2008. In Malyshev, A. A. (ed.). *Aspurgiane na yugo-vostoke aziatskogo Bospora: po materialam Tsemdolinskogo nekropolya (The Aspurgians in the South-East of the Asian Bosporus: Based on Materials from Tsemdolinsky Necropolis)*. Moscow: "Grif i K" Publ., 136–180 (in Russian).

Mamontov, V. I. 1995. In *Drevnosti Volgo-Donskikh stepei (Antiquities of Volga-Don Steppes)* 5. Volgograd: "Peremena" Publ., 20–33 (in Russian).

Mamontov, V. I. 2000. *Drevnee naselenie levoberezh'ya Dona (po materialam kurgannogo mogil'nika Pervomayskiy VII) (Ancient Population of the Left Bank of the Don River (Based on Materials from Pervomayskiy VII Burial Mound))*. Volgograd: Volgograd State University Publ. (in Russian).

Mamontov, V. I. 2008. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 9. Volgograd: Volgograd State University, 170–197 (in Russian).

Marchenko, I. I. 1996. *Siraki Kubani (Po materialam kurgannykh pogrebenij Nizhnej Kubani) (The Siraks of Kuban (Based on Materials from Barrow Burials of the Lower Kuban))*. Krasnodar (in Russian).

Mayakin, V. V. 2007. In Zaitsev, Yu. P., Mordnitseva, V. I. (eds.). *Drevniaia Tavrika. Posviashchsaetsia 80-letiyu T.N. Vysotskoi (Ancient Tavrika. Dedicated to the 80th Anniversary of T.N. Vysotskaya)* Simferopol: "Univercum" Publ., 125–138 (in Russian).

Mimokhod R. A., Uspensky P. S. 2019. In Makarov, N. A. (ed.). *Novye arkheologicheskie proekty: Vossozdavaia proshloe (New Archaeological Projects: Recreating the Past)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 58–61 (in Russian).

Mikheev, V. K. 1985. *Podon'e v sostave Khazarского kaganata (The Don Region in Khazar Khaganate)*. Kharkiv (in Russian).

Mikhlin, B. Yu. 1980. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archeology)*. (3). 194–213 (in Russian).

Mordvintseva, V. I. 2003. *Polikhromnyi zverinyi stil' (Polychrome Animal Style)*. Simferopol: "Universum" Publ. (in Russian).

Mosheeva, O. N. 2008. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 23–33 (in Russian).

Moshkova, M. G. 1962. In Passek, T. S. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 64. Moscow: the USSR Academy of Sciences, 77–82 (in Russian).

Moshkova, M. G. 1963. *Pamiatniki prokhorovskoi kul'tury (Monuments of the Prokhorovka culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1-10. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Moshkova, M. G. 2004. In Raev, B. A. (ed.). *Sarmatskie kul'tury Evrazii: problemy regional'noi khronologii (Sarmatian Cultures of Eurasia: Issues of Regional Chronology)*. Krasnodar: Kuban State University, 22-44. (in Russian).

Moshkova, M. G., Maksimenko, V. E. 1973. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 133. Moscow: "Nauka" Publ., 72–79 (in Russian).

Moshkova, M. G., Fedorova-Davydova, E. A. 1974. In Moshkova, M. G., Shelov D. B. (eds.). *Raboty Tsimlianskoi Ekspeditsii 1970. Arheologicheskie pamiatniki Nizhnego Podon'ia (Works of the Tsimliansk Expedition. Archaeological Monuments of the Lower Don Region)* 1. Moscow: "Nauka-VL" Publ., 21–121. (in Russian).

Myskov, E. P., Kiyashko, A. V., Skripkin, A. S. 1999. In Skripkin, A. S., Yablonsky, L. T. (ed.). *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 2. Volgograd: Volgograd State University, 149–167 (in Russian).

- Nikitina, G. F. 1988. In Kropotkin, V.V. (ed.). *Mogil'niki cherniahovskoi kul'tury (Burial Grounds of the Chernyakhov Culture)* 2. Moscow: "Nauka" Publ., 5–97 (in Russian).
- Nikitina, G. F. 2008. *Cherniahovskaia kul'tura Podnestrov'ya (po rezul'tatam analiza arheologicheskikh istochnikov) (Chernyakhov Culture of the Dniester Region (According to analysis of archaeological sources))*. Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).
1897. In *Otchet Arkheologicheskoi komissii za 1895 g. (Report of the Archaeological Commission from 1895)*. Saint Petersburg (in Russian).
- Petrenko, V. A. 1992. In Skripkin, A. S. (ed.). *Problemy khronologii sarmatskoi kul'tury (Issues of the Chronology of Sarmatian Culture)*. Saratov: Saratov University, 32–45 (in Russian).
- Pletneva, S. A. 1967. *Ot kochevii k gorodam. Saltovo-maiatskaia kul'tura (From Camps to Towns. Saltovo-Mayaki Culture)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research in Archaeology of the USSR) 142. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Pletneva, S. A. 1989. *Na slaviano-khazarskom pogranič'e. Dmitrievskii arkheologicheskii kompleks (In the Slavic-Khazar Borderlands. Dmitriev Archaeological Complex)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Puzdrovskii, A. E. 2007. *Krymskaia Skifiia II v. do n. e. — III v. n. e. Pogrebal'nye pamiatniki (Crimean Scythia of the 2nd Century BC — 3rd Century AD. Funerary Sites)*. Simferopol: "Biznes-Inform" Publ. (in Russian).
- Puzdrovskii, A. E. 2007. In Zuev, V. Yu. (ed.). *Bosporskii fenomen: sakralnyi smysl regiona, pamiatnikov, nakhodok (The Bosporan Phenomenon: the sacred meaning of the region, monuments, finds)*. Saint Petersburg: State Hermitage, 278–285 Publ. (in Russian).
- Puzdrovskii, A. E. 2005–2009. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 329–338 (in Russian).
- Puzdrovskii, A. E., Trufanov, A. A. 2017a. *Polevye issledovaniia Ust'-Al'minskogo nekropolia v 2000-2003 gg. (Field Studies of the Ust-Alminsky Necropolis in 2000-2003)*. Simferopol, Moscow: Tipografiia IP Zueva T.V. Publ. (in Russian).
- Puzdrovskii, A. E., Trufanov, A. A. 2017b. *Polevye issledovaniia Ust'-Al'minskogo nekropolia v 2004-2007 gg. (Field Studies of the Ust-Alminsky Necropolis in 2004-2007)*. Simferopol, Moscow: Tipografiia IP Brovko Publ. (in Russian).
- Puzdrovskii, A. E., Trufanov, A. A., Yurochkin, V. Yu. 2007. In Myts, V. L. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu 1995 g. (Archaeological Studies in Crimea. 1995)*. Simferopol: "Sonat" Publ., 117–125 (in Russian).
- Raev, B. A. 1993. In *Antichnyi mir i arkheologiia (Ancient World and Archaeology)* 9, 160–175 (in Russian).
- Raev, B. A. 2006. In Klepikov, V. M. (ed.). *Rannesarmatskaya i srednesarmatskaya kul'tury. Problemy sootnosheniya (Early Sarmatian and Middle Sarmatian Cultures. Issues of Relation)* 2. Volgograd: Volgograd State University, 91–100 (in Russian).
- Ryzhova, L. A. 1998. In *Khersonesskii sbornik (Chersonesos collection)*. XIV. 283–290. (in Russian).
- Sattarov R.R. In 2017. In Kamaleev, E. V. (ed.). *Etnosy i kul'tury Uralo-Povolzhia istoriia i sovremennost' (Ethnic Groups and Cultures of the Ural-Volga Region: History and Modernity)*. Ufa: "Institute of Ethnological Studies" Publ., 103–106 (in Russian).
- Sattarov, R. R. 2019. *Importnye predmety v p'ianoborskoi kul'ture (konec II v. do n.e. – II v. n.e.) (Imported Items in the Piany Bor Culture (Late 2nd century BC - 2nd century AD))*. Diss of candidate of historical Sciences. Kazan (in Russian).
- Sergatskov, I. V. 1999. In Skripkin, A. S. (ed.). *Arkheologiia Volgo-Ural'skogo regiona v epokhu rannego zheleznogo veka i srednevekov'ia (Archaeology of the Volga-Ural Region in the Early Iron Age and the Middle Ages)*. Volgograd: Volgograd State University, 137–155 (in Russian).
- Sergatskov, I. V. 2000. *Sarmatskie kurgany na Ilovle (Sarmatian Barrows on the Ilovlya River)*. Volgograd: Volgograd State University (in Russian).
- Sergatskov, I. V. 2000b In In Skripkin, A. S. (ed.). *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 3. Volgograd: Volgograd State University, 113–122 (in Russian).
- Sergatskov, I. V. 2004. In Raev, B. A. (ed.). *Sarmatskie kul'tury Evrazii: problemy regional'noi khronologii (Sarmatian Cultures of Eurasia: Issues of Regional Chronology)*. Krasnodar: Kuban State University, 107–116. (in Russian).
- Sergatskov, I. V., Dvornichenko, V. V., Demkin, V. A. 2001. In Sergatskov, I. V. (ed.). *Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepei (Materials on the Archaeology of the Volga-Don Steppes)* 1. Volgograd: Volgograd State University, 13–63 (in Russian).
- Sergatskov, I. V., Zakharov, P. E. 2006. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 117–123 (in Russian).
- Simonenko, A. V. 2001. In Skripkin, A. S. (ed.). *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 4. Volgograd: Volgograd State University, 92–106 (in Russian).

Simonenko, A. V. 2006a. In Klepikov, V. M. (ed.). *Rannesarmatskaya i srednesarmatskaya kul'tury. Problemy sootnosheniya (Early Sarmatian and Middle Sarmatian cultures. Issues of Relation)* 2. Volgograd: Volgograd State University Publ., 101–117 (in Russian).

Simonenko, A. V. 2006b. In Simonenko, A. V. (ed.). *Liber Archaeologicae*. Krasnodar. 137–152. (in Russian).

Simonenko, A. V. 2010. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ia (Sarmatian Riders of the Northern Black Sea Region)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).

Simonenko, A. V. 2011. *Rimskii import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ia (Roman Import of the Sarmatians from the Black Sea Region)*. Saint Petersburg: Faculty of Filology, Saint Petersburg State University (in Russian).

Sinitsyn, I. V. 1959. In Krupnov, E. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in Archaeology USSR)* 60. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 39–205 (in Russian).

Sinitsyn, I. V. 1960. In Krupnov, E. I., Smirnov, K. F. (eds.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in Archaeology USSR)* 78. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 10–108 (in Russian).

Skalon, K. M. 1961. In Artamonov, M. I. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 2. Leningrad: State Hermitage Museum, 114–140 (in Russian).

Skvortsov, N. B. 2017. In *Drevnosti Volgo-Donskikh stepei (Antiquities of Volga-Don Steppes)* 7. Volgograd: "Arkol" Publ., 43–71 (in Russian).

Skripkin, A. S. 1977. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archeology)*. (2). 100–120 (in Russian).

Skripkin, A. S. 1990. *Aziatskaia Sarmatiia (problemy khronologii i ee istoricheskii aspekt) (Sarmatia Asiatica: Issues of Chronology and Its Historical Aspect)*. Saratov: Saratov University (in Russian).

Skripkin, A. S. 2000. In Myshkin, V. N. (ed.). *Rannesarmatskaia kul'tura: formirovanie, razvitie, khronologiya (Early Sarmatian Culture: Formation, Development, Chronology)* Samara: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 137–149 (in Russian).

Skripkin, A. S. 2005. In Belotserkovskaia, I. V. (ed.). *II Gorodtsovskie chteniia. Materialy nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu deiatel'nosti V.A. Gorodtsova v GIM. April' 2003 g. (2nd Gorodtsov Readings. Proceedings of the Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of V.A. Gorodtsov in the National History Museum. April 2003)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 145. Moscow: State Historical Museum, 171–184 (in Russian).

Skripkin, A. S. 2006a. In Klepikov, V. M. (ed.). *Rannesarmatskaya i srednesarmatskaya kul'tury. Problemy sootnosheniya (Early Sarmatian and Middle Sarmatian Cultures. Issues of Relation)* 2. Volgograd: Volgograd State University Publ., 5–37 (in Russian).

Skripkin, A. S. 2006b. In Klepikov, V. M. (ed.). *Rannesarmatskaya i srednesarmatskaya kul'tury. Problemy sootnosheniya (Early Sarmatian and Middle Sarmatian Cultures. Issues of Relation)* 2. Volgograd: Volgograd State University, 135–137 (in Russian).

Skripkin, A. S., Mys'kov, E. P. 2009. In Makarov, N. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1991–2004 gg. (Archaeological Discoveries of 1991–2004. European Russia)* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 245–255 (in Russian).

Smirnov, K. F. 1950. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XXXIV. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 97–114 (in Russian).

Smirnov, K. F. 1954. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Voprosy skifo-sarmatskoj arheologii (Issues of Scythian-Sarmatian Archaeology)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 195–219 (in Russian).

Smirnov, K. F. 1961. *Vooruzhenie savromatov (Armament of the Sauromatians)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in Archaeology of the USSR) 101. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Smirnov, K. F. 1974. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archeology)*. (3). 33–44 (in Russian).

Sorokina, N. P. 1965. In Shelov, D. B. (ed.). *Drevnosti Nizhnego Dona (Antiquities of the Lower Don)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in Archaeology of the USSR) 127. Moscow: "Nauka" Publ., 202–248 (in Russian).

Moshkova, M. G. (ed.). 2002. *Srednesarmatskaya kul'tura (Middle Sarmatian culture)*. Series: Statisticheskaiia obrabotka pogrebal'nykh pamiatnikov Aziatskoi Sarmatii (Statistical processing of funerary monuments of Asian Sarmatia). 3. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Meliukova, A. I. (ed.). 1989. *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (Steppes of the Eurasian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Period)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Stoyanova, A. A. 2004. In Zinko, V. N. (ed.). *Bosporskie issledovaniia (Bosporan Studies) V*. Simferopol; Kerch, 263–320 (in Russian).

Stoyanova, A. A. 2005. In *Arkheologiya (Archaeology)*. (2), 47–54. (in Ukrainian).

Stoyanova, A. A. 2006d. *Namisto i pidviski naseleattia Krimu III st. do n. e. – IV st. n.e. (Beads and Pendants of the Population of Crimea in the 3rd Century BC – 4th Century AD)*. Diss of candidate of historical Sciences. Research Archive of the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. Found 12, dossier 850 (in Ukrainian).

Stoyanova, A. A. 2012. *Detskie pogrebeniia iz mogil'nika Opushki (po rezul'tatam raskopok 2003-2009 gg.) (Children's Burials from the Opushki Burial Ground (Based on the Results of Excavations in 2003-2009))*. Simferopol: "Dolia" Publ. (in Russian).

Stoyanova, A. A. 2019. In Khrapunov, I. N. (ed.). *Krym v sarmatskuyu epokhu (The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – 400 AD))* 5. Simferopol: "Firma "Salta" LTD" Publ., 253–266 (in Russian).

Symonovich E. A. 1983. *Naselenie stolicy pozdneskifskogo carstva (po materialam Vostochnogo mogil'nika Neapolya skifskogo) (Population of the Capital of the Late Scythian kingdom (Based on the Materials from the Eastern Scythian Burial Ground of Naples))*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Toshchev, G. N., Sapozhnikov, I. V. 1990. In Toshchev, G. N., Shakhrov, G. I., Shapovalov, G. I. (eds.). *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ia i Kryma (Antiquities of the Steppe Black Sea Region and Crimea)*. Zaporozh'e, 13–30 (in Russian).

Treister, M. Yu. 2008. Zuev, V. Yu. (ed.). In *Bospor i Severnoe Prichernomor'e v antichnuiu epokhu (The Bosphorus and the Northern Black Sea Region under in Ancient Age)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 146–160. (in Russian).

Treister, M. Yu. 2010. In Maslennikov, A. A. (ed.). *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosphorus)* 14. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 484–561. (in Russian).

Treister, M. Yu. 2014. In Zuev, V. Yu., Khrshanovski, V. A. (eds.). *Pogrebal'naja kul'tura Bosporskogo carstva (Sepulchral culture of the Bosporan kingdom)* Saint Petersburg: Nestor-Istoriia" Publ., 54-65 (in Russian).

Treister, M. Yu. 2018a. In Maslennikov, A. A. (ed.). *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosphorus)* 22. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 216–238. (in Russian).

Treister, M. Yu. 2018b. In *Materialy po istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma (Materials on the history of ancient and medieval Crimea)* 10. Sevastopol; Tyumen, 118–210 (in Russian).

Treister, M. Yu. 2019a. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* (1), 25–68. (in Russian).

Treister, M. Yu. 2019b. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* (2). 379–415 (in Russian).

Treister, M. Yu. 2019 v. In Khrapunov, I. N. (ed.). *Krym v sarmatskuyu epokhu (The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400))* 5. Simferopol: "Firma "Salta" LTD" Publ., 272–281 (in Russian).

Treister, M. Yu. 2020a. In Maslennikov, A. A. (ed.). *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosphorus)* 25. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 384–406 (in Russian).

Treister, M. Yu. 2020a. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* (2), 5–60. (in Russian).

Treister, M. Yu. 2020v. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* (3), 5–48. (in Russian).

Treister, M. Yu. 2020g. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* (4), 41–109. (in Russian).

Troitskaya, T. N. 1957. In Shults, P. N. (ed.). *Istoriia i arkhologiiia Drevnego Kryma (History and Archaeology of Ancient Crimea)*. Kiev: Academy of Sciences of the Ukrainian SSR Publ., 174–190 (in Russian).

Trufanov, A. A. 2003/2004. Kukoval'skaia, N. M. (ed.). *Sugdeiskii sbornik (Sugdaia Collected Works)*. Kiev, Sudak: "TOV Gorobets" Publ., 495–521. (in Russian).

Trufanov, A. A. 2004a. In *Rossiiskaia Arkheologiiia (Russian Archaeology)* (3), 160–170 (in Russian).

Trufanov, A. A. 2004b. In Koltukhov, S. G. (ed.). *U Ponta Evklinskogo (pamiati P.N. Shultsa) (At Pontus Euxinum)*. Simferopol: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, 135–138 (in Russian).

Trufanov, A. A. 2007. In Zaitsev, Yu. P., Mordnitseva, V. I. (eds.). *Drevniaia Tavrika. Posviashchsaetsia 80-letiyu T.N. Vysotskoi (Ancient Tavrika. Dedicated to the 80th Anniversary of T.N. Vysotskaya)* Simferopol: "Univercum" Publ., 173–186 (in Russian).

Trufanov, A. A. 2001. In Gushchina, I. I., Zhuravlev, D. V. (eds.). *Pozdnie skify Kryma. Pamiati N.A. Bogdanovoi (The Late Scythians in the Crimea)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 118. Moscow: State Historical Museum, 71–77 (in Russian).

Trufanov, A. A. 2005–2009. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 117–328 (in Russian).

Trufanov, A. A. 2011. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 223–270 (in Russian).

Trufanov, A. A., Mordvintseva, V. I. 2016. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* (2), 196–212. (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1996. In *Rossiiskaia Arkheologiiia (Russian Archaeology)* (1), 215–221 (in Russian).

- Khabdulina, M. K. 1994. *Stepnoe Priishim'e v epokhu rannego zheleza (Steppe Ishim River Area in the Early Iron Age)*. Almaty: "Rakurs" Publ. (in Russian).
- Khazanov, A. M., Chernenko, E. V. 1979. In *Arkheologiya (Archaeology)* 30, 18–26 (in Ukrainian).
- Khomyakova, O. A. 2018. In Oblomsky, A. M. (ed.). *Brianskii klad ukrashenii s vyemchatoi emal'iu vostochnoevropskogo stilia (III v. n.e.) (Bryansk Hoard of Adornments with Champeve Enamel of Eastern European Style (3rd Century A.D.))*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of the Slavs and Their Neighbors) 18. Moscow – Vologda: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, "Drevnosti Severa" Publ., 86–94, fig. 69–79 (in Russian).
- Khrapunov, I. N. 2002. *Mogil'nik Druzhnoe (III–IV vv. nashei ery) (Druzhnoe Burial Ground (3rd–4th cc. AD))*. Lublin: Wydaw. Uniw. M. Curie-Skłodowskiej (in Russian).
- Khrapunov, I. N. 2006. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* 1 (12). 161–250 (in Russian).
- Shabanov, S. B. 2015. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* (3), 213–230. (in Russian).
- Sharov, O. V. 2019. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 18 (2), 197–220 (in Russian).
- Shevchenko, N. F. In Raev, B. A. (ed.). *Drevnosti Kubani i Chernomor'ia (Antiquities of the Kuban and Black Sea)*. Krasnodar: "Skifskaia galereia" Publ., 38–198 (in Russian).
- Shevchenko, N. F. 2006. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* (1). 141–154 (in Russian).
- Shevchenko, O. B. 2018. In Bruyako, I. V., Glavenchuk, A. V. (eds.). *Antichnyi Nikonii i mir plemion Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Antique Nikoniy and the World of the Tribes of the North-Western Black Sea Region)*. Odessa, 77–85 (in Ukrainian).
- Spelov, D. B. 1978. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 156. Moscow: "Nauka" Publ., 16–22 (in Russian).
- Shinkar, O. A. 2006. In Murasheva, V. V. (ed.). *Gorod i step' v kontaktной Evro-Aziatskoy zone (The city and the steppe in contact Eurasian spase)*. Moscow: "Numizmaticheskaya literatura" Publ., 57–59 (in Russian).
- Shinkar, O. A. 2007. In *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of History and Archaeology of Western Kazakhstan)* 1. 103–119 (in Russian).
- Yurochkin, V. Yu., Trufanov, A. A. 2003. In Zolotarev, M. I. (ed.). *Khersonesskii sbornik (Chersonesos collection)*. XII. Sevastopol. 199–128. (in Russian).
- Yablonsky, L. T., Davis-Kimball, J., Demidenko, Yu. V. 1995. In Yablonsky, L. T. (ed.). *Kurgany levoberezhnogo Iлека (Mounds of the left bank of Ilek)*. 3. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 9–47, 100–175. (in Russian).
- Yatsenko, S. A. 2007. In Zuev, V. Yu. (ed.). *Bosporskii fenomen: sakralnyi smysl regiona, pamiatnikov, nakhodok (The Bosporan Phenomenon: the sacred meaning of the region, monuments, finds)*. Saint Petersburg: State Hermitage Publ., 275–279 (in Russian).
- Feugère, M. 1985. *Les Fibules en Gaule Méridionale (de la conquête à la fin du V s. ap. J.-C.)*. Revue Archéologique de Narbonnaise. Suppl. 12. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique (in French).
- Istvánovits, E., Kulesár, V. 2014. In Madyda-Legutko, R., Rodzińska-Nowak, J. (eds.). *Honoratissimum assensus genus est armis laudare*. Kraków, 143–149. (in English).
- Marčenko, I. I., Limberis, N. Ju. 2008. In Simonenko, A., Marčenko, I. I., Limberis, N. Ju. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern*. Archäologie in Eurasien. B.25. Mainz: Ph. von Zabern, 265–402, Taf. 1–222. (in Deutch).
- Raev, B. 1986. *Roman Imports in the Lower Don Basin*. BAR International series 278. Oxford: BAR.
- Riha, E. 1979. *Die Römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst*. Forschungen in Augst. Bd.3. Augst. (in Deutch).
- Simonenko, A. V. 2008. In Simonenko, A., Marčenko, I. I., Limberis, N. Ju. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern*. Archäologie in Eurasien. B.25. Mainz: Ph. von Zabern, 1–95, Taf. 1–168. (in Deutch).
- Treister, M. 2004. In Chr. Tuplin (ed.). *Pontus and the outside world. Studies in Black Sea History, Historiography and Archaeology*. Series: Colloquia Pontica. 9. Leiden; Boston, 131–193. (in English).

About the Author:

Krasnopeorov Aleksander A. Candidate of Historical Sciences, Udmurtian Institute of History, Language and Literature. Lomonosov Str. 4, Izhevsk, 426004, Russian Federation; khaa@udm.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2021 г.

Таблица А.
Находки бронзовых наконечников стрел в «позднем» (после III в. до н.э.) контексте
Table A.
Finds of bronze arrowheads in the "late" (after the third century BC) context

комплекс ¹	тип наконечника	сопутствующие находки	ссылки на публикации
Алитуб, к.3 («Крестовый»)/п.20	двухлопастная, нижний край обломлен	Зеркало с валиком по краю Скрипкин-4.7, котел: Демиденко-№19, ножной браслет, серьги, сковорода Е130/Айлесфорд	Максименко, 1983, рис. 37: 1-14; Захаров, 2000; Глебов, Толочко, 2016, рис. 16, с. 57-№7
Алитуб, к.26/п.	с выступающей втулкой	Ковш Е136/Сиссия (Раев, 1896, pl. 22: 2), стеклянная тарелка миллефиори, зеркало с валиком по краю и выпуклостью в центре Скрипкин-6.7, серьги, флакон, бусы: Алексеева-78, гагатова Бес, монеты Динамии.	Засецкая, Ильюков, Косяненко, 1999, рис. 1-4
Беляус, ск.1	с выступающей втулкой	Фибулы: ранне- и среднелатенские I серии 1 варианта (Михлин, 1980, с. 195, 197, 201, рис. 1: 1, 2: 3, 4: 5; Кропотов, 2010, с. 39-№7, 46-№29)	Пуздровский, 2007а, рис. 13: I
Бережновка II, к.85/п.2	с выступающей втулкой	Бусы: треугольные полосатые подвески Алексеева-193, «бусы-амфоры» Алексеева-193г	Синицын, 1960, с. 86, рис. 31: 3-5; Зуев, 1999, рис. 4: 1-4, с. 314-315
Бережновка II, к.100	с выступающей втулкой		Синицын, 1960, с. 100-101, рис. 38: 1,3,5, 39: 1,2
Бережновка ЮЗГ, к.1/п.11	двухлопастная с шипом	Меч с серповидным навершием	Синицын, 1959, с. 115-116, рис. 29: 5, 37: 2-6,21
Битак, ск.97	со скрытой втулкой	Фибула: лучковая I серии 1 варианта (Кропотов, 2010, с. 83-№78), наконечник ножен, навершиерогатка, застежка с неподвижным крючком, веретенovidный унгентарий	Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 136, рис. 3: 6, 4: 2,4,6,7,23, 5: 1,13-15,24, 7: 4, 9; Пуздровский, 2007а, рис. 34
Битак, ск.160	с выступающей втулкой	только текстовый перечень: зеркала-подвески, лучковая фибула 2-3 варианта, сильнопрофилированная фибула, игольник (Труфанов, 2005-2009, с. 316)	Пуздровский, 2007а, рис. 92: 2; Труфанов, 2005-2009, рис. 87: 3-4
Вербовский II, к.8/п.1	с выступающей втулкой	Пряжки: круглые	Мамонтов, 2008, рис. 2: 5, 5: 1, 6: 5,14,16-26
Донской, к.6 ² /п.23	с выступающей втулкой	Меч с кольцевым навершием, кольцевая застежка с неподвижным крючком	Максименко, 1983, рис. 40: 1-6
Дружное, м. 4	двухлопастная с шипом	Пряжки Малашев-П2а, П10, наконечники ремней с цилиндрическим расширением Малашев-Н10, бусы, стеклянные сосуды	Храпунов, 2002, с. 46, рис. 75: 17
Дружное, м. 58	с выступающей втулкой	Пряжки Маалшев-П10, с круглой рамкой, сильно выступающим язычком, круглым щитком, бусы, подвески-топорики, подвески с выпуклинами	Храпунов, 2002, с. 46, рис. 143: 6
Дружное, м. 64	со скрытой втулкой	Пряжка Малашев-П10, бусы, стеклянные сосуды	Храпунов, 2002, с. 46, рис. 155: 10
Золотое, п.91	с выступающей втулкой	Фибула: лучковая I серии 2 варианта (Кропотов, 2010, с. 87-№142), бусы: фаянсовые львы	Корпусова, 1983, табл. XXXIV: 1-12
Казанская/Тифлисская, к.34	трехлопастная с шипом		Гущина, Засецкая, 1994, кат. 96-97, табл. 10
Казанская/Тифлисская, к.42	двухлопастная с шипом	Ручка таза Е99/100, Пряжка: Малашев-П1	Гущина, Засецкая, 1994, кат. 107-110, табл. 11
Казанская/Тифлисская, к.44	с выступающей втулкой	Таз Е100	Гущина, Засецкая, 1994, кат. 120-126, табл. 13
Казанская/Тифлисская, к.50	двухлопастная с шипом		Гущина, Засецкая, 1994, кат. 153-155, табл. 15, 16
Капак-Таш, к.1/кам. ск./п.3	со скрытой втулкой	Фибулы: лучковая II серии 4 варианта (Кропотов, 2010, с. 150-№179), среднелатенской схемы II серии 1 варианта (Кропотов, 2010, с. 53-№41), застежки с неподвижным крючком, бусы: треугольные полосатые подвески Алексеева-193	Зайцев, 1999, рис. 6: 1; Пуздровский, 2007а, рис. 53-56
Кобяково, п.329	с выступающей втулкой	Зеркало-подвеска Скрипкин-6.10	Ларенок, 2013, табл. 144: 3-7, с. 230
Койсуг, к.4/п.32	двухлопастная с шипом	Пряжка, близкая типу Радац-У, короткий меч без навершия	Максименко, 1970, рис. 1: 4, 2: 4-9, 4: 1, с. 228; 1983, рис. 38: 7-15

Кос-Оба, к.2		Памятник не издан. Только текстовый перечень: диагональное погребение, 18 железных черешковых, 1 бронзовый втульчатый наконечник, зеркало «бактрийского» типа (с валиком по краю и выпуклостью в центре диска), алебастровый сосудик, стеклянные бусы, «комплекс следует отнести не позднее I в. до н.э.» (Мошкова, 2004, с. 30, 31). Дана ссылка на рис.3, но без точной позиции. Под описание ничего не подходит	
Курское, п.21	двухлопастная с шипом	Пряжка: Малашев-П2а	Труфанов, 2003/2004, с. 510-511, рис. 10
Лехкч-Корт, п.1	с выступающей втулкой	Фибулы: лучковые III (Кропотов, 2010, с. 158-№39-42), длинный меч с мергелевым навершием, пряжки: круглые, Малашев-П7	Виноградов, Петренко, 1974, рис. 2: 1-10, с. 171
Маляевка V, к.7/п.5	со скрытой втулкой	Меч с отломанной в древности рукояткой, прямоугольный щиток железной пряжки (Малашев-П1 – ?)	Сергацков, Дворниченко, Демкин, 2001, с. 20-21, рис. 4: 5, 16: 4-6
Неаполь, п.3	двухлопастная с шипом с выступающей втулкой	Фибулы: лучковые I серии 4 варианта, II серии 4 варианта (Кропотов, 2010, с. 116-№174, 149-№146), зеркала-подвески Скрипкин-6.10, браслет	Сымонович, 1983, табл. IV: 7, VII: 1, VIII: 8, XI: 18,19, XVI: 1, XX-16, XXIV: 16,19, XXVIII: 13,27, XXX: 3,6,11,35,42,53,67, XXXI: 26,44, XXXII: 1, XXXIII: 12, XXXIV: 15,24, XXXVI: 11,12, XXXVIII: 19, XLII: 17,21, XLIV: 2,12,13,26, XLVI: 3,9,11
Неаполь, п.39	с выступающей втулкой со скрытой втулкой	Фибула: среднелатенская II серии 1 варианта (Кропотов, 2010, с. 52-№35), пластинчатые поясные крючки	Сымонович, 1983 ³ , табл. XIII: 1, XIV: 1-5, XVI: 4,6,19,23,24, XXI: 24, XXV: 1, XXIX: 11, XXXIV: 17, XXXIX: 34, XLV: 16; Зайцев, 1999, рис. 5: 1
Неаполь, п.58	двухлопастная с шипом	Фибулы: лучковая II серии 3 варианта (Кропотов, 2010, с. 143-№115), сложнопрофилированная II серии (Кропотов, 2010, с. 234-№42), бусы: фаянсовые бинокли, амулет-человечек, зеркало-подвеска Скрипкин-6.10, браслет со змеиными головками	Сымонович, 1983 ⁴ , табл. I: 13, III: 10, II: 3, X: 5, XVI: 2, XVIII: 20, XXVI: 28, XXVIII: 21, XXIX: 21,33, XXXV: 25, XLII: 8, XLIII: 32, XLIV: 20, XLV: 1,12
Неаполь, ск.67	с выступающей втулкой	Рогатое навершие, застежки с неподвижным крючком, наконечник ножен	Сымонович, 1983 ⁵ , табл. IV: 6, V: 7, VIII: 18, XVI: 5,13, XVII: 5, XVIII: 5,19, XXIII: 36, XXVIII: 18, XXIX: 3,10,27, XXX: 23,38, XXXI: 5, XXXV: 9, XXVIII: 40, XLV: 25,29,35
Неаполь, ск.9 ⁶	с выступающей втулкой		Пуздровский, 2007а, рис. 92: 11
Неаполь, п.43	с выступающей втулкой	[никаких данных нет]	Пуздровский, 2007а, рис. 92: 1
Нейзац, п.164	двухлопастная с шипом	Бусы	Храпунов, 2006, рис. 28, 45: 6-12
Нижнеарметовский, кург. 1977 г.	двухлопастная	Фибула: с завитком Амброс-13, сюльгама, пряжка: Малашев-П2а, зеркало-подвеска Скрипкин-6.10	Красноперов, Бахшиев, 2019
Никольское IV, к.1/п.3	с выступающей втулкой	Длинный меч без навершия, оселок, костяные ворворки	Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989, с. 101-104, рис. 28: в, 30, 31: 1
Нимфей, К26	с выступающей втулкой	Фибула: лучковая фибула I серии 4 варианта (Кропотов, 2010, с. 120-№303), навершие меча, амулет-человечек, пряжки: круглые, зеркало с плоским диском Скрипкин-1.4 или 1.6	Грач, 1999, рис. 78-84, табл. 175, 176
Nyíregyháza–Felsősim, NE of Gyebres tanya, site 161, grave 280	со скрытой втулкой	Фибула: лучковая III серии (– ?), пряжка: Вадаи-Кульчар-1, монета	Istvánovits, Kulcsár, 2014, fig. 1
Новое Отрадное, п.37		Единственная находка в погребении, но памятник хронологически монолитен	Арсеньева, 1970, 107, рис. 12: 17
Октябрьский V, к.1/п.1		Канфар (скифос) Засецкая-Марченко-IIIа, котел: Демиденко-№159, железные и полихромные («бирюзово-золотого стиля») пряжки: круглые, удила, тазы, стакан, чаши, сосуд с зооморфной ручкой.	Мыськов, Кияшко, Скрипкин, 1999, рис. 1-6; Скрипкин, Мыськов, 2009

Опушки, п.28	со скрытой втулкой	Бусы: Алексеева-215-217	Стоянова, 2012, рис. 17, 18
Паниардис, п.2(К)/1972	двухлопастная	Зеркало с валиком по краю и небольшой выпуклостью в центре Скрипкин-6.7, поясной крючок, бусы, лапчатая подвеска	Горбенко, Косяненко, 2011, рис. 8-10
Покровка-2, к.9/п.1	со скрытой втулкой	Сбруйный набор, железные и бронзовые пряжки: круглые, Малашев-П8, бронзовые наконечники	Яблонский, Дэвис-Кимболл, Демиденко, 1995, рис. 46, 47, 62-71, с. 41-45
Сайхин СВ, к.1/п.5	со скрытой втулкой	только описание: 2 ножа (один согнут вдвое), железная пряжка 8-видной формы с неподвижным крючком, оселок	Синицын, 1959, с. 148, рис. 48: 4
Соколова Могила, к.1/п.3	двухлопастная с шипом	Ойнохоя, канфар, ситула Е38*, браслеты, ожерелья, фибулы, веер, фаянсовое блюдо в виде раковины, стеклянная тарелка, и др. вещи.	Ковпаненко, 1986; Симоненко, 2011, кат. 110, с. 220-225
Суворовский, ск.38, между п.2 и 3	двухлопастная с шипом	Амфоры Шелов-Ф, Пряжки: Малашев-П10, стеклянные сосуды, в т.ч. чаша типа Rau-Sigersted-Ganzkow (Шабанов, 2015), подвеска стиля «Закшув-Кишпек», подвязная фибула Амброз 16/3 – Гороховский-Б3б, зеркало с центральной петлей, бусы, краснолаковые сосуды	Юрочкин, Труфанов, 2003, с. 204, 219, рис. 2: 23; Пуздровский, Труфанов, Юрочкин, 2007, с. 120, рис. 8: 14
Тавельские курганы 1897 г.	с выступающей втулкой со скрытой втулкой	Фибулы: с кнопкой 1 варианта (Кропотов, 2010, с. 214-№18-19), двуугольная брошь II серии со всадником, пружинная брошь, лучковые 1 серии 2 варианта, детали уздечного набора IV в. до н.э., поясные крючки, пряжки: подковообразные (Труфанов, 2004а, с. 161, рис. 1: 12-14), укороченные дугоконечные, браслеты со змеинными головками, кольца с выступами, монеты, одна из которых определена как херсонесская III в. до н.э., кольца с выступами, «кирки», перстень с закрученными концами	Троицкая, 1957, №8-9, с. 184-189, рис. 10: 1, 11, 12; Труфанов, 2004б; Пуздровский, 2007а, рис.44, 45
Танаис, п.1/НЗ/1996	со скрытой втулкой	Чернолаковая чашка 2-1 вв. до н.э.	Глебов, Толочко, 2016, рис. 3
Танаис, п.9/НЗ/1996	двухлопастная с шипом	В заполнении ограбленного погребения	Глебов, Ильяшенко, Толочко, 2004, с. 293
Тбилисская, к.9	двухлопастная	Фибулы: сложнопрофилированная II серии (Кропотов, 2010, с. 236-№119), лучковая 1 серии 3 варианта (Кропотов, 2010, с. 105-№489), «канделябр»	Ждановский, 1984, с. 85-86, рис. 2: 48-62
Тифлисская, к.20	двухлопастная с шипом	Бусы: фаянсовые львы, скарабеи, бинокли, фаллосы, подвеска-котелок, подвески с выпуклинами, ажурная подвеска	Гущина, Засецкая, 1994, кат. 310-328, табл. 33, 34
Торгунский I, к.1/п.1	со скрытой втулкой	Фибула: лучковая 1 серии 2 варианта, бусы: фаянсовые бинокли, скарабеи, треугольные полосатые подвески	Демиденко, 2014, рис. 1-4
Усть-Альма, ск.43	с выступающей втулкой	Фибулы: лучковые 1 серии 3 варианта (Кропотов, 2010, с. 94-№88), IV серии 2 варианта (Кропотов, 2010, с. 163-№28), брошь формы 8 (Кропотов, 2010, с. 318-№5), с завитком 1 серии (Кропотов, 2010, с. 188-№66-67), бусы: Алексеева-78, пряжки: подковообразные (Труфанов, 2004а, с. 160, рис. 1: 8), Раддац-С, круглые, Малашев-П1, зеркала-подвески Скрипкин-6.10, браслеты со змеинными головками, ножной браслет, ведерковидные подвески	Высотская, 1994, табл. 9-11
Усть-Альма, ск.92/п.16	двухлопастная	Фибулы: лучковые 1 серии 2 вариант (Кропотов, 2010, с. 85-№43-49), II серии 2 варианта (Кропотов, 2010, с. 137-№30-31), IV серии 2 варианта (Кропотов, 2010, с. 163-№29), брошь формы 8 (Кропотов, 2010, с. 318-№6), с завитком 1 серии (Кропотов, 2010, с. 188-№77-78), пряжки: подковообразные (Труфанов, 2004а, с.161), дугоконечные пряжки Раддац-С (Труфанов, 2004а, с. 165, рис. 4: 5), круглые, бусы: фаянсовые фаллосы, кукиши, грозди, скарабеи, кольца с выступами, меч с кольцевым навершием, ведерковидные подвески, ножной браслет, венки	Высотская, 1994, табл. 29-31; Труфанов, 2005-2009, рис. 90
Усть-Альма, п.384	со скрытой втулкой		Пуздровский, 2007а, рис. 92: 3, 95: 17

Усть-Альма, п.404	с выступающей втулкой	только текстовый перечень: зеркало с петелькой Скрипкин-6.11, антропоморфные амулеты, фаянсовые бусы, лучковые фибулы 2-3 вариантов, кольцо с шишечками (Труфанов, 2005-2009, с. 304)	Пуздровский, 2007а, рис. 92: 4, 128: 9
Усть-Альма, п.432	двухлопастная с шипом		Пуздровский, 2007а, рис. 92: 9, 147: 10,11, 148: 6
Усть-Альма, ск.450/п.5	с выступающей втулкой	только текстовый перечень: подвески-кирки, фибула Авцисса, 2 лучковые фибулы, фибула с завитком; под погр.4, перекрывает погр.24, 22-23, 19-21 (Труфанов, 2005-2009, с. 305-306) В склепе: лучковые фибулы I серии 2 варианта, II серии 2 варианта, IV серии 2 варианта (Кропотов, 2010, с. 85-№63-68, 137-№33-35, 163-№35-36), фибулы-броши форм 10 и 13 (Кропотов, 2010, с. 319-№4-5, 320-№1), фибула с завитком I серии (Кропотов, 2010, с. 189-№105), фибула Авцисса, форма 2 (Кропотов, 2010, с. 276-№21)	Пуздровский, 2007а, рис. 92: 5, 97: 3, 142: 2, 163: 1, 194: 5,11, 197: 1,2,4, 198: 9-11; Труфанов, 2005-2009, рис. 74: 47-65, 82: 7-11
Усть-Альма, п.691	со скрытой втулкой	Фибула: сильнопрофилированная с расширенной головкой, форма 2 (Кропотов, 2010, с. 262-№5), бусы: фаянсовые амфоры, скарабей, «кирки»	Труфанов, 2005-2009, рис. 84: 3
Усть-Альма, п.764	со скрытой втулкой	Неопределимый фрагмент лучковой фибулы, фрагменты железных пряжек	Пуздровский, Труфанов, 2017а, рис. 57
Усть-Альма, ск.777	с выступающей втулкой	Венки, наглазники и наротники, кольца с выступами, пряжки: восьмерковидные Раддац-U (Труфанов, 2004а, с. 164, 168, рис. 2: 8), дугоконечные, вариант Б (Труфанов, 2004а, с. 166, рис. 4: 2), мечи с кольцевым навершием, без навершия с перекрестьем с изломом, псалии с выступами, бусы: Алексеева-249, монета (запаздывающая).	Пуздровский, Труфанов, 2017а, рис. 85-93
Усть-Альма, ск.844	двухлопастная	Бусы, подвески с выпуклинами, ойнохоя E125/Милинген, кувшин «Страджа», тарелка, патера E155 или Nuber-G/Кентрбери	Пуздровский, 2005-2009; Пуздровский, Труфанов, 2017б, рис. 28-32
Усть-Альма, п.857	со скрытой втулкой	Фибула: лучковая I серии 2 варианта (Кропотов, 2010, с. 86-№86), бусы: фаянсовые Бесы, крапчатые «кирки», ножной браслет, подвески с выпуклинами	Пуздровский, Труфанов, 2017б, рис. 68-69
Усть-Каменка, к.71/п.1	со скрытой втулкой	Фибула: лучковая II серии 2 варианта (Кропотов, 2010, с. 137-№17), бусы: фаянсовые бинокли, Алексеева-486	Костенко, 1993 ⁷ , рис. 26: 1-17; Simonenko, 2008, taf. 54: 1, kat. 69; Симоненко, 2011, с. 193-кат.65
Усть-Лабинская, к.35	двухлопастная с шипом	Бляшка «бирюзово-золотого стиля», овальнорамчатая пряжка с прямой тыльной стороной, близка типу Раддац-С	Гущина, Засецкая, 1994, кат.395-403, табл.45
Чистенькое, к.1/п.2	со скрытой втулкой	Конские налобник и нащечники, удила с крестовидными псалиями, трапециевидная поясная застежка, меч с кольцевым навершием, веретеновидный унгвентарий, крупные глазчатые бусы: Алексеева-356, 386, ф19	Колтухов, Тощев, 1998, с. 42-46, рис. 21-22; Симоненко, 2001, рис. 1, с. 92-94
Ясырев III, к.1/п.7	со скрытой втулкой	Меч с кольцевым навершием	Мошкова, Максименко, 1973, с. 76, рис. 28: 6, 29: 10; Мошкова, Фёдорова-Давыдова, 1974, с.68, табл. XXIII: 8,9, XXV, XXVI, XXVII: 2,5; Максименко, 1983, рис. 36: 1-4
Беляус, гунн. могила №3	двухлопастная с шипом	Серьги: с многогранником, калачевидная с ребром, крученая гривна с петлями, В-образная пряжка, колокольчик	Дашевская, 2003, рис. 2: 9; 2014, табл. 174: 9
Паласа-Сырт, к.2	с выступающей втулкой	Серьги с наборным многогранником со стеклянными вставками, фибула: Амброз-15-4-1, косметический прибор, игольник, ситечко, пряжка с плоской рамкой, зеркало с петлей и звездчатым рельефом Балта-Анке-3	Котович, 1959, табл. XIII: 17; Гмыря, 2011, рис. 7: 4
Оселовка, п.51	с выступающей втулкой	Овальнорамчатая пряжка с прямым язычком без уступа у основания, заходящим до середины высоты рамки, гребень Никитина-III-B26 (Никитина, 2008, рис. 18: 2, с. 82, 83)	Никитина, 1988, табл. 27: 4

Фрикацей, к.6/п.1	двухлопастная с шипом	В заполнении входного колодца; полихромная фибула	Тоцев, Сапожников, 1990, рис. 5: 7
Дмитриевский, кат.26	двухлопастная с шипом		Плетнева, 1967, с. 174, рис. 47: 16; Плетнева, 1989, рис. 58: 26
Маяки, комплекс неизвестен	двухлопастная с шипом		Михеев, 1985, рис. 16: 12

¹ По поводу некоторых комплексов есть сомнения в датировании: Западные могилы, к.18/п.3 (Скворцов, 2017, с. 52, рис. 7: 5,11,13,16,17), Кривая Лука I, к.1/п.1 (Дворниченко, Малиновская, Федоров-Давыдов, 1977, с. 5-6, рис. 2, 59: 1, 88: 1, 91: 3), Амангельды, к.14/п.1 (Хабдулина, 1994, рис. 22: I), Первомайский VII, к.93/п.10-2 (Мамонтов, 2000, с. 42-43, рис. 20: 5-8, 27: 1). Детальной хронологии сарматской керамики не существует, а других находок нет. В Шебалино, к.3/п.7 (Мамонтов, 1995, с. 25-26, рис.1: 7, 5: 12-14) только мелкие фрагменты кинжала с прямым перекрестьем и глазчатая бусина. В Покровка 2, к.10/п.1,2 (Яблонский, Дэвис-Кимболл, Демиденко, 1995, рис. 48, 49, 71, 72) только стрелы.

² М.Г. Мошкова и В.Е. Максименко упоминают о наконечнике из Донской, к.5/п.23 (Мошкова, Максименко, 1973, с. 77).

³ В описании погребения (с. 43-44) дана ссылка на фибулу табл. XXVI: 19, в подрисуночных подписях она отнесена к погр.75.

⁴ В описании погребения (с. 67-68) дана ссылка на зеркало табл. XLII: 2, в подрисуночных подписях оно отнесено к погр.70.

⁵ В описании погребения (с. 48-49) даны ссылки на следующие предметы: антропоморфную подвеску табл. XLV: 2, в подрисуночных подписях она отнесена к случайным находкам 1956 г.; фибулу табл. XXVII: 20 – отнесена к погр.15; пронизку табл. XXIX: 13 – отнесена к погр.75; «пуговицу» табл. XXV: 29 – отнесена к погр.26. Пряжки табл. XXXIX: 5 нет в описании погребения.

⁶ Вещи не изданы. В описании (Бабенчиков, 1957, с. 99) отмечено, что склеп датируется обломками керамики I в. н.э., и является наиболее ранним из раскопанных.

⁷ Бусины рис. 26: 7 нет в описании погребения.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.2.250.260>

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ С СЕЛИЩА ЗИНИНО-1

© 2021 г. А.С. Проценко, Р.М. Сатаев

Селище Зинино-1 – сезонная стоянка убаларского культурного типа кара-абызской археологической культуры. В статье обсуждаются результаты исследования керамического и археозоологического материала из раскопок памятника. Целью исследования являлось оценка степени влияния убаларского населения на хозяйственный уклад носителей кара-абызской культуры в целом. Коллекция керамического материала ярко иллюстрирует «симбиоз» населения Южного Приуралья на рубеже эр. Анализ примесей к формовочной массе сосудов позволило установить преобладание керамики убаларского типа, что подтверждает культурную атрибуцию селища. Убаларская керамика выделяется по плотной фактуре теста и высокому содержанию в нем песка. Среди индивидуальных находок присутствуют четыре фрагмента терочных плит, но их назначение остается неясным. Предположительно они не использовались при приготовлении пищи. Археозоологический материал немногочисленный. Концентрация костей в культурном слое невысокая, только в первом горизонте остатки животных встречены во всех квадратах. Несмотря на это, здесь были выявлены остатки животных, происходящие от пяти домашних и двух диких видов. По количеству костей лидирует крупный рогатый скот. Пересчет количества костей на объем мясной продукции дает основание говорить, что основой мясного рациона жителей селища являлась говядина и конина. В целом, рассмотренный материал не дает оснований говорить, что приход убаларского населения как-то существенно повлиял на хозяйственный уклад кара-абызских племен.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, кара-абызская культура, убаларский тип, Южное Приуралье.

NEW MATERIALS FROM ZININO-1 ANCIENT VILLAGE

A.S. Protsenko, R.M. Sataev

Zinino-1 ancient village is a seasonal site of the Ubalar cultural type of the Kara-Abyz archaeological culture. The paper discusses the results of a study of ceramic and zooarchaeological material from the excavations carried out at the site. The purpose of the study was to assess the degree of influence of the Ubalar population on the economic structure of the carriers of the Kara-Abyz culture in general. The collection of ceramic material vividly illustrates the “symbiosis” of the population of the Southern Urals at the turn of the historic periods. An analysis of impurities to the molding mass of the vessels made it possible to establish the predominance of ceramics of the Ubalar type, which substantiates the cultural attribution of the ancient village. Ubalar ceramics is distinguished by the dense texture of the dough and the high content of sand therein. The individual finds include four fragments of grating slabs, but their purpose remains unclear. Presumably, they were not used in food preparation. The zooarchaeological material is scarce. The concentration of bones in the cultural layer is low; only in the first horizon contained animal remains in all its sections. Despite this, animal remains have been identified at the site, originating from five domestic and two wild species. Cattle is predominant in terms of the number of bones. A recalculation of the number of bones for the volume of meat products gives ground to say that the basis of the meat ration of the village’s inhabitants was beef and horse meat. In general, the reviewed material does not give reason to say that the arrival of the Ubalar population had a significant influence on the economic structure of the Kara-Abyz tribes.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, Kara-Abyz culture, Ubalar type, Southern Cis-Urals.

Селище Зинино-1 выявлено в 2008 г. сотрудниками Центра охраны памятников Министерства культуры РБ И.И. Бахшиевым и Т.Р. Сатаровым, в 2012 г. площадка дополнительно осматривалась экспедицией научно-исследовательского центра «Наследие» (рук. Н.С. Савельев). Результаты исследования опубликованы исследователями (Бахшиев, Савельев, 2013). В 2016 г. археологической экспедицией БГПУ им. Акмуллы под руковод-

ством автора исследование памятника было продолжено.

Селище расположено в 7 км к юго-востоку от южной оконечности Уфимского полуострова, в широкой пойме правого берега р. Белой, недалеко от впадения в нее р. Уфы (рис. 1), в 1,5 км к западу – северо-западу от д. Зинино, в 0,6 км к югу от автодороги Самара – Уфа – Челябинск (М-5 «Урал») и в 0,75 км к северу от железной дороги Дема – Игли-

но. Русло р. Белой находится в 4 км к западу, русло р. Уфы – в 5 км к северу. Селище находится на краю пойменной террасы (высокой поймы), приурочено к мысовидной оконечности пологой пойменной гривы. С юга площадка ограничена широким логом, в приустьевой части которого находятся 3 крупных провала, имеющих, вероятно, родниковое происхождение. Высота площадки памятника над уровнем р. Белой составляет около 9 м, над уровнем заболоченной и заросшей лесом поймы (89 мБС) – 6 м. Высота гривы от уровня пойменной террасы составляет 1,5–2 м (Бахшиев, Савельев, 2013, с. 105–106). По совокупности анализа полученных артефактов селище датировано авторами исследований эпохами раннего железного века (курмантауская и кара-абызская культуры) и раннего Средневековья (бахмутинская культура).

Необходимо отметить высокий историко-культурный потенциал территории, где расположено селище Зинино-1. В 7–9 км к востоку от памятника расположен комплекс памятников эпохи раннего железного века с. Акбердино Иглинского района Республики Башкортостан. За последние несколько лет были выявлены новые поселенческие памятники (сезонные селища) в районе данной террито-

рии. В одной из работ В.И. Лясович вводит в научный оборот полученные материалы (Лясович, 2020)¹. Анализ полученных материалов позволил ему выделить сезонную систему освоения человеком одного из участков правого берега р. Белой в раннем железном веке. В данном случае сезонная система освоения, по мнению автора, – это хозяйственное использование населением раннего железного века овражно-балочного комплекса, на котором располагалось и крупное городище (Акбердинское II). Предполагается, что благоприятные географические условия правого берега р. Белой в эпоху раннего железа способствовали концентрации поселенческих объектов в одном месте и позволяли успешно заниматься хозяйством (Лясович, 2020, с. 50).

В 2016 г. в центральной части площадки памятника был заложен раскоп, который представлял собой вытянутый с севера на юг прямоугольник общей площадью 24 м². Раскоп был разбит на квадраты размерами 2×2 м (кв. 1-5) и 1×2 м (кв. 6-7), с оставлением одной бровки по линии запад – восток.

К моменту раскопок площадка памятника была хорошо задернована и не имела видимых повреждений (необходимо отметить, что до 2012 г. территория памятника подвер-

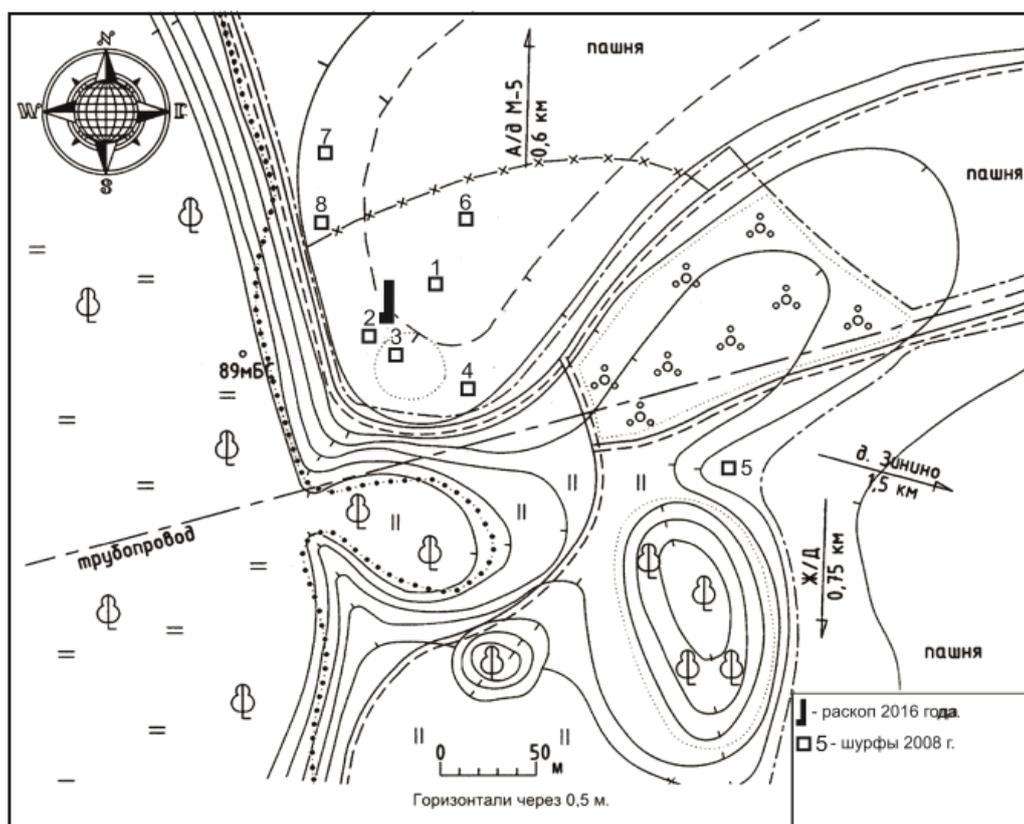


Рис. 1. Топографический план (основа Бахшиев, Савельев, 2013, с. 106 с дополнениями А.С. Проценко).

Fig. 1. Topographic plan (after Bakhshiev, Saveliev, 2013, p. 106, amended by A.S. Protsenko).

Таблица 1

Распределение керамики с разным составом примесей по горизонтам памятника

Table 1

Distribution of ceramics with different composition of impurities across the horizons of the site

Место нахождения	Раковина	Песок	Раковина+песок	Итого
Горизонт 1	-	179	26	205 ²
Горизонт 2	3	80	15	98 ³
Горизонт 3	2	46	4	52

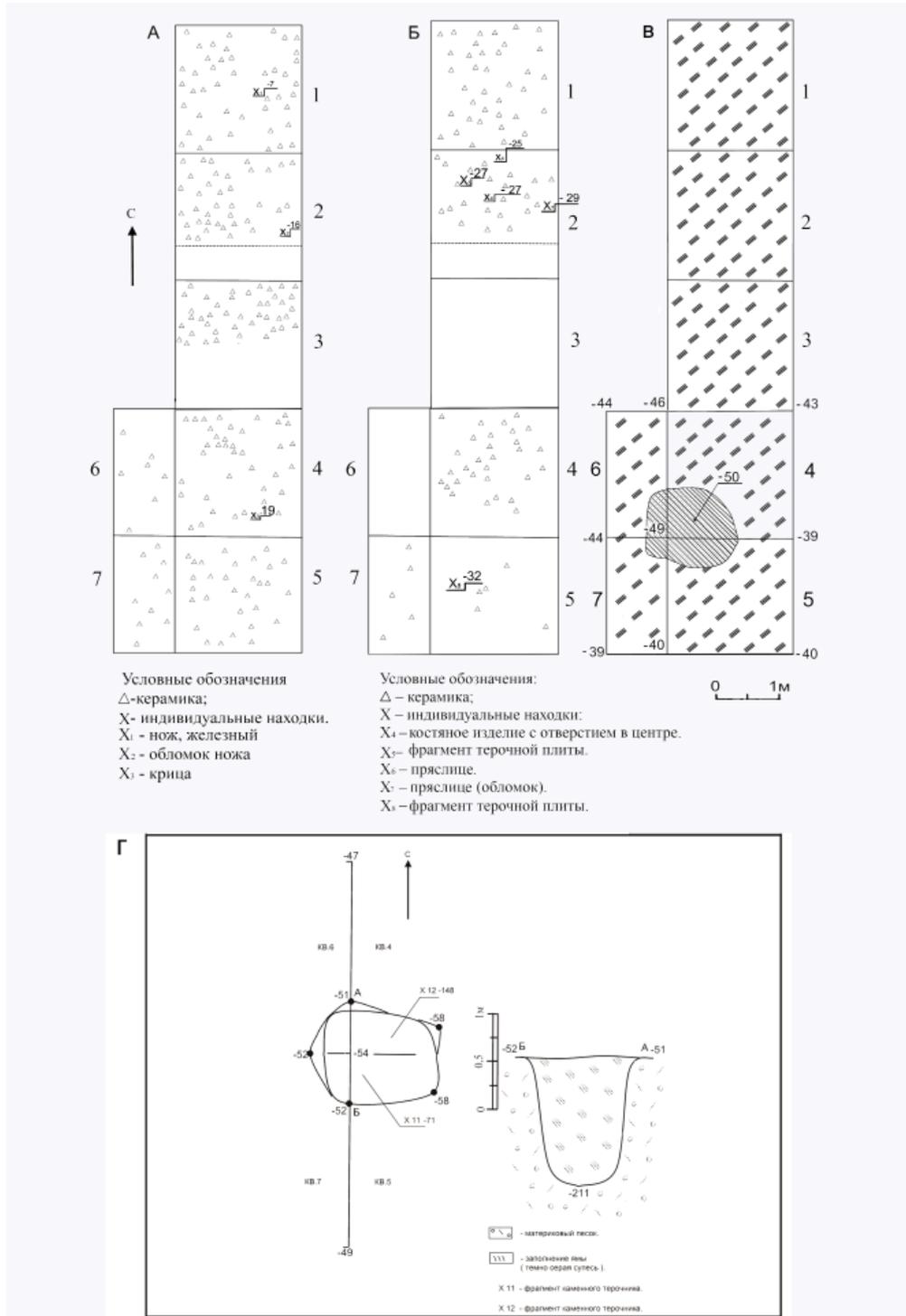


Рис. 2. Селище Зинино-1. Планиграфическая ситуация: А – гор. 1; Б – гор. 2; В – объект хозяйственного назначения, на уровне материка; Г – план и профиль объекта 1 (хозяйственной ямы).

Fig. 2. Zinino-1 ancient village. Planigraphic situation: A – horizon 1; B – horizon 2; B – utility structure at continent level; D – plan and profile of structure 1 (utility pit).

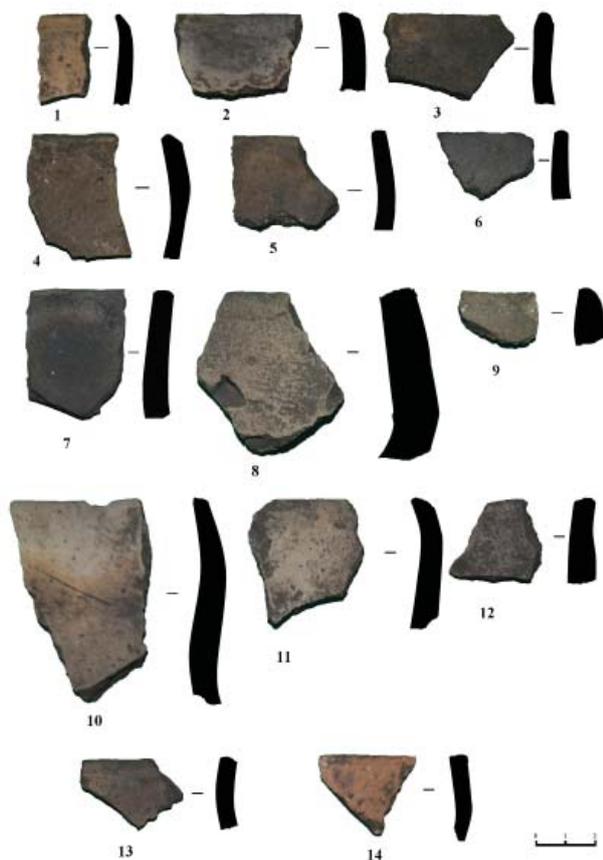


Рис. 3. Селище Зинино-1.
Фрагменты лепных сосудов. Гор. 1.
Fig. 3. Zinino-1 ancient village.
Fragments of molded vessels. Horizon 1.

(раковина-песок, песок-шамот-раковина, раковина-песок-органика, песок-шамот-раковина-органика) (Овсянников, Савельев, 2019, с. 204; Лясович, 2020, с. 48).

Мы продолжили использовать данную методику и провели анализ керамики по выделенным культурным группам (табл. 1). Основная масса находок происходит из 1 горизонта – 210 фрагментов керамического материала (рис. 2: а). В нижележащих горизонтах количество керамики существенно снижается – на 2 горизонте обнаружено 99 фрагментов (рис. 2: б), на 3 горизонте – 52.

В целом, кара-абызская керамика селища Зинино-1 может быть охарактеризована как достаточно однородная (с присутствием убаларских и гафурийских традиций) (рис. 3, 4). Большая часть керамики не орнаментирована (96,2%). Орнамент на керамике чаще всего располагается на основании горла и верхней части плечика, вообще орнаментированных фрагментов небольшое количество (всего 14 фрагментов (3,8%)): орнамент в виде круглых ямок встречен в 6 случаях (рис. 5: 7; 6: 7; 7: 12), ногтевые вдавления и насечки зафиксированы также в 5 случаях (рис. 7: 11), в двух случаях орнамент был в виде многорядного горизонтального зигзага и в одном случае орнамент представлен в виде резных дуг-гирлянд. В связи с небольшими размерами фрагментов керамического материала мы в своем исследовании намеренно опускаем вопрос о формах сосудов.

На втором горизонте был зафиксирован «гафурийский» венчик (с характерным массивным утолщением) с примесью талька, данный тип керамики был распространен на раннем этапе взаимодействия лесостепного постананьинского и степного раннепрохоровского населения (Савельев, 2010, с. 312–313; Савельев, 2011). По данному фрагменту удалось провести реконструкцию верхней части сосуда (рис. 4) и установить его диаметр (d=20 см).

Самая многочисленная группа керамики – убаларская, из общей массы уверенно выделяется по очень плотной фактуре и запеченности теста, толщина стенок сосудов варьируется в пределах 0,3–0,5 см (рис. 3, 5). Часть сосудов при переходе от горла к плечу имеет уступчик. Найдены также три фрагмента плоских днищ (рис. 6: 1–3), т. е. часть

галась многолетней распашке). Стратиграфия всего раскопа однотипна: верхний слой представляет собой темно-серую гумусированную супесь мощностью 0,15–0,25 м, нижележащий слой представляет собой светло-серую гумусированную супесь мощностью 0,1–0,25 м и материковый песок 0,05–0,15 м.

Основная масса находок – фрагменты лепной керамики. Большинство находок сосредоточены в верхних горизонтах культурного слоя, не глубже 0,3 м. Общая глубина до материка составляет 0,4–0,5 м от современной поверхности. Всего в ходе исследований получено 426 артефактов, из которых 414 – фрагменты лепной керамики: 367 стенок, 44 венчика, 3 придонные части.

Предыдущими исследователями установлено, что селище Зинино-1, скорее всего, являлось сезонной стоянкой (летником?) населения Акбердинского II городища (Бахшиев, Савельев, 2013, с. 114). В.В. Овсянниковым и Н.С. Савельевым был проведен анализ примесей к формовочной массе сосудов с данного городища, что позволило выделить хорошо фиксируемые четыре культурные группы: гафурийская (тальк, тальк-раковина), кара-абызская (раковина, раковина-органика, раковина-органика-шамот, раковина-шамот), убаларская (песок, песок-шамот, песок-шамот-органика) и микс/смешанная



сосудов могла иметь уплощенное дно. Цвет поверхностей убаларских сосудов серый, темно-серый или светло-коричневый.

В ходе исследований был выявлен *объект хозяйственного назначения*, который зафиксирован в юго-западном углу кв. 4 на поверхности материка, в связи с этим были заложены дополнительные кв. 5 размерами 2×2 м и кв. 6 и 7 размерами 1×2 м (рис. 2: в, г). В результате удалось определить точные параметры Объекта, который имел размеры 1,55×1,5 м, глубина от уровня материка составила 1,6 м. Стенки хозяйственной ямы были отвесными; форма конусовидная, стенки сужались к низу. Заполнение ямы представляло собой однородную темно-серую супесь. Вскрытие велось условными горизонтами (1–2; 3–4 и 5–6), выбор данной методики предполагал фиксацию напластований заполнения данного объекта. На 1–2 горизонте обнаружено 17 фрагментов керамики (2 венчика и 15 стенок), на 3–4 горизонте – 22 фрагмента керамики (19 стенок и 3 венчика) и на 5–6 условном горизонте – 10 фрагментов (3 венчика и 8 стенок) (рис. 6). В заполнении также найдено небольшое скопление глиняной обмазки (10 фрагментов), фрагменты костей животных. Из индивидуальных находок зафиксировано два фрагмента каменных терочных плит. Стратиграфическое залегание керамики показывает следующую картину: из всех фрагментов только два орнаментированы (круглой ямкой и насечками), которые были зафиксированы на 3–4 условном горизонте. Отметим, что из 50 фрагментов только 11 имеют примесь раковина+песок, в оставшейся керамике – примесь песка в тесте. Таким образом, заполнение хозяйственной ямы свидетельствует о том, что она возникла и функционировала в

Рис. 5. Селище Зинино-1. Фрагменты лепных сосудов: 1-2 стенки – гор. 2; 3-4 венчики – гор. 3; 5-10 стенок – гор. 3.

Fig. 5. Zinino-1 ancient village. Fragments of molded vessels: 1-2 walls – horizon 2; 3-4 rims - horizon 3; 5-10 walls – horizon 3.

Рис. 4. Селище Зинино-1. Реконструкция верхней части сосуда (гафурийский тип). Гор. 2.

Fig. 4. Zinino-1 ancient village. Reconstruction of the upper portion of a vessel (Gafurian type). Horizon 2.

убаларское время (78% керамики убаларского типа и 22% относится к так называемой смешанной/микс группе).

Индивидуальные находки немногочисленны: 4 терочника, 1 костяная заготовка для стрелы, 1 железный нож и 1 фрагмент железного ножа, 2 костяных изделия, 1 крица и 2 пряслица. Ниже приведено точное описание индивидуальных находок с раскопа:

1) Фрагмент терочной плиты. Местонахождение: кв. 5, гор. 2. Размеры: 12×7 см.

2) Фрагмент терочной плиты. Местонахождение: кв. 2, гор. 2. Размеры: 8×5,5 см.

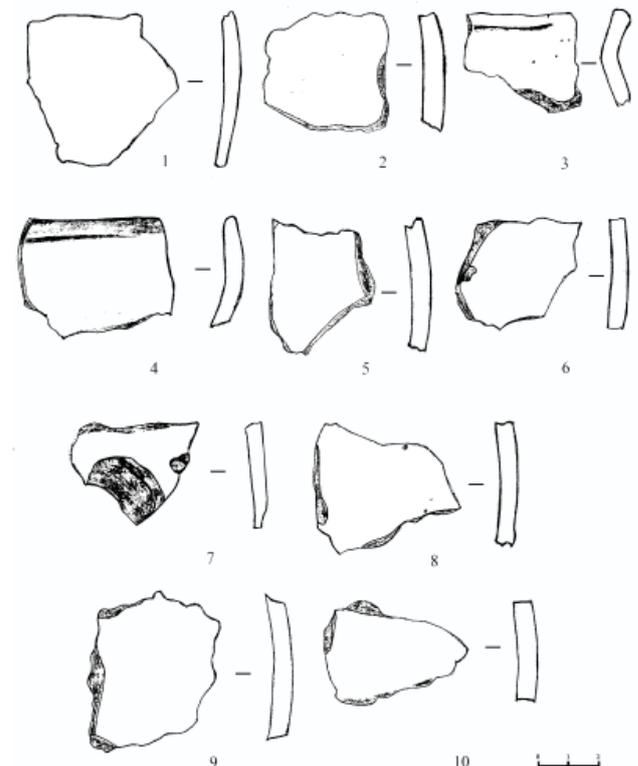
3) Фрагмент терочной плиты. Местонахождение: объект 1 (хозяйственная яма), гор. 1–2. Размеры: 8×7 см.

4) Фрагмент терочной плиты. Местонахождение: объект 1 (хозяйственная яма), гор. 5–6. Размеры: 11×7,5 см.

5) Железный нож. Местонахождение: кв.1, гор. 1. Размеры: 9×1,6 см.

6) Костяная заготовка наконечника стрелы. Местонахождение: кв.1, гор. 3. Размеры: 5,5×1,5 см.

7) Фрагмент железного ножа (обломан). Местонахождение: кв. 2, гор. 1. Размеры: длина 4×1 см.



8) Костяное изделие с отверстием в центре (рис. 8: 4). Местонахождение: кв. 2, гор. 2. Размер: 5,5×2 см.

9) Глиняное коническое пряслице (рис. 7: 1). Местонахождение: кв. 2, гор. 2. Диаметр 4,5 см.

10) Фрагмент глиняного конического пряслица (рис. 8: 2). Местонахождение: кв. 2, гор. 2. Диаметр 4,5 см.

11) Костяное изделие (по форме наконечника стрелы) (рис. 8: 3). Местонахождение: кв. 2, гор. 3. Размеры: 4,7×1,5 см.

12) Крица (Рыхлая губчатая пропитанная шлаком железная масса). Местонахождение: кв. 4, гор. 1. Размеры: 7×5,5 см.

Фрагменты терочников были исследованы на предмет выявления спор и пыльцы растений, для выяснения их функционального назначения⁴. При лабораторной обработке проб использовалась стандартная методика мацерации осадочных пород (Гричук, Заклинская, 1948, с. 127–136), включающая ряд дополнений. В результате микроскопиче-

ского изучения полученного мацерата пыльца и споры в составе образцов обнаружены не были. Поскольку терочники использовались для растирания и толчения различных материалов, отсутствие находок растительных остатков позволяет сделать вывод, что, вероятнее всего, они не были задействованы при приготовлении пищи. Однако это лишь предварительное заключение, во-первых, речь идет лишь об изученных образцах, во-вторых, более эффективным может оказаться выявление зерен крахмала. Можно предположить, что терочники, к примеру, могли использоваться для дробления и перетирания раковин, которые в размытом виде добавлялись в глину при производстве керамических изделий (Проценко, Сатаев, 2016, с. 130–131).

Остатки животных, происходящие из раскопок селища Зинино-1, представлены исключительно костями млекопитающих (121 экз.), принадлежащих 5 домашним и 2 диким видам (табл. 2). Кости животных сильно раздроблены и являются, преимущественно,

Таблица 2

Видовой и количественный состав костных остатков животных из раскопок селища Зинино-1*

Table 2

Species and quantitative composition of the bone remains of animals from the excavations of Zinino–1 ancient village

Виды	Горизонты			Хозяйственная яма		
	I	II	III	гор. I-II	гор. III-IV	гор. IV-V
Домашние млекопитающие						
КРС** <i>Bos taurus</i>	15	1	5	1		1
МРС*** Овца <i>Ovis aries</i>	5 -	5 -	5 1	3 -	-	1 -
Свинья <i>Sus scrofa domesticus</i>	2	-	1	-	1	-
Лошадь <i>Equus caballus</i>	8	2	2		4	1
Собака <i>Canis familiaris</i>	4	-	-	1	-	-
Дикие млекопитающие						
Медведь бурый <i>Ursus arctos</i>	-	-	2	-	-	-
Полевка <i>Microtus sp.</i>	1	-	-	-	-	-
Определимые	35	8	16	5	5	3
Неопределимые	22	6	8	8	4	1
Всего	57	14	24	13	9	4

* – подъемный материал не учитывался

** КРС – крупный рогатый скот

***МРС – мелкий рогатый скот, в данном случае остатки животных, не определимые точнее до рода (*Capra hircus* + *Ovis aries*)

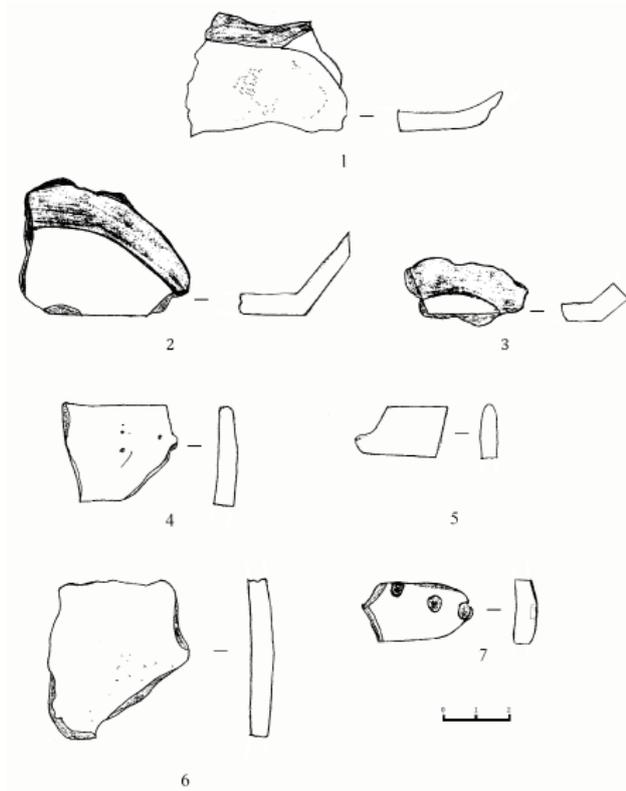


Рис. 6. Селище Зинино-1. Фрагменты лепных сосудов: 1 – придонная часть, гор. 1; 2-3 – придонная часть, гор. 3; 4-5 – венчики, гор. 3; 6-7 – стенки, гор. 3.

Fig. 6. Zinino-1 ancient village. Fragments of molded vessels: 1 – bottom part, horizon 1; 2-3 – bottom part, horizon 3; 4-5 – rims, horizon 3; 6-7 – walls, horizon 3.

Следует добавить, что условный перевод количества костей на объем потребляемой мясной продукции с учетом весовых различий разных видов дает следующие значения: на крупный рогатый скот приходится 53,5% потребляемого мяса, на лошадь – 36,4%, на мелкий рогатый скот – 7,8%, свинью – 2,3%. Здесь мы использовали кратность туш животных, предложенную Е.Е. Антипиной (Антипина, 2008, с. 71). Таким образом, крупный рогатый скот лидирует и в этом случае.

Малочисленность материала и его сохранность почти не позволяют оценить возраст забоя скота и его экстерьерные характеристики. Можно лишь отметить, что кости КРС и МРС происходят от взрослых животных, а кости лошади, преимущественно, от молодых особей (встречены нестертые резцы и фрагменты непрорезавшихся зубов).

В целом можно говорить, что основой мясного рациона жителей селища являлась говядина и конина (хотя эти выводы лишь предварительные). Отметим, что аналогичные результаты были получены нами по материалам с городища Кара-Абыз, где первое место в питании населения по объему также занимала говядина, второе – конина, и лишь третье – мелкий рогатый скот, хотя различия между этими видами получаются не такими значительными (Проценко, Сатаев, 2016, с. 129).

В связи с тем, что наиболее массовый археологический материал представлен фрагментами лепной керамики, остановимся на его интерпретации. В результате анализа примесей к формовочной массе сосудов рассмотрены четыре культурные группы, по которым распределена керамика. Самая малочисленная – гафурийская (0,3%), к данной группе мы можем уверенно отнести только один венчик с примесью талька; следующая – кара-абызская (1,4%), с примесью раковины в тесте; микс/смешанная (12,5%) – с примесью раковины и песка. Предыдущими исследователями селища было отмечено, что среди убаларской серии присутствуют фрагменты с примесью раковины в тесте, а среди кара-абызской – фрагменты с дополнительной примесью мелкого песка. Данный факт, по мнению авторов, свидетельствует о наличии

кухонными отходами. Возможно, что часть фрагментов образовалось уже при вторичном раскалывании (после разделки туши и пищевой утилизации мяса), в процессе изготовления костяных орудий (в материале обнаружена заготовка наконечника стрелы). Из общего объема костей млекопитающих идентифицировано лишь 59,5% (72 кости).

По площади и глубине раскопа кости распределены неравномерно (табл. 3). Только в 1 горизонте остатки животных встречены во всех квадратах. В целом следует отметить невысокую концентрацию костей животных в культурном слое.

Из общего количества костей видов, традиционно являющихся источником мясной продукции (крупный и мелкий рогатый скот, свинья, лошадь), на крупный рогатый скот приходится 35,9%, мелкий рогатый скот 31,3%, свинью 6,3% и лошадь 26,5%. Хотя изученная выборка не является репрезентативной, вероятнее всего, в той или иной степени эти значения отражают вклад отдельных видов в мясной рацион древнего населения. В пользу такого заключения может свидетельствовать присутствие в археозоологическом материале костей 4 видов, разводившихся в хозяйственных целях (конечно, животных использовали не только на мясо, но об этом нам судить сложно). Заметим, что небольшие по объему выборки часто включают кости одного или преимущественно одного вида.



Рис. 7. Селище Зинино-1. Фрагменты лепных сосудов, заполнение хозяйственной ямы: 1-2 – венчики, гор. 1-2; 3-6 – стенки, гор. 1-2; 7-9 – венчики, гор. 3-4; 10-12 – стенки, гор. 3-4; 13-15 – венчики, гор. 5-6.

Fig. 7. Zinino-1 ancient village. Fragments of molded vessels, filling material of the utility pit: 1-2 – rims, horizon 1-2; 3-6 – walls, horizon 1-2; 7-9 – rims, horizon 3-4; 10-12 – walls, horizon 3-4; 13-15 – rims, horizon 5-6.

метисной кара-абызско-убаларской керамики, при этом смешение традиций прослеживается как на уровне форм сосудов, так и на уровне примесей. При этом можно констатировать, что в «чистом» виде кара-абызский, гафурийский и убаларский керамические комплексы настолько различны, что любые их комбинации могут восприниматься только как те или иные варианты механического смешения, свидетельствующие об идущем процессе постепенной ассимиляции (Бахшиев, Савельев, 2013, с. 112).

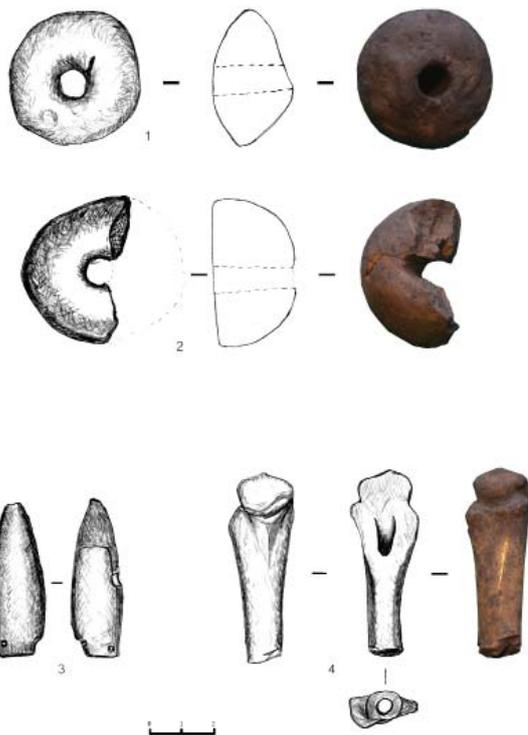
Самая представительная – убаларская культурная группа (85,8%), с примесью песка в тесте. Как справедливо отмечает Н.С. Савельев, интерес к убаларским памятникам, возникший с самого момента их открытия в конце 1950-х годов, даже к настоящему времени так и не перерос в предмет отдельного исследования, а сам «убаларский тип» так и не получил однозначной интерпретации (Савельев, 2017, с. 20). Данный пробел в понимании не только возникновения, но и сложения и

развития вышеотмеченного культурного типа рассмотрен в работе Н.С. Савельева. Автором проведена скрупулезная источниковедческая работа, которая позволила ответить на накопившиеся вопросы и подвести итог проведенным исследованиям (Савельев, 2017).

Полученные материалы с селища Зинино-1 дополняют ранее сделанные выводы. В настоящее время мы можем уже достаточно уверенно говорить, что кара-абызские и кара-абызско-гафурийские материалы указывают на границу между южным и северным локальными вариантами кара-абызской культуры, проходившую по приустьевой части р. Уфы. Расширение убаларского варианта кара-абызской культуры на север, произошедшее примерно во II в. до н. э., привело к постепенному замещению кара-абызских и гафурийских керамических традиций на убаларские (Бахшиев, Савельев, 2013, с. 115). По полученным материалам, замещение керамических традиций, возможно, произошло если не одновременно, то значительно быстрее, чем это представлялось ранее. Для подтвержде-

Рис. 8. Селище Зинино-1. Индивидуальные находки: 1-2 – глиняные пряслица, гор. 2; 3 – костяное изделие (по форме наконечника стрелы), гор. 3; 4 – костяное изделие с отверстием в центре, гор. 2.

Fig. 8. Zinino-1 ancient village. Individual finds: 1-2 – clay spinning wheel, horizon 2; 3 – bone item (with an arrowhead shape), horizon 3; 4 – bone item with a hole in the center, horizon 2.



Распределение костных остатков животных
по горизонтам и квадратам раскопа селища Зинино-1

Table 3

Distribution of animal bone remains
across the horizons and sections of the excavation site of Zinino-1 ancient village

Виды	Горизонт I					
	Квадраты					
	I	II	III	IV	V	VI
КРС		4	3	2	6	
МРС	1		1	2		1
Свинья					2	
Лошадь	1		1	2	3	1
Собака	2		2			
Грызуны					1	
Неопределимые	9	4	2	4	3	

Виды	Горизонт II		Горизонт III				
	Квадраты						
	I	V	I	II	V	Вскопл. керам.	Бровка
КРС		1		4			1
МРС	2	3	1		2	1	1
Овца						1	
Свинья			1				
Лошадь	1	1	2				
Медведь				1			1
Неопределимые	5	1		3	3	2	

Виды	Обособленные выборки			
	Хоз. яма гор. I-II	Хоз. яма гор. III-IV	Хоз. яма гор. IV-V	Подъемный материал
КРС	1		1	2
МРС	3		1	
Свинья		1		
Лошадь		4	1	1
Собака	1			
Неопределимые	8	4	1	

ния данного тезиса пока, однако, недостаточно фактов.

Предыдущими исследователями было выдвинуто предположение, что с приходом убаларского населения происходит трансформация хозяйства (Бахшиев, Савельев, 2013, с. 115). Данный тезис, по материалам 2016 г., не находит дополнительной аргументации. По нашему мнению, убаларское население существенно не повлияло как на изменение хозяйственного уклада, так и на переход от оседлого скотоводства к полукочевому. По крайней мере, археологического материала на данный момент недостаточно для подобного рода выводов.

На сегодняшний момент идет накопление и первичный анализ археологических, палеоботанических (Овсянников, 2018; Проценко, Курманов, 2019; Курманов и др., 2019; и

др.) и палеозоологических (Проценко, Сатаев, 2016; Воробьева, 2017) материалов по поселенческим памятникам кара-абызской культуры, что в дальнейшем дает исследователям реальную возможность на качественно новой основе проанализировать особенности хозяйственной деятельности древнего населения Южного Приуралья в эпоху раннего железного века.

Таким образом, материалы селища Зинино-1 в целом подтверждают ранее выдвинутые исследователями выводы и общую датировку памятника в пределах II в. до н. э. – II в. н. э. (Овсянников и др., 2015, с. 108; Савельев, 2017, с. 33). В свою очередь, необходимо отметить, что сложные процессы, проходившие на рубеже эр внутри кара-абызской культуры, существенно не повлияли на хозяйственно-культурный тип.

Примечания:

¹ Единственным моментом, упущенным исследователем, является отсутствие ссылки на работу И.М. Бабина, который в 2015 г. на водоразделе р. Белая и р. Юрмаш, первым проводил разведку широкого оврага между н.п. Нагаево и Акбердино и выявил новый объект археологического наследия – Акбердино-8 селище (Бабин, 2015).

² На месте заложения раскопа был собран подъемный материал в количестве пяти фрагментов (2 венчика и 3 стенки, неорнаментированные).

³ В кв. 1 на гор.2 был найден один фрагмент «гафурийского» венчика с примесью талька в тесте.

⁴ Исследование проведено Курмановым Равилем Гадельевичем, к.б.н., научным сотрудником Института геологии Уфимского федерального исследовательского центра РАН.

ЛИТЕРАТУРА

Антипина Е.Е. Состав древнего стада домашних животных: логические аппроксимации // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 6. / Ред. А.П. Бужилова. М.: Изд-во «Параллели», 2008. С. 67–85.

Бабин И.М. Научный отчет о проведении археологической разведки в бассейне р. Юрмаш и на водораздельной территории р. Белая, р. Юрмаш в Иглинском районе Республики Башкортостан в 2015 году по Открытому листу №1372 от 18.08.2015 г. / Архив Лаборатории археологического источниковедения и историографии БГПУ им. М. Акмуллы.

Бахшиев И.И., Савельев Н.С. К изучению некоторых вопросов этнокультурной динамики и хозяйства населения лесостепи Южного Приуралья эпохи раннего железа (по материалам селища Зинино-1) // УАВ. 2013. № 13. С. 104–115.

Воробьева С.Л. Хозяйство носителей кара-абызской археологической культуры эпохи раннего железа (по материалам поселенческих памятников IV-I веков до нашей эры // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение. Материалы VII Всероссийской (с международным участием) научной конференции / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: ОГБУК «Государственный исторический музей Южного Урала», 2017. С. 31–37.

Гричук В.П., Заклинская Е.Д. Анализ ископаемых пыльцы и спор и его применение в палеогеографии. М.: Географгиз, 1948. 224 с.

Курманов Р.Г., Овсянников В.В., Савельев Н.С., Галеев Р.И. Реконструкция растительности и климата Южного Предуралья в суббореале и субатлантике (по материалам памятников кара-абызской культуры) // Геологический вестник. 2019. № 1. С. 35–44.

Лясович В.И. Сезонная система использования территории лесостепного Приуралья населением рубежа эр // УАВ. 2020 Вып. 20. С. 44–52.

Овсянников В.В. Естественнонаучные исследования культурного слоя поселений Прибелья эпохи раннего железа // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием / Ред. А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ, 2018. С. 232–234.

Овсянников В.В., Каюмов И.Х., Бабин И.М. Новые материалы с поселений кара-абызской культуры // УАВ. 2015. Вып. 15. С. 85–110.

Овсянников В.В., Савельев Н.С. Воинское святилище на Акбердинском II городище // Археология Евразийских степей. 2019. №2. С. 201–226.

Проценко А.С., Курманов Р.Г. Археолого-палинологические исследования культурного слоя городища Кара-Абыз // Вестник Ан РБ. 2019. Т. 33. № 4 (96). С. 62–71.

Проценко А.С., Сатаев Р.М. К вопросу об основах жизнеобеспечения носителей кара-абызской культуры // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. №6 (44). С. 125–133.

Савельев Н.С. Керамические импорты кара-абызской культуры: их происхождение, контекст и датирующие возможности // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / МИАР. Вып. 13 / Отв. ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: Таус, 2010. С. 295–318.

Савельев Н.С. Гафурийский керамический комплекс эпохи раннежелеза с Биктимировского городища // РА. 2011. №2. С.56–66.

Савельев Н.С. О происхождении убаларского культурного типа в лесостепи Южного Приуралья // УАВ. 2017. №17. С. 18–38.

Информация об авторах:

Проценко Антон Сергеевич, заведующий отделом археологии, Государственное бюджетное учреждение Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа» (г. Уфа, Россия); anton.procenko@mail.ru

Сатаев Роберт Мидхатович, кандидат биологических наук, научный сотрудник временного творческого коллектива, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва, Россия); rob-sataev@mail.ru

REFERENCES

Antipina, E. E. 2008. In Buzhilova, A. P. (ed.). *OPUS: Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v arkhologii (OPUS: Interdisciplinary Investigation in Archaeology)* 6. Moscow: Institute of Archaeology RAS (6), 67–85 (in Russian).

Babin, I. M. 2015. *Nauchnyi otchet o provedenii arkhologicheskoi razvedki v basseine r. Yurmash i na vodorazdelnoi territorii r. Belaia, r. Yurmash v Iglinskom raione Respublike Bashkortostan v 2015 godu po Otkrytomu listu №1372 ot 18.08.2015 g. (Scientific Report on the Archaeological Exploration in the Basin of the Yurmash River and the Watershed Area of the Belaya River, Yurmash River in the Iglinsky District of the Republic of Bashkortostan in 2015 on the Basis of the Open Sheet No. 1372 dated August 18, 2015)*. Archive of the Laboratory of Archaeological Source Study and Historiography of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah (in Russian).

Bakhshiev, I. I., Savel'ev, N. S. 2013. In *Ufimskii arkhologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* (13), 104–115 (in Russian).

Vorobeva, S. L. 2017. In Tairov, A. D. (ed.). *Etnicheskie vzaimodeistviia na Iuzhnom Urale (Ethnic Interactions in Southern Ural)* VII. Chelyabinsk: State Museum of the South Ural History, 31–37. (in Russian).

Grichuk, V. P., Zaklinskaya, E. D. 1948. *Analiz iskopaemykh pyl'tsy i spor i ego primenenie v paleogeografii (Analysis of Fossil Pollen and Spores and its Application in Paleogeography)*. Moscow: "Geografiz" Publ. (in Russian).

Kurmanov, R. G., Ovsyannikov, V. V., Savel'ev, N. S., Galeev, R. I. 2019. In *Geologicheskii vestnik (Geological Bulletin)* (1), 35–44 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V., Kayumov, I. Kh., Babin, I. M. 2015. In *Ufimskii arkhologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* (15), 85–110 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V., Kayumov, I. Kh., Babin, I. M. 2015. In *Ufimskii arkhologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* (15), 85–110 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkhologicheskoe soveshchanie (21st Urals Archaeological Congress)*. Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 232–234 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V., Savel'ev, N. S. 2019. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 201–226 (in Russian).

Protsenko, A. S., Sataev, R. M. 2016. In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia (Bulletin of the Tomsk State University: History)* 44 (6), 125–133 (in Russian).

Protsenko, A. S., Kurmanov, R. G. 2019. In *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan (The Herald of the ASRB)*. Vol. 33. 96 (4), 62–71 (in Russian).

Savel'ev, N. S. 2010. In Gerasimova, M. M., Malashev, V. Yu., Moshkova, M. G. (eds.). *Arkheologiya i paleoantropologiya evraziiskikh stepei i sopredel'nykh territorii (Archaeology and Paleoanthropology of Eurasian Steppes and Adjacent Territories)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkhologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology) 13. Moscow: "Taus" Publ., 295–318 (in Russian).

Savel'ev, N. S. 2011. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 56–66 (in Russian).

Savel'ev, N. S. 2017. In *Ufimskii arkhologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* (17), 18–38 (in Russian).

About the Authors:

Protsenko Anton S., Head of the Department of Archeology, State Budgetary Institution Republican Historical and Cultural Museum-Reserve "Ancient Ufa". Mustai Karim St., 45, Ufa, 450077, Republic of Baskortostan, Russian Federation; anton.procenko@mail.ru

Sataev Robert M. Candidate of Biological Sciences. N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. Leninsky Ave., 32a, Moscow, 119334, Russian Federation; rob-sataev@mail.ru.

Статья поступила в журнал 01.02.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2021 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.2.261.300>**КИПЧАКОВСКИЙ I КУРГАННО-ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК**

© 2021 г. С.Э. Zubov, R.R. Sattarov, F.M. Tagirov

В статье публикуются материалы раскопок Кипчаковского I курганно-грунтового могильника, проведенных Ф.М. Тагировым в 1990-1991 гг., 1994 г. и 2001 г. В течение четырех полевых сезонов было исследовано 4 кургана (№№ 15, 41, 51, 52) и два раскопа, примыкающих к кургану №41 (раскоп I, площадь 36 кв.м) и кургану №15 (раскоп II, площадь 618 кв.м). Всего за это время было изучено 64 могилы с останками 67 человек, среди которых 21 мужское захоронение, 15 – женских, 8 – детских и подростковых и в 23 случаях определить пол не представлялось возможности ввиду отсутствия вещевого инвентаря, а иногда и самих костяков. Все захоронения совершены по обряду ингумации в обычных грунтовых могилах прямоугольной, овальной или комбинированной формы. Погребальный инвентарь Кипчаковского I курганно-грунтового могильника относится к кругу пьяноборских древностей. Подавляющее большинство вещей имеют многочисленные аналоги в могильниках пьяноборской культуры, сложившейся в Прикамье в конце I тысячелетия до нашей эры. Наиболее вероятным временем совершения захоронений на исследованной Ф.М. Тагировым части Кипчаковского I могильника является II в. до н.э. – I н.э.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, Икско-Бельское междуречье, пьяноборская культура, Кипчаковский I курганно-грунтовой могильник, погребения, погребальный инвентарь.

KIPCHAKOVO I BARROW AND SUBSOIL BURIAL GROUND**S.E. Zubov, R.R. Sattarov, F.M. Tagirov**

The paper features the materials from the excavations of Kipchakovo I barrow and subsoil burial ground carried out by F.M. Tagirov in 1990-1991, 1994 and 2001. During four field seasons, 4 barrows (No. 15, 41, 51, 52) and two excavations adjacent to burial No. 41 (Excavation I with an area of 36 square meters) and barrow No. 15 (excavation II with an area of 618 square meters) were investigated. During this period, a total of 64 graves with the remains of 67 persons were studied, including 21 male burials, 15 female burials, 8 children's and adolescent's burials were discovered, and in 23 cases it was not possible to determine the gender due to the lack of clothing inventory, and sometimes the skeletons themselves. All burials were made according to the rite of inhumation in ordinary earth graves of rectangular, oval or combined shape. The burial inventory of the Kipchakovo I barrow subsoil burial ground belongs to the range of the Piany Bor antiquities. The vast majority of items have numerous counterparts in the burial grounds of the Piany Bor culture which developed in the Kama region at the end of the 1st millennium BC. The most probable dating of the burials in the part of Kipchakovo I burial ground investigated by F.M. Tagirov is the 2nd century BC - the 1st century AD.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, Ik-Belaya interfluve, Piany Bor culture, Kipchakovo I barrow and subsoil burial ground, burials, burial inventory

Кипчаковский I курганно-грунтовой могильник расположен в 1 км к востоку от с. Миньярово (Актанышский район, Республика Татарстан) и в 2,5 км к юго-западу от д. Кипчаково (Илишевский район, Республика Башкортостан) (рис. 1), на коренной террасе правого берега р. Сюнь, в 70–80 м к юго-западу от внешнего вала Кипчаковского городища (рис. 2). Вместе эти археологические объекты представляют собой единый археологический комплекс, материалы которых коррелируются между собой достаточно четко (Зубов, 2007, с. 75; Зубов, 2010, с. 65; Гарустович, Тагиров, 2012, с. 124).

Мысовое городище, находящееся в непосредственной близости от могильника, было введено в научный оборот В.Ф. Генингом

под названием Миньяровского (Генинг, 1971, с. 123). При публикации этого памятника произошла, очевидно, опечатка, так как село, давшее название городищу, именуется Миньярово. Визуальный осмотр городища позволил внести существенные коррективы в его описание. Вместо одного вала, указанного в публикации, была обнаружена система оборонительных укреплений, состоявшая из трех валов: двух напольных и одного кокошничкообразного вала, защищавшего стрелку мыса, полого спускающуюся в пойму реки Сюнь. Фиксация первого напольного вала в значительной мере затруднена из-за ежегодной распашки, однако он превосходно читается на аэрофотосъемках 1967 года, да и современные космоснимки позволяют видеть оба

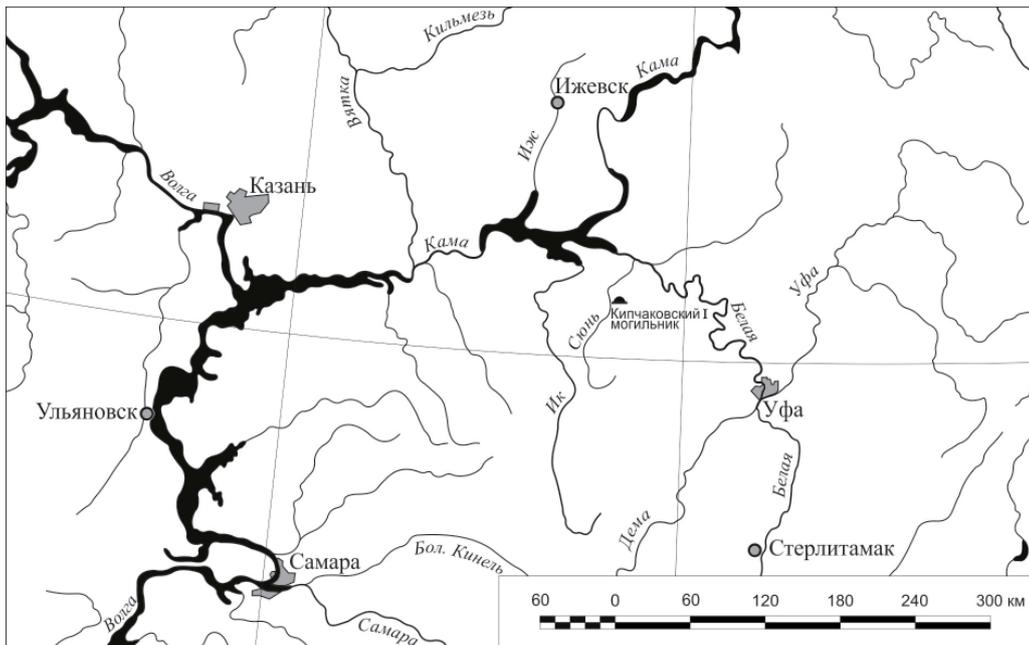


Рис. 1. Карта-схема расположения Кипчаковского I курганно-грунтового могильника
Fig. 1. Layout of Kipchakovo I barrow and subsoil burial ground

напольных вала. Общая площадь городища составляет примерно 37 000 кв. м. вместо 10 000 кв. м. по В.Ф. Генингу (Генинг, 1970, рис. 2: 2). Данное городище среди известных нам на сегодняшний день пьяноборских укрепленных поселений самое большое (Зубов, 2007, с. 75; Гарустович, Тагиров, 2012, с. 124). Для сравнения можно использовать сводку площадей пьяноборских (чегандинских)

городищ, опубликованную В.Ф. Генингом, где наиболее крупные городища из представленных 36 не превышают 15 000 кв. м. (Генинг, 1970, с. 16, табл. V). Указанное же в работах Д.Г. Бугрова Умировское городище с заявленной площадью 44 000 кв. м (Бугров, 2006а, табл. 4, № 183; Бугров, 2006б, табл. 1, № 28) является небольшим селищем на мысу руч. Коры-Елга (левый приток р. Сюнь) с весьма

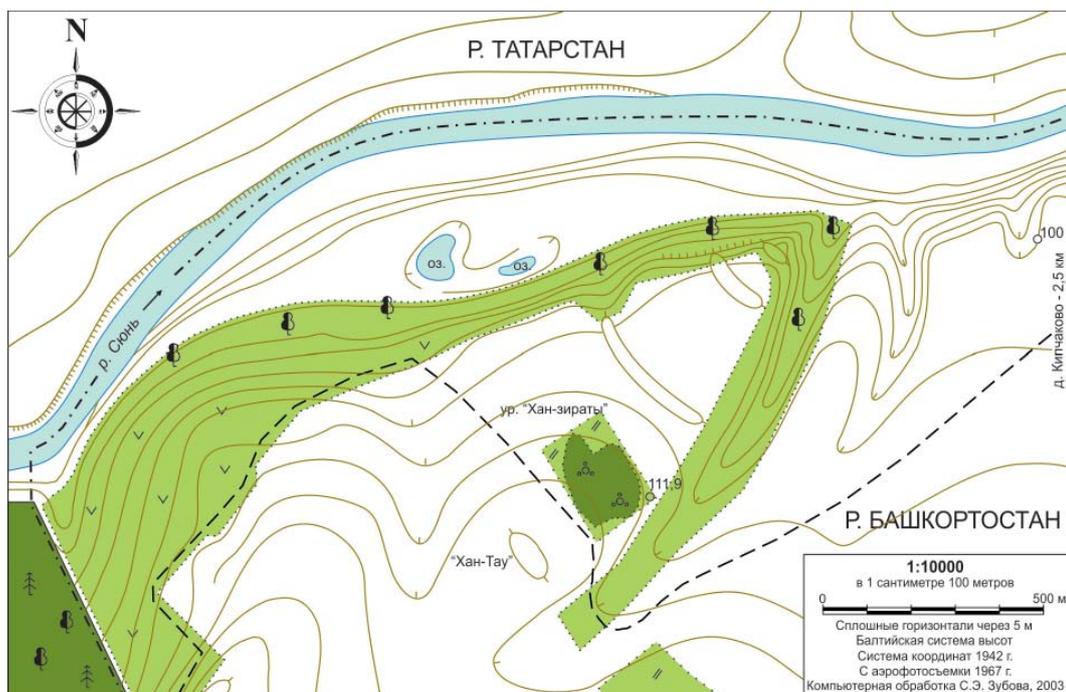


Рис. 2. Кипчаковский археологический комплекс.

Республика Башкортостан, Илишевский район, Аккузевское с/п, урочище «Хан-зираты»

Fig. 2. Kipchakovo archaeological complex.

The Republic of Bashkortostan, Ilishevsky District, Akkuzevo village, “Khan-ziraty” cemetery

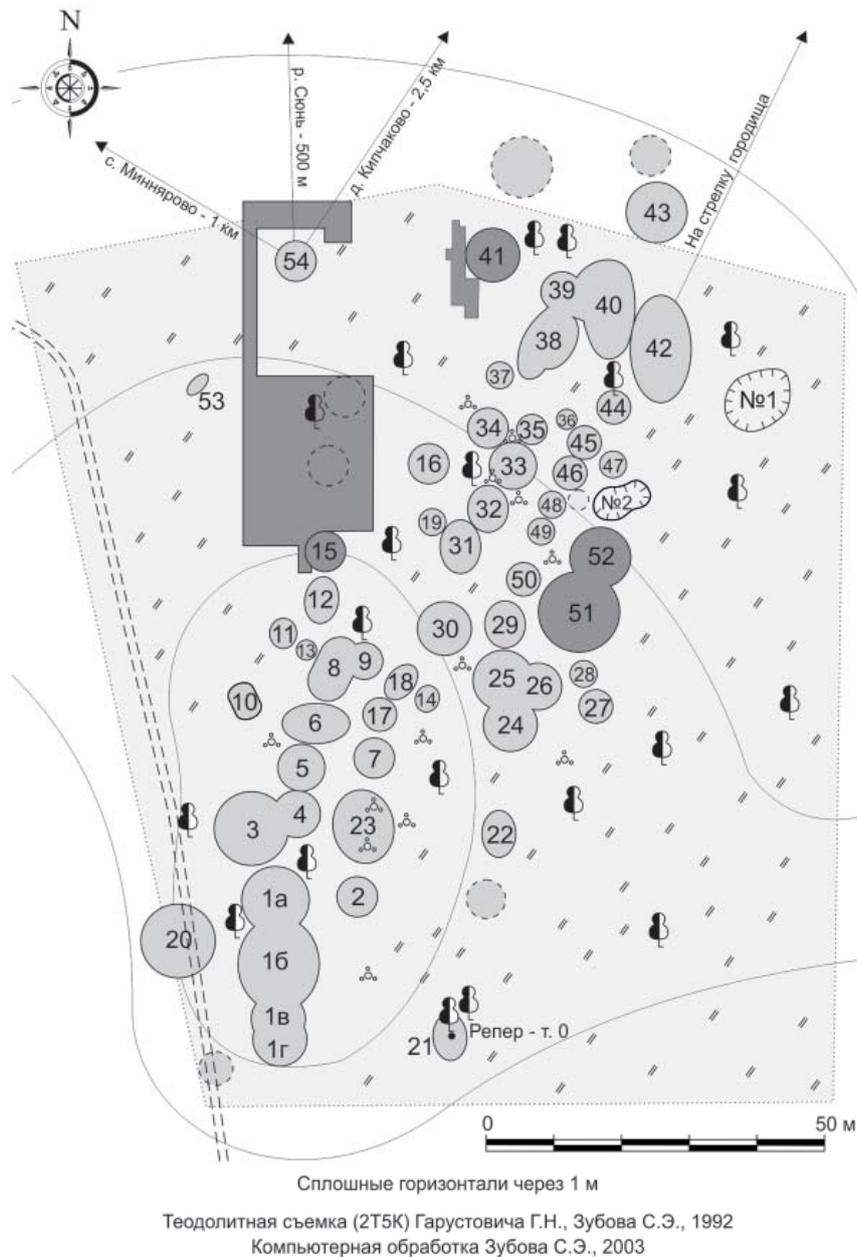


Рис. 3. План Кипчаковского I курганно-грунтового могильника. Урочище «Хан-зираты».

Исследованные Ф.М. Тагировым участки на могильнике в 1990, 1991, 1994, 2001 гг.

Fig. 3. Plan of Kipchakovo I barrow and subsoil burial ground. “Khan-ziraty” cemetery.

Areas of the burial ground investigated by F.M. Tagirov in 1990, 1991, 1994, 2001.

скудным культурным слоем. За оборонительные сооружения были приняты валики опашки сельскохозяйственных полей.

При открытии В.Ф. Генингом городища не был обнаружен курганный могильник, находящийся в 70–80 м к юго-западу от первого внешнего вала городища. Территория, на которой располагается могильник, местными жителями называется «Хан-зираты» (могила хана, ханское кладбище), где, согласно легенде, захоронены хан и его воины. Ставка хана, по преданию, располагалась на горе, именуемой «Хан-Тау» (ханская гора), – наивысшей

точке, видимой со стороны д. Кипчаково, у северо-восточного подножия которой и находится могильник.

Визуально наблюдаемых курганных насыпей на сохранившейся от распашки площадке 54 (рис 3). Высота их колеблется от 0,1 м до 1 м при диаметре 4–16 м. В основном насыпи курганов имеют округлую форму, но зафиксированы также овальные и грушевидные. Судя по всему, такие формы насыпей образовались от слияния двух или более близко расположенных курганов. Обычно на вершинах насыпей наблюдаются две-три заплывшие

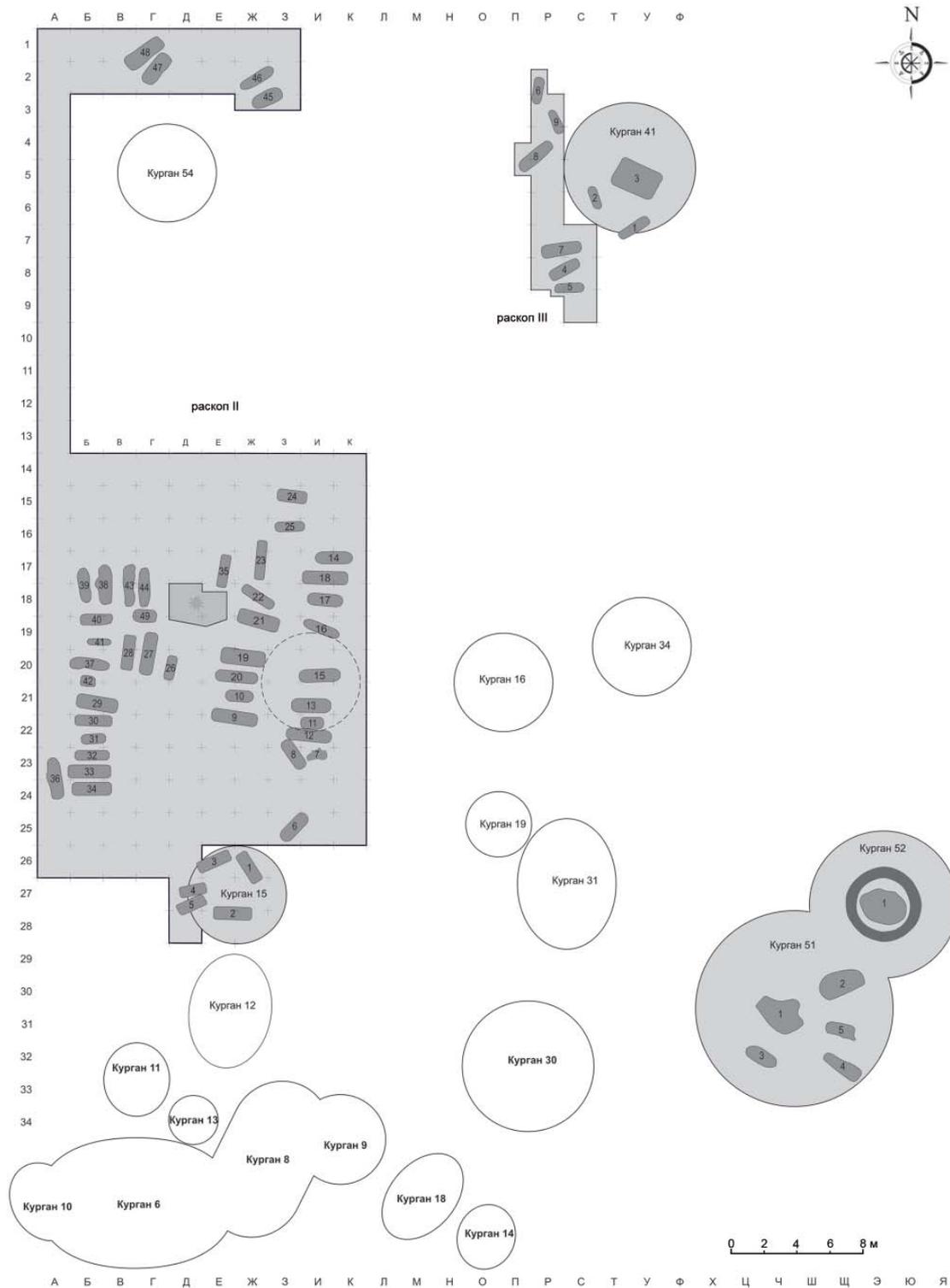


Рис. 4. Планы раскопов Кипчаковского I курганно-грунтового могильника, проведенных Ф.М.Тагировым в 1990, 1991, 1994, 2001 гг.

Fig. 4. Plans of excavations at Kipchakovo I barrow and subsoil burial ground carried out by F.M. Tagirov in 1990, 1991, 1994, 2001

впадины от древних и современных, примерно 20-летней давности, грабительских вкопов. Некоторые курганы окружены сильно заплывшими ровиками. Необходимо отметить, что многие курганы сильно оплыли, слились и частично перекрыли друг друга, визуально

ровики прослеживаются не всегда достаточно четко и фиксируются, как правило, по более насыщенной цветом растительности, более густой и менее иссушенной. Хотя такая ситуация вполне характерна для курганных насы-

пей, к подножию которых стекает большее количество атмосферных осадков.

В расположении насыпей могильника угадывается определенная упорядоченность. В некоторых случаях четко фиксируется расположение курганов, примыкающих друг к другу, цепочками, образующими ряды с практически одинаковым направлением по линии ЮЮЗ–ССВ. Необходимо отметить, что вся курганная группа вытянута примерно в этом же направлении (Зубов, 1993, с. 19–22).

Местонахождение могильника было указано местным жителем д. Кипчаково Басыровым У.Х. сотруднику БГОМ Тагирову Ф.М., проводившему весной 1990 года разведочные археологические работы в Илишевском районе (Тагиров, 1990, с. 2). Летом этого же года могильник был обследован отрядом археологической экспедиции Башкирского научного центра УрО АН СССР под руководством В.А. Иванова и Г.Н. Гарустовича. Для определения культурной принадлежности курганного могильника были раскопаны две курганные насыпи № 15 и № 41. Под ними было исследовано 8 погребений, погребальный инвентарь которых соотносился с материалами пьяноборской культуры раннего железного века (рис. 4). Исследование Кипчаковского могильника было продолжено Ф.М. Тагировым осенью 1990 г. раскопками кургана № 52, где было выявлено одно сильно разрушенное погребение, окруженное кольцом зольно-угольного слоя. К западной поле кургана № 41 в этом же году Ф.М. Тагировым была заложена траншея площадью 38 кв. м., где было выявлено 6 погребений (погр. №№ 4–9). Вещевой инвентарь всех исследованных погребений дал однозначную привязку к материалам пьяноборской культуры. Сочетание типично пьяноборских вещей с курганным обрядом захоронения и распространением грунтовых могил за курганной насыпью определило неподдельный интерес исследователей к данному могильнику и необходимость его дальнейшего исследования.

В 1991 г. Ф.М. Тагировым был раскопан курган № 51, где исследовано 5 погребений, а к северной поле исследованного в 1990 г. кургана № 15 был заложен раскоп II площадью 144 кв. м. (с дальнейшими прирезками 184 кв. м) в западной стороне центральной части курганной группы. На этом раскопе было выявлено 17 погребений (погр. №№ 6–22). В 1994 году раскоп был расширен до 300 кв. м. На новой исследованной площади (116 кв. м) было выявлено 13 захоронений (погр. №№

23–35). В 2001 году Ф.М. Тагиров продолжил раскоп в западном направлении (208 кв. м, погр. №№ 36–44, 49) и заложил узкую (2 м) длинную (26 м) траншею в северном направлении для выявления границ могильника на этом участке. Прирезка к пустой траншее (52 кв. м) небольшого раскопа (60 кв. м) в восточном направлении с методической точки зрения была странной, но при этом позволила выявить еще четыре погребения (погр. №№ 45–48). Думается, что они приурочены к кургану № 54 и входят в зону распространения грунтовых могил вокруг этого кургана.

Таким образом, в течение четырех полевых сезонов (1990–1991 гг., 1994 г. и 2001 г.) Ф.М. Тагировым было исследовано 4 кургана (№№ 15, 41, 51, 52) и два раскопа, примыкающих к кургану № 41 (раскоп I, площадь 36 кв. м) и кургану № 15 (раскоп II, площадь 618 кв. м). Всего за это время было исследовано 64 погребения (прил. 1).

Погребальный обряд

Насыпи исследованных курганов (№№ 15, 41, 51, 52) имели округлую форму. Курганы № 51 и № 52 были расположены настолько близко друг к другу, что северо-восточная поля одного кургана (№ 51) слилась с юго-западной полкой другого (№ 52). К сожалению, при их исследовании не зафиксирована стратиграфическая ситуация, позволяющая говорить об их взаимной хронологической позиции. Находки в насыпях курганов немногочисленны и представлены преимущественно костями животных. Большая часть определимых остеологических материалов из насыпей относится к лошади. В северо-северо-восточном секторе насыпи кургана № 52 выявлен череп лошади, вокруг которого зафиксировано густое вкрапление угля. Кости лошади также были обнаружены в насыпи разрушенного погребения 4 кургана № 51. На уровне зачистки в западной части выявленного погребения был найден обломок нижней челюсти лошади, а при расчистке могильной камеры в восточной части северной стенки была зафиксирована ступенька из материковой глины, около которой были расчищены крестец животного (лошадь?) и череп лошади без нижней челюсти (определения автора раскопок Ф.М. Тагирова). Можно предположить, что череп и кости лошади были первоначально (до разрушения могилы) расположены над погребением, на выкладке из материковой глины, которая просела и была зафиксирована автором раскопок как ступенька. Изредка встречающиеся в курганных насыпях артефакты проис-

ходят прежде всего из разрушенных погребений. Сравнительно редко в насыпях курганов обнаруживаются фрагменты керамических сосудов, по своему облику и структуре близкие керамической коллекции Кипчаковского городища.

Из четырех курганов только в одном (№ 52) на уровне погребенной почвы было зафиксировано надмогильное сооружение, представляющее собой золисто-угольное кольцо шириной от 65 до 80 см и мощностью до 10 см. В северо-западной части кургана прослеживались остатки угольных жердей диаметром до 8 см. В северо-западной и восточной части кольца зафиксированы пятна прокалов, причем в одном случае прокал фиксировался еще в насыпи кургана, перекрывающей погребенную почву и сооружение, во втором – прокал затронул лишь погребенную почву. В центре золино-угольного кольца находилось единственное погребение. К сожалению, это погребение было практически полностью уничтожено древним и современным вкопами.

Под насыпями курганов количество могил разнообразное – одна в кургане № 52, три могилы в кургане № 41, по пять захоронений в курганах № 15 и № 51. В расположении периферийных могил по отношению к центральным, основным, определенной системы не наблюдается. В ряде случаев грунтовые погребения тяготеют к курганным насыпям. В общем расположении погребений на площадке могильника замечена, хотя и не очень четко, определенная концентрация их по отдельным группам. На обособленность этих групп указывает рядное расположение погребений в грунтовой части могильника с незаполненными пространствами между этими группами (рис. 4). Складывается впечатление о наличии на могильнике семейных участков, на которых первоначально производилось захоронение главы с возведением небольшой курганной насыпи, а затем производились последующие захоронения. Отчетливо это видно на примере кургана № 15, к которому явно тяготеет погребение 6 (рис. 4). Раскопом III, заложенным с западной стороны кургана № 41, выявлены шесть погребений. К сожалению, сложности организационно-финансового характера не позволили Ф.М. Тагирову продолжить исследования вокруг этого кургана и включить его в полную сетку раскопа. Самые северные четыре погребения раскопа II (погр. 45–48) явно тяготеют к кургану № 54. В центральной части раскопа II при съемке

плана могильника фиксировались две слабо-выраженные возвышенности, которые были отмечены пунктиром. Именно к этим местам были приурочены исследованные в дальнейшем две группы погребений. Мы допускаем, что небольшие курганные насыпи могли существовать, но их фиксация была затруднена многочисленными древними вкопами в могилы и распашкой, частично затронувшей некоторые участки могильника.

В данном контексте следует обратить особое внимание на группу погребений, разрушенных в древности (рис. 6). Первоначально мы принимали такие вкопы за грабительские, но ряд наблюдений позволил определить подобный обряд ритуальным разрушением. Эти погребения нельзя называть ограбленными, поскольку некоторые погребения содержали значительное количество вещей, которые при ограблении были бы, очевидно, изъяты. Кроме этого, фиксируются вкопы в область живота и груди, когда кости конечностей и череп находятся в непо потревоженном состоянии. Эту группу мы условно назвали погребениями с ритуальным разрушением, очевидно, связанным с определенным обрядом обезвреживания погребенных.

Над рядом могил еще в гумусном слое фиксировались скопления угольков. Далее, при выявлении погребений с помощью зачистки, некоторые могильные пятна сильно выделялись своим насыщенно черным (сажистым) цветом с большой концентрацией небольших по размеру угольков, плотной и вязкой структурой. В ряде случаев подобные вкопы в погребения имели округлую форму и обычно располагались в центральной части могилы, нарушая при этом ее стенки. Но довольно часто зафиксированы случаи, когда вкопы производились практически по всей площади могилы, оставляя вдоль стенок небольшую нетронутую полоску первоначальной засыпки. Именно такие случаи точного попадания в могилу дают возможность предполагать о достаточном коротком временном периоде от совершения захоронения до его разрушения.

В ряде могил останки погребенных были представлены неполным набором костей скелета, разбросанных в беспорядке по дну погребальной камеры ямы и в нижней части насыпи могильной ямы. Иногда разрушенной оказывалась лишь центральная часть погребенного – вне зоны разрушения довольно часто оставались череп и нижние части ног, что позволяло установить ориентировку умершего (рис. 6).

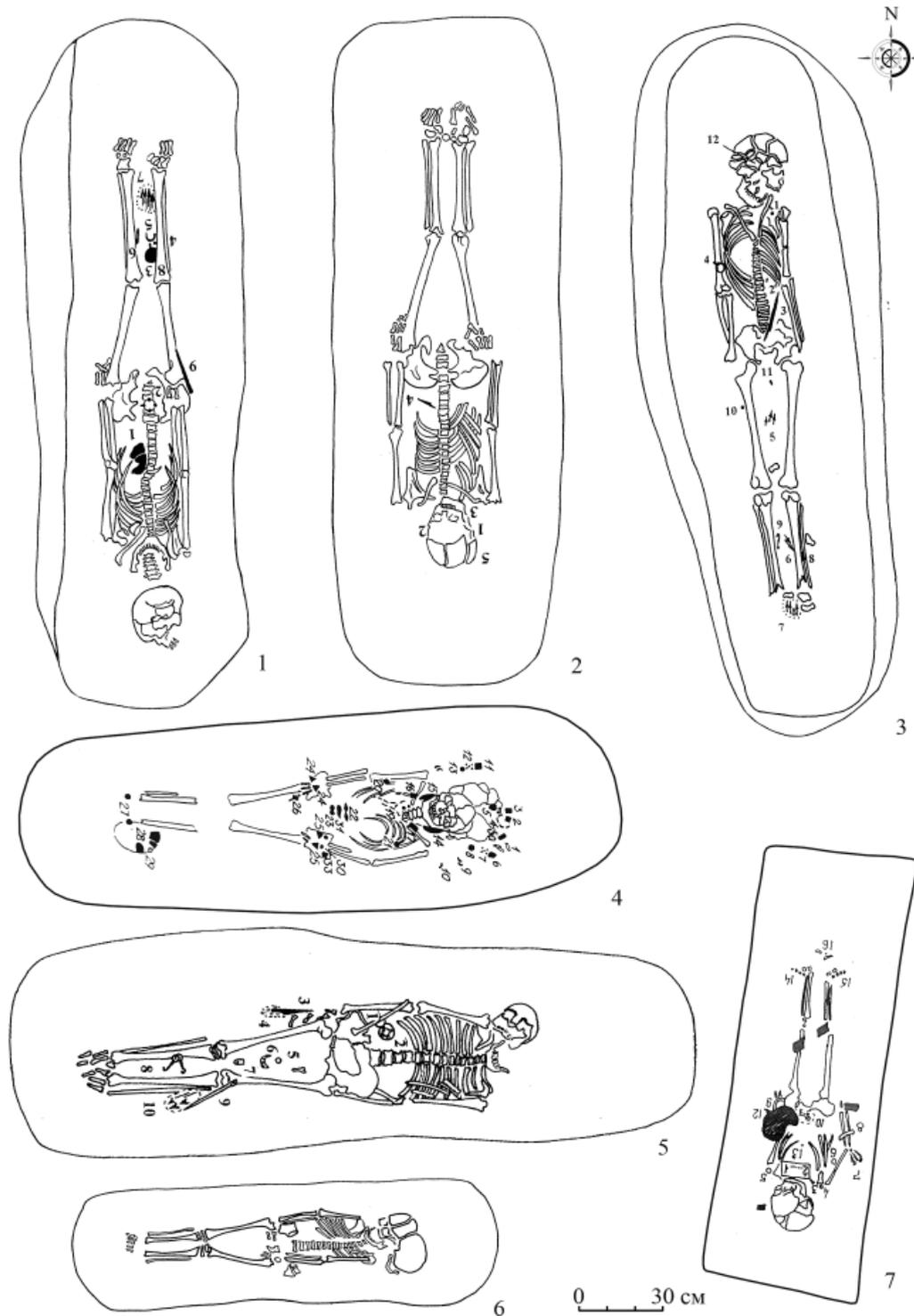


Рис. 5. Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник.

Планы погребений: 1 – п.39 раскопа II; 2 – п.44 раскопа II; 3 – п.36 раскопа II; 4 – п.14 раскопа II; 5 – п.37 раскопа II; 6 – п.41 раскопа II; 7 – п.26 раскопа II

Fig. 5. Kipchakovo I barrow and subsoil burial ground.

Plans of burials: 1 – b. 39 of excavation II; 2 – b. 44 of excavation II; 3 – b. 36 of excavation II; 4 – b. 14 of excavation II; 5 – b. 37 of excavation II; 6 – b. 41 of excavation II; 7 – b. 26 of excavation II

Раскопками Ф.М. Тагирова за четыре полевых сезона было изучено 64 могилы с останками 67 человек. В каждой могиле присутствовали кости одного человека, кроме двух коллективных могил, в одной из которых были похоронены два подростка с противо-

положной ориентировкой (п. 5 кургана № 51, рис. 6: 2), а в другой были захоронены 3 человека (п. 3 кургана № 41, рис. 7: 1).

Все захоронения совершены по обряду ингумации в обычных грунтовых могилах прямоугольной, овальной или комбиниро-

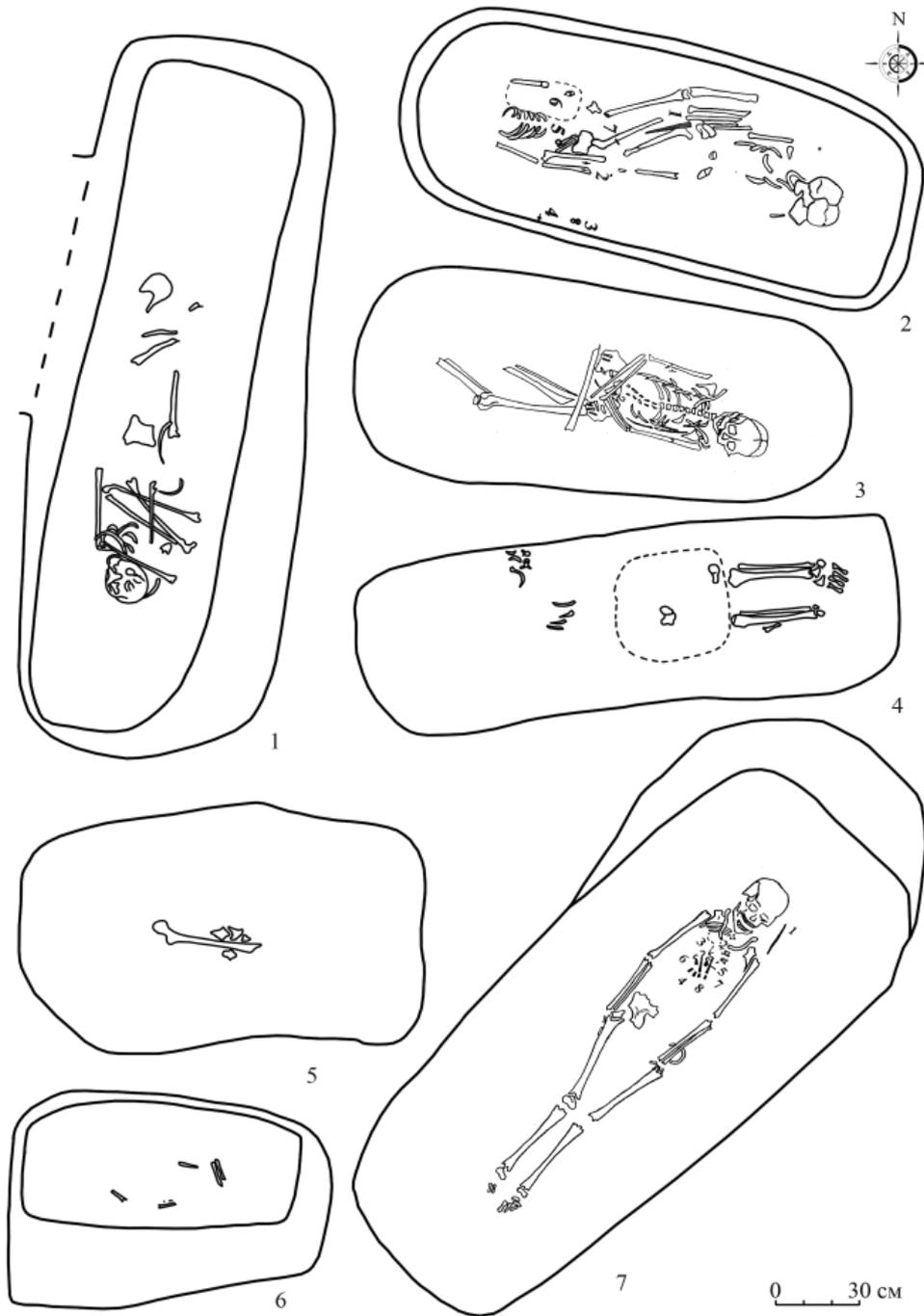


Рис. 6. Кипчакровский I курганно-грунтовый могильник.

Планы погребений с ритуальным разрушением: 1 – п.27 раскопа II; 2 – п.5 кургана №51; 3 – п.24 раскопа II; 4 – п.48 раскопа II; 5 – п.49 раскопа II; 6 – п.42 раскопа II; 7 – п.47 раскопа II

Fig. 6. Kipchakovo I barrow and subsoil burial ground.

Plans of burials with ritual destruction: 1 – b. 27 of excavation II; 2 – b. 5 of barrow No. 51; 3 – b. 24 of excavation II; 4 – b. 48 of excavation II; 5 – b. 49 of excavation II; 6 – b. 42 of excavation II; 7 – b. 47 of excavation II

ванной формы. Особо следует отметить, что перекрытия одних могил другими не зафиксировано. Отсутствие взаимонарушений могильных ям позволяет предположить об установлении над могилами каких-то опознавательных знаков или небольших оградок, следы от которых не сохранились до настоящего времени (рис. 5).

Размеры могильных ям в плане самые различные. Длину и ширину удалось зафиксиро-

вать практически во всех случаях. Наименьшие размеры имеет погребение 4 кургана № 15 (126×46 см), наибольшие – погребение 1 кургана № 51 (280×130 см). Длина могил колеблется преимущественно в пределах 195–255 см, ширина – в пределах 65–85 см. Глубина могильных ям колеблется от 40–45 до 120–125 см от современной поверхности, при среднем показателе 65–110 см. Мужские

погребения, как правило, больших размеров, нежели женские (рис. 5, 6).

Обращает на себя внимание среди зафиксированных детских погребений практически полное отсутствие погребений младенцев в возрасте 1–2 лет и до 4–5 лет. Исключения составляют лишь погребение 4 кургана № 15 и погребение 42. Между тем детская смертность в рассматриваемое время была наибольшей именно в этом возрасте. В свое время М.П. Грязновым были собраны данные о возрастном составе умерших в сельской местности России за 5 лет (1890–1894 гг.). Согласно этим данным, возрастная группа детей в возрасте до 2 лет составляла 48% от общего числа умерших, группа в возрасте от 2 до 15 лет – 19,9%, а юношеская возрастная категория – лишь 1,9% (Грязнов, 1956, с. 23). На эти данные обратил внимание В.Ф. Генинг, проводивший анализ пьяноборского могильника Чеганда II, отмечавший, что «это характерно не только для Чеганды II, но и для всех чегандинских могильников» (Генинг, 1970, с. 115). На это обратила внимание и Г.Н. Журавлева, отмечавшая «почти полное отсутствие погребений детей в возрасте до 3–4 лет (Журавлева, 2014, с. 74). В.Ф. Генинг также отмечал отсутствие захоронений детей младшего возраста «на всех известных до сих пор древних прикамских могильниках», что связано, очевидно, с представлениями об особом свойстве души младенца и в связи с этим особым обрядом захоронения детей, возможно, на особых кладбищах (Генинг, 1963, с. 84–85;

Генинг, 1970, с. 115). Об этом свидетельствуют и некоторые этнографические данные (Долгих, 1961, с. 102). З.П. Соколова отмечает, что обские угры до революции хоронили грудных детей в колыбельках на деревьях. Детей, имеющих зубы, хоронили на кладбище (Соколова, 1971, с. 231).

Внутреннее устройство могил довольно простое: отвесные стенки с округлыми углами и ровное дно. Иногда вкопы ритуального разрушения костяка значительно деформировали стенки могил. Остатки погребальных конструкций (гробовищ, деревянных колод и т. п.) в могилах не обнаружены. В некоторых случаях по фиксации тлена от органики и «сжатости» костей рук и ног можно предположить завертывание захороненного в кошму, луб или меха.

Положение костяков в погребениях однообразно. Умерших укладывали в могилу вытянуто на спине. Несколько различно только положение рук. Преобладают захоронения с вытянутыми вдоль тела руками, в некоторых случаях кисти уложены на таз, реже – одна вытянута вдоль тела, другая согнута и уложена на таз (рис. 5).

В ориентировке похороненных на могильнике людей наблюдается некоторое разнообразие.

При этом следует отметить, что ориентировки погребенных под курганными насыпями и в грунтовых могилах за пределами насыпей в целом близки и значительных различий между ними не наблюдается.

Таблица. 1.

Сводная таблица ориентировок костяков из погребений
Кипчаковского I курганно-грунтового могильника

Table. 1.

Summary table of orientations of the skeletons from the burials
of Kipchakovo I barrow and subsoil burial ground

Ориентировка костяков	Количество могил	Количество костяков	Направление ориентировки	Количество костяков
Восток	16	16	восточное	21
Восток-юго-восток	3*	3		
Восток-северо-восток	2	2		
Северо-восток	7**	9	северо-восточное	9
Юго-восток	2	2	юго-восточное	2
Юго-юго-запад	3	3	южное	8
Юг	5	5		
Запад	2	2	западное	2
Запад-северо-запад	1*	1		
Север	1	1	северное	1
Всего	42	44		44

* – Погребение 5 кургана №51 содержало два костяка, ориентировка которых была противоположной, костяки располагались ногами друг к другу.

** – Погребение 3 кургана №41 содержало три костяка с одинаковой ориентировкой.

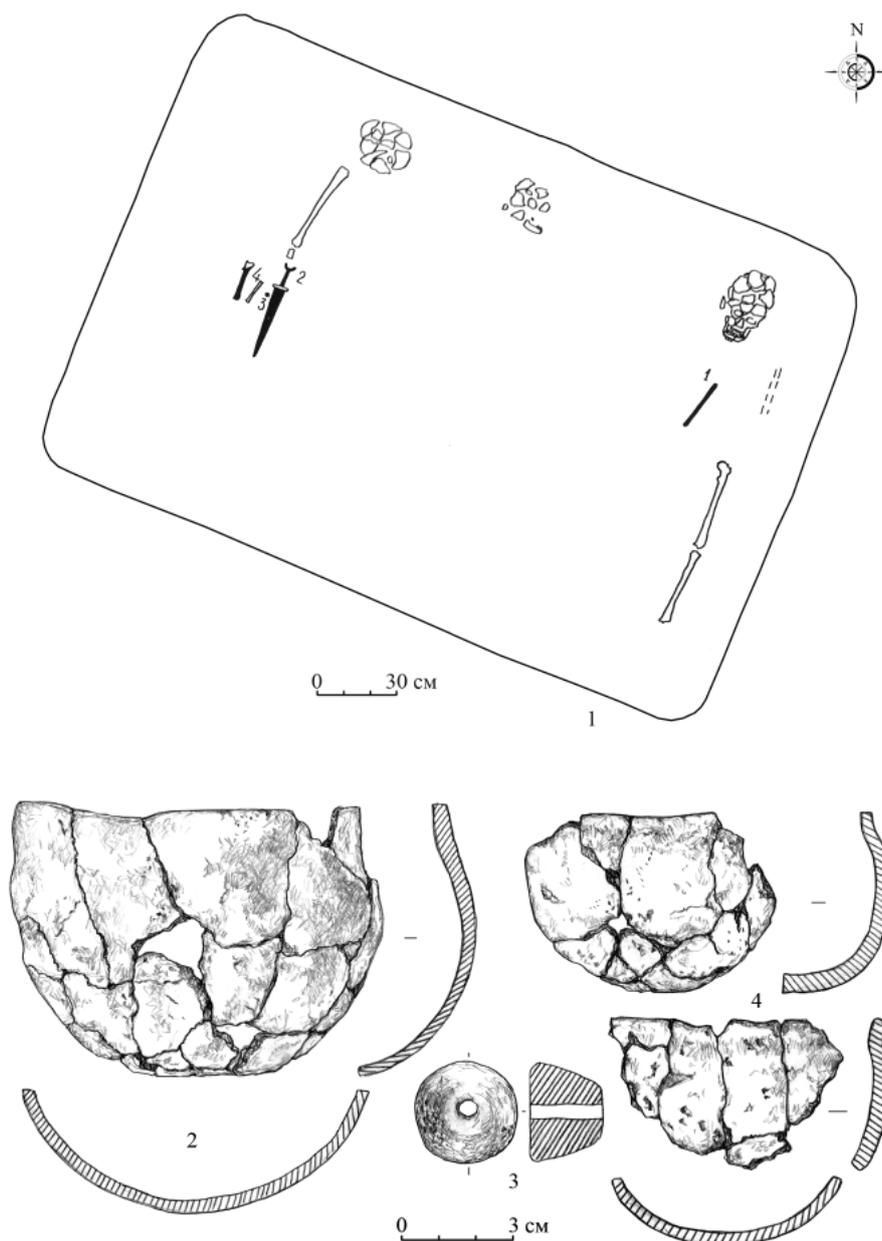


Рис. 7. Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник.

План коллективного погребения: 1 – п. 3 кургана №41. Погребальный инвентарь из погребений: 2 – п. 14 раскопа II; 3 – насыпь кургана №41; 4 – п. 7 раскопа III. 2-4 – керамика

Fig. 7. Kipchakovo I barrow and subsoil burial ground.

Plan of a collective burial: 1 – b. 3 of barrow No. 41. Grave items from burials: 2 – b. 14 of excavation II, 3 – earthfill of barrow no. 41, 4 – b. 7 of excavation III. 2-4 – ceramics

Как видно из сводной таблицы ориентировок костяков из погребений Кипчаковского могильника, расположение погребенных головой в восточный сектор значительно преобладает (21 случай, 47,7% от всех учтенных ориентировок). Северо-восточную (9 случаев) и юго-восточную (2 случая) ориентировку мы склонны отнести к восточному направлению. Таким образом, восточное направление будет представлено 32 случаями, что составит 72,7%. Вторым по количеству костяков направлением является южное (8 случаев, 18,2%). По одному погребению с

западной и северной ориентировкой. Единственное погребение с северной ориентировкой укрепляет нас в мысли о правильности отнесения северо-восточного направления к общему восточному. И даже если юго-восточное направление отнести к южному, ситуация кардинально не изменится – восточное направление будет превышать южное в пропорции 3:1.

Половая принадлежность умерших определялась по составу инвентаря в погребениях. Женские захоронения выделены по наличию в них типично женских украшений – бронзовых

витых и гофрированных височных подвесок в виде конической трубицы с незамкнутым кольцом, листовидных височных подвесок (серьги?), эполетообразных застежек, ажурных накладок, стеклянных бус и т. п.

В мужских погребениях погребальный инвентарь представлен преимущественно предметами вооружения (боевые ножи, наколенники стрел из бронзы, железа и кости), конским снаряжением (удила, костяная подпружная застежка и др.), орудиями бытового назначения (ножи, оселки, проколки), поясными и обувными застежками и т. д.

Детские захоронения характеризуются малыми размерами могил и костяков. Вещей в этих погребениях крайне мало.

Из 67 костяков, захороненных в 64 могилах, можно выделить 21 мужское захоронение, 15 – женских, 8 – детских и подростковых (среди которых выделяются шесть захоронений девочек, одно захоронение мальчика и одно неопределенное) и в 23 случаях определить пол не представлялось возможным ввиду отсутствия вещевого инвентаря, а иногда и самих костяков. Наблюдаемая исследователями тенденция о преобладании женских захоронений над мужскими (Журавлева, 2014, с. 74) на материалах Кипчаковского могильника пока не прослеживается. На 21 женское (с подростковыми и детскими) захоронение приходится 22 мужских (с подростковым).

Погребальный инвентарь

Бусы и подвески (487 экз.) изготовлены из стекла (396 экз.), камня (2 экз.), бронзы (43 экз.), зубов животных и птиц (32 экз.), раковины каури (14 экз.).

Стеклянные бусы (одноцветные, многоцветные, с металлической прокладкой) найдены в четырнадцати погребениях (п. 3 кургана № 15, п. 2, п. 4 кургана № 51, п. 11, п. 14, п. 26, п. 28, п. 30, п. 31, п. 32, п. 44, п. 47 раскопа II, п. 5, п. 7, п. 9 раскопа III). Эти бусы представлены десятью типами, девять из которых идентифицируются с типами по классификации Е.М. Алексеевой (1978). Для одной бусины, не представленной в классификации Е.М. Алексеевой, выделен дополнительный тип 1. Неопределенными остались тринадцать одноцветных бусин, одна многоцветная, одна с металлической прокладкой.

Одноцветные (387 экз.)

Тип 1. Округлые поперечно сжатые черные бусы (1 экз.). Найдена в п. 11 раскопа II (рис. 8: 31).

Тип 2. Округлые пропорциональные и поперечно сжатые бусы из глухого белого

стекла (30 экз.). Найдены в п. 47 раскопа II (рис. 8: 32, 33).

Тип 13. Округлые бусы из глухого бирюзового стекла (12 экз.) Найдены в п. 2 кургана № 51 (3 экз.), п. 9 раскопа III (1 экз.), п. 11 (8 экз.) раскопа II (рис. 8: 39, 40).

Тип 15. Округлые синие бусы (45 экз.). Найдены в п. 3 кургана № 15 (2 экз.), п. 11 (1 экз.), п. 14 (12 экз.), п. 28 (27 экз.), п. 44 (2 экз.), п. 47 (1 экз.) раскопа II (рис. 8: 34, 41).

Тип 16. Округлые бусы из глухого голубого стекла (238 экз.). Найдены в п. 5 раскопа III (36 сохранилось из 230 экз.) и в п. 47 раскопа II (8 экз., рис. 8: 35).

Тип 101. Бусины усечено-биконической формы из глухого голубого стекла (14 экз.). Найдены в п. 9 раскопа III (рис. 8: 36, 42).

Тип 166. Рубленный бисер из стекла разных цветов (29 экз.). Найдены в п. 14 (11 экз.), п. 28 (16 экз.) раскопа II, п. 47 (2 экз.) раскопа II (рис. 8: 38).

Тип 193 г. Подвески в виде стилизованных сосудинок (4 экз.). Найдены в п. 47 раскопа II (рис. 8: 30).

Дополнительный тип 1. Бусина конической формы из глухого бирюзового стекла с четырьмя дольками в широкой части (1 экз.). Найдена в п. 11 раскопа II (рис. 8: 43).

Неопределенными остались тринадцать бусин из пяти погребений (п. 4 кургана № 51, п. 26, п. 30, п. 31 раскопа II, п. 7 раскопа III).

Стекло с металлической прокладкой (8 экз.).

Тип 1, вариант а. Округлые пропорциональные и поперечно сжатые бусы из прозрачного бесцветного стекла. Бусы с гладкими краями отверстий и ровной поверхностью, некоторые сделаны из желтоватого стекла (7 экз.) Найдены в п. 3 кургана № 15 (1 экз.), п. 11 (3 экз.), п. 32 (2 экз.), п. 44 (1 экз.) раскопа II (рис. 8: 37, 44, 45).

Неопределенной осталась одна бусина из п. 4 кургана № 51.

Каменные бусы (2 экз.) найдены в двух погребениях.

Тип 1. Бусина-подвеска овальной формы из п. 11 раскопа II (рис. 8: 28). Нанесение прорезей придало изделию стилизованное изображение жука (подчеркнут разрез крылышек, выделена голова). Подвеска изготовлена из янтаря. Определение автора раскопок Ф.М. Тагирова.

Неопределенной осталась одна бусина из п. 4 кургана № 51.

Бронзовые бусы-пронизи (43 экз.) найдены в семи погребениях (п. 2 кургана № 51, п.

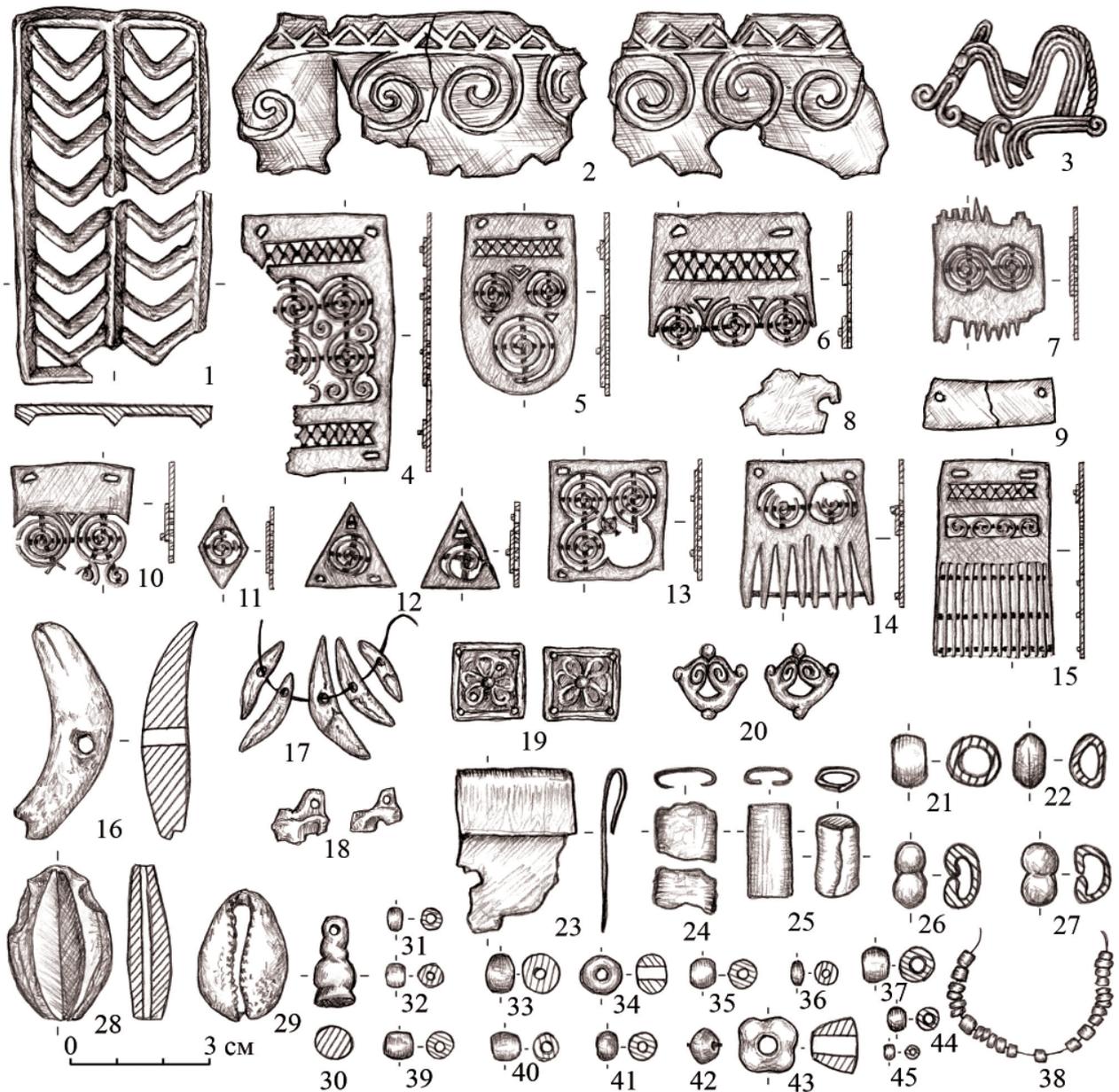


Рис. 8. Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник. Погребальный инвентарь из погребений: 1, 16 – п. 34 раскопа II; 2 – п. 6 раскопа III; 3, 9, 10 – п. 26 раскопа II; 4-7, 11, 23, 25 – п. 2 кургана №51; 8 – п. 46 раскопа II; 12, 14, 15, 17, 18, 25 – п. 14 раскопа II; 13 – п. 7 раскопа II; 19, 20 – п. 16 раскопа II; 21, 22, 26, 27 – п. 46 раскопа II; 24, 30, 32, 33 – п. 47 раскопа II; 28, 31 – п. 11 раскопа II; 29 – п. 30 раскопа II; 34, 41 – п. 28 раскопа II; 35 – п. 5 раскопа III; 36, 42 – п. 9 раскопа III; 37, 39, 40, 43, 44, 45 – п. 11 раскопа II; 38 – п. 14 раскопа II. 1-15, 23-27 – бронза, 16-18 – кость, 19-20 – серебро, позолота, 28 – камень, 29 – раковина каури, 31-36, 38-43 – стекло, 37, 44, 45 – стекло с металлической прокладкой

Fig. 8. Kipchakovo I barrow and subsoil burial ground. Inventory from the burials: 1, 16 – b. 34 of excavation II; 2 – b. 6 of excavation III; 3, 9, 10 – b. 26 of excavation II; 4-7, 11, 23, 25 – b. 2 of barrow No. 51; 8 – b. 46 of excavation II; 12, 14, 15, 17, 18, 25 – b. 14 of excavation II; 13 – b. 7 of excavation II; 19, 20 – b. 16 of excavation II; 21, 22, 26, 27 – b. 46 of excavation II; 24, 30, 32, 33 – b. 47 of excavation II; 28, 31 – b. 11 of excavation II; 29 – b. 30 of excavation II; 34, 41 – b. 28 of excavation II; 35 – b. 5 of excavation III; 36, 42 – b. 9 of excavation III; 37, 39, 40, 43, 44, 45 – b. 11 of excavation II; 38 – b. 14 of excavation II. 1-15, 23-27 – bronze, 16-18 – bone, 19-20 – silver, gilding, 28 – stone, 29 – cowrie shell, 31-36, 38-43 – glass, 37, 44, 45 – glass with metal lining

7, п. 26, п. 34, п. 39, п. 42, п. 46 раскопа II). Укороченные бочонковидные бусы-пронизи с большим отверстием (рис. 8: 21), укороченные биконические пронизи, эллипсовидные в сечении (рис. 8: 22) и пронизи со сдвоенными бляшками-полугорошинами в плане и D-образные в сечении (рис. 8: 26, 27).

Костяные подвески-амулеты (32 экз.) найдены в четырех погребениях (п. 14, п. 30, п. 34, п. 37) раскопа II. Из мужских захоронений происходит два амулета. Изделие из п. 34 изготовлено из резца лошади, в центральной части которого просверлено сквозное отверстие (рис. 8: 16). Изделие из п. 37 имеет

форму овальной уплощенной пластины с двумя отростками у вершин. В пластине высверлены три сквозных отверстия (вытянутых по линии) диаметром до 0,7 см (рис. 9: 34). В двух женских захоронениях зафиксировано 30 подвесок-амулетов (пп. 14, 30). В п. 14 содержались 24 подвески из коренных зубов животных (лисицы, куницы и выдры) и пять клыков куницы и лисицы. В коренной части подвесок просверлено отверстие (рис. 8: 17, 18). В п. 30 был найден коготь (?) животного или птицы (данная находка не идентифицирована, в коллекции отсутствует).

Раковины каури (14 экз.) найдены в четырех женских погребениях раскопа II (п. 27, п. 30, п. 31, п. 42). Подвески располагались в районе груди и, вероятнее всего, входили в состав ожерелий (рис. 8: 29).

Височные подвески с незамкнутым кольцом (около 46 экз.). По форме отвисающей части делятся на 5 типов.

Тип 1. Со спиральной витой трубицей найдены в тринадцати женских погребениях (п. 3, п. 4 кургана № 15, п. 7, п. 11, п. 14, п. 16, п. 26, п. 27, п. 28, п. 30, п. 44, п. 47 раскопа II, п. 8 раскопа III). В двух погребениях (п. 14, п. 26) часть височных подвесок находится в сильно фрагментированном состоянии, что затрудняет подсчет их количества. В коллекции могильника их не менее 30 экземпляров (рис. 9: 26, 27). В основном подвески находились в районе черепа и грудной клетки. На кольцо 4 подвесок (п. 3 кургана № 15, п. 28, п. 47 раскопа II) были напущены одна-две бусины из стекла (рис. 9: 21, 23). Внутри витой части некоторых подвесок сохранился конусовидный деревянный стержень.

Тип 2. С гофрированной трубицей (6 экз.) найдены в четырех женских погребениях (п. 2 кургана № 51, п. 26, п. 27, п. 47 раскопа II) (рис. 9: 24). На кольцо подвески из погребения 26 были напущены две бусины из стекла (рис. 9: 22). Подвески были найдены в области груди и на правом плече.

Тип 3. Листовидные (5 экз.) найдены в трех погребениях (п. 14, п. 16, п. 47) раскопа II. В п. 16 были найдены две серебряные подвески (рис. 9: 19), в п. 14 – две золотые (рис. 9: 18), в п. 47 – одна бронзовая (рис. 9: 20). Подвески из драгметаллов находились в области височных костей черепа погребенного, бронзовая – в районе груди.

Тип 4. С литой конической трубицей (4 экз.) найдены в двух мужских (п. 9, п. 29) и двух женских (п. 11, п. 30) погребениях раскопа II. Подвески из погребений 29 и 30 изготовлены

из бронзы (рис. 9: 17), из погребений 9 и 12 – из серебра и золота (рис. 9: 15) соответственно. Все подвески лежали рядом с черепом.

Тип 5. С полый конической трубицей (1 экз.) найдена в женском погребении 47 раскопа II. Трубица изготовлена следующим образом: часть проволоки, спускающуюся от кольца, расплющили и свернули из полученной пластины в трубицу (рис. 9: 16).

Подвески (7 экз.). К ним относятся бронзовые изделия из женских погребений трапециевидной (п. 26 раскопа II) и каплевидной (п. 2 кургана № 51) формы (рис. 9: 13, 14, 25). Трапециевидные подвески (6 экз.) в узкой части имеют сквозное отверстие. Характер отверстия и оформления края указывает на изготовление этих подвесок из более крупных изделий.

Бляхи (26 экз.). По материалу изготовления делятся на бронзовые и железные.

Бронзовые (25 экз.). По форме и элементам орнамента выделено несколько типов.

Тип 1. Крупная поясная умбоновидная бляха, украшенная двумя рельефными окружностями, мелкими полугорошинами по краю и умбоном в центре. На краю бляхи два сквозных отверстия для крепления. Бляха найдена в мужском п. 9 раскопа II (рис. 9: 1).

Тип 2. Круглые нагрудные бляшки с двумя концентрическими окружностями, кнопкой умбоном в центре, рельефным орнаментом и «веревочкой» по краю. На оборотной стороне петля, смещенная с центра (2 экз.). Бляшки найдены в женском п. 14 раскопа II (рис. 9: 9).

Тип 3. Бляшки полусферической формы с перемышкой на обороте (6 экз.). Эти бляшки происходят из одного женского (п. 39 раскопа II) и двух мужских (п. 36, п. 37 раскопа II) погребений (рис. 9: 7, 8).

Тип 4. Плоские круглые бляшки с петелькой на обороте (5 экз.) найдены в пяти погребениях: в двух женских (п. 2 кургана № 51, п. 14 раскопа II), двух мужских (п. 5 кургана № 15, п. 46 раскопа II) и в погребении (п. 6 раскопа II), не определенном по полу (рис. 9: 3).

Тип 5. Бляшка полусферической формы с петелькой на обороте найдена в п. 3 (костяк 1) кургана № 41 (рис. 9: 4).

Тип 6. Ромбическая плоская бляшка с петлей на обороте (1 экз.). Единственный экземпляр происходит из женского п. 14 раскопа II (рис. 9: 10).

Тип 7. Плоские круглые бляшки с одной-двумя отверстиями (9 экз.) происходят из четырех женских (пп. 7, 11, 14, 26) погребений

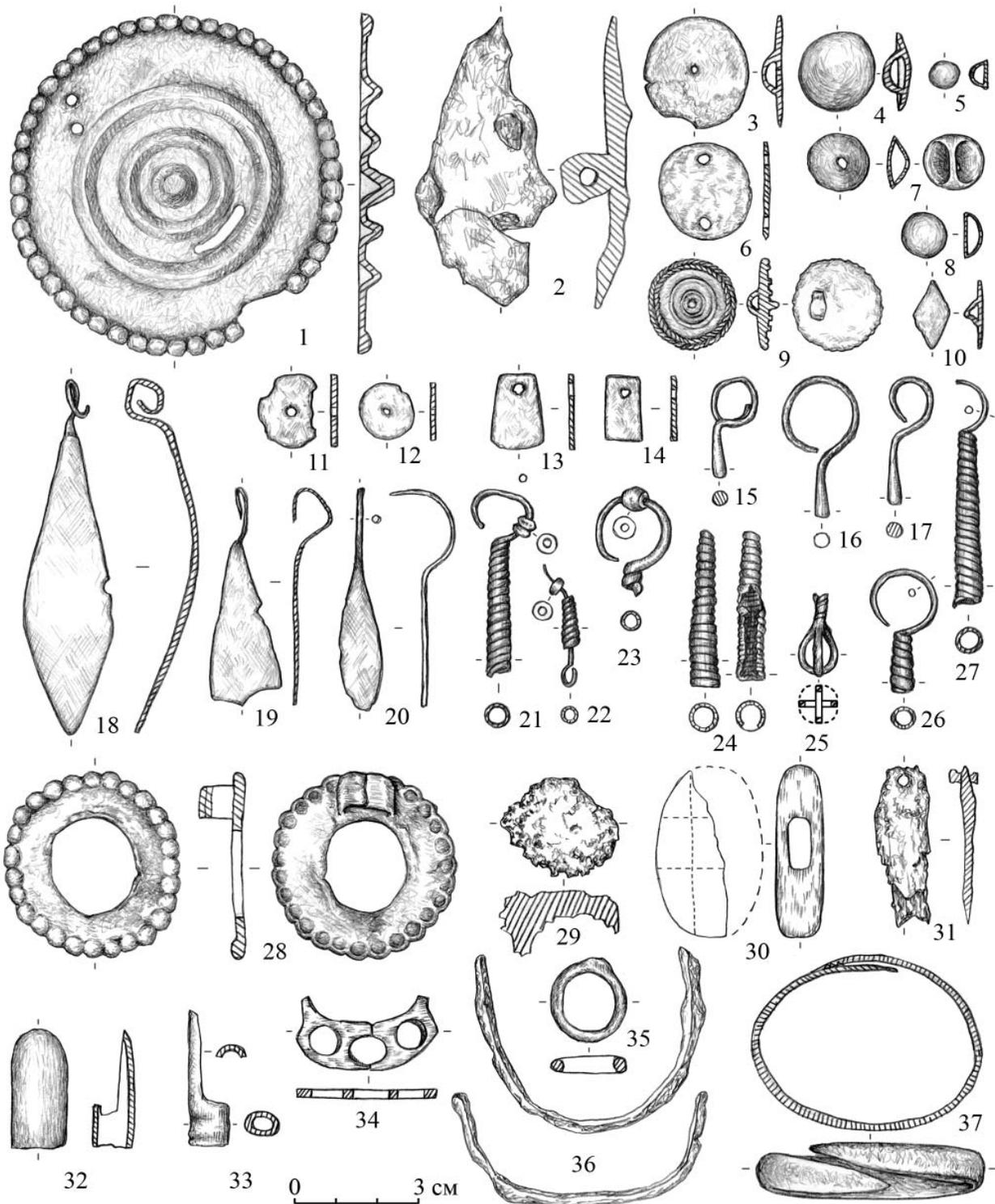


Рис. 9. Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник. Погребальный инвентарь из погребений: 1, 17, 28, 32 – п. 9 раскопа II; 2 – п. 12 раскопа II; 3, 25 – п. 2 кургана № 51; 4 – п. 3 (1) кургана № 41; 5 – п. 46 раскопа II; 6, 13, 14, 22, 37 – п. 26 раскопа II; 7 – п. 36 раскопа II; 8 – п. 39 раскопа II; 9, 10 – п. 14 раскопа II; 11, 12, 27 – п. 7 раскопа II; 15 – п. 11 раскопа II; 16, 20 – п. 47 раскопа II; 18, 35 – п. 14 раскопа II; 19 – п. 16 раскопа II; 21 – п. 3 кургана № 15; 23, 24 – п. 47 раскопа II; 26 – п. 44 раскопа II; 29 – п. 48 раскопа II; 30 – п. 34 раскопа II; 31, 34 – п. 37 раскопа II; 33 – п. 33 раскопа II; 36 – п. 9 раскопа III. *1, 3-14, 16, 17, 20, 21-28, 32, 35, 37 – бронза, 2, 29, 31, 36 – железо, 15, 18 – золото, 17, 20 – серебро, 30, 33, 34 – кость*

Fig. 9. Kipchakovo I barrow and subsoil burial ground. Inventory of the burials: 1, 17, 28, 32 – b. 9 of excavation II; 2 – b. 12 of excavation II; 3, 25 – b. 2 of barrow No. 51; 4 – b. 3 (1) of barrow No. 41; 5 – b. 46 of excavation II; 6, 13, 14, 22, 37 – b. 26 of excavation II; 7 – b. 36 of excavation II; 8 – b. 39 of excavation II; 9, 10 – b. 14 of excavation II; 11, 12, 27 – b. 7 of excavation II; 15 – b. 11 of excavation II; 16, 20 – b. 47 of excavation II; 18, 35 – b. 14 of excavation II; 19 – b. 16 of excavation II; 21 – b. 3 of barrow No. 15; 23, 24 – b. 47 of excavation II; 26 – b. 44 of excavation II; 29 – b. 48 of excavation II; 30 – b. 34 of excavation II; 31, 34 – b. 37 of excavation II; 33 – b. 33 of excavation II; 36 – b. 9 of excavation III. *1, 3-14, 16, 17, 20, 21-28, 32, 35, 37 – bronze, 2, 29, 31, 36 – iron, 15, 18 – gold, 17, 20 – silver, 30, 33, 34 – bone*

бений (рис. 9: 11, 12). У бляшек из п. 26 два сквозных отверстия (рис. 9: 6). Изделие из п. 14 является украшением головного убора, остальные – нагрудные.

Железная бляха найдена в п. 12 раскопа II. Изделие сильно фрагментировано. Один из обломков в виде подтреугольной пластины, на обратной стороне которой имеется петля (рис. 9: 2).

Ажурные накладки-нашивки (30 экз.). По способу изготовления орнамента выделяются литые комбинированные и штампованные.

Бронзовые ажурные пластинчатые комбинированные накладки (24 экз.) найдены в трех погребениях раскопа II (п. 7, п. 14, п. 26) и в п. 2 кургана № 51. Все происходят из женских захоронений. Накладки являлись элементами украшения головного убора и рукавов. Изделия отличаются большим разнообразием орнаментальных мотивов. Типы выделены на основе формы изделий.

Тип 1. Ромбической формы (4 экз.) найдены в п. 2 кургана № 51 (1 экз.), п. 14 (2 экз.), п. 26 (1 экз.) раскопа II (рис. 8: 11).

Тип 2. Квадратной формы (2 экз.) найдены в п. 7 раскопа II (рис. 8: 13).

Тип 3. Прямоугольной формы (7 экз.) найдены в п. 2 кургана № 51 (5 экз.), п. 14 (2 экз.) раскопа II (рис. 8: 4, 6).

Вариант А. С мелкими или крупными расчесами в нижней части накладки (2 экз.). Найдены в п. 2 кургана № 51 (1 экз.), п. 14 (1 экз.) раскопа II (рис. 8: 14, 15).

Вариант Б. С расчесами в верхней и нижней части (1 экз.). Найдены в п. 2 кургана № 51 (рис. 8: 7).

Тип 4. Полуовальной формы (1 экз.). Найдена в п. 2 кургана № 51 (рис. 8: 5).

Тип 5. Треугольной формы (6 экз.). Найдены в п. 14 раскопа II (рис. 8: 12).

Тип 6. Прямоугольная планка, дополненная двумя противостоящими спиральями (1 экз.). Найдена в п. 26 раскопа II (рис. 8: 10).

Штампованные накладки (6 экз.) найдены в двух погребениях (п. 6 раскопа III, п. 16 раскопа II). Изделия изготовлены из тонких пластин с выдавленными орнаментами, нанесенными штампом.

Тип 1. Позолоченные накладки арочной формы (3 экз.) с орнаментом в виде завитков (рис. 8: 20).

Тип 2. Позолоченные квадратные накладки (2 экз.) с розеткой в виде соцветья цветка (четырёхлистник), которая вписана в рамку, по углам рамки имеются сквозные отверстия

(рис. 8: 19). Накладки типа 1 и 2 происходят из п. 16 раскопа II.

Тип 3. Бронзовая накладка подпрямоугольной формы с орнаментом в виде спиралей, отходящих от зоны многочастных треугольников (в 2-х фрагментах) найдена в разрушенном п. 6 раскопа III (рис. 8: 2).

Накладка зооморфная (1 экз.). Бронзовая литая комбинированная накладка в виде фантастического животного, совмещающего в себе черты кошачьих (хвост, изгиб тела), псовых (морда) и медвежьих (когти лап) найдена в женском п. 26 раскопа II (рис. 8: 3).

Накладка рамчатая (1 экз.). Бронзовая литая, с двумя зонами коленчатых перемычек (рис. 8: 1). Накладка обнаружена в мужском п. 34 раскопа II. Накладка располагалась у кисти левой руки.

Накладки без орнамента (2 экз.) найдены в двух погребениях (п. 26, п. 46 раскопа II). Изделия изготовлены из тонких бронзовых пластин (рис. 8: 8, 9). Они являлись украшениями костюма и обуви. Изделия фрагментированы, на одной из них по краям сохранились два отверстия.

Обжимные накладки (17 экз.) найдены в трех женских погребениях (п. 2 кургана № 51, п. 14, п. 47 раскопа II). Изготовлены путем сгибания прямоугольной бронзовой пластины с двух сторон (рис. 8: 23–25).

Эполетообразные застежки (4 экз.) найдены в четырех погребениях раскопа II (п. 20, п. 29, п. 30, п. 43). Эти застежки использовались в женских погребениях в качестве поясных застежек, в мужских служили колчанными крючками. Все экземпляры относятся к эполетообразным застежкам с одним жгутом и костыльком на внутренней стороне бляхи. Жгуты в сечении круглые, изготовлены из бронзы на железном каркасе. В оформлении блях имеются различия. Круглая слабо-выпуклая бляха застежек из погребений 20 и 28 украшена рельефными окружностями, мелкими полугорошинами и кнопкой-умбоном в центре (рис. 10: 10, 15). Застежка из погребения 43 представлена круглой умбоновидной бляхой, окаймленной ободком в виде ложновиткового пояса и крупными полугорошинами (рис. 10: 20). Бляха застежки из погребения 30 арочной формы с изображением трех медвежьих морд, центральная с лапами «в жертвенной позе» (рис. 10: 1).

Бронзовые застежки с неподвижным крючком (25 экз.). По форме застежек и способу крепления ремня к застежке выделяется 6 типов.

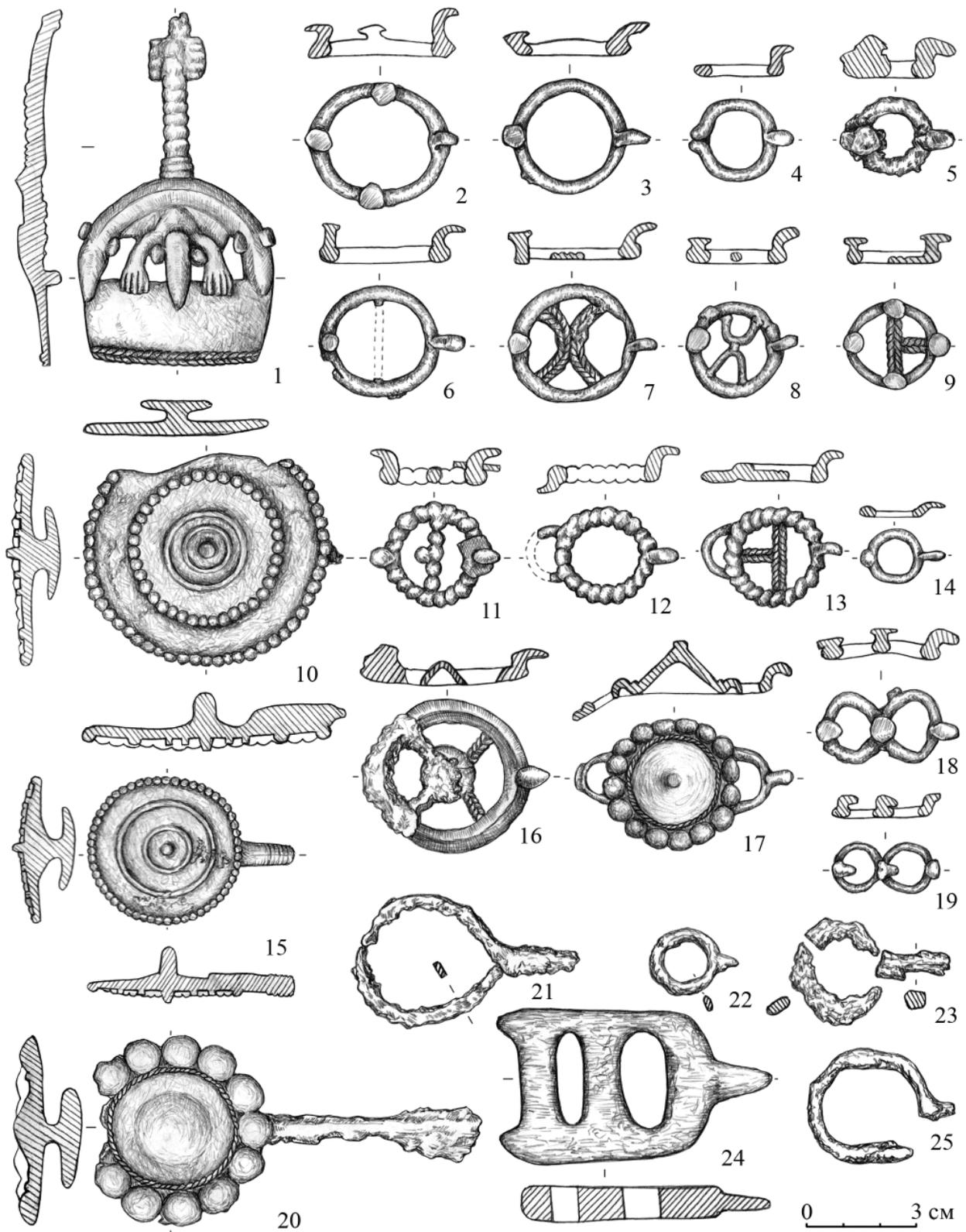


Рис. 10. Кипчакровский I курганно-грунтовый могильник. Погребальный инвентарь из погребений: 1 – п. 30 раскопа II; 2, 23 – п. 39 раскопа II; 3, 16 – п. 37 раскопа II, 4 – п. 5 кургана №15; 5 – п. 10 раскопа II; 6, 15, 25 – п. 20 раскопа II; 7, 12, 17, 24 – п. 34 раскопа II; 8, 18 – п. 14 раскопа II; 9, 14 – п. 27 раскопа II; 10 – п. 28 раскопа II; 11 – п. 32 раскопа II; 13 – п. 29 раскопа II; 19 – п. 2 кургана № 51; 20 – п. 43 раскопа II; 21 – п. 36 раскопа II; 22 – п. 1 кургана № 41. 1, 10, 15, 20 – бронза, железо, 2-9, 11-14, 16-19 – бронза, 21-23, 25 – железо, 24 – кость

Fig. 10. Kipchakovo I barrow and subsoil burial ground. Inventory from the burials: 1 – b. 30 of excavation II; 2, 23 – b. 39 of excavation II; 3, 16 – b. 37 of excavation II; 4 – b. 5 of barrow No. 15; 5 – b. 10 of excavation II; 6, 15, 25 – b. 20 of excavation II; 7, 12, 17, 24 – b. 34 of excavation II; 8, 18 – b. 14 of excavation II; 9, 14 – b. 27 of excavation II; 10 – b. 28 of excavation II; 11 – b. 32 of excavation II; 13 – b. 29 of excavation II; 19 – b. 2 of barrow No. 51; 20 – b. 43 of excavation II; 21 – b. 36 of excavation II; 22 – b. 1 of barrow No. 41. 1, 10, 15, 20 – bronze, iron, 2-9, 11-14, 16-19 – bronze, 21-23, 25 – iron, 24 – bone

Тип 1. Восьмеркообразные застежки со шпеньками на кольцах (4 экз.). Шпеньки у одной из застежек оформлены в виде медвежьих морд (рис. 10: 19). Застежки происходят из двух женских (п. 14 раскопа II, п. 2 кургана № 51) и одного мужского (п. 5, костяк 1 кургана № 51) погребений (рис. 10: 18, 19). Изделие из п. 2 кургана № 51 найдено в полностью разрушенном захоронении. Это обстоятельство не позволяет установить его местоположение относительно костяка. В другом женском погребении застежка находилась в районе пояса. В мужском захоронении эти предметы использовались в качестве обувных застежек.

Тип 2. Кольцевые круглые в сечении с одним-тремя шпеньками на кольце (8 экз.). Застежки найдены в шести мужских (п. 32, п. 37, п. 39, п. 43 раскопа II, п. 5 кургана № 15, п. 5 кургана № 15) и двух женских (п. 27, п. 34 раскопа II) погребениях (рис. 10: 2–4, 14). В мужских и женских погребениях в основном использовались в качестве поясной застежки. К варианту А этого типа относятся кольцевые застежки с перекладинами внутри рамки (6 экз.): Т-образные (2 экз.) (рис. 10: 9), Х-образные (3 экз.) (рис. 10: 7, 8) и с вертикальной перекладиной (1 экз.) (рис. 10: 6). Такие застежки найдены в трех женских (п. 14, п. 27, п. 34 раскопа II) и в одном мужском (п. 20 раскопа II) погребении. Они использовались в качестве поясных и обувных застежек. К варианту Б относится поясная застежка со шпеньками, оформленными в виде медвежьих морд, из женского погребения 10 раскопа II (рис. 10: 5).

Тип 3. Кольцевые с ложновитой рамкой и ложновитой Т-образной перекладиной. Единственный экземпляр такой застежки происходит из мужского п. 32 раскопа II (рис. 10: 11). Найдена между голени погребенного.

Тип 4. Кольцевые, треугольные в сечении. В рамке застежки четыре крестообразно напаянных перемычки с умбоном в центре (1 экз.). Такая застежка зафиксирована в мужском п. 37 раскопа II (рис. 10: 16). Лежала с правой стороны пояса погребенного.

Тип 5. Кольцевые ложновитой рамкой и ушком для ремня (1 экз.). Такая застежка обнаружена в п. 34 раскопа II (рис. 10: 12). Она находилась у правой тазовой кости погребенной. К варианту А этого типа относятся две застежки с перекладинами внутри рамки (рис. 10: 13). Одна из них найдена в женском (п. 34 раскопа II), другая в мужском (п. 29 раскопа II) погребении. Изделие из женско-

го захоронения находилось между колен, из мужского – на тазовых костях.

Тип 6. Застежка с умбоновидной бляшкой и с неподвижным крючком на дужке и противоположащим ушком (1 экз.). Такая застежка зафиксирована в п. 34 раскопа II (рис. 10: 17). Она находилась рядом с полевым ножом вдоль бедренной кости правой ноги погребенного.

Железные застежки с неподвижным штырем-язычком (4 экз.) найдены в четырех мужских (п. 1 кургана № 41; п. 20, п. 36, п. 39 раскопа II) погребениях. Застежки имеют кольцевую форму, изготовлены из дрота прямоугольной в сечении формы, штырь-язычок расположен в одной плоскости с рамкой (рис. 10: 21–25). Застежки располагались на тазовых костях, на плечевой кости, в двух случаях они были зафиксированы ниже колен рядом с наконечниками стрел.

Костяные застежки с неподвижным штырем-язычком (1 экз.). Единственный экземпляр костяной застежки происходит из мужского п. 34 раскопа II. Застежка подпрямоугольной формы с двумя прорезными отверстиями и неподвижным штырем-язычком, расположенным в одной плоскости с пластиной застежки (рис. 10: 24). Застежка найдена в нижней части берцовых костей правой ноги.

Железные крючки (8 экз.) найдены в семи погребениях раскопа II (п. 14, п. 24, п. 29, п. 33, п. 36, п. 32, п. 39) и в одном (п. 3) погребении кургана № 15. Встречены как в мужских, так и женских захоронениях. Они использовались как поясные застежки и колчаные крючки. По форме выделяются три типа. Первый тип представлен изделиями, изготовленными из круглого или подквадратного в сечении дрота, закрученного с одной стороны в петлю, образуя S-видный крючок (рис. 11: 7–9). Такие предметы происходят из п. 3 кургана № 15, п. 33 и п. 36 раскопа II. Ко второму типу относятся изделия, изготовленные из пластины, один конец которой раскован в виде щитка (рис. 11: 4–6, 10). Эти предметы были встречены в п. 14, п. 24, п. 29, п. 32 и п. 39 раскопа II.

Железные браслеты (3 экз.) найдены в двух женских погребениях (п. 26 раскопа II, п. 9 раскопа III). Из п. 26 происходят два несомкнутых браслета (рис. 9: 37). Браслет в 1,5 оборота находился на костях предплечья правой руки, браслет в 2 оборота – на запястье левой руки. Третий браслет, происходящий из п. 9, найден во фрагментах на дне могилы (рис. 9: 36). Его форму установить не представляется возможным.

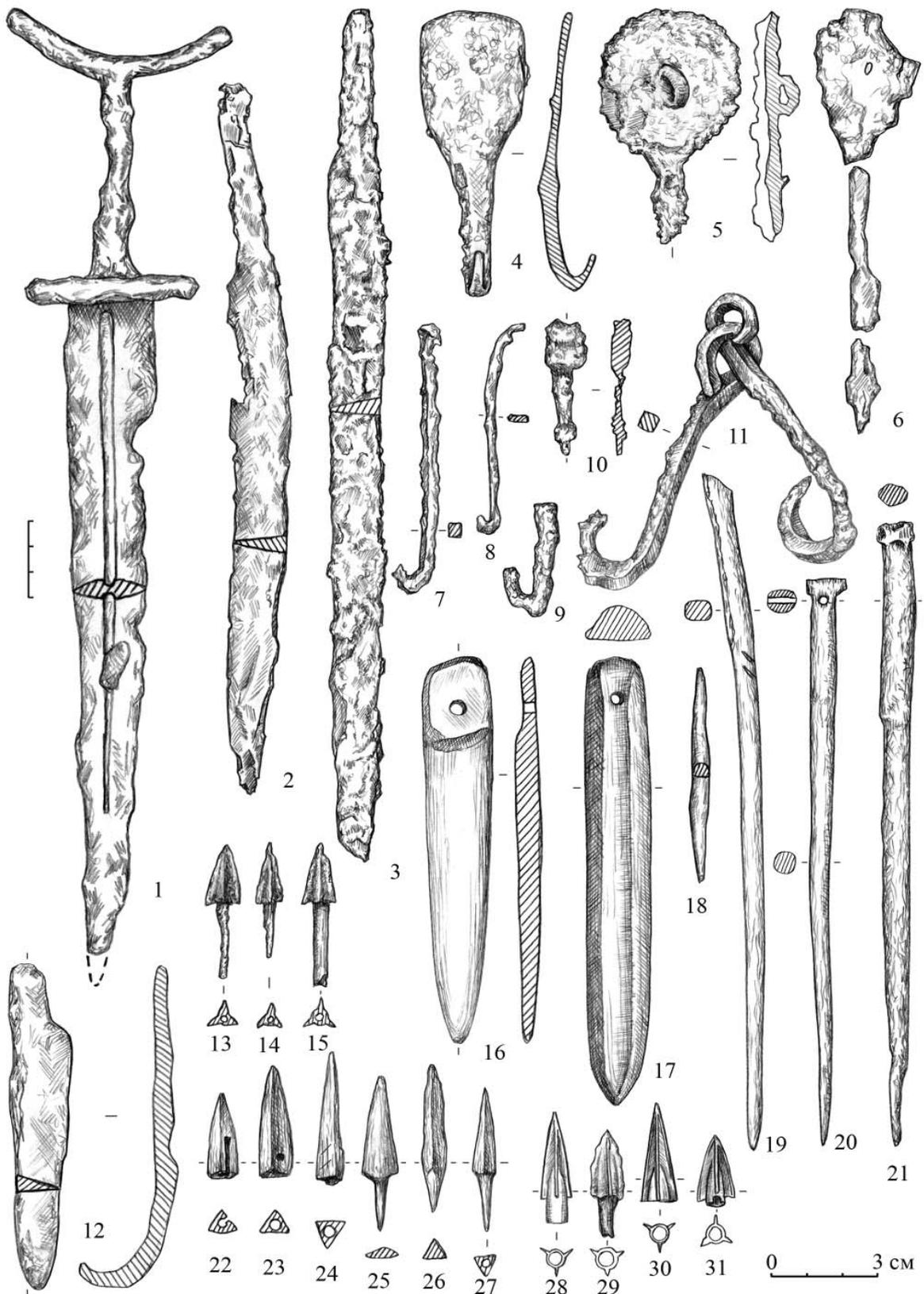


Рис. 11. Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник. Погребальный инвентарь из погребений: 1 – п. 3(1) кургана № 41; 2, 17, 22, 23, 31 – п. 43 раскопа II; 3, 24-30 – п. 34 раскопа II; 4 – п. 29 раскопа II; 5, 18 – п. 39 раскопа II; 6 – п. 24 раскопа II; 7, 13-15 – п. 36 раскопа II; 8, 20 – п. 33 раскопа II; 9 – п. 3 кургана № 15; 10 – п. 14 раскопа II; 11, 21 – п. 37 раскопа II; 12 – п. 3(3) кургана № 41; 16, 19 – п. 20 раскопа II. 1-15 – железо, 16, 17 – камень, 18-27 – кость, 28-31 – бронза

Fig. 11. Kipchakovo I barrow and subsoil burial ground. Inventory from the burials: 1 – b. 3 (1) of barrow No. 41; 2, 17, 22, 23, 31 – b. 43 of excavation II; 3, 24-30 – b. 34 of excavation II; 4 – b. 29 of excavation II; 5, 18 – b. 39 of excavation II; 6 – b. 24 of excavation II; 7, 13-15 – b. 36 of excavation II; 8, 20 – b. 33 of excavation II; 9 – b. 3 of Barrow No. 15; 10 – b. 14 of excavation II; 11, 21 – b. 37 of excavation II; 12 – b. 3 (3) of barrow No. 41; 16, 19 – b. 20 of excavation II. 1-15 – iron, 16, 17 – stone, 18-27 – bone, 28-31 – bronze

Перстни (2 экз.) найдены в двух погребениях раскопа II (п. 14, п. 48). По материалу перстни делятся на бронзовые и железные. Бронзовый бесщитковый перстень изготовлен из дрота подтреугольной в сечении формы (рис. 9: 35). Был зафиксирован на фаланге указательного пальца правой руки погребенной. Сильно коррозированный железный перстень со щитком округлой формы происходит из мужского захоронения (рис. 9: 29). Этот перстень располагался на фаланге пальца левой руки.

Наконечники стрел (188 экз.) найдены в двадцати одном погребении. По материалу изготовления делятся на бронзовые, железные и костяные. *Бронзовые наконечники стрел* (95 экз.) обнаружены в семнадцати погребениях (п. 1 кургана № 41, п. 1 кургана № 15, п. 1 кургана № 51, п. 5 кургана № 15, п. 5 (1) кургана № 51, п. 6, п. 20, п. 21, п. 23, п. 24, п. 32, п. 34, п. 37, п. 43, п. 46, п. 48 раскопа II, п. 8 раскопа III). Они представлены трехлопастными наконечниками с внутренней (51 экз.) и с выступающей (20 экз.) втулками (рис. 11: 28–31). Авторы в силу ряда причин не смогли разделить 23 наконечника стрел по форме втулки из п. 1, п. 5 кургана № 51 и п. 33 раскопа II. Железные наконечники стрел, трехлопастные, черешковые (около 72 экз.), присутствовали в восьми (п. 3 кургана № 15, п. 5 кургана № 15, п. 6, п. 32, п. 34, п. 36, п. 37, п. 39 раскопа II) погребениях (рис. 11: 13–15). Костяные наконечники стрел (21 экз.) найдены в пяти погребениях раскопа II (п. 32, п. 34, п. 35, п. 36, п. 43). Они имеют преимущественно трехгранную головку (20 экз.), в одном случае – наконечник стрелы ромбовидный (рис. 11: 25), по форме насада делятся на черешковые (10 экз., рис. 11: 25–27) и втульчатые (11 экз., рис. 11: 22–24). На одном костяном наконечнике из п. 34 раскопа II имеется искусственно нанесенная метка, вырезанная тонким резцом по одной из граней (рис. 11: 24).

В погребениях наконечники встречаются в различных сочетаниях. В двух случаях совместно находились бронзовые, железные и костяные стрелы. Совместные находения стрел из бронзы и железа и из кости и железа встречены в трех случаях для каждого сочетания. Бронзовые наконечники стрел совместно с костяными были обнаружены только в одном случае.

Ножи (25 экз.) найдены в двадцати пяти погребениях, из них шестнадцать относятся к мужским погребениям, восемь – к женским и для одного погребения половая принадлеж-

ность не определена. По оформлению спинки делятся на два типа.

Ножи с выгнутой спинкой (6 экз.) найдены в четырех мужских (п. 1, п. 3 (к. 1) кургана № 41, п. 20, п. 43 раскопа II) и двух женских (п. 16, п. 44 раскопа II) погребениях (рис. 11: 2). Ножи располагались на тазовых костях с левой стороны либо у левой бедренной кости.

Ножи с прямой спинкой (19 экз.) найдены в двенадцати мужских (п. 5 (к. 1) кургана № 51, п. 1 кургана № 15, п. 9, п. 29, п. 30, п. 32, п. 34, п. 35, п. 36, п. 37, п. 39, п. 48 раскопа II) и шести женских (п. 4 кургана № 51, п. 3 кургана № 15, п. 11, п. 28, п. 30, п. 47 раскопа II) погребениях. Еще один нож содержался в п. 4 раскопа III (пол не определен) (рис. 11: 3). Ножи располагались на тазовых костях с правой стороны либо вдоль правой бедренной кости. В одном случае нож находился слева от черепа.

В п. 34 раскопа II зафиксировано навершие ножен в виде округлой уплощенной костяной шайбы со сквозными перекрещивающимися подпрямоугольными отверстиями для крепления к ножнам и к ноге ремешками (рис. 9: 30).

Кинжалы (1 экз.). Из разрушенного коллективного п. 3 (костяк 1) кургана № 41 происходит двулезвийный кинжал с серповидным навершием и прямым перекрестием (рис. 11: 1).

Железные удила (1 экз.). Единственный экземпляр происходит из п. 37 раскопа II (рис. 11: 11). Удила располагались между берцовыми костями погребенного. Данное изделие относится к двусоставным удилам без псалий, изготовлено из четырехгранного дрота.

Каменные оселки (2 экз.) найдены в двух мужских погребениях (п. 20, п. 43) раскопа II. Они располагались в области пояса погребенных. Оселок из п. 21 имеет подтреугольную форму (рис. 11: 16), из п. 43 – подпрямоугольную (рис. 11: 17). В широкой части изделий имеется сквозное отверстие.

Костяные проколки (4 экз.) найдены в четырех погребениях (п. 20, п. 33, п. 37, п. 39) раскопа II. Все проколки происходят из мужских воинских погребений. Они зафиксированы острием вниз в области берцовых костей погребенных. Изделия изготовлены из округлого в сечении стержня, заостренного с одной стороны (рис. 11: 18–21). Одно из них представлено обоюдоострым изделием (рис. 11: 18). На двух проколках у основания рукояти гвоздеобразной формы имеется сквозное отверстие (рис. 11: 20–21).

Железные шилья (2 экз.) найдены в п. 4 кургана № 51 и п. 6 раскопа III.

Керамическая посуда (2 экз.) найдена в двух женских погребениях (п. 14 раскопа II, п. 7 раскопа III). Сосуды круглодонные, неорнаментированные, оранжево-коричневого цвета с черными подпалинами от кострового обжига (рис. 7: 2–4). В тесте одного из них (п. 14 раскопа II) визуально фиксируется примесь раковины (рис. 7: 2). Керамический сосуд из п. 14 находился с внешней стороны нижней части левой ноги, в п. 7 развал сосуда располагался между южной стенкой и тазовыми костями.

Железной скобель с обломанной рукоятью и загнутым кончиком лезвия найден в п. 3 (костяк 3) кургана № 41 (рис. 11: 12).

Керамическое пряслице (1 экз.) обнаружено в заполнении насыпи кургана № 41. Оно представлено в форме усеченного конуса со сквозным отверстием (рис. 7: 3).

Изделия неясного использования (3 экз.). Отнесены две круглые в сечении трубочки с усеченной большей частью длины и фрагмент железной пластины овальной формы.

Трубочки найдены в двух мужских погребениях раскопа II. Изделие из п. 9 бронзовое (рис. 9: 32), из п. 33 – костяное (рис. 9: 33). Местоположение этих предметов относительно костяка различается. Бронзовое изделие находилось на тазовых костях погребенного, костяное – между бедренными костями. В комплекте с бронзовым изделием было зафиксировано бронзовое плоское кольцо с орнаментом в виде полугорошин по внешнему краю и петель на обороте (рис. 9: 28). В литературе встречаются различные определения для трубочек (Голдина, Красноперов, 2012, с. 77). Железная пластина найдена в мужском п. 37 раскопа II, у сохранившегося края имеется заклепка (рис. 9: 31).

Датировка комплексов могильника

Погребальный инвентарь Кипчаковско-го I курганно-грунтового могильника можно с уверенностью отнести к кругу пьяноборских древностей. Подавляющее большинство вещей имеют многочисленные аналоги в могильниках пьяноборской культуры, сложившейся в Прикамье в конце I тысячелетия до нашей эры. Многие категории и типы вещей бытуют в течение всего периода существования культуры, что вызывает сложности при хронологизации погребальных комплексов.

Исследования Кипчаковского могильника дали чрезвычайно богатый материал по истории раннего этапа пьяноборской культуры.

Среди предметов погребального инвентаря, обладающих признаками хроноиндикаторов и которые можно было бы отнести к наиболее раннему времени, следует отметить восьмеркообразные и кольцевые бронзовые застежки, эполетообразные одножгутовые застежки, а также бронзовые наконечники стрел.

В коллекции из раскопок Ф.М. Тагирова четыре восьмеркообразных и двадцать кольцевых бронзовых застежек, четыре эполетообразных застежек с одним жгутом, одна железная эполетообразная застежка с одним штырем и четыре железные кольцевые застежки с неподвижным штырем-язычком, лежащим в одной плоскости с рамкой.

В сарматских комплексах появление восьмеркообразных застежек относят к рубежу III–IV вв. до н. э., основная масса их бытовала в III–II вв. до н. э. (Мошкова, 1963, с. 40; Скрипкин, 1990, с. 167, 170–171). На территории пьяноборской культуры восьмеркообразные застежки встречены в комплексах II Деуковского, Урманаевского, III Кушулевского могильников и могильников Чеганда II, Ныргында II, Старый Чекмак (Агеев, 1992, с. 115). Две восьмеркообразные застежки в погребении 318 III Кушулевского могильника сочетаются с кольцевыми застежками и эполетообразной застежкой с одним жгутом. Кольцевые застежки, распространенные в прохоровской культуре, были встречены также в Урманаевском, II Кушулевском, Старо-Киргизовском, Камышлы-Тамакском могильниках, а также в могильнике Чеганда II (Агеев, 1992, с. 115). Основную массу простых кольцевых пряжек в сарматских древностях М.Г. Мошкова датирует II–I вв. до н. э. (Мошкова, 1960, с. 297), в последующей работе она отмечает, что «кольцевые же, появляясь не ранее III до н. э., нередко доживают до I в. до н. э. включительно» (Мошкова, 1963, с. 40). Б.Б. Агеев датировал сочетания восьмеркообразных и кольцевых застежек в пьяноборских памятниках концом II–I вв. до н. э. (Агеев, 1992, с. 56). В нашем случае оба вида застежек обнаружены вместе в трех погребениях (п. 2 кургана № 51, п. 5 кургана № 51 и п. 14 раскопа II). В коллективном погребении 5 кургана № 51 две восьмеркообразные обувные застежки одного костяка с кольцевой поясной застежкой другого сочетались с бронзовыми наконечниками стрел.

Хронология наконечников стрел раннего железного века в разное время привлекала к себе внимание многих известных исследователей (Смирнов, 1961; Мошкова, 1962;

Хазанов, 1971, Агеев, 1976; 1992) и, как следствие, на данный момент достаточно хорошо разработана, что позволяет нам обратиться к данной категории погребального инвентаря. Таблица 2 иллюстрирует распределение найденных наконечников стрел по погребениям. В коллекции присутствуют наконечники стрел из бронзы, железа и кости из 21 погребения. Бросается в глаза преобладание в колчанах только бронзовых наконечников стрел (12 погр.) над железными (3 погр.). При этом хорошо фиксируются 5 погребений

зловых наконечников стрел вплоть «до первых веков нашей эры» (Агеев, 1976, с. 12; 1992, с. 56). Присутствие костяных наконечников, как нам кажется, не позволяет на сегодняшний момент уточнить или откорректировать данные хронологические позиции.

Относительно большое количество бронзовых наконечников в сочетании с восьмеркообразными, кольцевыми и эполетообразными с одним жгутом застежками указывает на раннее время функционирования могильника. К этому времени следует отнести и кинжал

Таблица. 2.

Взаимовстречаемость наконечников стрел из погребальных комплексов
Кипчаковского I курганно-грунтового могильника

Table . 2.

Mutual occurrence of arrowheads from the burial complexes
of Kipchakovo I barrow and subsoil burial ground.

№ п/п	Шифр погребения	Бронзовые наконечники стрел	Железные наконечники стрел	Костяные наконечники стрел
1	п.33 раскопа II	20		
2	п.20 раскопа II	14		
3	п.43 раскопа II	13		5
4	п.1 кургана №41	11		
5	п.8 раскопа III	5		
6	п.48 раскопа II	5		
7	п.21 раскопа II	3		
8	п.5(1) кургана №51	3		
9	п.1 кургана №51	1		
10	п.24 раскопа II	1		
11	п.1 кургана №15	1		
12	п.46 раскопа II (женское)	1		
13	п.37 раскопа II	5	2	
14	п.34 раскопа II	5	12	5
15	п.5 кургана №15	3	1-2-?	
16	п.32 раскопа II	2	9-?	4
17	п.29 раскопа II	1	25-?	
18	п.39 раскопа II		11-?	
19	п.3 кургана №15		2	
20	п.36 раскопа II		8	2
21	п.35 раскопа II			4
	ИТОГО:	17 погр.	8 погр.	5 погр.

ний с совместным нахождением в колчане бронзовых и железных наконечников стрел, что фиксирует переход смены использования бронзовых стрел на железные. В данном контексте мы уже определяли время бытования бронзовых наконечников стрел до середины I века до н. э., совместное использование бронзовых и железных наконечников стрел, по нашему мнению, приходится на середину – вторую половину I века до н. э. К началу I века н. э. полностью утвердились в колчаных наборах железные наконечники стрел (Зубов, Саттаров, 2018, с. 214). Наши выводы близки к точке зрения Б.Б. Агеева о бытовании брон-

с серповидным навершием и прямым перекрестием. В сарматских древностях подобное оружие обычно коррелируется с раннесарматским временем, бытование которого исследователи доводят до I в. до н. э. (Скрипкин, 1990, с. 119; Симоненко, 2010, с. 19, 40).

Выстраивание хронологической позиции исследованных Ф.М. Тагировым погребальных комплексов Кипчаковского могильника невозможно без привлечения достаточно большого корпуса бусинного материала, в основе своей происходящего из античных центров Северного Причерноморья. На основании анализа обработанного Р.Р. Саттаровым

бусинного материала, который был построен на основе хронологических схем и классификационных разработок Е.М. Алексеевой (Саттаров, 2019, с. 78), мы можем говорить о двух этапах поступления этой категории находок к пьяноборскому населению. Ряд одноцветных бус (типы 193 г, 15, 16 по классификации Е.М. Алексеевой) и бус с металлической прокладкой (тип 1а по классификации Е.М. Алексеевой) в материалах пьяноборской культуры соотносятся с первым этапом распространения импортных предметов и датируется концом II–I до н. э. При этом все типы, кроме типа 193-г, бытуют и позже. Ко второму этапу распространения импортных предметов в пьяноборской среде можно отнести одноцветные бусы (типы 1, 2, 13, 101, 166), которые наиболее широко были распространены в I–II вв. н. э. Кроме этого, следует отметить, что каменные бусины и раковины каури также относятся к этому времени (Саттаров, 2019, с. 82). Отсутствие в публикуемых материалах Кипчаковского могильника вещей, характерных исключительно для II века (ср. Голдина, Бернц, 2016), позволяет ограничить верхнюю дату исследованных комплексов I в. н. э.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что наиболее вероятным временем совершения захоронений на исследованной Ф.М. Тагиров-

вым части Кипчаковского I могильника является II–I вв. до н. э., может быть до I в. н. э. включительно.

Анализируя распределение погребального инвентаря, можно выделить раннюю и позднюю группы погребений. Наиболее ранними, на наш взгляд, являются подкурганые захоронения. Погребения грунтовой части могильника видятся более поздними.

Исходя из этого, картина образования Кипчаковского I могильника представляется следующей: наиболее ранними являются подкурганые захоронения. Курганы были сооружены пришлым населением в соответствии с присущей ему погребальной обрядностью, вокруг которых стали производить более поздние грунтовые захоронения, оставленные ассимилированным населением. В этой связи для нас представляют интерес Нагаевские (Овсянников, 1995), Акбердинские курганы и Шиповский могильник (Пшеничнюк, 1976; Овсянников и др., 2007), состоящий из курганных и грунтовых захоронений, исследованные на территории среднего течения р. Белой. Вполне допустимо рассматривать переселение части населения (преимущественно мужского), оставившего эти памятники, на северо-запад, в район Икско-Бельского междуречья, которое приняло активное участие в формировании пьяноборской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеев Б.Б. К вопросу о нижней дате пьяноборской культуры // Новые материалы и исследования по истории и филологии Башкирии / Отв. ред. З.Г. Ураксин Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 9–12.
- Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1978. 120 с.
- Бугров Д.Г. Поселения пьяноборской культуры в Икско-Бельском междуречье. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2006а. 350 с.
- Бугров Д.Г. Пьяноборские городища с полукольцевой и кольцевой фортификацией в Икско-Бельском междуречье // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдГУ, 2006б. С. 307–318.
- Гарустович Г.Н., Тагиров Ф.М. Новые находки с Кипчаковского городища на Северо-западе Башкортостана // УАВ. 2012. № 12. С. 124–135.
- Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов / ВАУ. Вып. 5. Ижевск, 1963. 185 с.
- Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. I. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) // ВАУ. Вып. 10 / Отв. ред. В.А. Семенов. Ижевск, 1970. 224 с.
- Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016. №1 (15). С. 41–89.
- Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Ныргындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 22. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 364 с.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка / МИА. № 48. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 163 с.
- Долгих Б.О. О похоронном обряде кетов // СА. 1961. № 3. С. 102–112.
- Журавлева Г.Н. Предварительные итоги изучения Ныргындинского II могильника по раскопкам В.Ф. Генинга // Поволжская археология. 2014. №1 (7). С. 69–83.

- Зубов С.Э. Научный отчет об археологических работах на Кипчаковском I могильнике в Илишевском районе Республики Башкортостан в 1992 году. Самара, 1993 // НОА ИА РАН. Р-1. №18549.
- Зубов С.Э. Кипчаковский культурно-хронологический горизонт в системе пьяноборской культуры // УАВ. 2007. № 6–7. С. 72–88.
- Зубов С.Э. Новые элементы погребальной обрядности раннепьяноборского населения в низовьях р. Белой (по материалам раскопок Кипчаковского курганно-грунтового могильника в 2006 году) // УАВ. 2010. №. 10. С. 64–84.
- Мошкова М.Г. Раннесарматские бронзовые пряжки // Древности Нижнего Поволжья. Т. II / МИА. № 78 / Отв. ред. Е.И. Крупнов, К.Ф. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. 293–307 с.
- Мошкова М.Г. О раннесарматских втульчатых стрелах // КСИА. Вып. 89 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: АН СССР, 1962. С. 77–82
- Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры / САИ. Вып. Д1-10. / Отв. ред. К.Ф. Смирнов. М.: АН СССР, 1963. 88 с.
- Овсянников В.В. Нагаевские курганы // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Вып. 1 / Отв. ред. А.Ф. Яминов. Уфа: Министерство культуры РБ, 1995. С. 85–95.
- Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.
- Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала / Ред. Р.Г. Кузеев, Н.А. Мажитов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 35–131.
- Саттаров Р.Р. Импортные предметы в пьяноборской культуре (конец II в. до н.э. – II в. н.э.). Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2019. 167 с.
- Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.: Нестор–История, 2010. 328 с.
- Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. 300 с.
- Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов / МИА. № 101. М.: АН СССР, 1961. 162 с.
- Соколова З.П. Пережитки религиозных верований у обских угров / Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. XXVII / Отв. ред. Л.П. Потапов, С.В. Иванов. Л.: Наука, 1971. С. 211–238.
- Тагиров Ф.М. Научный отчет об археологических исследованиях в Аургазинском и Илишевском районах БАССР, проведенных в 1990 г. по Открытому листу № 620 (форма № 4). Уфа. 1990 / НОА ИА РАН. Р-1. №15896.
- Тагиров Ф.М. Научный отчет об археологических исследованиях могильника «Хан-Зиараты» (раскопки 1990–91 гг.). Уфа, 1991 / Архив Илишевского историко-краеведческого музея.
- Тагиров Ф.М. Научный отчет о проведении археологических раскопок в Илишевском районе Республики Башкортостан в 1994 г. Уфа, 1996 / Архив Илишевского историко-краеведческого музея.
- Тагиров Ф.М. Научный отчет по результатам исследования Кипчаковского курганно-грунтового могильника в 2001 г. Уфа, 2001 / Архив Илишевского историко-краеведческого музея.
- Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 171 с.

Информация об авторах:

Зубов Сергей Эдгардович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (г. Самара, Россия); guberfond@rambler.ru

Саттаров Рузиль Раильевич, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия), ученый секретарь, Институт археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Россия); sattarov.rr@rambler.ru

Тагиров Фарит Мазитович, независимый исследователь (г. Уфа, Россия); farit-tagirov@mail.ru

REFERENCES

- Ageev, B. B. 1976. In Uraksin, Z. G. (ed.). *Novye materialy i issledovaniia po istorii i filologii Bashkirii (New Materials and Studies on the History and Philology of Bashkiria)*. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 9–12 (in Russian).
- Ageev, B. B. 1992. *P'yanoborskaia kul'tura (The Pyany Bor Culture)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Alekseeva, E. M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of North Pontic)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Bugrov, D. G. 2006a. *Poseleniya p'yanoborskoy kul'tury v Iksko-Bel'skom mezhdurech'e (Settlements of the Pyany Bor Culture in the Iksa-Bel Interfluve)*. PhD Diss. Kazan (in Russian).

Bugrov, D. G. 2006b. In Goldina, R. D. (ed.). *Vzaimodeistvie narodov Evrazii v epokhu velikogo pereseleeniia narodov (Interaction of Eurasian Peoples in the Great Migrations Age)*. Izhevsk: Udmurt State University, 307–318 (in Russian).

Garustovich, G. N., Tagirov, F. M. 2012. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* (12), 124–135 (in Russian).

Gening, V. F. 1963. *Azelinskaia kul'tura III–V vv. Ocherki istorii Viatskogo kraia v epokhu velikogo pereseleeniia narodov (Azeline Culture of 3rd – 5th Centuries: Essays on History of the Vyatka Area in the Great Migrations)*. Series: Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural) 5. Izhevsk (in Russian).

Gening, V. F. 1970. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu. Ch. I. Chegandinskaia kul'tura (III v. do n.e. – II v. n.e.) (History of Udmurt Kama Population in the Pyany Bor epoch. Part I. The Cheganda culture (3rd Century BC – 2nd Century AD))*. In Semenov, V. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 10. Izhevsk (in Russian).

Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 15 (1), 41–89 (in Russian).

Goldina, R. D., Krasnoperov, A. A. 2012. *Nyrgyndinskii I mogil'nik II–III vv. na Srednei Kame (Nyrgynda I Burial Ground from 2nd – 3rd Centuries in the Middle Kama Area)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 22. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Gryaznov, M. P. 1956. *Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka (History of Ancient Tribes from the Upper Ob on the Basis of Excavations near Bolshaya Rechka)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 48. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Dolgikh, B. O. 1961. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archeology)*. (3). 102–112 (in Russian).

Zhuravleva, G. N. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 7 (1), 69–83 (in Russian).

Zubov, S. E. 1993. *Nauchnyi otchet ob arkheologicheskikh rabotakh na Kipchakskom I mogil'nike v Ilishevskom raione Respubliki Bashkortostan v 1992 gody (Scientific Report on Archaeological Activities at Kipchakovo I Burial Ground in the Ilishevsky District of the Republic of Bashkortostan in 1992)*. Samara. Archive of the Institute of Archaeology of the RAS, f. R-1, Inv. no 18549 (in Russian).

Zubov, S. E. 2007. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* (6–7), 72–88 (in Russian).

Zubov, S. E. 2010. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* (10), 64–84 (in Russian).

Moshkova, M. G. 1960. In Krupnov, E. I., Smirnov, K. F. (eds.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in Archaeology USSR)* 78. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 293–307 (in Russian).

Moshkova, M. G. 1962. In Passek, T. S. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 64. Moscow: the USSR Academy of Sciences, 77–82 (in Russian).

Moshkova, M. G. 1963. *Pamiatniki prokhorovskoi kul'tury (Monuments of the Prokhorovka culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1-10. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Ovsyannikov, V. V. 1995. In Yaminov, A. F. (ed.). *Nasledie vekov. Okhrana i izuchenie pamiatnikov arkheologii v Bashkortostane (The Legacy of Centuries. Protection and Study of Archaeological Sites in Bashkortostan)* 1. Ufa: Ministry of Culture of the Republic of Bashkortostan, 85–95 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V., Savelev, N. S., Akbulatov, I. M., Vasilev, V. N. 2007. *Shipovskii mogil'nik v lesostepnom Priural'e (Shipovo Burial Ground in the Cis-Urals Forest-Steppe Area)*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1976. In Kuzeev, R. G., Mazhitov, N. A., Pshenichniuk, A. Kh. (eds.). *Drevnosti Iuzhnogo Urala (Antiquities of the Southern Urals)*. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 35–131 (in Russian).

Sattarov, R. R. 2019. *Importnye predmety v p'ianoborskoi kul'ture (konec II v. do n.e. – II v. n.e.) (Imported Items in the Piany Bor Culture (Late 2nd century BC - 2nd century AD))*. Diss of candidate of historical Sciences. Kazan (in Russian).

Simonenko, A. V. 2010. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ia (Sarmatian Riders of the Northern Black Sea Region)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).

Skripkin, A. S. 1990. *Aziatskaia Sarmatiia (problemy khronologii i ee istoricheskii aspekt) (Sarmatia Asiatica: Issues of Chronology and Its Historical Aspect)*. Saratov: Saratov University (in Russian).

Smirnov, K. F. 1961. *Vooruzhenie savromatov (Armament of the Sauromatians)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in Archaeology of the USSR) 101. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Sokolova, Z. P. 1971. In Potapov, L. P., Ivanov, S. V. (eds.). *Religioznye predstavleniya i obryady narodov Sibiri v XIX – nachale XX veka (Religious Beliefs and Rituals of the Peoples of Siberia in the 19th – Early*

20th Centuries). *Sbornik muzeya antropologii i etnografii (Collection of the Papers of the Anthropology and Ethnography Museum)*. Leningrad: "Nauka" Publ., 211–238 (in Russian).

Tagirov, F. M. 1990. *Nauchnyy otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniyakh v Aurgazinskom i Ilishevskom raionakh BASSR, provedennykh v 1990 g. po Otkrytomu listu № 620 (forma № 4) (Scientific Report on Archaeological Studies in the Aurgazinsky and Ilishevsky Districts of the BASSR in 1990 according to the Open Sheet No. 620 (Form No. 4))*. Ufa. Archive of the Institute of Archaeology of the RAS, f. R-1, Inv. no 15896 (in Russian).

Tagirov, F. M. 1991. *Nauchnyy otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniyakh mogil'nika "Khan-Ziaraty" (raskopki 1990-91 gg.) (Scientific Report on Archaeological Studies at Khan-Ziaraty Burial Ground (Excavations 1990–91))*. Ufa. Archive of the Ilishevsky Museum of History and Local Lore (in Russian).

Tagirov, F. M. 1996. *Nauchnyy otchet o provedenii arkhelogicheskikh rabotakh v Ilishevskom raione Respubliki Bashkortostan v 1994 g. (Scientific Report on Archaeological Excavations in the Ilishevsky district of the Republic of Bashkortostan in 1994.)* Ufa. Archive of the Ilishevsky Museum of History and Local Lore (in Russian).

Tagirov, F. M. 2001. *Nauchnyy otchet po rezul'tatam issledovaniia Kipchakskogo kurganno-gruntovogo mogil'nika v 2001 g. (Scientific Report on the Results of the Study of the Kipchakovsky Barow and Subsoil Burial Ground in 2001)*. Ufa. Archive of the Ilishevsky Museum of History and Local Lore (in Russian).

Khazanov, A. M. 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov (Essays on Sarmatian Warfare)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Zubov Sergey E. Candidate of Historical Sciences, Head of the Laboratory. Samara National Research University. Moskovskoye shosse, 34, Samara, 443086, Russian Federation; guberfond@rambler.ru

Sattarov Ruzil R. Candidate of Historical Sciences. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya str., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; sattarov.rr@rambler.ru

Tagirov Farit M. Independent researcher. Ufa, Russian Federation; farit-tagirov@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2021 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.



Рис. 12. Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник. Общий вид раскопа 2001 г.
Fig. 12. Kipchakovo I barrow and subsoil burial ground. General view of the excavation of 2001.

Приложение 1.

Дневник раскопок Кипчаковского I курганно-грунтового могильника

В течение четырех полевых сезонов (1990–1991 гг., 1994 г. и 2001 г.) Ф.М. Тагировым было исследовано 4 кургана (№ 15, 41, 51, 52) и два раскопа, примыкающих к кургану № 41 (раскоп I, площадь 36 кв. м) и кургану № 15 (раскоп II, площадь 618 кв. м). Всего было исследовано 64 погребения. Нумерация курганов и погребений, используемая автором, была изменена для большего удобства и в связи с некоторыми неточностями. При указании размеров могил первое значение указывает длину, второе – ширину, третье – глубину от современной поверхности. В приложении ссылки даются не на рисунок конкретной вещи, а на ее тип.

Курган № 52 (к. 3 по Отчету Ф.М. Тагирова 1991 г.) располагался в восточной части могильника (рис. 4). Диаметр 9 м, высота 0,4 м, в центре насыпи современная воронка от грабительского вкопа. Представлял собой земляную полусферической формы задернованную насыпь. В заполнении насыпи на глубине от 20 до 45 см от уровня современной поверхности найдены различные кости животных и человека, фрагмент керамики черного цвета ручной лепки. В северной части восточного сектора кургана выявлен череп лошади. Вокруг черепа зафиксировано густое вкрапление угля.

В центральной части кургана на глубине 25–40 см от современной поверхности (на уровне погребенной почвы) выявлены остатки

надмогильного сооружения кольцеобразной формы, представляющие собой четко очерченную полосу золы с густым вкраплением угля. Внешний диаметр зольно-угольного кольца 5 м, внутренний 3,4 м. В северо-западной части достаточно четко прослеживались обожженные до угля плахи от стволов деревьев, диаметром до 8 см, упорядоченно уложенных рядом. Мощность зольной полосы достигала 10 см. В юго-западной части кольца золистый слой нивелируется. В северо-западной и восточной части кольца зафиксированы пятна прокалов, причем в первом случае – еще в засыпке, перекрывающей погребенную почву и сооружение, во втором случае прокол затронул лишь погребенную почву. В центре кургана, в центре зольно-угольного кольца, было выявлено единственное погребение.

Погребение № 1 выявлено в центральной части кургана, в кв. Э,Ю/27,28 (рис. 4). Было полностью разрушено перекрывшим его современным грабительским вкопом. О наличии погребения свидетельствуют найденные в перекопе истлевшие кости человека, и не исключается возможность разрушения этого захоронения еще в древности. Грабительская яма своей более длинной осью ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ. Вещей не обнаружено.

Курган № 51 (к. 4 по отчету Ф.М. Тагирова 1994 г.) располагался юго-западнее кургана № 52, полы которых совмещены (рис. 4). Насыпь

земляная, округлой формы, диаметром 12 м и высотой до 0,35 м. В центре кургана грабительская воронка. При разметке кургана оставлена бровка длиной 12 м, шириной 0,3 м, ориентированная по линии север – юг (рис. 8). Стратиграфия следующая: под слоем дерна 20–25 см располагался пласт гумуса мощностью до 65 см. Под ним слой погребенной почвы (коричневая глина) до 50 см. В центральной части и южной поле зафиксированы следы прокаленной глины. Материк – красная глина.

Погребение № 1 выявлено в центральной части кургана, в кв. Ц,Ч,Ш/30,31 (рис. 4). Центральное захоронение в своей нижней части прямоугольной формы с округлыми углами, отвесными стенками и ровным дном, размерами 280×130×270 см. Могила ориентирована по линии ВЮВ–ЗСЗ. В восточной и южной части погребальная камера сильно нарушена грабительским вкопом. Вдоль длинной (южной) стенки ступенька длиной 160 см, шириной 20 см. На дне могильной ямы, у основания ступени, пятно меловой подсыпки, поверх которой находилась деревянная плаха длиной 75 см, шириной 10 см, толщиной 3 см. В северо-восточной части могилы выявлено золистое пятно с вкраплениями угля. В заполнении могилы, в явно потревоженном состоянии, найдены обломки железного изделия и бронзовый наконечник стрелы (рис. 11: 30).

Погребение № 2 выявлено в восточной поле кургана, в северо-восточном секторе, в кв. Ш,Щ,Э/29,30 (рис. 4). Могила овальной формы (первоначально, очевидно, была прямоугольной формы с округлыми углами) ориентирована по линии СВ–ЮЗ, размерами 273×135×145 см. Могила разрушена и сильно деформирована грабительским вкопом. На дне могилы в северо-восточной части зафиксированы пятна меловой подсыпки. На дне и в заполнении погребальной камеры выявлены бронзовая каркасная подвеска каплевидной формы (рис. 9: 25), восьмеркообразная застежка с неподвижным крючком и шпеньками в виде медвежьих морд (рис. 10: 19), эллипсоидные пронизи (8 экз.) (рис. 8: 22), обжимные накладки (13 экз.) (рис. 8: 25), гофрированные трубицы на деревянной основе (2 экз., височные подвески?) (рис. 9: 24); круглая плоская бляшка с отверстием в центре и петелькой на обороте (рис. 9: 3); фрагментированная подпрямоугольная обжимная пластина (рис. 8: 23); ажурная накладка ромбической формы (рис. 8: 11); пять ажурных накладок подпрямоугольной формы (рис. 8: 4–6) и одна подпрямоугольной формы с крупными расче-

сами (рис. 8: 7); три округлые бусины из бирюзового стекла (рис. 8: 39–40). Судя по вещевому набору в могиле была захоронена женщина.

Погребение № 3 выявлено в западной поле насыпи в кв. Ц,Ч/32 (рис. 4). Могильная яма овальной формы с ровными стенками, слегка наклоненными ко дну и ровным дном, размерами на уровне фиксации 200×90 см, у дна 170×80 см, при глубине 115 см. Могила ориентирована по линии ВЮВ–ЗСЗ. На дне могильной ямы выявлен костяк ребенка, ориентированный головой к ВЮВ. Судя по сохранившимся костям, погребенный располагался на спине; руки вытянуты вдоль тела, ноги вытянуты. Вещей нет.

Погребение № 4 располагалось в северной части восточного сектора кургана, в кв. Ш,Щ/32,33 (рис. 4). Могильная яма подпрямоугольной формы, несколько расширенной в восточной части. На уровне зачистки в западной части выявленного погребения найден обломок нижней челюсти лошади. В восточной части северной стенки зафиксирована ступенька из материковой глины высотой до 30 см от дна; длиной около 100 см, шириной до 25 см. Примыкая к ней, на дне могилы были положены крестец животного (лошадь?) и череп лошади без нижней челюсти. Могильная яма с несколько покатыми стенками и неровным, покатым в восточную сторону дном (восточная часть могилы глубже западной примерно на 20 см), размерами 240×45×115 см была ориентирована по линии восток – запад, с небольшим отклонением к северу. На дне могилы выявлен костяк, ориентированный головой на восток. Справа от нижней челюсти, над плечом и под обломками черепа находились обломки четырех спиральновитых бронзовых височных подвесок (рис. 9: 26), под нижней челюстью – подвеска конической формы и глазчатая бусина синего стекла (в коллекции отсутствует), на груди – бусины (красная округлая, стеклянная с металлической прокладкой и янтарная овальной формы), в районе пояса, с правой стороны, – железный нож (рис. 11: 3), рядом с ним железное шило плохой сохранности, на бедренной кости правой ноги, у кисти руки, – кость животного. В районе ног встречены мелкие обломки кальцинированных костей и угольки.

Погребение № 5 выявлено в восточном секторе кургана, в кв. Ш/31 (рис. 4). Могильная яма овальной формы; ориентирована по линии З–В с небольшим отклонением, с ровными, слегка наклоненными ко дну стенками и ровным дном, размерами 178×70×127 см.

На уровне зачистки 190×80 см. На дне могилы выявлено два противоположащих друг другу костяка (рис. 6: 2). **Костяк 1** частично разрушен. Костяк обращен головой к юго-востоку, завален на левую часть. Рука вытянута вдоль тела, кости ног сдвинуты. Справа от бедренной кости находился железный нож (рис. 11: 3). **Костяк 2** расположен вытянуто, несколько завален на левый бок. Правая рука вдоль тела. Судя по сохранившимся костям, погребенный подросток был ориентирован головой к ЗСЗ. Справа от тазовых костей костяка 2, у берцовой ноги костяка 1, фрагмент железного изделия и два бронзовых наконечника стрел, еще один бронзовый наконечник стрелы – у юго-западной стенки могилы. Рядом с ним – бронзовая восьмеркообразная застежка. Еще одна бронзовая кольцевая застежка (рис. 10: 3) – в районе пояса костяка 2, и одна бронзовая восьмеркообразная застежка (рис. 10: 18) – в области левой руки костяка 2 и окончания берцовой кости костяка 1. Можно предположить, что наконечники стрел и две обувные восьмеркообразные застежки принадлежали костяку 1, а поясная кольцевая застежка – костяку 2.

Курган № 41 (к. 2 по Отчету Ф.М. Тагирова 1990–1991 гг.) располагался в северной части могильника (рис. 4). Представлял из себя земляную насыпь полусферической формы диаметром 8 м при высоте 0,26 м. В заполнении насыпи были обнаружены челюсти и отдельные зубы лошади, различные кости неопределяемых животных на разной глубине, керамическое пряслице цилиндрической формы (рис. 7: 3). В гумусном слое западного сектора кургана встречались как отдельные кусочки, так и скопления угольков. Под насыпью кургана выявлено 3 погребения. Судя по сохранившимся костям и расположению немногочисленного инвентаря, погребенные в могиле лежали вытянуто на спине, головой к северо-востоку.

Погребение № 1 располагалось в южной поле кургана, в кв. Т,У/6,7 (рис. 4). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, отвесными стенками и ровным дном, размерами 180×53×120 см, ориентирована по линии СВ–ЮЗ. В заполнении могильной ямы встречались угольки. На дне могилы костяк мужчины хорошей сохранности вытянуто на спине, со смещением к востоку. Череп на левом боку, лицевой частью к юго-востоку. Плечи приподняты, руки вытянуты, согнуты в локтях, кисти располагались на тазовых костях. Ноги вытянуты. В составе погребального инвентаря железный нож с

выгнутой спинкой у запястья кисти левой руки (рис. 11: 2), железная застежка с неподвижным язычком на правой тазовой кости (рис. 10: 22), скопление бронзовых, трехлопастных наконечников стрел – с внутренней (9 экз., рис. 11: 30) и выступающей (2 экз., рис. 11: 28) втулкой в кожаном колчане.

Погребение № 2 располагалось в западном секторе кургана, в его южной части, в кв. С,Т/5,6 (рис. 4). Разрушенное. В заполнении встречались угольки. Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, стенки ровные, отвесные, дно неровное, размерами 150×50×95 см. Могила ориентирована по линии СЗ–ЮВ. В заполнении могилы найдены нижняя челюсть человека и обломок бедренной кости. В северо-восточной части могилы были найдены бронзовая подвеска и кольцо. Предметы очень плохой сохранности и при изъятии обратились в труху.

Погребение № 3 располагалось в центре кургана, в кв. Т,У/4,5,6 (рис. 4). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, отвесными стенками и ровным дном, размерами 190×277×95 см. Могила ориентирована по линии СВ–ЮЗ. В заполнении выявлены кусочки угля. На дне выявлены остатки трех костяков (рис. 7: 1). **Костяк 1** располагался в правой части могилы. Сохранился лишь раздавленный череп и кость предплечья правой руки. В районе предполагаемого бедра погребенного выявлены железный кинжал с серповидным навершием и брусковидным перекрестием (рис. 11: 1), бронзовая округлая бляшка с петлей на обороте и отверстием в центре (рис. 9: 4), железный нож с выгнутой спинкой (рис. 11: 2). **Костяк 2** располагался в центре погребения. Выявлены лишь компактно расположенные обломки черепа. Вещей нет. **Костяк 3** располагался в левой части погребения. Выявлен раздавленный череп, обращенный лицевой частью на юго-запад, и кости левой ноги. В районе грудной клетки найден железный скобель с обломанной рукоятью и загнутым кончиком лезвия (рис. 11: 12).

Раскоп III (раскоп I по Отчету Ф.М. Тагирова 1990–1991 гг.) примыкает к западному сектору кургана № 41. Помимо костей животного (лошадь?), найденных на глубине 24 см от уровня современной поверхности (над погребением № 4), в слое ничего не обнаружено. На всей площади раскопа (36 кв. м, не считая прирезок) было выявлено 6 погребений.

Погребение 4 (п. 1 раскопа I по Отчету Ф.М. Тагирова 1990–1991 гг.) располагалось в южной части раскопа, в кв. Р,С/8 (рис. 4).

Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, отвесными стенками и ровным дном, размерами 206×71×66 см. Могила ориентирована по линии СВ–ЮЗ с небольшим отклонением. Захоронение разрушено. Человеческие кости отсутствовали. На дне могилы, в ее юго-западной части, найден железный нож (рис. 11: 3).

Погребение 5 (п. 2 раскопа I по Отчету Ф.М. Тагирова 1990–1991 гг.) располагалось в кв. P,С/8,9 (рис. 4). Могильная яма овальной формы с отвесными стенками и ровным дном, размерами 192×40×67 см. Ориентирована по линии З–В с небольшим отклонением. Захоронение разрушено, костяк не обнаружен. Из инвентаря близ северной боковой стенки найдена низка округлых бус из голубого стекла (230 экз., в коллекции 36 экз., рис. 8: 35).

Погребение 6 (п. 3 раскопа I по Отчету Ф.М. Тагирова 1990–1991 гг.) располагалось в северной части раскопа, в кв. P/2,3 (рис. 4). Могильная яма овальной формы с отвесными стенками и ровным дном, размерами 198×74×93 см. Ориентирована по линии С–Ю с небольшим отклонением. Разрушено. Найдены лишь отдельные человеческие кости и зубы. В южной части могилы выявлена плохо сохранившаяся бронзовая накладка подпрямоугольной формы с выдавленным орнаментом (рис. 8: 2). В северной части могилы сильно коррозированный железный предмет (шило?).

Погребение 7 (п. 4 раскопа I по Отчету Ф.М. Тагирова 1990–1991 гг.) располагалось в южной части раскопа, в кв. P,С/7 (рис. 4). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, отвесными стенками и ровным дном, размерами 240×80×104 см. Ориентирована по линии З–В с небольшим отклонением. На дне могилы костяк человека, частично разрушенный грызунами. Непотревоженными остались череп (раздавлен) лицевой частью к северу, кости левой руки, согнутой в локте, несколько ребер и кости ног. Судя по сохранившимся костям, погребенный лежал на спине, вытянуто головой на восток. Среди обломков черепной коробки найдены бронзовое кольцо от височной спиральновитой подвески (рис. 9: 26) и бусина синего стекла, развал глиняного сосуда (рис. 7: 4) – между южной стенкой и тазовыми костями.

Погребение 8 (п. 5 раскопа I по Отчету Ф.М. Тагирова 1990–1991 гг.) располагалось в северной части раскопа, в кв. П,Р/4,5 (рис. 4). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, отвесными стенками и ровным дном, размерами 234×71×75 см.

Ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Разрушено. Костяк не обнаружен. На дне могилы, в северо-восточной ее части, найдено 5 бронзовых втульчатых трехлопастных наконечников стрел с выступающей (3 экз., рис. 11: 28) и внутренней (2 экз., рис. 11: 30) втулкой и остатками кожи.

Погребение 9 (п. 6 раскопа I по Отчету Ф.М. Тагирова 1990–1991 гг.) располагалось в северной части раскопа, в кв. P/3,4 (рис. 4). Могильная яма овальной формы, расширяющаяся в юго-восточной части, с отвесными стенками и ровным дном, размерами 180×60×80 см. Ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Захоронение разрушено. Костяк не обнаружен. На дне могилы найдены фрагменты железного браслета (?) из уплощенного стержня подпрямоугольного сечения (рис. 9: 36), две бронзовые спиральновитые височные подвески (рис. 9: 26), стеклянные бусины из голубого (14 экз., рис. 8: 36, 42) и бирюзового (1 экз., рис. 8: 39) стекла.

Курган № 15 (к. 1 по Отчету Ф.М. Тагирова 1990–1991 гг.) располагался на западной стороне центральной части могильника (рис. 4). Диаметр 6 м, высота 0,14 м. Представлял собой земляную слабозаметную полусферическую насыпь округлой формы. Стратиграфия проста: под слоем дерна до 10 см шло гумусное заполнение мощностью до 45 см; его подстилал слой погребенной почвы толщиной до 15 см. Под ним находился материк – красная глина. В заполнении насыпи, на глубине от 10 до 20 см от современной поверхности, выявлены зубы лошади, неопределяемые кости животных, обломок ключицы человека, происходящий из разрушенного погребения, два фрагмента лепной керамики оранжевого цвета.

Погребение № 1 располагалось в восточном секторе кургана, в кв. Ж/26,27 (рис. 4) Могила подпрямоугольной формы с закругленными углами, размерами 245×75×60 см. Стенки ровные, отвесные, дно ровное. Костяк мужчины хорошей сохранности, вытянуто на спине ориентированный головой на ЮВ. Череп на правом боку. Железный нож – у колена правой ноги (рис. 11: 3), бронзовый втульчатый трехлопастный наконечник стрелы – у правой голени (рис. 11: 30), под тазовыми и между бедренными костями зафиксированы остатки растительной подстилки.

Погребение № 2. Располагалось в южной поле кургана, в кв. Е,Ж/27,28 (рис. 4). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами ориентирована по линии ЮВ–

СЗ, размерами 270×72×150 см. Юго-западная боковая стенка потревожена вкопом, в результате чего образована ступенька в 40 см ниже уровня материка, шириной 24 см. Непотревоженная северо-восточная стенка опускалась ко дну с небольшим наклоном, дно ровное. В заполнении, помимо обломков черепа, ничего не найдено.

Погребение № 3 располагалось в северной поле западного сектора кургана, в кв. Д,Е/26 (рис. 4). Могильная яма овальной формы с отвесными стенками и ровным дном, размерами 255×48×105 см. Могила ориентирована по линии ВСВ–ЗЮЗ. Костяк мужчины хорошей сохранности лежал вытянуто на спине, головой на ВСВ. Череп на затылочных костях, лицевой частью вверх. Руки вытянуты вдоль тела, кисти на бедрах, ноги вытянуты. С левой стороны черепа обломки бронзовых спиральновитых с полой трубицей подвесок как минимум от 4 экземпляров (рис. 9: 26). В области шейных позвонков слева 2 бронзовые спиральновитые подвески. На одной кольцо с напускной бусиной синего стекла (рис. 9: 23). В подвздошной части, слева от позвоночника – кольцо от височной подвески с двумя стеклянными бусинами: синяя и с внутренней позолотой (рис. 9: 21). Между позвоночником и локтевой костью левой руки железный крючок (рис. 11: 9). На бедренной кости правой ноги железный нож плохой сохранности (рис. 11: 3). У ступни правой ноги два железных черешковых наконечника стрел (рис. 11: 13).

Погребение № 4 выявлено в восточном секторе кургана, в кв. Д,Е/27 (рис. 4). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, стенки отвесные, дно ровное, размерами 126×46×100 см. Яма ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Захоронение разрушено. На дне могилы раздавленный череп и кости ног со следами тлена. По расположению оставшихся в могиле костей захороненный был ориентирован головой на СВ. В районе предполагаемых шейных позвонков бронзовая спиральновитая подвеска (рис. 9: 26). У северо-восточной стенки по дну могилы выявлена угольная плашка размерами 37×3 см и толщиной до 0,5 см.

Погребение № 5 выявлено в восточном секторе кургана, в кв. Д,Е/27,28 (рис. 4). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, стенки отвесные, дно ровное, размерами 150×55×105 см. Яма ориентирована по линии СВ–ЮЗ. На дне могилы костяк подростка мужского пола (отсутствовали позвоночник, кости таза и фаланги пальцев). Костяк лежал вытянуто на спине, головой

ориентирован на СВ. Череп лицевой частью вверх, раздавлен землей. Руки вытянуты вдоль тела, ноги вытянуты. Под тазовыми и бедренными костями фиксировался тлен от подстилки. В области пояса округлая бронзовая пряжка с неподвижным язычком (рис. 10: 4). У нижней части бедренной кости левой ноги бронзовая пронизь эллипсоидной формы (рис. 8: 22), рядом с ней бронзовая бляшка с плоским круглым щитком и петлей на обороте (рис. 9: 3). На месте предполагаемых ступней четыре наконечника стрел, острием направленных к юго-западу. Из них три – бронзовые, трехлопастные, с внутренней втулкой (рис. 11: 30) и один – железный черешковый трехлопастной (рис. 11: 13).

Раскоп II примыкает к северной окраине исследованного в 1990 году кургана № 15 (рис. 4). Площадь раскопа, заложенного в 1991 году, без учета прирезок составила 144 кв. м. В восточной части раскопа (кв. И,К/17–19) наблюдались остатки сооружения в виде выкладки из щебня и красной обожженной глины с включением мелкой гальки над погребением. Остатки выкладки первоначально являли собой цельную надмогильную конструкцию, перекрывавшую погребения 14, 16. Следы выкладки зафиксированы начиная с 20 см от уровня современной поверхности. Надмогильную конструкцию подстилал слой погребенной почвы.

В слое гумусированного суглинка раскопа встречались немногочисленные находки, часть из которых соотносится с материалами из разрушенных погребений, а часть – с материалами ритуально-поминального характера. В кв. И/25 на уровне 25 см от современной поверхности – коренной зуб лошади, в кв. З/22 на уровне 35 см от современной поверхности – бронзовый трехлопастной втульчатый наконечник стрелы, в 40 см от поверхности – резцы лошади, в кв. И/21 на уровне 15 см от поверхности – фрагмент стенки керамического сосуда ручной лепки серого цвета с примесью органики в тесте, на уровне от 15 до 20 см от поверхности найдены кости лошади – копыто, бабка, обломок челюсти.

В настоящей редакции погребения раскопа II продолжают нумерацию кургана № 15.

Погребение 6 (п. 7 раскопа II по Отчету Ф.М. Тагирова 1991 г.) выявлено в южной части раскопа, в кв. З,И/25 (рис. 4). Могильная яма первоначально овальной формы, обе широкие стенки значительно потревожены грабительскими вкопами, дно ровное. Могила, размерами 218×65×84 см, ориентирована

по линии СВ–ЮЗ. Захоронение разрушено. В северо-восточной части могилы найдены лежащие в беспорядке остатки человеческого костяка: кости ног, тазовые кости, ребра, обломки нижней челюсти. Там же найдено два лошадиных зуба, фрагмент железного предмета неопределенной формы и бронзовая круглая плоская бляшка с петлей на обороте (рис. 9: 3).

Погребение 7 (п. 8 раскопа II по Отчету Ф.М. Тагирова 1991 г.) выявлено в кв. И/23 (рис. 4). В юго-восточной, южной и юго-западной части от погребенной девочки, на глубине 35 см от уровня современной поверхности, зафиксирована кладка из щебня подтрапециевидной формы. Костяк располагался в углублении этой кладки, на более мелком пластинчатом щебне, на глубине 45 см от поверхности. От костяка сохранились лишь пластины черепа, по которым можно предположить захоронение грудного ребенка. При погребенной в области предполагаемой груди найдены компактно и симметрично расположенные две ажурные накладки-нашивки из подквадратных бронзовых пластин (рис. 8: 13), две бронзовые спиральновитые височные подвески (рис. 9: 27), чуть ниже ажурных накладок – две бронзовые округлые бляшки с отверстием в центре (рис. 9: 11, 12) и две пронизи эллипсоидной формы (рис. 8: 22). Судя по остаткам черепа и сопровождающему инвентарю, погребенная девочка была ориентирована головой на восток.

Погребение 8 (п. 9 раскопа II по Отчету Ф.М. Тагирова 1991 г.) выявлено в кв. З,И/22,23 (рис. 4). Могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами, отвесными стенками и ровным дном, размерами 200×71×60 см. Ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Костяк отсутствовал, вещей нет.

Погребение 9 (п. 10 раскопа II по Отчету Ф.М. Тагирова 1991 г.) выявлено в кв. Е,Ж/21,22 (рис. 4) Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, отвесными стенками и ровным дном, размерами 260×70×88 см. Могила ориентирована по линии В–З с небольшим отклонением. На дне могиле выявлен костяк человека хорошей сохранности, вытянуто на спине, головой на В. Череп раздавлен, лицевой частью вверх. Руки вытянуты вдоль тела, ноги вытянуты. На дне могилы, в области голени, встречены отдельные кусочки угля. С правой стороны под черепом – литая серебряная подвеска (рис. 9: 17). На левой тазовой кости – бронзовая умбовидная бляшка (рис. 9: 1). Под бляшкой лежал железный нож

(рис. 11: 3) в деревянных ножнах. Справа от бляшки – бронзовая подвеска с петлей на обороте (рис. 9: 28) и бронзовая, овальная в сечении, трубочка (рис. 9: 32).

Погребение 10 (п. 11 раскопа II по Отчету Ф.М. Тагирова 1991 г.) выявлено в кв. Е,Ж/21 (рис. 4). Могильная яма овальной формы с покатыми стенками и ровным дном, размерами 166×73×80 см. Могила ориентирована по линии В–З. На дне могилы выявлен костяк подростка вытянуто на спине, головой на В. Сохранившиеся кости (раздавленный череп, ребра, плечевая кость левой руки, частично ноги) находились в анатомическом порядке. Под черепом с правой стороны полностью окислившийся фрагмент бронзовой спиралевидной височной подвески. На месте предполагаемого таза, с правой стороны, – бронзовая кольцевая застежка с неподвижным язычком. Шпенек в виде стилизованной медвежьей головы (рис. 10: 5).

Погребение 11 (п. 12 раскопа II по Отчету Ф.М. Тагирова 1991 г.) выявлено в центральной части раскопа, в кв. И/22 (рис. 4). Могильная яма овальной формы с отвесными стенками и ровным дном, размерами 160×66×66 см. Яма ориентирована по линии В–З. На дне могилы костяк женщины вытянуто на спине, головой на В. Череп расположен на основании, лицевой частью к западу. Руки согнуты в локтях, кисти на тазовых костях. Ноги вытянуты. Левая нога подвернута коленом к правой ноге. Из костей скелета отсутствовали лишь кости стоп. Под черепом слева – бронзовая спиральновитая височная подвеска (рис. 9: 26), с правой стороны – золотая литая подвеска с кольцом и конусовидной трубицей (рис. 9: 15). Под нижней челюстью янтарная бусина-подвеска овальной формы (рис. 8: 28). В районе шеи ожерелье из бусин синего (1 экз., рис. 8: 34), черного (1 экз., рис. 8: 31), бирюзового (8 экз., рис. 8: 39) цвета, три бусины с внутренней позолотой (3 экз., рис. 8: 44) и одна – из бирюзового стекла конической формы с четырьмя дольками в широкой части (рис. 8: 43). У основания грудной клетки – две бронзовые плоские накладки-нашивки округлой формы с отверстием в центре. Ниже них, на позвонках, – остатки железного предмета.

Погребение 12 (п. 13 раскопа II по Отчету Ф.М. Тагирова 1991 г.) располагалось в центральной части раскопа, в кв. З,И/22 (рис. 4). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, отвесными стенками и ровным дном, размерами 260×76×105 см.

Могила ориентирована по линии З–В. На дне центральной части могилы выявлено скопление человеческих костей. В заполнении центральной части могилы найдены фрагменты железных предметов различного размера, в том числе фрагменты железного ножа (рис. 11: 3). Один из обломков в виде пластины длиной 7 см, толщиной 0,4 см. На обратной стороне пластины имеется петля (рис. 9: 2).

Погребение 13 (п. 14 раскопа II по Отчету Ф.М. Тагирова 1991 гг.) выявлено в центральной части раскопа, в кв. З,И/21 (рис. 4). Могильная яма овальной формы, в западной части расширена, с отвесными стенками и ровным дном, размерами 230×93×130 см. Могила ориентирована по линии ВЮВ–ЗСЗ. У северной стенки восточной части могилы в заполнении выявлен пласт обожженной докрасна глины, располагавшийся от уровня выявленного пятна погребения до его дна. Пласт состоял из крупных кусков из разрушенной выкладки, сооруженной над погребением, попавших в могилу при разрушении. У южной стенки восточной части могилы выявлено беспорядочное скопление человеческих костей, сдвинутых после разрушения: череп, позвонки, ребра, лопатки, кости рук и ног. Вещей нет.

Погребение 14 (п. 15 раскопа II по Отчету Ф.М. Тагирова 1991 гг.) располагалось в северной части раскопа, в кв. И,К/17 (рис. 4). Могильная яма овальной формы с практически отвесными стенками и ровным дном, размерами 220×70×100 см. Яма ориентирована по линии З–В (рис. 5: 4). В заполнении фиксировались кусочки угля. На дне могилы выявлен костяк женщины вытянуто на спине, головой на В. Череп раздавлен и сдвинут на грудь. Правая рука вытянута вдоль тела и ее кисть располагалась на бедре. Левая рука согнута в локте, а кисть располагалась на тазовых костях. Ноги вытянуты. Слева от затылочных костей черепа найдено несколько обломков костей животного, в том числе из определяемых – бедренная кость овцы¹.

В окружении затылочных костей черепа найдено четыре бронзовых подпрямоугольных ажурных накладок (рис. 8: 4, 6, 14, 15), одна полуовальная (рис. 8: 5), две ромбические (рис. 8: 11) и ромбовидная бляшка с петелькой на обороте (рис. 9: 10), которые являлись элементами украшения головного убора. Вместе с ними под черепом найдены фрагментированные бронзовые витые трубицы-пронизки (более 25 фрагментов) и три бронзовые обжимные пластины (рис. 8: 25). Справа и слева от черепа – подвески из

коренных зубов животного (лисицы, куницы и выдры) плохой сохранности (около 24 экз.) (рис. 8: 18), коренная часть которых обточена и просверлена. С каждой стороны черепа – по одной бляшке-нашивке. Одна из них округлая, плоская, со сквозным отверстием в центре (рис. 9: 11), другая – округлая, с петлей на обороте и отверстием в центре (рис. 9: 3). Чуть ниже бляшек выявлены пять клыков куницы и лисицы с отверстиями в коренной части (рис. 8: 17). В районе височных костей черепа с каждой стороны по одной золотой листовидной подвеске (серьги) с петлями для подвешивания (рис. 9: 18), изготовленных из тонкого золотого листа. Под нижней челюстью и в районе груди ожерелье из округлых бусин синего цвета (12 экз., рис. 8: 41) и рубленного бисера синего цвета (11 экз., рис. 8: 38). С каждой стороны груди – две круглые бронзовые бляшки, плоские, со следами петли на каждой и рельефным орнаментом «веревочки» по ободу и окружностей по центру (рис. 9: 9). В районе пояса остатки неопределяемого железного предмета, очевидно, от поясного крючка (рис. 11: 10), и бронзовая восьмеркообразная застежка с неподвижным крючком (рис. 10: 18). В районе запястий обеих рук бронзовые ажурные накладки треугольной формы с круглой спиралью в центре и сквозными отверстиями у вершин (рис. 8: 12). Слева от тазовых костей найдены обломки серебряных накладок-нашивок, целая форма которых не восстанавливается. На фаланге указательного пальца правой руки бронзовое кольцо из согнутого и спаянного дрота подтреугольной в сечении формы (рис. 9: 35). В области стоп обеих ног две обувные бронзовые округлые, рамчатые застежки с неподвижным крючком (рис. 10: 8). С внешней стороны нижней части левой ноги развал керамического круглодонного сосуда темно-серого цвета с примесью раковины в тесте (рис. 7: 2), рядом с которым найден кусочек красной охры.

Погребение 15 (п. 16 раскопа II по Отчету Ф.М. Тагирова 1991 гг.) располагалось в центральной части раскопа, в кв. З,И,К/20 (рис. 4). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, отвесными стенками и ровным дном, размерами 255×90×120 см. Могила ориентирована по линии В–З с небольшим отклонением. В могильном заполнении встречены куски красной обожженной глины, происходящей из разрушенной выкладки, располагавшейся над погребением, кусочки угля и обломки человеческих костей: берцовых, позвонков, ребер. На

дне могилы выявлен человеческий череп без нижней челюсти. Вещей нет.

Погребение 16 (п. 17 раскопа II по Отчету Ф.М. Тагирова 1991 г.) располагалось в кв. И,К/19 (рис. 4). Могильная яма овальной формы, несколько сужена в восточной части, с отвесными стенками и ровным дном, размерами 230×65×105 см. Могила ориентирована по линии В–З с небольшим отклонением. На дне могилы костяк женщины вытянуто на спине, головой на восток, с небольшим смещением к югу. Череп на правом боку. Судя по нижней челюсти, первоначально череп лежал на затылочных костях, лицевой частью вверх. Руки вытянуты и плотно прижаты к телу, кисти на тазовых костях, ноги вытянуты, левая нога вывернута коленом внутрь, ступни совмещены. У височных костей черепа – обломки бронзовой височной спиральновитой подвески (рис. 9: 26). Под черепом справа и под нижней челюстью найдены две листовидные подвески-серьги, изготовленные из тонкого серебряного листа (рис. 9: 19). У основания черепа, на верхних шейных позвонках, найдена накладка подквадратной формы из тонкого серебряного позолоченного листа с рельефным тисненым орнаментом в виде соцветья цветка (четырёхлистник), окантованного рамкой (рис. 8: 19). Нашивка имеет по углам сквозные отверстия для крепления. В области ключиц, справа и слева от позвоночника, выявлены две накладки из тонкого серебряного позолоченного листа с рельефным тисненым орнаментом в форме арки и орнаментом в виде двух завитков (рис. 8: 20). У бедренной кости левой ноги найден обломок железного ножа с остатками деревянной рукоятки (рис. 11: 2).

Погребение 17 (п. 18 раскопа II по Отчету Ф.М. Тагирова 1991 г.) располагалось в кв. И,К/18 (рис. 4). Могильная яма овальной формы с отвесными стенками и ровным дном, размерами 210×80×105 см. Могила ориентирована по линии З–В. Центральная часть северной стенки погребения потревожена грабительским вкопом. В могильном заполнении выявлены отдельные обломки человеческих костей. Вещей нет.

Погребение 18 (п. 19 раскопа II по Отчету Ф.М. Тагирова 1991 г.) располагалось в кв. И,К/17 (рис. 4). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, с отвесными стенками и ровным дном, размерами 270×88×120 см у северной непотревоженной стенки). В могильном заполнении фрагменты человеческого черепа и мелкие бронзовые обломки.

Погребение 19 (п. 20 раскопа II по Отчету Ф.М. Тагирова 1991 г.) располагалось в кв. Е,Ж/20 (рис. 4). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, отвесными стенками и ровным дном, размерами 255×93×120 см. Могила ориентирована по линии В–З с небольшим отклонением. В заполнении встречены обломки костей ног и рук, ребра, позвонки взрослого человека. Вещей нет.

Погребение 20 (п. 21 раскопа II по Отчету Ф.М. Тагирова 1991 г.) располагалось в кв. Е,Ж/20 и прирезке в западной стенке раскопа (рис. 4). Могильная яма неправильной овальной формы, несколько расширенной в восточной части с отвесными стенками и ровным дном, размерами 266×65×114 см. Могила ориентирована по линии В–З с небольшим отклонением. В заполнении выявлены кусочки угля. На дне могилы выявлен костяк мужчины вытянуто на спине, головой к востоку с небольшим южным смещением. Руки вытянуты вдоль тела, кисти рядом с бедренными костями ног. В области пояса – бронзовая кольцевая застежка с неподвижным крючком и шпеньком. На внутренней части рамки фиксируются остатки от вертикальной перегородки (сломанной или не пролитой при изготовлении) (рис. 10: 6). С левой стороны на поясе каменный оселок (рис. 11: 16) и железный нож (рис. 11: 2), располагавшийся чуть ниже. С внешней стороны левого колена костяная проколка (рис. 11: 19) и сильно коррозированный железный предмет, ниже которого располагалась бронзовая эполеобразная застежка с одним жгутом. Щиток украшен двумя рельефными окружностями и кнопкой-умбоном в центре. По внешнему краю орнамент в виде витого шнура. На внутренней стороне костылек с остатками кожаной петли (рис. 10: 15). Рядом находилось фрагментированная железная кольцевая застежка с прямым неподвижным язычком. Кольцо в сечении подпрямоугольное (рис. 10: 25). В нижней части левой ноги скопление наконечников, острием направленных к стопам. Зафиксированы остатки древков стрел. Наконечники стрел бронзовые втульчатые трехлопастные. Один из них с выступающей втулкой (рис. 11: 28), остальные – с внутренней (13 экз., рис. 11: 30) втулкой. Компактность расположения наконечников предполагает наличие колчана.

Погребение 21 (п. 22 раскопа II по Отчету Ф.М. Тагирова 1991 г.) располагалось в кв. Ж,З/18,19 (рис. 4). Могильная яма овальной формы с отвесными стенками и ровным дном, размерами 260×95×128 см. Могила ориенти-

рована по линии ЮВ–СЗ. В могильном заполнении зафиксированы угольки и выявлены бессистемно расположенные на разной глубине человеческие кости (за исключением черепа) и крестец животного. На дне могилы обнаружены три бронзовых наконечника стрел. Наконечники втульчатые трехлопастные, с внутренней втулкой (рис. 11: 30), один из них с выступающей втулкой (рис. 11: 28).

Погребение 22 (п. 23 раскопа II по Отчету Ф.М. Тагирова 1991 г.) располагалось в кв. Ж/3/18 (рис. 4). Могильная яма овальной формы с отвесными стенками и ровным дном, размерами 218×61×118 см. Могила ориентирована по линии ЮВ–СЗ. В могильном заполнении и на дне незначительное количество мелких обломков человеческих костей. Вещей нет.

В 1994 году в северо-западной части могильника был заложен раскоп площадью 116 кв. м, примыкающий к раскопу 1991 года.

Стратиграфия стенок раскопа в северной части: под слоем дерна до 10 см располагался гумус от 20 до 40 см. Ниже гумусного слоя – предматериковый слой коричневой глины, мощностью до 35 см. Материк – красная глина. В южной части раскопа стратиграфия несколько отличается: под дерном до 10 см и гумусом до 45 см наблюдается погребенная почва (коричневая глина) мощностью до 20 см, на уровне которой и выявлены пятна погребений. Материк – светло-оранжевая глина с большим включением известняковой крошки. Над погребениями № 7, 8, 10–12 в слое гумуса выявлены линзы могильного выкида. На исследованной площади в 1994 г. выявлено 13 погребений.

Погребение 23 (п. 1 по Отчету Ф.М. Тагирова 1994 г.) выявлено в кв. Ж/16,17 (рис. 4). Могильная яма подпрямоугольной формы, с закругленными углами (в северной части), с отвесными стенками и ровным дном, размерами 200×65×134 см. Южная часть деформирована позднейшим вкопом. Могильная яма ориентирована по линии С–Ю с небольшим отклонением. На дне могильной ямы выявлены кости ног – от бедренных костей до стоп. Верхняя часть костяка разрушена вкопом. Судя по сохранившимся костям ног, погребенный был ориентирован головой на юг. Вещей нет.

Погребение 24 (п. 2 по Отчету Ф.М. Тагирова 1994 г.) выявлено в кв. З,И/15 (рис. 4). Могильная яма овальной формы, размерами 180×43×85 см, ориентирована по линии СЗЗ–ЮВВ. Стенки ровные, северная и западная наклонены ко дну; южная и восточная отвесные. Дно ровное,

понижается к востоку, ширина могилы в западной части достигает 79 см за счет вкопа. В засыпи могилы, под бедренной костью правой ноги и у северной стенки ямы зафиксированы угольки. На дне могильной ямы выявлен костяк подростка, ориентированного головой к ЮВ. Череп незначительно смещен. Костяк расположен на спине, кости рук согнуты в локтях и перекрещены, кисти рук на тазовых костях. Левая нога вытянута и несколько согнута в колене. Целостность правой ноги нарушена. Стопы отсутствуют (рис. 6: 3). На плечевой кости правой руки бронзовый трехлопастной, с выступающей втулкой наконечник стрелы (рис. 11: 28), на тазовых костях сильно коррозированный железный поясной крючок (рис. 11: 6).

Погребение 25 (п. 3 по Отчету Ф.М. Тагирова 1994 г.) выявлено в кв. З,И/16 (рис. 4). Могильная яма овальной формы размерами 180×63×105 см ориентирована по линии З–В. Северная и восточная стенки несколько наклонены ко дну; южная и западная отвесны, дно ровное. На дне могилы выявлен костяк ребенка, ориентированный по линии запад – восток. От костяка сохранились череп (раздавленный от давления), кости предплечья и ног. При костяке, справа от черепа, выявлен тлен от бронзовой височной подвески.

Погребение 26 (п. 4 по Отчету Ф.М. Тагирова 1994 г.) выявлено в кв. Г,Д/20 (рис. 4). Могила подпрямоугольной формы с округлыми углами, отвесными стенками и ровным дном, размерами 160×55×120 см. Могила ориентирована по линии ССВ–ЮЗЗ с небольшим отклонением. На дне могильной ямы выявлен костяк ребенка головой на ЮЮЗ. Череп раздавлен. Костяк расположен вытянуто на спине; руки вытянуты вдоль тела, согнуты в локтях, кисти совмещены с тазом, ноги вытянуты (рис. 5: 7). В заполнении могилы фиксировались угольки, а над костяком выявлены остатки деревянных угольных плах – слева от черепа, в районе локтей и кистей рук (локоть правой руки обожжен), на бедренной кости левой ноги, между колен. На груди, под нижней челюстью – фрагментированная бронзовая тонкая пластинчатая накладка (рис. 8: 9). На пластине фиксировался ряд бусин, изготовленных из стекла (не сохранились). Под пластиной – бронзовая ажурная накладка подпрямоугольной формы (в обломках) (рис. 8: 10). На правом плече две височные подвески: спиральновитая с незамкнутым кольцом (рис. 9: 26) и гофрированная подвеска с незамкнутым кольцом и напускной бусиной (рис. 9: 22). Под черепом, с левой стороны, еще

две бронзовые височные подвески с незамкнутыми кольцами. В районе левого плеча находилась круглая плоская накладка с двумя сквозными отверстиями (рис. 9: 6), аналогичная накладка между ребрами и плечевой костью правой руки. Между восточной стенкой и локтем правой руки располагались 6 бронзовых спиралевидных пронизей на деревянных стерженьках, расположенных веерообразно. У их окончаний – бронзовые трапециевидные подвески с одним сквозным отверстием (рис. 9: 13–14). У основания сомкнутых пронизей располагалась округлая плоская бляшка со сквозным отверстием в центре (рис. 9: 12). На костях предплечья правой руки железный несомкнутый браслет в 1,5 оборота (рис. 9: 37). На запястье левой руки аналогичный браслет в 2 оборота. В районе пояса на сильно коррозированном железном предмете – бронзовая пластинчатая зооморфная накладка (рис. 8: 3). Под угольной плашкой, покрывающей левую руку и часть таза, находился набор украшений, аналогичный набору на правой руке, – две спиральновитые пронизы, две трапециевидные подвески и тлен от бронзовых пластинок. Под позвоночником грудной части находилась бронзовая ромбическая ажурная накладка (рис. 8: 11). В районе стоп ног украшение обуви из двойного ряда бронзовых пронизей (по 10 шт. у каждой ноги, рис. 8: 22) и по две тонких прямоугольных пластинки с отверстиями для пришивания. Под обувными наборами остатки кожаного тлена.

Погребение 27 (п. 5 по Отчету Ф.М. Тагирова 1994 г.) выявлено в кв. Г/19,20 (рис. 4). В могильном заполнении фиксировались угольки. При расчистке могильной ямы выявлены ступени по всей протяженности могилы шириной от 10 см в западной части до 25 см в юго-восточной части, высотой 28 см от дна. Ступени, по всей очевидности, сформировались при вторичном вкопе в могилу. Могильная яма подпрямоугольной формы с отвесными стенками и ровным дном ориентирована по линии С–Ю. Первоначальные размеры могилы 250×65×104 см. С учетом вкопа – 270×100 см. На дне могилы в центральной части беспорядочное скопление костей человека (рис. 6: 1). Среди костей выявлены три раковины каури (рис. 8: 29), две кольцевые бронзовые застежки с четырьмя шпеньками и Т-образными перемычками (рис. 10: 9), одна кольцевая застежка с неподвижным крючком и шпеньком (рис. 10: 14), обломки бронзовых височных спиральновитых подвесок и одной гофрированной височной подвески,

бронзовая пронизь и тлен от двух бронзовых пластинок.

Погребение 28 (п. 6 по Отчету Ф.М. Тагирова 1994 г.) выявлено в кв. В/19,20 (рис. 4). Могила подпрямоугольной формы с округлыми углами, отвесными стенками и ровным дном, размерами 200×62×105 см. Могила ориентирована по линии ЮЮЗ–ССВ. На дне могильной ямы костяк женщины, ориентированный головой к ЮЮЗ. В потревоженном состоянии кости предплечья левой руки и правая ключица. Справа от черепа – фрагмент бронзовой спиральновитой височной подвески с напущенной бусиной (рис. 9: 23), на левой стороне груди три бронзовые височные спиральновитые подвески (рис. 9: 26). Под нижней челюстью скопление округлых синих бусин (27 экз., рис. 8: 34, 41) и стеклянного бисера из синего (13 экз.), желтого (2 экз.) и светло-зеленого (1 экз.) стекла (рис. 8: 38). В районе пояса железный нож (рис. 11: 3). Под левой бедренной костью бронзовая эполетообразная застежка с одним жгутом и костыльком на внутренней стороне (рис. 10: 10).

Погребение 29 (п. 7 по Отчету Ф.М. Тагирова 1994 г.) выявлено в кв. Б,В/21 (рис. 4). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, размерами 180×48×103 см, ориентирована по линии СЗЗ–ЮВВ. Стенки практически полностью разрушены вкопом, дно ровное. На дне могилы зафиксирована подсыпка из смеси глины и желтой супеси с вкраплением угля мощностью 3–4 см. На подсыпке костяк мужчины, ориентированный головой к востоку. Костяк располагался вытянуто, на правом боку, спиной и тазом привален к южной стенке могилы. В изголовье – бронзовая литая височная подвеска (рис. 9: 17). На тазовых костях – бронзовая кольцевая застежка с Т-образной перемычкой, с неподвижным крючком и противоположащим ему ушком (рис. 10: 13). Ниже застежки – железный нож (рис. 11: 3). У потревоженных фаланг пальцев рук бронзовый трехлопастной наконечник стрелы с выступающей втулкой (рис. 11: 28). У колена правой ноги находился железный колчаный крючок (рис. 11: 4). Между стопами ног и стенкой могилы – спекшиеся железные трехлопастные черешковые наконечники стрел (около 25 экземпляров) (рис. 11: 13–15).

Погребение 30 (п. 8 по Отчету Ф.М. Тагирова 1994 г.) выявлено в кв. Б,В/22 (рис. 4). Могила овальной формы с отвесными стенками и ровным дном, размерами 216×64×106 см. Могила ориентирована по линии 3–В с небольшим отклонением. Северо-западная часть

могилы деформирована позднейшим вкопом. В засыпи ямы фиксировались угольки. На дне могильной ямы костяк женщины с разрушенной в результате вкопа средней частью. Непотревоженными остались череп (за исключением нижней челюсти), тазовые кости и кости ног. Судя по ним, погребенная была уложена на правом боку, головой к востоку. В изголовье обнаружены бронзовая литая височная подвеска с несомкнутым кольцом (рис. 9: 26) и бронзовая эполетообразная застежка с одним жгутом. Щиток арочной формы с изображением трех медвежих морд, центральная с лапами «в жертвенной позе» (рис. 10: 1). В районе разрушенной вкопом груди и тазовых костей – железный нож (рис. 11: 3), три бусины округлой и цилиндрической формы, бронзовые нашивки в виде ажурных пластин (не сохранились), бронзовая спиральновитая височная подвеска с незамкнутым кольцом (рис. 9: 26), коготь (?) животного или птицы, девять раковин каури (рис. 8: 29).

Погребение 31 (п. 9 по Отчету Ф.М. Тагирова 1994 г.) выявлено в кв. Б,В/22 (рис. 4). Могила овальной формы со стенками, несколько наклоненными к ровному дну, размерами 147×55×74 см. Могила ориентирована по линии запад – восток с небольшим отклонением. В заполнении могилы зафиксированы угольки.

На дне могилы частично потревоженный костяк ребенка, головой к востоку. На уровне раздавленного черепа фиксировались угольки. С правой стороны черепа выявлены обломки двух бронзовых височных подвесок с литой трубицей, с левой стороны – еще одна аналогичная подвеска (рис. 9: 17). У подвесок обломаны кольца для креплений, с правой стороны груди – обломки раковины каури (рис. 8: 29), под нижней челюстью найдены шесть стеклянных бусин округлой формы.

Погребение 32 (п. 10 по Отчету Ф.М. Тагирова 1994 г.) выявлено в кв. Б,В/23 (рис. 4). Могильная яма овальной формы, ближе ко дну в западной части – подпрямоугольная с округлыми углами, размерами 225×70×80 см. В засыпи зафиксированы угольки. На дне могильной ямы костяк мужчины, ориентированный головой на восток. Костяк расположен вытянуто, на спине; руки вытянуты, локтями к телу. С правой стороны под черепом найдены две стеклянные бусины с позолотой очень плохой сохранности, в области паха, рукоятью к правой руке, – железный нож (рис. 11: 3), на правой тазовой кости, крючком вверх, – поясной железный крючок (рис. 11: 4), с внутрен-

ней стороны левой руки, немного ниже локтя, – бронзовая кольцевая застежка с неподвижным крючком и противолежащим шпеньком (рис. 10: 3), у запястья левой руки две бронзовые пронизи (одна не сохранилась). У берцовых костей левой ноги скопление наконечников стрел – 2 экз. бронзовых (рис. 11: 28, 30), 4 костяных (рис. 11: 23) и не менее 9 железных (рис. 11: 13). Между голеньями, примыкая к левой ноге, бронзовая кольцевая застежка с ложновитой рамкой и Т-образной ложновитой перемычкой (рис. 10: 11).

Погребение 33 (п. 11 по Отчету Ф.М. Тагирова 1994 г.) выявлено в кв. А,Б,В/23 (рис. 4). Могильная яма на уровне зачистки овальной формы, размерами 260×78 см, ориентирована по линии 3–В. Соотносится с позднейшим после захоронения вкопом. На глубине 26–28 см от уровня зачистки оформилась первоначальная могила подпрямоугольной формы с неровными отвесными стенками и ровным дном, размерами 234×42 (в средней части 36 см) ×61 см. В засыпи центральной части ямы значительное содержание угольков. На дне могилы костяк мужчины, ориентированный головой на восток. Череп завален на левый бок. Смещены часть ребер и позвоночник в районе пояса. В заполнении восточной части могилы, у южной стенки найдено два бронзовых наконечника стрел, пять экземпляров наконечников стрел – между левой бедренной костью и южной стенкой (под фалангами пальцев левой руки), четыре наконечника в районе центральной части берцовых костей левой ноги, у стопы левой ноги – шесть наконечников с остатками древков, у стоп между ног – два наконечника и еще один – под пяточной костью левой ноги. Все наконечники (20 экз.) бронзовые трехлопастные с внутренней (рис. 11: 29) и выступающей (рис. 11: 28) втулкой. Между бедренными костями выявлена костяная трубочка (рис. 9: 33). В районе пояса – фрагментированный железный нож в деревянных ножнах (рис. 11: 3). Слева от коленей – костяная проколка гвоздеобразной формы со сквозным отверстием у основания (рис. 11: 20). Ниже тазовых костей, с внутренней части левой бедренной – железный стержень с крючком (рис. 11: 8).

Погребение 34 (п. 12 по Отчету Ф.М. Тагирова 1994 г.) выявлено в кв. Б,В/24 (рис. 4). Могильная яма овальной формы с ровными, наклоненными ко дну стенками и ровным дном, размерами 240×85×87 см. Могила ориентирована по линии 3–В. В заполнении могилы зафиксированы угольки. В 20 см от дна выявлена угольная плашка, примыкавшая к южной

стенке. На дне могилы костяк мужчины, ориентирован головой к западу. Череп завален к правому плечу. На костях голени левой ноги следы сросшегося перелома. Между локтем левой руки и позвоночником амулет из резца лошади с отверстием (рис. 8: 16), немного ниже – бронзовая кольцевая застежка с неподвижным крючком и противолежащим шпеньком (рис. 10: 3). У кисти левой руки бронзовая кольцевая застежка с неподвижным крючком и противолежащим шпеньком, с Х-образной перемычкой (рис. 10: 7) и рамчатая бронзовая накладка с двумя зонами коленчатых перемычек (рис. 8: 1). Вдоль бедренной кости правой ноги, рукоятью к кисти, располагался железный однолезвийный боевой (полевой) нож (рис. 11: 3) с навершием ножен в виде округлой уплощенной костяной шайбы со сквозными перекрещивающимися подпрямоугольными отверстиями для крепления к ножнам и к ноге ремешками (рис. 9: 30). Рядом располагалась круглая бронзовая застежка с умбоновидным щитком, с неподвижным крючком на дужке и противолежащим ушком (рис. 10: 17). Между колен найдена бронзовая кольцевая застежка с неподвижным крючком и противолежащим ушком, с Т-образной перемычкой внутри (рис. 10: 13). У правой тазовой кости, ниже ребер, ближе к позвоночнику – бронзовая кольцевая застежка с витой рамкой, неподвижным крючком и противолежащей сломанным ушком (рис. 10: 12). В нижней части берцовых костей правой ноги костяная застежка подпрямоугольной формы с двумя прорезными отверстиями и неподвижным язычком (рис. 10: 24). С внешней стороны берцовых костей левой ноги скопление наконечников стрел. Пять костяных трехгранных наконечников с выступающей (рис. 11: 26–27) и внутренней (рис. 11: 23) втулкой и черешковая ромбовидная в сечении (рис. 11: 25). На одном из костяных наконечников стрел процарапана метка (рис. 11: 24). Пять бронзовых трехлопастных наконечников с выступающей (рис. 11: 28, 31) и внутренней (рис. 11: 29–30) втулкой. Двенадцать железных трехлопастных черешковых наконечников (рис. 11: 13–15).

Погребение 35 (п. 13 по Отчету Ф.М. Тагирова 1994 г.) выявлено в кв. Е/17,18 (рис. 4). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, отвесными стенками и ровным дном, размерами 210×60×93 см. Могила ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ. На уровне 15 см от дна в северной части могилы у восточной стенки зафиксирована прослойка угля 30×70 см мощностью до 3 см. На дне

могилы костяк мужчины, ориентированный головой к югу. Череп завален на правое плечо. Под кистью правой руки, острием к бедру, железный нож в двух обломках (рис. 11: 3), у левой стопы четыре костяных трехгранных черешковых наконечника стрел (рис. 11: 27).

В 2001 году был заложен раскоп, являющийся продолжением 1991 и 1994 годов в западном направлении. Для выявления границ грунтовой части автором раскопок была заложена траншея в северном направлении, в которой захоронения не были обнаружены. Частично задача была выполнена, но ее окончательное решение требует более расширенных раскопок в северной части, поскольку прирезанный к траншее с восточной стороны небольшой раскоп позволил выявить 4 захоронения, по всей вероятности, приуроченных к кургану № 54.

Погребение 36 (п. 44 по Отчету Ф.М. Тагирова 2001 г.) выявлено в кв. А/23,24 (рис. 4). Могильная яма подпрямоугольной формы в ЮЮВ части и округлой в ССЗ ориентирована по линии С–Ю с небольшим сезонным отклонением (ССЗ–ЮЮВ), наклонными стенками в слое погребенной почвы и отвесными в материке, с ровным, несколько покатым к ССЗ (перепад составляет до 9 см) дном, размерами 250×85×90 см. В могильном заполнении фиксировались угольки. На дне могильной ямы костяк человека вытянуто на спине, с раздавленным, несколько смещенным на левый бок черепом, ориентированный головой на ССЗ (рис. 5: 3). В заполнении погребения найден обломок кости животного, а также небольшой фрагмент неорнаментированной стенки керамического сосуда ручной лепки. На левой лопатке, под ключицей, бронзовая полусферическая бляшка округлой формы с перемычкой на обороте и отверстием в центре (рис. 9: 7). На плечевой кости правой руки железная кольцевая застежка с неподвижным прямым язычком (рис. 10: 21). В районе пояса, слева от позвоночника, найден амулет из резца лошади с отверстием в коренной части (утеряна) и железный нож острием к голове (рис. 11: 3). В различных местах при погребенном выявлены наконечники стрел двух типов: железные – черешковые трехлопастные (рис. 11: 13–15) – и костяные – втульчатые трехгранные (рис. 11: 22–23). Между бедренными костями три железных наконечника стрел, между берцовыми костями два железных наконечника стрел, рядом с ними, на берцовых костях левой ноги, – костяной наконечник стрелы, в районе стоп скопление из одного костяного и пяти желез-

ных наконечников стрел. Между берцовыми костями колчанный железный крючок (рис. 11: 7). С внешней стороны бедренной кости правой ноги – круглая полусферическая бронзовая бляшка с отверстием в центре и перемычкой на обороте (рис. 9: 7).

Погребение 37 (п. 45 по Отчету Ф.М. Тагирова 2001 г.) выявлено в кв. Б,В/20 (рис. 4). Могильная яма овальной формы с неровными отвесными стенками и ровным, несколько покатым к востоку (перепад составляет до 12 см) дном, размерами 245×79×80 см. Могила ориентирована по линии В–З с небольшим отклонением. Стенки неровные, отвесные. Дно ровное. Длина 2,45 м, ширина 0,79 м, глубина 0,3 м. В заполнении могильной камеры фиксировались угольки. На дне могильной ямы костяк человека вытянуто на спине, ориентированный головой к востоку (рис. 5: 5). У предплечья правой руки бронзовая кольцевая застежка с неподвижным крючком и противоположащим шпеньком (рис. 10: 3), рядом – с правой стороны пояса – бронзовая кольцевая застежка с неподвижным крючком и противоположащим шпеньком с остатками кожи. В рамке застежки четыре крестообразно напаянных перемычки с умбоном в центре (рис. 10: 16). Вдоль бедра правой ноги железный нож (рис. 11: 3). В районе рукояти ножа зафиксировано скопление мелких железных фрагментов. Между бедренными костями бронзовая бляшка полусферической формы и перемычкой на обороте (рис. 9: 7), костяное изделие (амулет?) из уплощенной пластины с тремя круглыми отверстиями (рис. 9: 34), ближе к коленям – железная пластина овальной формы с заклепкой (рис. 9: 31). Двухсоставные железные удила между берцовыми костями (рис. 11: 11). От колена левой ноги вдоль берцовой кости костяная проколка со сквозным отверстием у рукояти (рис. 11: 21). Рядом с проколкой скопление из семи бронзовых и железных наконечников стрел. Бронзовые наконечники втульчатые трехлопастные, с выступающей (2 экз., рис. 11: 28) и внутренней (3 экз., рис. 11: 30) втулкой. Два железных наконечника черешковые трехлопастные (рис. 11: 13).

Погребение 38 (п. 46 по Отчету Ф.М. Тагирова 2001 г.) выявлено в кв. Б,В/17,18 (рис. 4). В центральной части могилы вкоп, разрушивший центральную часть западной стенки могилы. В заполнении вкопа большое содержание угля и скопление разрозненных человеческих костей. Могильная яма овальной формы с отвесными стенками и ровным дном, размерами 245×70×77 см. Могила ориентиро-

вана по линии север – юг с небольшим отклонением. На дне могилы расчищены отдельные кости ног, таза, ребра, отдельные позвонки и раздавленный череп. Судя по непотревоженным костям правой ноги, костяк был ориентирован головой к западу. Вещей нет.

Погребение 39 (п. 47 по Отчету Ф.М. Тагирова 2001 г.) выявлено в кв. Б/17,18 (рис. 4). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, неровными отвесными стенками (кроме западной, которая имеет уклон ко дну), дно неровное, размерами 247×77×98 см. Могила ориентирована по линии С–Ю. В заполнении фиксировались угольки. На дне могильной ямы костяк мужчины вытянуто на спине, головой на юг. В подвздошной части, слева от позвоночника, окаменелость (моллюск?) (рис. 5: 1). Между тазовыми костями на позвоночнике поясная бронзовая кольцевая застежка с неподвижным крючком и тремя шпеньками (рис. 10: 2), справа вдоль бедренной кости правой ноги железный нож острием к стопам (рис. 11: 3). Ниже колен, у правой берцовой кости, железный колчанный крючок с круглой бляхой. На обратной стороне бляхи петелька для крепления (рис. 11: 5). Рядом с колчанным крючком бронзовая круглая бляшка с перемычкой на обороте (рис. 9: 8), фрагментированная железная кольцевая застежка с неподвижным язычком (рис. 10: 23), левее которой находилась небольшая костяная обоюдоострая проколка (рис. 11: 18). Под колчанным крючком две бронзовые круглые полусферические бляшки с перемычкой на обороте (рис. 9: 7) и две бронзовые пронизи эллипсоидной формы (рис. 8: 22). Между нижними частями берцовых костей скопление железных наконечников стрел, не менее 11 экземпляров (рис. 11: 13–15).

Погребение 40 (п. 48 по Отчету Ф.М. Тагирова 2001 г.) выявлено в кв. Б,В/18,19 (рис. 4). Могильная яма овальной формы с отвесными стенками и ровным дном, размерами 195×64×76 см. Могила ориентирована по линии В–З с небольшим отклонением. В заполнении фиксировались угольки. На дне могилы немногочисленные остатки человеческого костяка. Череп, кости рук отсутствовали. Непотревоженными сохранились голени ног и ступня левой ноги, судя по которым, погребенный был ориентирован головой к западу. Вещей нет.

Погребение 41 (п. 49 по Отчету Ф.М. Тагирова 2001 г.) выявлено в кв. Б,В/19 (рис. 4). Могильная яма овальной формы с отвесными стенками и ровным дном, размерами

155×45×41 см. Могила ориентирована по линии В–З. На дне могильной ямы (углубленной в материк на 3 см) костяк подростка вытянуто на спине, ориентированный головой на восток. Череп раздавлен и завален на правое плечо (рис. 5: 6). Вещей нет.

Погребение 42 (п. 50 по Отчету Ф.М. Тагирова 2001 г.) выявлено в кв. Б/20,21 (рис. 4). Очертания могильной ямы искажены позднейшим после захоронения вкопом, практически полностью разрушившим погребальную камеру. Могильная яма (без учета вкопа) подпрямоугольной формы с отвесными стенками и ровным дном, размерами 100×45×78 см. Могила ориентирована по линии З–В. В заполнении могилы выявлены отдельные кости конечностей человека (рис. 6: 6). Среди них найдены 2 обломка от одной раковины каури (рис. 8: 29) и бронзовая пронизь эллипсоидной формы (рис. 8: 22).

Погребение 43 (п. 51 по Отчету Ф.М. Тагирова 2001 г.) выявлено в кв. В/17,18 (рис. 4). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, отвесными стенками и неровным дном, размерами 252×64×80 см. Могила ориентирована по линии север–юг. На дне могильной ямы костяк вытянуто на спине, головой к югу. Череп завален на левое плечо. В районе паха бронзовая кольцевая застежка с неподвижным крючком и противоположащим шпеньком (рис. 10: 3). На левой тазовой кости оселок из зеленоватого камня подпрямоугольной формы со сквозным отверстием (рис. 11: 17) и железный нож с выгнутой спинкой (рис. 11: 2). Бронзовый втульчатый трехлопастной наконечник стрелы между бедренными костями (рис. 11: 30). С внешней стороны левой ноги, у колена, бронзовая эполетообразная одножгутовая застежка с умбовидным щитком, окаймленным ободком в виде ложновиткового пояска и крупными (11 шт.) полугорошинами. На обратной стороне костылек для крепления ремня. Жгут (стержень) изготовлен из железа и отделан бронзовым листом. Застежка, судя по наличию рядом колчана, служила колчаным крючком (рис. 10: 20). В центральной части берцовых костей левой ноги остатки кожаного колчана со стрелами (19 шт.). Наконечники стрел направлены острием к стопам и размещались в колчане в два слоя. Первый слой стрел (14 шт.) располагался практически в ряд. Бронзовые трехлопастные наконечники стрел с внутренней (6 экз., рис. 11: 30) и выступающей (3 экз., рис. 11: 31) втулкой. Костяные трехгранные наконечники стрел (5 экз.), из которых четыре черешковых и один

втульчатый (рис. 11: 22, 26–27). Второй слой стрел в количестве 5 штук также располагался в ряд. Четыре бронзовых трехлопастных наконечника стрел с внутренней (3 экз., рис. 11: 30) и выступающей (1 экз., рис. 11: 31) втулкой и один костяной трехгранный наконечник стрелы с внутренней втулкой и сквозным отверстием на одной из сторон (рис. 11: 23).

Погребение 44 (п. 52 по Отчету Ф.М. Тагирова 2001 г.) выявлено в кв. Г/17,18 (рис. 4). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, отвесными стенками и ровным дном, размерами 235×77×72 см. Могила ориентирована по линии север–юг. В заполнении погребальной камеры зафиксированы вкрапления угольков. На дне могилы костяк человека вытянуто на спине, ориентированный головой к югу. Череп несколько завален на левое плечо (рис. 5: 2). С правой и левой стороны черепа по одной бронзовой спиральной височной подвеске с несомкнутым кольцом (рис. 9: 26), под нижней челюстью две стеклянные бусины округлой формы синего цвета (рис. 8: 34), в районе пояса, с левой стороны, сильно коррозированный железный нож (рис. 11: 2). Под черепом стеклянная бусина с внутренней позолотой (рис. 8: 44).

Погребение 45 (п. 53 по Отчету Ф.М. Тагирова 2001 г.) выявлено в результате прирезки в кв. Ж,3/2,3 (рис. 4). Могильная яма овальной формы с отвесными стенками и ровным дном, размерами 198×90×82 см. Могила ориентирована по линии ВСВ–ЗЮЗ. В заполнении погребальной камеры зафиксированы вкрапления угольков. На дне могильной ямы костяк человека вытянуто на спине, ориентированный головой к ВСВ. Череп слегка завален на правый бок. Вещей нет.

Погребение 46 (п. 54 по Отчету Ф.М. Тагирова 2001 г.) выявлено в результате прирезки в кв. Ж,3/2 (рис. 4). Могила неправильной (в северной части разрушена вкопом) овальной формы с отвесными стенками и неровным дном, размерами 230×70×96 см. Могила ориентирована по линии ВСВ–ЗЮЗ. В заполнении погребальной камеры зафиксированы вкрапления угольков. На дне могилы костяк человека вытянуто на спине, ориентированный головой к ВСВ. Вкопом потревожена грудная клетка с позвонками. Череп раздавлен. Нижняя челюсть находилась под черепной коробкой и обращена к левому плечу. Между черепом и южной стенкой ямы в заполнении могилы зафиксированы 6 пронизей, находящихся на кожаном ремешке: укороченные биконические пронизи, эллипсоидные в сечении (рис. 8: 22),

и пронизи со сдвоенными бляшками-полугорошинами в плане и D-образные в сечении (2 экз., рис. 8: 26–27). Там же находилась круглая бляшка с петелькой на обороте (рис. 9–5). В районе плечевой кости правой руки, явно в потревоженном состоянии, скопление бронзовых пронизей. Часть пронизей сохранилась в мелких обломках. Общее количество составляло не менее 10 экземпляров следующих типов: укороченные бочонковидные бусы-пронизи с большим отверстием (1 экз., рис. 8: 21), укороченные биконические пронизи, эллипсовидные в сечении (5 экз., рис. 8: 22) и пронизь со сдвоенными бляшками-полугорошинами в плане и D-образные в сечении (1 экз., рис. 8: 26). Остальные фрагментированные пронизи не поддаются типологизации. Там же выявлен маленький фрагмент гофрированной фольги от височной подвески (?). Среди костей ступни правой ноги найден бронзовый трехлопастной наконечник стрелы с выступающей втулкой (рис. 11: 28). В районе ступней выявлен обломок бронзовой пластинки – накладка-нашивка на обувь (рис. 8: 8).

Погребение 47 (п. 55 по Отчету Ф.М. Тагирова 2001 г.) выявлено в кв. Г,Д/1,2 (рис. 4). Могильная яма подпрямоугольной формы, с сильно закругленными углами, отвесными стенками и ровным дном, размерами 232×105×91 см. Могила ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Северная часть могилы нарушена вкопом. В заполнении погребальной камеры зафиксированы вкрапления угольков. На дне могилы костяк человека вытянуто на спине, ориентированный головой на северо-восток. Отсутствовали позвоночник, ребра и левая часть тазовых костей (рис. 6: 7). Слева от черепа – железный нож, расположенный острием к ногам (рис. 11: 3), в области верхней части груди выявлено скопление бусин белого и синего цвета. Белые бусины весьма хрупкие, сохранилось 19 штук, хотя было не менее 30 (рис. 8: 32–33). Стекланных бусин синего цвета 9 штук (рис. 8: 34). Под правой ключицей синий бисер. С правой стороны груди фиксировался тлен от двух обжимных пластин из бронзовой фольги (рис. 8: 24). В области груди скопление бронзовых височных подвесок различных типов, объединенных в единую связку и входящих в единый комплекс украшений совместно с низкой бус и обжимных пластин: бронзовая

височная подвеска листовидной формы (рис. 9: 20), бронзовая височная подвеска с незамкнутым кольцом и конической полый трубицей, которую изготовили, расплющив часть проволоки, спускавшуюся от кольца, и свернув из полученной пластины трубицу (рис. 9: 16), две бронзовые височные гофрированные подвески (рис. 9: 24) и две бронзовые спиральновитые височные подвески из уплощенной проволоки с несомкнутыми (круглыми в сечении) кольцами. На одно из них напущена стеклянная синяя бусина округлой формы (рис. 9: 23). У нижней части этих подвесок (возможно, прикрепленные к ним) находились стеклянные фигурные бусины в виде стилизованных сосудиков бледно-зеленого цвета (4 экз., рис. 8: 30).

Погребение 48 (п. 56 по Отчету Ф.М. Тагирова 2001 г.) выявлено в кв. В,Г/1,2 (рис. 4). Могильная яма подпрямоугольной формы, с закругленными углами, отвесными стенками и ровным дном, размерами 258×90×105 см. Могила ориентирована по линии СВ–ЮЗ. В центральной части очертания могилы деформированы вкопом. В заполнении зафиксированы угольки и отдельные куски красной глины. На дне могильной ямы костяк мужчины вытянуто на спине, ориентированный головой к северо-востоку. Череп завален на левый бок. Стопы отсутствовали (рис. 6: 4). Четыре бронзовых трехлопастных наконечника стрел с внутренней (рис. 11: 30) втулкой и один с выступающей (рис. 11: 28) втулкой располагались вдоль левой руки. На фаланге пальца левой руки сильно коррозированный железный перстень с щитком округлой формы (рис. 9: 29). Вдоль бедра правой ноги – фрагментированный железный нож (рис. 11: 3).

Погребение 49 (п. 57 по Отчету Ф.М. Тагирова 2001 г.) выявлено в кв. В,Г/18,19 (рис. 4). Могильная яма неправильной подпрямоугольной формы с отвесными неровными стенками и ровным дном, размерами 140×85×68 см. Могила ориентирована по линии восток – запад (рис. 6: 5). В заполнении мелкие обломки костей человека и бедренная кость (следует отметить несоответствие длины могилы к величине бедренной кости, которая соответствует $\frac{1}{4}$ всего роста человека – длина могилы (140 см) не соответствует предполагаемому росту (152–160 см) захороненного). Вещей нет.

Примечание:

¹ Зоологические определения из погребения 15 были проведены П.А. Косинцевым и В.В. Гасилиным (г. Екатеринбург, Институт экологии, растений и животных УрО РАН).

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.2.301.313>

БУСЫ НЕКРОПОЛЯ У ПОС. ЗАОЗЕРНОЕ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ: МОРФО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ХРОНОЛОГИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 1979–1985 ГГ.)¹

© 2021 г. Е.К. Столярова

Статья посвящена анализу морфологических (форма, декор, цвет и др.) и технологических характеристик бус и привесок, обнаруженных в нескольких погребальных комплексах некрополя у пос. Заозерное в Северо-Западном Крыму, исследованных Крымской археологической экспедицией кафедры археологии МГУ имени М.В. Ломоносова с 1979 по 1985 гг. Украшения некрополя выполнены из стекла, фаянса, полудрагоценных камней (сердолика и горного хрусталя), гагата, янтаря и кости. Полученные результаты говорят о импорте исследованных украшений из районов Передней Азии, Египта и Средиземноморья. Для датирования находок использован главным образом Свод, составленный Е.М. Алексеевой в 1970-е годы, но остающийся до сих пор наиболее значительным изданием, представляющим коллекции бус из различных материалов из многочисленных памятников Северного Причерноморья.

Ключевые слова: археология, бусы, привески, стекло, фаянс, гагат, полудрагоценные камни, янтарь, Северо-Западный Крым, городище «Чайка», эллинизм, римское время.

BEADS FROM A NECROPOLIS NEAR ZAOZERNOE VILLAGE IN NORTH-WESTERN CRIMEA: MORPHOLOGY, MANUFACTURING TECHNOLOGY AND DATING (BASED ON THE FINDS FROM THE EXCAVATIONS OF 1979-1985)²

E. K. Stolyarova

The paper deals with the study of morphology (shape, decor, color, etc.) and manufacturing technology of beads and pendants found in several burials of a necropolis near the Zaozernoie village in North-Western Crimea. The necropolis was investigated by the Crimean archaeological expedition of the Department of Archaeology, Lomonosov Moscow state University, from 1979 to 1985. The beads and pendants were made of glass, faience, semiprecious stones (carnelian and rock crystal), jet, amber, and bone. The results of the research indicate that these artefacts were imported from the Middle East, Egypt, and the Mediterranean. The catalogue prepared by Ekaterina Alekseeva in 1970s was used for dating the artefacts. This catalogue is still the most significant publication dedicated to collection of beads made of different materials from numerous Northern Black Sea sites.

Keywords: archaeology, beads, pendants, glass, faience, jet, semiprecious stones, amber, North-Western Crimea, Chaika hillfort, Hellenistic period, Roman period.

Некрополь у пос. Заозерное, расположенный в окрестностях г. Евпатории, синхронен находящемуся в 1,5 км от него городищу «Чайка». Городище, основанное Херсонесом, существовало в IV – третьей четверти II в. до н. э. В следующий период жизни поселения – последней четверти II в. до н. э. – первой трети I в. н. э. на его территории была построена небольшая крепость новым населением – поздними скифами. Греки сначала хоронили своих умерших в склепах, которые устраивали в бортах каменоломни, где вели выборку камня для строительства сооружений городища. Затем стали насыпать курганы.

Новое население, поздние скифы, использовали греческие погребальные сооружения для захоронения своих сородичей. Кости прежних покойников сдвигались к стенкам сооружения, и на освободившееся место клали новых усопших. Некрополь подвергался ограблению, поэтому нетронутые захоронения практически отсутствуют. Инвентари и греков, и поздних скифов весьма скромны. Однако в погребениях встречается большое количество разнообразных бус (Попова и др., 2015, с. 76–77).

В данном исследовании учтено 1315 украшений, обнаруженных в нескольких комплек-

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-09-00742.

² The work was performed with the support of RFBR with the framework of the project No. 18-09-00742.

сах некрополя, исследованных Крымской археологической экспедицией кафедры археологии МГУ с 1979 по 1985 гг.¹ Среди них 1309 бусин и 6 привесок (табл. 1)².

Больше всего находок сконцентрировано в склепе 1984 г. – 1043 экз. (79,3%). На втором месте по количеству найденных бусин находится склеп 1985 г. – там было найдено

Сравнение этого распределения с другими памятниками, например, с позднескифским склепом № 42 (I в. до н. э. – начало II в. н. э.) из могильника Опушки также показывает преобладание стеклянных и фаянсовых бус (93,3%), правда, фаянсовые (24,6%) значительно уступают стеклянным (68,7%) (Храпунов и др., 2009, с. 30, табл. 1).

Таблица 1.

Распределение находок по комплексам

Table 1.

Distribution of the finds by complexes

Комплекс	Бусины		Привески	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Склеп 1984 г.	1043	79,30		
Склеп 1985 г.	112	8,50		
Склеп 1983 г.	64	4,87		
Курган 40 (1979 г.)	20	1,51		
Склеп 1979 г.	18	1,37		
Курган 31а (1980 г.)	11	0,84		
Курган 32 (1979 г.)	11	0,84		
Курган 41 (1979 г.)	11	0,84	1	0,08
Курган 30 (1980–1981 гг.)	7	0,53	5	0,38
Погребение ребенка (1984 г.)	6	0,48		
Курган 34 (1982 г.)	4	0,30		
Курган 11 (1980 г.)	1	0,08		
Курган 31 (1980 г.)	1	0,08		
Итого	1309	99,54	6	0,46

Таблица 2.

Распределение находок по материалу

Table 2.

Distribution of the finds by material

Категория	Материал	Кол-во	%	
Бусины	стекло, из них	392	29,80	
		стекло, металл	235	17,90
		стекло	157	11,90
	фаянс	889	67,60	
	гагат	10	0,76	
	сердолик	11	0,76	
	янтарь	5	0,40	
	горный хрусталь	1	0,10	
	кость	1	0,10	
	Привески	стекло	5	0,38
фаянс		1	0,10	
Итого		1315	100,0	

112 экз. (8,5%). Из склепа 1983 г. происходит 64 предмета (4,87%). В остальных комплексах обнаружено от 20 бусин и менее (табл. 1).

Основная масса украшений некрополя – 98% – сделана из стекла и фаянса, из них фаянсовые составляют две трети (890 экз.; 67,7%), стеклянные – чуть менее трети (397 экз.; 30,2%). Оставшиеся 2% – это бусины из полудрагоценных камней (сердолика и горного хрусталя), гагата, янтаря и кости (табл. 2).

Украшения из фаянса

Самым многочисленным типом среди фаянсовых украшений рассматриваемой коллекции (табл. 3) являются округлые биконические, усеченные с двух сторон – бусины бирюзового цвета (рис. 1: 1), составляющие половину всех фаянсовых украшений (449 экз.; 50,5%; склеп 1984 г.). Такую же ситуацию преобладания биконических бусин над остальными типами мы видим в склепе № 42



Рис. 1. Фаянсовые бусины некрополя у пос. Заозерное. 1, 2, 4 – склеп 1984 г.; 3 – курган 31а; 5 – курган 34; 6 – курган 40
Fig. 1. Faience beads from the necropolis near Zaozernoe village. 1, 2, 4 – 1984 crypt; 3 – barrow 31a; 5 – barrow 34; 6 – barrow 40

из могильника Опушки (Храпунов и др., 2009, с. 28). Е.М. Алексеевой было учтено всего 318 экз. подобных фаянсовых бусин, что значительно меньше найденных в некрополе. Они были обнаружены в комплексах, датировки которых позволяют отнести их к I–II вв.

Еще один тип фаянсовых бусин – округлые шаровидные, усеченные с двух сторон (рис. 2: 2). Их обнаружено немногим меньше цилиндрических (200 экз.; 22,5%). Они также главным образом бирюзовые (рис. 2: 2), все они обнаружены в склепе 1984 г. Есть

Таблица 3.

Форма фаянсовых украшений

Table 3.

Shapes of faience adornments

Категория	Форма		Кол-во	%
Бусины	Округлая	биконическая усеченная дважды	449	50,5
		цилиндрическая	234	26,3
		шаровидная усеченная дважды	200	22,5
	Бугристая	эллипсоидная усеченная дважды	5	0,5
		Не устанавливается	1	0,1
Привески	В виде амфоры		1	0,1
Итого			890	100

с наибольшей распространенностью в конце I – начале II в. н. э. (Алексеева, 1975, с. 33, 80, табл. 5: 20, тип 11). Такие же бусы присутствуют и в погребении I–II вв. позднекифского некрополя Красный Маяк на Нижнем Днепре (Дзвездзе, 2015, с. 192–193, рис. 1: 1).

На втором месте – округлые цилиндрические бусины (рис. 2: 1), они составляют четверть всех фаянсовых украшений (234 экз.; 26,3%). Чаще всего они окрашены в бирюзовый цвет (218 экз.; 24,5%) (рис. 1: 2), редко встречаются сине-зеленые (10 экз.; 1,1%) (рис. 1: 3), серо-голубые (1 экз.; 0,1%) и желто-зеленые (1 экз.; 0,1%) (рис. 1: 4). У четырех бусин цвет не устанавливается. Основная их масса найдена в склепе 1984 г. (217 экз.; 24,6%). Есть несколько в склепе 1983 г. (8 сине-зеленых и 4 неустановленного цвета). Единичные находки есть в склепе 1985 г. (1 бирюзовая) и в кургане 31а (2 сине-зеленые). Это довольно распространенный тип бусин в Северном Причерноморье: Е.М. Алексеевой учтено более 6000 подобных экземпляров в комплексах с широкими датами VI в. до н. э. – IV в. н. э. Период их наибольшего распространения относится к I–II вв. (Алексеева, 1975, с. 32, 80, табл. 5: 19, тип 9).

единичные сине-зеленые (рис. 1: 5) в склепе 1983 г. и кургане 34. Подобные бусы учтены Е.М. Алексеевой, однако их немного (22 экз.). Ольвийский комплекс, в котором они найдены, не имеет данных для датировки (Алексеева, 1975, с. 31, табл. 5: 2, тип. 3б)

Кроме округлых в коллекции присутствуют бугристые эллипсоидные бусины. Их всего 5 экз. (курган 40). Из них одна сине-фиолетовая (рис. 1: 6), другая сине-зеленая, в остальных случаях цвет не устанавливается. По данным Е.М. Алексеевой (ею учтено 75 экз.), самые ранние комплексы с такими бусами относятся к III в. до н. э., есть они и во II в. н. э. Однако наиболее характерный период для этого типа – I в. н. э. (Алексеева, 1975, с. 35, 80, табл. 5: 48, 49, тип 19).

Из фаянса сделана одна привеска в форме амфоры (курган 30). Отметим, что содержащиеся в Своде Е.М. Алексеевой фаянсовые привески в виде стилизованных амфорок представлены типами, совершенно не похожими на наш (Алексеева, 1975, табл. 11: 43, 44; 12: 11).

Касаясь хронологии фаянсовых украшений в целом Е.М. Алексеева выделяет две основные группы: VI–V вв. до н. э. и I в. до н. э. – III в. н. э. Промежуточная группа



Рис. 2. Фаянсовые бусины из склепа 1984 г. в некрополе у пос. Заозерное
Fig. 2. Faience beads from the 1984 crypt in the necropolis near Zaozernoe village

IV–II вв. до н. э. малочисленна, выделяется нечетко и содержит типы, близкие поздней группе, пик в распространении которых относится к I в. н. э., а наплыв их начинается уже со второй половины I в. до н. э. (Алексеева, 1975, с. 28).

Украшения из стекла

Из 397 стеклянных украшений почти 60% (235 экз.; 59,2%) составляют бусины с металлической фольгой (табл. 4). Доля таких бусин среди всех рассматриваемых украшений некрополя также велика – почти 18% (табл. 2). Исследование склепа № 42 из могильника Опушки показывает картину, сходную с нашей: там бусы с фольгой составляют 24,5% (Храпунов и др., 2009, с. 30, табл. 1).

Во всех случаях сохранность бусин не дает возможность установить материал фольги, была ли она серебряной или золотой. То же касается и цвета стекла: у большей части бусин (168 экз.; 71,5%) цвет основы и покровного слоя, закрывавшего фольгу, не определяется. Среди остальных в основном бусины из бесцветного прозрачного стекла (64 экз.;

из двух способов изготовления бус с фольгой, выделенных Е.М. Алексеевой. Бусы, сделанные по этой схеме, известны и в эпоху эллинизма, и в римское время (Алексеева, 1978, с. 27).

Основная форма бусин с фольгой – округлые эллипсоидные, усеченные с двух сторон, их немногим меньше половины (105 экз.; 44,7%). Часть из них имеет шейки (57 экз.) (рис. 3: 1), такие бусины происходят только из склепа 1984 г., одна бусина с валиками (курган 34) (рис. 3: 2). Бусы без шеек (рис. 3: 3) обнаружены в основном в склепах 1985 (23 экз.) и 1983 гг. (15 экз.), совсем немного их в склепе 1984 г. (6 экз.) и в курганах 31а (2 экз.) и 34 (1 экз.). По данным Е.М. Алексеевой, в Северном Причерноморье аналогичные бусы без шеек (ею учтено 312 экз.) имеют широкую датировку – III в. до н. э. – III в. н. э. (Алексеева, 1978, с. 30, 89, табл. 26: 12, тип 2а). Бусы же с шейками (учтено 67 экз.) (Алексеева, 1978, с. 30, 89, табл. 26: 11, 13, 14, тип 2б) и с валиками (учтено 105 экз.) (Алексеева, 1978,

Таблица 4.

Форма стеклянных бусин с металлической фольгой

Table 4.

Shapes of glass beads with metal foil

Категория	Форма		Кол-во	%
Бусы	Округлая	Эллипсоидная усеченная дважды	105	44,7
		Шаровидная усеченная дважды	66	28,0
	Ребристая	Шаровидная усеченная дважды	53	22,6
		Бугристая	Шаровидная усеченная дважды	11
Итого			235	100,0

27,3%), а также по одной из желтого, бежевого и бледно-фиолетового.

Эти бусы всегда выполнены из тянутой трубочки, а покровный слой нанесен жидким стеклом, что соответствует первому

с. 32, 89, табл. 26: 24, 30, тип 22, 23) относятся только к римскому времени.

Вторая группа – округлые шаровидные, их немногим больше четверти (66 экз.; 28%). Сюда входят бусы как усеченные с двух сторон,



Рис. 3. Стекланные бусины с металлической фольгой из некрополя у пос. Заозерное. 1, 4, 8, 9 – склеп 1984 г.; 2 – курган 34; 3 – курган 31а; 5–7 – склеп 1985 г.; 10 – курган 32

Fig. 3. Glass beads with metal foil from the necropolis near Zaozernoe village. 1, 4, 8, 9 – 1984 crypt; 2 – barrow 34; 3 – barrow 31a; 5–7 – 1985 crypt; 10 – barrow 32

так и бусы-шарики. Среди первых есть двухчастные экземпляры, таких 7 шт. (рис. 3: 4). Некоторые бусы как одинарные (6 экз.), так и сдвоенные (2 экз.) имеют шейки (рис. 3: 5, 6), все они найдены в склепе 1985 г. Бусы без шеек (рис. 3: 7) происходят из склепов 1984 и 1985 гг., только одна бусина обнаружена в кургане 34. По мнению Е.М. Алексеевой, этот тип бусин представляет один из наиболее распространенных в Северном Причерноморье. В частности, ею учтено 1755 бусин без шеек, наиболее характерных для эпохи эллинизма, но также встречающихся и в первые века н. э. (Алексеева, 1978, с. 29, 89, табл. 26: 2, 3, тип 1а), и более 3500 бусин с шейками, периодом распространения которых является римское время (Алексеева, 1978, с. 29, 89, табл. 26: 4–8, тип 1б).

Следующий тип – ребристые шаровидные, усеченные с двух сторон (рис. 3: 8). Их чуть меньше, чем предыдущих – 53 экз. (22,6%; склеп 1984 г.). Среди них одна трехчастная (рис. 3: 9). По данным, приводимым Е.М. Алексеевой, такие бусы (учтено 167 экз.) наиболее характерны для I в. до н. э. – I в. н. э., но могут встречаться как в более раннее, так и в более позднее время (Алексеева, 31, 89, табл. 26: 49, 50, тип 10).

Последняя группа – это бугристые шаровидные, усеченные с двух сторон (рис. 3: 10), таких всего 11 экз. (4,7%). 9 бусин обнаружены в кургане 32, еще две – в склепе 1985 г. В Своде Е.М. Алексеевой учтено 116 таких бусин, основным периодом бытования которых является эпоха эллинизма, особенно часто они встречаются во II в. до н. э. Изредка подобные бусины обнаруживают в комплексах I в. н. э. (Алексеева, 1978, с. 31–32, 89, табл. 26: 53, тип 15).

Таким образом, среди бусин с фольгой количественно преобладают округлые украшения (типы 1 и 2 по Е.М. Алексеевой),

составляющие почти три четверти таких находок (72,7%). Основная их масса обнаружена в склепах 1984 (86 экз.; 36,6%) и 1985 гг. (65 экз.; 27,7%). В склепе 1983 г. найдено 15 экз., в курганах 31а и 34 – по 2–3 бусины. Преобладание таких типов характерно для позднескифских склепов I в. до н. э. – I в. н. э. (Храпунов и др., 2009, с. 28).

По данным Е.М. Алексеевой, бусы с фольгой появляются в Северном Причерноморье с III в. до н. э., существуют и в эллинистическое, и в римское время. При этом к эпохе эллинизма относятся преимущественно одиночные бусины без шеек, а к римскому периоду – цепи бусин и одиночные с шейками и валиками (Алексеева, 1978, с. 28–29). Среди рассмотренных нами можно отметить значительное преобладание одиночных бусин без шеек (163 экз.; 69,4%) над сдвоенными, строенными и одиночными с шейками и валиками (72 экз.; 30,6%).

Обратимся к остальным стеклянным украшениям некрополя (табл. 2). Их немного, всего 162 экз. (из них 5 привесок), что составляет 12,3% от всей коллекции. Для сравнения: в склепе № 42 из могильника Опушки стеклянные украшения (без учета бусин с металлической фольгой) насчитывают 44,2% (Храпунов и др., 2009, с. 30, табл. 1).

Рассмотрим бусины из одноцветного стекла и многоцветные с накладным декором вместе. Самыми многочисленными из них являются бусы с основой из сине-фиолетового стекла. Они составляют почти треть всех стеклянных украшений (52 экз.; 32,1%). Среди них в основном округлые разных форм. Наиболее часто встречаются усеченное-конические бусы из тянутой палочки (рис. 4: 1), составляющие половину сине-фиолетовых бусин (26 экз.). Изредка их украшают накладные белые полосы, начинающиеся у одного отверстия и не достигающие другого (3 экз.)



Рис. 4. Стекланные бусины некрополя у пос. Заозерное. 1, 9, 34 – склеп 1979 г.; 2, 30, 33, 40 – курган 41; 3, 24, 35, 39, 43 – курган 40; 4–6, 21, 23, 29 – курган 30; 7, 11–13, 18, 31, 32, 41, 42 – склеп 1984 г.; 8, 16, 17, 20, 26, 27, 36 – склеп 1985 г.; 10, 22, 28 – курган 31а; 14, 15, 19, 38 – склеп 1983 г.; 25 – курган 31; 37 – погребение ребенка 1984 г.

Fig. 4. Glass beads from a necropolis near Zaozernoe village. 1, 9, 34 – 1979 crypt; 2, 30, 33, 40 – barrow 41; 3, 24, 35, 39, 43 – barrow 40; 4–6, 21, 23, 29 – barrow 30; 7, 11–13, 18, 31, 32, 41, 42 – 1984 crypt; 8, 16, 17, 20, 26, 27, 36 – crypt of 1985; 10, 22, 28 – barrow 31a; 14, 15, 19, 38 – 1983 crypt; 25 – barrow 31; 37 – 1984 child's burial of 1984

(рис. 4: 2). Им близки одноцветная бусина шаровидной, усеченной с двух сторон формы также из тянутой палочки (рис. 4: 3) и яйцевидные бусы (4 экз.), три из которых изготовлены из палочки (рис. 4: 4), среди них одна с аналогичным декором (рис. 5: 5), а четвертая сварена из кусочков стекла, декорирован-

ных накладными белыми нитями (рис. 4: 6). Найдены эти бусы в курганах 30, 32, 40, 41 и склепе 1979 г.

Аналогичные бусины приведены в Своде Е.М. Алексеевой и отнесены к типам 42 (одноцветное стекло) и 192а (многоцветное стекло) (Алексеева, 1978, с. 59, 62). Бусы без декора

(тип 42) обнаружены в комплексах IV–II вв. до н. э. (учтено 50 экз.) и только одна бусина датирована концом I – началом II в. н. э. (Алексеева, 1978, с. 66, табл. 33: 8, тип 42). Бусины с полосами (тип 192а) имеют более узкую дату – III в. до н. э. (учтено 39 экз.), только две предположительно относятся к римскому времени (Алексеева, 1978, с. 43, 91, табл. 27: 89, тип 192а).

На втором месте среди рассматриваемых сине-фиолетовых бусин – шаровидные, усеченные с двух сторон (16 экз.), некоторые из которых (4 экз.) имеют декор в виде глазков сине-фиолетового и белого цветов. Одна из декорированных украшена тремя мозаичными глазками (рис. 4: 7), две – шестью (рис. 4: 8) и одна – семью глазками (рис. 4: 9) из накладных капель. Недекорированные бусины изготовлены главным образом из трубочки (рис. 4: 10), есть единичные навитые и сваренные из кусков. Глазчатые же бусы выполнены только при помощи навивки. Бусы без декора обнаружены в кургане 31а и склепах 1983, 1984 и 1985 гг. Бусина с тремя глазками происходит из склепа 1984 г., с семью – из склепа 1985 г. Бусы, украшенные шестью глазками, найдены в кургане 41 и склепе 1979 г. В последнем случае бусина была найдена надетой на бронзовую проволоку, являясь, по-видимому, частью височного кольца.

Сине-фиолетовые шаровидные, усеченные с двух сторон бусы без декора известны на территории Северного Причерноморья в течение длительного периода, начиная с эпохи эллинизма и вплоть до позднеримского времени. При этом бусы из трубочки наиболее характерны для I–II вв. (Алексеева, 1978, с. 65–65, табл. 33: 1, тип 15).

Бусы с накладными мозаичными глазками появляются в Северном Причерноморье в конце IV в. до н. э., известны они и в римское время (Алексеева, 1975, с. 56). Согласно Своду Е.М. Алексеевой, бусы, украшенные тремя подобными глазками (учтено 15 экз.), известны с IV в. до н. э. по II в. н. э. (Алексеева, 1975, с. 62, 85, табл. 15: 36, тип 33т). Бусина, очень близкая рассматриваемой, присутствует в кургане третьей четверти III в. до н. э. могильника у с. Глиное на Нижнем Днестре (Синика, Тельнов, 2018, с. 234, 236, рис. 9, и).

Бусы с глазками из накладных капель известны на территории Северного Причерноморья уже в VI–IV вв. до н. э., они продолжают бытовать и в первые века н. э. Аналогии же нашим бусинам с шестью глазками в этой

технике Е.М. Алексеева относит к IV–II вв. до н. э., особенно к IV–III вв. до н. э. (ею учтено 30 экз.). Хотя по одной такой бусине обнаружено в двух комплексах Пантикапея с иными датами: второй половины V – IV в. до н. э. и II–I вв. до н. э. (Алексеева, 1975, с. 66, 86, табл. 15: 6, 7, тип 54в). К сожалению, бусы, украшенные семью глазками из накладных капель (известны одна из Пантикапея и три из Кеп), не имеют дат (Алексеева, 1975, с. 67, 87, табл. 15: 13, тип 66б).

В группе сине-фиолетовых присутствуют бусы цилиндрической формы, выполненные членением тянутой трубочки, по диаметру тулова (3–5 мм) относящиеся к бисеру, традиционно называемому рубленным (4 экз.) (рис. 4: 11). Помимо сине-фиолетового в некрополе присутствуют желтый бисер (4 экз.) (рис. 4: 12) и одна бисерина из черного стекла (рис. 4: 13). Все, за исключением одной желтой, происходящей из склепа 1983 г., были найдены в склепе 1984 г. Этот тип бусин был чрезвычайно распространен в Северном Причерноморье в течение очень долгого времени. Он появляется в III в. до н. э. и бытует до IV в. н. э., достигая наибольшей популярности во II–I вв. до н. э. (Алексеева, 1978, с. 62, 72, табл. 33: 71, тип 166).

Кроме округлых в группе рассматриваемых сине-фиолетовых бусин присутствует одна в форме скарабея (склеп 1983 г.) (рис. 4: 14). Находки подобных украшений в Северном Причерноморье редки – в Своде Е.М. Алексеевой указано всего 6 экз. Из них датированы только две из красно-коричневого и светло-зеленого непрозрачного стекла, обнаруженные в комплексе второй половины I – первой половины II в. н. э. могильника на территории совхоза № 10 около Инкермана (Алексеева, 1978, с. 73, табл. 34: 18, 19, тип 183).

Второе место в количественном отношении занимают одноцветные бусы из *бежевого стекла* (16 экз.), составляющие 9,8%. Все они округлой эллипсоидной, усеченной дважды формы. Большая их часть сделана из тянутой трубочки (склеп 1983 г.) (рис. 4: 15), одна – из палочки (склеп 1985 г.) (рис. 4: 16). Им близка единичная бусина из *оливкового стекла* такой же формы из трубочки (погребение ребенка). Среди бусин, собранных в Своде Е.М. Алексеевой, ближайшим им может быть тип 23, правда, рассматриваемые нами бусины, кроме оливковой, не имеют шеек. Е.М. Алексеевой было учтено 42 экз., происходящих из комплексов второй половины I в. до н. э. –

III в. н. э. (Алексеева, 1978, с. 65, табл. 33: 5, тип 23).

Чуть менее многочисленны бусины из черного, пурпурного и красно-коричневого стекла. Доля каждого типа по 7–8%.

*Красно-коричневые*³ бусины всегда округлые шаровидные, усеченные с двух сторон, выполненные обертыванием, из тянутой палочки, редко трубочки. Большая их часть украшена накладными мозаичными глазками разных цветов.

Похожие на красно-коричневые бусы без декора (4 экз.; склепы 1984 и 1985 гг.) есть в Своде Е.М. Алексеевой (учтено более 960 экз.), они датированы IV в. до н. э. – III в. н. э. с преимущественным распространением в I–III вв. Бусы, сделанные из тянутых трубочек, связаны с комплексами только первых веков н. э. (Алексеева, 1978, с. 63, табл. 33: 1, тип 3).

Для красно-коричневых бусин, украшенных глазками, также есть аналогичные в Своде Е.М. Алексеевой. Например, похожие на бусины с тремя концентрическими глазками из сине-фиолетового и белого стекла (4 экз.; склеп 1984 г. и погребение ребенка) являются распространенным типом (учтено 73 экз.), встречающимся во всех рассмотренных Е.М. Алексеевой памятниках и датирующимся довольно широко – с IV в. до н. э. по III в. н. э., но периодом его наибольшей популярности является II в. до н. э. – I в. н. э. (Алексеева, 1975, с. 60, 84, табл. 14: 71, 102, 103, тип 27 г, д). Бусины с такими же глазками, но из пурпурного или коричневого и белого стекла (4 экз.; склепы 1983, 1985 гг. и погребение ребенка) (рис. 4: 17) довольно редки (учтено 3 экз.) и отнесены к III в. до н. э. – I в. н. э. (Алексеева, 1978, с. 60, 84, табл. 14: 83, тип 27и). Аналогии бусине (склеп 1984 г.), украшенной глазками, названными Е.М. Алексеевой розеттами (рис. 4: 18), относятся ко второй половине IV – III в. до н. э. (учтено 3 экз.) (Алексеева, 1978, с. 55, 95, табл. 27: 103, тип 378).

Черные бусы из рассматриваемых комплексов некрополя наиболее разнообразны по форме, но чаще всего среди них также встречаются округлые шаровидные, усеченные с двух сторон. Они выполнялись навивкой (рис. 4: 19), из тянутой трубочки или палочки (рис. 4: 20). Одна из них, украшенная тремя цветными пятнами (белым и красно-коричневым, цвет третьего не установлен), являлась частью височного кольца (рис. 4: 21).

Одноцветные черные бусины вышеназванной формы (5 экз.; курган 31а, склепы

1983, 1985 гг.) относятся к одним из наиболее распространенных – в Своде Е.М. Алексеевой учтено 1359 экз. Большая их часть датируется II–III вв. н. э. При этом навитые бусины отмечены в комплексах конца VI – II в. до н. э. и I–IV вв. н. э., а бусы из трубочки – только в комплексах I – первой половины III в. (Алексеева, 1978, с. 62–63, табл. 33: 1, тип 1).

Бусы разных цветов с пятнами отмечены в Северном Причерноморье с VI в. до н. э. по IV в. н. э., но до рубежа эр они редки. Среди них черные являются наиболее распространенными (Алексеева, 1975, с. 50–51). Бусине, выполненной навивкой, украшенной разноцветными пятнами и надетой на проволоку (курган 30), точной аналогии в Своде Е.М. Алексеевой не найдено. Близкой является бусина с пятнами других цветов. Она обнаружена в Херсонесе и не имеет точной даты (Алексеева, 1975, с. 57, табл. 12: 46, тип 2).

Кроме шаровидных в группе черных бусин есть эллипсоидные и биконические, усеченные с двух сторон, декорированные накладными полосами и пятнами. Следует отметить, что бусы как с поперечными, так и с продольными полосами известны на территории Северного Причерноморья с IV в. до н. э. по IV в. н. э., но основная масса зарождается во второй половине III до н. э., известна во II в. до н. э. и существует до I в. н. э. (Алексеева, 1978, с. 34–35).

Аналогии эллипсоидной бусине из трубочки с продольными белыми полосами (курган 31а) (рис. 4: 22), собранные Е.М. Алексеевой (учтено 37 экз.), происходят из комплексов главным образом II–I вв. до н. э., но продолжают встречаться и в I–II вв. н. э. (Алексеева, 1978, с. 43, 91, табл. 27: 85, тип 190б).

Точные аналогии еще одной эллипсоидной бусине, но сделанной однократным обертыванием и украшенной несколькими поперечными полосами (склеп 1985 г.), в Своде Е.М. Алексеевой не обнаружены. Наиболее близкими являются бусы из пурпурного стекла цилиндрической формы с таким же декором (3 экз.), датированные второй половиной II в. до н. э. – первой половиной I в. н. э. (Алексеева, 1978, с. 42, 90, табл. 27: 30, тип 180а).

Ближайшей аналогией навитой биконической бусине, декорированной белой поперечной полосой (курган 30) (рис. 4: 23), является бусина из Свода Е.М. Алексеевой (правда, она украшена желтой полосой), датированная III – первой половиной II в. до н. э. (Алексеева, 1978, с. 44, 91, табл. 28: 8, тип 203б).

Второй биконической навитой бусине, украшенной белой поперечной полосой и беспорядочными пятнами белого, желтого и желто-зеленого цветов (курган 40) (рис. 4: 24), в том же Своде нашлась точная аналогия. Она происходит из культурного слоя Танаиса (Алексеева, 1978, с. 54, табл. 32: 31, тип 348).

Среди черных бусин, помимо округлых, найдена одна ребристая шаровидная с двумя дольками, украшенная накладной спиралью⁴ (погребение ребенка), и граненая с желтыми зигзагами (фрагментированная) (курган 31) (рис. 4: 25). Для последней нашлись точные аналогии в Своде Е.М. Алексеевой (15 экз.), относящиеся к IV–III вв. до н. э. (Алексеева, 1978, с. 49, 92, табл. 31: 6, тип 276б). Данный тип является одним из наиболее характерных для этого периода (Алексеева, 1978, с. 38).

Комплексы, содержащие ребристые (из двух долек) шаровидные, усеченные с двух сторон бусы с накладной белой спиралью, ограничены Е.М. Алексеевой III в. до н. э. – I в. н. э. (учтено 9 экз.). В целом такие бусы, по мнению Е.М. Алексеевой, относятся к периоду позднего эллинизма – рубежу эр (Алексеева, 1978, с. 35, 45, 91, табл. 28: 59, тип 223). Это подтверждается, например, материалами некрополя Беляуса, где такие бусы происходят в основном из захоронений II–I вв. до н. э. и изредка из погребений I в. н. э. (Дашевская, 2014).

Группу украшений из *пурпурного стекла* рассматриваемой коллекции представляют не только бусины (9 экз.), но и привески (3 экз.). Форма пурпурных бусин в основном округлая шаровидная, усеченная с двух сторон. Встречены одноцветные бусины из трубочки (5 экз.; склеп 1985 г.) (рис. 4: 27), одна сваренная из кусков (склеп 1984 г.) и еще одна декорированная накладной поперечной белой полосой (курган 31а) (рис. 4: 28). Кроме того, есть две эллипсоидные, усеченные дважды (склеп 1985 г.). Они декорированы накладными поперечными или продольными полосами белого цвета.

Е.М. Алексеева относит бусы из одноцветного пурпурного стекла округлой шаровидной, усеченной дважды формы к типам, встречающимся с III в. до н. э. по III в. н. э. (ею учтено 439 экз.), но наибольшей популярности они достигают в период II–I вв. до н. э., а бусы, сделанные из тянутых трубочек, появляются только с I в. н. э. (Алексеева, 1978, с. 63, табл. 33: 1, тип 4).

Аналогии декорированной поперечной полосой пурпурной бусине вышеназван-

ной формы встречаются главным образом в комплексах I–II вв. н. э. (учтено 9 экз.), и только одна – в комплексе из Фанагории II в. до н. э. (Алексеева, 1978, с. 44, 91, табл. 28: 2, тип 201).

Бусине с таким же декором, но эллипсоидной, усеченной дважды формы близка аналогия из Пантикапея без точной даты, но изготовленная из черного стекла (Алексеева, 1978, с. 44, 91, табл. 28: 10, тип 203а).

Аналогии эллипсоидной бусине с продольными белыми полосами, собранные Е.М. Алексеевой (ею учтено 37 экз.), происходят из комплексов главным образом II–I вв. до н. э., но продолжают встречаться и в I–II вв. н. э. (Алексеева, 1978, с. 43, 91, табл. 27: 86, тип 190б).

Привески из пурпурного стекла имеют форму амфор (3 экз.; курган 30) (рис. 4: 29). Среди анализируемых украшений некрополя присутствуют еще две привески аналогичной формы: у одной цвет не установлен (курган 30), другая из *серо-голубого* стекла (курган 41) (рис. 4: 30). По сведениям Е.М. Алексеевой, привески в виде амфор наиболее характерны для III – I вв. до н. э. (Алексеева, 1978, с. 62). Однако для рассматриваемых находок точных аналогий найти не удалось. В Своде Е.М. Алексеевой есть похожие, но немного других пропорций и цветов. Они происходят главным образом из комплексов IV–II вв. до н. э. (11 экз.), несколько найдены в комплексах первых веков н. э. (3 экз.) (Алексеева, 1978, с. 74, табл. 34: 40, тип 193д).

Небольшую группу в рассматриваемой коллекции составляют бусины из *бирюзового стекла* (10 экз.; 6,1%). Все они округлые шаровидные, усеченные дважды, сделанные из тянутой трубочки (склепы 1984, 1985 гг.) (рис. 4: 31). В Северном Причерноморье по данным Е.М. Алексеевой (ею учтено 77 экз.) такие типы характерны для I–II вв. (Алексеева, 1978, с. 66, табл. 33: 4, тип 31).

Еще один тип – бусины из *желтого стекла* округлой шаровидной, усеченной с двух сторон формы из тянутой трубочки (4 экз.; склеп 1984 г.) (рис. 4: 32). В Своде Е.М. Алексеевой учтены более 200 экз. подобных бусин. Они известны непрерывно с I в. до н. э. по II в. (Алексеева, 1978, с. 63–64, табл. 33: 1, тип 6).

Остальные типы бусин единичны. Длинная округлая цилиндрическая бусина из трубочки из непрозрачного *сине-зеленого* стекла (курган 41) (рис. 4: 33) находит себе аналогии в Своде Е.М. Алексеевой, где учтено 45 таких же экз., относящихся к I–III вв. (Алексеева, 1978, с.

67, табл. 33: 11, тип 66). Округлые усеченно-конические и биконические, усеченные с двух сторон бусины из палочки из такого же стекла (2 экз.; склеп 1979 г.) (рис. 4: 34) не так часто отмечены в Своде Е.М. Алексеевой – всего 9 экз., датированных IV–III вв. до н. э. (Алексеева, 1978, с. 66, табл. 33: 8, тип 41). Близкие округлой биконической бусине из палочки также из сине-зеленого, но прозрачного стекла (курган 40) (рис. 4: 35), согласно Своду Е.М. Алексеевой, редки (учтено 6 экз.). Они обнаружены только в одном комплексе могильника на территории совхоза № 10 около Инкермана, датированного первыми веками н. э. (Алексеева, 1978, с. 66, табл. 33: 8, тип 40). В отличие от них подобные двум округлым шаровидным из такого же стекла бусинам (склеп 1985 г.) (рис. 4: 36), были довольно популярны в Северном Причерноморье: в Своде Е.М. Алексеевой таких учтено 1089 экз., бытующих с III в. до н. э. до III в. н. э. (Алексеева, 1978, с. 64, табл. 33: 1, тип 11). Однако сюда включены бусы, сделанные разными способами (навивкой, вытягиванием и т. д.) и имеющие в зависимости от этого разную датировку. Рассматриваемые нами бусы, сделанные обертыванием и имеющие гладкие края и поперечную структуру ядра, относятся к первым векам н. э.

Из бледно-зеленого стекла присутствуют три шаровидные бусины из трубочки: одна округлая (склеп 1984 г.) и две ребристые (погребение ребенка) (рис. 4: 37). Похожие округлые есть в Своде Е.М. Алексеевой (ею учтено 70 экз.), относятся они к I–III вв. н. э. (Алексеева, 1978, с. 64, табл. 33: 3, тип 10).

Кроме ребристой из бледно-зеленого стекла есть такая же ребристая, но из бледного желто-зеленого стекла (склеп 1983 г.) (рис. 4: 38). Для ребристых бусин этих цветов в Своде точной аналогии не нашлось, наиболее близки им бусы из бесцветного прозрачного стекла (Алексеева, 1978, с. 71, табл. 33: 50, тип 152). Данный тип (всего учтено 26 экз.) включает бусы разные по форме, размеру, по характеру долек и по технологии их нанесения. В зависимости от этого бусы распределены по разным периодам. Рассматриваемые нами, вероятнее всего, должны быть датированы III–I вв. до н. э.

Из желто-зеленого стекла выполнена еще одна бусина: округлая шаровидная из палочки, декорированная накладными желтыми полосами (курган 40) (рис. 4: 39). Точной аналогии ей в Своде Е.М. Алексеевой не нашлось, но очевидно, что она близка таким же полоса-

тым бусинам, но из сине-фиолетового стекла (тип 192a), основная масса которых датирована III в. до н. э.

Для пяти бусин из палочек усеченно-конической и биконической формы, цвет стекла которых не устанавливается (курганы 40, 41) (рис. 4: 40), тип по Своду Е.М. Алексеевой определить невозможно. Однако они близки сине-фиолетовым и сине-зеленым бусинам аналогичных форм из проколотых палочек (типы 41 и 42), датированных IV–III вв. до н. э. и IV–II вв. до н. э. соответственно.

Рассмотрим многоцветные бусины, у которых основа и декор выполнялись одновременно (14 экз.). Большую их часть (13 экз.; склепы 1984, 1985 гг.) составляют округлые шаровидные и эллипсоидные формы, сваренные из нескольких положенных продольно полос сине-фиолетового, зеленого, желтого прозрачного и белого непрозрачного стекла (9 экз.) (рис. 4: 41). Последний является не отдельной полосой белого стекла, а сильно разогретым краем цветной полосы, который кристаллизовался и потерял цвет. В некоторых случаях полосы закручены и превращены в спирали (4 экз.) (рис. 4: 42). Такая техника носит название ленточного стекла и известна не столько в бусах, сколько в сосудах различных форм: чашах, бутылках и пиксидах. Изготавливали их, как принято считать, в Александрии в конце I в. до н. э. – первой половине I в. н. э. Найденные в некрополе бусины в этой технике можно считать выполненными из остатков стекла, которое шло на производство таких сосудов.

В Своде Е.М. Алексеевой учтено 12 подобных бусин с продольными полосами, они отнесены к I в., но, возможно, заходят и во II в. н. э. (Алексеева, 1978, с. 35, 43, 91, табл. 27: 90, 91, тип 194, 195). Бусы же со спиралевидными полосами (учтено 45 экз.) появляются в конце I в. до н. э., массово распространяются в I–II вв. и доживают до III в. н. э. (Алексеева, 1978, с. 47, 92, табл. 29: 69–71, тип 249).

Оставшуюся бусину усеченно-конической формы (курган 40) можно отнести в группу миллефиори, которая в отличие от выше-названных предполагала сварку не полос, а кусков стекла различной формы. Она была сварена из мозаичных кусочков желто-зеленого и желтого цветов, проколота острием и обкатана (рис. 4: 43). В Своде Е.М. Алексеевой аналогии ей не найдены.

Таким образом, можно говорить, что самыми популярными формами украшений из

стекла (без учета бус с металлической фольгой) рассматриваемых комплексов некрополя у пос. Заозерное были округлые, составляющие почти 92% (149 экз.: 91,9%). Среди них наиболее многочисленные – шаровидные, усеченные с двух сторон (69 экз.; 42,6%) и усеченно-конические (31 экз.; 19,1%).

Среди технических приемов наиболее часто отмечены украшения, сделанные из тянутой трубочки – их 64 экз., что составляет почти 40% (39,51%). Почти столько же предметов из тянутой палочки – 54 экз. (33,3%). Значительно меньше бусин, выполненных сваркой (17 экз.; 10,49%) и навивкой (15 экз.; 9,26%). Еще меньше бусин, изготовленных обертыванием полосы – всего 8 шт. (4,94%). Всего одна бусина сделана литьем.

Массовое изготовление бусин из трубочек возникает в первые века н. э. на территории Передней Азии (Щапова, 1983, с. 127). Однако начало этого производства датируется более ранним временем. В частности, изготовление бусин с металлической фольгой, тоже производившихся из тянутых трубочек, относится к III в. до н. э. и локализуется на о. Родос (Weinberg, 1983). Использование тянутой палочки, приемов навивки, обертывания и литья для изготовления бусин возникло еще в более раннее время. Мозаичная техника также имеет долгую историю. Первые предметы в этой технике появились в середине II тыс. до н. э. в Месопотамии. Позднее оттуда через Финикию и Сирию эта технология проникла в Египет эллинистического и римского времени (Щапова, 1983, с. 113). Видимо, там же и тогда же была освоена и техника ленточного стекла.

Бусы из гагата

Среди рассматриваемых бусин присутствует всего 10 гагатовых (склеп 1983 г.). Все они округлой цилиндрической формы (рис. 5: 1). Согласно данным Е.М. Алексеевой, этот тип – короткоцилиндрические нарезки – является самым многочисленным в Северном Причерноморье. В Своде из всех учтенных 7416 гагатовых украшений 5026 экз. составляют бусы аналогичные нашим (Алексеева, 1978, с. 14, 85, табл. 20: 41, тип 27а). Этот тип бусин был популярен во все времена – с III в. до н. э. вплоть до IV в. н. э., однако основное количество комплексов с такими бусами датированы I–II вв. н. э., а к эллинистическому времени относится немного погребений. При этом основная масса бусин раннего времени сосредоточена на востоке Причерноморья: в Пантикапее, Фанагории, Кехах, Тирамбе, Горгиппии, Танаисе. Кроме того, бусины



Рис. 5. Бусины некрополя у пос. Заозерное.

- 1, 5 – склеп 1983 г.; 2 – курган 30; 3 – курган 31а;
4 – склеп 1984 г.; 6 – склеп 1985 г. 1 – гагат;
2–4 – сердолик; 5, 6 – янтарь

Fig. 5. Beads from the necropolis near Zaozernoe village.

- 1, 5 – 1983 crypt; 2 – barrow 30; 3 – barrow 31a;
4 – 1984 crypt; 6 – 1985 crypt 1 – jade;
2–4 – carnelian; 5, 6 – amber

эллинистического времени отличаются от более поздних размерами: к раннему времени относятся тонкие цилиндрики высотой 1–2 мм и диаметром 3–4, редко 5–6 мм. В римское же время преобладают более толстые диаметром от 3 до 6, а иногда и до 12 мм. Размерные характеристики рассматриваемых нами бусин (высота 1,5–2,5 мм, диаметр от 3,5 до 6 мм) более соответствуют раннему периоду распространения типа.

Бусы из сердолика

Среди рассматриваемых бус есть 11 округлых сердоликовых. Все, за исключением одной шаровидной, усеченной дважды, с просверленным с одной стороны отверстием (рис. 5: 2), имеют эллипсоидную, усеченную дважды форму и канал, просверленный с двух сторон (рис. 5: 3, 4). Шаровидная бусина была найдена в отвале кургана 30. Шесть бусин эллипсоидной формы происходят из склепа 1985 г. и по две – из склепа 1984 г. и кургана 31а.

В Северном Причерноморье сердоликовые бусины шаровидной и эллипсоидной

форм представляют два наиболее распространенных типа. В частности, Е.М. Алексеевой учтено 842 экз. шаровидных и 964 экз. эллипсоидных из всех учтенных ею 2167 сердоликовых бусин. Тип шаровидных зарождается еще в эллинизме, массово распространяется в I–II вв. и доживает до III в. н. э. В ранний период бусины этого типа фиксируются только на Тамани и в Танаисе (Алексеева, 1982, с. 15, 77, табл. 38: 18). Тип эллипсоидных бусин появляется в III в. до н. э., бытует и в римское время. К раннему периоду относятся бусы из светлого и чистого камня, к римскому времени – менее прозрачные, с большим количеством темных прожилок (Алексеева, 1982, с. 16, 77, табл. 38: 29, 30, тип 3б).

Бусы из янтаря

Все 5 янтарных бусин из рассматриваемых погребений некрополя относятся к округлым шаровидным, усеченным с двух сторон (рис. 5: 5, 6). Три из них обнаружены в кургане 40, по одной – в склепах 1983 и 1985 гг. В Своде Е.М. Алексеевой учтено 57 аналогичных бусин. Они наиболее характерны для I–III вв. н. э., однако три бусины известны из комплексов Пантикапея, Фанагории и Танаиса, относящихся к IV–II вв. до н. э. (Алексеева, 1978, с. 24, 88, табл. 23: 33, 36, тип 5).

Бусина из горного хрусталя

Единственная горнохрустальная бусина имеет округлую шаровидную, усеченную с двух сторон, асимметричную форму (склеп 1984 г.). Аналогичные ей бусины из Свода Е.М. Алексеевой (ею учтено 102 экз.) появляются в конце II – I в. до н. э. и бытуют до

III в. н. э. с наибольшим распространением в I–II вв. н. э. (Алексеева, 1982, с. 7, 76, табл. 35: 16, 17, тип 2а).

Бусина из кости

Подобных костяной бусине округлой кольцевидной формы (курган 11) в Северном Причерноморье немного – в Своде Е.М. Алексеевой учтено всего 6 экз., происходящих из комплексов IV–III вв. до н. э. и II–III вв. н. э. (Алексеева, 1982, с. 31, 81, табл. 46: 28, тип 1).

Сопоставление результатов морфо-технологического изучения стеклянных и фаянсовых бус из комплексов некрополя у пос. Заозерное с существующими классификациями стеклоделательных мастерских (Щапова, 1983, с. 139–140) позволяет предположить, что бусы, поступающие к населению, захороненному в некрополе, были изготовлены в специализированных мастерских с полным или неполным производственным циклом с разделением труда между специалистами. Подобные мастерские выпускали продукцию большими сериями и располагались в районах традиционного стеклоделия: в Египте, Передней Азии, на территории Средиземноморья. По мнению ряда исследователей, такие мастерские были связаны с международной торговлей (Лихтер, Щапова, 1991, с. 247).

Все рассмотренные нами бусы, как стеклянные и фаянсовые, так и изготовленные из других материалов, адресованные местному населению, являются импортами, достоверно отражающими направления культурных связей и торговых контактов различных территорий.

Примечания:

¹ Предварительный анализ бусин из трех комплексов (склепы 1984 и 1985 гг. и погребение ребенка 1984 г.) см. в: Столярова, 1993; Столярова, 1997.

² Благодарю Е.А. Попову за предоставленную возможность исследовать данный материал.

³ Зачастую бусины из красно-коричневого стекла покрыты толстым слоем коррозии желтого цвета.

⁴ Еще одна бусина такой же формы сделана из стекла, цвет которого установить не удалось (склеп 1985 г.) (рис. 4: 26).

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1–12. М: Наука, 1975. 94 с.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1–12. М.: Наука, 1978. 104 с.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1–12. М: Наука, 1982. 104 с.
- Дашевская О.Д. Некрополь Беляуса. Симферополь: Предприятие Феникс, 2014. 284 с.
- Дзюладзе Е.С. Бусы из могильника Красный Маяк как хроноиндикатор // Археологія і давня історія України. 2015. Вип. 2. С. 191–201.
- Лихтер Ю.А., Щапова Ю.Л. Гнездовские бусы. По материалам раскопок курганов и поселения // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города) / Под ред. Д.А. Авдусина. М.: МГУ, 1991. С. 244–260.

Попова Е.А., Пежемский Д.В., Беловинцева Н.И. Городище Чайка, некрополь и каменоломня античной эпохи на окраине Евпатории в Северо-Западном Крыму: итоги и перспективы исследования // Исторические исследования. 2015. № 3. С. 76–112.

Синика В.С., Тельнов Н.П. Скифский курган 116 первой половины III в. до н. э. у с. Глиное // Древности. Исследования и проблемы. Сб. статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова / Под ред. В.С. Синики и Р.А. Рабиновича. Кишинев; Тирасполь: Stratum Plus, 2018. С. 223–266.

Столярова Е.К. Стекланные и каменные бусы из позднескифских погребений некрополя у городища «Чайка» // Памятники бронзового и железного веков в окрестностях Евпатории / Отв. ред. Ю. Л. Щапова, И. В. Яценко М.: МГУ, 1993. С. 45–62.

Столярова Е.К. Химико-технологическое изучение стекланных бус из некрополя у пос. Заозерное // Древности Евразии / Отв. ред. С. В. Демиденко, Д. В. Журавлев. М.: ГИМ, 1997. С. 216–226.

Храпунов И.Н., Мульд С.А., Стоянова А.А. Позднескифский склеп из могильника Опушки. Симферополь: Доля, 2009. 96 с.

Щапова Ю.Л. Очерки истории древнего стеклоделия (по материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). М.: МГУ, 1983. 200 с.

Weinberg G. A Hellenistic Glass Factory on Rhodes: Progress Report // Journal of Glass Studies. Vol. 25. 1983. P. 37.

Информация об авторе:

Столярова Екатерина Карленовна, старший преподаватель кафедры археологии исторического факультета, МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия); kath.stoliarova@gmail.com

REFERENCES

Alekseeva, E. M. 1975. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of Northern Pontic Region)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Alekseeva, E. M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of Northern Pontic Region)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Alekseeva, E. M. 1982. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of North Pontic)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Dashevskaya, O. D. 2014. *Nekropol' Beliausa (The Necropolis of Belyaus)*. Simferopol: "Predpriiatie Feniks" Publ. (in Russian).

Dzneladze, E. S. 2015. In *Arkheologiya i davnia isroriia Ukraini (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 2, 191–201 (in Russian).

Likhter, Yu. A., Shchapova, Yu. L. 1991. In Avdusin, D. A. (ed.). *Smolensk i Gnezdovo (k istorii drevnerusskogo goroda) (Smolensk and Gnezdovo (the History of an Ancient Russian Town))*. Moscow: Moscow State University, 244–260 (in Russian).

Popova, E. A., Pezhemsky, D. V., Belovitseva, N. I. 2015. In *Istoricheskie issledovaniya (History Studies)* 3. 76–112 (in Russian).

Sinika, V. S., Telnov, N. P. 2018. In Sinika, V. S., Rabinovich, R. A. (eds.). *Drevnosti. Issledovaniia i problem (Antiquities. Studies and Issues)*. Kishinev, Tiraspol: "Stratum plus" Publ., 223–266 (in Russian).

Stolyarova, E. K. 1993. In Shchapova, Yu. L., Yatsenko, I. V. (ed.). *Pamiatniki bronzovogo i zheleznoogo vekov v okrestnostiakh Evpatorii (Monuments of the Bronze and Iron Ages in the Vicinity of Eupatoria)*. Moscow: Moscow State University, 45–62 (in Russian).

Stolyarova, E. K. 1997. In Demidenko, S. V., Zhuravlev, D. V. (eds.). *Drevnosti Evrazii (Antiquities of Eurasia)*. Moscow: State Historical Museum, 216–226. (in Russian).

Khrapunov, I. N., Muld, S. A., Stoyanova, A. A. 2009. *Pozdneskifskii sklep iz mogil'nika Opushki (Late Scythian Crypt from Opushki Burial Ground)*. Simferopol: "Dolia" Publ. (in Russian).

Shchapova, Yu. L. 1983. *Ocherki istorii drevnego steklodeliia (po materialam doliny Nila, Blizhnego Vostoka i Evropy) (Essays on the History of Ancient Glassmaking (on the Materials from the Nile Valley, the Middle East and Europe))*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Weinberg, G. A 1983. In *Journal of Glass Studies*. Vol. 25, 37.

About the Author:

Stolyarova Ekaterina K. Lomonosov Moscow State University. Lomonosovskij Prospect 27, korp. 4, Moscow, 119991, Russian Federation;; kath.stoliarova@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.02.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2021 г.

УДК 903.2:391(470.51)(045)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.2.314.324>

ПРЕДМЕТЫ КОЛЬЧУЖНОГО ПЛЕТЕНИЯ В ЖЕНСКОМ УБОРЕ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ III–V ВВ.

© 2021 г. О.Ф. Хайруллина

Статья посвящена анализу малоизученной категории женского погребального инвентаря в могильниках мазунинского типа чегандинской культуры пьяноборской культурно-исторической общности (или мазунинской культуры, по Т.И. Останиной) – предметам кольчужного плетения. Данные изделия являются примером вторичного использования и творческого переосмысления элементов защитной экипировки воинов – кольчужных доспехов *lorica hamata*. Обнаружены в 97 погребальных комплексах, происходящих из 12 мазунинских могильников. Антропологические данные и сопутствующий погребальный инвентарь свидетельствуют об использовании данной категории вещей исключительно женским полом. В погребениях размещались согласно традициям мазунинского погребального обряда: найдены такие предметы в жертвенных комплексах или в составе костюма. Основное использование кольчужных изделий в женском уборе связано с наглыми и нагрудными украшениями. Доступные для изучения фрагменты кольчуг из женских погребений заметно уступают по своим характеристикам целым кольчужным рубашкам мазунинских и азелинских воинов с импортным оружием. Основной массив рассматриваемых находок происходит из закрытых комплексов, которые датируются IV в. н.э. (возможно, 2-й четвертью IV – началом V в.). Близкие аналогии в использовании фрагментов кольчуг прослеживаются в германском мире.

Ключевые слова: археология, Западное Предуралье, эпоха великого переселения, могильники мазунинского типа, могильники, женский убор.

FRAGMENTS OF CHAIN MAIL ARMOR IN WOMEN'S ATTIRE OF THE POPULATION OF THE MIDDLE KAMA REGION IN THE 3RD-5TH CENTURIES AD

O. F. Khairullina

The paper discusses chain mail fragments in the female burial equipment of the Mazunino Culture (or Mazunino stage of the Cheganda culture of the Piany Bor cultural–historical community by R.D. Goldina) in the Middle Kama Region. The items in question are an example of the reuse and creative reinterpretation of military protective equipment, such as the *lorica hamata* chain mail. A total of 97 burials with woven iron rings from 12 necropolises of the Mazunino culture have been examined. Anthropological data and grave inventory indicate that this category of equipment was used exclusively by women. They were arranged in burials according to the traditions of Mazunino burial rite: such items have been found in “sacrificial” sets or as part of a costume. In general, chain mail fragments were used in women’s attire as hair or breast jewelry. The available woven iron rings from the women’s graves are noticeably inferior in terms of characteristics to the chain mail shirts of the Mazunino and Azelino warriors with imported weapons. The majority of these items have been found in closed complexes dated the 4th century AD (probably the second quarter of the 4th – the early 5th century AD). Close parallels in the use of chain mail fragments can be traced in the German cultures.

Keywords: archaeology, Western Cis-Urals, the Migration period, Mazunino type burial grounds, burial grounds, female costume.

Среди основных категорий погребального инвентаря могильников мазунинского типа чегандинской культуры ПКЮ (или мазунинской культуры, по Т.И. Останиной) довольно часто встречаются корродированные куски железа неопределенной формы, спекшиеся с различными бронзовыми украшениями костюма. На некоторых изделиях отчетливо просматриваются соединенные между собой звенья округлой формы, плетение которых находит ближайšie аналогии в широко распространённом типе римского и варвар-

ского защитного вооружения первой половины I тыс. н. э. – кольчужных доспехах *lorica hamata*. Фрагменты таких предметов кольчужного плетения (далее – предметы КП) обычно фиксируются в женских погребениях в области черепа и поэтому традиционно рассматриваются в региональной археологии в качестве элементов головных уборов – нагльников (Останина, 1997, с. 36–37; Красноперов, 2006, с. 85–88; Васюткин, 1980, с. 81–82). В материалах отдельных некрополей (в частности, в Тураевском I могильнике) кольчужные изде-

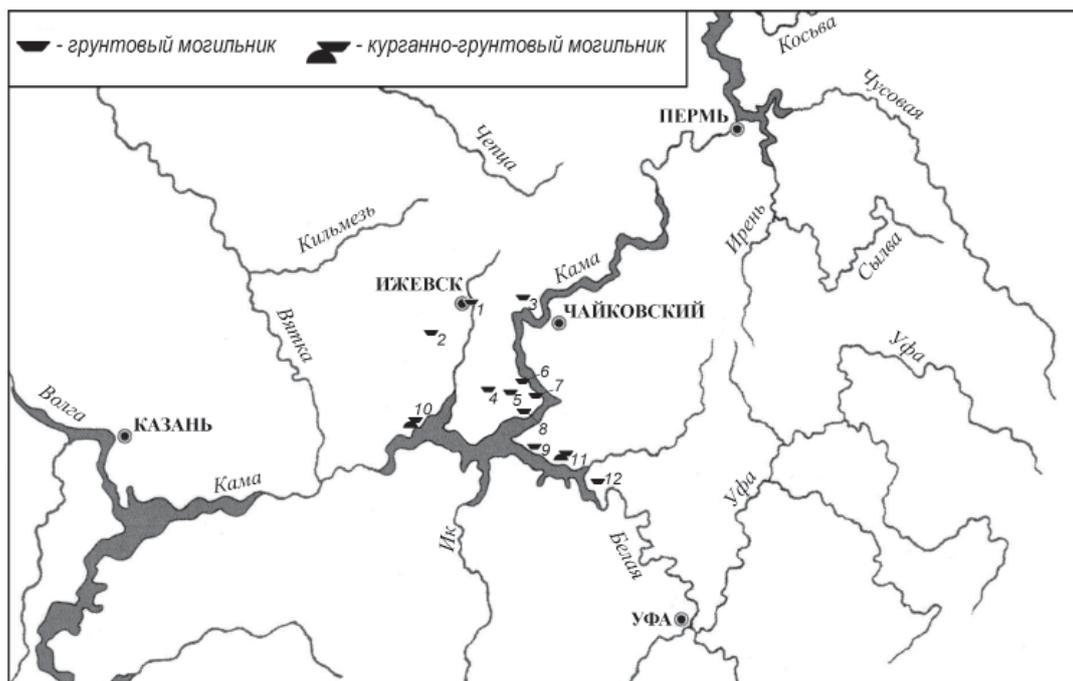


Рис. 1. Карта расположения мазунинских могильников с предметами кольчужного плетения:

1 – Ижевск; 2 – Покровское; 3 – Нива; 4 – Дубровский; 5 – Заборье; 6 – Усть-Сарапулка; 7 – Тарасово; 8 – Боярка; 9 – Старо-Кабаново; 10 – Тураево I; 11 – Старая Мушта; 12 – Ангасяк.

Fig. 1. Map of Mazunino burial grounds with chain mail fragments: 1 – Izhevsk; 2 – Pokrovskoe; 3 – Niva; 4 – Dubrovskiy; 5 – Zaborie; 6 – Ust-Sarapulka; 7 – Tarasovo; 8 – Boyarka; 9 – Staroye Kabanovo; 10 – Turaevo I; 11 – Staraya Mushta; 12 – Angasyak.

лия известны в качестве «шумящих» деталей к нагрудным украшениям (Голдина, Бернц, 2010, с. 72, 126).

Ввиду того, что большинство рассматриваемых предметов КП находится в неудовлетворительном состоянии, некоторые исследователи не разграничивают данное понятие, объединяя вместе с кольчужными изделиями, сплетенными из железных и/или бронзовых колец, простые цепочки и подвески S-видной формы (Голдина, Бернц, 2010; Останина, 1997, с. 36–37, 51; Сабирова, 2019, с. 31). Вероятно, именно по этой причине за скобками, казалось бы, изученного феномена остаются нерешенными вопросы, касающиеся описания находок кольчужных предметов в мазунинских погребениях¹, их функционала в среднекамском женском уборе, времени проникновения (и распространения) в мазунинском обществе, аналогий и т. д. Попытаться найти ответы на некоторые из них является целью настоящей статьи.

Методика исследования и общая характеристика предметов КП. В данной работе проанализировано 97 закрытых комплексов с находками кольчужных изделий, происходящих из 12 грунтовых и курганно-грунтовых могильников мазунинского типа. Все они располагаются в бассейне Средней и отчасти Нижней Камы, на ее крупных и мелких прито-

ках, в административных границах республик Удмуртия, Татарстан и Башкортостан: Тарасовский, Тураевский I, Усть-Сарапульский, Ижевский, Заборьинский, Боярский, Дубровский, Нивский, Покровский, Старо-Кабановский, Ангасякский, Старо-Муштинский могильники (рис. 1) (Голдина, 2003; Голдина, 2004а; Голдина, Бернц, 2010; Армагынская, 1986, с. 26–46; Останина, 1978, с. 92–117; 1984, с. 26–92; 1992; Бернц, 2006, с. 351–390; Васюткин, Останина, 1986, с. 64–125; Васюткин, 1980, с. 72–91; Тагиров, 2007, с. 89–110; Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004).

Основная часть работы выполнена по архивным данным (полевой и отчетной документации, археологическим коллекциям), хранящимся в фондах Института истории и культуры народов Приуралья Удмуртского государственного университета, Национального музея Удмуртской Республики им. Кузубая Герда², а также по отдельным публикациям мазунинских могильников. Характеристика кольчужных изделий (внешний диаметр колец, сечение и толщина проволоки, вид плетения, тип колец) составлена по материалам коллекций Тарасовского, Тураевского I, Боярского, Дубровского и Заборьинского могильников (30 погребений, 30,9%). В определении рассматриваемых находок по отчетной документации решающую роль играло



Рис. 2. Фрагменты накосного украшения кольчужного плетения из погребения 99 Дубровского могильника (железо).

Fig. 2. Details of chain mail headdress from the Dubrovskiy burial ground, grave 99 (iron).

качество фотоиллюстраций: характерное для кольчуг плетение колец удалось выявить в 42 погребениях (43,3%; в особо редких случаях установлен тип колец, как, например, в погр. 147 Покровского могильника). Остальные комплексы (25 погребений, 25,8%) включены в статистику по публикациям (это преимущественно могильники, расположенные на территории Башкирии, – Ангасякский, Старо-Муштинский и Старо-Кабановский).

Большинство исследованных предметов КП сильно корродировано, звенья их спеклись между собой (по этой причине комплексов с фрагментами кольчуг в мазунинских могильниках в действительности было намного больше, чем это отражено в статистике). Железная проволока колец имеет округлое, реже подпрямоугольное сечение толщиной 1–3 мм. Плетение стандартное – 1:4. Внешний диаметр колец – 0,7–1,2 см (в основном до 1,0 см) (рис. 2), без проведения специального металлографического исследования типы визуально трудноопределимы. Однозначно можно лишь диагностировать клепаные кольца фрагментов кольчуг, происходящих из погр. 147 Покровского и погр. 1 Усть-Сарапульского могильников (Останина, 1980, табл. VII: 10; 1997, рис. 26: 12; Водолаго, 1984, рис. 6). Следы клепки на остальных кольчужных фрагментах отсутствуют. Предположительно кольца были спаяны (James, 2004, p. 110) или

имели разомкнутые концы (Sim, Kaminski, 2012, p. 123), спекшиеся между собой (?). В могильниках, расположенных на территории Башкирии (Ангасяк, Старая Мушта), получены схожие результаты (Васюткин, 1980, с. 81–82; Тагиров, 2007, с. 91; Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004, с. 63). Кроме того, на некоторых изделиях прослежено чередование рядов железных и бронзовых колец (Останина, 1978, с. 98, табл. VI: 3; Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004, с. 63).

Целые экземпляры кольчуг в ареале мазунинских памятников обнаружены лишь в воинских захоронениях с импортным оружием: в погр. 1784 Тарасовского (Голдина, 2003, табл. 665–668: иллюстрации кольчуги отсутствуют; Голдина, 2004а, с. 272) и в захоронении кургана V Тураевского I³ могильников (Генинг, 1976, с. 67–72); в обоих погребениях имеются шлемы с остатками кольчужных бармиц. Тарасовская кольчуга выполнена из железных и бронзовых колец прямоугольного сечения, диаметром 1,5–1,6 см. На бронзовых звеньях имеются следы клепки⁴. Вероятно, кольчуга была повреждена в древности: в полевых условиях на ней были зафиксированы следы ремонта медной проволокой (Голдина, 2004а, с. 272). Кольца бармицы меньше, диаметром до 1,1 см, сечение их такое же подпрямоугольное. Кроме того, на внутренней стороне изделия фиксируется подкладка

из кожи (?). Схожие результаты имеются и для доспеха из Тураевского кургана: диаметр звеньев составляет 1,4–1,5 см, но сведения о типах колец отсутствуют. Бармица шириной не менее 12 см, нашитая на толстую кожу (!), изготовлена из колец диаметром 1,1 см; проволока звеньев толщиной 1 мм имеет круглое сечение (Генинг, 1976, с. 69–70).

Ближайшие параметры рассматриваемых доспехов (диаметр, сечение проволоки, тип и металлическая основа колец) встречаются и на кольчугах из азелинских воинских захоронений (Генинг, 1963, с. 73, рис. 38; Старостин, 2009, с. 27, рис. 43). По своим характеристикам такие «боевые» кольчуги заметно превосходят описанные выше находки из мазунинских погребений. Известно, что процесс изготовления доспехов с клепаными кольцами технологически сложен, сопоставим скорее с работой ювелира, нежели кузнеца, а «защитный индекс» выше по сравнению с кольчугами с разомкнутыми звеньями (Sim, Kaminski, 2012, р. 123, 132). При этом оба типа колец могли производиться в римских мастерских (Sim, Kaminski, 2012), хотя некоторые исследователи полагают, что техника изготовления кольчуг с разомкнутыми кольцами типична для Востока⁵ (особенно в Средневековье и в более позднее время) (James, 2004, р. 111).

Предметы КП в мазунинском погребальном обряде. Как было сказано выше, кольчужные изделия обнаружены в 97 мазунинских погребениях⁶. Антропологические определения имеются для 53 индивидуумов (54,6%) из пяти мазунинских могильников (Боярский, Дубровский, Тарасовский, Тураевский I, Покровский). Они свидетельствуют о том, что предметы КП сопровождают преимущественно женские захоронения всех возрастов – от 12–14 до 60 и старше лет (43 костяка, 81,1%). При этом половина всех случаев (22 костяка, 51,2%) приходится на возрастную группу молодых девушек от 12–14 до 18–20 лет (*juvenis*); женщины зрелого (*maturus*, 35–55 лет) и пожилого (*senilis*, старше 55 лет) возраста занимают в этой выборке меньшинство (всего 6 костяков, 14,0%). Скорее как исключение, изделия КП выявлены в пяти детских захоронениях в возрасте от 3-х до 10 лет (9,4%, Боярка 81Б, Тарасово 103, 116 и 783, Тураево 134) и в одном мужском погребении № 92 Покровского могильника (30–40 лет). Но при этом важно подчеркнуть, что состав этих погребальных комплексов, в том числе покровского «мужского» погребения, соответствует женскому погребальному

инвентарю, для которого характерны бабочковидные фибулы, наборные пояса, головные уборы, гривны, бусы и бисер, разные типы подвесок и пронизок и т. д. Такой же специфически «женский» набор предметов типичен и для части погребений, оставшейся по ряду причин без половозрастных определений (это справедливо и для пп. 185, 1027 Тарасовского, 33 Дубровского, 135 Покровского могильников с установленным возрастом). Выбываются из общей статистики лишь погр. 10 из Старо-Кабановского и погр. 2 кургана 5 Старо-Муштинского могильников, в комплексах которых присутствуют элементы мужского погребального инвентаря – копье, топор и удила.

Место предметов КП в погребении соответствует традициям и нормам мазунинского погребального обряда. Обнаружены они в составе жертвенных комплексов⁷, представляющих собой скопления личных вещей, уложенных в определенном месте при умершем (Останина, 1997, с. 25), – 43 костяка, 44,3%. Иногда такие наборы, вероятно, заменялись единичными вещами, которые, как и в случае с жертвенными комплексами, фиксируются не на костяке (2 случая, 2,1%). К примеру, в погр. 81Б Боярского могильника остатки кольчужного наконечника с вплетенными в него бронзовыми украшениями были найдены у ног ребенка; в погр. 1027 Тарасовского могильника кольчужная сеточка, прикрепленная к бабочковидной фибуле в качестве привески, обнаружена вместе с застежкой у черепа погребенной. В составе костюма (т. е. на костяке) предметы КП встречены в 36 случаях (37,1%). Оба варианта размещения таких изделий зафиксированы еще в шести мазунинских захоронениях (6,2%). В остальных случаях (10) позиция рассматриваемых предметов в погребениях остается неопределенной.

В мазунинском костюмном комплексе кольчужные изделия использовались по-разному. Один из вариантов – наконечники в виде мешочков, крепившиеся с различными подвесками, пронизками и цепочками к затылочной части головного убора (Останина, 1997, с. 36–37, рис. 72, 74; Красноперов, 2006, с. 85–86, табл. 27, 4; Голдина, Черных, 2017, рис. 3) (21 случай; рис. 3). В свое время Т.И. Останиной было учтено 60 экземпляров таких украшений, обнаруженных преимущественно в Покровском, Старо-Кабановском, Ангасякском и Усть-Сарапульском могильниках (1997, с. 36–37). А.А. Красноперовым изуче-

но свыше 30 мазунинских наконечников, в числе которых имеются находки из Тарасовского и Тураевского I могильников (2006, с. 87). К этой сводке можно добавить украшения из Боярского (п. 168) и Дубровского (пп. 98В, 99) могильников.

Стоит отметить, что внешний вид рассматриваемых комплектов вряд ли соответствовал азелинским наконечникам полукруглой формы, основа которых состояла из органических материалов – кожаных ремешков (Генинг, 1963, с. 54–55, рис. 23, 31; Останина, 1997, рис. 72, 74; Красноперов, 2006, табл. 27, 4). Вероятнее всего, форма мазунинского наконечника подчинялась, в первую очередь, размерам кольчужных фрагментов, которыми располагали мазунинские дамы, и напрямую зависела от свойств кольчужного полотна, производство которого в римский период имело свои отличительные особенности⁸. Это подтверждается конкретными находками наконечников подтреугольной, подпрямоугольной и конусообразной формы, обнаруженных *in situ* в пп. 135, 147 и 220 Покровского могильника (Останина, 1992, рис. 20: 5; 25: 2, 3). Такая же «геометрическая» (треугольная) форма расправленного (?) наконечного украшения с тканевой основой зафиксирована в жертвенном комплексе погр. 80 Ангасяжского могильника (Тагиров, 2007, с. 91, рис. 3: П–5; 12: 5).

Другой способ применения кольчужных изделий в мазунинском костюме связан с использованием их в качестве привесок к нагрудным украшениям (22 случая). Основой такого шумящего аксессуара являлась фибула или сюльгама, к игле или пружине которой подвешивались кольчужные привески вместе с различными подвесками, бисером, цепочками. Положение их относительно застежки варьирует: подвязывали привески только к одной (например, Тураево 135, 137; Тарасово 783, 1786) или к обеим сторонам фибулы (Тарасово 1691; Тураево 29, 66, 250; Нива 150А). В некоторых случаях кольчужные изделия могли нанизывать и на среднюю часть иглы, опуская вниз примерно по центру застежки (Тарасово 383, Тураево 134). В общих чертах описываемое составное шумящее украшение на женском платье выглядело следующим образом: фибулу (или сюльгаму), как правило, закрепляли по центру груди, а шумящие украшения свободно свисали приблизительно до уровня живота/тазовых костей, поскольку длина некоторых сохранившихся кольчужных экземпляров составляет 20–25 см: например,

в пп. 66, 101, 250 Тураевского I могильника (Голдина, Бернц, 2010, рис. 12: 2, табл. 49, 51, 74, 75, 174, 175).

Третий вариант размещения кольчужных изделий в погребениях довольно необычен. В него включены случаи с отдельными находками мелких или крупных фрагментов кольчуж, которые обнаружены на теле костяка вне какой-либо связи с застежками (или другими вещами), крепившими их к костюму (8 случаев). Некоторые из кольчужных фрагментов найдены в области грудной клетки или пояса (Тураево 14, 83 – мелкие фрагменты, 107 – 14,0×7,5 см; Старая Мушта, раскоп 1, погр. 4 – 22,0×10,0 см, Ангасяж 93 – ок. 15,0×7,0–8,0 см) и, очевидно, являются нагрудными (или наконечными?) украшениями. Другие зафиксированы на руках (Тураево 39 – ок. 70,0×10,0 см) или ногах умерших в виде вытянутых кольчужных «лент» (Покровский 147 и 199 – 50,0×7,0–10,0 см) рядом с наборными поясами. Объяснить значение указанных находок довольно трудно. Вполне вероятно, такие кольчужные полосы могли служить «шумящим» украшением к наборному поясу (по аналогии с кольчужными привесками к фибулам) либо нашиваться на одежду. Не исключено, что разложенные в погребениях крупные куски кольчуж укладывались в соответствии с традициями мазунинского погребального обряда, как и вытянутые вдоль тела наборные пояса.

Хронология мазунинских погребений с предметами КП. Рассматриваемые кольчужные изделия, судя по хронологическим выкладкам Т.И. Останиной, существовали в мазунинском обществе на протяжении IV–V вв. н. э. (1997, рис. 51: 39, 72, 74). Анализ инвентаря позволяет уточнить предложенную датировку.

«Ранних» наборов с бабочковидными фибулами Останина 1-2 (1997, рис. 51: 53) и поясной гарнитурой с раковинами и накладками типа Останина-1, Останина-3а (1997, рис. 51: 43, 49) в представленной выборке немного: пп. 130, 383, 783 Тарасовского и погр. 30 Заборьинского могильников. В этой группе впервые появляются характерные для «развитого мазунино» головные уборы в виде лент с бронзовыми пронизками-обоймами, украшенными выпуклыми полугорошинами (Тарасово, 383; Сабирова, 2019, рис. 49: 19). Датируются фибулы Останина 1-2 достаточно широко – IV в. н. э. (Останина, 1997, рис. 51: 53; Голдина, Бернц, 2017, с. 55, рис. 4: 30), однако инвентарь погребений с данными

застежками тяготеет к более раннему периоду – ко 2-й пол. III в. или к рубежу III–IV вв. (Голдина, Бернц, 2017, рис. 3, 6; Сабирова, 2019, с. 44, 45).

Остальные наборы в рассматриваемой выборке отнесены к «поздней» хронологической группе, для которой характерны различные типы местных фибул: Останина 1-3, 1-4, 1-5 (примеч. 9) (1997, рис. 51: 5, 24, 25. примечания 9), Останина-2 (1997, рис. 51: 23; Сабирова, 2019, с. 22, рис. 25: 2, 26–29), Останина-3 (1997, рис. 51: 22; Сабирова, 2019, с. 22–23, рис. 30–31), «трехщитковые» (Сабирова, 2019, с. 23, рис. 32). С данными застежками встречаются головные уборы с описанными выше пронизками-обоймами, которые украшались бляшками полусферической формы (Останина-26; 1997, рис. 51: 29). Такими изделиями вместе с нанизанными на кожаный шнур кольцеобразными пронизками Останина 1-5 (1997, рис. 51: 2) нередко оформляли рукава верхней (или нижней) одежды (Красноперов, 2006, с. 181, 182). Для данного периода характерны ножны типа Останина-3 (1997, рис. 51: 14), железные и бронзовые шейные пластинчатые гривны (Сабирова, 2019, рис. 53: 9, 13), гривны с ромбическим сечением (Сабирова, 2019, рис. 53: 5), пронизки-медведи и пронизки-уточка (Останина, 1997, рис. 51: 6), а также некоторые другие категории вещей.

Поясные и обувные наборы местного производства отличаются многообразием типов накладок (Останина, 1997, рис. 51: 1, 4, 7, 10, 48, 84). Железные щитковые пряжки имеют прямоугольные или зауженные к центру щитки, овальные или В-образные рамки (Останина, 1997, рис. 51: 42, 64). Наконечники ремней прямоугольные, с выемками по бокам (1997, рис. 51: 57) или «наборные», состоящие из нескольких пластин, согнутых пополам (1997, рис. 12: 15). Особенностью данного периода можно считать соединение железа и цветных металлов при изготовлении поясной гарнитуры и местных типов фибул, которые активно начинают украшаться бронзовыми штифтами-полугорошинами (прием, который широко распространяется на позднесарматской поясной гарнитуры в конце III – первых десятилетиях IV в.; Малашев, 2000, с. 201, 207).

Хроноиндикаторами в данных комплексах выступают поясные наборы из цветных металлов, аналогичные некоторым позднесарматским образцам: типы П9, П10, Н10 по В.Ю. Малашеву (2000, с. 196, 197, 201, 202).

Это пряжки с овальными щитками, которые имеют фасетированные или гладкие язычки с низкими уступами у основания сзади (П9): Покровское 109В, 125, 147, 149, 314; Тураево 39, 204; Дубровский 203; Тарасово 169А, Старо-Кабаново 35, 36, 69), а также пряжки с более массивными язычками, охватывающими рамку до середины ее сечения, с высокими уступами/рельефными выступами у оснований язычков (П10): Покровское 109В, Старо-Кабаново 80, 107, 135). В позднесарматских комплексах подобная поясная гарнитура встречается с кон. III в. и до сер. IV в. н. э. (Малашев, 2000, с. 205–207, рис. 2). Пряжки типа П10 доживают и до раннего V в. (Малашев, 2000, с. 203–205, рис. 2).

Из «поздних» погребений происходят находки импортных фибул. В погребении 3 кургана 15 Старо-Муштинского могильника обнаружена двучленная прогнутая подвязная фибула типа Амброз 16/2-1-3 длиной до 7,0 см (Амброз, 1966, с. 64–66). По мнению О.А. Гей и И.А. Бажана, такие застежки в черняховских могильниках существуют на протяжении периодов 3 (310–350 гг.) и 4 (350–375 гг.) (1997, с. 43, 44, табл. 71). Е.Л. Гороховский относит их к фазам 4, 5 (тип Б36, 350–400, 375/380–420/430 гг.), а О.В. Шаров датирует горизонтом 3 (тип 3, 310/320–350/360 гг.) (Гороховский, 1988, с. 35, 44–45; Шаров, 1992, с. 183, 197, 198, табл. VIII, IX). Из погребения 125 Покровского могильника происходит «Т-образная» фибула (по определению Т.М. Сабировой, тип Корзухина IV–1: 2019, с. 26), которая по разработкам Е.Л. Гороховского, А.И. Кубышева, Р.В. Терпиловского может датироваться в рамках 1-й пол. IV в. н. э. (1999, с. 145).

Таким образом, исходя из анализа закрытых комплексов погребений с предметами КП, можно сделать вывод о том, что рассматриваемые изделия являются неотъемлемой частью женского костюмного комплекса периода «развитого (позднего) мазунино». Однако первый опыт их использования в среднекамском уборе соотносится с началом выхода из употребления «ранней» группы вещей и, вероятно, приходится на рубеж III–IV вв. или на ранний IV век (?). Тогда как основной массив рассматриваемых находок, учитывая датировки импортных изделий (или местных образцов, копирующих импорты) и имеющиеся радиоуглеродные даты (погр. 176 Боярского могильника), попадает в закрытые комплексы только в IV в. н. э. (возможно, во 2-й четв. IV–нач. V в.).



Рис. 3 Фиксация накосного кольчужного украшения *in situ* в погребении 99 Дубровского могильника.
Фото Е.М. Черных

Fig. 3. Chain mail headdress from the Dubrovskiy burial ground. Fragment of grave 99 *in situ*
(photo by E.M. Chernykh)

Выводы. Кольчужные изделия в мазунинском женском уборе финала раннего железного века представляют собой яркий пример вторичного использования вещей, распространенных в инокультурной среде в качестве защитных элементов воинской субкультуры – кольчужных доспехов *lorica hamata*. Оказавшись в мазунинском обществе в начале IV в. н. э. (?), данные предметы не были востребованы по их прямому назначению, но оказались творчески переосмыслены и включены в состав женского костюма (то же на тысячелетие произошло с русскими монетами) преимущественно в качестве элементов головных уборов (накосников) или шумящих нагрудных украшений.

В синхронных лесных культурах Волго-Камья аналогичное использование изделий КП пока не зафиксировано (нет здесь и такого количества фрагментов кольчуг, которое демонстрируют среднекамские могильники). Близкие культурные параллели обнаружены за тысячи километров от Среднего Прикамья, в ареале пшеворской (Czarnecka, 1994, р. 245–253) и черняховской культур (Гопкало, Тылищак, с. 86–87), а также в могильниках крымских предгорий (Храпунов, 2010, с. 459–462). Разрозненные фрагменты кольчуг здесь фиксируются в женских (и/или в детских) захоронениях, но датируются

разным временем: в пшеворской культуре – 2-й пол. II – ранним III в. (Czarnecka, 1994, р. 246; Kontny, 2016, р. 170–171), в крымских могильниках – II – 1-й пол. III в. н. э. (Храпунов, 2010, с. 460), в черняховской культуре – IV в. н. э. (Гопкало, Тылищак, 2010, с. 86–87).

Столь близкие аналогии в использовании фрагментов кольчуг мазунинским населением с одной стороны и германским миром с другой вполне можно объяснить контактами, характер которых пока не совсем ясен. Не исключено, что доступ к кольчужным доспехам мог быть открыт во время какого-то значимого события (война, военный поход – ?), которое вряд ли напрямую затронуло мазунинское общество, но имело непосредственное отношение к участникам тех событий – потенциальным «партнерам» мазунинцев. Очевидно, будет уместным представить мнение польских археологов, которые считают, что изготовление кольчужных украшений в пшеворской культуре стало возможным в ходе Маркоманских войн, когда римская кольчуга стала доступна населению (Kontny, 2016, р. 184). В любом случае, интерпретация столь удивительного культурного явления на берегах Средней Камы, далеких от основных событий эпохи Переселений, еще ждет своего часа.

Примечания:

¹ Отчасти эта работа проделана башкирскими археологами на материалах Ангасякского и Старо-Муштинского могильников (Васюткин, 1980, с. 81–82; Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004, с. 63; Тагиров, 2007, с. 91).

² Выражаю искреннюю благодарность к. и. н., профессору УдГУ Е.М. Черных за возможность использования в настоящем исследовании архивных материалов Дубровского и Боярского могильников, а также публикации накосного украшения из погребения 99 Дубровского могильника. Автор также признателен ученому секретарю БУК УР «Национальный Музей УР» Ю.А. Перевозчикову за возможность работать с архивными фондами музея.

³ Мелкие фрагменты кольчуги найдены в разграбленных курганах VI и VIII этого же некрополя. На шлеме из погребения 1а кургана VII имеется кольчужная бармица длиной 18–20 см с диаметром колец 1,3–1,5 см (Генинг, 1976, с. 73–76, рис. 18).

⁴ Описание данной кольчуги приведено в работе А.П. Зыкова (2016, с. 225). Повторный осмотр изделия позволил уточнить размеры и сечение проволоки колец.

⁵ Реальные находки кольчужных доспехов на территории Римского Востока или Сасанидской Империи практически отсутствуют, за исключением прекрасно сохранившихся артефактов из знаменитой крепости Дура-Эвропос (Сирия), захваченной в 256 г. войсками Сасанидов. Здесь обнаружены различные фрагменты кольчуг (в том числе целая кольчужная рубашка «персидского» воина) «тонкого» плетения: проволока звеньев имеет округлое или прямоугольное сечение, диаметр колец варьируется от 0,6 до 1,0 см. Явно клепаных колец здесь не обнаружено, хотя металлографического исследования кольчуг не проводилось. (James, 2004, p. 110–111, 116).

⁶ Боярка (81Б, 89, 168), Тарасово (103, 116, 130, 136, 169А, 185, 223, 383, 392, 783, 1027, 1691, 1760, 1786, 1792), Тураево I (12, 14, 29, 39, 66, 73, 83, 101, 107, 134, 135, 137, 204, 222, 250, 257), Дубровский (33, 63, 98В, 99, 136, 168, 175, 203), Усть-Сарапулка (1, 38, 45, 52), Ижевск (96), Нива (150А), Заборье (30), Старо-Кабаново (10, 35, 36, 40, 69, 80, 81, 92, 98, 107, 135), Ангасяк (4, 10, 13, 17, 18, 49, 64, 80, 82, 93), Покровское (60, 71, 92, 94, 95, 109В, 125, 135, 147, 149, 199, 220, 247, 253, 258А, 296, 303, 313, 314, 317, 322, 330, 338), Старая Мушта (к. 2 погр.5, к. 15 погр. 3, к. 17 погр. 1, раскоп 1 погр. 4).

⁷ Р.Д. Голдиной такие комплекты вещей названы «подарочными наборами» и определяются как подарки «умершей жене, невесте, мужу, сыну для загробной жизни» (2004б, с. 209).

⁸ Техника изготовления кольчуг римского времени существенно отличается от изделий позднего Средневековья и раннего Нового времени. Конструкция наиболее сохранившегося экземпляра II – начала III в. из Вимосе (Vimose, Дания) довольно проста, имеет явные параллели с широко распространенным типом одежды того периода – римской туникой: полотно кольчуги прямоугольное, имеет одинаковую ширину сверху, в центре и внизу, разрезы по подолу и горизонтальную щель в качестве выреза горловины, а также некоторые другие признаки, отличные от кольчужных доспехов эпохи Средневековья и раннего Нового времени. Изготовление последних отличается разнообразием приемов и техник (например, использование треугольных вставок для расширения/стягивания кольчужной одежды, изменение размеров колец для регулирования веса, размещение кольчужного полотна под углом вокруг подмышек), о которых в римское время практически ничего не было известно (отсутствуют данные приемы и на кольчуге из Вимосе) (подробнее: Wijnhoven, 2015, pp. 555–563).

⁹ Данный тип фибулы обнаружен в погр. 176 Боярского могильника, для которого имеется калиброванная радиоуглеродная дата (Le-8529) – 341–414 AD (62,1%), 318–430 AD (77,6%) (Черных, Хайруллина, 2018, рис. 1: 3).

ЛИТЕРАТУРА

Амброз А.К. Фибулы Юга Европейской части СССР. III в. до н. э. – IV в. н. э. / САИ. Вып. Д1-30. М.: Наука, 1966. 142 с.

Арма́тынская О.В. Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века / Отв. ред. А.А. Тронин. Устинов: Удмуртский университет, 1986. С. 26–46.

Бернц В.А. К вопросу о традиционных элементах погребального обряда финно-угорского населения эпохи великого переселения народов Удмуртского Прикамья (по материалам Заборьинского грунтового могильника) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдГУ, 2006. С. 351–390.

Васюткин С.М. Ангасякский могильник – ранний памятник бахмутинской культуры // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: УдГУ, 1980. С. 72–91.

Васюткин С.М., Останина Т.И. Старо-Кабановский могильник – памятник мазунинской культуры в Северной Башкирии // Вопросы истории и культуры Удмуртии / Сост., науч. ред. Т.И. Останина. Устинов: Удмуртия, 1986. С. 64–125.

Водолаго Н.В. Отчет об исследованиях Усть-Сарапульского могильника в Сарапульском районе Удмуртской АССР в 1983 году / Архив ИИКНП. Ф.2. Д. 175.

Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа) / Науч. ред. М.Б. Щукин. М.: Наука, 1997. 144 с.

Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв.: очерки истории Вятского края в эпоху переселения народов / ВАУ. Вып. 5. Ижевск, 1963. 195 с.

Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (захоронение военачальников) // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. С. 67–72.

Голдина Е.В., Черных Е.М. Бусы Дубровского могильника IV–V вв. в Среднем Прикамье: классификация и использование // Поволжская археология. 2017. № 1(19). С. 238–256.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II / МИКВАЭ. Т. 11. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. I / МИКВАЭ. Т. 10. Ижевск: Удмуртия, 2004а. 318 с.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский университет, 2004б. 464 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) // МИКВАЭ. Т. 17. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. 499 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология женских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2017. № 2(20). С. 42–72.

Гопкало О.В., Тылицак В.С. Римские импорты из металла на могильнике Чернелив-Русский // Германия–Сарматия. Выпуск II / Ред. О.А. Щеглова и др. Курск; Калининград: Калининградский областной историко-художественный музей; Курский государственный областной музей археологии, 2010. С. 79–95.

Гороховский Е.Л. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов / Глава ред. кол. Б.А. Рыбаков. Киев: Наукова думка, 1988. С. 34–46.

Гороховский Е.Л., Кубышев А.И., Терпиловский Р.В. Украшения круга выемчатых эмалей из села Воронькив на Киевщине // Сто лет черняховской культуре / Отв. ред. М.Е. Левада. Киев: ИА НАН Украины, 1999. С. 145–149.

Зыков А.П. Защитное вооружение Тарасовского могильника (шлемы и доспехи) // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: Удмуртский университет, 2016. С. 223–225.

Красноперов А.А. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье (II в. до н. э. – V в. н. э.). Дисс... канд. ист. наук. Ижевск, 2006. 269 с.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1 / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–232.

Останина Т.И. Нивский могильник // Материалы к ранней истории населения Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: Удмуртия, 1978. С. 92–118.

Останина Т.И. Отчет о раскопках Покровского могильника (дер. Сизяшур Мало-Пургинского района УАССР), проведенных летом 1980 года / НА БУК УР «Национальный Музей УР». № 547а.

Останина Т.И. Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии // Поиски, исследования, открытия / Науч. ред. Т.И. Останина. Ижевск: Удмуртия, 1984. С. 26–92.

Останина Т.И. Покровский могильник IV–V вв.. Каталог археологической коллекции. Ижевск: б/и, 1992. 93 с.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.

Сабирова Т.М. Фибулы Среднего Прикамья первой половины I тыс. н. э. Ижевск: Шелест, 2019. 238 с.

Старостин П.Н. Рождественский V могильник / Археология евразийских степей. Вып. 9. Казань: ИИ АН РТ, 2009. 144 с.

Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.И., Юсупов Р.М. Приуралье в эпоху великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник). Уфа: ГУП «Уфимский полиграфкомбинат», 2004. 172 с.

Тагиров Ф.М. Новые исследования Ангасякского могильника // УАВ. 2007. № 6–7. С. 89–110.

Черных Е.М., Хайруллина О.Ф. Боярский («Арай») могильник – новый памятник эпохи великого переселения народов в Прикамье // Археология Евразийских степей. 2018. № 1. С. 86–106.

Храпунов Н.И. Изделия, сплетенные из железных колец // Боспорские исследования. 2010. № 23. С. 459–462.

Шаров О.В. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской культуры // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени / Ред. М.Б. Щукин, О.А. Гей. СПб: Ойум, 1992. С. 158–207.

Czarnecka K. The reuse of Roman military equipment in barbarian context. A chain-mail souvenir? // Journal of Roman Military Equipment Studies. 1994. Vol. 5. 245–253.

James S. The excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters 1928 to 1937. Final Report VII. The Arms and Armour and other Military Equipment. London: The British Museum Press, 2004. 304 p.

Kontny B. Przeworsk culture society and its long-distance contacts, AD 1–350 // Past Societies. Vol. 4 / Ed. A. Rzeszotarska-Nowakiewicz. Warszawa: Institute of Archaeology and Ethnology, Polish Academy of Sciences, 2016. P. 164–216.

Sim D., Kaminski J. Roman imperial armour: the production of early imperial military armour. Oxford: Oxbow Books, 2012. 201 p.

Wijnhoven M.A. Laid out Flat: Mail Making in the Roman Period // Limes XXIII: proceedings of the 23rd International Congress of Roman Frontier Studies Ingolstadt 2015 / Eds. Sommer C. Sebastian, Matešić Suzana. Mainz: Nünnerich-Asmus Verlag, 2018. P. 555–563.

Информация об авторе:

Хайруллина Ольга Фаридовна, аспирант кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии, Институт истории и социологии, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); olenbka93@bk.ru

REFERENCES

Ambroz, A. K. 1966. *Fibuly Iuga Evropeiskoi chasti SSSR. III v. do n.e. – IV v. n.e. (The Fibulae from South of the USSR European part)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources). D1–30. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Armatynskaia, O. V. 1986. In Tronin, A. A. (ed.). *Priural'e v drevnosti i srednie veka (Cis-Urals in Antiquity and Middle Ages)*. Ustinov: Udmurt State University, 26–46 (in Russian).

Bernts, D. G. 2006. In Goldina, R. D. (ed.). *Vzaimodeistvie narodov Evrazii v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Interaction of Eurasian Peoples in the Great Migrations Age)*. Izhevsk: Udmurt State University, 351–390 (in Russian).

Vasiutkin, S. M. 1980. In Gening, V. F. (ed.). *Pamiatniki epokhi srednevekov'ia v Verkhnem Prikam'e (Medieval Sites in the Upper Kama Area)*. Izhevsk: Udmurt State University, 72–91 (in Russian).

Vasiutkin, S. M., Ostanina, T. I. 1986. In Ostanina, T. I. (ed.). *Voprosy istorii i kul'tury Udmurtii (Issues of History and Culture of Udmurtia)*. Ustinov: Udmurtia, 64–125 (in Russian).

Vodolago, N. V. 1983. *Otchet ob issledovaniiakh Ust'-Sarapul'skogo mogil'nika v Sarapul'skomskom raione Udmurtskoi ASSR v 1983 godu (Report on the Studies of the Ust-Sarapul Murial Ground in the Sarapul District of the Udmurt ASSR in 1983)*. Archive of the Institute of the History and Culture of the Cis-Ural Peoples at the Udmurt State University. Fund 2, dossier 175 (in Russian).

Gaj, O. A., Bažan, I. A. 1997. *Khronologiiia epokhi «got'skikh pokhodov» (na territorii Vostochnoi Evropy i Kavkaza) (Chronology of the Epoch of “Gothic Raids” (on the Territory of Eastern Europe and Caucasus))*. Moscow: “Nauka” Publ., (in Russian).

Gening, V. F. 1963. *Azelinskaia kul'tura III–V vv. Oчерки istorii Viatskogo kraia v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Azellino Culture of 3rd – 5th Centuries: Essays on History of the Vyatka Area in the Great Migrations)*. Series: Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural) 5. Izhevsk (in Russian).

Gening, V. F. 1976. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz arkheologii Volgo-Kam'ia (From the Volga-Kama Archaeology)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 67–72 (in Russian).

Goldina, E. V., Chernykh, E. M. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 19 (1), 238–256 (in Russian).

Goldina, R. D. 2003. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of 1st–5th Centuries in the Middle Kama Region) II*. Izhevsk: “Udmurtia” Publ. (in Russian).

Goldina, R. D. 2004. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of 1st – 5th centuries in the Middle Kama Region) 1*. Izhevsk: “Udmurtia” Publ. (in Russian).

Goldina, R. D. 2004b. *Drevniaia i srednevekovaia istoriia udmurtskogo naroda (Antique and Medieval History of the Udmurt People)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2010. *Turaevskii I mogil'nik – unikal'nyi pamiatnik epokhi velikogo pereseleniia narodov v Srednem Prikam'e (beskurgannaia chast') (Turaevo I Burial Ground, the Unique Site of the Great Migrations in the Middle Kama Area (the Part without Kurgans))*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 17. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 20 (2), 42–72 (in Russian).

Gopkalo, O. V., Tylishchak, V. S. 2010. In Shcheglova, O. A. et al. (eds.). *Germaniia–Sarmatiia (Germania – Sarmatia) 2*. Kursk, Kaliningrad: Kaliningrad Regional History and Art Museum; Kursk State Regional Museum of Archaeology, 79–95 (in Russian).

Gorokhovskii, E. L. 1988. In Rybakov, B. A. (ed.). *Trudy V Mezhdunarodnogo kongressa arkheologov-slavistov (Proceedings of the 5th International Congress of Slavist Archaeologists)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ., 34–46 (in Russian).

Gorokhovskii, E. L., Kubyshev, A. I., Terpilovsky, R. V. 1999. In Levada, M. E. (ed.). *Sto let cherniakhovskoi kul'ture (The Hundredth Anniversary of Chernyakhov Culture)*. Kiev: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, 145–149 (in Russian).

Zykov, A. P. 2016. In Chernykh, E. M. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Urala: ot pervykh otkrytii k fundamental'nomu nauchnomu znaniuu (XX Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie): Materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoi konferentsii (Archeological heritage of the Urals: from the first discoveries to fundamental scientific knowledge (XX Ural archeological meeting): The materials of all-Russia (with international participation) scientific conference)*. Izhevsk: Udmurtia University, 223–225 (in Russian).

Krasnopeorov, A. A. 2006. *Kostium naseleniia chegandinskoi kul'tury v Prikam'e (II v. do n.e. – V v. n.e.) (Costume of Residents of the Cheganda Culture in the Kama River Basin (2nd Century BC – 5th Century AD))*. PhD Diss. Izhevsk (in Russian).

Malashev, V. Yu. 2000. In Guguev, Yu. K. (ed.). *Sarmaty i ikh sosedi na Donu (Sarmatians and Their Neighbors on the Don)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Dona (Materials and Research of the Don Archaeology) I. Rostov-on-Don: "Terra" Publ., 194–232 (in Russian).

Ostanina, T. I. 1978. In Ivanova, M. G. (ed.). *Materialy k rannei istorii naseleniia Udmurtii (Materials for the Early History of Population of Udmurtia)*. Izhevsk: "Udmurtiia" Publ., 92–118 (in Russian).

Ostanina, T. I. 1980. *Otchet o raskopkakh Pokrovskogo mogil'nika (der. Siziashur Malo-Purginskogo raiona UASSR), provedennykh letom 1980 goda (Report on the Excavations of Pokrovsky Burial Ground (Sizyashur Village of the Malopurginsky District of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic) in the Summer of 1980)*. Scientific Archive of the National Museum of the Udmurt Republic. Inv. no. 547a. (in Russian).

Ostanina, T. I. 1984. In Ostanina, T. I. (ed.). *Poiski, issledovaniia, otkrytiia (Searches, Studies, Discoveries)*. Izhevsk: "Udmurtiia" Publ., 26–92 (in Russian).

Ostanina, T. I. 1992. *Pokrovskii mogil'nik IV-V vv. (Pokrovsky Burial Ground of the 4th-5th Centuries.)*. Izhevsk (in Russian).

Ostanina, T. I. 1997. *Naselenie Srednego Prikam'ia v III–V vv. (Population of the Middle Kama Region in 3rd – 5th Centuries AD)*. Izhevsk: Udmurt Institute of the History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Sabirova, T. M. 2019. *Fibuly Srednego Prikam'ia v pervoi polovine I tys. n.e. (Fibulae of the Middle Kama Area in the First Half of I Millennium AD)*. Izhevsk: "Shelest" Publ. (in Russian).

Starostin, P. N. 2009. *Rozhdestvenskii V mogil'nik (Rozhdestveno 5th Burial Ground)*. Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 19. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Sungatov, F. A., Garustovich, G. I., Iusupov, R. M. 2004. *Priural'e v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Staro-Mushtinskii kurganno-gruntovyi mogil'nik) (Cis-Urals Area during the Great Migrations: Staraya Mushta Burial Ground)*. Ufa: "Ufimskii poligrafkombinat" Publ. (in Russian).

Tagirov, F. M. 2007. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* (6–7), 89–110 (in Russian).

Chernykh, E. M., Khairullina, O. F. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 86–106 (in Russian).

Kharpunov, N. I. 2010. In *Bosporskie issledovaniia (Bosporan Studies)* 23, 459–462 (in Russian).

Sharov, O. V. 1992. In Shchukin, M. B., Gaj, O. A. (eds.). *Problemy khronologii epokhi latena i rimskogo vremeni (Issues of Chronology of La Tène and Roman Period)*. Saint Petersburg: "Oium" Publ., 158–207 (in Russian).

Czarnecka, K. 1994. In *Journal of Roman Military Equipment Studies*. 5, 245–253.

James, S. 2004. *The excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters 1928 to 1937. Final Report VII. The Arms and Armour and other Military Equipment*. London: The British Museum Press.

Kontny, B. 2016. In Rzeszotarska-Nowakiewicz, A. (ed.). In *Past Societies*. Vol. 4. Warszawa: Institute of Archaeology and Ethnology, Polish Academy of Sciences, 164–216 (in English).

Sim, D., Kaminski, J. 2012. *Roman imperial armour: the production of early imperial military armour*. Oxford: Oxbow Books.

Wijnhoven, M. A. 2018. In Sommer C. Sebastian, Matešić Suzana (eds.). In *Limes XXIII: proceedings of the 23rd International Congress of Roman Frontier Studies Ingolstadt 2015*. Mainz: Nünnerich-Asmus Verlag, 555–563.

About the Author:

Khairullina Olga F. Udmurt State University, Institute of History and Sociology. Universitetskaya St., 1 building 2, Izhevsk, 426034, Russian Federation; olenbka93@bk.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2021 г.

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ И ПАЛЕОПАТОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ РУБЕЖА ЭПОХ ПО МАТЕРИАЛАМ ИЖЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА¹

© 2021 г. **Е.В. Волкова, И.Р. Газимзянов, К.В. Кирягин, В.А. Калянов**

Статья посвящена изучению краниологических материалов Ижевского могильника. В распоряжении исследователей была серия из 19 мужских и 26 женских черепов. Мужские черепа суммарно характеризуются как долихо-мезокранные с низкой высотой свода и умеренным развитием мышечного рельефа в области затылка и лба. Лицевой скелет – среднеширокий и средневвысокий, по пропорциям – мезенный. В общей вертикальной проекции лицо мезогнатно, а в альвеолярной - прогнатно. В целом мужские черепа Ижевского могильника относятся к европеоидным формам, но с нерезко выраженными признаками, что может указывать на присутствие в серии монголоидного компонента. Женские черепа, с учетом полового диморфизма, мало чем отличались от мужских за исключением меньшего угла выступания носа, что может указывать на более выраженный монголоидный компонент. Краниологическая серия Ижевского могильника, независимо от половой принадлежности, суммарно характеризуется как европеоидная, но с включением некоторой доли монголоидной примеси, которая больше всего выявляется в женской ее части. Серия из Ижевского могильника, по своим морфологическим особенностям – удлиненная форма черепа, узкое и средневвысокое лицо в сочетании с умеренной горизонтальной профилировкой и средним выступанием носовых костей – входит в круг поволжско-приуральских серий эпохи рубежа эр, которые представляют в антропологическом плане население пьяноборской, мазунинской, карабызской, азелинской, гляденовской и бахмутинской культур. Вероятно, формирование физического облика данного населения проходило на общей морфологической основе (европеоидной, в целом), что, впрочем, не исключает генетического влияния отдельных «южных» европеоидных и более монголоидных «восточных» групп. Палеопатологический анализ останков Ижевского могильника позволил зафиксировать и охарактеризованы травмы, которые были обнаружены на четырех черепках (9,5%) и восьми скелетах (11%). Остеомаляция и встречаемость маркёров физиологического стресса (в половине случаев) свидетельствуют о неблагоприятных условиях жизни популяции, захороненной в Ижевском могильнике.

Ключевые слова: физическая антропология, краниология, травма, маркёры физиологического стресса, возрастные изменения скелета, патология, Ижевский могильник, формирование физического облика населения, мазунинская археологическая культура, Нижнее Прикамье.

PALEOANTHROPOLOGICAL AND PALEOPATHOLOGICAL STUDY OF THE LOWER KAMA BASIN POPULATION OF TURN OF THE ERAS ACCORDING TO THE MATERIALS OF IZHEVSK BURIAL GROUND²

E.V. Volkova, I.R. Gazimzyanov, K.V. Kiryagin, V.A. Kalyanov

The article is dedicated to a study of craniological materials from Izhevsk burial ground. The researchers had at their disposal a series of 19 male and 26 female skulls. The male skulls are generally characterized as dolicho-mezokranial with a low arch height and moderate development of muscle relief in the neck and forehead. The facial skeleton is medium-wide, medium-high, and medium in terms of proportion. In the general vertical projection, the face is mesognathic, and in the alveolar projection - prognathic. Overall, the male skulls from Izhevsk burial ground belong to caucasoid forms, but with non-moderate features, which may indicate the presence of a mongoloid component. The female skulls, with due account of sexual dimorphism, were not much different from the male skulls, with the exception of a smaller protruding angle of the nose, which can indicate a more pronounced mongoloid component. The craniological series of the Izhevsk burial ground, regardless of gender, is summarized as Caucasoid, but with the inclusion of a certain portion of Mongoloid im-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ИА (2019-2021) по теме 2.2 «Культурные и хронологические группы оседлого населения лесостепной зоны Поволжья и Прикамья в первой половине – середине I тысячелетия н.э.»

² The work was carried out within the framework of the state task of the IA (2019-2021) on the topic 2.2 " Cultural and chronological groups of the sedentary population of the forest-steppe zone of the Volga and Kama regions in the first half – middle of the first millennium AD.»

purity, which is most pronounced in its female portion. The series from Izhevsk burial ground, according to its morphological features - an elongated skull, narrow and medium-high face combined with moderate horizontal profiling and medium protrusion of the nasal bones is included in the Volga-Ural series of the turn of the epochs, which anthropologically represent the population of the Pyany Bor, Mazunino, Kara-abyz, Azelino, Gladenovo and Bakhmutino cultures. Probably, the formation of the physical appearance of this population took place on a common morphological basis (Caucasoid as a whole), which, however, does not exclude the genetic influence of individual "southern" Caucasoid and more Mongoloid "eastern" groups. A paleo-pathological analysis of the remains of the finds from Izhevsk burial ground has allowed to trace and characterize trauma on 4 skulls (9.5%) and 8 skeletons (11%). The osteomalacia and occurrence rate of physiological stress markers (in half of the cases) indicate severe living conditions of the population buried at Izhevsk burial ground.

Keywords: physical anthropology, craniology, trauma, the physiologic stress markers, age-related skeletal changes, pathology, Izhevsk burial ground, formation of the physical appearance of the population, Mazunino archaeological culture, Lower Kama Region.

Ижевский могильник был обнаружен весной 1957 года случайно местными жителями. Несколько вещей были найдены детьми на ул. Безымянной г. Ижевска. Осенью того же года силами студентов Удмуртского государственного педагогического института под руководством В.Ф. Генинга была вскрыта площадь 225 кв. м, где было обнаружено 38 погребений. Их культурная принадлежность была определена В.Ф. Генингом как мазунинская, могильник датирован IV–V вв. н. э. Для

последующего изучения памятника в 1975 году раскопки могильника были продолжены экспедициями Республиканского краеведческого музея и Удмуртского государственного университета под руководством Т.И. Останиной. На вскрытой площади в 1301 кв. м было обнаружено 173 погребения. Могильник расположен на невысоком плоском мысу левого берега реки Иж, ныне Ижевского пруда (ул. Безымянная). С южной стороны площадка могильника была окаймлена оврагом, по

Некоторые краниометрические параметры серии мужских черепов Ижевского могильника
Cranio-metric parameters of the series of male skulls from Izhevsk burial ground

Таблица 1.

Table 1.

Признак	N	X	S
1. Продольный диаметр	16	187.5	7.11
8. Поперечный диаметр	17	141.6	4.90
17. Высотный диаметр	13	133.5	6.33
9. Наименьшая ширина лба	24	96.2	3.97
45. Скуловой диаметр	19	135.5	3.78
48. Верхняя высота лица	24	72.3	4.12
55. Высота носа	24	50.9	3.79
54. Ширина носа	23	25.1	1.65
51. Ширина орбиты от mf.	24	41.0	1.68
52. Высота орбиты	24	32.9	3.19
77. Назомалярный угол	20	140.6	5.53
Zm. Зигомакилярный угол	19	129.8	3.25
SS. Симотическая высота	17	4.2	1.07
DS. Дакриальная высота	14	12.3	0.99
Глубина клыковой ямки (мм)	23	4.4	2.01
32. Угол лба	18	85.1	5.58
72. Общий лицевой угол	17	84.4	4.44
74. Альвеолярный угол	16	80.7	6.49
75(1). Угол носа	13	27.2	4.60
8 : 1. Черепной указатель	14	75.4	3.83
17 : 1. Высотно-продольный указатель	13	71.2	3.14
17 : 8. Высотно-поперечный указатель	11	85.3	28.22
9 : 8. Лобный указатель	14	68.2	1.89
48 : 45. Верхне-лицевой указатель	18	53.0	3.50
54 : 55. Носовой указатель	23	49.2	3.80
52 : 51. Орбитный указатель	24	78.5	9.57
SS SC. Симотический указатель	17	47.2	9.54
DS DC. Дакриальный указатель	14	56.8	6.89

дну которого протекал родник, впадающий в пруд, а с севера – поймой реки Подборенки (рис. 1) (Генинг, 1967; Останина, 1984).

Антропологические материалы Ижевского могильника ранее исследовались Фаттаховым Р.М. (1981). Краниологическая серия Ижевского могильника представлена 50 черепами, 19 из которых отнесены к мужским, 26 – к женским, 5 черепов принадлежат индивидам детской возрастной группы. На данный момент антропологические материалы

могильника находятся на хранении в Институте археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Республика Татарстан).

Было проведено краниологическое исследование серии черепов в соответствии с принятыми в отечественной антропологии методиками (Алексеев, Дебеч, 1964).

Мужские черепа суммарно характеризуются как долихо-мезокранные с низкой высотой свода и умеренным развитием мышечного рельефа в области затылка и лба (табл. 1).

Таблица 2.

Некоторые краниометрические параметры серии женских черепов Ижевского могильника

Craniometric parameters of the series of female skulls from Izhevsk burial ground

Table 2.

Признак	N	X	S
1. Продольный диаметр	13	179.6	5.11
8. Поперечный диаметр	14	132.7	5.90
17. Высотный диаметр	11	129.7	4.96
9. Наименьшая ширина лба	16	93.8	3.28
45. Скуловой диаметр	13	124.6	4.29
48. Верхняя высота лица	18	66.2	3.10
55. Высота носа	18	46.3	2.68
54. Ширина носа	18	25.8	2.05
51. Ширина орбиты от mf.	17	40.4	1.33
52. Высота орбиты	17	32.2	2.02
77. Назомалярный угол	14	142.1	5.15
Zm. Зигомакилярный угол	12	128.8	4.35
SS. Симотическая высота	15	2.9	0.81
DS. Дакриальная высота	11	11.0	1.83
Глубина клыковой ямки (мм)	16	4.1	1.84
32. Угол лба	9	85.0	2.69
72. Общий лицевой угол	9	83.6	2.74
74. Альвеолярный угол	9	74.9	5.58
75(1). Угол носа	9	20.4	5.57
8 : 1. Черепной указатель	13	74.2	4.30
17 : 1. Высотно-продольный указатель	11	72.9	2.42
17 : 8. Высотно-поперечный указатель	10	97.0	3.91
9 : 8. Лобный указатель	13	70.8	2.42
48 : 45. Верхне-лицевой указатель	13	52.7	2.83
54 : 55. Носовой указатель	18	55.8	5.23
52 : 51. Орбитный указатель	17	79.9	6.09
SS SC. Симотический указатель	15	37.2	8.04
DS DC. Дакриальный указатель	10	50.3	8.66

Лицевой скелет среднеширокий и средневысокий, по пропорциям – мезенный. В общей вертикальной проекции лицо мезогнатно, а в альвеолярной – прогнатно. В горизонтальной плоскости лица отмечается умеренная его профилировка, как на уровне орбит, так и на уровне скул. Переносье средневысокое и хорошо профилировано, угол выступления носа средний. Глубина клыковой ямки большая. В строении нижнего края носового отверстия преобладают заостренные формы. В целом мужские черепа Ижевского могильника относятся к европеоидным формам, но с резко выраженными признаками, что может

указывать на присутствие в серии монголоидного компонента.

Женские черепа морфологически, с учетом полового диморфизма, мало чем отличались от мужских (табл. 2). Единственное, но существенное, что их различает, так это меньший угол выступления носа в женской группе. Его значение (20,4 градуса) не характерно для европеоидных групп, что может указывать на более выраженный монголоидный компонент в ее составе.

Таким образом, краниологическая серия Ижевского могильника, независимо от половой принадлежности, суммарно характеризу-

Результаты внутригруппового анализа главных компонент. Ижевский могильник. Мужчины
 Results of intragroup analysis of the main components. Izhevsk burial mound. Men

Таблица 3.
 Table 3.

Признаки	Главные компоненты		
	I	II	III
1. Продольный диаметр	-0.100	0.430	0.596*
8. Поперечный диаметр	-0.395	0.517*	0.208
17. Высотный диаметр	0.280	-0.150	0.592*
9. Наим. ширина лба	-0.195	0.862*	0.171
45. Скуловой диаметр	0.009	0.405	-0.685*
48. Верхняя высота лица	0.764*	0.317	0.275
55. Высота носа	0.867*	0.238	0.066
54. Ширина носа	-0.081	0.633*	-0.339
51. Ширина орбиты (от mf)	0.451	0.667*	-0.194
52. Высота орбиты	0.296	0.152	0.383
32. Угол профиля лба	-0.333	0.617*	-0.033
77. Назомалярный угол	-0.503*	-0.148	-0.204
Zm'. Зигомаксиллярный угол	-0.697*	0.271	0.168
SS:SC. Симотический указатель	0.538*	0.033	-0.004
75(1). Угол носа	0.461	0.027	-0.650*
Общая дисперсия (%)	21.8	19.2	14.1

*- выделены значения, указывающие на сильную коррелятивную связь

ется как европеоидная, но с включением некоторой доли монголоидной примеси, которая больше всего выявляется в женской ее части. Индивидуально-типологический анализ ижевских черепов и анализ эмпирических значений квадратического уклонения в серии по отношению их к стандартным показывает, что по многим признакам серия в антропологическом плане неоднородна.

Представление о характере внутри-групповых связей ижевской серии дает метод главных компонент. Для анализа привлечено 14 мужских черепов хорошей сохранности (в ряде случаев недостающие значения некоторых признаков заменялись средними групповыми). Набор признаков, имеющих повышенную таксономическую значимость – 1, 8, 17, 9, 45, 48, 55, 54, 51, 52, 32, 77, zm', ss:sc, 75(1). Наиболее полную информацию несут первые три главных компонента, отражающие в общей совокупности более 55% от всей внутригрупповой изменчивости (табл. 3).

Первая главная компонента (21,8% от всей дисперсии) выявляет следующую внутригрупповую закономерность: с увеличением высоты лица увеличивается высота носа и высота переносья. В то же время уменьшаются значения горизонтальной профилировки на обоих уровнях. Вероятно, данная взаимосвязь признаков статистически подтверждает наличие в мужской серии черепов европеоидного типа со следующими морфологическими характеристиками: более высокому лицу соответствует более резкая его профилировка на уровне орбит и скул, а также более высокое

переносье и, наоборот, монголоидные черепа с более низким, уплощенным лицом и низким переносьем.

Во второй главной компоненте (19,26%) основные нагрузки падают на ширину лба, ширину орбит, ширину носа, угол профиля лба и поперечный диаметр. Эти признаки образуют следующую взаимосвязь: с увеличением ширины лба соответственно увеличивается ширина орбит и носа, а также ширина мозговой коробки и угол профиля лба. Возможно, данная компонента выделяет в анализируемой совокупности черепа смешанного антропологического типа.

Третья компонента, отражающая более 14% от всей внутригрупповой дисперсии, более наглядно выделяет черепа смешанного физического облика. Для одних характерна более длинная и высокая черепная коробка с узким лицом, но с небольшим углом носа, а для других – более широкая и низкая мозговая капсула с широким лицом, но с более выступающим носом.

Графическое расположение мужских черепов в пространстве первых двух главных компонент (более 40% от всей изменчивости) показало в целом их дисперсное распределение на корреляционном поле (рис. 1). Интерпретация такой морфологической ситуации, когда черепа Ижевского могильника не образуют каких-либо закономерных группировок, довольно затруднительна. Вероятнее всего, они представляют переходные или промежуточные типы как результат метисации между исходными компонентами, которые в свою

Ижевский могильник. Мужские черепа в пространстве двух первых главных компонент.

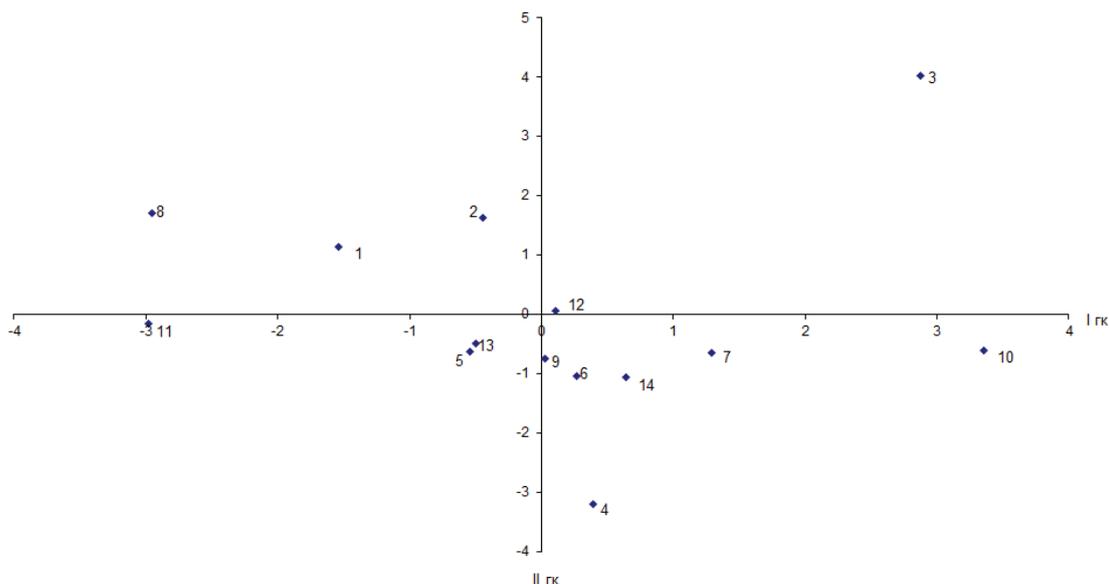


Рис. 1. Мужские черепа Ижевского могильника в пространстве двух первых главных компонент. Обозначения могильников под номерами: 1 – пог. 9; 2 – пог. 17; 3 – пог. 38; 4 – пог. ?; 5 – пог. 43; 6 – пог. 62; 7 – пог. 66А; 8 – пог. 71; 9 – пог. 105; 10 – пог. 110; 11 – пог. 125; 12 – пог. 143; 13 – пог. 180; 14 – пог. 184.

Fig. 1. Male skulls from Izhevsk burial ground in the framework of the first two main components. The burial grounds are designated using the following numbers: 1 – burial 9; 2 – burial 17; 3 – burial 38; 4 – burial ?; 5 – burial 43; 6 – burial 62; 7 – burial 66А; 8 – burial 71; 9 – burial 105; 10 – burial 110; 11 – burial 125; 12 – burial 143; 13 – burial 180; 14 – burial 184.

очередь также не были морфологически “чистыми”. Так, крайнее положение по осям I и II ГК занимают черепа из погребений № 38, ?, 71, 110, 125 (на графике они под номерами 3, 4, 8, 10 и 11 соответственно). Черепа из погребений 38, ?, 110 (3, 4 и 10) характеризуются как мезо-долихокранные с низким (высоким) и широким (узким) лицом (правая половина графика), а черепа из погребений 71 и 125 (8 и 11) сочетали широкое и низкое лицо с хорошо выступающим носом (левая сторона поля). Все остальные мужские черепа из погребений 43, 62, 66А, 105, 143, 180, 184 (5, 6, 7, 9, 12, 13 и 14) занимают промежуточное положение, сочетая в себе те или иные черты указанных крайних вариантов.

Таким образом, морфологическое своеобразие мужской серии черепов Ижевского могильника состоит в ее смешанном характере. В основе этой неоднородности лежат как черепа европеоидного облика, но с разными краниометрическими характеристиками (длинноголовый – круглоголовый; широколицый – узколицый), так и черепа с чертами явно монголоидного типа (ослабленная горизонтальная профилировка, низкое переносье и небольшой угол выступания носа), которые, правда, не выступают в комплексе. Аналогичная ситуация отмечается и в женской группе ижевской серии. С той лишь разницей, что

проявление монголоидных элементов здесь отмечается более отчетливо.

Для определения основных векторов этногенетических связей ижевской группы с синхронным ему населением был проведен межгрупповой анализ с привлечением мужских краниологических серий с территории Восточной Европы и Западной Сибири. Они характеризуют антропологический тип «местного» прикамско-приуральского населения различных археологических культур рубежа эр: пьяноборская, гляденовская, караабызская, азелинская, мазунинская, бахмутинская, ломоватовская (харинский этап). Также для сравнительного анализа были использованы серийные данные по поволжско-приуральским группам сармат среднего этапа и сборные серии по населению саргатской культуры Западной Сибири. Дополнительно в анализ были включены хронологически более поздние материалы Танкеевского могильника, которые, по мнению М.С. Акимовой, отражают генетическую связь между раннесредневековым населением Волго-Камья с предшествующим (Акимова, 1973).

Выяснение характера межгрупповой изменчивости и этногенетических связей населения рубежа эр определялось методом канонического анализа. В анализе использовались краниометрические параметры, имеющие повышенную таксономическую значи-

Элементы первых трех канонических векторов (I-III) для 23 мужских краниологических серий эпохи раннего средневековья

Таблица 4.

Elements of the first three canonic vectors (I-III) for 23 male craniological series of the early medieval period

Table 4.

Признаки	I	II	III
1. Продольный диаметр	-0.394	0.261	0.333
8. Поперечный диаметр	0.677*	-0.540*	-0.170
17. Высотный диаметр	-0.141	0.251	0.366
9. Наименьшая ширина лба	-0.0152	-0.033	-0.129
45. Скуловой диаметр	-0.085	0.265	-0.205
48. Верхняя высота лица	-0.261	-0.093	0.374
51. Ширина орбиты	0.798*	0.518*	0.338
52. Высота орбиты	-0.113	-0.359	0.079
54. Ширина носа	-0.064	-0.030	0.185
55. Высота носа	0.101	0.059	0.359
77. Назомалярный угол	0.123	0.118	0.096
Zm'. Зигмаксиллярный угол	0.131	-0.003	0.243
SS:SC. Симотический указ-ль	0.315	0.234	-0.352

*- выделены значения, указывающие на сильную коррелятивную связь

мость: 1, 8, 17, 9, 45, 48, 55, 54, 51, 52, 77, Zm', SS:SC, 75(1). Каноническим методом извлечено три первых вектора, отражающих в сумме более 99% от всей межгрупповой изменчивости (табл. 4).

В первом каноническом векторе (более 65% от всей межгрупповой дисперсии) основные нагрузки падают на поперечный диаметр черепной коробки и ширину орбит. Их положительная взаимосвязь (более широким орбитам соответствует более широкая черепная коробка) позволяет выделить в анализируемой совокупности брахикранные и долихокранные серии. Второй канонический вектор (более 20% от всей изменчивости) выявляет отрицательную взаимосвязь между углом выступления носа и шириной мозговой капсулы, то есть с уменьшением угла носа уменьшается ширина черепа. Вероятно, данный вектор выделяет длинноголовые серии с небольшим углом выступанием носа и, наоборот, короткоголовые группы с более выступающим носом. Этот комплекс взаимосвязей, возможно, делит мужские краниологические выборки на серии с монголоидными и европеоидными особенностями. Третий канонический вектор (более 13%) более четко разделяет сравниваемые краниологические серии на группы: с большим углом выступления носа («европеоидный градиент») и выборки с пониженными значениями угла носа («монголоидный» градиент).

Таким образом, канонический анализ показал, что межгрупповая изменчивость среди мужских краниологических групп эпохи железа с территории Восточной Европы и Западной Сибири зависит от формы черепа, ширины орбит и степени выступления носо-

вых костей. Результаты межгруппового сравнения проиллюстрированы соответствующим графиком (рис. 2).

На графике, построенном в пространстве первых двух канонических векторов (рис. 2), крайние правые позиции занимают мужские серии саргатской культуры (З. Сибирь), для которых характерна брахикранный форма черепа, относительно широкое и относительно низкое лицо со слабой горизонтальной профилировкой и небольшой угол выступления носа. Особую компактную группу на графике занимают нижневолжские сарматы среднего этапа. Они характеризуются мезо-брахикранией, относительно широким и относительно низким и хорошо профилированным лицом в сочетании с высоким переносом и большим углом носа. Серия из Ижевского могильника по своим морфологическим особенностям – удлинённая форма черепа, узкое и средневысокое лицо в сочетании с умеренной горизонтальной профилировкой и средним выступанием носовых костей – входит в круг поволжско-приуральских серий эпохи рубежа эр, которые представляют, в антропологическом плане, население пьяноборской, мазунинской, карабызской, азелинской, гляденовской и бахмутинской культур. Вероятно, формирование физического облика данного населения проходило на общей морфологической основе (европеоидной в целом), что, впрочем, не исключает генетического влияния отдельных «южных» европеоидных и более монголоидных «восточных» групп.

Был проведён палеопатологический анализ останков ижевского могильника. Доступ-

Мужские краниологические серии эпохи железа в пространстве двух первых канонических векторов.



Рис. 2. Мужские краниологические серии эпохи железа в пространстве двух первых канонических векторов. Обозначение серий под номерами: 1 – Танкеевский могильник; 2 – Объединенная серия («Городок», «Заосиново I, IV», «Верхний Ирьяк»); 3 – Кушулевульский м-к; 4 – Чегандинский м-к; 5 – Камышлы-Тамакский м-к; 6 – Старо-Чекмакский м-к; 7 – Шиповский м-к; 8 – Охлебининский м-к; 9 – Мари-Луговской м-к; 10 – Азелинский, Суворовский м-ки; 11 – Ижевский м-к; 12 – Покровский м-к; 13 – Боярский «Арай» м-к; 14 – Бирский м-к (ранний); 15 – Митинский м-к; 16 – Старо-Кишшинский м-к; 17 – Заволжская группа (сборная); 18 – Калмыцкая группа (сборная); 19 – Донская (сборная); 20 – Исето-Тобольская группа (сборная); 21 – Приишимская группа (сборная); 22 – Прииртышская группа (сборная); 23 – Барабинская группа (сборная).

Fig. 2. Male craniological series of the Iron Age in the framework of the first two canonical vectors. The series are designated using the following numbers: 1 – Tankeevka burial ground; 2 – Composite series (“Gorodok”, “Zaosinovo I, IV”, “Verkhny Iryak”); 3 – Kushulevo burial ground; 4 – Cheganda burial ground; 5 – Kamyshly-Tamak burial ground; 6 – Starye Chekmak burial ground; 7 – Shipovo burial ground; 8 – Okhlebinino burial ground; 9 – Mari-Lugovaya burial ground; 10 – Azelino, Suvorovsky burial grounds; 11 – Izhevsk burial ground; 12 – Pokrovsky burial ground; 13 – Boyarsky “Arai” burial ground; 14 – Birsk burial ground (early); 15 – Mitino burial ground; 16 – Starye Kiishki burial ground; 17 – Trans-Volga group (composite); 18 – Kalmyk group (composite); 19 – Donskaya (composite); 20 – Iset’ River-Tobolsk group (composite); 21 – Ishim River group (composite); 22 – Irtysh River group (composite); 23 – Baraba Lowland group (composite).

ны для анализа оказались 42 черепа (из них мужских 20, женских 21, детский 1), скелетов всего 74 (мужских 28, женских 29, детских 6, неопределённых в силу комплектности и сохранности – 10). Неопределённые неполные костяки не исключались из анализа, поэтому при подсчёте результатов разбивка по полу не производилась. Также следует оговориться, что, хотя всего исследовалось 83 индивида, не все костяки комплектовались черепами и не каждый череп сопровождался костяком. Отмечались травмы (с медико-криминалистической реконструкцией их возникновения) и их следствия – воспалительные осложнения, а также возрастные изменения и маркёры физиологического стресса. Для более подробной характеристики повреждений была произведена рентгенография интересующих костей с использованием рентгеновского аппарата «Мобирен-МТ».

Индивид из пог. 167 (мужчина около 30 лет) имел на черепе разруб от удара плоским предметом с продолговатой контактирующей поверхностью в направлении слева направо,

сверху вниз и снаружи внутрь (рис. 3А1, А2). Длина следообразующей части этого предмета ок. 9 см, ширина 0,1 см. Удар пришёлся в левую лобно-теменную область либо прижизненно, либо в момент смерти (нет следов переживаемости). Похожую травму, разруб в области чешуи лобной кости (вероятно, тем же орудием), имел индивид из пог. 184 (мужчина около 25 лет), направление нанесения удара: спереди назад, слева направо и снаружи внутрь (рис. 3Б). Длина погрузившейся части травмирующего предмета ок. 5,5 см. У индивида из пог. 44 (мужчина 35 лет) отмечена деформация передней стенки правой верхнечелюстной пазухи (размерами 19×15×4 мм) с утолщением по подглазничному краю 19×11×3 мм) (на рис. 3В1 отмечены стрелками, рис 3В2 демонстрирует область в большем масштабе), что является результатом травмы правой челюстно-скуловой области, вероятно, в результате удара. Рентгенограмма рис. 3В3 демонстрирует истончение верхнечелюстной пазухи и соответствующее утолщение (рентгеноплотная область) в области

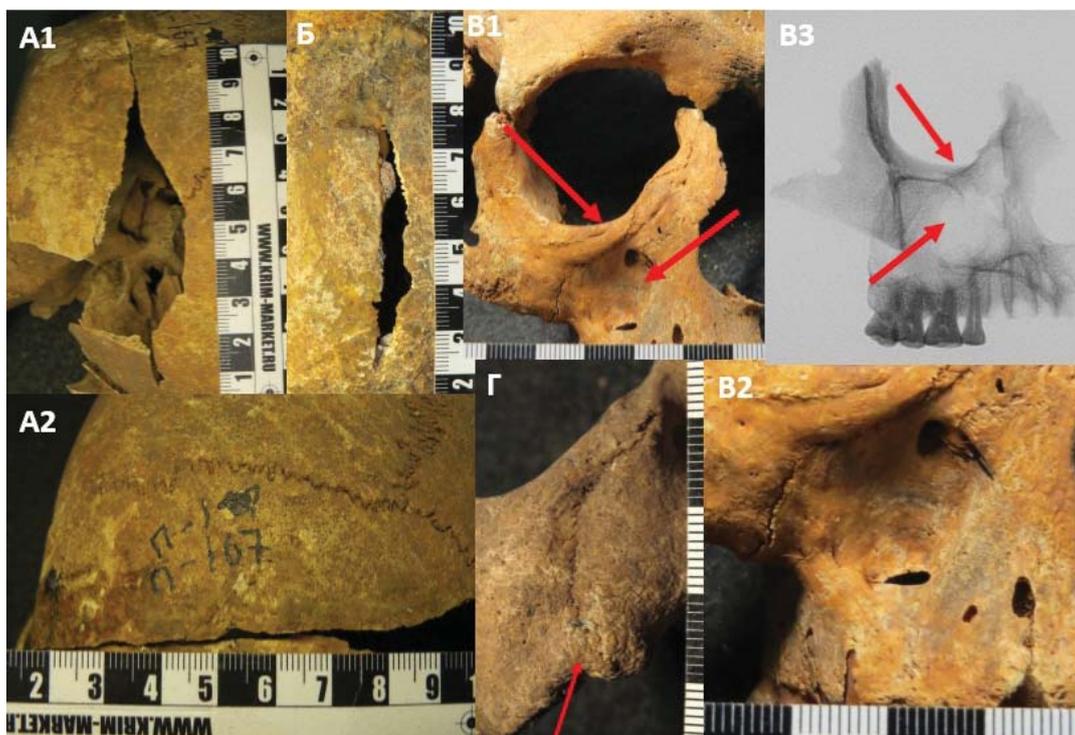


Рис. 3. Травматические повреждения на черепах из Ижевского могильника: *A1, A2* – разруб в лобно-теменной области на черепе из пог. 167; *Б* – разруб на лобной кости черепа из пог. 184; *B1, B2* – травма правой челюстно-скуловой области на черепе из пог. 44, стрелками отмечены соответствующие деформационные изменения (см. текст); *B3* – рентгенограмма травма правой челюстно-скуловой области на черепе из пог. 44, стрелками отмечены соответствующие деформационные изменения (см. текст); *Г* – травма правой скуловой области у индивида из пог. 71, стрелкой отмечена костная мозоль.

Fig. 3. Traumatic injuries on the skulls from Izhevsk burial ground: *A1, A2* – cut in the fronto-parietal region on the skull from burial 167; *Б* – cut on the frontal bone of the skull from burial 184; *B1, B2* – injury in the right maxillojugal area on the skull from burial 44, arrows mark the corresponding deformation changes (ref. text); *B3* – X-ray image of an injury of the right maxillojugal area on the skull from burial 44, arrows mark the corresponding deformation changes (ref. text); *Г* – injury to the right malar region of the person from burial 71, the arrow marks a callus.

подглазничного края (отмечены стрелками). У индивида из пог. 71 (мужчина 35 лет) также была обнаружена деформация в правой верхнечелюстной области. Предположительно она является результатом травмы правой скуловой области с расхождением швов. Имеется костная мозоль в районе верхнечелюстного шва (отмечена стрелкой на рис. 3Г).

Таким образом, 4 из 42 черепов ижевского могильника (9,5%) несут на себе следы травматических повреждений, все были определены как мужские (итого 20% мужских черепов с травмой).

Далее на предмет травм были обследованы скелеты. В останках из погребения 23 (предположительно, женских) левая лопатка имела сквозное отверстие на акромионе (входное отверстие размерами 12×8,5 мм, выходное – 11×7 мм), с признаками заживления и развития воспалительного процесса (рис. 4А1). Выявленное повреждение прижизненное, от действия предмета с ограниченной контактирующей поверхностью, размерами не более 12×8,5 мм. При этом преимущественное направление воздействия: сзади наперед и сверху вниз (рис. 4А2, зонд в месте дефек-

та указывает, как располагался и куда был направлен травмирующий предмет). Интерес представляет также левая ключица того же индивида: на акромиальном её конце, снизу, на расстоянии 11 мм от края, обнаруживается костная мозоль (вероятно, имел место неполный перелом) (рис. 4А3, отмечена стрелкой). Таким образом, индивид прижизненно подвергся удару стрелы (?) с левой стороны со спины сверху, которая вошла, пробив акромиальный конец лопатки насквозь и упёрлась в ключицу. Скорее всего, травмирующий объект был извлечён, впоследствии развилось воспаление, приведшее к сильной боли и временному ограничению подвижности в левом плечевом суставе верхней конечности.

У индивида из пог. 67 (вероятно, женщина) был выявлен сросшийся перелом правой локтевой кости (рис. 4Б1), являющийся результатом локального удара/падения на руку (очаг сжатия-растяжения) – изгиб поперечный/продольный (внутри кости полость размерами 27×15×22 мм, предположительно результат осложнения – остеомиелита, отмечена стрелкой) (рис. 4Б2). Лучевая кость в целостном состоянии не представлена.

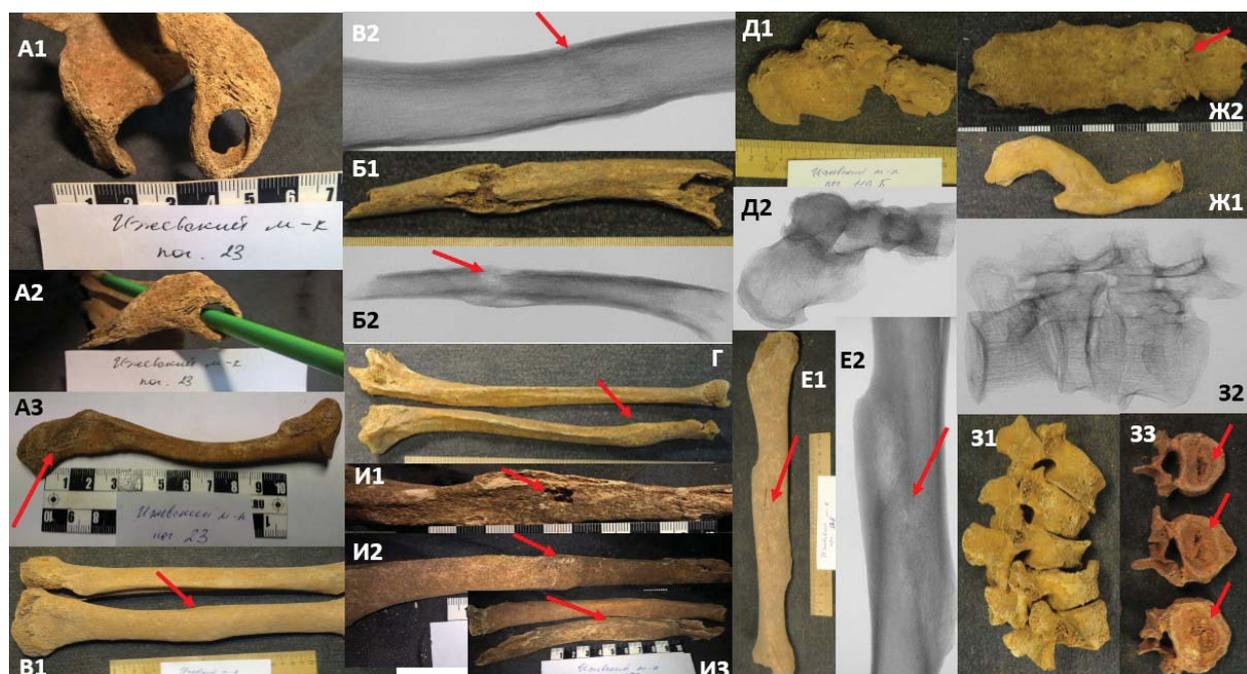


Рис. 4. Травмы скелета: А1 – левая лопатка индивида из пог. 23, акромион; А2 – акромион с зондом в месте дефекта; А3 – левая ключица, стрелкой отмечена костная мозоль; В1 – перелом правой локтевой кости у индивида из пог. 67; В2 – рентгенограмма перелома локтевой кости у индивида из пог. 67, стрелкой отмечена полость от развившегося остеомиелита; В1 – сросшийся неполный перелом левой большеберцовой кости у индивида из пог. 88, стрелкой отмечена костная мозоль; В2 – рентгенограмма перелома левой большеберцовой кости у индивида из пог. 88, стрелкой отмечена рентгеноплотная линия в области формирования костной мозоли; Г – сросшийся перелом правой локтевой кости, стрелкой отмечена костная мозоль; Д1 – сращение плюсневых костей левой ноги у индивида из пог. 119Б; Д2 – рентгенограмма сращения плюсневых костей левой ноги у индивида из пог. 119Б; Е1 – сросшийся перелом правой большеберцовой кости у индивида из пог. 128, стрелкой отмечена линия смещения отломков и образования костной мозоли; Е2 – рентгенограмма сросшегося перелома правой большеберцовой кости у индивида из пог. 128, стрелкой отмечена рентгеноплотная линия в области формирования костной мозоли; Ж1 – сросшийся полный перелом правой ключицы у индивида из пог. 136; Ж2 – неполный перелом грудины у индивида из пог. 136; З1 – компрессионный перелом поясничного отдела позвоночника; З2 – рентгенограмма поясничного отдела позвоночника; З3 – 2-й, 3-й и 4-й поясничные позвонки (сверху вниз соответственно) с деформациями, которые отмечены стрелками; И1 – заросший перелом правой локтевой кости у индивида из пог. 180, свищевой ход отмечен стрелкой; И2 – заросший перелом правой локтевой кости у индивида из пог. 180, костная мозоль отмечена стрелкой; И3 – заросший перелом правой лучевой кости, костная мозоль отмечена стрелкой.

Fig.4. Skeleton injuries. А1 – left shoulder blade of the person from burial 23, acromion; А2 – acromion with a probe at the defect site; А3 – left clavicle, arrow marks the callus; В1 – fracture of the right elbow bone of the person from burial 67; В2 – X-ray of an elbow bone fracture of the person from burial 67, arrow marks the cavity from developed . osteomyelitis; В1 – fused incomplete fracture of the left tibia of the person from burial 88, arrow marks the callus; В2 – X-ray image of a fracture of the left tibia of the person from burial 88, arrow marks the X-ray dense line in the callus formation area; Г – fused fracture of the right elbow bone, the callus is marked with an arrow; Д1 – fusion of the metatarsal bones of the left leg of the person from burial 119Б; Д2 – X-ray image of a fusion of the metatarsal bones in the left leg of the person from burial 119Б; Е1 – fused fracture of the right shin bone of the person from burial 128, arrow marks the displacement line of the fragments and callus formation; Е2 – X-ray image of a fused fracture of the right tibia of the person from burial 128, arrow marks the X-ray dense line in the callus formation area; Г1 – fused complete fracture of the right clavicle of the person from burial 136; Ж2 – incomplete sternum fracture of the person from burial 136; З1 – compression fracture of the lumbar spine; З2 – X-ray of the lumbar spine; З3 – 2nd, 3rd and 4th lumbar vertebrae (top to bottom, respectively) with deformations marked with arrows; И1 – overgrown fracture on the right elbow bone of the person from burial 180, the fistulous tract is marked with an arrow; И2 – overgrown fracture of the right elbow bone of the person from burial 180, arrow marks the callus; И3 – overgrown fracture of the right radius, arrow marks the callus.

У индивида из пог. 88 (пол не определяется) имеется костная мозоль на левой большеберцовой кости (рис. 4В1, В2), перелом был неполным, так как нет укорочения кости и смещения отломков (для сравнения приложена правая большеберцовая кость того же индивида). Удар пришёлся снаружи внутрь, слева направо в область средней трети кости, вид деформации – поперечный изгиб. Малая берцовая кость при этом воздействии также должна была сломаться (не представлена).

У индивида из пог. 110 (мужчина около 25 лет) на правой локтевой кости имеется кост-

ная мозоль (рис. 4Г, указана стрелкой, рядом приложена левая локтевая кость для сравнения). Удар пришёлся в сторону нижней трети предплечья по внутренней поверхности, в результате произошло укорочение кости и деформация кзади (перелом, вероятно, был полный, но благополучно сросся), линия перелома, скорее всего, была поперечной. Подобная травма могла быть получена от удара или падения на руку.

У индивида из пог. 119 Б наблюдается сращение плюсневых костей левой ноги, является результатом остеомиелита, воспаления в

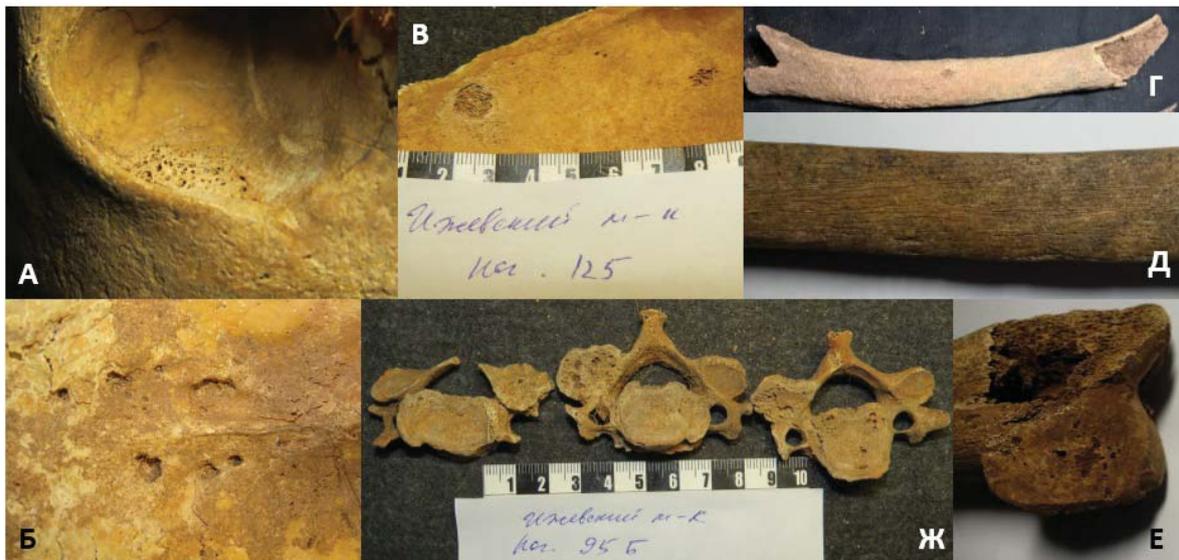


Рис. 5. Маркеры физиологического стресса и возрастных изменений: *A* – *cr. orbitalia* у индивида из пог. 78; *B* – пахионы грануляции на эндокроне лобной кости у индивида из пог. 105; *B* – очаги порозности на эндокроне лобной кости у индивида из пог. 125; *Г* – деформация бедренной кости у индивида из пог. 79А; *Д* – периостит на бедренной кости индивида из пог. 149; *Е* – артроз коленного сустава у индивида из пог. 180; *Ж* – остеохондроз шейного отдела позвоночника у индивида из пог. 95Б.

Fig. 5. Markers of physiological stress and age-related changes: *A* – *cr. orbitalia* of the person from burial 78; *B* – pachyon granulations on the endocrane of the frontal bone of the person from burial 105; *B* – porosity foci on the endocrane of the frontal bone of the person from burial 125; *Г* – femur deformation of the person from burial 79А; *Д* – deformation - periostitis on the femur of the person from burial 149; *Е* – knee joint arthrosis of the person from burial 180; *Ж* – osteochondrosis of the cervical spine of the person from burial 95B.

голеностопном суставе, что могло стать отдалённым последствием травмы (рис. 4Д1, Д2).

У индивида из пог. 128 имеется перелом правой большеберцовой кости (рис. 4Е1, Е2). Перелом диафиза средней трети правой большеберцовой кости косо-продольный, со смещением отломков и формированием костной мозоли. Удар пришёлся под острым углом.

У индивида из пог. 136 (мужчина около 45 лет) выявлен сросшийся полный перелом правой ключицы (с укорочением и неправильным срастанием, рис. 4Ж1), неполный перелом грудины (рис. 4Ж2) с деформацией, компрессионный перелом позвоночника в поясничном отделе (2, 3-й поясничные позвонки – клиновидная деформация, 4-й – деформация в центре) (рис. 4З1, 32, 33). На рентгенограмме (рис. 4З2) показаны уменьшение высоты тел позвонков, уменьшение плотности губчатой ткани в деформированных зонах. Механизм образования подобной травмы: чрезмерное сгибание туловища в поясничном отделе кпереди в сочетании с осевым нагружением. Падение на ноги с высоты либо падение на ягодицы. Перелом ключицы мог произойти при ударе в руку с местом приложения силы к головке плечевой кости (могло быть результатом падения набок) либо при падении на отведённую в локтевом суставе руку, при этом ключица испытывает осевое нагружение.

У индивида из пог. 180 (мужчина около 50 лет) отмечен заросший перелом правой локте-

вой и лучевой костей с осложнением в виде остеомиелита и свищевым ходом на локтевой кости (рис. 4И1, И2). Правая лучевая кость также имеет признаки заросшего перелома в виде костной мозоли (рис. 4И3, рядом приложена целая левая лучевая кость). Вероятно, неполный перелом произошёл с местом воздействия в область внутренней поверхности предплечья (резкий удар по руке в средней её трети, либо падение на руку – в этом случае рука должна быть согнута в локтевом суставе и повернута кнутри).

Таким образом, 8 скелетов имеют следы травматических повреждений из 74 (10,81%).

На следующем этапе рассматривались маркеры физиологического стресса. У 4-х индивидов были выявлены выраженные гиперостозы в области глазниц – *cr. orbitalia*, являющаяся маркером анемий: череп из пог. 43 (мужчина, около 25 лет) – 2 балла, череп из пог. 87 (мужчина, около 35 лет) – 2 балла, череп из пог. 180 (мужчина, около 50 лет) – 2 балла, череп из пог. 78 (ребёнок, около 9 лет) – 2–3 балла (рис. 5А). Порозность на эндокроне лобной кости была выявлена у 5 индивидов: череп из пог. 80 (женщина, около 25 лет), череп из пог. 105 (женщина, около 25 лет), череп из пог. 124 (женщина, около 25 лет), череп из пог. 125 (мужчина, около 35 лет), череп из пог. 138 (мужчина, около 35 лет). Характерная локализация порозности сосудистого генеза (пахионовых грануляций) наблюдается у 4-х инди-

видов (рис. 5Б), у одного индивида (пог. 125) - выраженная очаговость мелкой порозности, напоминающая результат инфекционно-воспалительного процесса (рис. 5В). Таким образом, 4 из 42 черепов ижевского могильника (9,5%) имеют признаки сосудистых нарушений (1 мужской из 20 – 5%; и 3 женских из 21 – 14,29%).

Обращают на себя внимание многочисленные деформации длинных костей скелета – остеомалация (например, бедренная кость индивида из пог. 79А, рис. 5Г), являющаяся признаком недостаточной минерализации костной ткани в силу тех или иных причин, зафиксирована у 28,37% взрослых (21 случай из 74) и у 16,66% детей (1 случай из 6).

Периоститы – маркёры пищевых стрессов, неспецифических воспалений и интоксикаций – выявлялись на длинных костях в 49,3% случаях, где сохранность надкостницы позволяла провести определение (34 случая из 69) (например, бедренная кость индивида из пог. 149, рис. 5Д).

Возрастные изменения в виде артрозов суставов, остеофитов и грыж Шморля на позвонках были отмечены на костях 13 индивидов (17,56%), при этом артрозы коленного сустава (рис. 5Е) и остеохондроз позвоночни-

ка (рис. 5Ж) встречается в 9 случаях (12,16%). Все индивиды, у которых были обнаружены указанные изменения, старше 30 лет.

Таким образом, был осуществлён палеопатологический анализ останков ижевского могильника. Были зафиксированы и охарактеризованы травмы (с медико-криминалистической реконструкцией их возникновения) и их следствия – воспалительные осложнения, а также возрастные изменения и маркёры физиологического стресса. Изменения, соответствующие возрастной норме, были отмечены у 17,56% индивидов. Было выявлено 9,5% черепов с признаками травм, вероятно, боевых, 10,81% посткраниальных скелетов с признаками переломов и травм (одна из которых, возможно, боевая – удар стрелы), высокий уровень остеомалации (28,37% у взрослых и 16,66% у детей) вследствие метаболических нарушений, скорее всего, способствовал более частому и осложнённому травматизму; почти половина случаев периоститов, наличие *ex. orbitalia* и внутричерепных кровоизлияний говорит о неблагоприятных условиях жизни, анемиях и недоедании в популяции, захороненной в ижевском могильнике мазунинской эпохи.

Список мужских краниологических серий эпохи рубежа эр, привлеченных для межгруппового анализа.

Танкеевский могильник, IX–X вв. (Акимова, 1973; Газимзянов, 2018).

Гляденовская культура

Сборная серия («Городок», «Заосиново I, IV», «В. Ирьяк»), III в. до н. э. – V–VI вв. н. э. (неопубликованные данные И.Р. Газимзянова).

Пьяноборская культура

Кушелевский м-к, I в. до н. э. – III в. н. э. (Ефимова, 1991).

Чегандинский м-к, III в. до н. э. – II в. н. э. (Акимова, 1968; Фаттахов, 1981).

Камышлы-Тамакский м-к, II в. до н. э. – II в. н. э. (Акимова, 1968).

Старо-Чекмакский м-к, II в. до н. э. – II в. н. э. (Фаттахов, 1981).

Карабызская культура

Шиповский м-к, IV–III вв. до н. э. (Ефимова, 1981).

Охлебнинский м-к, I в. до н. э. – II в. н. э. (Ефимова, 1981).

Азелинская культура

Мари-Луговской могильник, IV–V вв. н. э. (Алексеев, 1962).

Азелинский, Суворовский могильники (объединенная серия), III – сер. V в. н. э. (Акимова, 1961).

Мазунинская культура

Ижевский м-к, III–V вв. н. э. (Фаттахов, 1978).

Покровский м-к, IV–V вв. н. э. (Фаттахов, 1978).

Боярский «Арай» м-к, III–IV–V вв. н. э. (Широбоков, Черных, 2016).

Бахмутинская культура

Бирский м-к (ранний), III–V вв. н. э. (Акимова, 1968).

Харинская культура

Митинский м-к, IV–V вв. н. э. (Акимова, 1968).

Сарматы (средний этап)

Старо-Кишишкинский м-к, III–II в. до н. э. (Акимова, 1968).

Заволжская группа (сборная серия), II в. до н. э. – II в. н. э. (Балабанова, 2000).

Калмыцкая группа (сборная серия), II в. до н. э. – II в. н. э. (Балабанова, 2000).

Донская (сборная), II в. до н. э. – II в. н. э. (Балабанова, 2000).

Саргатская культура

Исето-Тобольская группа (сборная), IV в. до н. э. – V в. н. э. (Багашев, 2000).

Приишимская группа (сборная), V в. до н. э. – III–IV вв. н. э. (Багашев, 2000).
 Прииртышская группа (сборная), VI–V вв. до н. э. – III–IV вв. н. э. (Багашев, 2000).
 Барабинская группа (сборная), VI–V вв. до н. э. – I в. н. э. (Багашев, 2000).

ЛИТЕРАТУРА

- Акимова М.С. Антропологические материалы из Танкеевского могильника // ВА. 1973. Вып. 45 С. 15–29.
- Акимова М.С. Антропологический состав населения пьяноборской культуры // ВА. 1961. Вып. 7. С. 29–39.
- Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М.: Наука, 1968. 120 с.
- Алексеев В.П. Палеоантропологический материал из Мари-Луговского могильника // Железный век Марийского края / Труды МАЭ. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1962. С. 241–258.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
- Багашев А.Н. Палеоантропология Западной Сибири: Лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 2000. 374 с.
- Балабанова М.А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М.: Наука, 2000. 133 с.
- Бужилова А.П. Homo sapiens: История болезни. М.: Языки славянской культуры, 2005. 320 с.
- Бужилова А.П., Козловская М.В., Лебединская Г.В., Медникова М.Б. Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Старый Сад, 1998, 260 с.
- Газимзянов И.Р. Антропология Танкеевского могильника: краниологический анализ старых и новых материалов // Поволжская археология. 2018. № 1(23). С. 294–320.
- Диагностикум механизмов и морфологии переломов при тупой травме скелета. Изд. 2-е, перераб. Новосибирск: Наука, 2011. 522 с.
- Ефимова С.Г. К краниологии Волго-Камья эпохи раннего железа // ВА. 1981. Вып. 67. С. 64–73 .
- Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: Изд-во МГУ, 1991. 95 с.
- Перерва Е.В. Маркеры стресса как индикаторы адаптации (по материалам золотоордынского могильника Маячный бугор) // Микроэволюционные процессы в человеческих популяциях / Отв. ред. А.В. Громов, В.И. Хартанович. СПб.: МАЭ РАН, 2009. 293 с.
- Фаттахов Р.М. Антропологическая характеристика населения Удмуртского Прикамья середины I тыс. н. э. // Проблемы этнографии и этнической антропологии / Отв. ред. А.А. Воронов, И.И. Крупник. М.: Наука, 1978. С. 206–215.
- Фаттахов Р.М. Краниологическая характеристика материалов могильника Старый Чекмак // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: Изд-во ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С. 94–109.
- Фаттахов Р.М. Новые антропологические материалы со Средней и Нижней Камы // Сборник музея по антропологии и этнографии. Вып. XXXVI. Л.: Наука, 1980. С. 130–138.
- Широбоков И.Г., Черных Е.М. Данные физической антропологии и проблема формирования населения Прикамья середины I тысячелетия н.э. (по материалам Боярского «Арай» могильника) // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2016. Т. 26. Вып. 1. С. 25–34.

Информация об авторах:

Волкова Елизавета Валерьевна, научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академия наук Республики Татарстан (г. Казань, Россия); erminea.wolf@gmail.com

Газимзянов Ильгизар Равильевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь (г. Казань, Россия); g-ilgizar@yandex.ru

Кириягин Константин Валерьевич, лейтенант юстиции, старший эксперт отделения судебно-медицинских исследований ЭКО СУ СК РФ по Республике Татарстан (г. Казань, Россия); kiriyagin@mail.ru

Калянов Виктор Александрович, ассистент кафедры судебной медицины ФГБОУ ВО «Казанский государственный медицинский университет» Минздрава РФ (г. Казань, Россия); Black-diver@mail.ru

REFERENCES

- Akimova, M. S. 1973. In *Voprosy antropologii (Issues of Anthropology)* (45), 15–29 (in Russian).
- Akimova, M. S. 1961. In *Voprosy antropologii (Issues of Anthropology)* (7), 29–39 (in Russian).
- Akimova, M. S. 1968. *Antropologiya drevnego naseleniia Priural'ia (Anthropology of the Ancient Population of the Cis-Urals)* (in Russian).
- Alekseev, V. P. 1962. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition)* II. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ., 241–258 (in Russian).

Alekseev, V. P., Debets, G. F. 1964. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniy (Cranio-metry. Anthropologic Research Technique)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Bagashev, A. N. 2000. *Paleoantropologiya Zapadnoy Sibiri: Lesostep' v epokhu rannego zheleza (Paleo-anthropology of Western Siberia: Forest-Steppe Area in the Early Iron Age)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. 537 (in Russian).

Balabanova, M. A. 2000. *Antropologiya drevnego naseleniya Yuzhnogo Priural'ya i Nizhnego Povolzh'ya. Ranniy zhelezniy vek (Anthropology of the Ancient Population of the Southern Urals and the Lower Volga Region. The Early Iron Age)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Buzhilova, A. P. 2005. *Homo Sapiens: Istorii bolezni (Homo Sapiens: a Medical History)*. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ. (in Russian).

Buzhilova, A. P., Kozlovskaya, M. V., Lebedinskaya, G. V., Mednikova, M. B. 1998. *Istoricheskaya ekologiya cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniy (Historical Ecology of Humans: Methodology of Biological Research)*. Moscow: "Staryi Sad" Publ. (in Russian).

Gazimzyanov, I. R. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 23 (1), 294–320 (in Russian).

Diagnostikum mekhanizmov i morfologii perelomov pri tupoi travme skeleta (Diagnostic of Mechanisms and Morphology of Fractures in Case of Blunt Trauma of Skeleton). 2011. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Efimova, S. G. 1981. In *Voprosy antropologii (Issues of Anthropology)* (67), 64–73 (in Russian).

Efimova, S. G. 1991. *Paleoantropologiya Povolzh'ya i Priural'ya (Paleoanthropology of the Volga Region and the Urals)*. Moscow: Moscow State University Publ. (in Russian).

Pererva E. V. 2009. In Gromov, A. V., Khartanovich, V. I. (eds.). *Mikroevoliutsionnye protsessy v chelovecheskikh populyatsiyakh (Micro-Evolutionary Processes in Human Populations)*. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences (in Russian).

Fattakhov, R. M. 1978. In Voronov, A. A. (ed.). *Problemy etnografii i etnicheskoi antropologii (Issues of Ethnography and Ethnic Anthropology)*. Moscow: "Nauka" Publ., 206–215 (in Russian).

Fattakhov, R. M. 1981. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Ob istoricheskikh pamyatnikakh po dolinam Kamy i Beloi (On the Historical Sites in Kama and Belaya River Valleys)*. Kazan: Kazan Branch of the Academy of Sciences of the USSR, Language, Literature and History Institute, 94–109 (in Russian).

Fattakhov, R. M. 1980. In *Sbornik muzeia po antropologii i etnografii (Collected Papers of the Museum for Anthropology and Ethnography)* XXXVI. Leningrad: "Nauka" Publ., 130–138 (in Russian).

Shirobokov, I. G., Chernykh, E. M. 2016. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta. (Bulletin of Udmurt University)* 26 (1), 25–34 (in Russian).

About the Authors:

Volkova Elizaveta V. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; erminea.wolf@gmail.com

Gazimzyanov Ilgizar R., Candidate of Historical Sciences, Independent researcher. Kazan, Russian Federation; g-ilgizar@yandex.ru

Kiryagin Konstantin V. Lieutenant of Justice, senior expert of the Department of Forensic Medical research of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Republic of Tatarstan, Bolshaya Krasnaya Str. 39, Kazan, 420015, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; kiryagin@mail.ru

Kalyanov, Viktor A. Kazan State Medical University. Butlerov St., 49, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Black-diver@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2020 г.
Статья принята к публикации 01.09.2020 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

Эпоха средневековья

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.2.338.345>**ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА КОЧЕВНИКОВ
СТЕПНОЙ ЗОНЫ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ РАННИХ ТЮРОК:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

© 2021 г. Д.К. Тулуш

В статье рассматривается проблема выделения городищ периода Первого и Второго Тюркских каганатов. Длительное время в науке превалировала точка зрения об отсутствии у раннесредневековых кочевников Центральной Азии городов. С выявлением в конце XIX в. городищ Хара-Балгас, Пор-Бажын и др. начинается постепенное изучение городской культуры степняков, существовавшей с эпохи хунну вплоть до монгольского времени. Наиболее хорошо изучены в настоящее время памятники, датированные периодом хуннского государства, Уйгурского и Кыргызского каганатов, а также Монгольской империи. Несмотря на наличие отдельных сведений в письменных источниках (китайские летописи, рунические надписи, описания арабских, персидских и европейских путешественников IX–XIV вв.), до сих пор науке неизвестны города собственно тюркского времени как в Саяно-Алтайском регионе, так и на всей территории их господства. Есть предположение, что столица Уйгурского каганата Хара-Балгас (Карабалгасун или Орду-Балык) была выстроена на руинах ставки тюркских каганов – Хара-Хорин или Хар-Элст. Сравнение строительной технологии, применявшейся в хуннское и уйгурское время, показывает значительную сохранность городищ VIII–IX вв. за счет применения китайской технологии «хан-ту». Это, а также учет гипотезы о возможной преемственности хуннских традиций в тюркское время, позволяет предположить значительное разрушение тюркских городов как в результате военных действий, так и под влиянием времени. Развитие современных технологий выявления крупных археологических объектов посредством спутниковых снимков дает возможность локализовать невыразительные остатки ранее неизвестных древних городов на обширном пространстве евразийской степной зоны и провести масштабные работы по их изучению. Это исследование позволит пролить свет на судьбу городов Первого и Второго тюркского каганатов.

Ключевые слова: археология, фортификация, городище, хунну, Первый Тюркский Каганат, Второй Тюркский каганат, Уйгурский каганат, Кыргызский каганат.

**URBAN CULTURE OF NOMADS
OF THE STEPPE ZONE OF EURASIA IN THE PERIOD OF THE EARLY
TURKS: STUDY PROBLEM STATEMENT****D.K. Tulush**

The paper addresses the issue of identifying fortified settlements of the First and Second Turkic Khaganate periods. For a long time, according to the prevailing scientific viewpoint, the early medieval nomads of Central Asia had no towns. When Khara-Balgas, Por-Bazhyn, and other fortified settlements were identified in the late 19th century, a gradual study of the urban culture of the steppe people began, which existed from the Xiongnu period until the Mongol time. Currently, the best studied monuments date back from the period of the Xiongnu state, the Uyghur and Kyrgyz Khaganates, and the Mongol Empire. Despite the presence of separate information in written sources (Chinese chronicles, runic inscriptions, descriptions by Arab, Persian and European travelers of the 9th–14th centuries), so far there are no known towns of the actual Turkic period both in the Sayan-Altai region, and throughout the territory of Turkic dominion. There is an assumption that Khara-Balgas (Karabalgasun or Ordu-Balyk), the capital of the Uyghur Khaganate, was built on the ruins of the headquarters of Turkic khagans - Khara-Khorin or Khar-Elst. A comparison of the construction technology used in the Xiongnu and Uyghur periods demonstrates the substantial preservation of the 8th–9th century fortified settlements due to the use of the “hang-tu” Chinese technology. This, and also taking into account a hypothesis concerning the possible continuity of the Xiongnu traditions in the Turkic period, suggests the significant destruction of the Turkic towns both as a result of military operations, and under the influence of the time period. The development of modern technologies for identifying large archaeological sites using satellite images makes it possible to localize the inexpressive remains of previously unknown ancient towns in the vast

Eurasian steppe area and carry out their large-scale studies. This study will shed light on the fate of the towns of the First and Second Turkic Khaganates.

Keywords: archaeology, fortification, fortified settlement, Xiongnu, First Turkic Khaganate, Second Turkic Khaganate, Uygur Khaganate, Kyrgyz Khaganate.

Древнетюркское время, или эпоха ранних тюрков, как широкое культурно-историческое понятие – это длительный период в истории племен алтайской языковой семьи, входивших в состав крупных этносоциальных объединений, созданных тюркоязычными правящими династиями. В это время появились, достигли расцвета и погибли крупные раннесредневековые государственные образования хуннов, сяньби, жужаней, тюрков-тюкю, уйгуров, а также государства кыргызов с центром на Енисее и кимако-кыпчаков на Иртыше.

На всём протяжении этого периода происходило постепенное развитие и формирование древнетюркского культурного комплекса, наиболее выразительными элементами которого являются погребальный обряд (с сопроводительным захоронением коня), определённый набор предметов материальной культуры (главным образом поясного набора, вооружения и снаряжения верхового коня), каменные изваяния и орхоно-енисейская руническая письменность. Исследования указанных элементов ведутся систематически и достигли значительных успехов благодаря раскопкам многочисленных могильников, рассредоточенных на обширной территории центрально-азиатских степей.

В то же время изучение фактора седентаризации части кочевников, способствовавшего формированию городской культуры, ремесла и производства, ведется недостаточно. Если до XIX в. ученые, исследовавшие аборигенное население Сибири и Центральной Азии, и не предполагали обнаружить столь высокий уровень развития цивилизации на этой территории, то открытие и научное изучение развалин древних городов, начавшееся с конца XIX в. (Ядринцев, 1890; Клеменц, 1895), в корне перевернули ранние представления о роли и значении городов в ранних кочевых культурах. Планомерные работы по изучению древних городов Центральной Азии, начатые в 40–50-е гг. XX в. Киселевым С.В. и Евтюховой Л.А. (Евтюхова, 1949; Киселев, 1949; Киселев, 1957), дали обширный материал для изучения фортификации кочевников, уровня их взаимодействия с Китаем, Согдом и другими земледельческими регионами. Результаты Саяно-Алтайской экспедиции АН СССР стали стимулом для активного поис-

ка и изучения городов кочевников Монголии и Саяно-Алтайского региона, которые вели Кызласов Л.Р., Вайнштейн С.И., Соенов В.И., Готлиб А.И., Кызласов И.Л., Данилов С.В., Пэрлээ Х. и др. Изучение развития городов и городской культуры исследуемого периода в Семиречье и Средней Азии представлено в первую очередь трудами Бартольда В.В., Массона М.Е., Бернштама А.Н. и нашло отражение в обобщающих работах Байпакова К.М., Зинякова Н.М. (Байпаков, 1989; Зиняков, 2019).

В настоящее время археологическими исследованиями хорошо охвачены памятники хуннского времени, периода Уйгурского и Кыргызского каганатов, Монгольской империи в Саяно-Алтайском регионе, а также города-оазисы Средней Азии. Но градостроительство периодов Первого и Второго Тюркского каганатов исследовано недостаточно. Одной из причин этого может быть полное разрушение городов данных исторических периодов. Также возможна версия повторного использования части тюркских городов в уйгурское, кыргызское и монгольское время.

На территории Монголии известно 9 городищ хуннского времени (Гуа-Дов, Тэрэлжийн дэрвэлжин газар, Бурхын дурвулжин, Барс-Хот II и др.), датированных в первую очередь по черепице и квадратным кирпичам с округлыми краями, характерными для архитектурных традиций китайской династии Хань. В Южной Бурятии известно несколько поселений и укрепленных городищ хуннского времени, в основном по берегам Селенги и ее притоков – Джиде, Хилку и Чикою (Иволгинское городище, Баян Ундэр, Нижний Маргинутуй и др.), со следами влияния дальневосточных культур (Данилов, 2004). Сюда же можно отнести несколько глинобитных сооружений Минусинской котловины, относящихся к периоду хуннского влияния, когда местные племена входили в состав т. н. «Минусинской провинции хунну» (Савинов, 2009, с. 79) – Абаканское городище, а также пять кольцевых городищ (Усть-Ербинское, Знаменское, Первое Троицкое, Ининское, Второе Троицкое) (Кызласов И.Л., 2011). На территории Горного Алтая известно шесть городищ эпохи хунну, расположенных в долине р. Катунь на высоких террасах – Нижний Чепош-3,

Нижний Чепош-4, Манжерокское, Барангольское, Черемшанское и Ермулинское (Соенов, 2011).

Материалы археологических исследований показывают, что города хуннского времени имели крепостные стены из кирпича-сырца или глинобитные, несколько ворот по четырем или двум сторонам, а также большое возвышение в центре – центральный дворец, часто состоявший из одного или двух строений на глинобитной платформе (до 1,5 м высотой): основного южного подквадратного здания и меньшего северного (вероятно личные покои правителя). Центральное здание возводилось каркасно-столбовым методом: на гранитные базы устанавливали деревянные опоры стен и крыши. Такая система характерна для кочевых и полукочевых племен, привлекавших для строительства своих городов и крепостей китайских военнопленных и архитекторов. Планировка памятников этого времени, тем не менее, различается в зависимости от локальных географо-климатических условий. Так, в северных предгорьях Алтая преобладают городища хуннского времени рельефного типа, тогда как в степных зонах (Тува, Монголия) – прямоугольные (Тулущ, 2014).

В периоды существования государств сяньби и жужаней, а также Первого и Второго Тюркского каганатов в письменных источниках упоминаются ремесленные и земледельческие поселения без фортификационных сооружений, а также ставки – свидетельство одновременного кочевого и оседлого образа жизни племен сяньби, тоба, жужаней и др., расположенные в основном в центральной и южной Монголии в плодородных долинах рек Орхон, Онон и Селенга. Так, известны сведения о тюркском селище Хар-элст (Черные пески), а также о ряде городов, постройке дорог и почтовых станций (Майдар, 1971, с. 122). Однако конкретных археологических сведений о местоположении древнетюркских городов в настоящее время нет.

Широкое распространение строительство городов-крепостей получило в период Уйгурского каганата (745–840 гг.). К этой эпохе отнесено 14 городищ на территории Монголии (Орду-Балык – столица Уйгурского каганата, Байбалык и др.), ряд памятников Забайкалья, а также 10 городищ (крепостей) в Туве, объединенных в единую оборонительную систему (Пор-Бажын, Бажын-Алаак 1, Бажын-Алаак 2 и др.), характеризующуюся применением древнекитайской строительной технологии «хан-ту». Известны по руниче-

ским надписям и другие города, обозначенные терминами «балык» и «курган», местоположение которых еще предстоит выяснить. В уйгурское время значительного расцвета достигли города-оазисы Восточного Туркестана – Бешбалык, Куча, Карашар и др., существовавшие со времени господства юэчжэй (Худяков и др., 2002, с. 100–102). Они и стали оплотом Уйгурского Турфанского государства после поражения от енисейских кыргызов в результате длительной войны (820–840 гг.).

Исходя из вышеперечисленных археологических данных, можно было сделать вывод, что строительство городов в степях Центральной Азии было характерно для хуннского государства и Уйгурского каганата. Первые, несмотря на многочисленные письменные свидетельства постоянных кочевков вслед за стадами, занимались и земледелием, что и диктовало необходимость сооружения защитных сооружений. В случае с уйгурами значительную роль сыграла необходимость обороны завоеванных территорий от сильных соседей – в первую очередь енисейских кыргызов, в противовес которым была возведена целая система крепостей и оборонительных валов.

В то же время отсутствие культурного слоя тюркского времени на известных научному сообществу городищах не может служить доказательством полностью кочевого образа жизни тюрков-тюкю. Несмотря на устоявшийся в литературе образ воинственных тюркских племен, постоянно нападавших на своих оседлых южных соседей, наличие собственного производства железа, ремесла, письменности и развитая система государственного управления подразумевают наличие определенной прослойки оседлого населения, не входившего в число военной аристократии, но занимавшего достаточно высокое положение и имевшее постоянное место жительства – города.

Об этом, в частности, свидетельствуют разнообразные письменные источники, изучение которых позволяет предположить, что тюрки также строили города, но они были полностью уничтожены и стерты не только с лица земли. Можно предположить, что была сделана попытка стереть сведения об их существовании и из людской памяти. Но отдельные сведения о них сохранились в летописях китайских династий, памятниках орхонско-енисейской письменности, описаниях средневековых арабских и западноевропейских путешественников. Обращение к перво-

источникам дает интересные материалы для размышления.

Из письменных источников можно извлечь сведения о ставках правителей кочевников, иногда менявших местоположение. Так, например, в «Исторических записках» («Ши Цзи», II–I вв. до н. э.) указано, что у хуннов (сюнну) было несколько городов (Пэрлээ, 1957, с. 43), а также были известны названия ряда городов – Лунчэн, Дайлин, являвшихся местами ежегодного сбора для проведения обрядов и «переписи населения» (Сыма Цянь, 2002, с. 330). В трудах монгольских коллег даются предположения об этимологии названий этих хуннских городов – «Город дракона», «Стоянка дракона», «Драконов храм» (Майдар, 1971, с. 122).

Изучение переводов летописей, выполненных главой Духовной миссии РПЦ в Китае И. Бичуриным в конце XIX в., показало, что в периоды сяньби, жужаней и тюрок-тюкю не раз упоминаются наличие орды или ставки кагана, которые исторически располагались под Хангаем (Хара-Хорин или Кара-Кум) (Бичурин, 1950). Однако сведений о значительном строительстве городов и длительных поселений нет. Во всех китайских летописях подчеркивается кочевой характер жизни северных соседей, веками совершавших внезапные набеги на приграничные районы Поднебесной. В то же время отдельные князья кочевников переходили на сторону китайцев, несли службу по охране рубежей за определенное вознаграждение, и так же легко могли «отложиться», т. е. выступить против империи на стороне сородичей.

Одними из наиболее ранних первоисточников о городах кочевников считается надпись на поминальной стеле уйгурского кагана Моян-Чура (Боян-Чора), где написано, что после победы над чиками – народом, населявшим верховья Енисея, – он «...распорядился устроить свой беловатый лагерь и дворец (с престолом), ...заставил построить крепостные стены (заборы), ...провел лето, и ...устраивал моления высшим божествам» (Малов, 1959, с. 40).

Сведения о существовании городов у кочевников, отраженные в сообщениях арабских и европейских путешественников, побывавших в Центральной Азии, хорошо изучил Кызласов Л.Р. О городах кочевников писали в своих трудах Тамим ибн Бахр (начало IX в.), Абу Дулаф (сер. X в.), ал-Максиди (X в.), Махмуд Кашгарский (XI в.), ал-Идриси (XII в.), Рашид ад-Дин (XIII–XIV вв.) и др. (Кызласов Л.Р.,

2006, с. 29–37). В основном в них описаны фортификационные сооружения, города и поселения монголов и кыргызов, земли которых посещали путешественники.

Известны также сообщения персидского историка XIII в. Ала-ад-дина Джувейни, дважды побывавшего в Монголии в 1249–1253 гг., по которым было восстановлено название столицы древних уйгур – Орду-Балык (Хара-Балгас или Хараболгасун) (Кызласов Л.Р., 1959, с. 72). Хивинский хан Абул-Гази, обобщивший труды многих арабских и персидских историков, подробно описал городскую цивилизацию Кыргызского каганата и сопредельных территорий (Кызласов Л.Р., 2006, с. 36).

Примечательно, что уже в IX–XII вв. современники описывают многочисленные развалины городов как на территории Монголии, так и в верховьях Енисея, а также в Западной Сибири. Так, Тамим ибн Бахр, путешествовавший из Тараза в столицу Уйгурского каганата на рубеже VIII–IX вв., упоминает город царя кимаков на Иртыше, а также видел развалины города близ современного озера Зайсан, об истории которого и обитавшем в нем населении никто из местных жителей не знал (История..., 2010, с. 35–37). Развалины древних городов в своем путешествии из Сурра ман ра'а (Самарра – столица арабского халифата) в город Ика, столицу Уйгурского каганата, зафиксировал также араб Саллам ат-Тарджуман, посетивший по поручению халифа ал-Васика в 40-х гг. IX в. «стену Зу-л-Карнайна», защищавшую людей от мифических существ йаджудж и маджудж (Ибн Хорадбех, 1986). Различные исследователи отождествляли расположение стены с Саянскими горами, Алтаем или даже Великой Китайской стеной. Мифологический характер описания стены, размытое описание маршрута от столицы Хазарского каганата до города Ика не позволяют определить конкретный маршрут и конечную точку путешествия Саллама ат-Тарджумана, но ясно, что описанные им развалины городов, о которых не знали даже хазарские проводники, расположены были между Поволжьем и Восточным Туркестаном, через который арабский путешественник отправился в обратный путь.

Значительно меньше сведений о городах кочевников содержится в сообщениях западноевропейских послов и путешественников. Итальянский монах Плато Карпини, отправленный в 1245 г. папой Римским Иннокентием IV с посланием монгольскому хану, в своем отчете о поездке, названном «Libelius

historicus», описывает ряд крупных городов Средней Азии, известных современникам – Хорезм, Багдад и др. Сведений о наличии городов в прилегающих к северным рубежам собственно монгольской земли у него нет. В его труде упомянуты отдельные ставки (орда) и следы разрушенных городов в «стране Черных Китаев» (север Восточного Туркестана). В «земле Найманов» (вероятно, монгольский Алтай) городов он не видел и известий о них не имел (Путешествие..., 1957).

В 1253–1255 гг. следующую дипломатическую миссию от имени французского короля Людовика IX возглавлял монах-минорит Гильом Рубрук. Он также провел значительное время при дворе монгольского хана, посетил Каракорум и собрал много сведений о монголах и соседних с ними народах. По словам его информаторов, к северу и востоку от монгольских земель нет городов, а населяют их местные племена Керкисов (кыргызы) и Оренгаев (урянхай?), живущие в шатрах (юртах) (Путешествие..., 1957, с. 154).

Таким образом, в настоящее время мы имеем широкий пласт сведений о существовании и развитии традиции градостроительства в кочевых раннетюркских государствах, основанных на исследовании памятников Саяно-Алтайского нагорья, Монгольской степи и Восточного Туркестана. Это позволяет высказать суждение, что строительство городов и фортификационных сооружений для этого исторического периода – закономерность, а не случайность. Недостаточность сведений о существовании городов сяньбийского, жужаньского и собственно тюркского времени вкупе с многочисленными сведениями о развалинах древних городов, зафиксированных еще в IX–XI вв. средневековыми путешественниками, позволяет подтвердить их существование.

В настоящее время назрела необходимость проведения масштабных исследований по выявлению остатков градостроительства раннетюркского времени не только в рамках центральноазиатского региона, но и всей степной зоны Евразии. Недостаточно исследована градостроительная политика раннетюркских государств в отношении уже существовавших к тому времени крупных земледельческих городов Средней и Передней Азии, территории которых неоднократно попадали под власть тюркютов. С одной стороны, есть сведения о разрушении ряда крупных земледельческих центров (например, Отрарский оазис), а с другой – о появлении в VI–VIII вв.

ряда городищ Южного Казахстана и Юго-Западного Семиречья (Зиняков, 2019, с. 933).

Серьезной проблемой для изучения городищ, выстроенных до уйгурского времени, становится их сохранность, что напрямую связано с примененной для их возведения технологией. Исследования в Туве и Монголии показали, что в период Уйгурского каганата широко применялась китайская технология «хан-ту», когда стены возводились ленточной технологией путем плотной трамбовки слоев глины толщиной 8–12 см в опалубке, слои возводились друг над другом, постепенно сужаясь кверху. Высота широких (от 4 до 10 м) стен могла достигать при этом от 4–5 м (Бажын-Алаак 1) до 12 м (Пор-Бажын). В настоящее время высота остатков городищ, построенных в технике «хан-ту», составляет не менее 1 м.

Фортификационные сооружения хуннского времени преимущественно были возведены методом глиняно-земляной забутовки, что значительно снижало ее плотность и, соответственно, долговечность. Многие памятники хуннского времени были выявлены также случайно, т. к. сохранившаяся высота сильно оплывших валов редко превышает 1 м, а большинство памятников представляет собой площадки, ограниченные сильно оплывшими (до 20 м шириной) валами высотой менее 0,5 м без каких-либо выраженных следов внутренних сооружений (стен жилищ, ям или западин).

Исследование городища Катълыг 5 (Республика Тыва), проведенное в 2011–2014 гг. отрядом ИИМК РАН, показало, что в кокэльской культуре (II–IV вв.) гунно-сарматского времени также существовали укрепленные городища (Садыков, 2015), окруженные глиняно-земляной забутовкой. Осторожные предположения исследователей о преемственности традиций кокэльской культуры в тюркской культурно-исторической общности (Николаев, 2001), как и в целом хуннской (Рамстедт Г., Гумилев Л.Н., Кляшторный С.Г., Дыбо А.В. и др.), позволяют предположить, что тюрки-тюкю переняли и несовершенные строительные технологии, позволявшие быстро строить прочные, но недолговечные стены, остатки которых нам еще предстоит обнаружить на обширных пространствах евразийской степи.

На современном этапе развития технологий стало возможным археологическое изучение обширных территорий посредством спутниковых снимков высокого разрешения.

Благодаря этому выявляются следы крупных археологических памятников, которые не видно с поверхности при визуальной разведке (Тулуш, 2013; Тулуш, 2018). Ранее подобные городища выявлялись в ходе маршрутных разведок исключительно случайно – по подъемному материалу либо по сообщениям информантов. Работы по выявлению по спутниковым снимкам и обследованию городищ, не выраженных на поверхности, начаты в Туве, на Алтае, Байкальском регионе, Монголии. Однако все они носят локальный характер и недостаточно соприкасаются друг с другом. На большинстве из них собран только подъемный материал, они не обследованы стационарными раскопками, в связи с чем их датировка является предварительной либо вовсе отсутствует.

Анализ исследований, проведенных по затронутой тематике, ставит перед нами ряд вопросов о роли и значении феномена возникновения городской культуры в кочевых государствах:

– строились ли города кочевников в периоды государств сяньби, жужаней, Первого

и Второго Тюркского каганатов, и по какой технологии?

– является ли наличие фортификационных сооружений признаком устойчивого формирования городской культуры в кочевом государстве как неотъемлемого цивилизационного аспекта?

– являлись ли городища раннесредневековых кочевников исключительно земледельческо-ремесленными центрами с населением из завоеванных племен или население их формировалось из оседавших кочевников?

– каким образом и в каком направлении происходил транзит технологий градостроительства в эпоху ранних тюрков?

Важным аспектом данного исследования становится детальное картографирование фортификационных и поселенческих памятников степной зоны Евразии, выделение типологических групп и особенностей памятников, примененной строительной технологии, которые могут раскрыть не только их функциональное назначение и роль на локальном участке, но и в историко-культурном контексте истории тюркских кочевых государств.

ЛИТЕРАТУРА

Байпаков К.М. Город и степь в эпоху средневековья (по материалам Южного Казахстана и Семиречья) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций / Отв. ред. В.М. Массон. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 336–345.

Бичурин Н.Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.–Л.: АН СССР, 1950. 328 с.

Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2004. 202 с.

Евтюхова Л.А. Саяно-Алтайская экспедиция // КСИИМК. Вып. XXVI. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1949. С. 120–127.

Зиняков Н.М. Исторические предпосылки образования и развития средневековых городов Семиречья и Южного Казахстана // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. № 21 (4). С. 932–939.

Ибн Хоррабех. Книга путей и стран / Пер. Н.М. Велихановой. Баку: Элм, 1986. 428 с.

История Казахстана в арабских источниках. Т. II. Арабские географы и путешественники IX–XII вв. / Отв. ред. А.К. Муминов. Алматы: Дайк-Пресс, 2010. 328 с.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири / МИА. № 9. М.; Л.: АН СССР, 1949. 364 с.

Киселев С.В. Древние города Монголии // СА. 1957. № 2. С. 91–101.

Клеменц Д.А. Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 г. / Сборник трудов Орхонской экспедиции (отд. отг.). Т. II. СПб.: Имп. Акад. наук, 1895. 78 с.

Кызласов И.Л. Кольцевые городища Хакасии. К истории монументальной архитектуры на Енисее (Храмовая архитектура древности). М.: ТАУС, 2011. 64 с.

Кызласов Л.Р. Средневековые города Тувы // СА. 1959. № 3. С. 66–80.

Кызласов Л.Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии: исторические и археологические исследования. М.: Вост. лит., 2006. 360 с.

Майдар Д. Архитектура и градостроительство Монголии. М.: Стройиздат, 1971. 243 с.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.–Л.: АН СССР, 1959. 112 с.

Николаев Н.Н. Культура населения Тувы первой половины I тысячелетия н.э. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2001. 262 с.

Путешествие в восточные страны Платона Карпини и Рубрука / Ред., вступ. ст. и прим. Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. 270 с.

Пэрлээ Х. К истории древних городов и поселений Монголии // СА. 1957. № 3. С. 43–53.

Савинов Д.Г. Минусинская провинция хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб.: ИИМК РАН, СПбГУ, 2009. 226 с.

Садыков Т.Р. Кытылыг 5 – городище кокзельской культуры // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: Материалы междунар. науч. конф., Улан-Удэ, 7–8 апреля 2015 г. / Отв. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Отгиск, 2015. С. 286–292.

Соенов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А., Соенов Д.В. Чепешские городища. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2011. 228 с.

Сыма Цянь. Исторические записки: Ши цзи [В 9 т.]. Т. 8 / Пер. с кит. Р. В. Вяткина и А.М. Карапетьянца, ком. Р.В. Вяткина, А.Р. Вяткина и А.М. Карапетьянца, вступ. ст. Р.В. Вяткина. М.: Вост. лит., 2002. 510 с.

Тулуш Д.К. Опыт применения метода дистанционного аэрокосмического зондирования для выявления фортификационных сооружений на территории Республики Тыва // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул, 2013. С. 106–110.

Тулуш Д.К. Фортификационные сооружения Южной Сибири (общие и особенные черты) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III / Отв. ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 477–480.

Тулуш Д.К. Булун-Терек – новое городище уйгурского времени в Туве // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул, 2018. С. 216–220.

Худяков Ю.С., Комиссаров С.А. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана / Труды гуманитарного факультета. Серия V. Учебно-методические пособия. Новосибирск: НГУ, 2002. 156 с.

Ядринцев Н.М. Путешествия на верховья Орхона и к развалинам Каракорума (Чит. в общ. собр. И.Р.Г.О. 21 февраля 1890 г.) // Известия русского географического общества. 1890. Т. 26. В. 4. С. 257–271.

Информация об авторе:

Тулуш Демир Константинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); demirtk@mail.ru

REFERENCES

Baipakov, K. M. 1989. In Masson, V. M. (ed.). *Vzaimodeistvie kochevykh kul'tur i drevnikh tsivilizatsii (Interaction of Nomadic Cultures and Ancient Civilizations)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 336–345 (in Russian).

Bichurin, N. Ya. 1950. *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena (Collection of Details of the Peoples Living in Central Asia in Ancient Times)* 1. Moscow, Lenindrag: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Danilov, S. V. 2004. *Goroda v kochevykh obshchestvakh Tsentral'noy Azii (Towns in the Nomadic Societies of Central Asia)*. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Evtukhova, L. A. 1949. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XXXVI. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 97–114 (in Russian).

Zinyakov, N. M. 2019. In *Vestnik Kemerovskogo Gosudarstvennogo Yniversiteta (Bulletin of Kemerovo State University)*. 21 (4), 932–939 (in Russian).

Ibn Khoradbekh. 1986. *Kniga putei i stran (Book of Routes and Countries)*. Baku: "Elm" Publ. (in Russian).

In Muminov, A. K. 2010 (ed.). *Istoriia Kazakhstana v arabskikh istochnikakh (History of Kazakhstan in Arabic Sources)* 2. Almaty: "Daik-Press" Publ. (in Russian).

Kiselev, S. V. 1949. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 9. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Kiselev, S. V. 1957. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archeology)*. (2). 91–101 (in Russian).

Klements, D. A. 1895. *Arkheologicheskii dnevniki poezdki v Sredniuiu Mongoliiu v 1891 g. (Archaeological Diary of a Journey to Central Mongolia in 1891)*. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Kyzlasov, I. R. 2011. *Kol'tsevye gorodishcha Khakasii. K istorii monumental'noi arkhitektury na Enisee (Khratovaiia arkhitektura drevnosti) (Ring Settlements of Khakassia. The History of Monumental Architecture on the Yenisei (Temple Architecture of Antiquity))*. Moscow: "TAUS" Publ. (in Russian).

Kyzlasov, L. R. 1959. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* (3). 66–80 (in Russian).

Kyzlasov, L. R. 2006. *Gorodskaiia tsivilizatsiia Sredinnoi i Severnoi Azii: istoricheskie i arkheologicheskie issledovaniia (Urban Civilization of Central and Northern Asia: Historical and Archaeological Studies)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).

Kyzlasov, L. R. 1959. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archeology)*. (3). 66–80 (in Russian).

Maidar, D. 1971. *Arkitektura i gradostoitel'stvo Mongolii (Architecture and Town Building of Mongolia)*. Moscow: "Stroiizdat" Publ. (in Russian).

Malov, S. E. 1959. *Pamiatniki drevnetiurkskoi pis'mennosti Mongolii i Kirgizii (Monuments of Ancient Turkic Writing in Mongolia and Kyrgyzstan)*. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Nikolaev, N. N. 2001. *Kul'tura naseleniia Tuvy pervoi poloviny I tysiacheletii n.e. (Culture of Tuva Population in the First Half of the 1st Millennium AD.)*. Diss of candidate of historical Sciences. Saint Petersburg (in Russian).

1957. *Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka (The Journey of Plano Carpini and William of Rubruk to the Eastern Parts)*. Moscow: "Geografiz" Publ. (in Russian).

Perlee, H. 1957. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archeology)*. (3). 43 (in Russian).

Savinov, D. G. 2009. *Minusinskaia provintsia khunnu (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy 1984–1989 gg.) (Minusinsk province of the Xiongnu (Based on Archaeological Study Materials of 1984-1989))*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg State University (in Russian).

Sadykov, T. R. 2015. In Bazarov, B. V. (ed.). *Aktual'nye voprosy arkheologii i etnologii Tsentral'noy Azii (Actual issues of archaeology and ethnology of Central Asia)*. Irkutsk: "Ottisk" Publ., 286–292 (in Russian).

Soenov, V. I., Trifanova, S. V., Konstantinov, N. A., Shatanakova, E. A., Soenov, D. V. 2011. *Cheposhckie gorodishcha (Cheposh Hillforts)*. Gorno-Altai: Gorno-Altai State University (in Russian).

Syma Tsian. 2002. *Istoricheskie zapiski (Historical Notes)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).

Tulush, D. K. 2013. In Tishkin, A. A. (ed.). *Sovremennye resheniia aktual'nykh problem evraziiskoi arkheologii (Contemporary Solutions to the Current Issues of Eurasian Archaeology)*. Barnaul: Altai State University, 106–110 (in Russian).

Tulush, D. K. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan) III*. Kazan: "Otechestvo" Publ., 477–480 (in Russian).

Tulush, D. K. 2018. In Tishkin, A. A. (ed.). *Sovremennye resheniia aktual'nykh problem evraziiskoi arkheologii (Contemporary Solutions to the Current Issues of Eurasian Archaeology)*. Barnaul: Altai State University, 216–220 (in Russian).

Khudyalov, Yu. S., Komissarov, S. A. 2002. *Kochevaia tsivilizatsiia Vostochnogo Turkestana (Nomadic Civilization of East Turkestan)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University (in Russian).

Yadrintsev, N. M. 1890. In *Izvestiia Russkogo geograficheskogo obshchestva (Bulletin of the Russian Geographical Society)* 26(4), 257–271 (in Russian).

About the Author:

Tulush Demir K. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; demirtk@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2021 г.

**Н.Ф. КАЛИНИН:
ИЗУЧЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИКО-
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА**

© 2021 г. Р.С. Зоря, А.Г. Ситдиков

В статье рассматривается археологическая деятельность Николая Филипповича Калинина на Болгарском городище в 1932–1946 гг. Обработаны и введены в научный оборот новые архивные материалы личного фонда исследователя. Одним из основных направлений в научной деятельности ученого являлось Болгарское городище. Будучи единственным местным археологом, в 1930-е гг. Н.Ф. Калинин разработал подробный проект изучения Болгарского городища и обозначил ключевые направления в необходимых исследованиях этого памятника. Данный проект был одобрен в ГАИМК и прошел идеологическую проверку в центральных организациях Татарии, однако вплоть до 1938 г. работы начаты не были. Главной причиной тому было отсутствие средств и профессиональных кадров в Республике. Николай Филиппович принял участие в первых пяти полевых сезонах в совместной Болгарской археологической экспедиции под руководством А.П. Смирнова (1938–1940, 1945–1946 гг.). Как показал анализ этих работ, первые годы археологических исследований городища осуществлялись, в основном, согласно составленному в 1932–1934 гг. Н.Ф. Калининым плану. Во многом благодаря бескорыстному труду ученого, в 1934 г. Болгарское городище было внесено в список заповедников республиканского значения.

Ключевые слова: археология, Болгарское городище, археология, охрана культурного наследия, Н.Ф. Калинин, Республика Татарстан.

**N.F. KALININ:
STUDYING AND PRESERVING THE HISTORICAL AND
ARCHAEOLOGICAL HERITAGE OF BOLGAR FORTIFIED SETTLEMENT**

R.S. Zorya, A.G. Sitdikov

The paper addresses the archaeological studies by Nikolai Filippovich Kalinin at Bolgar fortified settlement in 1932–1946. New archival materials from the researcher's personal fund were processed and introduced into scientific discourse. One of the main directions in the scientific activity of the scientist was Bolgar fortified settlement. As the only local archaeologist, N.F. Kalinin developed a detailed project for the study of Bolgar fortified settlement in the 1930s. This project was approved by the State Academy for the History of Material Culture and passed an ideological test in the central organizations of Tatarstan, but the excavation had not started until 1938. The main reason for this was the lack of funds and specialists in the Republic. Nikolai Filippovich took part in the five seasons of the Bolgar archaeological expedition under the supervision of A.P. Smirnov (in 1938–1940, 1945–1946). As evidenced by an analysis of these activities, the first years of archaeological studies of the fortified settlement were mainly carried out according to the plan developed by N.F. Kalinin in 1932–1934. Largely owing to the scientist's selfless work, the Bolgar fortified settlement was included in the list of reserves of republican significance in 1934.

Keywords: archaeology, Bolgar fortified settlement, protection of cultural heritage, N.F. Kalinin, the Republic of Tatarstan.

Центральное место в археологии Волжской Болгарии занимает изучение сохранившихся до наших дней руин города Болгар. Он был хорошо известен в период своего расцвета на всем Евразийском континенте, что отразилось в многочисленных письменных источниках того времени (Фахрутдинов, 1987, с. 9–25).

Особая роль Болгара и его наследие оставили глубокий отпечаток в татарской национальной культуре. Руины древнего города для мусульман были и остаются

сакральным местом – центром паломничества к святым местам (Баранов и др., 2021, с. 119–124).

Богатое прошлое Болгара на протяжении около 300 лет привлекало внимание представителей творческой интеллигенции. В их трудах сохранились многочисленные описания города и изображения остатков его былого величия. Многие материалы, связанные с изучением и сохранением этого памятника, дошли до наших дней в виде архивных руко-

писей. Вклад каждого исследователя ценен и требует своего осмысления при изучении Болгарского городища (Нестеренко, Ситди-ков, 2021, с. 35–51).

К числу людей, оставивших заметный след в изучении истории этого города, безусловно, относится Николай Филиппович Калинин (1888–1959) – известный казанский археолог, музейный работник и педагог. Область его научных интересов была чрезвычайно обширна: интересовали ученого вопросы археологии и истории древностей Среднего Поволжья, Волжской Булгарии, Казанского ханства (Ситдилов, Старостин, 2002).

В личных архивах Н.Ф. Калинина выделяются материалы, посвященные изучению Болгарского городища. Этот памятник привлек внимание Николая Филипповича еще в гимназические годы. В 16-летнем возрасте он совершил свою первую “экспедицию” в с. Болгары, где предпринял первые попытки самостоятельного изучения и осмотра древних развалин (Документы..., л. 27). Подлинный научный интерес Н.Ф. Калинина к болгарской культуре и городищу возник в 1920-е гг. и был связан с его деятельностью в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете (далее – ОАИЭ) и Центральном музее АТССР (Ситдилов, 1998, с. 14).

После разгрома краеведческого движения и отъезда М.Г. Худякова и В.Ф. Смолина в 1930-е гг. единственным профессиональным археологом в Казани остается Н.Ф. Калинин. В те годы работа ученого была сосредоточена в стенах Центрального музея, который, по сути, являлся местным центром историко-краеведческой и археологической деятельности (Руденко, 2019, с. 299; Хакимова, 2011, с. 18). Помимо наблюдений отложений за напластованиями археологического культурного слоя на улицах и в г. Казани, исследователь уделял большое внимание охране памятников культурного наследия Татарии, особенно – Болгарскому городищу.

В августе 1932 г. по поручению сектора науки Татнаркомпроса Николай Филиппович посетил музеи в с. Болгары, г.г. Тетюши, Елабуге и Чистополе и провел инспекцию на Болгарском, Чертовом и Джукетаусском городищах. В его отчете отражены состояние районных музеев и исторических памятников, указаны необходимые меры для поддержания их сохранности (Калинин, 1932, л. 1).

В начале 1930-х гг. региональные музеи находились в плачевном состоянии. В Болгарах отсутствовало какое-либо экспозицион-

ное оборудования, а музейного работника вообще не было – после отъезда местного учителя – любителя древностей В.М. Королева фактически все обязанности выполняла сторож С. Тазетдинова, не имеющая исторического образования и квалификации. Памятники архитектуры (Черная Палата, Малый Минарет, т. н. Монастырский погреб, церковь св. Николая и др.) были значительно повреждены и требовали срочного ремонта. Помимо серьезных механических повреждений природного характера (трещины и разрушения кладки, сломанные двери, частичное отсутствие защитных перекрытий), ученый отмечает негативное влияние человеческой деятельности. Так, ввиду неконтролируемого выпаса скота “домашние животные свободно входят в Палату, о чем свидетельствует коровий помет внутри здания”. “Ограда Четырехугольника не запирается, и жители села ходят через площадь постройки...” (Калинин, 1932, л. 1–3 об.).

Практически сразу же после возвращения из командировки Николай Филиппович разработал план по изучению и сохранению памятника. В архиве ИЯЛИ сохранилось несколько версий “Плана”. Необходимо отметить, что в 1930-е гг. в археологии утвердилось марксистское учение об общественных формациях, господствующей концепцией стала теория стадийности и яфетическая теория (Клейн, 2014, с. 69). Это нашло свое отражение в данном документе.

Так, первоначальный проект, составленный Николаем Филипповичем в октябре 1932 г., был послан в ГАИМК и сектор науки Татнаркомпроса (Калинин, 1932). Он состоял из 4 разделов, сметы работ и плана-схемы городища с пометками Н.Ф. Калинина (рис. 1).

Первый вводный раздел “Вопросы изучения истории болгарского общества” содержал идеолого-методические указания, которым должен следовать любой советский “болгарский историк”. Подчеркивалось, что грубой ошибкой является поиск “...в болгарском государстве признаков национального государства, а в эпиграфическом материале – источников национального болгарского языка... Необходимо искать не национальные, а племенные образования...”. “Болгарскому историку” предписывалось “дать отпор буржуазной миграционной теории” и уделить особое внимание изучению производственных комплексов, производственных сил и вопросам имущественного неравенства болгарского общества. В исследованиях

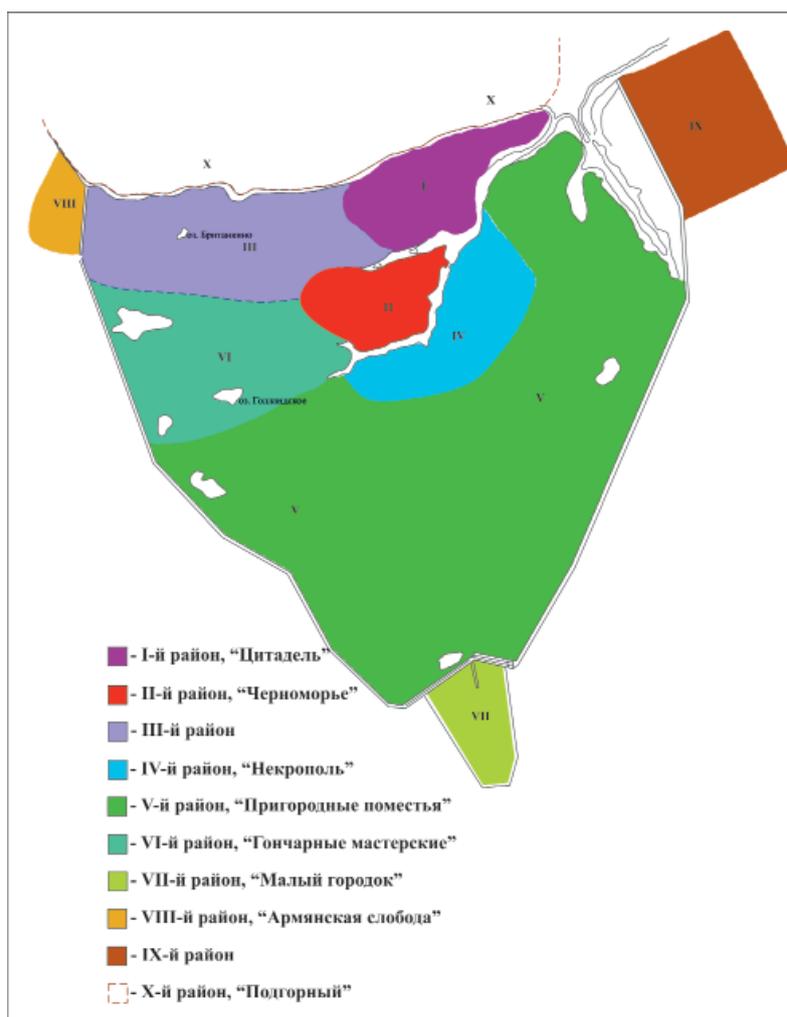


Рис. 2. Приблизительное расположение районов Болгарского городища (по описанию Н.Ф. Калинина).

Fig. 2. Approximate location of the districts of Bolgar fortified settlement (according to the description of N.F. Kalinin).

ной укрепленной валами и рвами территории могут располагаться как остатки самого города, так и сельской округи, пригорода (Калинин, 1932, л. 4).

Следующей перспективной задачей по Н.Ф. Калинину было изучение процесса роста города путем длительного исследования широкими площадями, "по существу – всего городища полностью (подчеркнуто Н.К.)" (Калинин, 1932, л. 4).

В процессе этих работ должны быть решены вопросы о водоснабжении города и системы водопроводов, о характере отопления жилищ и об обороне и фортификации города (Калинин, 1932, л. 4 об).

Третий раздел "Современное состояние памятника" включал в себя подразделы о топографии и описание разрушений памятника под действием природных и антропогенных факторов. По сути, Н.Ф. Калинин был первым исследователем, кто составил пространственный анализ исторической топографии городища. Несмотря на недоста-

точную археологическую изученность памятника на момент составления плана, Николаю Филипповичу удалось обозначить основные участки городища. Всего им было выделено 10 отдельных районов (Калинин, 1932, л. 5–11) (рис. 2):

I-й район – место первоначального возникновения города, располагался в северо-восточной части городища на мысе, образованном Иерусалимским оврагом. Ученый предполагал наличие здесь городской цитадели, ханского двора, мечети и других административных сооружений.

II-й район – "Черноморье", находился к юго-западу от I района и простирался до Черной палаты. По гипотезе Н.Ф. Калинина, тут был "посад с торговым и ремесленным населением", о чем свидетельствует большое количество всхолмлений – остатков построек.

III-й район – располагался к западу от "цитадели", включал в себя "Бабий бугор".

IV-й район – участок болгарского некрополя, простирался к югу от I и юго-западу от II

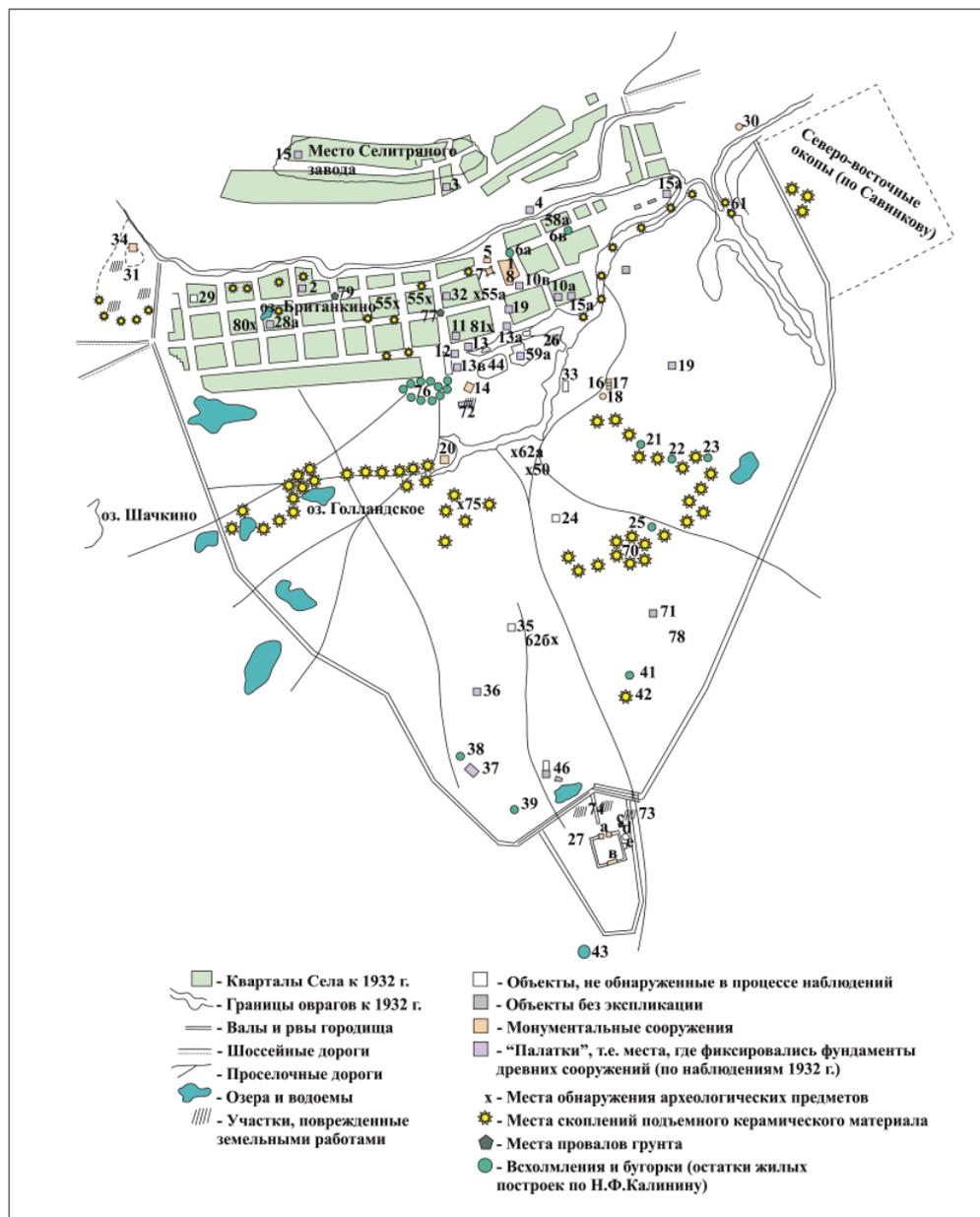


Рис. 3. План Болгарского городища с экспликацией (по Н.Ф. Калинину).

Fig. 3. Plan of Bolgar fortified settlement with explication (after N.F. Kalinin).

района. Тут зафиксированы Малый минарет и остатки Ханской усыпальницы.

V-й район – территория пригородных поместий, расположенных к югу и востоку от IV района, находившихся под защитой внешнего вала и рва городища.

VI-й район – помещен Н.Ф. Калининым к западу от II района и Белой палаты. Основываясь на многочисленных находках керамических материалов у оз. Голландского, ученый справедливо предположил наличие здесь гончарных мастерских.

VII-й район – т. н. Малый городок, расположенный в южной части городища.

VIII-й район – находился в северо-западной части, включал в себя развалины Греческой палаты. Тут, по предположению Н.Ф.

Калинина, существовала армянская торговая колония (слобода).

IX-й район – занимал холм, примыкающий с северо-востока к городищу, где был собран разнообразный подъемный материал.

X-й район – “подгорный”, располагался на низменности к северу от “цитадели”. Николай Филиппович отмечал, что, хоть тут никаких археологических работ ранее не было, данный участок является одним из наиболее перспективных для исследований. В этом районе, исходя из его расположения и близости к реке, ученый предполагал наличие товарных пристаней и складов.

При составлении собственно плана Болгарского городища ученый использовал чертежи Н. Савенкова (план 1732 г.), А.К. Шмидта

(план 1827 г.) и Штрауса (план 1869 г.). Кроме того, им были учтены материалы исследований В.Ф. Смолина. Н.Ф. Калинин систематизировал имеющиеся данные и отметил участки, где ранее были зафиксированы следы построек. Согласно данным, полученным в период личных наблюдений 1932–1945 гг. на памятнике, ученый нанес на план точки скопления керамического материала и места обнаружения различных археологических предметов (рис. 3).

Помимо монументальных сооружений (Успенская церковь, Церковь св. Николая, Монастырский погреб – Северный мавзолей, “Четырехугольник” – Соборная мечеть, Черная палата, Белая палата, Греческая палата, Ханская усыпальница, Малый минарет, “Капитанский” колодец – колодец Габдрахмана, архитектурный комплекс “Малый городок”), на плане отмечены т. н. “палатки” – места, где фиксировались фундаменты древних построек, и “бугорки и холмики” – остатки жилых домов (по Н.Ф. Калинин).

Некоторая схематичность и неточности в плане, обусловленные рядом причин, не зависящих от автора (погрешности на старых картах, отсутствие специального оборудования, нехватка финансирования и т. д.), никоим образом не умаляют вклада Николая Филипповича в дело изучения и сохранения Болгарского городища. Многие объекты, обозначенные на этом документе, были подвергнуты исследованиям в последующие годы.

Четвертый раздел содержал план предлагаемых Н.Ф. Калинин мероприятий на Болгарском городище. Ученый обращал внимание на необходимость систематического и комплексного изучения – для этого, по его задумке, нужно было привлечь историков, географов, геологов, почвоведов, зоологов, антропологов, архитекторов и лингвистов (Калинин, 1932, л. 11 об.).

Проектом были предусмотрено проведение подготовительных и археологических работ на городище в период с 1933 по 1937 гг. в 8 наиболее привлекательных районах городища (Калинин, 1932, л. 12–13).

Так, весной 1933 г. запланировано провести топографические работы, изучение рельефа, гидрографии, геологии и почвы. Предполагалось заложить: а) траншею по северному склону городища от верхнего края до уровня воды; б) траншею за болотом; в) несколько шурфов и почвенных ям у Голландского озера, в полях, на территории кладбища и у Малого городка.

На 1933 г. в районе “цитадели” было намечено провести раскопки западной части четырехугольника методом “послойной съемки по квадратам, расширяя площадь к востоку и югу, далее к оврагу”. В районе “Черноморья” предполагалось начать работы у Черной Палаты, постепенно расширяя линию раскопов на восток, по направлению к Малому Минарету. В последующие годы планировалось расширить площадь исследования и параллельно проводить работы в III–VIII районах. Кроме того, предполагалось изучение вала и рва путем осуществления поперечных и продольных разрезов с целью выяснения устройства насыпей и поиска остатков стен и ворот.

Однако начать полевые работы в обозначенные сроки не удалось. В августе 1933 Н.Ф. Калинин составил проект археологических исследований по ТАССР, куда вошел вышеупомянутый план работ на Болгарском городище и новый план работ в Казанском кремле. Этот проект был заслушан в Казанском Институте Марксизма и Ленинизма и был направлен в Татнаркомпрос, ТатЦИК, ГАИМК и другие центральные организации.

После того как при Татнаркомпросе был закрыт отдел по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и природы, его функции переданы в Центральный музей. Фактически Николай Филиппович занимался вопросами сохранения объектов культурного наследия в одиночку, не получая за свой труд никаких денежных выплат и надбавок. Ученый также осуществил все подготовительные работы к изданию постановления об охране памятников и составлению готового списка, который в итоге был утвержден в президиуме ТатЦИКа (Калинин, 1936, л. 23 об.). Результатом этой работы, в том числе, было внесение Болгарского городища в список заповедников республиканского (РСФСР) значения (Баранов, 2019, с. 192; Персова, Ситдинов, Хайрутдинов, 2021, с. 91).

В мае 1934 г. при Центральном музее прошло совещание музейных работников и представителей ГМ Народов Востока в Москве, на котором Н.Ф. Калинин представил второй вариант проекта. По структуре он не сильно отличался от плана 1932 г. В нем более подробно расписана методика проведения полевых работ, отмечена необходимость привлечения аспирантов и студентов в работах археологов. Существенным отличием является лишь отсутствие четкого графика проведения раскопок на при сохранении общей последовательности работ, указанных

в предыдущем варианте проекта (Калинин, 1934, л. 15–16).

О запланированных конкретно на 1934 г. работах можно узнать из другого документа – ходатайства перед ГАИМК о необходимости выдачи открытого листа на имя Н.Ф. Калинина, подписанного директором музея Е.И. Медведевым и заведующим отделом Поволжья музейного народоведения Н.П. Милоновым (Итоги..., л. 78). Раскопки предполагалось провести в двух районах.

В районе “Черноморья, местности к юго-западу от болгарской цитадели с Четырехугольником, ханским дворцом и мавзолеями”, на пространстве “между Черной палатой и Малым Минаретом” планировалось изучить пригородную часть города, вскрыть “остатки многих жилищ и м. б. мастерских болгарских жителей”. Как отмечал сам Николай Филиппович, “в противоположность прежним раскопкам, сосредотачивавшими свое внимание на крупных зданиях (мечеть, ханская усыпальница, мавзолей) на центральных или парадных частях города и на освещении феодальной верхушки, настоящие работы сосредотачивают внимание на окраине города с трудящимся населением”. В районе “Пригорода”, к югу от Малого минарета, планировалось вскрыть “один из холмиков с целью обнаружения пригородного поместья”.

Раскопки были рассчитаны на месячный срок, их производство предполагало применение методики послойной съемки по квадратам с применением фото- и графической фиксации, обмеров, сбора подъемного материала и т. д. В организации экспедиции под общим руководством Н.Ф. Калинина должны были бы принять участие Центральный музей (Казань), Государственный центральный музей Народоведения, Центральное бюро краеведения (Москва), Чувашский музей, Чувашский НИИ культуры, Чувашское бюро краеведения (Чебоксары), музей Горьковского края (Нижний Новгород) (Итоги..., 1935, л. 78).

Хоть этот план и получил одобрение ГАИМК, но по целому ряду причин до 1938 г. воплощен в жизнь не был. На протяжении этих лет Николай Филиппович продолжал проявлять инициативу и неоднократно писал в ГАИМК, подчеркивая необходимость организации экспедиции. Так, в отчете 1935 г. содержатся сведения, которые помогают пролить свет на те условия, которые препятствовали проведению работ на Болгарском городище. Н.Ф. Калинин писал: “В течение 1933–1935

годов, однако, раскопки не проводились из-за отсутствия средств и из-за перегруженности экспедиционных планов тех центральных научных учреждений, к которым Ц. Музей обращался с предложением вести археологические раскопки совместно. За три года потребность в этих раскопках стала еще напряженнее, еще неотложнее. Извещая Г. Академию И.М.К. об этой неотложности, считаю необходимым подчеркнуть, что эти работы не могут быть осуществлены Центр. Музеем без участия других учреждений. Смета музея по исследовательской работе крайне мала, а целевые сметы на экспедиции из года в год не утверждались Т.Н.К.Просом и Т.Н.К.Фином. Не имели успеха и другие мои привлечения средств. Что касается кадров – специалистов-археологов, то их в Казани, за исключением меня, нет. Эти обстоятельства вынуждают со всей категоричностью ставить перед Академией вопрос о средствах и о пополнении кадров специалистов, без чего, можно предполагать, что работы не будут осуществлены и в 1936 г. 19.XI.1935. Н. Калинин. завед. Ист. Сект. Ц.М.Т.Р” (Калинин, 1935, л. 4 и об.).

Однако “средства и кадры” появились только спустя три года. В августе 1937 г. советским правительством было принято постановление “О строительстве Куйбышевского гидроузла на реке Волге и гидроузлов на реке Каме” (Носкова, Розенберг, 2012, с. 223). В связи с намечавшимися работами по строительству была поставлена задача археологического обследования территорий, попадавших в зоны затопления (Збруева, Смирнов, 1939, с. 192).

Главным археологическим событием в Республике было начало в 1938 г. плановых систематических раскопок Болгарского городища совместными усилиями Центрального музея и экспедиции ИИМК под рук. А.П. Смирнова и активном участии Н.Ф. Калинина (Смирнов, 1954, с. 306; Хлебникова, 1987, с. 34).

В первую очередь были обследованы районы нижней части городища, которые были бы затоплены рекой (Збруева, Смирнов, 1939, с. 192–193). В результате проведенных в нижней части городища вдоль берегов р. Меленки работ (X-й, “подгорный” район, по Н.Ф. Калинин) установлено место нахождения древнего водопровода, зафиксирован “незначительной мощности” культурный слой (руководитель раскопа – А.П. Смирнов, раскоп “Б” площадь раскопок 130 м²) (Смирнов, 1938, л. 10–16).

В верхней части городища раскопки проводились при использовании послойно-квадратного метода с учетом раскопок по штыкам. В 1938 году исследовался Коптелев Бугор (район I-й, “цитадель”, по Н.Ф. Калинин) (руководитель раскопа – Н.Ф. Калинин, раскоп “А”, площадь раскопок 80 м²) и участок у Монастырского погребца (Северного мавзолея) (руководитель раскопа – Н.Ф. Калинин, раскоп “В”, 36 м²) (Смирнов, 1938, л. 2–10 и 16–19) (рис. 4–6). Основное значение работ, как пишет Т.А. Хлебникова, “состояло в том, что был выявлен древнейший слой на городище и выделены разновременные культурные напластования, что заложило основу стратиграфической шкалы городища” (Хлебникова, 1987, с. 35).

Дальнейший план археологических работ в Республике был представлен на Первой Всероссийской археологической конференции музеев системы НКП РСФСР (10–13 апреля 1939 г.). Как справедливо отметил К.А. Руденко, эта конференция оказала значительное влияние на казанскую археологию. В перспективном пятилетнем плане исследований на территории ТАССР основной акцент был сделан на археологическое изучение Болгарского городища, причем центральную часть его исследовал А.П. Смирнов, а периферию – Н.Ф. Калинин (Руденко, 2014, с. 379–380).

В 1939–1940 гг. Н.Ф. Калинин и А.П. Смирнов провели разведки в урочище Ага-Базар, в результате которых были обнаружены культурные напластования болгарской эпохи мощностью до 1 м, и работы в Красной палате (700 кв. м) – болгарской общественной бане (Збруева, Смирнов, 1939, с. 199; Ситдинов, 1998, с. 14). Исследователями производятся раскопки в основании склона верхней береговой террасы. Раскопами были вскрыты слои XIII–XIV вв.

По результатам исследований Красной палаты в Болгарах в 1940 г. Н.Ф. Калинин и А.П. Смирнов смогли практически полностью реконструировать первоначальный вид болгарской бани XIV века. Детальная реконструкция ими была отображена позже в КСИИМК. Было установлено три последовательно залегающих горизонта культурного слоя. Первый (нижний) – второй половины XIII в., с подпольем деревянного дома, колодцем; второй (средний) – первой половины XIV в., с каменной мостовой и каменно-кирпичным зданием бани, получившей наименование Красная палата. Это баня восточного типа, по

наблюдениям Н.Ф. Калинина, была сложена из каменных блоков и кирпичей, с подпольным отоплением, водопроводом, каменными фигурными водоемами и фонтаном (Калинин, Смирнов, 1949, с. 152). Разрушенное здание бани оказалось перекрытым слоем XV в., относящимся ко времени запустения этой части города.

К сожалению, исследования, запланированные на 1941 г., осуществить не удалось. Началась Великая Отечественная война.

В годы войны Николай Филиппович работает в составе комиссии по болгаро-татарской эпиграфике, созданной по его инициативе в ИЯЛИ. В середине сентября 1942 г. ученый провел небольшие земляные работы на Болгарском городище. Вдоль фундамента южной стены Успенской церкви была заложена траншея шириной в 80 см. В кладке сооружения обнаружено 12 каменных надгробий (Калинин, 1942, л. 1–2). Н.Ф. Калинин датировал, описал, осуществил перевод и сделал зарисовки этих эпиграфических памятников (Калинин, 1943).

Тогда же Николай Филиппович составил акт осмотра Болгарского городища и его исторических памятников. Как следует из текста документа, состояние архитектурных объектов городища за 10 лет сильно ухудшилось (напомним, что ученый еще в 1932 г. составил акт и смету по ремонту объектов культурного наследия в с. Болгары), все так же “ограды около ханской усыпальницы разрушены, а скот свободно заходит внутрь, оставляя свой помет” (Калинин, 1942, л. 4 и об.).

В заключении комиссии указано, что “Дело охраны памятников и их планомерного изучения до сих пор остается недостаточным и несоответствующим их ценности для истории местной и истории СССР... В ближайшее время необходимо организовать планомерное изучение, систематические арх. раскопки ежегодно и длительное пребывание на городище специалистов для других работ...”. Среди прочих предложений была высказана принципиальная идея “Войти в СН.Ком.Тат. АССР с проектом постановления об объявлении Болгарского городища историческим заповедником и проектом инструкции о мерах охраны” (Калинин, 1942, л. 5 и об.).

Летом 1943 г. на городище были продолжены работы по снятию выкопировок и зарисовок с эпиграфических памятников (Нестеренко, Ситдинов, 2021, с. 52). Кроме того, осуществлены небольшие раскопки одного из “всхолмлений” к югу малого Минарета,



Рис. 4. Раскоп "А" на Коптеловом бугре, 1938 г.
Fig. 4. Excavation "A" on Koptelov Vugor, 1938

Рис. 5. Участки раскопа "В" у Северного мавзолея, 1938 г.

Fig. 5. Sections of excavation sites "B" near the Northern Mausoleum, 1938

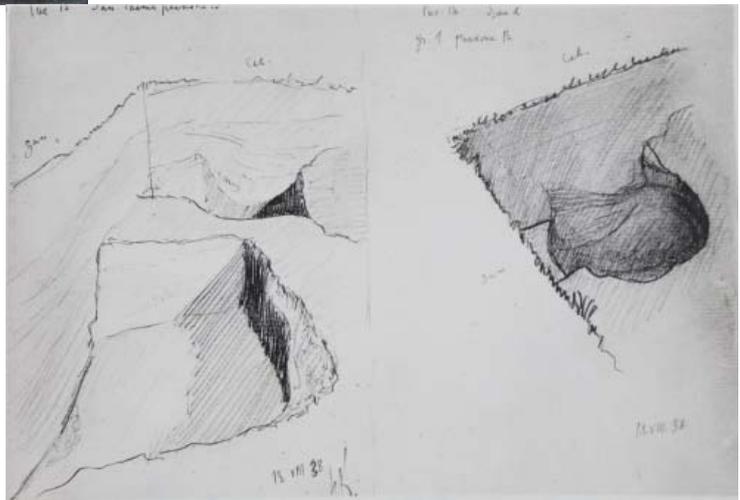


Рис. 6. Угол колодца (по Н.Ф. Калинину) на раскопе "В" у Северного мавзолея, 1938 г.

Fig. 6. Corner of a well (according to N.F. Kalinin) at excavation "B" near the Northern Mausoleum, 1938



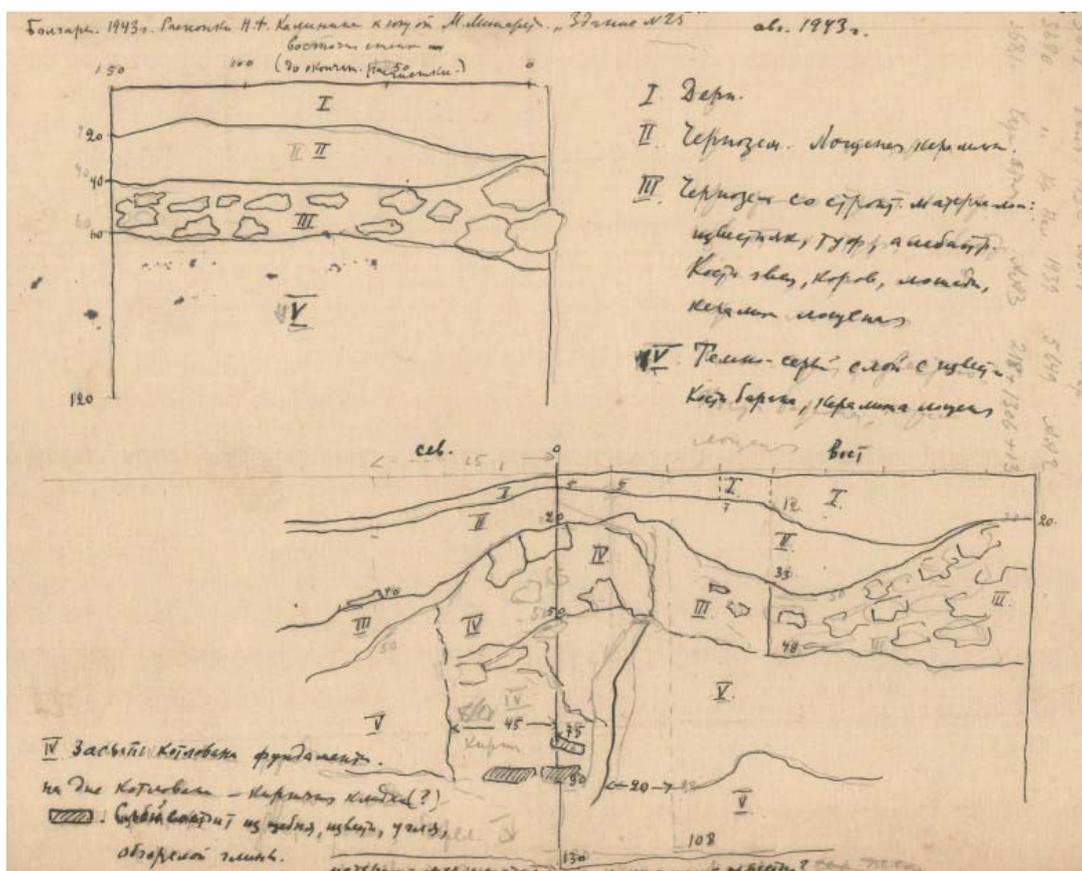


Рис. 7. Стратиграфия раскопа к югу от Малого минарета (№25 на плане Н.Ф. Калинина), 1943 г.
 Fig. 7. Stratigraphy of the excavation south of the Small Minaret (No. 25 on N.F. Kalinin's plan), 1943

где при визуальном осмотре были зафиксированы остатки фундамента (объект № 25 на плане Н.Ф. Калинина) (Зоря, 2021, с. 30) (рис. 7). По всей видимости, это был тот самый объект, вскрытие которого Николай Филиппович планировал еще в 1934 г.

Широкомасштабные раскопки Болгарского городища были возобновлены в 1945 г. под руководством А.П. Смирнова. В послевоенные годы Н.Ф. Калинин принял участие в исследовании городища в течение двух сезонов (Ситдииков, 1998, с. 14).

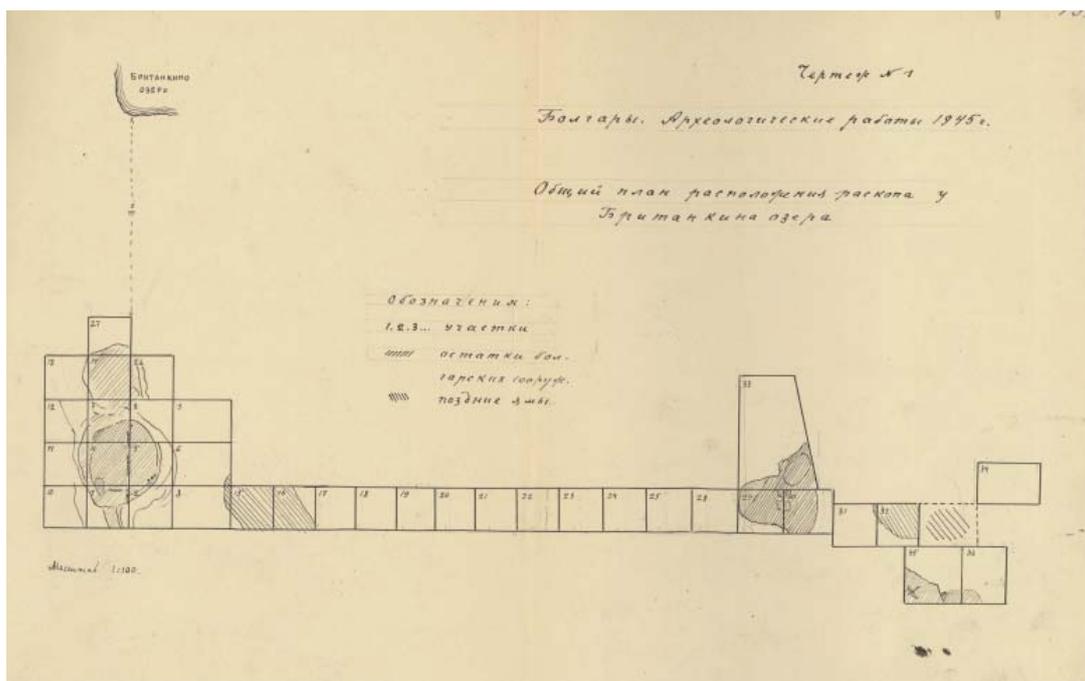
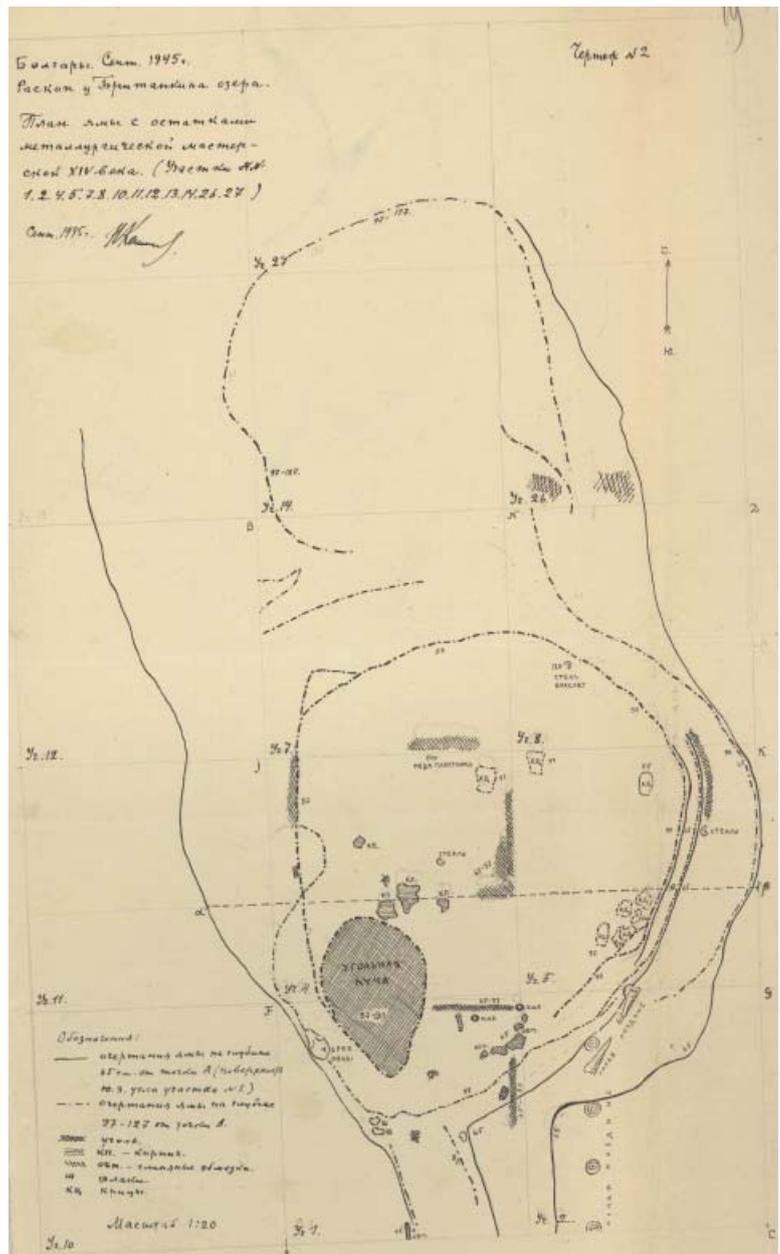


Рис. 8. Общий план расположения раскопа у Британкина озера, 1945 г.
 Fig. 8. General plan of the excavation at Lake Britankina, 1945

Рис. 9. План участка раскопа у Британкина озера, где были зафиксированы остатки металлургической мастерской, 1945 г.
Fig. 9. Plan of the excavation section near Lake Britankina where the remains of a metallurgical workshop were identified, 1945



В августе-сентябре 1945 г. раскопки проводились объединённой экспедицией ИИМК, ГИМ (А.П. Смирнов) и ГМ ТАССР (Н.Ф. Калинин, А.М. Ефимова) (Смирнов, 1945, л. 4). Николай Филиппович руководил работами в северо-западной части городища, в 25 м к югу от оз. Британкина (рис. 8). На раскопе общей площадью 98 кв. м были обнаружены остатки металлургической мастерской XIV в. со скоплением шлаков и криц (рис. 9). Исследователь отметил, что металлургическая мастерская стояла вдали от прочих построек (Смирнов, 1945, л. 22—27). Таким образом, были подтверждены предположения о наличии здесь ремесленного района металлургов (Хлебникова, 1984, с. 38).

В 1946 г. под руководством Н.Ф. Калинина и З.А. Акчуриной исследовался участок площадью 10×10 м. к западу от “Четыреху-

гольника”. На раскопе впервые для Болгарского городища были зафиксированы остатки хорошо сохранившегося деревянного дома и глинобитной печи XIV в. (Смирнов, 1946, л. 46—47). На данном участке также выявлены остатки слоя X—XI вв. Этот факт позволил ученому утверждать, что указанная территория городища была обитаема уже с X в. (Смирнов, 1946, л. 54).

Таким образом, можно констатировать, что первые годы исследований городища осуществлялись в основном согласно составленному в 1932–1934 гг. Н.Ф. Калининым плану. Поставленные ученым вопросы и обозначенные перспективные направления в некотором роде определили ход дальнейшего изучения памятника. Так, был обследован район цитадели, где зафиксированы наиболее ранние слои городища, открыта линия болгар-

ского водопровода, в области Голландского и Британкина озер выявлены следы гончарного и металлургического производства, произведено обследование фортификационных сооружений, исследован некрополь у Греческой палаты и подтвержден факт существования армянской колонии.

Научная деятельность Н.Ф.Калинина является продолжением и развитием традиции картографирования планиграфического позиционирования объектов городища, представленных в работах его исследователей в XVIII–XIX вв. Его план можно считать наиболее подробной фиксацией объектов с точностью их нанесения возможной для того времени. Особенно значимым его плана можно считать подробность, позволяющую ставить вопросы территориального изучения, внутригородского районирования и сопоставления районов с точки зрения их практической значимости для городской среды.

В период начала исследований в 1930-ые годы мы фактически видим два методических подхода в исследовании территории памятника. Планиграфический метод, который условно можно охарактеризовать работы Н.Ф. Калинина (картографирование внешних проявлений археологизированных объектов и последующая их интерпретация и изучение) и метод стратиграфический (метод А.П. Смирнова и Т.А. Хлебниковой — выстраивание шкалы, позволяющей вести относительное датирование объектов и интерпретацию территории на основе территориального распространения горизонтов и слоев). Стратиграфический подход, вероятно, возобладавал в тот момент, когда накопление сведений путем использования первого метода перестало приносить результаты и требовало проверки при помощи археологического вскрытия и анализа особенностей формирования культурных напластований на разных площадках огромного памятника. К тому же появилась реальная возможность исследований в связи с работами на площадке будущего водохранилища. Несомненно сочетание и переплетение этих подходов в начальный период. В последующем в работах А.П. Смирнова и его коллег мы уже видим смещение акцентов от территориального исследования объектов к анализу археологического контекста формирования культурных слоев объекта (слой, план), на основе которого осуществлялось выстраивание территориальной модели, заполнение недостающих звеньев, закрываю-

щих «белые пятна» на территории в хронологической шкале.

Методика анализа памятника Н.Ф. Калинина несет в себе зачатки построения территориальной модели — на основе картографических сведений определение границ района и его особенностей, а затем выстраивание гипотезы о его назначении, предполагающая последующее уточнение путем полевых археологических раскопок на основе детального стратиграфического анализа культурных слоев изучаемой территории.

Работы Н.Ф.Калинина на данном этапе предвосхищали современные территориальных исследований, с использованием разнообразных неразрушаемых методов, направленных к археологической аналитике территории памятника. Предполагаемые им исследовательские подходы изначально определяли комплексное научное изучение с сознанием необходимости привлечения специалистов разного исследовательского профиля. Таким образом, Н.Ф. Калинин, реализуя свое видение решения исследовательских задач, выступает как исследователь-интерпретатор, автор научных построений на основе пространственного анализа и создания исторической топографии Болгарского городища. Применяемый им анализ археологизированных пространств на объектах с большими территориями, безусловно, для того времени было новаторством, а полученные им данные проведенных исследований сохраняют актуальность и сегодня, привлекаясь к планированию исследований и пространственному анализу территории городища.

Как последний научный секретарь секции археологии и искусства и истинный любитель старины, Николай Филиппович сохранил научные традиции ОАИЭ. Ученый внес значительный вклад в дело музеефикации, охраны и изучения Болгарского городища. Благодаря этой работе был составлен первый пространственный анализ топографии памятника и предпринята попытка реконструкции его планировочной структуры. Многие годы именно работы Н.Ф. Калинина определяли стратегию археологических исследований памятника по изучению монументальных сооружений, локализованных на его планах. Системная работа с полевым материалом, со стратиграфией памятника и талант ученого позволили создать основу для планиграфического анализа городища, востребованного и в современных исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов В.С. К 50-летию создания Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника // Поволжская археология. 2019. № 2(28). С. 189–201.

Баранов В.С., Валеев Р.М., Ситдииков А.Г., Хайрутдинов Р.Р. Древний Болгар в истории и культуре Евразии // Город Болгар: история изучения и сохранения / Отв. ред. А.Г. Ситдииков. М.: Наука, 2021. С. 106–180.

Документы и материалы за разные годы. (Фото, негативы, рисунки; Деловая переписка; Научно-организационная и общественная деятельность; Научная деятельность; Библиотека Н.Ф.Калинина и статьи о нем) / НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф.8 Оп.7. Д.18. 123 л.

Збруева А.В., Смирнов А.П. Археологические исследования на строительстве Куйбышевского гидроузла (1938-1939 гг.) // ВДИ. 1939. № 4 (9). С. 192–202.

Зоря Р.С. К биографии ученого: деятельность Н.Ф. Калинина во 2-й половине 1930-х – конце 1940-х годов // Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х – конец 1940-х годов). Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2021. С. 30–31.

Итоги проверки нумизматов, акты приема, сдачи экспонатов, планы экспозиций, докладные записки и другие материалы периода деятельности Н.Ф. Калинина в Государственном музее Татарской АССР. Т.1. // Архив ИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп.2. ед. хр. 48.193 л.

Калинин Н.Ф. Отчет о командировке в районы Татарии по поручению сектора науки Татнаркомпро-са с 4 по 16 августа 1932 г. по запросу состояния и сохранности исторических памятников и работы музеев. 1932 г. // Архив ИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп.2. ед. хр. 40. 7 л.

Калинин Н.Ф. План археологических работ на Болгарском городище в 1934-1937 гг. // Архив ИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп.1. ед. хр. 16. 16 л.

Калинин Н.Ф. Отчет о раскопках в Казанском Кремле в 1935 г. и материалы к отчету (планы расположения, дневник раскопок) / Архив ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 293.109 л.

Калинин Н.Ф. Акт комиссии осмотра Болгарского городища и его исторических памятников. 1942 г. // Архив ИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 1. ед. хр. 42. 5 л.

Калинин Н.Ф. Альбом зарисовок, выкопировок по болгаро-татарской эпиграфике. Часть III-я. Выполненный тушью Н.Ф. Калининым. 1943 г. // Архив ИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 1. ед. хр. 63. 28 л.

Калинин Н.Ф. План и оглавление к плану Болгарского городища составлен Н.Ф. Калининым. // Архив ИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп.1. ед. хр. 14. 13 л.

Калинин Н.Ф. Судебно-следственные материалы по делу Н.Ф. Калинина в период его работы в Государственном музее Татарской АССР. // Архив ИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп.2. ед. хр. 52. 58 л.

Калинин Н.Ф., Смирнов А.П. Реконструкция болгарской бани XIV в. (Из материалов Куйбышевской экспедиции 1940 г.) // КСИИМК. Вып. XIII. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 26–32.

Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб.: Евразия, 2014. 704 с.

Нестеренко И.М., Ситдииков А.Г. История изучения и сохранения города Болгара // Город Болгар: история изучения и сохранения / Отв. ред. А.Г. Ситдииков. М.: Наука, 2021. С. 35–59.

Носкова О.Л., Розенберг Г.С. История создания Куйбышевского водохранилища // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. Т.14. №1. С. 222–226.

Персова С.Г., Ситдииков А.Г., Хайрутдинов Р.Р. История Болгарского музея-заповедника // Город Болгар: история изучения и сохранения / Отв. ред. А.Г. Ситдииков. М.: Наука, 2021. С. 89–95.

Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань: ГБУ «Республиканский центр мониторинга качества образования», 2014. 767 с.

Руденко К.А. Организации и учреждения археологического профиля в 1917 – начале 1930-х годов в Казанской губернии – ТАССР // Очерки истории отечественной археологии. / Отв. ред. П.Г. Гайдуков, И.В. Тункина. М.: ИА РАН, 2019. Вып. V. С. 277–304.

Ситдииков А.Г. Н.Ф.Калинин – исследователь Болгара // Болгар и проблемы исторического развития Западного Закамья. 60 лет археологического изучения. Итоги, перспективы. Болгар. 1998. С. 13–16.

Ситдииков А.Г., Старостин П.Н. Николай Филиппович Калинин. 1888 – 1959. / Выдающиеся ученые Казанского университета. Казань: Изд-во Казанского университета, 2002. 24 с.

Смирнов А.П. Отчет о раскопках в селе Булгарах Куйбышевского района ТАССР в 1938 году. 1938 г. // Архив ИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 1. ед. хр. 464. 19 л.

Смирнов А.П. Отчет об исследовании городища Великие Болгары в 1945 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д.42. 70 л.

Смирнов А.П. Отчет объединенной Болгарской археологической экспедиции ГИМа, ИИМК АН ССР, Гос.Татарского музея, Казанского филиала АН СССР. 1946 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д.49. 67 л.

Смирнов А.П. Основные этапы истории города Болгара // МИА. № 3. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 302–324.

Фахрутдинов Р.Г. Болгар в письменных источниках // Город Болгар. Очерки истории и культуры. / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 9–33.

Хакимова А.З. Роль краеведческой работы в изучении и популяризации историко-культурного наследия Татарстана в 1920–2000-е гг. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Казань, 2011. 28 с.

Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия, топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры. / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 34–89.

Информация об авторах:

Зоря Роман Станиславович, младший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); romanzorya@bk.ru

Ситдигов Айрат Габитович, доктор исторических наук, декан, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия), начальник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

REFERENCES

Baranov, V. S. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 28 (2), 189–201 (in Russian).

Baranov, V. S., Valeev, R. N., Sitdikov, A. G., Khairutdinov, R. R. 2021. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Gorod Bolgar. Istoriia izuchenii i sokhraneniia (City of Bolgar. History of Study and Preservation)*. Moscow: "Nauka" Publ., 106–180 (in Russian).

Dokumenty i materialy za raznye gody. (Foto, negativy, risunki; Delovaia perepiska; Nauchno-organizacionnaia i obshchestvennaia deiatel'nost'; Nauchnaia deiatel'nost'; Biblioteka N.F.Kalinina i stat'i o nem). Documents and Materials for Different Years. (Photos, Negatives, Drawings; Business Correspondence; Scientific-Organizational and Social Activities; Scientific Activity; N.F. Kalinin's Library and Articles About Him). Kazan. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 8. Inv. 7, dossier 18, p. 123 (in Russian).

Zbrueva, A. V., Smirnov, A. P. 1939. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* 9 (4). 192–202 (in Russian).

Zorya, R. S. 2021. In Sorokina, I. A. (ed.). *Sovetskaia arkheologiya do i posle Velikoi Otechestvennoi voiny (vtoraia polovina 1930-kh – konets 1940-kh godov) (Soviet Archaeology Before and After the Great Patriotic War (Second Half of 1930s – Late 1940s))*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 30–31 (in Russian).

Itogi proverki numizmatov, akty priema, sdachi eksponatov, plany ekspozitsii, dokladnye zapiski i drugie materialy perioda deiatel'nosti N.F. Kalinina v Gosudarstvennom muzee Tatarskoi ASSR (Results of a Check by Numismatists, Acts of Acceptance and Delivery of Exhibits, Plans of Expositions, Memoranda and Other Materials from the Period of N.F. Kalinin's Work at the State Museum of the Tatar ASSR). 1. Archive of the Institute for Language, Literature and History. F. 8, inv. 2, dossier 48, p. 193 (in Russian).

Kalinin, N. F. 1932. *Otchet o komandirovke v raiony Tatarii po porucheniiu sektora nauki Tatnarkomprosa s 4 po 16 avgusta 1932 g. po zaprosu sostoianii i sokhrannosti istoricheskikh pamiatnikov i raboty muzeev. (Report on a Business Journey to the Regions of Tataria on Behalf of the Science Sector of the Tatnarkompros from 4 to 16 August 1932 at the Request to Identify the Condition and Preservation of Historical Monuments and the Operation of Museums.)*. Archive of the Institute for Language, Literature and History. F. 8, inv. 2, dossier 40, p. 7 (in Russian).

Kalinin, N. F. *Plan arheologicheskikh rabot na Bolgarskom gorodishche v 1934-1937 gg. (Plan of Archaeological Works at Bolgar Fortified Settlement in 1934-1937.)*. Archive of the Institute for Language, Literature and History, fund 8, dossier 1, Unit 16, p. 16 (in Russian).

Kalinin, N. F. *Otchet o raskopkakh v Kazanskom Kremle v 1935 g. i materialy k otchetu (plany raspolozheniia, dnevnik raskopok) (Report on the Excavations in the Kazan Kremlin in 1935 and Materials for the Report (Layouts, Excavation Logbook))*. Archive of the Institute for Language, Literature and History. F. 8, inv. 1, dossier 293 (in Russian).

Kalinin, N. F. 1942. *Akt komissii osmotra Bolgarskogo gorodishcha i ego istoricheskikh pamiatnikov (Act of the Commission for the Inspection of Bolgar Fortified Settlement and its Historical Monuments)*. Archive of the Institute for Language, Literature and History. F. 8, inv. 1, dossier 42, p. 5 (in Russian).

Kalinin, N. F. 1943. *Al'bom zarisovok, vykopirovok po bulgaro-tatarskoi epigrafike. Chast' III-ia. Vypolnennyi tush'iu N.F. Kalininyam (Album of Sketches and Copies of Bulgar-Tatar Epigraphics. Part III. Made in Drawing Ink by N.F. Kalinin)*. Archive of the Institute for Language, Literature and History. F. 8, inv. 1, dossier 63, p. 28 (in Russian).

Kalinin, N. F. *Plan i oglavlenie k planu Bolgarskogo gorodishcha sostavlenn N.F. Kalininyam (The Plan and Table of Contents for the Plan of Bolgar Fortified Settlement was Compiled by N.F. Kalinin)*. Archive of the Institute for Language, Literature and History, fund 8, dossier 1, Unit 14, p. 13 (in Russian).

Kalinin, N. F. *Sudebno-sledstvennye materialy po delu N.F. Kalinina v period ego raboty v Gosudarstvennom muzee Tatarskoi ASSR. (Forensic Materials for the Case of N.F. Kalinin During His Work at the State Museum of the Tatar ASSR)*. Archive of the Institute for Language, Literature and History, fund 8, dossier 2, Unit 52, p. 58 (in Russian).

Kalinin, N. F., Smirnov, A. P. 1946. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 13. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 26–32 (in Russian).

Klein, L. S. 2014. *Istoriia rossiiskoi arkhologii: ucheniia, shkoly i lichnosti (History of Russian Archaeology: Teachings, Schools and Personalities)* 1. Saint Petersburg: "Evraziia" Publ. (in Russian).

Nesterenko, I. M., Sitdikov, A. G. 2021. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Gorod Bolgar. Istoriia izucheniia i sokhraneniia (City of Bolgar. History of Study and Preservation)*. Moscow: "Nauka" Publ., 35–59 (in Russian).

Noskova, O. L., Rozenberg, G. S. 2015. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 14, no. (1). 222–226 (in Russian).

Persova, S. G., Sitdikov, A. G., Khairullin, R. R. 2021. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Gorod Bolgar. Istoriia izucheniia i sokhraneniia (City of Bolgar. History of Study and Preservation)*. Moscow: "Nauka" Publ., 89–95 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2014. *Istoriia arkhologicheskogo izucheniia Volzhskoi Bulgarii (X – nachalo XIII v.) (History of Archaeological Studying of Volga Bulgaria (10th — the Beginning of the 13th Century))*. Kazan: "Shkola" Publ.

Rudenko, K. A. 2019. In Gaidukov, P. G., Tunkina, I. V. (eds.). *Ocherki istorii otechestvennoi arkhologii (Essays on the History of Russian Archaeology)* V. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 277–304 (in Russian).

Sitdikov, A. G. 1998. In *Bolgar i problemy istoricheskogo razvitiia Zapadnogo Zakam'ia. 60 let arkhologicheskogo izucheniia. Itogi, perspektivy (Bolgar and the Issues of the Historical Development of the Western Trans-Kama Region. 60 Years of Archaeological Study. Results, Prospects)*. Bolgar, 13–16 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Starostin, P. N. 2002. *Nikolai Filippovich Kalinin 1888 – 1959. (Nikolay Philippovich Kalinin 1888 – 1959.)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

Smirnov, A. P. 1938. *Otchet o raskopkakh v sele Bulgarakh Kuibyshevskogo raiona TASSR v 1938 godu. (Report on Excavations at Bulgary Village of the Kuibyshev District of the TASSR in 1938)*. Archive of the Institute for Language, Literature and History, fund 8, dossier 1, Unit 464, p. 19 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1945. *Otchet ob issledovanii gorodishha Velikie Bolgary v 1945 g. (Report on the Study of Great Bolgar Fortified Settlement in 1945)*. Archive of the Institute of Archaeology of the RAS, Fund 1. R-1, dossier 42, p. 70 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1946. *Otchet obedinennoi Bolgarskoi arkhologicheskoi ekspeditsii GIMa, IIMK AN SSR, Gos. Tatarskogo muzeja, Kazanskogo filiala AN SSSR. 1946 g. (Report of the Joint Bolgar Archaeological Expedition of the State Historical Museum, the Institute of History and Culture of the Academy of the USSR Sciences, the State Tatar Museum, and the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences. 1946)*. Archive of the Institute of Archaeology of the RAS, Fund 1. R-1, dossier 49, p. 67 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1954. In *Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 3. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 302–324 (in Russian).

Fakhrutdinov, R. G. 1987. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 9–33 (in Russian).

Khakimov, A. Z. 2011. *Rol' kraevedcheskoi raboty v izuchenii i popularizatsii istoriko-kul'turnogo nasledii Tatarstana v 1920–2000-e gg. (The Role of Regional Natural History Work in the Study and Popularization of the Historical and Cultural Heritage of Tatarstan in the 1920s – 2000s.)* Thesis of Candidate of doctor of Historical Sciences. Kazan (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1987. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 34–89 (in Russian).

About the Authors:

Zorya Roman S. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; romanzorya@bk.ru

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2021 г.

Статья принята к публикации 01.02.2021 г.

Авторы внесли равноценный вклад в работу.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АК – археологическая культура.
АКПШК – ананьинская культура гребенчато-шнуровой керамики
АКИО – Ананьинская культурно-историческая область (общность)
АлтГУ – Алтайский государственный университет
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик.
АО – Археологические открытия
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
АТССР – Автономная Татарская Советская Социалистическая Республика
АЭМК – Археология и этнография Марийского края
БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
БУК УР «Национальный Музей УР» – Бюджетное учреждение культуры Удмуртской Республики
«Национальный музей Удмуртской Республики имени К.Герда»
БФАН СССР – Башкирский филиал Академии наук СССР
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВВК АКИО – вятско-ветлужская культура ананьинской культурно-исторической области
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры.
ГБУК НО НГИАМЗ – государственное бюджетное учреждение культуры Нижегородской области
«Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник»
ГИМ – Государственный исторический музей.
ГИС – Геоинформационные системы
ГОМ – Горьковский областной музей
ГЭ – Государственный Эрмитаж
И.Р.Г.О. – Императорское Русское географическое общество
ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ
ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР
ИА НАН Украины – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАИАИАНД – Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов.
ИАК — Императорская Археологическая комиссия
ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИИ АН РТ – Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ
ИИКНП – Институт истории и культуры народов Приуралья
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН
ИИЯЛ УФИЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН
ИКАЭЭ – Ирендыкская комплексная археолого-этнографическая экспедиция
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
ИЯЛИ КарНЦ РАН – Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН
ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории КФАН СССР
КАМ – кельт акозинско-меларский.
КарНЦ РАН — Карельский научный центр РАН
КАЭ ПГУ – Камская археологическая экспедиция Пермского государственного университета
КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция
КГУ – Казанский государственный университет.
КМЗ КОК – Костромской музей заповедник. Костромской областной краеведческий
КНЦ УрО РАН – Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.-Л.
КТК – культура текстильной керамики
КФАН СССР – Казанский филиал Академии наук СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МАВГР – Материалы по археологии восточных губерний России
МАВДС – Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград.
МАД – Материалы по археологии Дагестана. Махачкала.
МАИАСК – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма (Причерноморья). М.; Тюмень, Нижневартовск.
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории, этнографии Таврии. Симферополь.
МарГУ – Марийский государственный университет
МарНИИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

МАЭ – Марийская археологическая экспедиция
МГАИМК — Материалы ГАИМК
МГУ – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАД – Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов-на-Дону.
МИАР — Материалы и исследования по археологии России
МИКВАЭ – Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции
МИКСП – Музей истории и культуры Среднего Прикамья
МЧК – могильники черняховской культуры. М.
НА ИИМК РАН. РО — Научный архив ИИМК РАН. Рукописный отдел
НАВ – Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
НИЦИА Бегазы-Тасмола – ТОО "Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола»
НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан
НМ УР – Национальный музей Удмуртской Республики
НОА ИА РАН – Научно-отраслевой архив Института археологии РАН
НФ МА ИА АН РТ – Научный фонд Музея археологии Республики Татарстан ИА АН РТ.
ОАВЕС — Отдел археологии Восточной Европы и Сибири
ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете.
ОАК – Отчеты Императорской археологической комиссии. СПб.; Пг.
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
Оп. – опись
ПГУ – Пермский государственный университет
ПКИО – пьяноборская культурно-историческая общность
ПМК АКЦИО – постмаклашевская культура ананьинской культурно-исторической области
РА – Российская археология. М.
РАН – Российская академия наук
РЖВ – ранний железный век
РИО БашГУ – редакционно-издательский отдел Башкирского государственного университета
РПЦ – Русская православная церковь
РСМ – Раннеславянский мир. М.; Вологда.
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников
СамГУ – Самарский государственный университет
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СЭ – Советская этнография
ТАССР – Татарская Советская Социалистическая Республика.
ТатЦИК – Татарский Центральный исполнительный комитет.
ТНКП (Татнаркомпрос) – Татарский народный комиссариат просвещения.
УАВ – Уфимский археологический вестник. Уфа.
УАССР – Удмуртская Автономная Советская Социалистическая республика
УдГУ – Удмуртский государственный университет
УЗФАН – Узбекистанский филиал АН СССР
УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
УПАСК – Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых.
УрГУ – Уральский университет
УрО АН СССР – Уральское отделение АН СССР/РАН
УрО РАН – Уральское отделение Российской Академии Наук
Ф. – фонд
ФТИ УрО РАН – Физико-технический институт Уральского отделения РАН
ЦМ – Центральный музей ТАССР (с 1944 г – Государственный музей, ГМ).
ЧелГУ – Челябинский государственный университет
ААН – Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
СМҮА – Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу:

<https://www.evrazstep.ru/avtoram>

Порядок приема материалов

№ 1 (февраль) – не позднее 1 декабря

№ 2 (апрель) – не позднее 1 февраля текущего года

№ 3 (июнь) – не позднее 1 апреля текущего года

№ 4 (август) – не позднее 1 июня текущего года

№ 5 (октябрь) – не позднее 1 августа текущего года

№ 6 (декабрь) – не позднее 1 октября текущего года

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

All information for authors concerning the submission of papers, the procedure of their examination, review, instructions and recommendations for the execution of materials, issues regulating the communication between the author and the publisher are provided on the journal's website at:

<https://www.evrazstep.ru/avtoram>

Manuscripts shall be submitted by the following dates:

Vol.1 (February) – not later than December 1 of the current year

Vol.2 (April) – not later than February 1 of the current year

Vol.3 (June) – not later than April 1 of the current year

Vol.4 (August) – not later than June 1 of the current year

Vol.5 (October) – not later than August 1 of the current year

Vol.6 (December) – not later than October 1 of the current year

Manuscripts not meeting the specified requirements in terms of execution shall not be examined by the editorial board!

These instructions come into effect since their publication in the journal and on the journal's website.

Журнал основан в мае 2017 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77– 79080

от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором

Оригинал–макет – *А. С. Беспалова*

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Дата выхода в свет 30.04.2021 г. Формат 60×84 1/8

Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 40,8

Тираж 1000 экз. Первый завод 100 экз. Заказ №

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии "Orange Key"

г. Казань, ул. Галактионова, 14



